

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Институт археологии им. А.Х.Маргулана
Казахстанское археологическое общество**

Байпаков К.М.

Древняя и средневековая урбанизация Казахстана

(по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции)

Книга I

**Урбанизация Казахстана
в эпоху бронзы – раннем средневековье**

Алматы, 2012

УДК
ББК
Б

*Рекомендовано к печати
Ученым Советом Института археологии им. А.Х.Маргулана*

Ответственный редактор

Б.Е.Кумеков

Академик НАН РК,
доктор исторических наук, профессор

Научный редактор

Т.В.Савельева,

доктор исторических наук

Рецензенты

Д.А.Воякин, кандидат исторических наук
Р.Х.Сулейманов, доктор исторических наук

Б Байпаков К.М. Древняя и средневековая урбанизация Казахстана (по материалам исследований Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции). Книга I. Урбанизация Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Алматы, 2012. – 390 с., илл. На обложке изображена монета VIII в. чеканенная в Отраре, во владении тюрок-кангаров. Увеличена в два раза.

ISBN

Книга посвящена развитию городской культуры древнего и средневекового Казахстана в эпоху бронзы – раннем средневековье. Она базируется на материалах Южно-Казахстанской Комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ), которая работает на территории Казахстана более 40 лет.

В книге рассматриваются история исследований ЮККАЭ, новые методы исследований и динамика становления и развития урбанизации в диапазоне от эпохи бронзы до раннего средневековья. Книга рассчитана на специалистов археологов, историков, преподавателей, студентов, аспирантов, всех, кто интересуется историей.

Б

ББК

ISBN

© Байпаков К.М., 2012
© Институт археологии МОН РК, 2012
© Казахстанское Археологическое Общество

*Посвящаю светлой памяти
моих учителей, выдающихся ученых
Кималя Акишевича Акишева,
Вадима Михайловича Массона*

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава I. СТЕПНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА	12
Глава II. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ УРБАНИЗАЦИИ КАЗАХСТАНА.....	26
Начальный этап изучения Отрара	27
В.В.Бартольд и Туркестанский кружок любителей археологии	28
Изучение Отрартобе и памятников Отрарского оазиса в 1917-1991 гг.	31
Археология в независимом Казахстане	51
Глава III. НОВЫЕ МЕТОДЫ ДОКУМЕНТАЦИИ	59
Отрар и Отрарский оазис: документация и историческая география.....	59
Борижарский могильник	66
Характеристика ирригационных систем	76
Глава IV. ОТ ПОСЕЛЕНИЙ К ПРОТОГОРОДАМ И ГОРОДАМ	93
Поселения и протогорода Евразии.....	93
Протогорода эпохи бронзы в Урало-Казахстанских степях.....	97
Поселение Кент	105
Северный Тегискен – некрополь эпохи поздней бронзы в Приаралье	109
Культы и обряды.....	115
Глава V. УРБАНИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В ЭПОХУ РАННИХ ГОСУДАРСТВ САКОВ, УСУНЬ, ДИНЛИН, КАНГЮЙ	118
Саки и Сакское государство	118
Государство Усуней	133
Оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу, начало градостроительства	139
Государство Кангюй и кангюйская проблема, поселения и города	163
Святылище и храмы	200
Глава VI. УРБАНИЗАЦИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В VII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ IX в.	212
Локализация городов Южного Казахстана и Приаралья	212
Типология и застройка городов: цитадели и дворцы, кварталы и городское жилище, замки, культовые постройки	228
Культовые и погребальные постройки.....	284
Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город	305
Религии и культы	353
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	372
ҚОРЫТЫНДЫ	378
CONCLUSION	384

Введение

В 2011 г. Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ) Института археологии Национальной Академии наук Республики Казахстан провела свой сороковой юбилейный полевой сезон, а первый состоялся в 1971 г.

Экспедиция была создана по решению Президиума Академии наук Казахской ССР в Отделе археологии Института истории, археологии и этнографии им Ч.Ч.Валиханова (ИИАЭ).

Перед ЮККАЭ была поставлена задача изучения древней и средневековой истории Казахстана по данным исследований археологических памятников региона.

Основными объектами исследований и раскопок стали городище Отрартобе и памятники Отрарского оазиса: Кок-Мардан, Пшук-Мардан, Костобе, Пшакшитобе, Куйрыктобе, Алтынтобе, Мардан-Куик (Коныртобе), Жалпактобе; некрополи: Кок-Мардан, Мазраты Мардана, Толтокай, Конуртобе; городища Шойтобе, Туркестан, Сауран, Жангыстам; некрополь Шага в Туркестанском оазисе; некрополь Борижары и Караспан на Арыси; поселения и городища на южных и северных склонах Каратау: Культобе, Ран, Кыркызтобе; памятники палеолита Южного Казахстана, некрополи и могильники эпохи бронзы, петроглифы Каратау.

От работ ЮККАЭ научная и широкая общественность Казахстана и тогдашнего СССР ожидали многого. Сейчас можно с уверенностью сказать, что были сделаны яркие открытия, в том числе и выдающиеся, получены уникальные комплексы материалов. И, главное, доказано, что Казахстан издревле был не только страной кочевников, но и страной городов, и что урбанизация Казахстана, городская и оседло-земледельческая культуры были известны здесь издревле. Скотоводство, в том числе и кочевое, оседлая и городская жизнь составили социально-экономическую и культурную основу племен и народов – предков казахов, создавших степную цивилизацию, в которой присутствовали синтез культур оседлой и кочевой, степи и города. В недрах этого взаимодействия лежат выдающиеся культурные достижения и этногенез казахов.

На территории Казахстана в эпоху древности и средних веков возникли и существовали государства Саков, Усунь, Кангюй, динлин; Каганаты Западных тюрок, Тюркешей, Карлуков, Кангаров, Огузов, Кимаков, Кыпчаков; Государств Чагатаидов и Золотой Орды, Акорды и Могулистана, Казахского ханства.

Через Казахстан проходил Великий Шелковый путь: путь диалога культур – выдающийся феномен мировой цивилизации.

Возглавил ЮККАЭ выдающийся ученый, археолог, тогда еще кандидат исторических наук Кималь Акишевич Акишев, прославившийся раскопками сакского некрополя Бесшатыр и кургана Иссык, где было сделано мировое открытие, получившее название «Золотой человек». Впоследствии он стал доктором исторических наук, профессором, членом-корреспондентом

Германского Археологического института, заслуженным деятелем науки, лауреатом Государственной премии Казахской ССР. Именно благодаря его высокому научному непререкаемому авторитету в коллективе экспедиции сложилась атмосфера научного поиска и творчества. Интеллигентный человек, талантливый ученый он был прекрасным организатором, генератором идей, душой экспедиции. Он возглавлял ЮККАЭ до 1991 г. Среди тех, кто начинал и разворачивал работу ЮККАЭ, были К.М.Байпаков, с 1971 г. – заместитель начальника ЮККАЭ, с 1991 г. – начальник ЮККАЭ, кандидаты исторических наук – М.С.Мершиев, Л.Б.Ерзакович, Р.З.Бурнашева, научные сотрудники – Б.Н.Нурмуханбетов, С.М.Ахинжанов, С.М.Жолдасбаев, В.А.Грошев, А.С.Загородний, Ю.И.Трифонов, Т.В.Савельева, кандидат технических наук Э.Ф.Кузнецова, Б.Х.Адилгиреев, А.О.Итенов, Т.М.Тепловодская, Н.Масалыгина, Н.О.Алдабергенов, К.Н.Бурханов. Важную роль в работе ЮККАЭ играл археолог и реставратор В.И.Садомсков, бывший в первые годы и главным хозяйственным организатором ЮККАЭ.

В состав экспедиции в качестве руководителей крупных отрядов были привлечены ведущие исследователи ИИАЭ: кандидаты исторических наук Х.А.Алпысбаев, М.К.Кадырбаев, А.Г.Максимова, Т.Н.Сенигова. В экспедиции работали художники: Т.В.Воробьева (Трифонова), А.Е.Горбатов; архитекторы: Н.П.Егорова, Л.П.Скотникова, Г.В.Громова, Н.А.Никифорова, Н.Х.Имажанов, Т.С.Дошанова, А.Н.Урманова, В.И.Артемьев; реставраторы: В.М.Чарлин, Л.В.Дубровская, Л.Ф.Чарлина. Бессменным фотографом был О.В.Медведев.

В 70-80-е гг. в ИИАЭ и в состав ЮККАЭ влились Ю.А.Мотов, М.С.Касенов, П.Каратаев, М.Б.Ходжаев (М.Кожа), З.Ж.Шарденова, О.В.Кузнецова, С.М.Аитова.

В начале 70-х гг. в экспедиции проходили практику студенты Казахского Государственного университета – Ж.К.Курманкулов, А.К.Акишев, М.А.Нурмагамбетов, Е.А.Смагулов, Ж.К.Таймагамбетов, С.И.Аджигали, Ф.П.Григорьев; Казахского Педагогического института – Б.Аяган; студент Чимкентского педагогического института – А.Н.Подушкин.

После окончания учебы Ж.К.Курманкулов, А.К.Акишев, Е.А.Смагулов, Ж.К.Таймагамбетов были приняты в ИИАЭ, защитили кандидатские и докторские диссертации, продолжали участвовать в исследованиях.

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. XX в. и в первое десятилетие XXI в. в работе ЮККАЭ участвуют Касенов М.С., А.А.Нуржанов, М.М.Нурпеисов, А.С.Грищенко, С.Ш.Акылбек.

Исследования казахстанских археологов уже с первых лет привлекли внимание ученых масштабностью раскопок, новыми подходами в изучении ряда научных проблем. На раскопках Отрара побывали: д.и.н. В.М.Массон, д.и.н. А.М.Беленицкий, д.и.н. Г.А.Федоров-Давыдов, д.и.н. А.А.Аскараров, д.и.н. В.Л.Воронина, д.и.н. Ю.Ф.Буряков, кандидаты исторических наук Н.Б.Немцева, В.Л.Егоров, Л.М.Левина, В.И.Распопова, В.Д.Горячева, В.М.Мокрынин, Д.Ф.Винник, С.Б.Лунина, д.и.н. Б.В.Андрианов. Они положительно оценивали масштабы раскопок Отрара и памятников Отрарского оазиса, проблематику работ, методику исследований.

Если до 1974 г. базой экспедиции был сезонный полевой лагерь вблизи с. Баяльдер, то в 1975 г. в с. Шаульдер – центре Кызылкумского, сейчас Отрарского района была построена стационарная база с жилыми коттеджами, лабораторным корпусом и хранилищем, а в 2002 г. в с. Шаульдер была выстроена новая археологическая база с современной инфраструктурой.

Следует отметить, что огромную помощь в работе экспедиции оказывало руководство ИИАЭ: Вице-президент Отделения общественных наук АН КазССР, директор, академик АН КазССР А.Н.Нусупбеков, зам. директора, член-корреспондент АН КазССР Г.Ф.Дахшлейгер; затем директора, академики АН КазССР Б.А.Тулепбаев, Р.Б.Сулейменов, М.К.Козыбаев.

В 1991 г. Казахстан стал независимым государством – Республикой Казахстан. Возросший интерес народа к своей истории, стремление узнать истоки своей культуры способствовали подъему научных исследований, заполнению белых пятен истории страны и формированию национального исторического самосознания.

В этих условиях в 1991 г. был создан Институт археологии им. А.Х.Маргулана, который возглавил д.и.н. К.М.Байпаков. В 1994-1996 гг., в первые годы независимости в связи с трудностями, связанными с распадом СССР и сложной экономической ситуацией, исследования ЮККАЭ сократились, но уже в 1997 г. работы возобновились, этому способствовали принятые в стране «Концепция исторического сознания», программы, связанные с изучением Великого Шелкового пути, подготовкой юбилеев городов Туркестана и Тараза. Правительством страны в 1998 г. был издан Указ, объявлявший 1998 г. – «Годом Народного единства и Национальной истории». Он стал своеобразным стартом и точкой отсчета в широкомасштабных исторических исследованиях и, главное, новом отношении к Отечественной истории.

В 2004 г. стартовала программа «Ата мұра» – «Культурное наследие» Республики Казахстан, составной частью которой стало археологическое культурное наследие.

В состав ЮККАЭ пришла большая группа молодых археологов: Д.А.Воякин, Д.В.Сорокин, Н.А.Воякина, С.Ш.Акылбек, С.Ахмет, Б.А.Железняков, А.А.Ержигитова, Г.А.Ахатов, Ч.А.Кудабаев, Е.А.Есжан, Е.Ш.Акымбек, А.А.Бисембаев, Р.К.Шербаев.

Следует подчеркнуть, ЮККАЭ возникла не на пустом месте, она продолжила научные исследования и традиции выдающихся российских и советских ученых: Ч.Ч.Валиханова, П.И.Лерха, В.В.Бартольда¹, А.Ю.Якубовского², Г.В.Григорьева³, М.Е.Массона, А.Н.Бернштама⁴.

1 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 гг. // Сочинения. Москва, 1966. Т.IV. С.21-91.

2 Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Москва, 1929. Т.II. С.123-159.

3 Григорьев Г.В. Келесская степь в археологическом отношении // Известия Академии наук КазССР (ИАН) / Серия археологическая. Алма-Ата, 1948. Вып.1. №46. С.47-78.

4 Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936-1948 гг.). Таласская долина. Под общ. Ред. профессора А.Н.Бернштама // Рукопись ИА МОН РК. Алма-Ата, 1949. Ф.2, д.62; Бернштам А.Н. Памятники старины Алма-Атинской области // Известия АН КазССР / Серия археологическая. Алма-Ата, 1948. Вып.1. №46. С.78-91.

В 1946 г. была создана Академия наук Казахской ССР. В ее составе был организован Институт истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова.

В 1946 г. на юге Казахстана работала Центрально-Казахстанская археологическая экспедиция ИИАЭ Академии наук Казахской ССР во главе с членом-корреспондентом, а затем академиком Академии наук Казахской ССР А.Х.Маргуланом. Работы ее охватили районы северных склонов Каратау и низовьев р. Чу⁵.

Однако с полным основанием можно утверждать, что ЮККАЭ стала научной преемницей Южно-Казахстанской археологической экспедиции, организованной ИИАЭ Академии наук Казахской ССР (ЮКАЭ) в 1947 г. и работавшей с перерывами до 1959 г. В 1947-1952 гг. экспедицией руководил профессор А.Н.Бернштам (Ленинградское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР). Активным сотрудником экспедиции был к.и.н. Г.И.Пацевич. Участие в ней принимали студенты исторического факультета Казахского Педагогического института им. Абая и Ленинградского Государственного университета. В разные годы в ее работе участвовали кандидат искусствоведческих наук Л.И.Ремпель (Джамбулский областной историко-краеведческий музей) и И.И.Копылов (Казахский Педагогический институт), а также студент Казахского Государственного университета К.А.Акишев и студент Казахского Педагогического института Н.П.Подушкин.

В 1947-1951 гг. Южно-Казахстанская археологическая экспедиция провела большую разведку с целью составления историко-археологической карты. Маршрут экспедиции: долина р. Арыси от с. Тамерлановки до впадения Арыси в Сырдарью; склоны гор Каратау – от урочища Тамды до перевала Бала Саусандык. Кроме того, к северу от Каратау были обследованы берега реки Чу по границе с пустыней Бетпак-Дала от урочища Тасты на западе до Кызыл-Кургана на востоке. Особое внимание было уделено исследованию Отрара и Отрарского оазиса. Правый берег Сырдарьи был обследован от городища Сыгнак на северо-западе до долины реки Келес на юге. По левому берегу Сырдарьи экспедиция прошла от переправы Уч-Куяк на северо-западе до с. Пахта-Арал на юго-востоке. Была проведена разведка в Бостандыкском районе (по долине р. Чирчика, Коксу и Пскема) от границ Узбекской ССР до города Чимкента вдоль предгорий Пскемского хребта. Был обследован весь правый берег Келеса – от истоков до впадения в Сырдарью⁶. Разведывательные раскопки были проведены на городищах Отрарского оазиса – Куйрыктобе, Алтын-тобе, Мардан-Куик, Пшакшитобе. Исследовались древние караванные пути, ирригационные системы и способы ирригации.

5 *Маргулан А.Х.* Некоторые итоги и перспективы археологического изучения Казахстана // Известия АН КазССР / Серия археологическая. Алма-Ата, 1948. Вып.1. №46. С.3-9; *Маргулан А.Х.* Оседлые поселения VII-XIII вв. на северных склонах Каратау // Известия АН КазССР / Серия археологическая. Алма-Ата, 1948. Вып.1. №46. С.109-115.

6 *Чуйская долина* // Материалы и исследования по археологии СССР (МИА) / Труды Семиреченской археологической экспедиции. Составлены под руководством профессора *А.Н.Бернштама*. Москва-Ленинград, 1950. №14; *А.Н.Бернштам*. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. Москва-Ленинград, 1951. №26.

В 1957-1959 гг. была назначена начальником экспедиции к.и.н. Е.И.Агеева. В составе ЮКАЭ работали Т.Н.Сенигова, Г.И.Пацевич, А.Г.Максимова, Х.А.Алпысбаев, Г.А.Кушаев, Л.И.Ремпель, Н.П.Подушкин, Л.Б.Ерзакович.

В 1957 г. начал свою работу Каратауский палеолитический отряд, возглавляемый Х.А.Алпысбаевым, занимающийся изучением каменного века. За три года работы (1957-1959 гг.) отряда были обследованы террасы рек Шабакты, Беркутты, Ушбас, Бесарык, Караунгур, некоторые пещеры, гроты, скальные навесы. В результате было выявлено более 26 местонахождений орудий каменного века эпохи нижнего палеолита: мустье, верхний палеолит, неолит, мезолит.

В эти же годы были раскопаны могильники Тау-тары (полностью), Кенсай, Капчагай, Кыр-Чебакты, Беркара, расположенные в районе городища Баба-ата, давшие материалы эпохи бронзы и раннего железа; поселение Актобе I-IV в. н.э. Одновременно были обследованы наскальные изображения. Стационарные раскопки на городище Баба-Ата позволили проследить процесс развития оседлого поселения с VI-VII вв. и превращение его в город. Уникальные материалы были получены по средневековой архитектуре и строительству⁷.

Работы на юге Казахстана возобновились в 1966-1967, 1969-1970 гг. коллективами Семиреченской и Отрарской археологических экспедиций, возглавляемых К.А.Акишевым. В результате исследований была пересмотрена хронология некоторых городищ Отрарского оазиса, описаны и продатированы ранее неизвестные и малоизвестные городища. Были организованы раскопки Борижарского могильника.

В 1969 г. Отрарская археологическая экспедиция стала заниматься изучением исторической топографии и стратиграфии древнего Отрара, а также других городищ и поселений Отрарского оазиса и его периферии. Была выполнена теодолитная съемка в крупномасштабном плане центральных развалин Отрара и прилегающего района с остатками сооружений общей площадью 200 га; произведена плановая и перспективная аэрофотосъемка городища Отрар-тобе и памятников оазиса, городищ и поселений Южного Казахстана; организованы поисковые маршруты по южным склонам Каратау и левобережью Сырдарьи.

В 1970 г. экспедиция завершила работы по изучению топографии и стратиграфии древнего Отрара. Обследованы и датированы городища Узгент, Каршигалы, Котан, Кандоз-тобе, Тортьколь-тобе 2, Берчин-тобе, Шага, Шаш-тобе, Карасуан и восемь поселений. Эти работы стали своеобразным прологом к широкомасштабным исследованиям ЮККАЭ, развернувшимся в 1971 г.⁸

В ходе раскопок собраны богатые коллекции керамики, изделий из металла, монет, исследованию и публикации которых посвящены монографии, альбомы, статьи, поставлены и решены многие вопросы археологии и древней истории Казахстана. Коллекции, накопленные ЮККАЭ, стали основой Государственного Отрарского археологического музея-заповедника, открывшегося в с. Шаульдер в 1979 г., который превратился в крупный центр, ведущий важ-

7 Археологические исследования на северных склонах Каратау // Труды института истории, археологии и этнографии (ТИИАЭ) АН КазССР / Археология. Алма-Ата, 1962. Т.14.

8 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

ную работу по сохранению памятников Отрара и Отрарского оазиса, их изучению и пропаганде.

Важный этап в изучении Отрара и памятников оазиса связан с консервацией раскопанных объектов по проекту ЮНЕСКО – Казахстан – Япония «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар» в 2001-2004 гг. В работах принимали участие эксперты из Казахстана, Германии, Великобритании, Японии.

Если в прежние годы консервации уделялось мало внимания, то в это время встал вопрос о консервации и реставрации. За годы реализации проекта была проделана большая работа по документации самого Отрара, памятников оазиса и объектов прежних раскопок⁹.

Своеобразным продолжением этой работы стал проект «Возрождение древнего Отрара». Он был нацелен на раскопки и научные исследования оазиса, а также на консервацию памятников, их музеефикацию и включение в систему местных и международных туристических маршрутов.

Была выполнена очень важная работа по изучению исторической географии Отрарского оазиса, включающая в себя изучение оазиса с использованием новейших методов исследования, анализа топографических карт, космо- и аэрофотоснимков. Такая работа проведена впервые казахстанскими исследователями с помощью новых методов компьютерных технологий.

Исключительно важную роль в развитии научных исследований в археологии, в том числе в исследованиях урбанизации, сыграла Государственная программа «Культурное наследие», инициированная Президентом страны.

Программа, выполнение которой началось в 2004 г., предусматривает не только научные работы, связанные с раскопками памятников, но также консервацию и музеефикацию раскопанных объектов, выпуск научной, научно-популярной литературы, телефильмов, циклов передач о культурном наследии.

Одной из фундаментальных задач программы была ревизия и учет всех памятников археологии, и выпуск томов Свода памятников истории и культуры по областям и районам областей. Это направление успешно развивается.

Благодаря программе стало возможным начать широкие исследования знаковых памятников археологии, прежде всего, большой группы городов на Великом Шелковом пути.

Поскольку в эпоху глубоких социально-экономических преобразований и научно-технического прогресса рост и развитие городов, многоплановый процесс урбанизации приобретают все большее значение в мире и в каждой стране. Изучение урбанизации общества, проблемы города, его внутренней структуры все более привлекают исследователей различных направлений – историков и социологов, экономистов и психологов, архитекторов и культурологов.

Но при всем этом крайне важно знать истоки урбанизации, этапы ее развития в далеком и не очень давнем прошлом.

Благодаря целенаправленным археологическим исследованиям и анализу данных, извлеченных из древних и средневековых разноязычных письменных

⁹ Отрар, Отрар. ЮНЕСКО. Японский целевой фонд «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар». Алматы, 2003.

источников, сейчас можно выделить несколько этапов урбанизации на земле Казахстана.

Период протоурбанизации связан с эпохой бронзы, длившейся со II тыс. до н.э. до начала I тыс. н.э. В археологическом плане культуры этого времени получили название андроновской и бегазы-дандыбаевской.

Первый этап урбанизации связан с эпохой ранних государств на территории Казахстана. Это государства саков Жетысу, саков Приаралья, Усунь в Жетысу, Кангуй с центрами на Сырдарье, государство западных динлинов (Тасмолинская культура) в Центральном Казахстане.

Второй этап урбанизации – это эпоха раннего средневековья VII – первая половина IX в. В политическом отношении это время древнетюркских государств: Тюркского, Западнотюркского, Тюркешского и Карлукского каганатов. Это время перемещения на территорию Жетысу и Южного Казахстана Великого Шелкового пути – одного из важнейших факторов урбанизации.

Третий этап урбанизации связан с эпохой мусульманского Ренессанса, наступившей после вхождения Казахстана в единое культурное пространство, охватывающее территорию от Багдада до Жетысу и Восточного Туркестана на востоке и северо-востоке, до Приаралья и Сары-Арки на севере. Этот период длился с IX до начала XIII в.

Четвертый этап развития городской культуры приходится на XIII – первую половину XV в. Это эпоха монгольской империи и государств: Золотой Орды, Ак Орды и Могулистана.

Пятый этап урбанизации связан с эпохой Казахского ханства, возникшего в 60-е годы XV в. Завершается он временем присоединения Казахстана к России – началом второй половины XIX в.

Накопленные материалы, их анализ вкупе с данными письменных источников позволяют дать развернутую картину динамики урбанизации в древнем и средневековом Казахстане.

Предполагается выпустить три книги, охватывающие весь период и все этапы урбанизации: первая будет посвящена урбанизации от эпохи древности до раннего средневековья; вторая – городам периода развитого средневековья; третья – урбанизации Казахстана эпохи позднего средневековья.

Автор выражает свою глубокую признательность и особую благодарность: Б.Н.Нурмуханбетову, Т.В.Савельевой, С.Ж.Жолдасбаеву, Е.А.Смагулову, Д.А.Воякину, С.Акылбеку, О.В.Кузнецовой, А.А.Нуржанову, З.Ж.Шарденовой, Г.А.Терновой за помощь в подготовке исследования, посвященного истории урбанизации Казахстана.

Также автор благодарен своим зарубежным коллегам Ю.Ф.Бурякову, Р.Х.Сулейманову, Н.Б.Немцевой, В.Д.Горячевой, Ю.Якубову, К.Чанг за их советы.

Глава I

Степная цивилизация Казахстана

Природа. Казахстан – огромная по размерам страна. Она простирается на 3000 км от берегов Каспия на западе до поросших лесом Алтайских гор и на 1000 км от Западно-Сибирской равнины на севере до заоблачных вершин Тянь-Шаня.

На территории Казахстана, которая занимает площадь 2,7 млн. км², могли бы разместиться Италия, Франция, Испания, Португалия, Греция, Швеция, Норвегия и Финляндия вместе взятые.

Здесь проживает свыше 15 млн. человек разных национальностей, среди которых наиболее крупные этносы – казахи, русские, а также татары, немцы, уйгуры, узбеки, корейцы, дунгане и другие.

Казахстан – страна степей, пустынь и полупустынь, плодородных речных долин и гор. На западе Казахстана у берегов Каспийского моря находится впадина Каракия с отметкой 132 м ниже уровня моря, а на юго-востоке взметнулся в небо почти на 7000 м горный массив Хан-Тенгри.

Когда весной на юге Казахстана зацветают сады и начинается сев, на севере еще длится зима. И это понятно, поскольку южные районы страны лежат на широте Стамбула и Мадрида, а северные – на широте Москвы. Казахстан связывает Европу и Азию.

Природа Казахстана разнообразна. Здесь есть и высокие, покрытые вечными снегами горы, и впадины, лежащие ниже уровня океана, холмистые среднегорья и платообразные возвышенности, обширные равнины и низменности. Но преобладает равнинный рельеф. Почти треть площади республики занимают низменности, около половины – равнины и плато, пятую часть – невысокие горы, и десятая доля территории представляет собой высокогорье.

На западе Казахстана находится Каспийское море, на юге республики расположена Туранская равнина, а на севере и северо-востоке – Западно-Сибирская равнина. Они подковой охватывают центральную часть Казахстана, где преобладают холмы и плоскогорья под названием Сары-арка.

На востоке и юго-востоке вдоль границы республики почти непрерывной цепью тянутся хребты Тянь-Шаня, покрытые шапками вечных снегов. На востоке в пределы республики вторгается юго-западная половина Алтайской горной системы. Южные предгорья Алтая спускаются к Зайсанской котловине, где находится крупное озеро Зайсан. С юга к этой котловине подступают горы Тарбагатая и Саура, они отделяют Алакольскую котловину и коридор Джунгарских ворот Джунгарского Алатау.

Алатау в переводе с казахского – «пестрые горы». Они названы так за внешнюю пестроту склонов, обусловленную чередованием голубых тяньшанских елей и ярких цветков разнотравья, синих скал и осыпей, белых участков

снега и льда. С востока на запад протянулись горные хребты Кетмень, Заилийский Алатау, Кунгей и Терской Алатау, Киргизский и Таласский Алатау. Все они, кроме хребта Кетмень, имеют высоту от 4000 до 5000 м и более, а в массиве Хан-Тенгри на границе с Киргизией – 6 995 м.

От западной оконечности Заилийского Алатау на северо-запад ответвляются Чу-Илийские горы высотой до 1294 м, а от Таласского Алатау в том же направлении вдоль Сырдарьи – хребет Каратау высотой до 2176 м.

Тянь-Шаньская горная система до сих пор дает о себе знать. Время от времени здесь ощущаются сейсмические толчки. Особенно памятны землетрясения 1887 и 1911 гг.

Рельеф оказывает большое влияние на формирование климата. Низменности, равнины и межгорные долины удобны для развития земледелия. Горные склоны богаты растительностью и служат прекрасным пастбищем для скота.

Недра гор изобилуют полезными ископаемыми. В Казахстане их обнаружено более 90 видов. Рудный Алтай известен богатыми месторождениями меди, свинца, цинка, золота, олова и редких металлов. Тургайский прогиб славится огромными запасами железных руд. На Эмбенском плато и в Мугоджарах найдена медь, в Прикаспийской низменности и на Мангыстау – медь и минеральные соли. Еще больше в Казахстане цветных металлов. В его недрах сосредоточены огромные запасы меди. Почти все крупные месторождения меди находятся в Сары-арке. Самые богатые из них Жезказганское, Коунрадское и Саякское. Жезказганское месторождение – одно из крупнейших в мире.

Богат Казахстан и нерудными ископаемыми. Наибольшее значение для развития его хозяйства имеет нефть. Вторым по значимости является Экибастузский каменноугольный бассейн.

Территория Казахстана располагается в южной части умеренного пояса, в глубине материка Евразии. От океанов ее отделяет не одна тысяча километров. Климат здесь резко континентальный. Это проявляется в резких колебаниях температуры, сухости воздуха и незначительном количестве осадков. Зима здесь гораздо холоднее, а лето жарче, чем в тех же широтах в других странах.

В формировании климата Казахстана огромную роль играют воздушные массы, приходящие на его территорию с Атлантического океана, из Арктики, Сибири, Ирана и из южных частей Средней Азии. Они приносят с собой тепло и влагу, холод и сушь.

На севере Казахстана зима начинается в октябре-ноябре и продолжается более пяти месяцев до апреля. В январе средняя температура воздуха достигает -18° . К югу зима постепенно смягчается и становится короче. На южных равнинах она длится всего два месяца – с января до марта. Температура в январе здесь уже только -3° , -8° .

Территория Казахстана получает достаточно тепла для вызревания различных сельскохозяйственных культур. На севере теплый период года с температурой выше 0° продолжается в среднем 190 дней. Безморозный период длится здесь 115 дней – с 23 мая по 14 сентября. За это время успевают созреть лучшие сорта пшеницы, многие огородные и бахчевые культуры.

На юге теплый период удлиняется до 180-190 дней: растительность гарантирована здесь от заморозков. Обилие солнца и тепла позволяет выращивать при искусственном орошении рис, хлопчатник, виноград, сахарную свеклу и бахчевые культуры.

Крупных рек в Казахстане немного: протяженностью более 1000 км – Иртыш, Сырдарья, Урал, Ишим, Или, Чу, Талас; от 500 км до 1000 км – Сарысу, Нура, Тургай, Эмба, Иргиз, Уил.

Преобладают реки равнинные и низкогорные. Они текут медленно, русла у них извилистые, долины широкие.

Совершенно иную картину представляют собой реки высоких гор. Они бурные и стремительные. Их питают снега и ледники Алтая, Джунгарского Алатау, северных и западных хребтов Тянь-Шаня. К бассейну Северного Ледовитого океана на территории республики относится речная сеть Иртыша. После бассейна Иртыша наибольшую площадь в Казахстане занимает бассейн Аральского моря. В него впадает самая крупная река в Казахстане – Сырдарья. Слабо развита речная сеть казахстанской части бассейна Каспийского моря. Здесь к ней относится водная система реки Урал.

Между Уралом и Иртышом расположена речная сеть Балхаш-Алакольского бассейна. Основных рек здесь семь: Или, Аксу, Лепсы, Баксан и Сарканд, Коксу и Биен. Отсюда, как полагают некоторые исследователи, и название южной части бассейна – Жетысу (Семиречье).

Казалось бы, из-за сухости климата в Казахстане должно быть мало озер. Однако это не так. В республике насчитывается около 48 тысяч больших и малых озер. Самый огромный в мире замкнутый водный бассейн – Каспийское море, его площадь составляет 371 тыс. м². Территории Казахстана принадлежит большая часть его северных и половина восточных берегов, длина которых достигает 2340 км.

Второе по величине – Аральское море расположено среди пустынь Туранской равнины. Следующее по величине озеро – Балхаш.

В горах южного Алтая на высоте 1434 м лежит самое крупное в Казахстане горное озеро Маркаколь.

Казахстан имеет зональное распространение. На более увлажненном севере находятся лесостепи, южнее, по мере увеличения сухости, следуют степь, полупустыня и, наконец, зона пустыни, на крайнем юге и юго-востоке – горы.

В современной флоре Казахстана более 4750 видов растений: 68 – видов деревьев, 266 – кустарников, 2598 многолетних и 849 однолетних трав.

Основной ландшафтный облик Казахстана создают степи и пустыни. Почти все растения степных и пустынных сообществ ксерофильные, т.е. приспособлены переносить засушливый климат. Они имеют мелкие и узкие листья, часто опушены или покрыты легким восковым налетом, что защищает их от излишнего испарения.

В степях на черноземных почвах преобладают ковыль красноватый, типчак бороздчатый, тонконог стройный, полынь белая, а на поймах рек – костер безостый. В пустыне, где климат наиболее сухой, – биюргун, баялыч или солянка кустарниковая, кокпек. Типичны для пустыни белая и черная полынь.

В высокогорных хребтах луговая растительность более разнообразна, чем на равнине. Здесь в хорошо увлажненных местах лесолугового пояса зеленеют разнотравные луга с высоким (до 1 м) густым травяным покровом. Выше лесного пояса простираются субальпийские и альпийские луга.

Лесов в Казахстане мало, они занимают немногим более 3% площади республики. В последнее столетие с увеличением населения и усилением охоты некоторые животные исчезли, других стало намного меньше. Когда-то по степям бродили табуны диких лошадей (тарпанов) и большие стада куланов, на реках строили свои плотины бобры, а в тростниковых чащах южного Прибалхашья и Сырдарьи властвовал тигр, в тугаях обитал тугайный олень (хангул), обычными были марал, лось, многие виды фламинго, белая цапля, лебеди. В современной фауне 155 видов млекопитающих, 480 видов птиц, 49 видов пресмыкающихся, 11 видов земноводных, около 150 видов рыб и громадное количество беспозвоночных. В Алтайских лесах, борах мелкосопочника и Прииртышья обитает белка. На севере республики многочисленны зайцы.

Из копытных на равнинах встречаются лось, сайга, джейран; в горах – марал, сибирский горный козел и архар; на равнинах и в горах водятся кабан и косуля. Антилопа-сайга является современником мамонта. Маралы теперь встречаются только на Алтае, в Джунгарском Алатау – Терской-Алатау.

По всей территории Казахстана распространены волк, красная лисица и барсук, почти везде живут горностаи и ласка. В лесах высокогорных хребтов еще встречается медведь. Из хищников семейства кошачьих встречаются снежный барс в горах Тянь-Шаня и Алтая и рысь там же, и на Иртыше в ленточных борах.

Равнинный Казахстан обильно населен пресмыкающимися. Ранней весной выходят из своих нор степные черепахи, а летом – степной удав, змея-стрела, степная гадюка и очень ядовитый щитомордник.

В реках и озерах Казахстана своя фауна. В Каспийском море обитает представитель ластоногих – каспийский тюлень, из рыб водятся белуга, осетр, севрюга, шип, много сельди, кильки, судака, леща. В Аральском море кроме этих рыб еще обитают усач, жерех. В реках и не промерзающих до дна озерах обычны щука, окунь, карась, плотва, чебак, пескарь. В горных озерах и реках встречаются форель, таймень, хариус и нельма.

В фауне Казахстана преобладают перелетные птицы. С весны по озерам и рекам оседают стаи водоплавающих: серый гусь, пеганки, кряква, серая утка, широконоска, савка, шилохвость, чирок-свистунок, огарь. В тростниковых зарослях устраиваются выпь, серая и белая цапли.

В Казахстане насчитываются десятки видов хищных птиц. Это беркут, степной лунь, орлан-долгохвость, скопа, черный коршун и сокол-чеглок.

Было отмечено, что Республика Казахстан находится в центре Азии. Большую часть ее территории занимают низменности и равнины, окаймленные на востоке и юго-востоке горными хребтами Алтая, Тарбагатая, Джунгарского, Заилийского, Киргизского и Таласского Алатау. В Казахстане отчетливо выражена смена широтных ландшафтных зон; лесостепной, степной, полупустынной и пустынной. Главная характерная черта климата Казахстана – резкая континентальность и засушливость.

Разнообразие природных зон и ландшафтов послужило причиной возникновения степной цивилизации и развития различных типов хозяйства у населения, начиная уже с глубокой древности, что во многом определяло специфику формировавшихся здесь культур. Одной из таких важнейших особенностей является тесное взаимодействие населения земледельческих оазисов и скотоводческой степи¹.

Реконструкция взаимоотношений земледельцев и скотоводов во многом зависит от накопления археологических данных, полученных в результате раскопок поселений и городищ оседлого населения, стойбищ и курганных могильников кочевников.

Научные археологические исследования в Казахстане начались свыше 140 лет тому назад. Первые раскопки, интерпретация археологического материала, восстановление исторической картины жизни в древности и средневековье связаны с именами В.В.Радлова, П.И.Лерха, В.В.Бартольда.

В советское время на территории Казахской ССР работали археологические экспедиции, руководимые А.Х.Маргуланом, М.Е.Массоном, С.П.Толстовым, М.П.Грязновым, С.С.Черниковым, А.Н.Бернштамом, Е.М.Агеевой, К.А.Акишевым, М.К.Кадырбаевым, А.М.Оразбаевым, Е.Е.Кузьминой, С.С.Сорокиным, Х.А.Алпысбаевым, Ф.Х.Арслановой, Г.В.Кушаевым, С.М.Ахинжановым, Л.Б.Ерзаковичем, К.М.Байпаковым, С.Ж.Жолдасбаевым, Г.Б.Здановичем, З.С.Самашевым, Ж.К.Курманкуловым, Ж.К.Таймаганбетовым, Б.Н.Нурмаханбетовым, Т.В.Савельевой. Интенсивные доисследования памятников в независимом Казахстане были развернуты археологами К.А.Акишевым, К.М.Байпаковым, Б.Н.Нурмухамбетовым, С.Ж.Жолдасбаевым, З.С.Самашевым, Ж.К.Курманкуловым, Ж.К.Таймагамбетовым, Т.В.Савельевой, В.В.Евдокимовым, В.В.Варфоломеевым, А.Н.Подушкиным, М.Е.Елеуовым, В.Ф.Зайбертом, М.К.Хабдулиной, А.З.Бейсеновым, А.А.Бейсенбаевым, М.Н.Садыковым, М.Кожой, А.Е.Астафьевым, Д.А.Воякиным, Б.А.Байтанаевым, А.Онгаром, Э.Р.Усмановой².

В результате деятельности перечисленных ученых были получены археологические материалы, выделены археологические комплексы, которые позволяют ставить и решать ряд вопросов и, в первую очередь, культурно-генетические и цивилизационные.

- 1 *Аболин Р.И.* От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри: геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа Казахской АССР // Труды Института почвоведения и геоботаники САГУ. Ленинград, 1930. Вып.5. Часть 1; Казахстан. Общая физико-географическая характеристика. Москва-Ленинград, 1950; Степи Центральной Азии. Новосибирск, 2002; Казахстан // Природные и естественные ресурсы СССР. Москва, 1969; Национальный Атлас Республики Казахстан / Природные условия и ресурсы. Алматы, 2006. Т.1.; Национальный Атлас Республики Казахстан / Социально-экономическое развитие. Алматы, 2006. Т.2.; Национальный Атлас Республики Казахстан / Окружающая среда и экология. Алматы, 2006. Т.3.
- 2 Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. С.9-26; *Акишев К.А.* Археология в Казахстане за советский период // Советская археология (СА). Москва, 1967. №4. С.62-78; *Байпаков К.М.* Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946-1962 гг. // СА. Москва, 1964. №2. С.244-250; *Савельева Т.В.* Обзор литературы по археологии Казахстана (1963-1972 гг.) // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.207-222; *Байпаков К.М.* Историография древнего и средневекового Казахстана (Из истории изучения археологических памятников Казахстана). Проблемы археологии и их разработки // История исследования культуры Казахстана. Алматы, 1997. С.19-46; Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана 20 лет (1991-2011) // Сборник научных статей, посвященных 20-летию независимости Казахстана. Алматы, 2011.

Археологические памятники Казахстана отражают такую особенность культурогенеза, как взаимодействие различных традиций на самых разных его уровнях – эпохальном, региональном и локальном.

Культурное многообразие имеет в Казахстане древнюю традицию. Так, уже в эпоху нижнего палеолита определились две основные области формирования культуры древнего человека. Выделяются и два направления в развитии нижнепалеолитических культур. Чопперы Каратау сближаются с каменными орудиями из районов Юго-Восточной Азии, тогда как каменная индустрия северных районов Казахстана развивается иначе³.

Роль и значение Казахстана усиливаются вместе с открытием металлодобычи и металлургии, наступлением энеолита и бронзового века, с формированием андроновской пастушеско-земледельческой культурной общности.

В энеолитическое время в казахстанской степи и лесостепи наблюдается переход от охоты и собирательства к производящим формам экономики, к земледелию и скотоводству⁴.

Скотоводство, точнее коневодство, было основной формой хозяйства у населения энеолитического поселения Ботай в Петропавловском Прииртышье, существовавшем во второй половине III в. до н.э. Сейчас археологами открыта большая группа поселений, относящихся к своеобразной «ботайской» культуре.

Жители коневодческих поселений обитали в полужемлянках, стены которых были сделаны из битой глины, кровли сооружались из стволов деревьев и веток, засыпанных слоем земли⁵.

Скорее всего, в это время механизм взаимодействия северных земледельческих культур Казахстана и оседлых земледельческих культур Средней Азии носил характер культурных взаимовлияний и контактов. Видимо, в результате таких контактов, особенно усилившихся в пору Намазга V-VI, на юге Средней Азии распространяется коневодство и верблюдоводство⁶. В свою очередь из Средней Азии казахстанскими племенами была заимствована техника сооружения стен жилищ из битой глины.

Как сейчас устанавливается, скотоводство до своего перехода к кочевой форме прошло в своей эволюции два этапа⁷. Первый этап (XVII-XV вв. до н.э.) – период ранней бронзы – характеризуется такой формой скотоводства,

3 *Алтысбаев Х.А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979. С.187-188; *Таймагамбетов Ж.К.* Палеолитическая стоянка им. Ч.Ч.Валиханова. Алматы, 1999; *Деревянко А.П., Петрин Ж.К., Таймагамбетов Ж.К. и др.* Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. Новосибирск, 2000.

4 *Таймагамбетов Ж.К., Ожерельев Д.В.* Позднепалеолитические памятники Казахстана. Алматы, 2009.

5 *Зайберт В.Ф.* Раскопки поселения Ботай // Археологические открытия (АО) 1981 г. Москва, 1983. С.438-439; *Зайберт В.Ф.* Энеолит Урало-Иртышского Междуречья. Петропавловск, 1993; *Зайберт В.Ф.* Ботайская культура. Алматы, 2009; *Калиева С.С.* Поселение Кожай 1. Алматы, 1998.

6 *Кузьмина Е.Е.* Распространение коневодства и культ огня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. Москва, 1977. С.35-36; *Кузьмина Е.Е.* Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместики бактриана // С.А. Москва, 1963. №2. С.38-46; *Кадырбаев М.К.* Скотоводство (историко-археологический очерк) // Хозяйство казахов на рубеже XIX-XX вв. Алма-Ата, 1980. С.46-49.

7 *Акишев К.А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С.31-46.

которая называется оседлой, придомной, пастушеской. Для нее заметно преобладание в стаде крупного рогатого скота.

На втором этапе (XIV-XI вв. до н.э.) – периоде средней бронзы наблюдается изменения в составе стада. Среди археологического материала, обнаруженного при раскопках поселений, увеличивается количество костей лошади и овцы – животных, приспособленных к самодобыванию корма и длительным переходам. Еще раньше человек приучил к верховой езде коня. Благодаря возможности быстрого передвижения, люди сумели включить в сферу своей деятельности обширные пространства степей и полупустынь, что вызвало рост поголовья скота. Придомное скотоводство переросло в яйлажное, при котором пастбища делятся на зимние и летние.

В целом в этот период хозяйство племен, населявших Казахстан, оставалось скотоводческо-земледельческим.

По археологическим материалам хорошо известна культурная общность степных племен, оставивших археологические памятники – поселения и могильники. На обширных пространствах Казахстана и Средней Азии складывается андроновская региональная культура, для которой характерны такие общие признаки, как скотоводческо-земледельческая экономика; развитие горного дела, металлургии и металлообработки бронзы, сходный облик материальной культуры, обряд погребения, близкие идеологические представления.

В рамках андроновской культурной общности выделяется ряд локальных вариантов – центрально-казахстанский, восточно-казахстанский, семиреченский, тазабагыябский, кайракумский и другие.

В эпоху бронзы возникают и взаимодействуют такие явления, как накопление богатств, усиление социального и имущественного неравенства, военное дело и войны. В это время была освоена двухколесная колесница, запряженная лошадьми и, возможно, верблюдами. Из рядовой массы воинов выделяется высший слой, своеобразная военная аристократия. Раскопанные захоронения колесничих и изображения колесниц в петроглифах – яркое тому свидетельство⁸. Вопрос о месте происхождения колесниц не решается однозначно. Родиной их считают евразийские степи и Восточное Средиземноморье, но в любом случае быстрое распространение этого грозного оружия подтверждает существование широких контактов и связей⁹.

Можно привести достаточно много и других доказательств таких взаимодействий на примере распространения отдельных артефактов в той, либо иной зоне. Так, в Шамшинском кладе из Семиречья, датированном поздней бронзой, среди типично местных изделий была найдена булавка с ажурной головкой в виде прямоугольника, три вершины которого заканчивались парами круглых

8 Генинг В.Ф., Зоанович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992. Т.1. С.144-147; Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Сочинения. Алматы, 1998. Т.1.; Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 2002; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи северного Тегискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. Москва, 2001; Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский. Факты и параллели. Караганда-Лисаковск, 2005.

9 Горелик М.В. Боевые колесницы Переднего Востока III-II тыс. до н.э. // Древняя Анатолия. Москва, 1985. С.200; Новоженев В.А. Чудо коммуникации и древний колесный транспорт Евразии. Алматы, 2012.

шишечек – этот тип украшений был характерен для культуры земледельцев южных районов Средней Азии с III тыс. до начала I тыс. до н.э. (могильник Янги-кала и Сумбар в Туркмении)¹⁰.

В свое время исследователи обратили внимание на группу кубкообразных сосудов эпохи поздней бронзы из Казахстана, представленных единичными экземплярами (Дандыбай, Тау-тары, Тегискен). Сосуды типа кубков широко представлены в керамических комплексах древнеземледельческих культур с периода Намазга IV до Намазга VI¹¹, т.е. раньше, чем в Казахстане. Все это позволяет считать, что лепные кубкообразные сосуды в степной зоне евразийских степей, в том числе и в Казахстане, появились как имитация южно-среднеазиатских кубков и ваз, сделанных на гончарном круге¹². В то же время в результате усилившихся контактов степных и южных племен вследствие продвижения группы степных племен на юг в поселениях Южного Туркменистана и Афганистана распространяется посуда, характерная для андроновской культурной общности¹³.

Особенно ярко взаимовлияния видны на материалах могильника Северного Тегискена.

Монументальные погребальные сооружения Тегискена по своим планировочным особенностям близки каменным мавзолеям периода поздней бронзы Центрального Казахстана (Бегазы-Дандыбай). Аналогична дандыбай-бегазинской и керамика мавзолеев. Вместе с тем при постройке тегискенских усыпальниц использована среднеазиатская строительная традиция сырцово-архитектуры. Заимствованной с юга является и круговая керамика.

Важнейшим событием мировой истории было сложение раннекочевнических культур¹⁴, генетически связанных с эпохой бронзы и являющих собой эпохальный тип культуры.

Появление кочевников в степях и плоскогорьях Евразии знаменовало наступление новой исторической эпохи.

Местом, где формировались культуры ранних кочевников, является великий пояс степей, простирающийся в широтном направлении от среднего Дуная до Китайской земледельческой равнины, включая в себя пустыни Туркмении, Казахстана, Гоби и Такламакан. В меридиональном направлении этот пояс как бы разрезан на три части отрогами Алтая и Тянь-Шаня, Уралом и Каспийским морем (Монгольские, Казахстанские и Причерноморские степи).

В азиатской части пояса степей сформировалась региональная культурная общность, включающая в себя ряд локальных культур: тасмолинская Центрального Казахстана; саков и кангюев Южного Казахстана; саков и усу-

10 Кузьмина Е.Е., Кожомбердиев И.К. Шамшинский клад // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982. С.16-17.

11 Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. Москва, 1959. №73. Табл. I, 16, 18, 20; Табл. VII, 1-3; Табл. IX, 3.

12 Кузьмина Е.Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы в Средней Азии // В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.16-24.

13 Мандельштам А.Н. Памятники степного круга эпохи камня и бронзы в Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Ленинград, 1966. С.239-243.

14 Термин и понятие «ранние кочевники» были впервые введены в научный оборот М.П. Грязновым // История СССР (макет) / Ранние кочевники Западной Сибири и Казахстана. Ленинград, 1939. Ч.2. Гл.6.

ней Жетысу; савроматов и сарматов Южного Приуралья и Западного Казахстана¹⁵.

Сложение раннекочевнических обществ вызвало резкие перемены в жизни значительной части населения степных областей. Переход к кочевому скотоводству обозначал крупный экономический прогресс, был шагом вперед в подъеме производительных сил. Новые формы хозяйства позволили получать максимальный прибавочный продукт при существующем уровне технического развития. Возросла возможность накопления прибавочного продукта и его присвоения. Скот и продукты скотоводства приобрели меновую стоимость и создали условия для обмена между скотоводами и земледельцами.

Происходит разложение первобытно-общинных отношений, складывается военная демократия, возникают племенные союзы и государства.

По своим последствиям переход к подвижному скотоводству играл не меньшую роль, чем так называемая городская революция, способствовавшая формированию в рядах земледельцев экономических и культурных основ цивилизации¹⁶.

Экономические и социальные изменения в обществе скотоводов влекли за собой целый поток различного рода инноваций. Так, именно в это время были созданы предпосылки для развития быстрых контактов, особенно в связи с приручением коня под верховую езду. Была выведена порода скаковых лошадей, известная по раскопкам Пазырыка¹⁷.

Особенно интенсивно развивается у кочевников военное дело, игравшее важную роль в социальной эволюции, политической истории и быту. Появляется оружие дальнего и среднего боя, защитный доспех. Ударной силой войска кочевников была конница¹⁸.

Раннекочевнические общества Евразии и Казахстана прошли в своем развитии ряд периодов. Сейчас по материалам археологических исследований можно выделить три из них. Намечаются контуры первого древнейшего «протосакского периода», когда происходит трансформация обществ степных скотоводов в культуры ранних кочевников и раннего этапа VII-VI вв. до н.э.

Второй период –V-III вв. до н.э.: тасмолинская культура V-III вв.; Западный Казахстан: V-IV вв.; берельский этап в Восточном Казахстане: V-IV вв. до н.э.; позднесакское время в Жетысу: V-III вв.¹⁹ Именно в этот период идет интенсивная социальная дифференциация племен, типологически напоминающая формирование раннеклассовых обществ в оседлых оазисах. Идеологичес-

15 Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С.43-58; История Казахской ССР. Алма-Ата, 1979. Т.II. С.187-320; Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. Москва, 1992.

16 Массон В.М. Номады и древние цивилизации: динамика и типология взаимодействий // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Тезисы докладов Советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата, 1987. С.3-6.

17 Витт В.С. Лошади Пазырыкских курганов // СА. Москва-Ленинград, 1952. XVI. С.172-173.

18 Ковалевская В.Б. Конь и всадник. Москва, 1977. С.109-119.

19 История Казахской ССР. Т.II.С.237-283.

кие усилия были направлены на возвеличивание фигуры царя-правителя, царя-жреца²⁰.

Как один из ведущих культурных эталонов складывается сакская триада, объединяющая стандартные образцы вооружения, конской упряжи и памятников искусства. Наиболее хорошо изучены памятники этого периода в Жетысу, где раскапывались Бесшатырские курганы и курган Иссык, давший исключительно ценные сведения для изучения социальной, культурной и духовной жизни саков²¹.

О высоком уровне развития сакского общества в Жетысу свидетельствует обнаруженная в погребении иссыкского кургана серебряная чашечка с надписью. Эта находка вкупе с другими дала возможность исследователям сакской культуры Жетысу поставить вопрос о зарождении государственности у саков, о сакском государстве²².

Третий период начинается с III-II вв. до н.э. и продолжается до III-IV вв. н.э. В это время максимально осваиваются все территории, пригодные для кочевого скотоводства, резко возрастает численность населения, о чем свидетельствуют огромные курганные некрополи, складываются государственные объединения усуней в Жетысу, кангюев в Южном Казахстане, сарматов в Западном Казахстане. Усиливаются массовые передвижения кочевников, вырабатываются новые культурные эталоны, трансформирующие раннекочевнические традиции.

Кочевническая культура эпохального типа играла в мировой истории важную роль. Все древние цивилизации, граничащие со степью, в той или иной степени испытывали влияние кочевого мира и в свою очередь влияли на него. Взаимодействия носили различный характер. Это хорошо известные по письменным источникам миграции и военные походы степняков к центрам оседлых цивилизаций: киммерийские, скифские походы на Кавказ и в Переднюю Азию, движение парнов, «штурм Бактрии», движение гуннов на Запад.

В результате военных вторжений, кочевнические объединения нередко утверждаются в оседлых оазисах и династии кочевнического происхождения становятся во главе новых государств. Такова была ситуация в Парфии, где кочевники-парны завоевали земледельческие оазисы и кочевая по происхождению династия Аршакидов возглавила это государство. Аналогичным было положение в Бактрии, где завоевания кочевников и оседание их привели к формированию Кушанского царства²³.

Широка была сфера экономических связей. Существовал регулярный обмен и торговля продуктами земледелия и скотоводства, изделиями ремесла, сыром. Исследователи считают, что, видимо, следует говорить о единой экономической системе, охватывающей как оседлые оазисы, так и кочевников, системе, в которой оба сектора экономически не могли бы нормально функционировать без постоянного обмена. Нарушение этого экономического

20 Акишев А.К. Искусство и мифология саков. Алма-Ата, 1984. С.171-172.

21 Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. Москва, 1978. С.130.

22 Акишев К.А. Курган Иссык. С.53-60.

23 Археология СССР / Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва, 1985. С.204.

единства (в случае завоевания) приводило к тяжелым последствиям для кочевников и для оседлых оазисов²⁴.

Как и прежде, продолжались и расширялись взаимовлияния в области культуры. Характер этих контактов отражен во многих проявлениях материальной и духовной культуры. Это, например, распространение на юге Казахстана и в Жетысу керамики, сделанной на круге, с красным лощением, присущим античным комплексам Бактрии. Бесспорно влияние юга на мифологию и искусство саков²⁵. Наряду с отчетливыми связями с культурой древневосточных цивилизаций, особенно заметными в элитарной субкультуре кочевых обществ, кочевой мир сам оказывал немалое обратное воздействие²⁶.

Раскопки могильников Бактрии, в частности Тилля-тепа в Афганистане, показали, сколь велико было значение кочевнического компонента в культурном комплексе кушанской эпохи²⁷. Процессы «дальних» взаимодействий кочевников и оседлых цивилизаций тесно переплетались с «местными» процессами взаимодействия кочевой, полuosедлой и оседлой части племен в рамках одной этнической и социальной структуры. Как установлено исследованиями историков, этнографов и археологов, «чистых» кочевников история не знает и всегда кочевание одной части племен сочеталось с оседлостью у другой²⁸.

Формирование раннекочевнических комплексов сопровождалось в южных районах Казахстана в предгорьях, в долинах Сырдарьи, Арыси, Таласа, Чу, Или образованием оседло-земледельческих оазисов. Наличие земледелия у ранних саков и усуней в настоящее время подтверждается открытиями постоянных поселений. В Жетысу только в одном Талгарском микрорайоне открыты и изучены около двух десятков оседлых поселений саков и усуней, жители которых строили стационарные дома и знали искусственную ирригацию²⁹. Тенденция к сложению оседлости и приближению к уровню культурных эталонов урбанизации нарастает от древности к раннему средневековью. Видимо, каждому из выделенных сейчас периодов раннекочевнической культуры соответствует определенный уровень оседлости и градостроительства.

Общие тенденции перехода от кочевий к городам в эпоху средневековья были определены С.А.Плетневой. Они, бесспорно, были одинаковы по своей природе и для периода ранних кочевников. Исследователь справедливо отмечает, что переход от кочевой формы скотоводства к полuosедлости, оседлости и городам были обратным процессом перехода от скотоводческо-земледельческой формы хозяйства к кочевнической³⁰.

Трем хронологическим этапам развития общества ранних кочевников вполне могут соответствовать три социально-экономические модели, выделенные

24 Археология СССР / Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Москва, 1985. С.204.

25 Акишев А.К. Искусство и мифология саков. С.5-6.

26 Гумилев Л.Н. Хунны в Китае. Москва, 1974. С.7-9; Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Москва, 1981. С.47-50; Маршак Б.И. Согдийское серебро. Москва, 1971. С.78.

27 Сарияниди В.И. Афганистан: сокровища безымянных царей. Москва, 1983. С.141-154.

28 Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане // История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968. С.276-278.

29 Толстой С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С.136-204; Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы, 2008.

30 Плетнева С.А. Кочевники средневековья. Москва, 1982. С.10.

С.А.Плетневой. Для первой модели одним из характерных признаков является отсутствие оседлости³¹, для третьей – формирование государства. Этот факт отмечен для усуней, кангюев, сарматов, населявших Казахстан с III в. до н.э. до IV в. н.э.

Основную массу таких государств составляли племена скотоводов, занимавшихся кочевым, полукочевым и придомным скотоводством. Часть населения сочетала скотоводство с земледелием. В числе племен, входивших в состав Кангюя, были такие, для которых земледелие составляло основу хозяйства. На территории Кангюя в долине Сырдарьи возникают оседлые укрепленные поселения со стационарными жилищами из сырцового кирпича, развивается градостроительство.

Экономические связи между кочевым и оседлым населением этих государств носили самый разносторонний характер – это регулярный обмен продуктами животноводства и земледелия, ремесленными изделиями. Так, из степи в оазис распространялись достижения в области военного дела, вооружения, конского снаряжения, тогда как из городских центров в степь посылались хлеб, предметы роскоши, ткани, благовония, драгоценная утварь. Ряд поселений, расположенных на границах оазисов и степи, специализировался на поставке определенных изделий кочевникам.

Важно еще раз подчеркнуть, что взаимоотношения кочевников и земледельцев осуществлялись зачастую в рамках единой социально-экономической структуры, т.е. скотоводы и оседлые жители составляли базу конкретного политического или этнополитического объединения. Для третьей стадии кочевничества важным являлся переход кочевников к оседлой жизни, внедрение в городскую среду. Поэтому четкая граница между скотоводами и земледельцами могла существовать лишь на первой стадии кочевания, а все остальные периоды она была подвижной. Ведущей оставалась тенденция к расширению зоны оседло-земледельческих культур, но в отдельные исторические периоды бывало и противоположное разрастание скотоводческой зоны.

В раннее средневековье граница между зоной оседлости и кочевничества продвигается на север и северо-восток. На Сырдарье происходит формирование городов, которые складываются на базе оседлых поселений (кангюйских). Городская культура здесь впитала в себя традиции местных оседлых культур и инноваций, стоящих на более высоком уровне развития городской культуры Согда.

На формирование урбанизации важную роль оказала торговля по Великому Шелковому пути и согдийские колонии, возникшие на нем от Жетысу до Лоб-Нора³². Однако распространение городской культуры происходило не только в результате колонизации³³. Нет оснований и для отрицания значения в этом процессе переселения согдийского населения на юг Казахстана и Жетысу.

31 Плетнева С.А. Кочевники средневековья. С.10.

32 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. Москва, 1964. С.78-135; Pufleblank E.G. A sogdian colony in Inner Mongolia. Tokyo, 1952. Vol.41. P.317-383; Giles L.A. Chinese geographical text of the ninth century // Bulletin of the School of Orient Studies. London, 1930. Vol.VI. P.825-846.

33 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С.205; Массон В.М. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // Успехи среднеазиатской археологии. Ленинград, 1979. Вып.4. С.6.

Основную роль в развитии городской культуры здесь играли процессы культурной интеграции оседлого и кочевого населения. В пору раннего средневековья согдийские эталоны в среде материальной и духовной культуры являлись своеобразными стандартами, отвечавшими нормам раннефеодальных обществ. Поэтому на территории от Согда до Иссык-Куля и северного Каратау наблюдается поразительное сходство в архитектуре и строительстве, керамическом ремесле, письме, искусстве настенной живописи и художественной резьбе по дереву, в религиозных воззрениях.

В то же время в Казахстане и Средней Азии распространяется тюркский культурный комплекс. Под влиянием кочевых тюрок вырабатываются новые типы вооружения, украшений и металлической посуды. В результате взаимодействий миграционного, политического и культурного факторов складывается своеобразная тюрко-согдийская культура. Важно подчеркнуть и этнический аспект взаимовлияний, прослеживаемый не только по данным письменных источников, но и археологическим материалам. Так, на городском некрополе Краснореченского городища найдено парное захоронение, совершенное по кочевническому обряду.

Западно-тюркский каганат, а затем тюркешское, карлукское, огузское и кипчакское объединения являются средневековыми государствами, творчески соединившими в своей культуре традиции оседлых и кочевых племен и народов³⁴.

Государство Караханидов, распространившее в X-XII вв. свою политическую власть на все среднеазиатское междуречье, является одним из высших достижений такого синтеза.

Город и степь составляли не два антагонистических мира, а две отрасли хозяйства вышеназванного государства, его экономическую базу. Расцвет городов Средней Азии и Казахстана в IX – начале XIII в. во многом связан с процессом оседания кочевников. Они принесли в городскую культуру много степных элементов, и в целом в это время в Казахстане сформировалась своеобразная городская культура.

Политические, экономические и культурные связи кочевников и горожан прослеживаются и в более позднее время – развития Ак-Орды и Казахского ханства. Позднесредневековые города сырдарьинского региона: Сайрам, Отрар, Туркестан, Сауран, Сыгнак, Сузак служили центрами экономических связей кочевников и земледельцев, где осуществлялся культурный обмен и торговля не только горожан Южного Казахстана и кочевников Сары-Арки, но и Средней Азии, Поволжья, Восточного Туркестана³⁵.

Таким образом, на основании изучения археологических памятников в Казахстане отчетливо реконструируются процессы взаимоотношений различных культурных традиций. Территория Казахстана была одним из центров истори-

34 *Байпаков К.М.* Западнотюркский и Тюркешский каганаты, тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010.

35 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С.181-185; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI – начале XVIII вв. (Динамика и основные этапы развития). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва, 1985. С.26-48.

ко-культурного синтеза. Реконструкция взаимодействия кочевого и оседлого населения показывает, что взаимопроникновение и взаимообогащение культур различных племен и народов было магистральной линией мирового процесса. В недрах такого синтеза лежат многие достижения культуры народов Казахстана³⁶.

Резюмируя вышесказанное необходимо констатировать следующее. Наш взгляд, представляются актуальными уточнения исторической терминологии и дефиниции. Думается, что термины «кочевая культура», «кочевая цивилизация» не совсем удачны. Правильнее говорить о «степной культуре и цивилизации», что подразумевает не только кочевание, но и оседлость, не только скотоводство, но и земледелие, и городскую жизнь. Доказано, что саки, усунь, тюрки, казахи не только номады. Ведь именно этот так называемый «исключительный номадизм» дает пищу для рассуждений о пустых землях Казахстана, об эфемерности культуры кочевников. Номадизм – лишь часть степного хозяйства, жизни и быта, часть своеобразной степной цивилизации Казахстана.

36 Байпаков К.М. О цивилизации Казахстана // Материалы научной конференции Роль степных городов в цивилизации номадов, посвященной 10-летию юбилею г.Астаны. Астана, 2008. С.13-20; Абушеитова М.Х. Степные города в системе цивилизационных процессов в Центральной Азии // Материалы научной конференции Роль степных городов в цивилизации номадов, посвященной 10-летию юбилею г.Астаны. Астана, 2008. С.34-42; Кумеков Б.Е. О степной цивилизации // Материалы научной конференции «Роль степных городов в цивилизации номадов», посвященной 10-летию юбилею г.Астаны. Астана, 2008. С.42-49; Хабдулина М.К. Кочевые цивилизации: критерии и понятия // Материалы научной конференции Роль степных городов в цивилизации номадов, посвященной 10-летию юбилею г.Астаны. Астана, 2008. С.49-58; Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Москва, 2006. С.9-15.

Глава II

История изучения древней и средневековой урбанизации Отрарского оазиса и Казахстана

В 1904 г. были проведены первые широкие раскопки на городище Отрар¹. Это были новаторские работы, которые открыли эпоху накопления археологических источников для воссоздания картины древней и средневековой истории региона Казахстана и Средней Азии. Археологические источники, в отличие от письменных, постоянно увеличиваются: делаются все новые и новые открытия, которые меняют представления об истории и культуре того или иного периода. Именно на археологических данных базируются в значительной степени исследования по истории Казахстана, тем более, что количество письменных источников о древнем прошлом и средневековье невелико и поэтому археологические источники являются бесценными в процессе познания истории.

Нарастающая волна новых открытий имеет огромное значение и для развития самой науки археологии. Так случилось и с изучением древнего города Отрара и городов Казахстана. Открытие и изучение их имеет свою историю, а историография исследований позволяет проследить динамику развития исторических знаний.

Историография археологического изучения Отрара – это значимая часть археологии страны, ее основных этапов, их количественных и качественных изменений.

Истории развития археологии Казахстана посвящена значительная литература, в том числе библиографические и историографические исследования с выделением основных периодов развития науки.

Для историографии археологии Отрара характерна следующая динамика развития: начальный этап накопления знаний; период научных исследований, связанный с именем В.В.Бартольда и организованного при его содействии Туркестанского кружка любителей археологии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.); послереволюционный этап, который длится до 1946 г.; период с 1946 года – времени создания Академии наук Казахской ССР и организации в ее составе Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова. Следующий этап – с 1971 г., когда была создана Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция, до 1991 г. – времени получения Казахстаном независимости, и современный этап – с 1991 г. до настоящих дней.

¹ *Кларе А.А., Черкасов А.А.* Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА). Ташкент, 1904. Год IX. С.13-35.

Этот раздел не предполагает детальной характеристики всех работ по названной тематике, его задача – дать характеристику тенденций исследований и основных работ.

Начальный этап изучения Отрара

Во второй половине XIX в. в связи с присоединением Казахстана к России и образованием Туркестанского генерал-губернаторства в составе Сырдарьинской (Туркестанской) и Семиреченской областей интерес к новому краю, его прошлому усиливается. Как писал В.В.Бартольд: «Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время... вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью было изучение края в географическом, естественноисторическом и статистическом отношениях, благо были приняты меры для изучения быта населения и его прошлого»².

В 1886 г. П.И.Пашино осмотрел развалины Саурана и не согласился с точкой зрения В.В.Вельяминова-Зернова, который отождествил Сауран с Оттаром³.

В 1867 г. Среднюю Азию и Казахстан посетил П.И.Лерх. В своем отчете он описал развалины Джанкента, где им были проведены небольшие раскопки, и Саурана, а также приводит некоторые сведения письменных источников о сырдарьинских городах⁴. Хотя об Оттаре П.И.Лерх ничего не сообщает, ценность его отчета в том, что в нем имеются данные о городах Туркестана в середине века.

В 1893 г. на вершине сторожевого холма Караул-тобе рядом с селом Мамаевка был найден клад монет в глиняном кувшине⁵. Часть из них определил А.К.Марков. Оказалось, что большинство монет выпущено в Оттаре⁶. Эти многочисленные данные определяют начало археологического изучения городища Оттар.

Исключительное значение для развития городской культуры и урбанизации Южного Казахстана и Жетысу сыграла работа В.В.Бартольда «Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью (1893-1894 гг.)». В этой работе выдающийся ученый в возрасте 24-25 лет первым подготовил исследование, в котором сделана успешная попытка соединить сведения письменных источников и археологических наблюдений, которая в свой черед дала начало широко распространившейся позднее жажде историко-археологического исследования⁷.

2 Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. Санкт-Петербург, 1911. С.228-229.

3 Пашино П.И. Туркестанский край в 1868 г. Санкт-Петербург, 1869. С.60.

4 Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. Санкт-Петербург, 1870; Лерх П.И. Археологические исследования в Туркестанском крае в 1867 г. // Отчет археологической комиссии за 1867 г. Санкт-Петербург, 1868. С.XXI-XXXI.

5 Клад из Мамаевки // Туркестанские ведомости. 1893. №67; Воронин К.М. Находка клада монет близ с. Мамаевка в Чимкентском уезде в 1893 г. // Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896. № 9. С.17-18.

6 Лунин Б.В. К топографии и описанию древних монетных кладов и отдельных монетных находок на территории Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ). Ташкент, 1969. Вып. 8-9. С.175-178.

7 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью (1893-1894 гг.). Соч. Москва, 1966. Т.IV. С.19-87.

Бартольдский этап и Туркестанский кружок любителей археологии

Следующий период в изучении Отрара связан с деятельностью Туркестанского кружка любителей археологии, организованного в 1895 г. Грандиозные развалины Отрара не могли не привлечь внимания его членов. Уже в 1896 г.⁸ Е.Г.Смирнов, описывая памятники нижнего и среднего течения Сырдарьи, сообщает и об Отраре⁹.

В 1898 г. на городище побывал И.Т.Пославский. В небольшой заметке на страницах журнала, издаваемого кружком, он дает характеристику городищу и приводит интересные сведения о подземном потайном ходе, сохранившемся в развалинах Отрар-тобе, сообщает о грабительских раскопках некоего паломника, искавшего здесь «громadne сокровища», о которых он якобы прочитал в священных книгах, будучи в Мекке¹⁰.

В 1899 г. Н.С.Лыкошин публикует статью об Отраре, в которой отождествляет его развалины с городом Хамукатом, основанном выходцами из Бухары, покинувшими ее во время правления Або-кагана (Абруя). Н.С.Лыкошин полагал, что потом Хамукат был переименован в Фараб, а после одного из набегов кочевников сожжен и назван Утрар-Отрар (от тюркского «ут» – огонь, пепелище)¹¹.

Мнение Н.С.Лыкошина не разделял В.В.Бартольд. Он отнес возникновение Отрара к более раннему времени, чем конец VI в., когда произошло переселение жителей Бухары¹². В 1902 г. члены кружка А.К.Кларе и А.А.Черкасов сняли план городища и вычертили профиль цитадели (основной бугор), а в 1904 г. произвели раскопки на средства Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии¹³.

Были обнаружены остатки строения из сырцового кирпича с полом, выложенным жженым кирпичом. В траншеях 2 и 3, судя по описаниям, выявлены тандыры, остатки конструкций из сырцового и жженого кирпича, «дорожка из крестообразного кирпича», кости животных, а в траншеях 4 и 5 – большое количество глазурованной керамики. Представление о полученных находках можно получить по нескольким опубликованным фотографиям.

8 Луин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. С.44-47.

9 Смирнов Е.Г. Древности на среднем и нижнем течении Сырдарьи // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1897. Приложение II. С. 1-14.

10 Пославский И.Т. Развалины города Отрара // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1898. Год III. С.236-238. В 1969 г. случайно у подножия южного склона Отрар-тобе был обнаружен вход в тоннель. Участок тоннеля длиной 10-15 м был обследован. Он проложен на глубине 1,5-2 м по направлению к центру городища. Высота его 1,6 м, ширина 2 м. Стены обложены сырцовым кирпичом, свод коробовый. У стен, на уровне пола, положено по два ряда гончарных труб. Звенья их имеют диаметр 20 см и длину 50 см. Это остатки городской системы водоснабжения, видимо, принятой И.Т.Пославским за потайной ход; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Археологические открытия в Южном Казахстане // АО 1969 года. Москва, 1970. С.398.

11 Лыкошин Н.С. Догадка о прошлом Отрара // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1899. Год IV. С.171-174.

12 Бартольд В.В. По поводу статьи «Догадка о прошлом Отрара» // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1899. Год IV. С.70-74.

13 Черкасов А.А. Поездка на развалины Отрара // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1903. Год VIII. С.70-74; Кларе А.К., Черкасов А.А. Древний Отрар и раскопки, произведенные в развалинах его в 1904 г. // Протоколы ТКЛА. Ташкент, 1904. Год IX. С.13-35.

Следует отметить, что наиболее полные данные о сырдарьинских городах содержит работа А.И.Кастанье. В ней дан обзор археологических исследований городища Отрар¹⁴.

Изучение Отрара и памятников оазиса в 1946-1970 гг.

После революции наступил новый этап в развитии археологии Казахстана. Стали осуществляться планомерные исследования разновременных и разнохарактерных памятников, вести раскопки в различных районах республики. Однако, Отрар долгое время оставался вне поля зрения археологов.

Рис. 1. Отрартобе. Раскопки по уровню XVI-XVIII вв.

И только в 1947 г. Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова Академии наук КазССР совместно с Ленинградским отделением Института материальной культуры (сейчас Институт истории материальной культуры РАН) была организована Южно-Казахстанская археологическая экспедиция (ЮКАЭ). Возглавил ее известный археолог профессор А.Н.Бернштам.

За шесть лет работ (1946-1951 гг.) экспедиция провела широкую разведку в Южном Казахстане и раскопки ряда памятников.

В статьях, посвященных результатам работ, А.Н.Бернштам наметил несколько узловых проблем, главные из них – пути этногенеза Южного Казахстана в древний и средневековый периоды и роль кангюйских племен в этом процессе. Для разработки и решения данных вопросов он планировал проведение многолетних раскопок памятников материальной культуры Южного Казахстана¹⁵.

Рис. 2. Отрартобе. Раскопки дома XVII в.
Справа археолог Т.В.Савельева

14 Кастанье И.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1910. Вып. XXII. С. 155-183.

15 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. (ИАН). Серия археологическая. Алма-Ата, 1950. Вып. 2. С. 59.

Одним из районов работ ЮКАЭ стал Отрарский оазис – «великолепный и выразительный» – по словам А.Н.Бернштама, комплекс.

В первый год были обследованы городища Пшакшитобе, Алтынтобе и Куйруктобе, Оксус, Артык-Ата, Кауген-Ата и Сумагартобе.

Датировка городищ определялась в широких пределах: от скифо-сарматского до монголо-тимуридского времени.

Была разработана схема развития типов поселений и выделено восемь разновидностей памятников, которые различались топографией и хронологически. Так, например, городища в виде многогранника или прямоугольные в плане, были датированы VIII-X вв. и отнесены к периоду господства огузов¹⁶. Безусловно, столь прямолинейное решение сложных вопросов только на основе топографии памятников, неоправданно. Последующие исследования не подтвердили многие из предложенных ранее датировок городищ, что в свою очередь исключило их этнополитическую атрибуцию¹⁷.

Керамика, собранная в результате первых разведывательных поездок, описана в работе Е.И.Агеевой. Большой и разнообразный материал был впервые систематизирован и рассмотрен в хронологическом аспекте¹⁸.

Е.И.Агеева разделила подъемную керамику Отрара на хронологические группы¹⁹. Итоги работ опубликованы в книге Е.И.Агеевой и Г.И.Пацевича²⁰. В ней освящены вопросы локализации средневековых городов. Специальный раздел посвящен орошению, где обстоятельно описывается система ирригации Отрарского оазиса²¹.

В целом, работа Е.И.Агеевой и Г.И.Пацевича внесла существенный вклад в изучение казахстанских городов и сыграла важную роль в развитии археологии Южного Казахстана.

Большой интерес представляет монография А.Х.Маргулана²². В ней дана картина развития городской жизни на юге Казахстана, показана роль Отрара в системе караванных путей, намечены связи города и степи. Вся археологическая информация об Отраре, памятниках оазиса, накопленная к концу 50-х гг., была опубликована в Археологической карте Казахстана²³.

На северных склонах Каратау был исследован район, тесно связанный с долиной среднего течения Сырдарьи и в первую очередь с Отрарским оазисом. В результате раскопок поселения Актобе и городища Баба-Ата удалось проследить на данной территории преемственность в развитии материальной культуры с первых веков до XIII в.

16 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. // ИАН. С.76.

17 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // ИАН. С.89.

18 Агеева Е.И. К истории изучения археологических памятников Среднего течения Сырдарьи и Каратау // Известия КазССР. Серия археологическая. Алма-Ата, 1949. Вып.2. С.109-119.

19 Агеева Е.И. Керамика Отрара // ИАН. Серия археологическая. Алма-Ата, 1951 год. Вып.3. С.98-110.

20 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды института истории, археологии и этнографии (ТИИАЭ). Алма-Ата, 1958. Т.5. С.27-60, 78-91.

21 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. С.123-128.

22 Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

23 Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.

Впервые в Казахстане раскопки велись сравнительно в широких масштабах. Основная часть поселения Актобе была вскрыта полностью. Ознакомление с выявленным керамическим материалом, планировкой и архитектурой жилищ, хозяйством населения обогатило науку новыми данными.

Раскопки на цитадели, шахристане и рабаде Бабы-Аты позволили выявить стратиграфию городища, характер застройки его частей. Найденная здесь в хорошо датированных слоях керамика подтвердила правильность разработанной ранее в основном на материалах городищ Отрарского оазиса хронологической классификации средневековой керамики.

В 1946 г. на юге Казахстана начались исследования Хорезмской археолого-этнографической экспедиции²⁴.

Л.М.Левина, рассматривая в своих работах подъемный керамический материал и комплексы керамики из раскопок памятников Отрарского оазиса и Каратау, выделила отрарско-каратаускую культуру, а керамический материал подразделила на три хронологических периода: I-IV, IV-V, VI-VIII вв. Она указывает на близость керамических комплексов джетысарской, отрарско-каратауской и каунчинской культур²⁵.

Рис. 3. Отрартобе. Клад монет XVI в.

В 1969-1970 гг. под руководством К.А.Акишева начались работы Отрарской археологической экспедиции Института истории, археологии и этнографии им.Ч.Ч.Валиханова АН КазССР. Их целью была подготовка городища древнего Отрара к масштабным раскопкам. Она включала в себя маршрутно-поисковые, археолого-топографические работы, аэрофотосъемку и авиаразведку, закладку стратиграфических шурфов и раскопов. Итоги исследований ежегодно публиковались²⁶.

Изучение Отрартобе и памятников Отрарского оазиса в 1971-1991 гг.

Постановлением Президиума Академии наук Казахской ССР от 24 декабря 1970 г. была организована Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция (ЮККАЭ), перед которой была поставлена задача изучения древней и средневековой истории Южного Казахстана по данным исследований

24 Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва, 1948. С.125-140; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962.

25 Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии нашей эры. Москва, 1971.

26 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.3-42; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар по итогам работ 1969 г. // Вестник Академии наук КазССР (ВАН). Алма-Ата, 1970. №6. С.60-64; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Археологические работы в Южном Казахстане // АО 1969 года. Москва, 1970. С.397-398.

археологических памятников региона. Комплексность исследований с самого начала предполагала изучение памятников широкого хронологического диапазона – от эпохи камня до XVIII в. В число разрабатываемых направлений включались также древняя ирригация, нумизматика, палеоэтнография, палеозоология, палеоантропология.

Основными объектами многолетних стационарных исследований были выбраны памятники Отрарского оазиса: городища Отрар-тобе, Костобе, Кок-Мардан, Куйрыктобе, могильник Кок-Мардан; городища северных склонов Каратау: Культобе, Ран, наскальные изображения; Борижарский могильник в долине Арыси.

В археологических работах ЮККАЭ использовались традиционные в археологии и новые методы исследования.

Широкими рекогносцировками и микроразведками был охвачен весь регион Южного Казахстана. Была составлена археологическая карта размещения памятников, выявлены отдельные группы новых городищ на левом берегу Сырдарьи, на южных и северных склонах Каратау, в долине Арыси.

При изучении памятников применялось визуальное обследование в сочетании с инструментальной съемкой и аэрометодами. При исследовании городищ применялись шурфы и разрезы в целях выяснения стратиграфии, хронологии, динамики развития. На опорных памятниках использовался метод раскопок широкими площадями: сплошного вскрытия жилых кварталов, комплексов ремесленных мастерских, общественных сооружений.

В 1971-1975 гг. проводились раскопки верхних слоев Отрара, датируемых концом XVI – началом XVIII в. Вскрытая площадь составила около 7 га. В 1970-1982 гг. и 1981-1985 гг. раскапывались участки городской застройки XIII-XVI вв. В эти же годы раскапывались кирпичеобжигательные мастерские XIII-XVI вв.; керамические мастерские в двух строительных горизонтах конца

Рис. 4. Отрартобе. Городская застройка XIV – XV вв.

*Рис. 5. Отрартобе.
Гончарная мастерская XIII – XIV вв.
Слева начальник ЮККАЭ К.А.Акишев,
справа К.М.Байпаков. 1976 г.*

*Рис. 6. На раскопках Отрара – археологи Ю.Ф.Бу-
ряков (г.Ташкент), Л.Гуревич (г.Ленинград),
Г.А.Брыкина (г.Москва), К.А.Акишев и
К.М.Байпаков (г.Алма-Ата). 1977 г.*

XIII – первой половины XIV в. и второй половины XIV – первых трех десятилетий XV в. Изучались общественные постройки: баня XIII-XV вв. и соборная мечеть XV в.

В 1977-1979 гг. на площади в 5000 м² были вскрыты слои городища Кок-Мардан, датированные VI-VII вв.

В 1978-1979 гг. в Отраре раскопаны две бани, датируемые XII – началом XIII в., в 1983-1985 гг. изучалась городская застройка этого же периода.

С 1980 г. велись раскопки городища Куйрыктобе – столицы округа Отрар-Фараб в X-XI вв.

С 1980 г. проводились широкие раскопки центральной части Отрара, на площади 1500 м² изучались слои XII-XVIII вв. Были начаты раскопки юго-восточной части Отрара, где находилась соборная мечеть.

С 1986 г. на городище Алтынтобе проводились широкие раскопки центральной части городища, шахристана и городских стен.

В 1986 г. были начаты и продолжены в 1987 г. раскопки городища Куик-Мардан.

В 1988-1989 гг. рядом с городищем Куик-Мардан были проведены раскопки могильника Конуртобе.

В 1990-1993 гг. продолжались раскопки соборной мечети Отрартобе.

Затем наступает перерыв в работе Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции, которые были возобновлены лишь в 1998 г.

Широкие раскопки проводились также на городищах Туркестан (XVIII-XIX вв.), Культобе и Ран на северных склонах Каратау (XVI – начало XVIII в.).

Разведки выявили ряд новых памятников в долине Арыси, на левобережье Сырдарьи, в предгорьях Каратау.

В результате указанных работ были также получены археологические материалы по древнекаменному веку, эпохе бронзы, по средневековой городской культуре, ее связи с земледельческо-скотоводческими культурами конца первых веков до нашей эры – первых веков нашей эры²⁷.

²⁷ Полную библиографию археологических работ в Отраре и Отрарском оазисе см.: Савельева Т.В., Костина Д.М. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Проблемные исследования Южно-казахстанской комплексной археологической экспедиции 1971-1985. Алма-Ата, 1986.

Изучение памятников древнекаменного века имеет важное значение для понимания процессов заселения Средней Азии и Казахстана, выявления той основы, на которой совершалось все последующее развитие самого человека, техники, экономики, общественных отношений, культуры. Находки в районе хребта Каратау (Борыказган, Танирказган, Токалы и др.)²⁸ имеют важное значение для изучения древнейших периодов развития человека в этом регионе. Большой интерес представляет изучение памятников эпохи мустье, верхнего палеолита, неолита.

В составе ЮККАЭ изучением палеолита и неолита занимался отряд, руководимый Х.А.Алпысбаевым. Наиболее ранние по времени орудия были обнаружены на стоянке Кзылкиндик. Она, по мнению исследователей, – один из наиболее ранних памятников шельско-ашельской эпохи палеолита Южного Казахстана.

Следующая по времени стоянка Жанатас была отнесена к позднему ашельско-мустьерскому времени²⁹.

Особое внимание уделялось поискам памятников переходного времени от позднего палеолита к неолиту. Были обнаружены мезолитические и неолитические стоянки Жаначилик I-III, связанные со второй террасой р. Чаян; мезолитическая стоянка Маятас в районе станции Тимур. Исследована также стоянка Чилик, которая отнесена к неолиту и ранней бронзе, неолитические стоянки Дармене I-IV. Интерес представляет также неолитическое поселение Таскотан.

Было высказано предположение о сосуществовании в эпоху неолита двух культур – для одной из них (стоянка Караунгур) характерно наличие керамики, другая (стоянки Арысь I, II, Дармене, Таскотан) керамики не имела³⁰.

Эпоха бронзы – один из наиболее слабо изученных периодов на юге Казахстана. Единственным достаточно полно исследованным памятником андроновской культурной общности остается могильник Таутары, находящийся на северных склонах Каратау.

Позднее был изучен могильник Куюкты в урочище Бес-Арык³¹.

Большой научный интерес представляет проблема возникновения и развития земледельческой культуры на юге Казахстана, тесно связанная с «кангюйской» проблемой. Последняя включает целый ряд вопросов, связанных с локализацией государственного объединения Кангюй, хронологией комплексов каунчинской, отарско-каратауской и джетыасарской культур, их этнической «атрибуцией».

Кангюйская тематика активно разрабатывалась в ЮККАЭ. Велись поиски и выявление новых поселений на Сырдарье, Арыси. Раскопочные работы проводились на поселении Кок-Мардан, Пшук-Мардан, Костобе, Ботайтобе, Алтынтобе, на могильниках Кок-Мардан, Конуртобе и Коныртобе I, Кырккескен, Алтынтобе, Борижарском.

28 Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. Алма-Ата, 1979.

29 Алпысбаев Х.А. Индустрия палеолита Южного Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С.54-64.

30 Алпысбаев Х.А. Мезолитические и неолитические стоянки Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977. С. 93-103.

31 Ахинжанов С.М., Акишев А.К. Могильник Куюкты – первый памятник эпохи бронзы // ИАН. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1972. №2. С.46-52.

На левом берегу Сырдарьи центральным памятником эпохи, в том числе и Кангюя, был Оксыз.

Интенсивное развитие кангюйских поселений происходило в первые века нашей эры. Именно к этому времени относятся многочисленные поселения и могильники – основные слои Кок-Мардана и Пшук-Мардана, Алтынтобе Бадамского, могильники Кок-Мардан, Куик-Мардан. Керамика III-V вв. встречается в подъемном материале подавляющего числа памятников.

Наивысший расцвет оседло-земледельческой культуры относится к середине I тысячелетия н.э. В VI-VII вв. число поселений сокращается, большинство их пустеет и гибнет.

Рядовая городская застройка VI – первой половины VIII в. изучалась на городище Кок-Мардан. Здесь вскрыт массив городской застройки вместе с участками улиц. Удалось выявить систему в группировке отдельных домовладений и выделить кварталы.

Параллельно с изучением городского квартала исследовалось городское жилище, его эволюция.

Погребальные памятники, изученные вблизи Кок-Мардана, Куюк-Мардана, дают представление о нескольких типах погребений. Это, во-первых, курганные могильники с грунтовыми одиночными и коллективными захоронениями в катакомбах с длинными дромосами. Погребенные лежат на спине, ориентация самая разнообразная. Они сопровождаются инвентарем в виде сосудов, оружия, украшений.

Во-вторых, отмечены одиночные захоронения в платформах, а также подбойные и ямные захоронения. Сопровождающий инвентарь – керамика, оружие, украшения. Отмечена локализация детских захоронений в пристройках к платформам. У погребенных отмечается кольцевая деформация черепов.

Состав металлических изделий, встреченных при раскопках поселений и могильников, свидетельствует о развитии кузнечного, медницкого, ювелирного ремесла.

Основой экономической жизни поселений было земледелие в сочетании со скотоводством.

Торговые связи исследуемой области были достаточно развиты. Сырдарья была артерией международных торгово-экономических связей. О торговле с Востоком можно судить по находкам монет и зеркал. Развивались не только торговые международные связи, но и традиционная для области торговля между оседлым и кочевым населением.

В процессе исследований получены материалы, освещающие духовную культуру населения.

Наличие ручек сосудов в виде фигурок животных и, прежде всего, барана, по мнению исследователей, связано с представлениями о фарне – божественной благодати, счастье.

Вопрос об этнической атрибуции носителей каунчиноидных культур и, в частности, отарско-каратауской, остается малоразработанным и сложным. Исследователями высказано мнение о принадлежности кангюйцев к северо-иранским племенам, этнический облик которых к середине I тысячелетия н.э.

стал изменяться под влиянием инфильтрации тюркоязычных этнических групп с востока³².

Археологические исследования и, в первую очередь, широкомасштабные раскопки дали обширную информацию о структуре города раннего и развитого средневековья, о характере жилища и его эволюции, об общественных постройках, идеологии городского населения.

Раскопки цитадели городища Куйруктобе показали, что в основе ее находилась дворцовая постройка замкового типа, поставленная на пахсовый стилобат высотой 5,5 м со стороны основания приблизительно 60×60 м.

Прослежено два строительных периода в VII – первой половине IX в. Организующим ядром всего комплекса помещений цитадели был парадный зал площадью около 160 м². При расчистке завала на полу зала (расчищены два угла и часть центра) в культурном слое толщиной от 0,3 до 0,7 м обнаружены перемешанные с кусками стен и земляной кровлей остатки деревянного перекрытия и деревянного фриза, украшенного высокохудожественной резьбой. Замок погиб от пожара, видимо, в начале IX в., и рухнувшее горевшее перекрытие было законсервировано упавшей крышей и стенами.

Нумизматический комплекс состоит из 6 монет, найденных на полах, в обмазке помещений, в припольном слое. Монеты двух типов: первый – со львом в круге из перлов на одной стороне и тюркской монограммой «н+уш» (в виде лука) на обратной. Второй тип – со львом и монограммой «ат» в виде подставки со скрещенными ножками. Такие монеты, по-видимому, местного чекана датируются VII-VIII вв.

Датировка дворцового комплекса на Куйруктобе не вызывает сомнения, а материал дает представление о репрезентативном характере дворцовой постройки местного владельца.

Впервые на средневековом городище Казахстана была обнаружена мечеть. Она находилась в центре шахристана городища Куйруктобе.

Мечеть дважды перестраивалась, после запустения города в XIII-XIV вв. была полностью разобрана на кирпичи для возведения погребальных конструкций возникшего здесь мусульманского кладбища.

Среди общественных сооружений средневекового города были бани. Раскопки двух из них, относящихся к XI-XII вв., проведены на рабаде Отрара.

Третья баня, также расположенная на территории рабада Отрара, датируется XIII – началом XV в.

Широкие раскопки, проведенные на городище Отрар по уровню слоев XIII – начала XVII в., позволили получить представление о казахстанском городе поры позднего средневековья.

Топография центрального бугра городища Отрартобе, как показали исследования, сложилась в основных чертах в XIII-XVII вв.³³

Жилые постройки конца XIV – начала XV в. исследовались в центре городища на площади около 1500 м². Объектом исследования стал «квартал», вклю-

32 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.174.

33 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ермакович Л.Б.* Древний Отрар. (Топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата, 1972.

чающий внутриквартальную улицу протяженностью около 40 м и выходящие на нее проходами жилые дома строительного горизонта конца XIV– начала XV в.

Отношение исследователей к возможностям археологии в изучении позднесредневековых периодов истории того либо иного региона до недавнего времени оставалось неоднозначным.

В свое время А.К.Якубовский писал, что период исторического развития Средней Азии позднее XV в. «выходит за пределы прямых интересов археологии, последняя свое главное внимание сосредотачивает на древней и ранне-средневековой истории Средней Азии»³⁴.

Этот постулат находился в прямой связи с конкретными исследованиями археологов Средней Азии и Казахстана, которые, как правило, не шли дальше изучения тимуридской керамики, архитектурного декора и памятников архитектуры.

Однако усилиями Г.А.Пугаченковой и других исследователей изучение тимуридской керамики, ее типологии, хронологической классификации, художественных особенностей выделилось в самостоятельное направление археологии и искусствоведения, о чем свидетельствует серия специальных публикаций³⁵.

Параллельно развивалась и другая тенденция – исследование позднесредневекового города. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, руководимая М.Е.Массоном, исследуя городище Нису, включила в сферу своих интересов и объекты XIII–XVIII вв.³⁶

Однако прорывом в изучении позднесредневековой истории и, конкретно, позднесредневекового города следует считать работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции на городище Ургенч – раскопки слоев XVI–XVII вв.³⁷ Раскопки были проведены на комплексе южных ворот городища Таш-Кала и на участке, занятом, как выяснилось, торгово-ремесленным кварталом XV–XVII вв.³⁸ Впервые была получена совершенно новая информация, характеризующая жизнь позднесредневекового города Средней Азии, хозяйство и быт горожан. В общую систему хронологической классификации керамики была включена и охарактеризована группа керамики XV–XVII вв.³⁹

34 Якубовский А.Ю. Вопросы периодизации истории Средней Азии в средние века (VI–XV вв.) // КСИИМК. Москва–Ленинград, 1949. Вып.38. С.43.

35 Пугаченкова Г.А. Искусство Туркменистана. Москва, 1967. С.163–166; Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерк искусства Средней Азии. Москва, 1982. С.207–208; Лунина С.Б. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // ОНУз. Ташкент, 1969. №8–9. С.89–93; Вархотова Д. Художественная керамика XV – начала XVI в. из Ташкента // Общественные науки Узбекистана (ОНУз). Ташкент, 1969. №8–9. С.86–89; Ахраров И. Археологические исследования городища Ахсикет в 1960 г. // ОНУз. Ташкент, 1962. №8. С.53–58; Ахраров И. Новые археологические материалы с городища Ахсикет XIV–XVI вв. // ОНУз. 1969. №8–9. С.79–81; Бяшимова Н.С. Художественная глазурованная керамика Южного Туркменистана IX–XIV вв.: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Ташкент, 1985.

36 Массон М.Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ, 1946 г.) // Труды ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т.I. С.9–12; Массон М.Е. Городище Ниса в селении Багир и их изучение. Ук. соч. С.84–98; Пугаченкова Г.А. Глазурованная керамика Нисы XV–XVI вв. Ук. соч. С.400–417.

37 Толстов С.П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949–1953 гг. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). Москва, 1958. Т.II. С.224–232.

38 Турганев-Амитиров А.Г. Раскопки комплекса южных ворот и крепостной стены Таш-калы // ТХАЭЭ. Москва, 1958. Т.II. С.494–504; Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки ремесленного квартала XV–XVII вв. на городище Таш-кала в Ургенче // Там же. С.505–528.

39 Вактурская Н.Н. Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Там же. С.467–494.

Исследования экспедиции в низовьях Сырдарьи охватили также городища и поселения позднего средневековья, в том числе поселения казахов и каракалпаков XVIII-XIX вв.

Изучая города и поселения XIII-XVIII вв. Южного Казахстана и Семиречья, археологи констатировали упадок городской и оседлой культуры в послемонгольское время. Утверждалось, что жизнь на ряде городищ продолжалась в XIII-XV вв.⁴⁰, но какие-либо конкретные исследования по уровню этих слоев не проводились. И лишь в начале 60-х гг. специально организованный археологический отряд приступил к конкретным поискам и раскопкам памятников позднесредневековой оседлой и городской культуры. Исследовались памятники XIII-XVIII вв. в Таласской и Чуйской долинах, на северных склонах Каратау⁴¹.

Исследования позднесредневековых городищ долины Арыси, левобережья Сырдарьи, Туркестанского и Отрарского оазисов провела в 1969-1970 гг. Отрарская археологическая экспедиция⁴².

Как выше отмечалось, основным объектом раскопок ЮККАЭ было выбрано городище Отрар. В течение многих лет на нем вскрываются слои городища по уровню XIII-XVIII вв. В итоге изучена городская застройка, жилище, общественные постройки, ремесла, торговля, сельское хозяйство⁴³.

Исследована позднесредневековая ирригация Отрарского оазиса⁴⁴, кяризное орошение позднесредневекового Саурана⁴⁵.

Крупные по масштабу раскопки проводились и на городище Туркестан по уровню слоев XVII-XIX вв.⁴⁶

С середины 70-х гг. ведутся раскопки позднесредневековых городов на территории Средней Азии – Бухары⁴⁷, исследования позднесредневековых слоев Ходжента⁴⁸ и Шахрухии⁴⁹.

40 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ. С.214; Агеева Е.И. Общий обзор находок. Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ. Алма-Ата, 1962. Т.14. С.201-204.

41 Ерзакович Л.Б. Оседлая культура Южного Казахстана в XIII-XVIII вв.: Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Москва, 1966; Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Аспара // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С.85-97; Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Сузак // ИАН. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1966. №3. С.66-69; Ерзакович Л.Б. Некоторые черты оседлой культуры позднего средневековья // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С.98-106.

42 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Новое в средневековой археологии Южного Казахстана // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.5-42; Они же. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.

43 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). Алма-Ата, 1981; Они же. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.

44 Грошев В.А. Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

45 Акишев К.А., Байпаков К.М. Кяризы Саурана // ВАН. Алма-Ата, 1973. №4. С.76-78.

46 Сенигова Т.Н. Керамика городища Туркестан из верхнего строительного горизонта (XVII-XVIII вв.) // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.171-187; Смагулов Е.А., Насиич В.Н. Гончарные штампы с надписями XIX в. из Туркестана // ИАН. 1983. № 2. С.45-50.

47 Мирзахмедов Д.К. Глазурованная керамика Бухары второй половины XIII – начала XVII в. как исторический источник. Самарканд, 1987.

48 Негматов Н.Н. Проблемы археологии Таджикистана позднего средневековья // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983. С.152-158; Беляева Т.В. Живописная керамика XIII-XIX вв. // Там же. С.38-51.

49 Буряков Ю.Ф. Археологические материалы и топография Шахрухии XIII-XVIII вв. // Средневековая культура Казахстана и Средней Азии. Алма-Ата, 1983 С.61-66; Буряков Ю.Ф., Тихонин М.Р. Раскопки керамической мастерской конца XV- XVI в. в Шахрухии // ИМКУ. 1981. Вып.16. С.58-64.

Расширение археологических исследований на позднесредневековых городищах, количественное накопление материалов и их большие потенциальные возможности в вопросах выявления многих проблем позднесредневековой истории привели к признанию специалистами нового направления в науке – позднесредневековой археологии. На Всесоюзном совещании в Алма-Ате в 1981 г. новый раздел археологии был признан официально.

Совещание «Проблемы исследования средневековой археологии Казахстана и Средней Азии XIII–XVIII вв.» было организовано Академией наук КазССР, Институтом археологии АН СССР, Научным советом по проблемам археологии Средней Азии и Казахстана. Оно было посвящено актуальным проблемам истории, археологии и палеоэтнографии, культуры Средней Азии и Казахстана периода позднего средневековья.

Разработка методики раскопок средневековых городов, точное хронологическое определение массового материала позволили по-новому подойти к изучению динамики исторического развития Мерва, Самарканда, Бухары, Ташкента, Ходжента, Отрара и многих других городских центров.

Позднесредневековая археология выделилась в особый раздел археологической науки. Этому способствовали интенсивные исследования археологических памятников XIII–XVIII вв. в Казахстане (раскопки Отрара), в Таджикистане (раскопки Ходжента), в Узбекистане (раскопки Бухары), в Поволжье (раскопки золотоордынских городов).

Таким образом, стало ясно, что возможности археологии в изучении исторического процесса в Казахстане и Средней Азии, в исследовании материальной культуры, социальных отношений распространяются и на период XIII–XIX вв.⁵⁰

Раскопки позднесредневековых городов Южного Казахстана дали большой материал, который публиковался, анализировался в монографиях и многочисленных статьях, диссертационных исследованиях.

В Отрартобе прослежена традиционная на протяжении 400 лет (XIII–XVII вв.) застройка, формировавшаяся в границах квартала при подвижной планировке и площади отдельных домовладений⁵¹.

Кварталы XVI – начала XVIII в. в основном совпадают с кварталами более раннего периода. Сохранилась преемственность в типах жилищ⁵².

Исследование пригородной территории позволило установить динамику ее развития в послемонгольское время. Выяснилось, что к концу XIII – началу XIV в. город занимал всю площадь в границах домонгольского рабада. Сокращение ее начинается во второй половине XV в. К началу XVI в. жизнь города концентрируется лишь на небольшом участке у южных ворот. Здесь раскопана гончарная мастерская и мастерская по производству алебаstra. Раскопки показали, что в пригородной территории сосредоточено ремесленное производство.

Так, в южной части раскопаны мастерская и жилище кирпичника.

50 Тулебаев Б.А. Вступительное слово. // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. С.3-5. Резолюция. Там же. С. 229.

51 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV вв. Алма-Ата, 1987. С.15-99.

52 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата, 1981.

Гончарное производство на Отраре было сосредоточено в восточной части пригорода. Здесь на поверхности концентрируются остатки керамических шлаков, бракованные гончарные изделия, прослеживаются западины гончарных печей. Общие размеры гончарного квартала около 1,5 га (100x150 м)⁵³.

В пригороде Отрара раскопана общественная баня. Она была расположена на берегу водохранилища в 200 м западнее южного въезда.

Как известно, существуют две точки зрения о времени возрождения города после монгольского завоевания.

По мнению В.В.Бартольда поворотным пунктом в подъеме экономики Средней Азии и юга Казахстана явилась денежная реформа Кебека. Он писал: «Кебеку принадлежит введение в Чагатайском ханстве общегосударственной монеты, причем была принята та же монетная система, как в Персии и Золотой Орде»⁵⁴.

Иных взглядов придерживается Е.А.Давидович. Она считает, что переломной и наиболее важной денежной реформой в Средней Азии, на юге Казахстана и в Семиречье была реформа купца-правителя Масудбека, начатая в 1271 г. и «не вторую четверть XIV в., а последнюю четверть XIII в. можно считать временем, когда для частичного восстановления городской жизни и денежной торговли Средней Азии созрели прочные и достаточно благоприятные условия». Рост в Отраре ремесленного производства и в первую очередь кирпиче-обжигательного, подъем гончарства в последнюю треть XIII в. подтверждают точку зрения Е.А.Давидович⁵⁵.

В это же время наблюдается оживление сельскохозяйственной жизни. Пространство вокруг Отрара в четырехугольнике между городищами Отрар – Куйруктобе – Алтын-тобе – Мардан-Куюк сплошь занято сельскими усадьбами, агроирригационными планировками, каналами.

Материальная культура города, известная по коллекциям керамики, изделий из металла, кости, камня, показывает, что в XIII-XIV вв. Отрар являлся высокоразвитым центром ремесла и торговли.

Выяснилось, что Отрар с раннего средневековья был традиционным местом чеканки монеты. Особенно интенсивно действовал монетный двор города в последней четверти XIII в. В Отраре в отличие от большинства других городов денежное хозяйство было представлено полным комплексом денежных единиц – золотыми динарами, медными посеребренными дирхемами и медными фельсами, обслуживавшими все сферы экономической деятельности.

Сложилось представление о топографической структуре города, ремесленном производстве, денежном обращении. Намечена социальная стратификация населения, выяснены занятия горожан, получены данные по этническому составу населения. Близкие параллели прослеживаются при сопоставлении культуры Отрара с культурой позднесредневековых городов Средней Азии, что позволяет говорить об общности развития культуры всего казахстанско-среднеазиатского региона.

53 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. С.129-187.

54 Бартольд В.В. История Туркестана // Соч. Москва, 1963. Т.II. С.152.

55 Давидович Е.А. Денежное хозяйство Средней Азии в XIII в. Москва, 1972. С.125.

Вместе с тем для южно-казахстанского города отмечено сохранение многих своеобразных черт в характере городской застройки, жилья, в керамическом производстве, обусловленных тесными связями со степью.

Одним из важнейших социологических аспектов изучения средневековых городов и поселений является демографическое исследование населения определенного города.

Широкие раскопки Отрара позволяют достаточно уверенно определить количество его жителей.

При типовой однородности жилищ позднесредневекового Отрара выделяются дома зажиточного, рядового и бедного населения.

Отмечается ремесленная специализация некоторых кварталов позднесредневекового Отрара. В северо-восточной части города располагался квартал, где жили гончары.

Судя по обилию шлаков, связанных с производством металла, ямам с древесным углем, в некоторых домах Отрара находились мастерские по выплавке металла, производству изделий из железа. В одном из домов обнаружены остатки ткацкого станка, сгнившие куски ткани. Судя по целому ряду небольших помещений со стороны улицы, входивших в состав многокомнатных домовладений – торговых лавок, видимо, были кварталы, специализировавшиеся на торговле.

Одним из направлений экспедиционных исследований было изучение древней ирригации и орошаемого земледелия, составлявших основу оседлой цивилизации и городской культуры Южного Казахстана. Ставились вопросы, связанные с исследованием динамики развития орошаемого земледелия, его связи с политической, социально-экономической и культурной жизнью области.

В итоге по накопленным материалам была составлена картина развития ирригации в Отрарском оазисе⁵⁶.

В результате систематических раскопок Отрара и других южно-казахстанских городищ была собрана коллекция монет, которые вместе с находками прежних лет и случайно найденными кладами послужили основой нового направления для казахстанской науки – нумизматики.

Монеты исследовались не только как датирующий материал, но и как источник для изучения политической и экономической истории Казахстана в средние века, экономических и торговых связей региона с другими культурно-историческими областями Центральной Азии. Впервые была собрана многочисленная группа раннесредневековых монет, чеканенных в Отрарском оазисе местными тюркскими правителями. Находки на Отраре согдийских монет VII в., древнетюркских конца VII в., чачских начала VIII в., китайских монет династии Тан и бухарских свидетельствуют о широких международных торговых связях Отрара.

Как известно по письменным источникам, во второй половине IX в. Отрарский оазис и Южный Казахстан попадают в сферу политического и эконо-

⁵⁶ Грошев В.А. Ирригации Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

мического влияния Саманидов. Теперь этот факт подтвержден находками на Средней Сырдарье саманидских фельсов конца IX – первой трети X в. из Самарканда, Уструшаны, Шаша и Бухары, а также находками монет, чеканенных в Отраре с именем Саманида Насра б.Ахмеда, ранее известных в кладях.

В пору наивысшего подъема городской жизни монетные дворы функционировали в Отраре и Испиджабе. Интересны новые находки медных посеребренных дирхемов двух номиналов. Находки отрарских (фарабских) монет известны в кладях, найденных далеко за пределами округа. Находки монет в Жамбыле вызвали к жизни гипотезу о вхождении в состав округа Фараб во второй половине XII – начале XIII в. Тараза. В промежутке между 1210/11 и 1216/17 гг. в Отраре чеканится монета от имени хорезмшаха Мухаммеда б. Текеша. Интересна эмиссия монет того же Мухаммеда б. Текеша в Яссы, видимо, преследовавшая политические цели.

За время работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции наиболее интенсивно шло накопление нумизматического материала раннемонгольского времени (1251/52-1264/65 гг.). Как показывает анализ монет этого времени, восстановление экономики и торговли области произошло в сравнительно короткий срок, и уже с середины XII в. здесь была налажена регулярная чеканка монет. Выяснилось, что Отрар – единственный из городов Средней Азии и Казахстана, выпускавший монеты трех номиналов (динары, дирхемы и фельсы). О широких международных связях города и области свидетельствует находка серебряного денежно-вещевого клада, содержащего в составе серебряные изделия и вещи Малой Азии, Крыма, Поволжья и Восточного Туркестана. Клад был накоплен до реформы Масудбека.

Многочисленные находки медных монет в раскопках на Отраре, чеканенных в Самарканде, Бухаре, Андигане свидетельствуют о значительном подъеме экономики и товарно-денежных отношений в сырдарьинском регионе во время вхождения Отрара, Сыгнака, Туркестана, Саурана и других городов в состав империи Тимура. Интенсивные связи Отрара с областями, входившими в состав государства Тимура, а позднее тимуридов, иллюстрирует клад серебряных тамга и шахрухи, состоящий из монет Астрабада, Герата, Йезда, Кашана, Кума, Сабзеvara. К началу XV в. относится медный отрарский чекан Улугбека (1415-1416 гг.).

Еще более значительным в развитии экономики сырдарьинских городов был период середины XV – первой четверти XVI в. Медные монеты, выпущенные в Самарканде, Хисаре, Ташкенте, Кундузе, распространены в монетных материалах с Отрара и других городских центров Южного Казахстана.

На следующем этапе до середины XVII в. в денежном хозяйстве Отрара преобладает медный чекан Туркестана, Ташкента. Медные монеты некачественной чеканки. Этот период (XVI-XVIII вв.), связанный с историей Казахского ханства, пока наиболее слабо изучен ввиду некачественности монет, их малой информативности.

Интересен для периода второй половины XVII в. отмеченный факт проникновения на городские рынки Южного Казахстана медных копеек с именем царя Алексея Михайловича, чеканенных в 1655-1663 гг.

Эпиграфические находки при раскопках городищ, некрополей стимулировали появление работ, посвященных анализу, характеристике, датировке надписей и предметов с надписями⁵⁷.

Развивается изучение технологических особенностей керамики южно-казахстанских городов и на базе большого числа анализов определение прогрессивных явлений в гончарном ремесле, его организации.

Интересны работы, посвященные анализу знаковой символики на керамике Южного Казахстана.

Результативными были палеоэтнографические исследования материальной культуры казахов XV-XVIII вв. Основной выявленный материал относился к XVIII-XIX вв. – это зимовки, жилища, керамика⁵⁸.

Многие культурные достижения поры средневековья составили основу материальной культуры казахов. Городское население Южного Казахстана также участвовало в этногенезе казахского народа. Этнические процессы в городах Южного Казахстана, проблемы оседания казахов в городах вместе с проблемами этногенеза, начиная с эпохи саков и кангюев, явились одним из важных научных направлений ЮККАЭ.

Одним из ключевых вопросов казахстанской науки является вопрос о взаимодействии оседлых и кочевых культур, города и степи. Этой теме был посвящен международный симпозиум, проведенный в Алматы в 1987 г., в котором участвовали археологи СССР и Франции.

Мир оседлых культур и мир кочевых культур реально отражают многообразие формопроявлений мировой истории, причем каждый со своей спецификой – от социально-политической структуры до темпов исторического развития. Достаточно вспомнить дискуссии о номадах как изначально прогрессивном или, наоборот, неизменно регрессивном явлении в историческом процессе. Наиболее перспективно рассмотрение проблемы о перманентном взаимодействии двух историко-культурных ареалов, многообразии форм и типов взаимодействий, эпохальных изменениях и диалектической противоречивости.

Материалы симпозиума отражали стремление научных коллективов и отдельных ученых сосредоточить внимание в первую очередь на этих аспектах и особенностях.

Тема «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций» стала предметом специальной конференции не случайно. Необходимость рассмотрения накопленных знаний по древней и средневековой археологии и истории Центральной Азии именно под таким углом зрения была продиктована всем ходом развития исторической науки, решительно отказавшейся от устоявшихся стереотипов в трактовке этой проблемы. Рассматривая взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций как объективный процесс, детерминированный историческим разделением труда и сложившимися в эпоху становления производящего хозяйства различными хозяйственно-культурными типами. Научное знание ощущало острую потребность в выявлении основных

57 *Бурнашева Р.З.* Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан. Нумизматические исследования по денежному делу южно-казахстанских городов. Алма-Ата, 1989.

58 *Настич В.Н.* Поясная накладка из Отрара // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.145-152.

закономерностей межкультурного взаимодействия на различных этапах развития человеческого общества и в изучении региональных особенностей этого процесса. Симпозиум имел целью активизировать исследователей в конкретно-исторической разработке проблем взаимодействия, организовать обмен идеями, методологическими разработками теоретического плана, а также результатами исследований всевозможных аспектов этой проблемы.

Представительный состав участников также продемонстрировал огромный интерес к затронутой проблеме научной общественности нашей страны. На заседаниях присутствовали исследователи из Института археологии АН СССР (Москва, Ленинград), Института археологии АН УзССР (Самарканд), Института искусствознания Министерства культуры УзССР (Ташкент), Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (Душанбе, Пенджикент), Института истории КиргССР (Фрунзе), Института археологии и этнографии АН АрмССР (Ереван), Института истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР, Института истории, археологии и этнографии АН КазССР (Алма-Ата), Ташкентского, Казахского, Карагандинского, Челябинского, Кемеровского Госуниверситетов, педагогических институтов и областных музеев Казахстана, Института «Казпроектреставрация» Министерства культуры Казахской ССР.

Участие в симпозиуме группы французских специалистов из Национального центра научных исследований во главе с проф. А.-П.Франкфором, подготовивших серию научных докладов, свидетельствовало о международном сотрудничестве.

Большинство докладов и сообщений содержало разработки по важнейшим направлениям данной научной проблемы: общие закономерности взаимодействия; взаимодействие и социально-экономическое развитие; взаимодействие и культурный процесс; взаимодействие и этническая история; взаимодействие и духовное производство.

Важный результат симпозиума – обнаружение значительных успехов в сфере накопления нового материала, что позволило вопрос о взаимодействии кочевников и древних цивилизаций исследовать на археологическом материале и перейти от общих установок к конкретным историческим разработкам. Открылись перспективы совершенствования приемов интерпретационных построений, и здесь большое значение имели, в частности, работы французской школы теоретической археологии.

В центре ряда статей стояла проблема города и степи, традиционная для истории и археологии Средней Азии и Казахстана. Важна была постановка вопроса об археологических признаках кочевничества. Огромный археологический материал требует неустанного совершенствования самой процедуры его использования в исторических построениях. Вместе с тем следует иметь в виду, что набор специфических артефактов в таком случае на объяснительном уровне должен определяться образом жизни как устойчивой специфической системой, выработанной в данной среде. Хорошо зарекомендовавшее и в целом продуктивное привлечение к трактовке археологических материалов данных этнографии должно идти не по пути отдельных выхваченных аналогий, а по

пути комплексного анализа и моделирования. В этом отношении направление, именуемое «этноархеологией», представляет несомненный интерес.

В науке несколько ослаблено внимание к социально-экономической проблематике кочевых обществ, формационная природа которых требует дальнейшего анализа и творческих дискуссий. Существует и терминологический разнобой в определении кочевников, пастухов, «неоседлых скотоводов». В целом наметилась тенденция определять скотоводческо-земледельческие культуры степной бронзы как пастушеские и именовать кочевыми культуры, формирующиеся после широкого освоения верхового коня. Расширительное использование термина «номады» вплоть до эпохи неолита, принятое, в частности, французскими учеными, в определенной мере гасит эпохальную специфику.

Большое число докладов было посвящено интерпретации материалов из раскопок Отрара, как центра активного взаимодействия городских и степных цивилизаций⁵⁹.

Таким образом, исследования ЮККАЭ составили важный этап в развитии археологии как в части организации полевых исследований, методики раскопок, так и в накоплении материала, приведшего к качественно новому информативному уровню и разработке ряда новых научных направлений, что нашло широкое отражение в проанализированной научной литературе.

Вполне закономерно, что накопление материала по топографии городов оазиса и самому Отрару на базе широких раскопок; объем данных по домостроительству и архитектуре; нумизматике, ремеслах, торговле послужили закономерной причиной появления обобщающих работ, которые подвели итоги двадцатилетнего цикла масштабных археологических исследований.

В первую очередь следует назвать три коллективных монографии, посвященные исследованиям Отрара⁶⁰.

Первая из них была по сути дела программной и базировалась на материалах исследований Отрара и Отрарского оазиса в 1969-1971 гг.

Особо важные наблюдения получены в крупном стратиграфическом раскопе на «центральной бугре» (шахристане). Его местоположение оказалось весьма удачным. Этот раскоп позволил установить смену культурных наслоений и строительных горизонтов на протяжении почти полутора тысячелетий – от IV-VI вв. до XVII-XVIII вв. включительно.

Добытые материалы были тщательно описаны и проиллюстрированы четко выполненными многочисленными графическими рисунками и фотографиями. Привлеченный сравнительный материал из других районов Средней Азии и Казахстана убеждает в правильности предложенных датировок.

Одновременно с раскопками городища было проведено обследование многочисленных памятников древности всего «Отрарского оазиса и его Каратауской периферии» с целью изучения их топографии и хронологии. Раскопки на

59 Взаимодействие кочевых культур и оседлых цивилизаций. Тезисы докладов. Алма-Ата, 1987; Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.

60 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). Алма-Ата, 1981; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987.

ряде памятников позволили уточнить данные предшествующих исследований района, как в смысле количества учтенных памятников, так и их характеристики. Полученные материалы свидетельствуют, в частности, о том, что оседлая культура в этом районе восходит к первым векам н.э. Особую роль сыграли аэрофотосъемки, с помощью которых были обнаружены следы ирригационных систем, едва уловимые при наземном обследовании.

Проблема этнической атрибуции памятников рассматривалась в свете данных письменных источников и тех материалов, которые получены археологическими исследованиями. Привлекались также материалы по современной топонимике и этнонимике.

Был аргументирован общий вывод об определенном своеобразии археологических материалов исследуемого района.

Отрарский оазис в большей мере, чем другие районы Казахстана, дает возможность изучить взаимосвязанность оседлой и кочевой культур – проблемы актуальной для обширнейшей степной зоны. Исследования в южных районах Казахстана важны для выяснения реальных культурно-исторических связей с соседними областями Средней Азии в разные эпохи. Изучение Отрара актуально также для решения вопроса о развитии городской жизни в Казахстане, в частности, в позднем средневековье (XV-XVIII вв.).

В целом книга, посвященная первым результатам изучения Отрарского оазиса, получила высокую оценку⁶¹.

Вторая монография была посвящена раскопкам слоев XVI-XVIII вв. на городище Отрар, изучению топографии позднесредневекового города, его жилищ, ремеслам, вопросам социально-экономических отношений. Важной ее частью явилось приложение «Каталог монет», выполненный Р.З.Бурнашевой⁶².

Монография явилась по сути дела первой фундаментальной работой, посвященной археологии позднесредневекового города Средней Азии и Казахстана.

Третья монография также явилась новационной в части хронологического периода. Эпоха XIII-XV вв., или монголо-тимуридское время, до этого никогда в казахстанской археологии не было предметом внимания исследователей, хотя отдельные аспекты его исследования затрагивались. Следует отметить нумизматические обзоры и изучение монет XIII-XV вв.⁶³ Это также небольшие раскопки на городищах Сарайчик в Западном Казахстане⁶⁴, раскопки верхних слоев городища Баба-Ата, датированные XIII-XIV вв.⁶⁵

61 Беленицкий А.М. Рецензия на книгу: Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (Топография, стратиграфия, перспективы). С.216 // ИАН. Серия общественных наук. Алма-Ата, 1973. №3. С.71-73.

62 Бурнашева Р.З. Каталог монет из раскопов и сборов на городище Отрар-тобе (1971-1977 гг.) // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар (XVI-XVIII вв.). Алма-Ата, 1981. С.289-342. Рис.116-118.

63 Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С.20-62.

64 Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С.85-88; Арзютов Н. Отчет о раскопках, произведенные в 1937 г. на месте развалин Золотоордынского города Сарайчик // ИАН. Серия археологическая. Алма-Ата, 1950. Вып.2. С.126-134.

65 Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ. Алма-Ата, 1962. Т.14. С.154-216.

Более значимые результаты были получены Хорезмской археолого-этнографической экспедицией в восточном Приаралье, где проводились исследования городищ Дженд, Асанас и ряда поселений золотоордынского периода⁶⁶.

Существенную роль в вопросах изучения культуры южно-казахстанских городов XIII-XIV вв. как части большой евразийской проблемы, связанной с историей Золотой Орды и сложением ее городской культуры сыграла статья Л.Б.Ерзаковича, опубликованная в 1970 г.⁶⁷

Исследование Отрара и городищ оазиса по уровню слоев XIII-XV вв. послужило отправной точкой изучения города эпохи монгольской империи, Джагатаидов, Джучидов и Акорды. Это время имеет исключительно важное значение для понимания образования и формирования Казахского ханства и этногенетических проблемах на юге Казахстана в XIII-XV вв.

Достоинством монографии является приложение в виде каталога монет, собранных на Отраре в 1979-1985 гг.⁶⁸

Определенное значение для воссоздания средневековой истории Отрара и Отрарского оазиса, а также Южного Казахстана сыграла монография К.М.Байпакова, посвященная изучению городской культуры Южного Казахстана и Семиречья⁶⁹.

В монографии на базе накопленного материала рассматривались вопросы формирования города в эпоху средних веков: VI – начала XIII в.; обобщены материалы по топографии городищ, домостроительству, ремеслам, развитию культуры.

Одной из рассматриваемых в работе проблем явилась преемственность в развитии культуры первой половины I тыс. н.э. и культуры средневековой.

Раскопки городищ кангюйского времени, а также некрополей этого же периода привели к решению ряда вопросов «кангюйской проблемы».

Большое значение в исследовании вопросов кангюйского времени сыграла работа Л.М.Левиной, посвященная керамике нижней и средней Сырдарьи⁷⁰.

В монографии Л.М.Левиной проведено исследование массового археологического материала – керамики, полученной из раскопок и путем сборов на памятниках, расположенных по нижнему и среднему течению Сырдарьи. Это был первый сводный труд по классификации и датировке керамики I тысячелетия н.э. долины Сырдарьи. В книге на основе сравнения керамических комплексов выделены три региона с распространенными в них тремя культурами: джетыасарской, каунчинской и отрарско-каратауской.

Большое внимание в книге уделено керамике отрарско-каратауской культуры, впервые выделенной А.Н.Бернштамом под именем кангюйско-каратауской⁷¹. Трудности датировки керамики из районов распространения памятников

66 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1960; Вактурская Н.Н. Новые данные о городище Асанас // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979. С.127-133.

67 Ерзакович Л.Б. О южно-казахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.60-68.

68 Бурнашева Р.З. Каталог монет городища Отрар-тобе (1979-1985) // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата, 1987. С.224-254.

69 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.

70 Левина Л.М. Керамика нижней и средней Сырдарьи. Москва, 1972.

71 Бернштам А.Н. Древний Отрар // ИАН. Серия археологическая. Алма-Ата, 1951. Вып. 3. С.97.

этой культуры вполне понятны. Широкие раскопки здесь почти не проводились, и керамика в большинстве своем была подъемная. Хронологическая периодизация ее, предложенная в свое время Е.И.Агеевой, в значительной мере устарела⁷².

Поэтому была вполне оправданна попытка автора дать новую датировку керамики Тек-Турмаса, Ак-тобе, Алтынтау, Тарса-тобе и других хорошо известных по прежним исследованиям памятников. Вполне убедительно предлагались более узкие хронологические рамки для керамики из единственного раскопанного поселения Ак-тобе Баба-атинского, ранее датированного в пределах III в. до н.э. – III в. н.э.⁷³ Были новые даты, ставился акцент на хорошо датированные керамические комплексы Джеты-асарской и Каунчинской культур.

Был опубликован подъемный керамический материал с некоторых памятников, обследованных в 1968 г. маршрутным отрядом Хорезмской экспедиции. В Отрарском оазисе это Маслахат-тобе, Ак-тобе и Шошак-тобе.

Обследованы и предварительно датированы тобе с ранней керамикой из района Туркестана, Яны-Кургана и на левобережье Сырдарьи. Публикации материала свидетельствуют об общем сходстве керамики с этих иногда значительно удаленных друг от друга памятников.

В конце главы предлагается деление керамики отрарско-каратауской культуры по трем этапам: I-IV, IV-VI и VII-VIII вв.

Книга дает полное и четкое представление о керамике сырдарьинских памятников I тысячелетия н.э.

Позднее, спустя 20 лет, в монографии К.М.Байпакова и А.Н.Подушкина была дана характеристика поселений Отрарского оазиса и их хронология. Описаны квартальная застройка и городища Кок-Мардана; храмовые комплексы. Дана типология и хронология керамики, а также рассмотрены, вопросы этногенеза как части «кангюйской проблемы»⁷⁴.

Эти же вопросы рассматривались и в монографии К.М.Байпакова, посвященной памятникам Отрарского оазиса, среди которых были городище Кок-Мардан, могильник Кок-Мардан, городище Куик-Мардан⁷⁵.

В частности, в разделах, посвященных раскопкам городища Куик-Мардан дана характеристика раскопок городских кварталов IV-VI и VI-VIII вв. Материалы, проанализированные в монографии, позволили поставить вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса, сопоставить раннесредневековые комплексы VII-VIII вв. с кангарами, печенегами⁷⁶.

Следует отметить и раскопки могильника Конуртобе, расположенного рядом с Куик-Марданом, давшим специфический обряд погребения и комплекс керамики I-IV вв., характерный для второго этапа отрарско-каратауской куль-

72 *Байпаков К.М.* Археологическая литература в изданиях АН КазССР в 1946-1962 гг. // СА. 1964. № 2. С.243.

73 *Сенигова Т.Н.* Поселение Актобе // Археологические исследования на северных склонах Каратау. ТИИ-АЭ. Алма-Ата, 1962. С.79.

74 *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана (I тыс. н.э.). Алма-Ата, 1989.

75 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990. С.56-64.

76 *Байпаков К.М.* По следам древних городов Казахстана. С.10-15; *Байпаков К.М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса // ВАН. Алма-Ата, 1985. №1. С.68-75.

туры. Частично эти материалы были опубликованы в вышеназванной монографии, частично в серии статей⁷⁷.

В монографии К.М.Байпакова рассмотрен также ряд вопросов палеоэтнографического плана, а также проанализированы материалы из раскопок памятников оазиса, связанные с функциями городов – ремеслом, торговлей, сельским хозяйством и культурой.

Вопросам гончарного ремесла Отрара была посвящена монография М.Кожаяева, в которой он характеризует раскопки гончарных мастерских XIII–XV вв., расположенных неподалеку от Отрара в 1 км юго-западнее в местности Мыншукур. Автор, во многом опираясь на раскопки мастерских в пригороде Отрара⁷⁸, характеризует устройство гончарных печей, описывает керамические комплексы⁷⁹.

Публикации высокохудожественной керамике Отрара и Отрарского оазиса был посвящен альбом, который содержал наиболее интересные в художественном отношении гончарные изделия. Анализ керамических изделий позволил подтвердить вышесказанную исследователями мысль о существовании отрарской школы керамистов⁸⁰.

Многолетние исследования ирригации Отрарского оазиса нашли отражение в монографии В.А.Грошева⁸¹. Книга посвящена комплексному изучению ирригации оазиса на основе археолого-топографического обследования оросительных систем и поселений, на базе полевых археологических работ и аэрометодов. В свое время академик Б.А.Рыбаков очень образно назвал «воздушную археологию» «окрыленной археологией». Действительно, аэрофотосъемка – серия плановых снимков разного масштаба дает наиболее точное документальное изображение всех следов человеческой деятельности на земной поверхности, нередко даже скрытых под современным почвенно-растительным покровом. Важной проблемой для Средней Азии и Казахстана – территории с аридным климатом, где земледелие было основано преимущественно на искусственном орошении, является изучение истории орошения крупных оазисов.

В работе описываются основные водные источники и природа края, отражены основные этапы возникновения и развития ирригации Южного Казахстана, ирригационная техника и система водоснабжения Отрара; изучение ирригации левого берега Сырдарьи, южных и северных склонов Каратау; общие вопросы роли и значения ирригации в хозяйственной и общественной жизни городов Южного Казахстана.

Автору удалось разработать общую схему развития ирригации: от лиманных форм дельтовой ирригации и использования стариц в древности до развитых, классических форм ирригации (с VII по IX вв. н.э.), расцвета систем

77 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Раскопки могильника Мардан-Куик на юге Казахстана // ИАН. Алма-Ата, 1990. №6. С.65-80; *Baypakov K.M., Smagulov E.A.* Donness resentes sul le problem Kangju // *Recherches archaologiques au Kazakhstan.* Paris, 1998. С.27-38.

78 *Байпаков К.М.* Гончарное ремесло в позднесредневековом Отраре // *Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии.* Алма-Ата, 1983. С.17-38.

79 *Кожаяев М.* Отрардагы керамика ондірісі. Туркестан, 1996.

80 *Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Керамика древнего Отрара. Алма-Ата, 1991.

81 *Грошев В.А.* Ирригация Южного Казахстана в средние века. Алма-Ата, 1985.

орошения (в X – начале XIII в.), гибели многих поселений и запустения каналов при нашествии монголов; нового подъема ирригации с XVI по первую половину XVII в. и, наконец, период последующего упадка.

Такой широкий хронологический охват и системный подход являются большим достоинством работы, они и предопределили успешное решение вопросов динамики развития ирригации в разных ландшафтных зонах Южного Казахстана.

Автор проследил зависимость развития ирригации от социально-политической обстановки в регионе. Достоинством работы является изложение фактов развития техники ирригации и судеб систем орошения на широком историческом фоне.

Результаты исследований памятников Отрарского оазиса были также обобщены и опубликованы в монументальном издании «Свод памятников истории и культуры Казахстана». Памятники археологии Кзылкумского района вошли в реестр Свода. Каждому из них посвящена статья с фотографиями и планами, историей открытия и изучения. Свод является своеобразной энциклопедией памятников, способствует охране культурного наследия⁸².

В 1987 г. на 24-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО был одобрен Международный проект по комплексному изучению Великого Шелкового пути. Инициатива принадлежит Греции, Египту, Индонезии, Италии, КНР, МНР, Оману, Португалии, Шри-Ланке и бывшему СССР. Осуществляются две крупные программы: «Окружающая человека среда, ресурсы земли и моря» и «Культура и будущее».

Как известно, Шелковый путь – система караванных дорог, которые в древности и средневековье пересекали Евразию от Средиземноморья до Китая и служили истоками возникновения и развития торговых и культурных связей народов, государств, регионов, находившихся в зоне этого пути. Вот почему осуществление данного проекта означает, прежде всего, поиски ответа на вопрос: как реализовывался первый в истории человечества мирный контакт между народами Востока и Запада. Кроме того, исследования Великого Шелкового пути призваны поддержать научное и культурное сотрудничество между учеными стран, входивших когда-то в регионы влияния древнего пути.

Наиболее полная оценка стоящих перед исследователями задач была дана Генеральным директором ЮНЕСКО Федерико Майором: «Шелковый путь, проходивший через степи, моря и пустыни, предоставлял великолепную возможность для установления контактов и диалога, способствовал возможности взаимного обогащения выдающихся цивилизаций. Цель проекта комплексного исследования Шелкового пути – содействовать тому, чтобы народы осознали необходимость возобновить диалог, воспользовались имеющей историческое значение возможностью взаимопонимания, общения и взаимного обогащения цивилизаций, расположенных вдоль этого пути».

В Казахстане в рамках реализации проекта ЮНЕСКО был создан Национальный комитет Республики Казахстан «Шелковый путь» (апрель 1991 г.), ко-

82 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. С.116-155.

торый вскоре же (совместно с ЮНЕСКО) провел международную экспедицию по степному участку Шелкового пути, когда-то проходившему и через Казахстан. Участники путешествия побывали в районах Сырдарьи и Семиречья, обследовали древние и средневековые городища – Отрар и Туркестан, поселения урочища Джетыасар, грандиозные сакские могильники Джетытобе, Тальхир, Иссык, Кегень, уникальное святилище Тамгалы-Тас⁸³.

Археологи Казахстана вели свои исследования по программе, которая в системе Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан была утверждена под названием «Великий Шелковый путь: взаимодействие кочевых и оседлых культур». Разработанная тематика учитывала такие проблемы, как развитие средневековой урбанизации; культурное взаимодействие стран, народов и цивилизаций в древности и средневековье; трассы Шелкового пути. Тем самым удалось объединить такие исследования, которые уже много лет велись археологами Казахстана в русле изучения древней и средневековой истории и археологии страны, и интегрировать разные фундаментальные научные направления. Исследования, которые проводили по программе Великий Шелковый путь, были конкретно связаны с изучением главных трасс Великого Шелкового пути, его ответвлений, городов на трассах; распространении товаров, культурных эталонов и религий. По теме Великий Шелковый путь и роли на нем Отрара и Отрарского оазиса был опубликован ряд статей и монографий⁸⁴. Был издан также альбом, где собраны фотографии городов на Шелковом пути, их раскопок и замечательные изделия, найденные там⁸⁵.

Археология в независимом Казахстане

В 1991 г. произошли значительные изменения в организации академической археологии в независимом Казахстане.

Постановлением Кабинета Министров Республики Казахстан №496 от 28 августа 1991 г. и Постановлением Президиума Республики Казахстан №73 от 6 сентября 1991 г. на базе Археологического центра Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч.Валиханова АН КазССР был создан Институт археологии, которому присвоено имя выдающегося ученого, академика А.Х.Маргулана.

В центре внимания республики Казахстан были поставлены вопросы идеологии, культурной стратегии и науки. В 1995 г. Национальным советом по государственной политике при Президенте РК утверждена Концепция исторического сознания Республики Казахстан, 1998 год был объявлен Годом национального единства и национальной истории. В феврале 1998 г. Указом Президента утверждена государственная программа РК «Возрождение исторических центров Шелкового пути, сохранение и преемственное развитие культурного наследия тюркоязычных государств, создание инфраструктуры туризма», включающая

83 Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом Шелковом пути. Алма-Ата, 1991.

84 Байпаков К.М. Великий Шелковый путь идет через Казахстан // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1992. С.34-44; Байпаков К., Нуржанов А. Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық Қазақстан. Алматы, 1992.

85 По Великому Шелковому пути. Along the Great Silk Road. Алма-Ата, 1991.

комплекс мероприятий по исследованию, музеефикации, консервации, восстановлению памятников историко-культурного наследия. Указом Президента РК 2002 год был объявлен Годом поддержки культуры, в 2004 г. Указом Президента была принята Государственная программа «Культурное наследие»⁸⁶.

Ежегодно в процессе археологического исследования памятников появлялись и появляются новые материалы, несущие дополнительную информацию. Пополнение фондов и расширение информационного поля являются необходимым и обязательным звеном в процессе археологических исследований. Казахстанской археологией накоплена значительная источниковая база, позволяющая разрабатывать и совершенствовать типологию и классификацию памятников, выделять новые археологические культуры, хозяйственно-культурные типы, историко-культурные общности, успешно решать вопросы хронологии и периодизации. Археологические источники являются важнейшей основой для восстановления исторической картины древней и средневековой истории Казахстана в широких хронологических рамках от палеолита до позднего средневековья.

Важное значение в проведении сплошного обследования территории Казахстана и широкомасштабных систематических раскопок имеет изначально практиковавшаяся организация крупных археологических экспедиций.

Знаковыми событиями в общественной жизни Казахстана имели юбилеи городов Туркестана и Тараза. Основанные на археологических данных, эти даты были аргументированы широкими исследованиями, раскопками, проведением международных конференций, в том числе и в ЮНЕСКО, выпуском монографий, альбомов, многочисленных статей⁸⁷. В этих мероприятиях принимали участие сотрудники ЮККАЭ.

Как одно из явлений этого периода развития археологии стали расширившиеся связи с исследователями дальнего и ближнего зарубежья, участие в грантах, международные совместные научные конференции, что, безусловно, расширило возможности археологической науки страны. Одним из значительных событий в связи с этим является «прорыв» казахстанских археологов через многочисленные публикации в престижные научные издания зарубежных стран. За эти годы изданы совместные сборники трудов по археологии, опубликованы десятки научных статей в США, Франции, Италии, Германии, КНР, Южной Корее, Пакистане. Зарубежные исследователи публикуют статьи в научных изданиях Казахстана.

Среди получивших известность в научном мире издания, посвященные археологическим исследованиям в Казахстане, вышедшие во Франции и Италии⁸⁸.

86 Байпаков К.М. Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи становления археологии // Известия Министерства науки РК. Алматы, 1996. С.3-14.

87 Города Туркестана. Алматы, 1999; Загадки древнего Туркестана. Алматы, 1998; Есмаханов А., Байпаков К. Туркестан – очаг цивилизации. Алматы, 2000; Тараз, 2000 // Материалы Республиканской научно-практической конференции. Тараз, 2002.

88 The gold and grass. Nomads of Kazakhstan. Access Industries, 2006; Recherches archéologiques au Kazakhstan. Paris, 1998; Cavalier delle steppe. Memoria delle terre der Kazakhstan. Electa, Milano, 2000; Байпаков К.М. Aeros Central Asia. History civilization of Central Asia. UNESCO publication. Paris, 2000. P.221-226; Байпаков К.М., Кумеков В.Е. The Kazakh history of Central Asia. UNESCO publication. Paris, 2003. P.89-108; Байпаков К.М. Handisrcraft. здесь же Vol.V. P.379-392.

Много сделано в части выпуска альбомов-каталогов, посвященных публикации археологических коллекций из раскопок отдельных памятников, тематических альбомов художественных произведениях саков Казахстана, древнего золота, бронзы, керамики. Эти издания содержат тексты на казахском, русском и английском языках, что дает возможность знакомиться с культурным наследием Казахстана широкому читателю⁸⁹.

Большое внимание уделял Институт археологии вопросам пропаганды культурного наследия в стране и за рубежом. Выставки «Золотой человек и древние сокровища Казахстана», «Древние религии Казахстана», подготовленные музеем Института археологии, с большим успехом демонстрировались в областных центрах республики и за рубежом в Италии и Франции, США, Южной Корее⁹⁰.

В августе 2001 г. между Правительством Республики Казахстан и ЮНЕСКО было подписано Соглашение о «Сохранении и реставрации древнего городища Отрар», включая финансовую помощь, выделяемую через ЮНЕСКО/Японский трастовый фонд. Правительство Казахстана оказывало поддержку, включая предоставление материальной помощи, обеспечение участия в работах национальных экспертов и технического персонала, а также организовывало мероприятия по сохранению памятника. Отдел культурного наследия ЮНЕСКО в сотрудничестве с Кластерным Бюро ЮНЕСКО в Казахстане руководил ходом выполнения поставленных целей и задач, а также координировал работу экспертов в рамках проекта.

Настоящий проект выполняли Министерство образования и науки РК, Министерство культуры и информации РК, Институт археологии им. А.Х.Маргулана, Республиканский научно-исследовательский и проектный Институт памятников материальной культуры, и Отрарский государственный археологический музей-заповедник.

Масштабы археологических раскопок в Отраре и Отрарском оазисе, раскопки по программе «Культурное наследие» культурных остатков, необходимость сохранения раскопанных памятников, находящихся под воздействием эрозии и разрушающих природных факторов, делают необходимыми срочные консервационные мероприятия. Сырцовые памятники, раскопанные более 40 лет назад, подверглись частичному разрушению, а состояние недавно открытых объектов стремительно ухудшается. Растущее количество посетителей, ступающих на непрочные архитектурные сооружения, также представляет опасность.

Проект сохранения Отрара был рассчитан на четыре года (2001-2004) и направлен на создание научной документации, популяризацию и использование памятника, а также выработку методов консервации. Консервационные работы проводились как на Отраре, так и на других памятниках, входящих в оазис. Проект был также призван повысить научную квалификацию и знания специа-

89 *Акишев К.А., Акишев А.К.* Древнее золото Казахстана. Алматы, 1998; *Байпаков К.М.* Древняя бронза Казахстана. Алматы, 1998; *Байпаков К.М., Савельева Т.В.* Древние сокровища Алматы и Жетысу. Алматы, 2004.

90 *L'onomo d'oro. La cultura dale Steppe del Kazakhstan dall eta del bronzo alle graandi migrazioni.* Electa, Milano, 1998; *Shimani e dervisci dale steppe del Prete Gianni. Religisita del Kazakhstan persezione del fantastic a Venezia.* Venezia, 2000.

листов, занимающихся сохранением и восстановлением культурного наследия не только в Казахстане, но и во всем регионе Центральной Азии. Таким образом, были заложены основы для сохранения памятника культурного наследия и управления им.

Одним из сложных факторов является резко континентальный климат в регионе – температура варьирует от +40 летом и до –20 зимой. Климат также характеризуется обилием осадков. Это создает большую угрозу разрушению памятников на территории оазиса. Вследствие этих факторов стандартные методы консервации, успешно апробированные в других регионах, не могут быть применены для Отрара. Вторая проблема связана с размерами Отрарского оазиса и масштабом памятников.

В рамках проекта была выполнена консервация ряда раскопанных объектов на городище Отрар-тобе, на городищах Куйрыктобе, Алтынтобе и Кок-Мардан.

Цели проекта были определены так: документирование и научные исследования; научная регистрация и документирование; создание компьютерной базы данных; разработка мастер-плана для городища Отрар и его округи; повышение профессионального и технического потенциала организаций, ответственных за сохранение и менеджмент памятников, и подготовку специалистов для выполнения на международном уровне консервации; презентации и менеджмент объектов культурного наследия. Было обращено внимание на популяризацию ценностей культурного наследия Казахстана, в частности, городища Отрар-тобе.

Работы в рамках проекта начались весной 2001 года. Основные усилия экспертов были направлены на консервацию мечети, дворца в районе цитадели, бани, гончарных мастерских и крепостной стены, а также дворцового комплекса на территории соседнего городища Куйрыктобе.

В апреле 2002 г. на территории Отрарского музея-заповедника был построен экспериментальный корпус, в котором живут и работают научные эксперты в период сезонных работ. В экспериментальном корпусе, построенном в традиционном народном стиле, установлены компьютеры, современное оборудование и лаборатория для проведения различных научных экспериментов.

После завершения проекта в 2004 г. было решено продолжить работы по поддержанию, управлению и реставрации памятника. В рамках проекта был разработан всесторонний менеджмент-план для управления памятником. В этом документе были также отражены вопросы развития туризма в регионе.

В ходе реализации проекта были разработаны и апробированы новые методы консервации, а также подход, предполагающий совмещение археологических работ с последующей консервацией. Методы консервации, разработанные для городища Отрар, применяются и для других памятников в регионе. Проект послужил образцом научно выверенной и инновационной консервации⁹¹.

В 2005–2006 гг. осуществлялся проект «Документация и историческая география Отрара и Отрарского оазиса: основа сохранения и защиты». Необходи-

91 Отрар, Отрар. ЮНЕСКО, 2003.

димось тщательного исследования обширной территории оазиса на предмет фиксации археологических объектов и последующей их документации как основы, на которой в дальнейшем будет строиться стратегия включения уникального комплекса «Отрарский оазис» в список Всемирного наследия.

Отрарский оазис с его многочисленными средневековыми городами, поселениями и могильниками является одним из самых известных в Республике объектов туризма. Оазис уникален сохранностью древних культурных ландшафтов. Вместе с тем настораживает активное освоение земель под хлопок и другие культуры, в ходе которого памятники археологии, равно как и культурные ландшафты, оказываются под угрозой полного или частичного разрушения. Столь же опасными становятся и природные факторы.

Разработка системы учета и документации на сегодняшний день, пожалуй, единственная возможность охраны, а также проведения мониторинга памятников⁹².

Широкие работы, как уже отмечалось, с 2004 г. проводятся по программе «Культурное наследие», инициированной Президентом страны. Многообразие и богатство культурного наследия являются основополагающим признаком цивилизованного общества, интеграционным компонентом национального и государственного самосознания. Вещественный блок культурного наследия представляет собой как бы материализованную память народа. Важную часть этого блока составляет археологическое культурное наследие.

Цивилизованные страны все с большим вниманием относятся к проблемам сохранения и использования культурного наследия. В развитых странах повышение уровня благосостояния способствовало развитию массового туризма, формированию целой туристской индустрии, что экономически стимулирует внимание к культурному наследию. Совершенствуется соответствующее законодательство, идут поиски наиболее эффективных форм организации.

Практически культурное наследие и разумное отношение к нему в современном мире выступают как показатель цивилизованного общества. Это касается и законотворческой ситуации и нравственного настроя.

Год 2003 стал этапным в изменении подхода к изучению, сохранению и использованию культурного наследия Казахстана и в том числе археологического наследия. Археологические объекты согласно программе предлагаемые для изучения, в том числе и масштабных раскопок, выбирались с учетом их значимости и наличия определенного задела в предыдущих изысканиях. Это по сути дела эталонные памятники, несущие важную историко-культурную нагрузку и являющиеся знаковыми для генетической памяти народа, и те, которые вошли в список будущих номинантов Всемирного культурного наследия.

Исследования по программе велись комплексно, вслед за раскопочными работами и параллельно им следовали мероприятия, связанные с подготовкой проекта, затем консервацией и восстановлением раскопанных объектов и их музеефикацией.

92 Otrar oasis. Документация и историческая география Отрарского оазиса: основы сохранения и защиты. Алматы-ЮНЕСКО, 2005.

Музеефицированные памятники включаются в систему казахстанских государственных и международных туристических маршрутов, становятся своеобразными узлами развивающейся туристической инфраструктуры.

Одной из главнейших задач программы являются подготовка Свода памятников истории и культуры, строгий учет и ревизия историко-культурного наследия. Свод – это фундамент всей работы по изучению и охране памятников.

Прошедшие годы стали временем подготовки областных и районных сводов памятников истории и культуры.

ЮККАЭ активно участвует в этих работах. К ранее подготовленным Сводам памятников по Южно-Казахстанской и Жамбылской областям⁹³, в которых сотрудники ЮККАЭ принимали самое активное участие, добавился Свод памятников Кызылординской области⁹⁴, подготовлен Свод памятников Алматинской области (в производстве). Подготовлен Свод памятников по Отрарскому району Южно-Казахстанской области и районам Жамбылской области: Кордайскому, Таласскому, Байзакскому, Меркенскому, Луговскому⁹⁵.

Широкие археологические исследования ЮККАЭ по программе «Культурное наследие» начались в 2004 г. Они велись в Жетысу, Южном Казахстане, Приаралье, в Западном Казахстане⁹⁶. Большой интерес вызвали работы по изучению могильника Иссык и поселения Рахат⁹⁷.

Одним из наиболее крупных городищ Северо-восточного Жетысу является городище Антоновка, которое было отождествлено с городом Каялыкком – столицей карлукских джабгу⁹⁸.

Проводились крупномасштабные исследования городища Талгар, которое отождествляется со средневековым городом Тальхизом-Тальхиром. Изучены его застройка, городские кварталы и жилище, фортификация, определена роль города как крупного центра ремесла и торговли, сельского хозяйства и культуры. Удалось определить роль Тальхира, как крупного центра кузнечного производства, где использовались передовые технологии в производстве железа, чугуна и литебуритной (дамасской) стали. Проведена консервация центральной улицы и городских кварталов⁹⁹.

Работы по программе «Культурное наследие» были проведены на городище Актобе в Чуйской долине¹⁰⁰.

93 Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Алматы, 1993; Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Алматы, 2002.

94 Свод памятников истории и культуры Кызылординской области. Алматы, 2007.

95 Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007; Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Кордайский район. Алматы, 2010; Таласский район. Алматы, 2010; Байзакский район. Алматы, 2010; Жамбылский район. Алматы, 2010; Меркенский район. Алматы, 2011; Турар Рыскуловский район. Алматы, 2011.

96 Нурмуханбетов Б.Н., Ахатов Г.А., Бермаганбетов А.Ж. Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие 2004». Алматы, 2005. С.112-113.

97 Нурмуханбетов Б.Н., Ахатов Г.А., Бермаганбетов А.Ж. Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие 2004». Алматы, 2005. С.112-113..

98 Байпаков К.М. Средневековые города и поселения Семиречья (VII-XII вв.). Автореферат на соискание ученой степени канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966. С.12.

99 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. Алматы, 2005.

100 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. С.149-152; Шалекенов У.Х., Нуржанов А.А., Акымбек Е.Ш. Археологические исследования на городище Актобе

На памятнике Акыртас велись раскопки «дворца», замка и караван-сараев. Изучение объектов после завершения цикла раскопочных работ были законсервированы и музеефицированы¹⁰¹.

В Южном Казахстане археологические работы проводились на городище Шымкент, которое находится в центре города¹⁰².

На средней Арыси научные работы были связаны с изучением памятников средневекового округа Кенджида-Кендже, а также таких известных городищ, как Жуантобе, Караспан и самого крупного некрополя Казахстана – Борижарского.

Раскопки Борижарского могильника позволили выделить здесь погребения двух хронологических периодов: кангюйского и раннесредневекового, переходного от поздне-кангюйского этапа развития отрарско-каратауской культуры к периоду древнетюркских каганатов.

Изучался погребальный обряд, материальная культура и идеология¹⁰³.

Раскопки городищ Жуантобе и Караспана позволили проследить развитие урбанизации в районе Средней Азии на протяжении двухтысячелетнего периода, а также выявить роль этого района в диалоге оседло-земледельческой и городской культур и культуры кочевников – Ирана и Турана¹⁰⁴.

Одним из главных объектов исследований был Отрар и памятники Отрарского оазиса. На самом городище Отрар велись раскопки в центральной части по уровню слоев X-XII вв.; изучались южный въездной комплекс; велись исследования соборной мечети конца XIV – начала XV в. и мечети XVI в.

Продолжались работы на городищах Куйрыктобе, Алтынтобе, Куик-Мардан, Жалпактобе.

Консервационные работы велись на мечетях, бане XIII-XIV вв., гончарных мастерских XIII-XIV вв. По программе «Культурное наследие» были опубликованы научные монографии и альбомы¹⁰⁵.

Изучалось городище Сауран, один из крупных городов Казахстана, бывший столицей Ак Орды и одним из центров Казахского ханства. На городи-

(Баласагун) в 2007 г. // «Культурное наследие 2007». Алматы, 2008. С.235-237; Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш. Краткие итоги исследования, проведенные на средневековом городище Актобе (Баласагун) в 2008 г. // «Культурное наследие 2007». Алматы, 2008. С.170-171; Шалекенов У.Х., Акымбек Е.Ш., Байбугунов Б.А. Краткие итоги исследования, проведенные на средневековом городище Актобе (Баласагун) в 2008 г. // «Культурное наследие 2009». Алматы, 2008. С.189-190.

101 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Капеева Г.А., Марьяшев А.Н. Сокровища древнего Тараза и Жамбылской области. Алматы, 2011. С.399-413.

102 Байпаков К.М. Стратиграфия городища Шымкент: возникновение и развитие города // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент / Материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С. 19-37.

103 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005.

104 Байпаков К.М. Города округа Кенджида-Кендже // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст города Алматы / Материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2011. С.78-91.

105 Байпаков К.М. Городище Куйрык-тобе – город Кедер. Алматы, 2005; Байпаков К.М., Терновская Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана (по материалам городища Куйрык-тобе). Алматы, 2005; Байпаков К.М., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш. Городище Кок-Мардан. Алматы, 2006; Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.А. Городища Куик-Мардан, Алтынтобе и Жалпактобе. Алматы, 2006; Байпаков К.М., Алдабергенов Н.О. Отрарский оазис. Алматы, 2005; Байпаков К.М. Ежелгі және орта ғасырларлағы. Отырар. Алматы, 2007; Байпаков К.М. Великий Шелковый путь на территории Казахстана.

ще открыты, изучены и законсервированы медресе, соборная мечеть, участок магистральной улицы, фортификация. Исследовалась сельскохозяйственная округа Саурана и уникальная система кызылорошения и водоснабжения¹⁰⁶.

Одним из районов исследований стало Северо-восточное Приаралье, где многие годы работала Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР¹⁰⁷.

Были проведены раскопки городища Жанкент – средневекового Янгикента и работы на городище Мынтобе, которое сопоставляется с Янгикентом позднесредневекового времени. Исследования и раскопки так называемых «болотных городищ» гузов и, прежде всего, Кескен-Куюккалы позволили выявить динамику формирования этих городов, застройку, а также поставить вопрос о двух столицах огузов – новом городе Янгикенте и старой столице – Джувара-Хувара-Хора, которая находилась на месте городища Кескен-Куюккала. Исследовались и другие города огузов Приаралья, в частности, городище Джан-кала, которое отождествлялось С.П.Толстовым с городом Джендом¹⁰⁸.

Неожиданное открытие было сделано при обследовании высохшего дна Аральского моря после ухода воды. Здесь на дне моря были обнаружены руины двух городищ с некрополями и остатками ирригационных систем возле них. Датируются эти города серединой XIV в., они, видимо, сформировались на базе караван-сараев, возникших на новом участке караванного пути, соединявшего Золотую Орду, Хорезм и Приаралье с городами Центрального Казахстана. Важен установленный в результате этого открытия факт «усыхания» Арала, имевшее место в древности и в средние века¹⁰⁹.

В Западном Казахстане ЮККАЭ по программе «Культурное наследие» продолжала раскопочные работы на обнаруженном еще в 2001 г. городище XIII-XIV вв. Жайык вблизи г. Уральска и на некрополе Кырк-оба¹¹⁰.

Широкие исследования по программе «Культурное наследие» проводились на памятниках Алматы и Тараза. Результаты этих работ требуют обобщения, расширяющих представления о древней и средневековой истории Казахстана.

106 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А.* Средневековый город Сауран. Алматы, 2005.

107 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С.136-204, 273-394, 306-322; *Толстов С.П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. Москва, 1948. С.234-274.

108 *Байпаков К.М.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана // *Известия НАН РК.* Алматы, 2007. №1. С.35-61; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Умарходжиев А.А.* Исследования городища Дженд // *Известия НАН РК.* Алматы, 2010. №1. С.100-122.

109 *Байпаков К.М., Айдосов А.Х., Воякин Д.А., Антонов М.А., Бермаганбетов А.Ж., Шишков А.* Археологические исследования на дне Арала // *Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие» в 2006 г.* Алматы, 2007. С. 119-123; *Байпаков К.М., Воякин Д.А., Долгушев А.С., Кудабаяев Ч.А., Сорокин Д.В.* Полевые исследования на поселении Арал-Асар, на мавзолее Кердери 2 в 2009 г. // *Отчет об археологических исследованиях по программе «Культурное наследие» в 2009 г.* Алматы, 2010. С.219-221.

110 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ахатов Г.А.* Средневековое городище Жайык. Алматы, 2005; *Сейткалиев М.К.* Раскопки кургана №3 из могильника Кырк-оба II // *Известия НАН РК.* Алматы, 2012. №3. С.31-35.

Глава III

Новые методы документации¹

Отрар и Отрарский оазис: документация и историческая география

Древний Отрарский оазис находится в Отрарском районе Южно-Казахстанской области Республики Казахстан. Его земли располагаются по берегам среднего течения Сырдарьи. Долина средней Сырдарьи входит в Кызылкумско-Среднесырдарьинскую равнину, которая является частью Туранской низменности.

Отрарский оазис занимает в долине Сырдарьи удобное географическое положение. Вокруг него простираются обширные степи, издревле заселенные скотоводами, которые были тесно связаны в экономическом, политическом и этническом отношениях с местными земледельцами. Степь примыкает к хребту Каратау. Его склоны, обращенные к Сырдарье, изрезаны многочисленными ущельями, из которых вытекают Бугунь, Боролдай, Чаян. Долины рек богаты луговыми травами, зарослями шиповника, здесь встречаются рощи тополя и карагача. Предгорья Каратау представляют собой удобные места для выпаса скота, а долины рек для земледелия².

Расположение Отрарского оазиса наложило отпечаток на жизнь его обитателей. Отрар, находясь у впадения Арыси в Сырдарью, занимает выгодную географическую позицию и имеет обилие воды для орошения. По Арыси идет путь до Таласа, до границ усуньских, а позднее карлукских владений. По Сырдарье издавна шла дорога в Шаш, Фергану и Согд, по ней же в северо-западном направлении проходил путь через аланское Приаралье на р.Урал, к Волге и Дону, в Причерноморье и Крым; в Европу; на север через перевалы в горах Каратау шли маршруты в степи Центрального Казахстана.

Исследования памятников Отрарского оазиса, их фиксация на местности, картографирование в сочетании с аэроразведкой и дешифровкой аэрофотоснимков, проведенные в 1969-1971 гг., позволили составить карту памятников оазиса, определить их хронологию, пометить границы культурных зон оазиса и, таким образом, получить базовый материал для дальнейших научных изысканий. В этих работах принимал участие известный специалист в области аэрофотосъемки Н.И.Игонин.

Итоги этих исследований вкуче с уже известными данными были частично опубликованы в ряде изданий, в том числе и фундаментальном труде «Свод памятников истории и культуры Казахстана», Южно-Казахстанская область. Были добавлены карты памятников в границах области и районов, в том числе,

1 В написании этой главы мной использованы материалы, любезно предоставленные Д.А.Воякиным, Т.В.Савельевой, М.А.Антоновым, С.Ш.Акылбеком, Н.А.Воякиной, Д.В.Сорокиным.

2 Семенова М.И. Природа и хозяйство Южно-Казахстанской области. Алма-Ата, 1959. С.121-122.

и Кзыл-Кумского (сейчас Отрарского) района, куда входил и Отрар и Отрарский оазис³.

Идея проекта «Документация и историческая география Отрара и Отрарского оазиса: основа сохранения и защиты» появилась в 2004 г. и базировалась на основе многолетних научных исследований. Одним из них стал проект ЮНЕСКО-Казахстан-Японский Целевой Фонд «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар». В рамках проекта были проведены консервационные мероприятия, а также документация с использованием новейших методик на крупнейших археологических памятниках оазиса: Отраре, Куйруктобе, Алтынтобе и Конуртобе⁴. Вместе с тем возникла необходимость нового, тщательного исследования обширной территории оазиса на предмет фиксации археологических объектов и последующей их документации. У исследователей, работающих в Отрарском оазисе, появилось осознание острой необходимости проведения такого рода мероприятий, которые бы открыли возможность действовать сразу в нескольких приоритетных направлениях:

- определить границы оазиса;
- определить охранные зоны каждого памятника;
- разработать стратегию проведения охранных мероприятий для спасения уникального культурного ландшафта;
- выявить и тем самым сохранить памятники на осваиваемых территориях.

Назрела необходимость создания целостной картины всего оазиса путем интеграции огромного пласта накопленных знаний в систему, которая должна отвечать требованиям развития современного мирового научного уровня, быть гибкой, легко изменяемой и дополняемой, а также дала бы возможность использования ее как специалистами, так и широкой общественностью.

Постоянные научные исследования, как в области археологии, так и в области консервации, дают возможность изучения, сохранения, музеефикации отдельных небольших объектов. Собранные разрозненные данные по отдельным памятникам стали по их большому объему своего рода препятствием в успешной реализации научных исследований, основанных на формуле «от общего к частному». Решительный шаг в осуществлении мероприятий, которые охватили бы всю территорию оазиса, явился к моменту начала проекта наиболее значимым.

Отрарский оазис с его многочисленными древними и средневековыми городами, поселениями и могильниками является одним из самых известных в Республике объектов туризма. Оазис уникален сохранностью древних культурных ландшафтов. Вместе с тем настораживает активное освоение земель под строительство, хлопок и другие культуры, в ходе которого памятники археологии, равно как и культурные ландшафты оказываются под угрозой полного или частичного разрушения. Столь же опасными становятся и природные факторы.

3 Акишев К.А., Байтаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Свод памятников истории и культуры истории Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1993; Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007.

4 Отгар, Отрар. ЮНЕСКО // Целевой фонд Сохранение и реставрация древнего городища Отрар. Казахстан. Алматы, 2002.

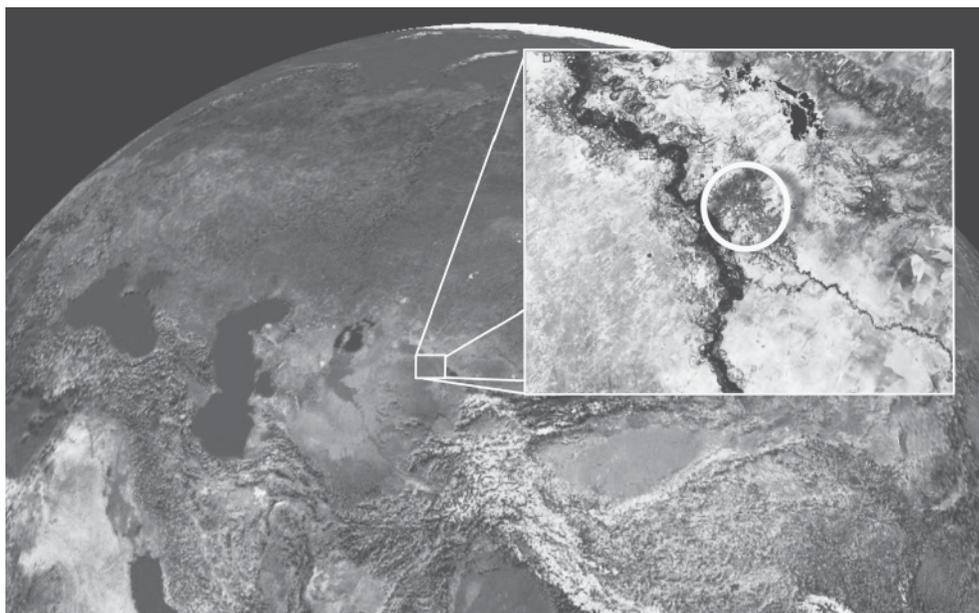

Рис. 7. Сырдарья и Отрарский оазис

Разработка системы учета и документации на сегодняшний день, пожалуй, единственная возможность охраны, а также проведения мониторинга памятников.

Следует отметить, что «Государственный Отрарский музей-заповедник» – орган, ответственный за учет и охрану памятников, не обладал системой каталогизации памятников, которая позволяла бы точно определять местонахождение объекта в пространстве, обновлять и пополнять информационные блоки, представлять данные о памятниках землепользователям. Для музея создание гибкой системы документации и учета памятников оазиса стало первоочередной необходимостью.

Работа по созданию базы данных археологических памятников с пространственной привязкой и маркировкой населенных пунктов, транспортных коммуникаций, водных источников, ландшафтной ситуации, ирригационной сети, земельных участков современного землепользования, вкупе с уникальной системой создания виртуального мира – как основы сохранения в казахстанской археологической практике проводилась впервые.

Исследования, выполненные в рамках проекта, могут и должны постоянно дополняться новыми данными. Основываясь на опыте работы зарубежных коллег⁵, можно с большей долей уверенности заявить о включении в недалеком будущем памятников археологии всей страны в процесс документации и создания виртуального мира. Прделанная работа является одной из необходимых составных частей по включению оазиса в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Теоретическая сторона проекта может быть четко выражена поставленными целями и задачами, а также способами их решения.

⁵ Например, создание знаменитой т.н. «археологической фотографии» Польши.

Задачами проекта стали:

- создание базы данных археологических памятников Отрарского оазиса;
- создание цифровой картографической основы оазиса;
- интеграция базы данных и топографической основы;
- паспортизация памятников (включает в себя отработку большого пласта архивных материалов Института археологии и Отрарского музея-заповедника и археологические разведки с целью нахождения новых ранее неизвестных памятников);
- определение координат каждого памятника и датировка ранее не датированных объектов);
- создание архива трехмерных сверхточных цифровых моделей археологических памятников оазиса;
- реализация т.н. идеи сохранения памятников путем создания виртуального мира (включает проведение цифровой аэрофотосъемки и создание трехмерной модели памятника с широкими возможностями его осмотра *via* виртуальные маршруты) – «виртуальная археология»;
- определение границ оазиса; выделение микрооазисов;
- создание серии тематических карт от первых веков нашей эры до XX столетия;
- изготовление CD (компакт диска) с обобщенными данными проекта в виде интерактивного справочника-навигатора.

Все работы проводились при помощи использования такого программного обеспечения, как Auto CAD Land Development Desktop 3.0, Microsoft Access, ArcGIS (Arc View 9.1), Leica Survey Office, Adobe Photoshop, Corel Draw.

Для создания карты использовались снимки спутника Lansad 7, с разрешающей способностью 60 метров, которые несут огромный массив информации о регионе. Качество снимков позволяет визуально распознать большинство памятников, что дало возможность нанести их на карту более точно. Поверх спутникового снимка региона наложена топографическая карта 1982 года издания, масштаба 1:200000.

Также была создана база данных (Microsoft Access), которая напрямую связана с GIS картой, что позволяет производить изменение или дополнение информации параллельно и в карте и в базе данных.

Проект карты выполнен в системе координат UTM, в идентичной системе привязан снимок, а также топографическая основа, созданная в системе Pulkovo, однако программный пакет ArcGIS позволил, не меняя исходных систем координат, работать и с картой и со снимком параллельно. Были использованы возможности векторной графики ArcGIS, и основываясь на графических данных была создана подробная векторная карта региона. Нанесены все современные элементы карты: населенные пункты, зимовки, коммуникации. Водные ресурсы (реки, озера, протоки, болота) региона заняли отдельную часть базы данных и также присутствуют на карте. Был создан слой карты, несущий информационный блок данных о современной ирригации, которая зачастую переплетается с древней.

Основываясь на той же топографической основе 1982 года, была создана трехмерная модель ландшафта региона, что позволило придать карте еще более насыщенную геодезическую нагрузку.

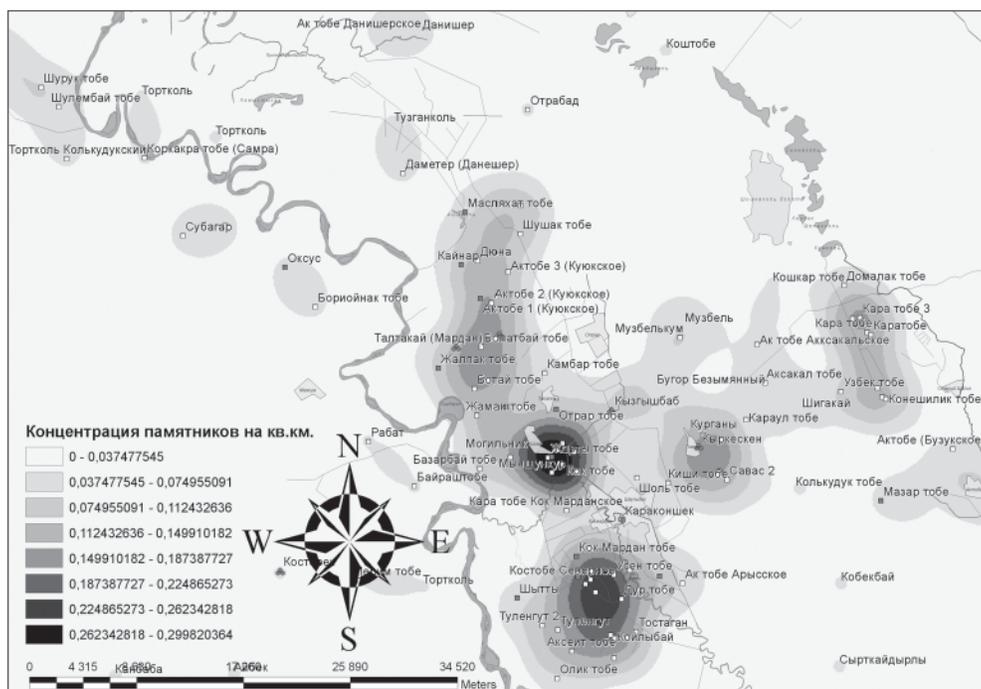

Рис. 8. Памятники Отрарского оазиса

Памятники, загруженные в карту, первоначально являлись текстовыми данными с координатами, полученными при использовании приемников GPS модели Garmin 12 Channels. На карте объекты изображены как значки разных цветов: городища, поселения, могильники получили индивидуальный символ обозначения. Также, благодаря спутниковым снимкам, полевым исследованиям и данным GPS была отображена сеть ирригационных каналов вблизи отдельных памятников. По снимкам спутника Lansad 7 выявлены области, в которых берут начало древние каналы.

Созданная в ArcGIS карта позволяет проводить разнообразные аналитические операции с ее элементами практически мгновенно. Например, выделение микро оазисов, определение границ, измерение протяженности ирригационных систем, современное использование земельных ресурсов в свете локализации охранных зон памятников археологии, получение информации о землепользователе и многое другое. Карта представлена как многослойный документ, позволяющий работать как со всеми ее элементами вместе, так и с каждым в отдельности.

Отличительной чертой этой базы данных от предшествующих является создание последней в цифровом формате с определенным набором элементов, предусматривающих возможность широкого поиска и аналитики по формуле «хронология-морфология-пространство».

Данная база используется в двух областях:

1. Независимая база данных, выполненная в программе Access, позволяет пользователю данного продукта получать информацию о памятнике, проводить сравнительный анализ при помощи диаграмм, проводить выборку по интересующему вопросу.

2. База данных является основой карты Отрарского оазиса, выполненной в среде «ArcGIS».

В ходе создания базы данных были использованы следующие материалы:

1. *Топография памятника*. При съемке топографии были использованы электронные тахеометры (Leica, TCR307, TCR407). Была произведена топографическая съемка с шагом горизонталей 0.2 м.
2. *Фотофиксация* выполнялась как наземными методами, так и с помощью мотодельтолета. Цифровые аэрофотоснимки использовались в качестве текстур в ходе проводимого 3-х мерного моделирования.
3. *Описание памятников* является одной из главных частей базы данных, предоставляющее пользователю наиболее полную характеристику памятника.

Данная база является продуктом, позволяющим использовать его как в научных, так и в просветительских целях. В научных целях продукт выступает как база для музеев и научно-исследовательских институтов, предполагающая не только ее изучение, но и дополнение.

База данных состоит из следующих информационных блоков: «Наименование памятника», «Морфология памятника», «Описание памятника», «Региональное отношение памятника в современном земельном кадастре», «Начальная дата существования памятника», «Конечная дата существования памятника», «Топография памятника», «Фотоматериал», «Координаты памятника (UTM)».

В ходе реализации проекта было исследовано, внесено в базу данных, а также нанесено на карту 182 памятника.

Из них 108 поселений, 20 городищ, 8 захоронений, 1 стоянка каменного века.

В ходе проекта была произведена трехмерная цифровая съемка топографии 70 памятников. Трехмерная модель памятника является его точной копией, воссозданной в виртуальной среде. После наложения текстур пользователь имеет возможность виртуально «пройтись» по памятнику и детально рассмотреть его с любой стороны. Так, проект затронул сложнейшую сферу, называемую «виртуальной археологией», которая является областью перенесения человека-оператора в интерактивную среду при помощи определенных технических манипуляций, посылающих сигналы органам чувств и в то же время находящихся под управлением самого оператора.

Методы создания виртуальной реальности в археологии позволяют сделать информацию, которую сложно увидеть доступной, визуальной, диалоговой (интерактивной), а также открывают новые пути презентации исследования. Моделирование в области виртуальной археологии дает возможность использования всего нашего современного знания, и начать размышление об объекте в интерактивной пользовательской презентации.

Кроме того, на основе трехмерных моделей создана серия стереофотографий и анимированных полетов над объектами, рассматривать которые можно при помощи стерео очков. Использование современных технологий дает возможность пользователю окунуться в виртуальный мир и начать свой экскурсионное исследование. Кроме того, виртуальная модель является гарантией сохранно-

сти объекта в случае его физической утраты, по крайней мере, его внешней формы со всеми деталями.

Благодаря активному исследованию Отрарского оазиса в период 2004-2005 гг. было открыто большое количество новых памятников археологии.

За весь период исследования Отрарского оазиса (с 40-х годов XX века) было найдено и обследовано 182 памятника археологии, за период 1998-2004 года силами музея-заповедника было выявлено 65 памятников и благодаря исследованиям, проведенным в рамках текущего проекта, было обнаружено и обследовано 18 новых памятников.

Как выше отмечалось, Отрар, другое его название Фараб, в средние века был столицей округа Отрар-Фараб.

С запада округ был ограничен Кызылкумами, простирающимися между Сырдарьей и Амударьей. Территории на правом берегу Сырдарьи – это плоская или слегка волнистая степь, которая заканчивается у горного хребта Каратау, из ущелий которого вытекают Бугунь, Боролдай, Чаян, Арыстанды и другие речки.

С северо-запада Отрарский оазис граничит с Туркестанским оазисом, и видимо, в древности оба оазиса на средней Сырдарье составляли общий округ или область Тарбанд, объединивший области Фараб и Шавгар. Центром последнего был одноименный город, который отождествляется с городищем Карачик вблизи современного г. Туркестана. Согдийское название Шавгар соответствует тюркскому Карачик, что означает Каратау-Черногорск⁶.

С юго-востока Отрарский оазис граничит с Ташкентским оазисом, который в древности назывался областью Шаш.

Судя по концентрации памятников можно говорить об условной, восточной линии оазиса, которую маркирует крупное городище Бузук (Бозук, Чилик). Южная линия оазиса прочерчена городищами, тяготеющими к Кок Мардану – это Олик, Айсентобе, Айколь. Западную линию целесообразно провести по пескам Кызылкумов, которые стали естественной преградой для древних городов оазиса. Северная граница визуально легко формируется городищами-тобе: Майбалык, Тортколь, Данишер, Актобе, Кауган.

При этом протяженность оазиса составляет с севера на юг около 53 километров, с запада на восток около 54 километров.

Поселения и городища формируют несколько микрооазисов, один из наиболее крупных сложился вокруг Отрара. Возникновение его относится к рубежу: I в. до н.э. – I в. н.э.

Нижние слои городищ Куйрыктобе, Алтынтобе, Жалпактобе и Мардан-Куй, как и Отрара, относятся к этому времени, а к VIII в. это уже были городские центры. В XII-XIII вв. жизнь на большинстве городищ этого микрооазиса затухает, хотя Отрар живет еще в XVIII столетии.

На левом берегу Арыси сложился микрооазис, центром которого было городище Кок-Мардан. По всей видимости, городища этого оазиса располагались

6 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Антонов М.А., Сорокин Д.В., Воякина Н.А. Отрарский оазис. Документация исторической географии Отрарского оазиса: основа, сохранение и защита, Алматы, 2005.

и на правом берегу Арыси, где обнаружен большой урбанизированный центр, схожий с Кок-Марданом – Жалпактобе. Многочисленные небольшие городища и поселения этого микрооазиса живут вплоть до VIII в., когда обстоятельства заставляют население уйти с обжитых уже мест. Возможно, этому способствует развитие ирригации и появившаяся возможность переместиться дальше от непредсказуемых рек, ближе к Отрару.

На левом берегу Сырдарьи микрооазис с центром в Оксызе (Весидж, Зернук) существует до XII-XIII вв.

В низовьях Бугуни многочисленные небольшие поселения тяготеют к городищу Бозук (Чилик). Жизнь в этих местах замирает в XIV-XV вв.⁷

Итогом многолетних исследований памятников Отрарского оазиса стал Свод памятников истории и культуры Отрарского района составленный с применением новых технологий⁸.

Борижарский могильник

Впервые в практике Казахстанской археологии сотрудниками ЮККАЭ была создана геоинформационная система Борижарского могильника.

Некрополь является крупнейшим в Южном Казахстане. Земляные курганы протянулись по левому берегу р.Арысь более чем на 13 км от пос. Караултобе до устья р. Бадам, которая впадает в р.Арысь напротив пос. Обручевка (теперь ауыл Караспан). Ширина могильного поля местами достигает 1-2 км, захватывая верхнюю речную террасу. Берег реки в этом месте изрезан разветвленными древними оврагами. Сотни бессистемно расположенных курганов занимают склоны и поверхность межсаевых возвышенностей. Все это огромное могильное поле состоит из разновременных комплексов курганов, отдельных могильников, которые со временем слились в один огромный массив. Два основных вида подкурганых погребальных сооружений, выявленных в ходе проведения археологических исследований, – это катакомбные погребения и наземные склепы. Катакомбы локализуются исключительно на плоскости верхней террасы и в самом начале ее склона. Склепы расположены ниже по склону. Территория, на которой фиксируются склепы, обращена в сторону городища Жуантобе, стены которого возвышаются на площадке нижней террасы р.Арысь. Участок склона с наземными склепами четко ограничен и простирается вверх и вниз от городища (по течению реки) не более чем на 500-600 м. Эта часть могильника является городским некрополем Жуантобе. Погребения в катакомбах расположенного выше и более протяженного могильника датируются более ранним временем (первые вв. до н.э. и н.э.) и относятся к эпохе Кангюя.

Борижарский могильник занимает обширную территорию в 2100 гектаров. Площадь могильника, плотная концентрация надмогильных насыпей,

7 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Воякин Д.А., Акылбек С.Ш., Антонов М.А., Сорокин Д.В., Воякина Н.А. Отрарский оазис. Документация исторической географии Отрарского оазиса: основа, сохранение и защита, Алматы, 2005.

8 Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. (на каз. и русск. яз.)

широкое варьирование размеров этих насыпей по диаметру и высоте, а также пересеченность местности вносит пространственную дезориентацию и невозможность фиксации всех курганов как единого памятника. Длительные исследования показали сложность в создании связки далеко расположенных объектов, а также в составлении схем групп этих объектов. Некоторые сложности возникают и в элементарной привязке того или иного кургана к определенной территории. Исследователями в разные годы были составлены схемы лишь на локальные группы курганов, расположенных на незначительном удалении друг от друга.

Памятник имеет свои границы, которые маркируют курганные насыпи. Определение границ памятника – есть определение расположения крайних курганных насыпей и их пространственного отношения к основным группам концентрации объектов. Идентификация и нанесение на карту этой абстрактной линии путем использования, например, теодолита представляется сложной задачей в связи с тем, что многие курганные насыпи трудно различимы на поверхности.

Основными задачами, которые позволит решить создаваемая система, являются: определение общего количества памятников, маркировка границы могильника, пространственное нахождение искомого объекта на местности, базовая информация для каждой курганной насыпи, а также возможность последующего внесения различного рода информационных блоков в систему.

Создание системы «детальной документации» на основе метрической съемки имеет основополагающее значение. Такого рода документация становится базовой для внесения данных об объекте, связанных с его прошлым и настоящим, равно как и составление аналитического отчета о текущем состоянии и определении аутентичности, что в свою очередь определяет области и перспективы будущих мероприятий по консервации. Метрическая система модели в этом смысле предстает наиболее важным источником информации о памятнике, который может быть в любой момент с легкостью уничтожен в результате активизации негативных естественных природных факторов или же деятельности человека,

Геоинформационные системы. Современные компьютерные технологии на практике уже доказали свое превосходство при работе с данными. Объединение компьютерной технологии (особенно по обработке и анализу данных) и традиционной карты открыло новые горизонты перед картой и привело к появлению первых геоинформационных систем.

Геоинформационные системы в настоящее время сочетают в себе точность и качество цифровых карт, огромное количество справочной информации, мощный набор инструментов для обработки и анализа данных и, безусловно, способность обмена специализированной информацией через Internet.

ГИС – геоинформационная система – новая технология, которая, несмотря на свое недавнее появление, широко используется в многочисленных научных дисциплинах. ГИС успешно применяется, например, в таких сферах, как лесоводство, управление системой водоснабжения, геология, экономика, криминалистика.

Само название ГИС не дает понятия о системе в полном объеме, ниже приведены несколько определений, характеризующих ГИС:

- ГИС – это система для собрания, хранения анализа, выбора и отображения пространственных данных, извлеченных из определенных объектов для конкретных практических целей;
- ГИС – это информационная система, которая формирует работу с данными, относящимися к пространственным или географическим координатам. Другими словами, ГИС это система базы данных со специфическими особенностями работы, применимыми к пространственным данным;
- ГИС – это компьютерные системы, главной целью которых является манипулирование, хранение анализ и представление в географическом пространстве;
- ГИС – это не одна компьютерная программа, но комбинация нескольких разных компьютерных технологий;
- ГИС – это наложение всевозможных данных на пространственную среду (территорию).

Археологами ГИС признана лучшей системой, обладающей возможностью применения в самых широких рамках исследований. Поскольку эта система позволяет анализировать, управлять, выражать полный спектр собранных данных, как пространственных, так и обладающих определенными свойствами, – что просто необходимо для постоянно изменяющейся и изменяемой среды обитания человека.

Например, в ходе раскопок найдена группа монет. Сразу возникает вопрос «географических координат» – где они найдены. Эту информацию необходимо связать со всеми находками такого плана, затем с известными городищами, могильниками, поселениями этого времени (также локализуемых в пространстве), затем все это, вероятно, «полезно» связать с гидросистемой, чтобы в итоге получить анализ – концентрация, датировка – все в рамках ГИС.

Программа позволяет работать над восстановлением древнего ландшафта, дополнительным анализом отдельных структур раскопа.

Геоинформационные системы, несмотря на свою привлекательность, критикуются за ярко выраженный детерминизм окружающей среды. Данные, относящиеся к понятию «окружающая среда», например, такие как типы почв, реки, землепользование, могут быть измерены, картографированы и трансформированы в цифровой формат, в то время как культурные и социальные аспекты являются комплексными и потому проблематичными.

Итак, технологии ГИС используются для изучения и обработки разнообразных наборов географически связанной информации. Часто ГИС используют в качестве инструмента для картографии и анализа.

В рамках данного проекта информационный массив объединен с помощью ArcGIS (ArcView).

Пути реализации поставленной задачи. Существуют различные методы, использование которых дает возможность решить поставленные задачи, при этом каждый метод имеет свои положительные стороны и недостатки.

Наиболее приемлемым способом является комбинация нескольких методов:

- работа со спутниковыми снимками, имеющими географическую привязку и разрешающую способность до 1 м, – дает в руки исследователей более полную информацию о ландшафтной ситуации, водных источниках, всевозможных деталях, доступных также и на топографических основах, но приведенных на период вычерчивания этих карт, в то время как спутниковые снимки показывают реальную ситуацию на территории исследования;
- использование топографической основы 100 000 масштаба. Карта такого масштаба дает возможность обозрения всей окружающей объект исследования территории и служит хорошей привязкой для карт более мелкого масштаба. С помощью данной основы можно проводить и географическую корректировку данных аэрофото и GPS;
- использование топографической основы 25 000 масштаба позволяет более детально рассматривать объект исследования и прилегающую к нему территорию; вносить в ГИС такие элементы, как дороги, реки, каналы, населенные пункты и т.д.; более детально корректировать данные аэрофото, PS и повысотной развязки; производить оцифровку топографических горизонталей и, соответственно, перемещение области документации в трехмерную сферу;
- аэрофотосъемка дает возможность работать с мелкими по размеру объектами и в то же время охватывать исследованиями большие пространства. Именно эта проблема возникает, например, в процессе создания пакета документации Борижарского могильника – большая территория и наличие мелких курганов, не отображенных на топографических основах. Совершая многочисленные залеты на низкой высоте (300-500 м) над определенной территорией, исследователи осуществляют съемку методом «коврового» покрытия, при котором делается большое количество снимков с обязательным перекрытием части одного снимка другим. Так, вся пространственная зона исследования становится покрытой многочисленными фотографиями;
- GPS. Данные, полученные в ходе использования приемника системы глобального позиционирования, наносятся на аэрофотоснимки, с учетом особенностей каждого снимка. Так, все аэрофото получают географическую привязку. Дополнительно для корректировки данных привязки используется электронный тахеометр Leica TCR 407.

Метод ректификации аэрофотоснимков является основополагающим в процессе создания ГИС-основы. Путем использования этого метода искажения снимков, сделанных с воздуха при помощи тахеометрических данных и данных GPS, сводятся к минимуму; фотографии масштабируются и привязываются одна к другой. Наложения в этом случае становятся маркером точности соединения и величины ошибки.

В результате полученные блоки данных связываются один с другим и соответственно корректируются. Ошибка тем самым сводится к минимуму.

В геоинформационной системе все данные могут быть выражены строго определенным образом, при этом блок топоосновы и спутниковые снимки будут представлены пользователю в следующем виде: топографические горизонтали-линии, населенные пункты – полигоны, водные ресурсы – полигоны, дороги – линии, городища – полигоны; ректифицированная аэрофотооснова: курганы – полигоны, дороги – линии, поля – полигоны, водные ресурсы – линии, овраги – линии, кошары.

Так, продукт в ходе применения комбинации различных методов может включать в себя три основных модели географических данных: векторные, растровые и TIN.

Для использования в дальнейшем данных по информационному блоку «современное землепользование» необходимо наличие материалов (карт) временного пользования земельными ресурсами.

Использованные ресурсы. Топооснова 100 000. П-42-055 К-42-55. Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. Состояние местности на 1986 год. Издание 1991 год. Составлено по карте масштаба 1:50000, созданной по материалам съемки 1971-1986 гг., обновленной в 1986 г. Системы Гаусс-Крюгера. Балтийская система высот. Проведение сплошных горизонталей через 20 метров.

Топооснова 25 000. У-42-64-А-а. Съемка 1947, 1948 гг., 6-1-72 г. Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. Система Гаусс-Крюгера. Балтийская система высот. Проведение сплошных горизонталей через 5 метров.

Топооснова 25 000. У-42-64-А-б. Съемка 1947, 1948 гг., 6-1-72 г. Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. Система Гаусс-Крюгера. Балтийская система высот. Проведение сплошных горизонталей через 5 метров.

Топооснова 25 000. У-43-64-В-в. Съемка 1947, 6-ХП-71 г. Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. Система Гаусс-Крюгера. Балтийская система высот. Проведение сплошных горизонталей через 5 метров.

Топооснова 25 000. 11-43-64-В-г. Съемка 1947, 1948 гг., 6-1-72 г. Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР. Система Гаусс-Крюгера. Балтийская система высот. Проведение сплошных горизонталей через 5 метров.

Сделано 993 высококачественных цветных аэрофотоснимка (перспективных и плановых) цифровой камерой Canon Power Shot Pro1 с разрешающей способностью 8000 пикселей.

Были произведены измерения координат точек реперов, которыми послужили визуально распознаваемые на снимках объекты. Всего таких точек 44.

Использованное программное обеспечение:

- AutoCAD LandDesktop 3.0
- ArcGIS ArcView 9.1
- Adobe Photoshop CS 32
- CorelDraw 12

Технические особенности и ошибки. Сделанный массив фотографий потенциально является носителем скрытой ошибки по нескольким причинам: 1. Низкие залеты и, соответственно, минимальный захват территории покрытия не дают возможности включения координатной реперной информации во все снимки, что значительно снижает точность и образует лакуны, в которых искажение достигает максимума. 2. Различные высоты рельефа дополнительно увеличивают искажение аэрофотоснимка и тем самым в ходе ректификации ошибка еще больше возрастает. 3. Человеческий фактор, при котором фотокамера зачастую находится не параллельно фиксируемой поверхности земли, что является одним из основных условий в получении ортофотографии, а несколько под углом и снимок получает перспективу, что дополнительно увеличивает фактор ошибки. 4. Линзы объектива камеры также искажают информацию снимка – искажение пропорционально возрастает от центра фотографии к ее краям.

Таким образом, некоторые зоны модели обозначены как зоны потенциальной ошибки и должны рассматриваться именно в этом свете.

Необходима последующая дополнительная пространственная корректировка полученных материалов.

Размеры и форма отдельных курганов различна и широко вариативна, к тому же курганы располагаются на разных рельефных плоскостях, которые в свою очередь заняты неодинаковыми флористическими комплексами; различен угол лучей света, оттеняющих изменения рельефа, все это вкуче служит фактором, при котором некоторые курганы становятся на аэрофото фактически незаметными. Сравнение нескольких фотографий и спутниковых снимков одной и той же территории дает возможность сделать корректировки и уточнения, но необходимо отметить, что для наиболее точного результата нужна дополнительная информация: наземное обследование участков, теодолитная съемка, использование космоснимков.

Итоговый продукт проекта. Отчет. Краткое описание методик, финального продукта и результатов исследования.

Рабочие карты. Серия карт в формате TIF различных масштабов, в том числе карта «Общая карта района Борижарский могильник и прилегающие к нему территории», «Границы Борижарского могильника», «Маркировка курганных насыпей», «Исследованные (раскопанные) объекты».

База данных по курганным насыпям включает в себя основную информацию, выраженную в следующих атрибутах, присущих курганам Борижарского могильника: 1) координаты; 2) диаметр; 3) состояние (раскопан/не раскопан).

Дополнительная возможность: создание экспериментальной навигационной системы, адаптированной с п/о OzziExplorer, которая может быть применена пользователями продукта для навигации на местности, а также исследователями для основной корректировки данных. Разработанная навигационная система является по своей сути реперной, которая в основе несет информацию обо всем многообразии рельефа и объектов, на нем расположенных. Человек, попадающий в эту среду, должен руководствоваться данными навигатора, в базе которого точно определены самые «яркие» основные курганные насыпи, а также особенности рельефа, что дает возможность пользователю, попадая

на характерную (дополнительно скорректированную) точку, определять свое местоположение и месторасположение искомого объекта.

Могильник, находясь на левой надпойменной террасе р. Арысь, вытянут по линии северо-восток – юго-запад. Общая длина могильника составляет свыше 13 км.

Северо-восточная граница могильника обозначена восточной окраиной с. Караултобе. По всей видимости, границы могильника гораздо шире: отдельные группы курганных насыпей тянутся в северо-восточном направлении, но концентрация курганов невелика и поэтому они не приняты в учет и могут трактоваться как могильники более мелких размеров, тяготеющие к описываемому здесь некрополю. С юго-запада и запада Борижарский могильник ограничен Караспанским каналом, который проложен у основания левой надпойменной террасы р. Арысь. Восточная и юго-восточная границы памятника аморфны. Концентрация курганных насыпей в восточной стороне резко сокращается, к тому же большое количество курганов в этой части распаханно в ходе устройства полей.

Ширина некрополя в центральной части, где наибольшая концентрация курганных насыпей – UTM WGS84 42T E510303 N4707370, более 1 км, в северо-восточной – свыше 500 м. Наибольшая ширина некрополя при наиболее низкой концентрации курганов зафиксирована у юго-западной окраины Караултобе – свыше 2,8 км. Таким образом, периметр некрополя может быть определен как 31 км 200 м. Общая площадь могильника составляет 2100 гектаров.

Как уже отмечалось, катакомбы локализуются исключительно на поверхности верхней террасы, а также в самом начале ее склона. Склепы расположены ниже по склону. Территория, на которой фиксируются склепы, обращена в сторону городища Жуантобе, стены которого возвышаются на площадке нижней террасы р. Арысь. Участок склона с наземными склепами четко ограничен и простирается по течению реки вверх и вниз от городища не более чем на 500-600 м. Эта часть могильника является городским некрополем Жуантобе. Погребения в катакомбах могильника, расположенного выше и более протяженного, датируются ранним временем (первые вв. до н.э. и н.э.) и, естественно, они относятся к иной историко-культурной эпохе.

Овраги – форма ландшафта, образованная естественными природными явлениями, такими как осадки, эрозии, реже сейсмоактивность, формируют разветвленную сеть на поверхности верхней террасы, занятой курганными группами. При этом линии оврагов маркируют отдельные «островки» – так называемые «остатки овражной эрозии». Курганные насыпи не располагаются на территориях, занятых оврагами, а напротив, наибольшая концентрация фиксируется на остатках «овражной эрозии».

Концентрация курганных групп. На основании данных, полученных в результате проведенного геоинформационного анализа, основанного на сопоставлении соотношения пространственных и количественных данных, было установлено, что наибольшая концентрация курганов относится к участку могильника расположенного в 370 м к северу – северо-востоку от городища Жуантобе, общей площадью 63 га, где расположено более 800 курганов.

Всего выделяется шесть основных групп курганных насыпей (учитывались группы, где количество курганов было не меньше 50). Отдельные цепочки курганов четко фиксируются в северо-восточной части могильника. Причем, как правило, они вытянуты по линии северо-восток – юго-запад.

Общее количество отмеченных курганов. 2386 (две тысячи триста восемьдесят шесть) курганов, на 223 из них были заложены раскопы.

Определение раскопанных курганов. Раскопанные курганы определялись двумя способами: определение курганов с явными признаками раскопов на аэрофото и непосредственно при участии археологов, проводивших исследования.

Нумерация курганных насыпей. Каждой курганной насыпи при обрисовке автоматически присвоен порядковый номер, который должен быть коррелирован с номерами, данными тому или иному кургану в ходе проведения на них исследований.

Список курганов с их оригинальными номерами, географическими координатами и диаметром.

Перспективы. Проект может быть насыщен широкого плана информацией и изменен в соответствии с поставленными требованиями. Дополнительно планируется использование данных по информационному блоку «современное землепользование»⁹. Сам он дает представление о развитии исследований по составлению документации в работе ЮККАЭ за прошедшее время.

Исследование памятников Отрарского оазиса: ирригационная система и культурный ландшафт. В рамках проекта произведена аэрофотодокументация Отрарского оазиса, прослежена ирригационная ситуация в оазисе, зафиксировано шестнадцать ирригационных систем и принадлежащих к ним ответвлений и орошаемых участков. Зафиксировано и документировано 30 головных сооружений. Более 50 аэрофотографий городищ дополнили существующую базу данных Отрарского оазиса. Потрачено более 20 летних часов, отснято более 4,5 тыс. км². Создано более 1,5 тыс. контрольных GPS точек для сопоставления аэрофотографий. Сделано более 7 тыс. аэрофотоснимков. Совершено 25 наземных поисков. Обработаны спутниковые данные и проведена корректировка с ранее накопленными материалами.

Для сопоставления аэрофотографий с данными GPS с помощью специалистов по информационным технологиям было создано специальное программное обеспечение для генерирования единой базы данных аэроснимков «IG synchronizer».

Новые материалы, полученные в 2007 г., позволили дополнить существующую базу данных и географо-информационную систему Отрарского оазиса. Благодаря данным аэрофото был выявлен ряд новых, ранее неизвестных поселений, дополнена фотобаза памятников, уточнена информация о внутренней и внешней планировке городищ, установлено современное состояние памятников, существующая угроза разрушения.

9 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Воякин Д.А., Антонов М.А., Акылбек С.Ш., Сорокин Д.В. Создание геоинформационной системы Борижарского могильника // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2008. №1. С.239-247.

Настоящий проект наряду с реализованными ранее проектами ЮНЕСКО «Сохранение и реставрация древнего городища Отрар» (2001-2004) и «Историческая география Отрара и Отрарского оазиса: основа сохранения и защиты» (2006) является одной из основных составляющих по включению памятников Отрарского оазиса в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Цель проекта «Памятники Отрарского оазиса и их окружение: исследование ирригационной системы и культурного ландшафта» – пополнение документации для подготовки менеджмент-плана и последующего включения объекта в список всемирного наследия ЮНЕСКО.

Были поставлены конкретные задачи:

1. Исследование территории Отрарского оазиса, границы которого были определены в ходе реализации программы «Историческая география Отрара и Отрарского оазиса», с целью фиксации состояния ирригационной системы, составляющей неотъемлемую часть древнего культурного ландшафта.
2. Внедрение полученных материалов в созданную географо-информационную систему, объединяющую памятники оазиса: древние города, поселения, могильники и ирригационную систему как единый историко-культурный феномен.
3. Аналитическое сопоставление полученных данных о древней ирригационной системе с материалами современного землепользования.

Для выполнения задачи по исследованию и фиксации состояния ирригационной сети была разработана система комплексного «аэрофото исследования», в ходе которой за более 20 летних часов было отснято 4,5 тыс. км² и сделано свыше 7 тысяч аэроснимков. Таким образом, прослежены особенности ирригационной сети шести микрооазисов, зафиксировано состояние древних каналов в связи с развитием современного землепользования.

Параллельно с аэрофотосъемкой производилась детальная фиксация маршрута полета при помощи приемника глобального позиционирования. В ходе работ создано более 1,5 тысячи контрольных координатных точек. В связи с проведенной фиксацией возникла необходимость привязки всех аэрофото к географическим координатам. Для реассоциирования аэрофотографий с данными GPS при помощи специалистов по информационным технологиям было создано специальное программное обеспечение для генерирования единой базы данных аэроснимков «OG synchronizer». Опираясь на данные, записанные при помощи GPS во время съемки цифровым фотоаппаратом, программа генерирует базу данных в формате MDB, тем самым сортируя фотоматериал в строго упорядоченные таблицы. Каждый снимок получает уникальную электронную подпись и интегрируется в базу данных. Кроме того, автономная база данных легко используется в ГИС, решая проблему географической привязки изображений к месту, где был произведен снимок.

Обновленные данные по локализации ирригационных систем на основе приобретенных снимков, сделанных со спутников Landsat и Atlas, вошли в ГИС, созданную в рамках предшествующего проекта. Данные уточнены благодаря вышеописанным аэрофото исследованиям, а также 25 наземным поискам.

Рис. 9. Ирригационная система в окрестностях Отрара. Аэрофото

В изучении любой ирригационной системы основополагающую роль играет рельеф местности. На обширном пространстве Отрарского оазиса 250 000 га фиксация, отображение и последующая аналитика рельефа местности представляется проблемой, решить которую позволило внедрение новейших методик. Так, для детальной повысотной развязки обширной территории были использованы материалы НАСА (Национальное агентство по авиационной и исследованию космического пространства, США). Данные, подготовленные НАСА в рамках проекта по радарной топографии Земли, представляют собой результаты радарной съемки большей части поверхности земного шара, произведенные с борта «Шаттла» SRTM (Shuttle Radar Topography Mission) с шагом точек 90 метров.

В частности, в проекте было использовано шесть снимков N42E067.hgt, N42E068.hgt, N2E069.hgt, N3E067.hgt, N3E068.hgt, N42E069.hgt, покрывающими весь Отрарский оазис. Файлы, которыми представлены результаты съемки SRTM имеют расширение hgt, однако общедоступное программное обеспечение не позволяет напрямую работать с подобными снимками. Используя

конвертирование, файлы высот были преобразованы в формат DEM (цифровая модель высот), который легко импортируется в среду AutoCAD и в ArcGIS, так как первоначально SRTM-снимок включал в себя более полутора миллиона точек с высотами. Таким образом, благодаря данным SRTM и вычерченным ранее изолиниям топографических архивных топокарт, была получена подробная топография всего оазиса.

Рельефная аналитика открыла широкие возможности анализа отдельных ирригационных систем. Например, древние каналы Шубара и Ак-арык в свете новых данных получили иную интерпретацию.

На основе данных SRTM была построена трехмерная модель территории оазиса. Точечные данные были преобразованы в данные поверхности TIN (нерегулярная триангуляционная сеть). Подобная поверхность сможет использоваться как в ГИС, так и в презентационном материале.

Характеристика ирригационных систем

Канал Ак-арык (конец XIV– первая половина XV в.) располагался в междуречье Арыси и Бугуни на территории Караконурского сельского округа. Первый исток канала находился на правом берегу Арыси, между селами Дермене и Акдала. Географические координаты: 42Т486695 UTM 4706102. Ширина ложа канала 25 м, глубина 9 м. Прекрасно сохранился головной участок канала с дамбой, перегораживающей часть древнего русла Арыси. От истока почти до разъезда Костуин канал идет почти параллельно руслу реки. Рядом с Торткулем (Костуинским) имеется второй исток, берущий начало из старицы Арыси. Географические координаты истока: 42Т477765 UTM 4710608. Ширина ложа головного участка 7-8 м, глубина около 4 м, ширина бортов 17-18 м, высота бортов около 2 м. Затем канал поворачивает к северо-востоку и соединяется двумя рукавами с р. Бугунь. Географические координаты первого рукава 42Т486013 UTM 4733616, второго – 42Т485806 UTM 4733569. Общая протяженность канала составляет 38 км.

Ак-арык был основным элементом системы, которая должна была решить проблему нехватки проточных вод не только в низовьях Бугуни, но и в соседнем Туркестанском оазисе. Актуальность проблемы засвидетельствована и в конце XIX в. исследователем ирригации Н.Дингельштедт: «К самым беднейшим по орошению местностям участка следует отнести кишлаки Икан, Чилик, Карнак, Бабай-курган и Чолак-курган. Жители этих селений очень нуждаются в увеличении ирригационного орошения...».

В дореволюционных публикациях об ирригации края высказывается мнение о существовании старых каналов, через которые вода, переброшенная из р. Арысь в Бугунь, поступала по руслу Бугуни в озерную систему Шошкаккуль-Калдыкуль-Аякуль, откуда по прорытому каналу Шадман-арык доходила до южных окраин Туркестана. Эта система послужила образцом современной оросительной системы Арыс – Туркестанский канал.

Особенностью канала Ак-арык от ранее изученных средневековых каналов в Отрарском оазисе, является переброска части вод одной реки в другую. Канал Ак-арык связывал реки Арысь и Бугунь. Анализ легенды о строитель-

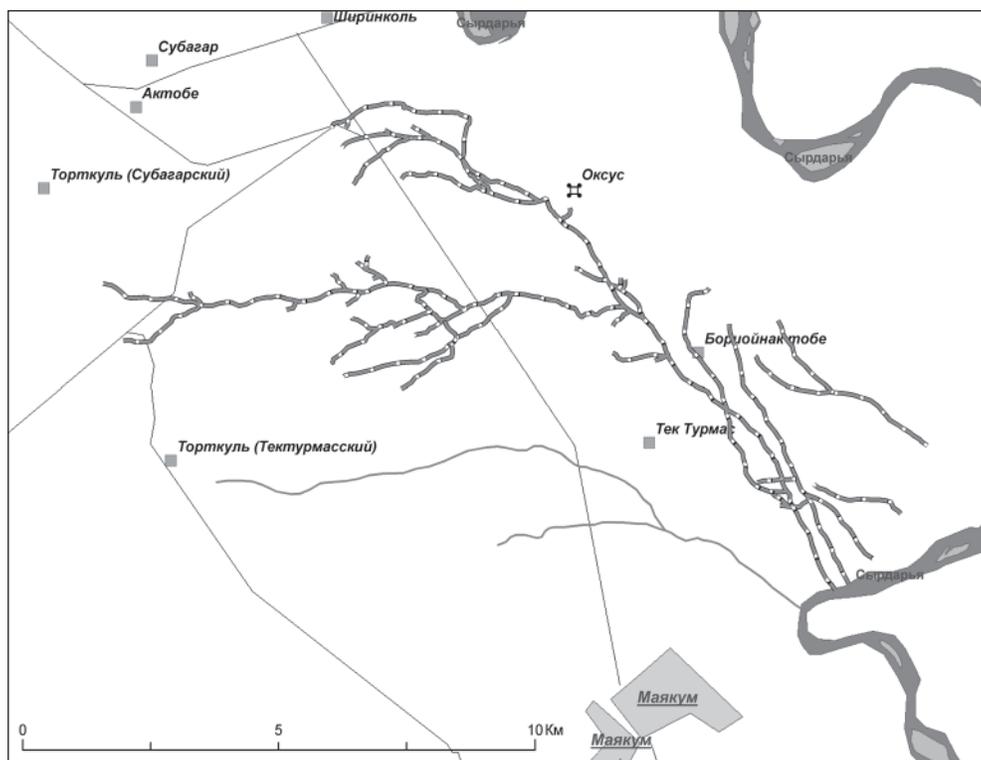

Рис. 10. Магистральный канал Ак-арык

стве Ак-арыка позволяет определить время его строительства тимуридской эпохой¹⁰.

Магистральный канал Ак-арык датируется X-XV вв. Исток его сохранился в 7 км к юго-востоку от средневекового городища Оксус на берегу р. Сырдарьи в урочище Ак-жар. Географические координаты головного сооружения 42Т426525 UTM 4748411. На местности прослеживаются остатки 9 головных участков, отстоящих друг от друга на различном расстоянии вверх по течению реки.

Исток магистрального канала Ак-арык был защищен земляной дамбой, которая сохранилась на местности в виде оплывшего вала высотой 1,5 м шириной 3,2 м, длиной 150 м.

Основная трасса магистрального канала Ак-арык вытянута в западном направлении и через 5 км подходит к городищу Оксус. На этом участке от основного русла через каждые 20-30 м с обеих сторон отходят распределители, которые в свою очередь делятся на распределители 2-го порядка и оросители. Планировка последних покрывает густой сетью территорию вокруг Оксуса в радиусе 1-1,5 км. Это остатки агроиригационных планировок, разделенных на гряды шириной 2-2,5 м, с оросительными бороздами шириной 0,5-0,6 м и глубиной 0,2-0,25 м. Многочисленную группу составляют делянки размером 20×25 м и 20×35 м.

¹⁰ Кожя М.Б. Канал Ак-Акрык // Свод памятников истории и культуры Южно-Казахстанской области. Отрарский район. Алматы, 2007. С.335-337, далее – Ук. Соч. Отрарский район.

От Оксуса трасса магистрального канала Ак-арык идет в прежнем западном направлении и через 8 км подходит к городищу Актобе, а еще через 1 км к средневековому городищу Субагартобе, где отходит ответвление, с помощью которого заполнялось водохранилище¹¹.

От Субагартобе Ак-арык шел в направлении городищ Шулембай, Шурук, которые расположены от Субагартобе в 10-12 км. За названными городищами канал соединялся с одной из протоков Сырдарьи.

Магистральный канал Ак-арык датируется X-XIII вв. Исток ирригационной системы Алтын-арык находился в 3 км к юго-востоку от с.Когам, на юго-востоке современного с. Мыншункур (Кзыл-Ту), на обрывистом берегу р.Арысь в месте ее естественного изгиба. Географические координаты 42E444727 UTM 4739129.

Остатки магистрального канала прослежены к северо-востоку от Каламтобе и Пшакшитобе.

Каналы системы Алтын-арык орошали территорию в четырехугольнике средневековых городов Куйрук, Отрар, Алтын, Куюк-Мардан. Протяженность основной трассы канала 30 км.

Длина холостого пробега воды в магистральном канале Алтын-арыка составляла 3 км. Он заканчивался у городища Пшакшитобе. Около городища на трассе канала расположен гидротехнический узел. Из него выведено 2 распределителя: один с левой стороны в юго-западном направлении, другой – с правой и отклоняется к северу, в сторону Отрара.

Отрарский канал (правая ветвь Алтын-арыка) был прослежен на протяжении 4 км от гидроузла. В 1,5 км от Отрара он разделяется на 3 ветви. Одна протяженностью 1 км отклоняется на северо-запад, вторая подходит к Отрарскому водохранилищу, огибает с западной стороны шахристан, где соединяется с окружавшим его рвом. На городской территории внутри стен сохранились остатки планировок полей. Третья ветвь огибала водохранилище с южной стороны, затем пересекала рабад и выходила за его пределы – за оборонительную стену. Ширина городских каналов 3-5 м, высота валов – 1,5-2 м.

Также от гидроузла, расположенного у городища Пшакшитобе, в сторону Отрара отходили еще 2 ветви распределительных каналов. Один из них служил обводным руслом, снабжая водой примыкающие к нему многочисленные поселения. Общая длина обводного канала 7 км. Его окончание зафиксировано у современного населенного пункта Карагалы. Второй распределитель от гидроузла проходил по землям между обводным каналом и Отраром. Нижняя часть распределителя снабжала водой четыре поселения-усадыбы X – начала XIII в. На этом участке валы канала теряются. Общая протяженность описанного канала 6 км.

Основная трасса магистрального канала Алтын-арык от городища Пшакшитобе прослеживается в направлении городищ Куйруктобе, Алтынтобе и Куюк-Мардан. От него с обеих сторон отходили многочисленные распределительные каналы шириной 3-5 м. У городища Куйруктобе располагался гидротех-

¹¹ Грошев В.А. Магистральный канал Ак-арык Ук. Соч. Отрарский район. С.338-339.

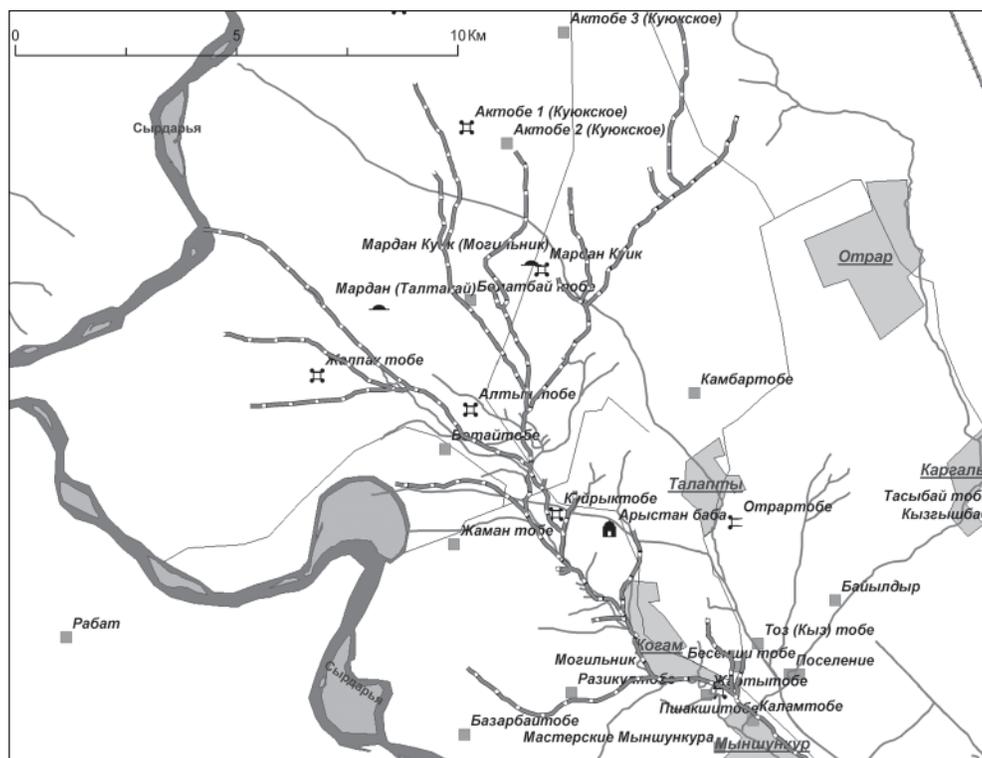

Рис. 11. Ирригационная система Алтын-арык

нический узел из 3 ветвей. Левая ветвь протяженностью 2 км и шириной ложа 3 м предназначалась для излишков паводковых вод, которые сбрасывались в оз. Сарыкамыс. Следующая ветвь располагалась слева от магистрального канала и выявлена на расстоянии 1,5 км. По всей ее длине расположены распределители. Еще одна ветвь отходила с правой стороны канала в восточном направлении.

Ниже по течению магистрального канала у городища Алтынтобе сохранился еще один гидротехнический узел, отделяющий от основного русла около 10 ветвей. Крайний левый канал служил для сброса. Он прослежен на расстоянии 2 км до русла Сырдарьи. Средняя ширина канала 4 м. Еще 9 распределителей, постепенно сужаясь, отклоняются в направлении Куюк-Мардана, расположенного в 3 км северо-восточнее городища Алтынтобе.

Основная трасса Алтын-арыка шла в северо-западном направлении к Сырдарье.

Время существования поселений и городов на трассах каналов оросительной системы Алтын-арык, а также обнаруженный керамический материал позволяют датировать ирригационную систему Алтын-арыка X – началом XIII в.¹²

Канал Бел-арык датируется XVIII-XIX вв. Канал проходил через с. Ески Чилик. Длина канала около 6 км. Бел-арык является последним арыком в низовьях р. Бугунь. Вся вода реки отводилась в головной арык, а продолжение русла реки служило для сброса излишних вод в годы сильного половодья.

12 Грошев В.А., Акылбек С.Ш. Магистральный канал Алтын-Арык // Ук. Соч. Отрарский район. С.340; Кожа М.Б. Бел-Арык // Ук. Соч. Отрарский район. С.344.

Дуртобинский канал датируется VI-VIII вв. Исток его находится в 1,2 км к юго-востоку от южной окраины с.Шытты. Географические координаты головного участка 42Т448854 UTM 473104. Ширина ложа головного участка – 6 м, глубина 3-4 м, ширина борта 22 м, высота борта 1 м, находится на обрывистом берегу.

Канал тянется на юг, проходит рядом с поселением Дуртобе, с запада от него в сторону поселения Койлыбай.

Магистральная часть канала следует тем же направлением и, минуя поселение Айколь с западной стороны, соединяется с третьим тостаганским каналом. На протяжении 3,5 км канал сохранился в виде глубокой ложбины с невысокими бортами. Общая протяженность канала составляет 9,5 км.

Кокмарданские каналы функционировали в VI-VIII вв. Располагались они ниже по течению Арыси в с.Шытты, на северной окраине с.Кокмардан. Обнаружено 5 каналов, два из них ранние, берут начало из стариц Арыси. Географические координаты головного участка 42Т444884 UTM 4738441. От него отходят два распределителя (возможно, сбросовые) на север. Основная магистраль канала прослежена на протяжении 2 км. Второй канал замечен на коротком отрезке между меандрами Арыси чуть выше первого, прослежен на протяжении 200 м. Географические координаты головного участка 42Т445181 1 UTM 4738034. На карте 1958 года удалось проследить его продолжение. Он поворачивает на юго-запад двумя рукавами. Через 1 км нивелируется современными полями.

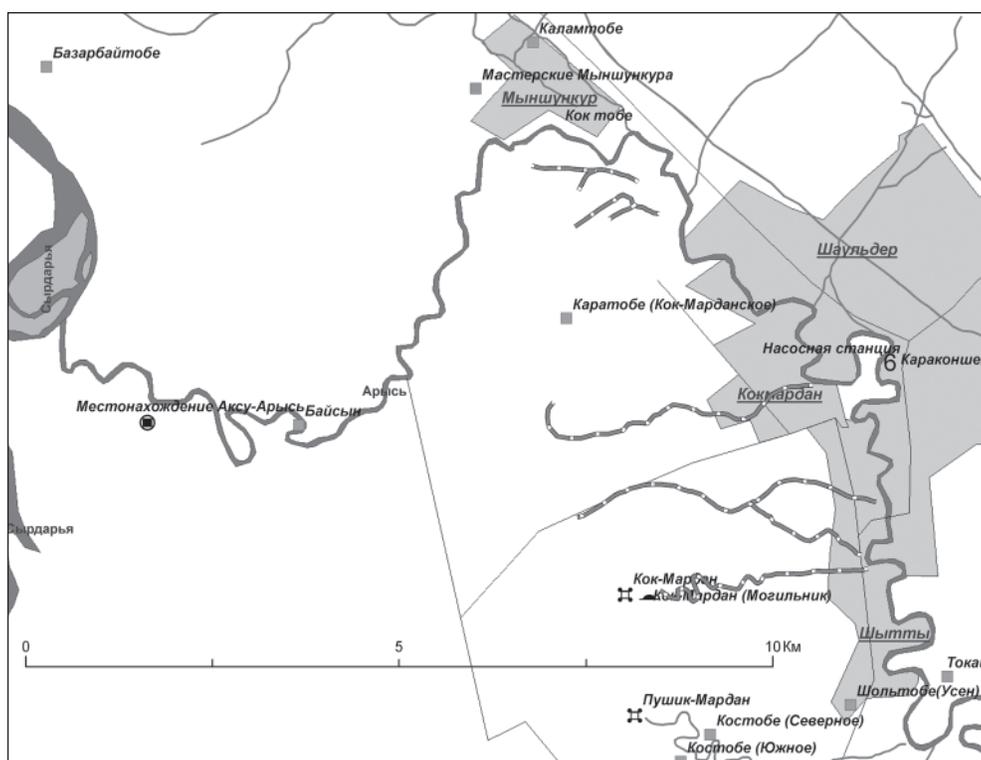

Рис. 12. Кокмарданские каналы

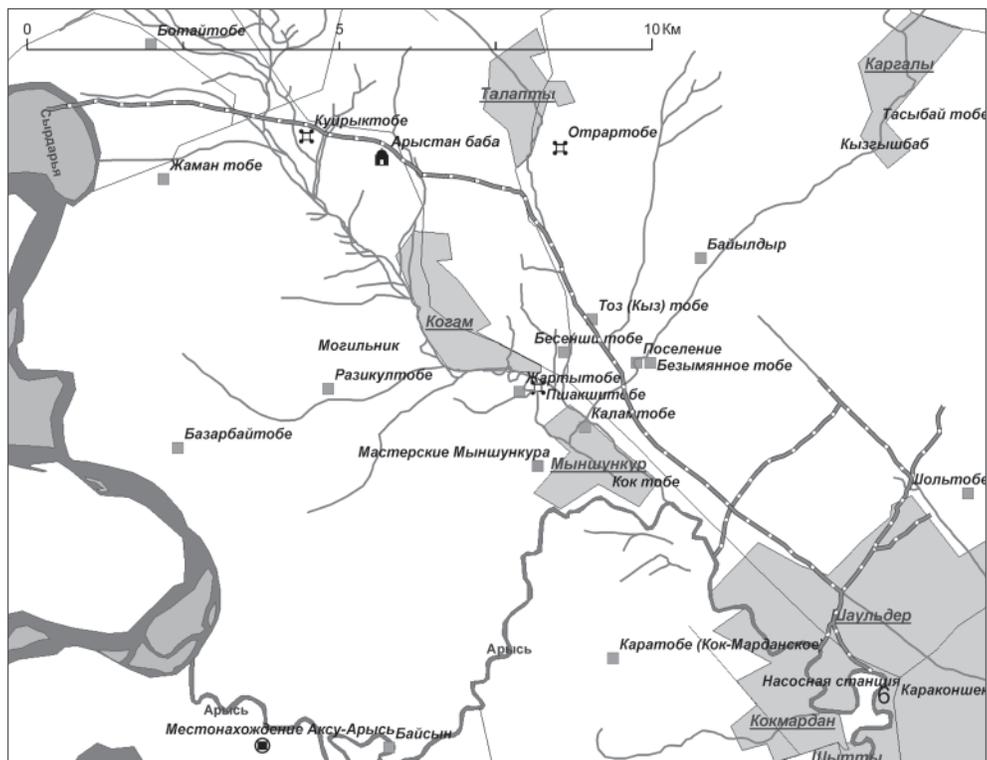

Рис. 13. Канал Каракунчук

Третий канал обозначен на карте 1958 года. Берет начало со старицы Арыси. Географические координаты головного участка 42Т447219 UTM 4735754. Канал протянут в западном направлении. Длина канала 3 км. Он соединялся со старицей Арыси, на берегу которой стоит городище Кокмардан. Один из распределителей канала идет в сторону поселения Каратобе (кокмарданского). Четвертый канал берет начало из двух истоков в 3-х км к востоку от городища Кокмардан на изгибе Арыси, на обрывистом берегу в черте с. Шытты. Расстояние между истоками 0,7 км. Географические координаты первого истока 42Т447912 4733447, второго 42Т448066 UTM 4734220. Основная магистраль тянется на северо-запад. Через 2 км он соединяется со вторым головным каналом и поворачивает на запад.

Пятый канал расположен в 200 м выше по течению четвертого канала. Географические координаты головного участка 42Т447959 UTM 4733319. Выведен из Арыси. Идет прямо на запад и через 1,4 км соединяется со старицей Арыси, на берегу которой стоит городище Кок-Мардан¹³.

Канал Каракунчук функционировал в XIII-XIV вв., находился в восточной части с. Шаульдер. Истоки оросительной системы – на обрывистом берегу р. Арысь. Географические координаты 42Т446769 UTM 4736957. Ширина его ложа 15 м. Второй исток обозначен на карте 1958 года масштабом 1:25 000. От первого он отстоит на 0,9 км выше по течению реки. Географические координаты 42Т448063 UTM 4736442.1 Протяженность головного канала Каракун-

13 Акылбек С.Ш. Кокмарданские каналы // Ук. соч. Отрарский район. С.346-349.

чук по данным карты составила 5 км. Уже тогда отмечалась плохая сохранность памятника.

На северной окраине с. Шаульдер на пустыре обнаружен канал, вытянутый по направлению северо-запад – юго-восток в сторону городища Шольтобе. Верхняя дата жизни Шольтобе определяется XVII в., хотя на поверхности городища имеется подъемный материал, датирующийся столетием. Возможно, канал является отводом системы Каракунчук.

В 2 км ниже по течению был обнаружен третий головной участок системы Каракунчук. Исток находится в 0,5-0,7 от пос. Аметбек (Ынтылы), на обрывистом берегу Арыси, выведен под прямым углом по отношению к реке. Географические координаты: 42Т445470 UTM 4738274. Ширина ложа – 8 м, борта – 6-8 м, высота 0,3-0,7 м, прослежен на расстоянии около 100 метров от Арыси в северо-восточном направлении, где уничтожен современными агропланировками.

На аэрофотоснимке зафиксирован участок около Отрара, вероятно, относящийся к системе Каракунчук.

В целом длина трассы магистрального канала 30 км. Следы магистрального канала Каракунчук были обнаружены у южной окраины Отрара – там, где он огибает водохранилище, соединяясь с ним небольшим рукавом.

От водохранилища основная трасса Каракунчука идет в северо-западном направлении, огибает Куйрук и следует в направлении к Сырдарье. Здесь была произведена зачистка русла старого канала. Ширина ложа канала 7 м, высота валов 1,9 м. На основании разреза можно выделить 2 основных периода в функционировании системы Каракунчук.

Рядом с городищем Куйруктобе вдоль магистрального канала располагались сельские усадьбы. Они имеют стандартную планировку и состоят из остатков жилых и хозяйственных построек и примыкающего двора. Усадьбы датируются XIII-XIV вв.

Как показало обследование, вся территория вдоль магистрального канала Каракунчук за городищем Куйруктобе сплошь покрыта полями, огражденными валиками и орошаемыми с помощью распределителей, протяженность которых не превышала 1,5-3 км.

Определенный интерес представляет обнаруженная наземными поисками система различных по размерам чеков. Это хорошо спланированные участки размерами 6×12, 10×12, 12×15 м, ограниченные валиками шириной 0,6 м, высотой 0,4 м. Планировка рассчитана таким образом, что после затопления первой чеки воду можно было пропустить в следующую, смежную с предыдущей. Для этого в центре валиков, ограждающих чеки, имелись проемы. Встречены поля больших размеров 50×50 м, 50×75 м. Для них характерно наличие ограждающих валиков шириной 2 м и высотой 0,5 м лишь по периметру.

Датировка поселений, расположенных вдоль магистрального канала, керамика и монета, обнаруженные в процессе раскопок, позволяют отнести функционирование ирригационной системы Каракунчук к XIII-XIV вв.¹⁴

14 Грошев В.А., Акылбек С.Ш. Канал Каракунчук // Ук. соч. Отрарский район. С.349-351.

Магистральный канал Кауган-арык датируется X-XVII вв. Он находится в районе с.Балтаколь в излучине Сырдарьи. Географические координаты головного участка 42Т404031 UTM 476719.

Прослеживаются остатки 5 головных участков, отстоящих друг от друга на 1-1,5 км вверх по течению реки. По топографии головные каналы делятся на 3 вида. Каналы первого типа представляют собой сильно оплывшие валы шириной 20-25 м и высотой 1,5-2 м. В центре вала находится углубление – русло шириной около 5 м и глубиной 0,5 м. Ложе каналов приподнято над современной поверхностью на высоту 1,5 м, протяженность 2 км. Вверх по течению реки на расстоянии 1,3 км сохранился еще один головной канал Кауган-арыка. Протяженность канала 2,5 км. От места соединения головных отходит сбросовый канал, который идет в северном направлении и заканчивается у русла Сырдарьи. Рабочая часть магистрального канала Кауган-арык начинается двумя распределителями, отходящими в сторону городища Актобе. Ширина ложа распределителей 3-5 м. Ложе поднято над современной поверхностью на 1,2 м. Через 0,5 км их русла заканчиваются в районе городища Актобе. Здесь вдоль каналов прослеживаются остатки полей. Поля разделены валиками высотой 0,4 м и шириной 1,2 м на прямоугольные участки размерами 10×15 м, 15×20 м, 20×30 м, между которыми сохранились оросители шириной 0,5-0,7 м и глубиной 0,15- 0,2 м.

От городища Актобе, верхние слои которого датируются X-XII вв., трасса магистрального канала Кауган-арык идет в направлении городища Кауганата. На этом участке длиной около 5 км от основного русла через каждые 20-25 м с обеих сторон отходят многочисленные распределители протяженностью 1,2-1,5 км, которые в свою очередь делятся на второстепенные распределители и оросители. Магистральный канал проходит с северной стороны от основного бугра Кауганата на расстоянии 150-200 м. Напротив городища через русло канала был сделан разрез. Изучение стратиграфии осадков позволило выделить в истории функционирования канала 3 основных периода. В раскопе найдено много фрагментов керамики и археологически целый сосуд от чигиря.

От городища Кауганата трасса канала идет в западном направлении и прослеживается еще на расстоянии 15 км, где заканчивается обширной низиной. Общая протяженность магистрального канала Кауган-арык 20-25 км.

Кулан-арык датируется XVIII-XIX вв. Исток канала находится в 10 км к юго-востоку от села Актобе, в излучине Бугуни. Длина канала около 10 км. Канал был построен силами земледельческой общины, члены которой принадлежали кыпчакам, отделения кулан¹⁵.

Пшукмарданский канал датируется VI-VIII вв. Истоки его находятся к юго-востоку от южной окраины села Шытты. Берет начало в 400 м ниже по течению от дуртобинского канала. Географические координаты 42Т0448472 UTM 4731016. Здесь на обрывистом берегу Арыси зафиксирован головной участок канала. Ширина ложа 8-9 м, глубина 1,5 м, ширина бортов 17-20 м, высота 0,5 м. Канал направлен на запад в сторону городища Пшукмардан, на рассто-

¹⁵ Кожя М.Б. Кулан-арык // Ук. соч. Отрарский район. С.355.

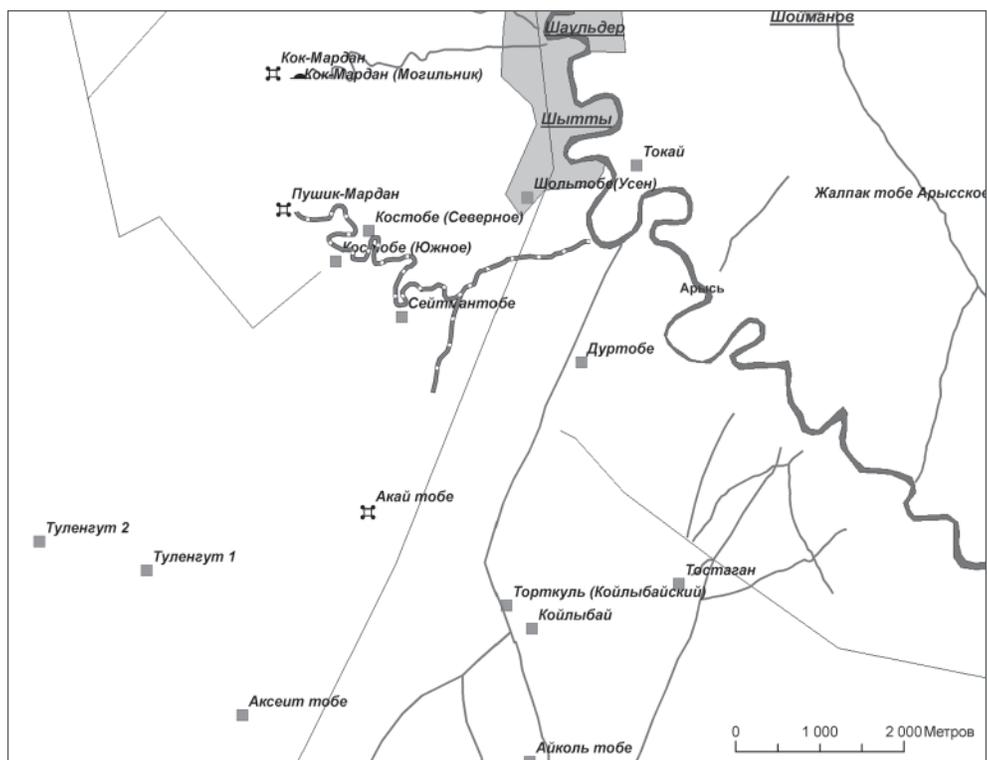

Рис. 14. Пшукмарданский канал

нии 1,6 км от головы он соединяется со старицей Арыси, на берегу которой расположены поселения Сейтман, Костобе (южное и северное), городище Пшукмардан. Именно через эту старицу осуществлялось орошение полей, заполнение рвов и водохранилищ средневековых поселений¹⁶.

Рысымбет-арык датируется концом XIX в. Канал расположен вблизи с. Маякум. Длина канала около 12 км. Между селами Шенгельды и Маякум располагается ряд старых арыков. Они впервые упомянуты Н.В.Рудневым в 1900 г. Этнограф И.В.Захарова опубликовала в 1975 г. схему традиционной оросительной системы в совхозе «Овцевод» Кзылкумского района, где изображены плотины на озерах Байраш, Соркуль, Табан, откуда берут начало арыки Кумкуль, Рабат, Бирлик, Муюнкум, Рысымбет. Скорее всего, в основе этой оросительной системы лежит средневековая ирригационная сеть¹⁷.

Магистральный канал Сангыл-арык функционировал в VII-IX вв. Головной участок канала находится в современном с.Мыншункур. Географические координаты 42Т444285 UTM 4739351. Сангыл-арык брал начало из старицы Арыси. Очевидно, с помощью водозаборного сооружения вода из Арыси направлялась в старое дамбированное русло, а затем уже поступала в магистральный канал. Валы головного участка возвышаются над современной поверхностью до 2 м. Ширина канала 20 м, ширина валов 15 м. Как в древности, так и сейчас из стариц бралась глина для изготовления кирпичей, чтобы на сnivelированном

16 *Кожа М.Б.* Кулан-арык // Ук. соч. Отрарский район. С.355.

17 *Акылбек С.Ш.* Пшук-Марданский канал // Ук. соч. Отрарский район. С.356-357.

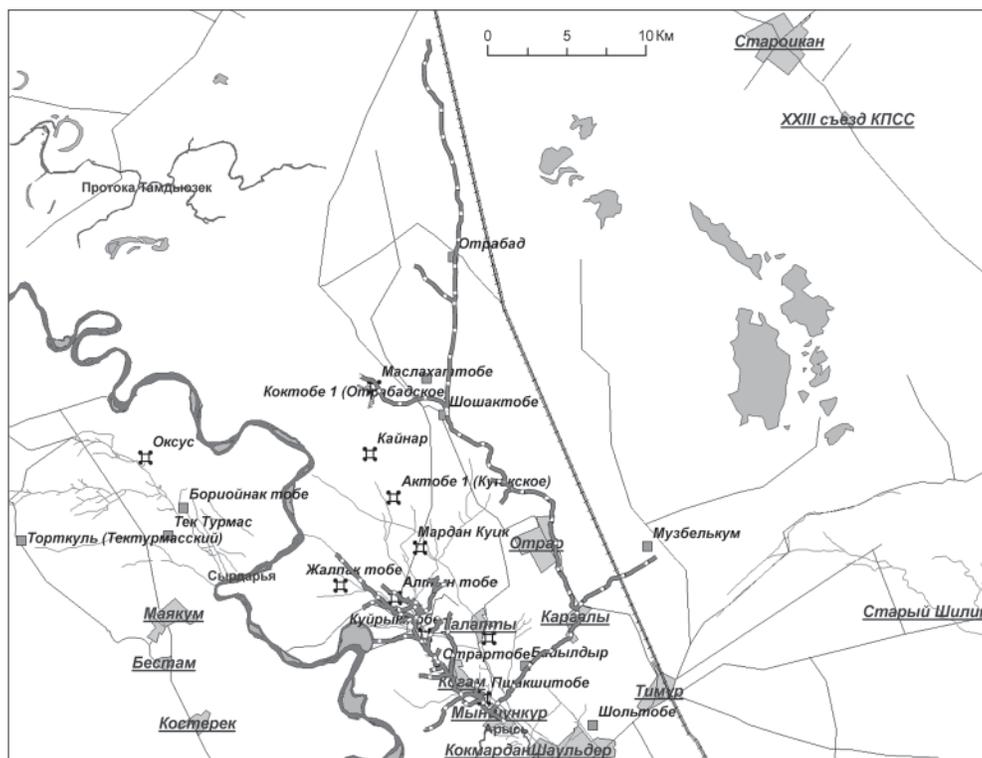

Рис. 15. Магистральный канал Сангыл-арык

участке можно было сеять. При этом изменилась морфология не только стариц, но и каналов Сангыл-арык и Алтын-арык. Ложе канала прослеживается вблизи городища Пшакшитобе, откуда изгибаясь, оно идет в сторону Куйруктобе через современное село Когам. При выходе из села на юго-западной окраине канал разветвляется на несколько рукавов. Непосредственно перед городищем Куйруктобе от магистрального канала отходят еще несколько распределителей. Основное русло огибает Куйруктобе с запада и направляется к городищу Алтынтобе. Между Куйруктобе и Алтынтобе канал имеет множество отводов, которые орошали большое пространство между городищами Куйрук, Алтын и Куюк-Мардан. Несколько отводов, выведенных в сторону Ботайтобе и Сырдарьи, являлись сбросовыми каналами. Далее канал минует Жалпактобе и соединяется с Сырдарьей. Общая протяженность канала около 20 км.

На протяжении канала прослежены четыре крупных гидротехнических узла. Первый из них в районе Пшакшитобе. Здесь от магистрального канала выведены четыре распределителя.

Первый распределитель выведен от городища Пшакшитобе в восточном направлении к группе поселений под общим названием Бес Актобе. От группы Бес Актобе до Шошактобе канал проходит через современный район интенсивного земледелия. Распределитель в большей своей части перекрыт современным каналом. Минувя поселение Байылдыр с южной стороны, канал доходит до современного села Каргалы и поворачивает на север в сторону поселения Шошактобе. На этом участке канал имеет несколько отводов второго порядка,

один из которых подавал воду на городище Музбелькум, а другой – на городище Актобе 3 (Куюкское). В районе обнаружено одно поселение и торткуль, расположенные на изгибе канала. Рядом с Шошактобе от канала выведен отвод в сторону Маслихаттобе, а основное русло направляется к поселению Отрабад, минуя поселения Коктобе 1 и 2. За Отрабадом канал прослежен еще на 14 км по направлению к городу Туркестан. Таким образом, общая протяженность распределителя составила около 46 км.

Второй распределитель выведен у Пшакшитобе в западном направлении к поселению Базарбайтобе и затем вода сбрасывалась в старицу Сырдарьи. Общая протяженность распределителя около 6 км.

Третий распределитель отходит в сторону Отрартобе, прослежен до современных полей на протяжении 1,5 км.

Четвертый распределитель отходит от канала у южной окраины села Когам в сторону поселения Разыкултобе и далее впадает в старицу Сырдарьи.

Вторая ветка находится на северо-западной окраине села Когам. Практически в одном месте от канала отходят три распределителя. Два из них направлены на север в сторону кладбища Арыстанбаб, огибают его с восточной стороны. Распределители плохой сохранности. Большой частью сnivelированы современными полями. Прослежен небольшой участок за кладбищем Арыстанбаб. Третий распределитель выведен на запад. Между второй и третьей ветками имеются еще три отвода по направлению к Сырдарье.

Третья ветка находится к югу от Куйруктобе. Здесь веером выведены четыре отвода на запад к Жамантобе и далее на Сырдарью. Один распределитель выведен на север, обходит городище с востока, направляется к поселению Камбартобе и орошает поля к северу от Отрара.

Самая крупная четвертая ветка находится между городищами Куйруктобе и Алтынтобе. Многочисленные рукава распределяют воду для орошения полей между городищами Алтынтобе, Куюк-Мардан и поселением Камбартобе на востоке и пространство между городищами Куйруктобе, Алтынтобе и Жалпактобе на западе¹⁸.

Канал Сангал-арык функционировал в XIX в., расположен между селами Ески Чилик и Мыншункур. Длина канала около 30 км. Канал был построен силами земледельческой общины, члены которой принадлежали к роду сангылканырат и проживали в местности Мыншункур (Кызылту). Община не могла вывести воду из такой крупной реки как Арысь и поэтому она построила канал, который брал воду Бугуни через канал Суюнбайарык¹⁹. Она проходила через местность Акшокат и приводила воду к Мыншункуру.

Канал Суюнбайарык построен в конце XIX в. Расположен в 2-4 км к югу и юго-западу от с. Ески Чилик. Выведен из р.Бугуни выше с.Ески Чилик. Длина канала около 7 км. Канал обозначен на топографической карте масштаба 1:100000 как «ар. Суюнбайозек». Арык назван в честь руководителя работ Суюнбая²⁰.

18 Акылбек С.Ш. Магистральный канал Сангал-арык. Отрарский район. Ук соч. С.357-361.

19 Акылбек С.Ш. Магистральный канал Сангал-арык. Отрарский район. Ук соч. С.357-361.

20 Акылбек С.Ш. Магистральный канал Сангал-арык. Отрарский район. Ук соч. С.357-361.

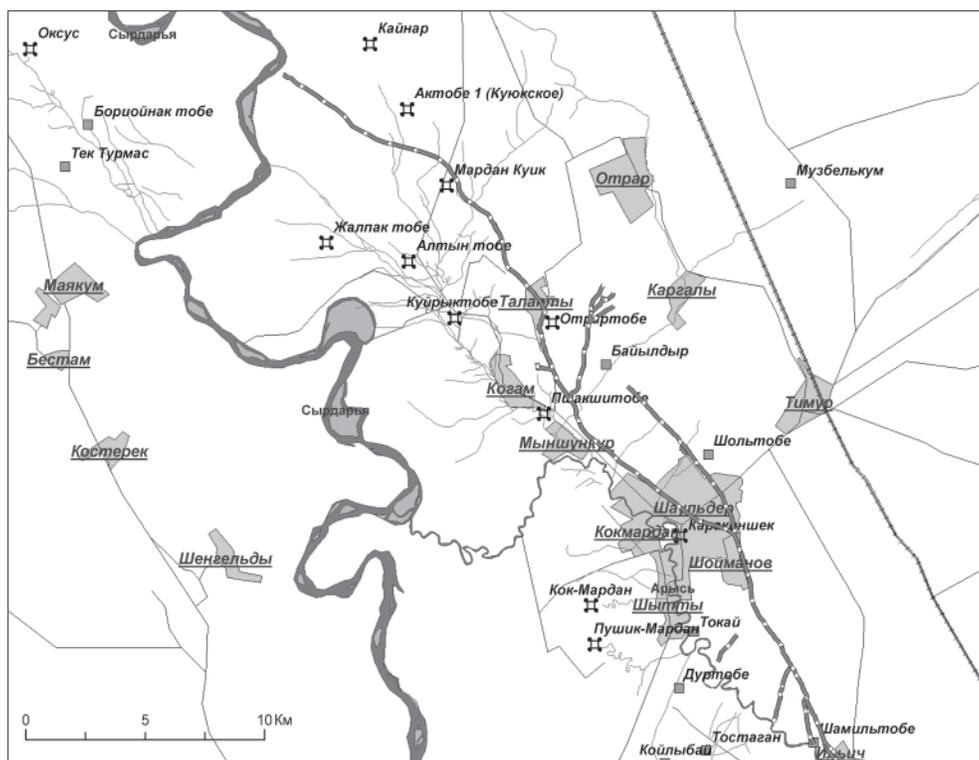

Рис. 16. Магистральный канал Темир-арык

Канал Тектурмас функционировал в X-XV вв. Он находится на левом берегу Сырдарьи в районе Оксуса, в урочище Акжар. Географические координаты головного участка 42E425656 UTM 4748002. За Тектурмасом канал поворачивал на запад в сторону Кызылкумов. От канала в нижней части отходят распределители на обе стороны. Через 13 км в виде небольшого арыка он подходит к Торткулю (Тектурмасскому). За Торткулем через 3 км он соединяется со старым руслом Сырдарьи. Протяженность канала 16,5 км²¹.

Магистральный канал Темир-арык датируется XV-XVII вв. Головной участок располагался в 12 км к юго-востоку от с. Шаульдер. У ирригационных каналов Темир-арыка головной участок расположен выше по течению р. Арысь в 13,5 км от истока системы Каракунчук. Исток находится рядом с современной плотиной, подающей воду в действующую оросительную сеть. Географические координаты 42T455131 UTM 4726485.

Наземными поисками удалось обнаружить остатки шести головных каналов, подводивших воду к магистральному каналу Темир-арык. Их истоки отстояли друг от друга на расстоянии 60, 180, 200, 1000, 2000 и 3300 м вниз по реке.

Общая протяженность магистрального канала свыше 40 км, ширина валов по основанию в головной части 65 м, ширина ложа каналов 20 м, глубина 5-6 м. До села Шаульдер ложе канала перекрыто современным каналом, дамбы систе-

21 Акылбек С.Ш. Магистральный канал Сангал-арык. Ук. соч. Отарский район. С.357-361.

мы появляются на местах изгибов то слева, то справа. Через 10 км холостого хода магистральный канал в районе современного с.Шаульдер, разветвляется на два рукава. Левый отходит в северо-западном направлении и соединяется с рабочей частью магистрального канала Каракунчук. Правый рукав идет в северном направлении. В районе села Шаульдер оба рукава перекрыты современными каналами или снивелированы. За селом ложе канала теряется на возделываемых полях. Затем ложе магистрального канала появляется на южной стороне Отрара на расстоянии 3 км, рядом с поселением Тоз тобе (Кыз тобе). На местности канал прослеживается в виде валов высотой 2,5 м. В этом районе по обеим сторонам основного русла отходят распределительные каналы.

Основная трасса магистрального канала Темир-арык проходит с западной стороны основного бугра Отрара, прорезая культурные напластования рабада, выходит за пределы городской территории, окруженной оборонительной стеной с северной стороны. Здесь сохранился распределитель, расположенный на северном отрезке вала средневековой оборонительной стены рабада. Высота вала 2,4 м, ширина в основании 23 м.

За Отраром трасса системы Темир-арык сохранилась в виде сплошного вала с едва заметным углублением в центре, а далее вовсе прослеживается едва заметным всхолмлением. Нижняя часть системы (2-3 км) не имеет ответвлений. Вероятно, этот участок выполнял лишь функции сброса²².

Тостаганские каналы датируются III-IV вв. Исток находится в 4 км к юго-востоку от южной окраины с.Шытты.

Первый тостаганский канал выведен под углом 90°. Географические координаты головного участка 42Т450180 UTM 4729005. Прослеживается в виде впадины глубиной 0,3 м, шириной 6-7 м на невозделанном участке до современного канала распределителя. На аэрофотоснимке выделяется светлой полосой. Длина сохранившейся части составила 1,5 км. На этом участке канал имел холостой ход, следов отводов-распределителей не обнаружено.

Второй тостаганский канал выведен под углом по отношению к старице и идет, изгибаясь в сторону поселения Тостаган с северо-западной стороны. Географические координаты головного участка 42Т451002 UTM 47285458. Головное сооружение не сохранилось. В головной части на дамбах производятся захоронения. На поверхности слабо прослеживается в виде двух параллельных дамб до современного канала Мамау-арык, на протяжении 1,3 км. Далее по его ложу проложен современный действующий арык-распределитель. Через 250 м от головы от него в южном направлении отходит распределитель, прослеженный на протяжении 1,6 км. Канал был заброшен после того как Арысь изменила свое русло.

Третий тостаганский канал расположен в 600 м выше первого по течению. Географические координаты головного участка 42Т450733 UTM 4728608. Выведен под углом 90° в юго-восточном направлении, проходит с восточной стороны поселения Тостаган. Здесь от него отходит распределитель, который заполнял оборонительный ров и водохранилище Тостагана водой. Второй го-

22 Грошев В.А., Акылбек С.Ш. Магистральный канал Темир-Арык // Ук. соч. Отрарский район. С.363-365.

ловной участок находится в 1,2 км вверх по течению. Географические координаты второго головного участка 42Т451521 UTM 4727634. Через 2 км рядом с поселением Тостаган он соединяется с первым каналом. Первый головной канал прорезает русло Тостаган 2, второй головной канал прорезает распределитель Тостаган 2.

За Айколем канал принимает воды дуртобинского канала и соединяется со старицей Арыси, куда производился сброс излишков воды. Протяженность канала составляла 8,5 км. В головной части канал имел размеры: ширина ложа – 5 м, глубина 0,7 м, ширина 19 м, высота 0,5 м, сохранился в виде двух параллельных дамб на протяжении одного километра. Далее на поверхности прослеживается в виде впадины шириной 6 м, глубиной 2 м со слабо выраженными отвалами с двух сторон. Берега канала и распределителя заросли чингилем, которые хорошо демаскируют русло на поверхности. Перед впадением канала в старицу к нему присоединяется дуртобинский канал. Датируется канал VI-VIII вв.²³

Канал Шубара датируется IX-XII вв. Истоки его находятся в 36 км на юго-запад от с. Кокмардан. Берет начало из старицы Сырдарьи в местности Акынжакып. Географические координаты первого головного участка 42Т440157 UTM 4697870, второго 42Т439880 UTM 4698730. Общая протяженность канала 30 км.

Прежние исследователи считали, что канал предназначен для забора паводковой воды Сырдарьи и переброски ее в Арысь. Такое утверждение основано на данных карт землепользования, где каналы Шубара 1 и Тостаганский даны одной линией. Наземными исследованиями установлено, что Тостаганский канал и Шубара 1 сбрасывали воду в старое русло Арыси приблизительно в одном месте, но Тостаганский канал располагается несколько выше, чем Шубара 1. Замечено разительное отличие характеристик каналов. Если борта Тостаганского канала на местности демаскируются только колючкой, а ложе – светлой полосой растительности в впадинке, то Шубара 1 впечатляет своими параметрами: ширина его ложа достигает 5 м, глубина 1,5 м, борта шириной 14 м и высотой 0,4 м. К тому же Шубара 1 состоит из двух каналов, идущих рядом на протяжении более 20 км, а затем соединяются. Шубара 1 также имеет множество распределителей для орошения местности.

В головной части канал протянут по оврагам, которые обваловывались по необходимости. Здесь замечено несколько гидроузлов, от которых выведены распределители. Размеры канала на этом участке: ширина ложа 5 м, глубина 3,5 м, ширина отвалов 13 м, высота 0,3 м. В 8 км от головы канал проходит по пониженному участку, где был прокопан неглубоко, поэтому теряет свои большие размеры и далее на протяжении 7 км прослеживается в виде незначительных оплывших бортов. Начиная с отметки 42Т445927 UTM 4715150 на протяжении 10 км размеры канала вновь увеличиваются, достигая ширины ложа до 10 м, глубины 2,5 м, борта шириной 14 м и высотой до 1 м. На координатной отметке 42Т4446179 ЦГМ 4719045 от канала выведен распределитель в северо-

23 Воякин Д.А. Тостаганские каналы // Ук. соч. Отрарский район. С.365-368.

западном направлении в сторону Олюктобе 1. На берегу канала-распределителя обнаружена усадьба. Через 2,5 км после распределителя канал уменьшается в размерах и впадает в старое русло Арысы²⁴.

Канал Шубара 2 датируется IX-XII вв. Исток его находился в 32 км на юго-запад от с. Кокмардан, в 4 км ниже Шубары 1 по течению реки, выведен из старицы рядом с поселением Баусакаул. Географические координаты головного участка 42Т438868 UTM 4704894. Извилистое русло канала прослежено на протяжении 14 км. Имеет два основных распределителя в восточном направлении. Общее направление канала в сторону оз. Сарыколь, куда сбрасывались излишки воды²⁵.

Канал Шубара 3 датируется VII-VIII вв. Исток его находился в 32 км от с. Кокмардан, в 500 м ниже канала Шубары 2 по течению Сырдарьи. Географические координаты головного участка 42Е438467 UTM 4704921. Второй исток длиной 28 км находился в 4 км от первого на юго-запад от с. Кокмардан. Географические координаты головного участка 42Т436372 UTM 4708597. Прослежен на протяжении 13,5 км. В нижней части имеется отвод на основное русло Сырдарьи. Ширина ложа 3 м, глубина 1,2 м, ширина бортов – 16-18 м, высота 0,7 м. На всем протяжении канала имеются многочисленные отводы-распределители по обе стороны канала, с интервалом 250-300 м. Координаты основных распределителей: 42Т437912 UTM 4710174, 42Т437963 UTM 4710365 тянутся в восточном направлении. 42Т438088 UTM 4710912 проложен в западном направлении. Ширина тела (вала) последнего 28 м, на гребне вала прослеживается небольшой арык. Сброс воды осуществлялся в оз. Сарыколь²⁶.

Магистральный канал Чулак-арык датируется X-XVII вв. Исток канала находился в 4 км восточнее села Балтаколь на берегу одноименного озера. Географические координаты головного участка 42Т402451 UTM, 4773031.

В северо-западной части берега озера сохранилось 2 головных канала, отстоящих друг от друга на расстоянии 150 м. Ширина их ложа 7 м, глубина 1,5 м, ширина отвалов по основанию 20-25 м, высота 2-3 м, ширина верхней части отвалов 4-5 м. Через 100 м они соединяются в магистральный канал. Еще один головной канал располагается в 1,5 км вверх по течению Сырдарьи на обрывистом берегу. С помощью этого канала вода поступала непосредственно из реки. Протяженность его 2 км, ширина ложа 5 м, глубина 1,5 м. От места соединения головных участков основная трасса Чулак-арыка идет в северном направлении параллельно Сырдарье на расстоянии 5-6 км от ее русла. Через 8 км, оставляя на пути множество ответвлений, с западной стороны она подходит к городищу Артык. Общая протяженность канала 40 км. Заканчивается у городища Кумиян, другая ветвь соединяется с Сырдарьей²⁷.

Водохранилище Отрара датируется XIII-XVIII вв., находится в 8-10 км к югу от городища Отрар. Общий вид водохранилища получен Отрарской археологической экспедицией в 1969 г. при изучении топографии Отрара и его

24 Воякин Д.А. Канал Шубара // Ук. соч. Отрарский район. С.368-370.

25 Акылбек С.Ш. Канал Шубара 2 // Ук. соч. Отрарский район. С.370.

26 Акылбек С.Ш. Канал Шубара 3 // Ук. соч. Отрарский район. С.371.

27 Грошев В.А. Магистральный канал Чулак-Арык // Ук. соч. Отрарский район. С.372-373.

окрестностей с помощью плановой и перспективной аэрофотосъемки. При дешифровании аэрофотоснимков на них отчетливо прослеживается восьмеркообразный котлован. На его территории было заложено 6 шурфов, проведена нивелировка, вычерчена схема. Водохранилище является довольно сложным по инженерной конструкции и универсальным по назначению гидротехническим сооружением. К инженерным конструкциям водохранилища кроме основного резервуара относятся: 2 бассейна-отстойника, которые предназначались для предварительной очистки воды, поступающей из магистрального канала, бассейн-отстойник в месте забора воды в городской водопровод.

Керамика, найденная в шурфах, разнообразна и датируется X-XVIII вв. Анализ керамики, а также изучение стратиграфии наносов позволяют говорить о 2-х этапах строительства и, по крайней мере, о 3-х основных периодах его функционирования. Возникновение искусственного водоема отражают самые нижние слои, которые датируются началом X – XIII в. Под водохранилище, вероятно, была использована низина, которая образовалась в процессе добычи глины для изготовления сырцового кирпича. Как показала зачистка, площадь водного зеркала в водохранилище в разные годы менялась. Учитывая толщину наносов (более 2 м), установлено, что глубина его при максимальном заполнении достигала 4 м. Исходя из того, что площадь северного котлована составляла 31400 м², теоретический объем водохранилища в первоначальный период жизни составлял 125600 м³.

В начале XIII в. северный котлован перестает функционировать, об этом можно судить по слоям наносов. Через некоторое время с южной стороны образуется еще одна заполняемая водой низина, примыкающая к северному котловану. Очистка первого и завершение строительства 2-го котлована, а также заполнение нового водохранилища относятся к середине XIII в. Водный объем вновь построенной южной части равен 282600 м³. После слияния 2-х котлованов, Отрарское водохранилище приобретает восьмеркообразную форму и в состоянии вместить уже 408200 м³ воды. Водохранилище не только бесперебойно снабжало Отрар водой, осуществлялся полив возделываемых культур, садов. Водохранилище просуществовало вплоть до XVIII в. Постепенно, с затуханием жизни на Отраре, водохранилище теряет свое значение. В начале XVIII в. оно представляло собой небольшой водоем, который заполнялся водой из арыка, проведенного по дну более раннего канала, окончательно водохранилище было заброшено в конце XVIII – начале XIX в., когда жизнь в Отраре прекратилась²⁸.

Агроирригационные планировки Отрара XV-XVIII вв. На аэрофотоснимках прослеживаются многочисленные следы древних полей, виноградников, бахчей, садов и парков. Агроирригационные планировки образуют обширные сплошные массивы, состоящие из прямоугольников, ромбов, квадратов. В процентном отношении, как показали наземные исследования, планировки полей культурных злаков (пшеница, ячмень, овес, просо), занимают большую часть возделываемых земель. Несколько меньшую долю составляют бахчи, виноград-

28 Грошев В.А. Водохранилище Отрара // Ук. соч. Отрарский район. С.375-377.

ники, садово-парковые участки, которые сосредоточены в основном в черте города. В зависимости от возделываемой культуры применялась и разнообразная техника полива. Как показало наземное обследование, полив производился по бороздам, полосам и путем затопления. В соответствии с этим сохранились и различного вида планировки. На территории рабада Отрара отмечены остатки бахчей, виноградников, садов²⁹.

Исследование территории Отрарского оазиса (границы которого были определены в ходе реализации предыдущей программы «Историческая география Отрара и Отрарского оазиса») проводились с целью изучения и фиксации состояния ирригационной системы, которая является неотъемлемой частью древнего культурного ландшафта.

29 *Грошев В.А.* Агроирригационные планировки Отрара // Ук. соч. Отрарский район. С. 377-378.

ГЛАВА IV

От поселений к протогородам и городам

Поселения и протогорода древней Евразии

Древние поселения и свойственные им особенности, изменяющиеся во времени и пространстве, служат важнейшим источником для изучения истории общества. Специфику поселений определяют характер организация жилищ как частей единой системы и особые специфические черты, присущие этой системе как таковой (укрепления, святилища, места собраний, общие хранилища, производственные центры). В этом отношении поселения более разносторонне, чем жилища, отражают историю оставивших их обществ¹.

В свое время советская археологическая наука поставила одной из главных задач широкое изучение древних поселений, раскопки их большими площадями. Во второй половине 50-х – начале 60-х гг. развернулись регулярные раскопки памятников раннеземледельческих племен на юго-западе Средней Азии. Интерес к хозяйственно-жилому комплексу, как наиболее яркому и по объему работ наиболее доступному элементу, нередко заслонял вопросы изучения поселения в целом.

В 60-х гг. вопросы исследования поселений становятся на Западе своего рода модой. Так, в США был поставлен вопрос о выделении «поселенческой археологии» как своего рода подраздела археологии². В декабре 1970 г. в Лондоне была проведена специальная конференция по изучению поселений и урбанизации, в которой в основном приняли участия ученые Англии и США. На ней было рассмотрено много интересных и важных проблем: детально разрабатывался экономический аспект, изучались демография и динамика населения, вопросы социальной атрибуции домов и поселений. Удачным образцом соединения теоретических разработок и археологической реальности являлись работы К.Фланнери³.

Поселение представляет собой систему сочетания различных компонентов, из которых, учитывая информационные возможности археологических материалов, представляется важным выделить следующие: планировка, размеры, «публичные здания», производственные центры и укрепления. Факторы, воздействующие на эти компоненты, могут быть подразделены на природные (экологический фактор) и общественные (экономический, социальный и политический факторы, этническая традиция)⁴.

Изучение поселения как целостного организма – важная задача археологии. Однако для решения этой проблемы необходимы широкомасштабные раскопки, позволяющие получить необходимые результаты – об этом сви-

1 Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград, 1976. С.125.

2 Settlement archaeology. Palo Alto, 1968.

3 Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Ленинград, 1976. С.126.

4 Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. С.128-129.

детельствуют раскопки поселений неолитических земледельцев в Средней Азии⁵.

Переход к земледелию и скотоводству был важнейшим экономическим достижением в истории общества, которое не случайно называется «неолитической», или «земледельческой» революцией. Перемены, происшедшие в обществе, ярко сказались и на облике поселений. Утверждение земледелия в качестве одной из основ экономики явилось стимулом к установлению прочной оседлости, основанию поселков длительного, а порой практически непрерывного обитания как основного вида расселения. Теперь из числа факторов, влияющих на характер поселений, на первый план все отчетливее выступает социально-экономическая доминанта.

Достаточно полно исследованы памятники джейтунской культуры VI тыс. до н.э. на юго-западе Средней Азии. Здесь, как и в других областях аридной зоны, земледелие зависело от искусственного орошения, и поэтому комплекс оседлости приобрел особую устойчивость. Люди тысячелетиями жили на одном и том же месте, и остатки оставленных ими домов, строившихся один над другим, нередко достигают высоты в несколько десятков метров – это признак устойчивой оседлости. К раннему этапу джейтунской культуры относится само поселение Джейтун, состоявшее из 30 жилых домов и примыкающих к ним хозяйственных строений и дворов⁶. Расположение домов не имеет строгой планировки без центра. На среднем этапе джейтунской культуры ядром поселения становится, как показывают раскопки Песседжик-Депе, святилище или общий дом собраний, идентичный по плану жилым домам, но вдвое превосходящий их по площади и с интерьером, украшенным полихромными фресками. Однако хаотичное расположение жилых домов сохраняется. Этот принцип планировки наблюдается и в позднеджейтунских поселках, где наиболее крупный дом расположен в центре и, видимо, совмещал функции святилища и места общих собраний. Размеры поселков невелики – от 0,5 до 2 га, что, вероятно, отражает лишь постепенный рост населения по сравнению с доземледельческой эпохой. Четко выступает роль социального фактора – и в величине исходной планировочной единицы, рассчитанной на основную ячейку общества, малую семью, и в появлении центрального сооружения – места общих дел, объединяющих общину, но оборонительные сооружения отсутствуют.

В Передней Азии раннеземледельческие поселки почти с самого начала ограждены массивными обводными стенами. Так, стена Иерихона VIII–VII тыс. до н.э. сложена из бутового камня и имеет толщину более 1,5 м⁷, стена Хаджилара первой половины V тыс. до н.э. сложена из сырцового кирпича, имеет толщину 2 м и сохранилась на такую же высоту⁸.

Постепенно характерной чертой поселений становится и наличие производственных центров. На Джейтуне домашние производства рассредоточены по малым семьям, чему соответствует и их территориальная децентрализация

5 Массон В.М. Поселение Джейтун // МИА. Москва, 1971. №180.

6 Массон В.М. Поселение Джейтун. С.104-107.

7 Массон В.М. Поселение Джейтун. С.104-107.

8 Mellaart J. Excavations at Hacilar // AS, 1960. Vol. X. P.86

на площади поселка. Однако постоянно выделяются участки поселка, где либо находятся общие хранилища, либо концентрируются различные виды производств.

Линия развития поселений выглядит следующим образом: 1) сезонный лагерь – временная стоянка, менее 100 человек; 2) отдельный крестьянский дом; 3) усадьба – постоянное поселение, неспециализированное, менее 100 человек; 4) деревня – постоянное поселение, менее 1000 человек; 5) городок (town) – от 1000 до 5000 человек; 6) город (city) – более 5000 человек; 7) разбросанное поселение – более 1000 человек; 8) отдельная пирамида или храм; 9) церемониальный центр.

Г.Чайлд предложил считать городами поселения с количеством жителей более 5000 человек. Целый ряд методических приемов позволяет рассчитать население древних поселков, особенно если они раскопаны на широкой площади, либо что предпочтительнее, целиком. Среди древнейших оседло-земледельческих поселений таким крупным центром бесспорно, был Чатал-Гуюк, площадью 12 га. Численность его населения при различных способах подсчета колеблется в пределах от 1500 до 5500 человек⁹.

На Конийской равнине он, видимо, занимал высшее положение в иерархии земледельческих деревень. Хотя сам В.Мелларт пытается видеть в раскопавшемся им Чатал-Гуюке черты урбанизации, скорее всего, дело заключается в высоком плодородии этого региона, допускаяшем большую плотность населения. Лишь с постепенным прогрессом земледелия, позволяющим повысить плотность населения, крупные центры становятся типичным явлением в обществе оседлых землевладельцев аридной зоны.

Типологическое подразделение оседло-земледельческих поселков на основе археологических критериев имеет широкое распространение в практике археологических исследований. Р.Адамс выразил мнение, что иерархия размеров поселков может быть связана с установлением их специализированных хозяйственных, религиозных или административных функций¹⁰.

На юго-западе Средней Азии в IV тыс. до н.э. небольшие поселения явно продолжают основные традиции джейтунского неолита. Они состоят из небольших хаотично расположенных однокомнатных домов с крупным центральным домом – общественным центром. Постепенно наблюдается тенденция к объединению отдельных строений в многокомнатные массивы, наличие крупного общего дома-святилища в центре и обводных стен полуметровой толщины, выложенной из сырцового кирпича¹¹. В это время складываются и более крупные центры: Геоксюр площадью 12 га, Кара-Депе площадью 15 га и Намазга-Депе, где уже в раннем энеолите обжитая площадь была не меньше. Плотность застройки вскрытых участков Кара-Депе свидетельствует, что в нем жило более 100 человек, а многокомнатные дома указывают на большесемейную общину. На поселении появляется незастроенный участок – своеобразная

9 *Childe H.G. The Urban Revolution // Town Planning Review. 1950. Vol.21.*

10 *Adams R. McC., Nissen I. The Uruk Countryside. Chicago-London, 1972. P.18.*

11 *Хлопин И.Н. Геоксюрская группа поселений эпохи энеолита. Москва-Ленинград, 1964. С.73-85.*

площадь, на которую выходили узкие улицы, пересекающие многоквартирные дома-массивы¹². В застройке сохраняются святилища, аналогичные святилищам мелких поселений, и примыкающие к нему общественные хранилища.

Возникают поселения качественно нового типа, именуемые городами. Р.Адамс справедливо отмечал, что в признаках города, предлагавшихся Г.Чайлдом, смешаны явления первичные и второстепенные¹³. В качестве признаков городской цивилизации ряд исследователей предлагал использовать следующую триаду: поселения с более 5000 жителями, письменность и монументальную архитектуру¹⁴. Близкая триада может быть использована и для определения собственно городов: население более 5000 человек, светская или религиозная монументальная архитектура, центры ремесленных производств. Разумеется, это чисто внешние признаки, удобные при археологическом изучении соответствующих памятников. Вместе с тем эти признаки отражают изменения, происходящие в связи с развитием их новых функций, их переход на новую социальную ступень. Происходит как отделение ремесла от земледелия в развитии торговли, сменившей обмен, и социальная дифференциация общества, проявляющаяся в обособлении светской и жреческой элиты. В городах по сравнению с рядовыми поселками увеличиваются не только их общие размеры, но и размеры производственных центров. «Общественные здания» представлены монументальной архитектурой, а укрепления усиленной фортификацией.

Наряду с небольшими поселками раннеземледельческих общин площадью 1-1,5 га и крупных поселений площадью 10-15 га возникают своего рода суперцентры, состоящие из нескольких поселений. Для южно-туркменистанского региона как конкретно-исторического явления более правильной представляется пока трехчленная группировка поселений. Носителем структурных изменений в поселении как в системе в данном случае является представитель вершины иерархической пирамиды. Городским центром в Южном Туркменистане было городище Алтын-Депе. Размеры его оплывших руин, достигающие 46 га, дают число жителей, превышающее предложенную выше для характеристики города цифру. На Алтын-Депе имеется культовый комплекс, где центральное место занимал четырехступенчатый «зиккурат» 20-метровой высоты. Выделение ремесел закреплено здесь территориальным обособлением: керамисты занимают в основном квартал площадью около 2 га. Систематические раскопки поселения позволили поставить вопрос о социальной стратификации населения¹⁵.

Алтын-Депе представляет собой яркий пример формирующегося города. В настоящее время можно считать, что во второй половине III – II тыс. до н.э. между Месопотамией и Индией лежала обширная зона городских цивилизаций второго порядка с целым рядом культурных районов, со своими центрами¹⁶.

12 *Массон В.М.* Кара-Депе у Артыка // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1960. Т.Х. С.348.

13 *Adams R. McC.* The Evolution of Urban Society. Chicago, 1968. С.11.

14 *City Inevitable // A Symposium on Urbanization and Cultural Development in the Ancient Near East.* Chicago, 1960; *Daniel G.* The first Civilizations. London, 1968. С.25.

15 *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. С.145.

16 *Массон В.М.* Зона раннегородских цивилизаций между Шумером и Индией.// Тезисы доклада на заседа-

Правда, не следует забывать, что приведенные примеры заимствованы из регионов, где поливное земледелие способствовало повышению плотности населения и соответственно сложению достаточно крупных центров. В этом отношении обращают на себя внимание небольшие размеры центров Малой Азии и эгейского мира эпохи бронзы. Площадь Трои, Дориона, Терми, Полиохни составляет всего 1-2 га, хотя внушительная фортификация, развитая торговля, массивные здания светской архитектуры заставляют относить их к числу городов. Недаром некоторые исследователи считают даже возможным говорить о двух типах городов эгейского мира – крупных центрах политической власти и экономического производства (Микены, Пилос) и небольших городках или поселениях городского типа с развитым ремеслом¹⁷. Функции этих поселений как производственных, идеологических, культурных и организационных центров определяли, в первую очередь, их специфическое положение в общественной системе именно как городов.

Сформировавшиеся города представляли собой качественно новое явление и в истории общества, и в системе поселений, как бы подводящее итоговую черту под многотысячелетним развитием первобытнообщинной формации.

Таким образом, выявлена многоплановость и сложность становления и развития города. Со всей остротой встал вопрос о многомерности проявления и глубокой значимости урбанизации в общей системе исторического развития. В научной литературе намечились линии в исследовании проблемы древнейших городов.

Протогорода эпохи бронзы в Урало-Казахстанских степях

В 1970–1980 гг. в урало-казахстанском регионе степной Евразии на ряде многослойных поселений бронзового века открыты и исследованы слои, относящиеся к первой половине II тыс. до н.э., а также своеобразные погребальные комплексы, в значительной степени отличающиеся от алакульских и федоровских, которые хорошо известны. Площадь поселений составляет от 6 до 30 тыс. м². Для этой группы памятников, характерно наличие в поселениях оборонительных сооружений – рвов и валов с деревянными частоколами или стенами, сложенными из глинобитных блоков. Они относятся к укреплениям, в основе плана которых лежат прямоугольник, круг, либо сочетание круга и прямоугольника. Наличие контрфорсов, «башен» и других предвратных сооружений, защищающих въезд в поселок и подступы к воде, свидетельствует о развитой системе фортификации.

Прямоугольные наземные жилища имеют площадь от 25 до 130 м².

В качестве строительного материала применялись дерево, глина, дерн. Очаги – напольные открытые, с каменными выкладками; встречаются и сложные очажные сооружения, иногда пристенные, напоминающие каминны.

На поселении Синташта жилая застройка была окружена двойным круговым кольцом стен, возведенных из глины с использованием дерева и обожженных глиняных блоков. Жилища – это отсеки стен, идущие в радиальном

ниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г. Москва, 1970. С.63-66.

17 Блаватская Т. Ахейская Греция. Москва, 1966. С.117.

Рис. 17. Городище Аркаим. Аэрофото

направлении, которые «разрезали» кольцо на отсеки-жилища. Возможно, что часть жилищ были двухэтажными или имели легкие постройки на кровле. В некоторых поселениях зафиксированы системы водоотстойников и водосбросов.

Поселение Аркаим позволяет более детально проследить планировку: жилую, хозяйственную застройку и религиозно-административный центр.

Основу плана поселения составили два кольца оборонительных стен, две круговых полосы жилищ – внешняя и внутренняя – центральная площадь. Кольцо стен имело диаметр 160 м, ширина стен по основанию – около 4 м. Сами стены сложены из плотного грунта с примесью извести. С наружной стороны стена была облицована сырцовыми блоками, которые укладывались, начиная со дна рва на всю высоту стены (глубина рва – 1,5-2 м, высота земляной стены по предварительным расчетам – 2,5-3 м). Верх стены был усилен двумя параллельными частоколами бревен, промежуток между которыми был заполнен дерном. С внутренней стороны к оборонительной стене вплотную примыкали торцы жилищ. Длинные стороны жилых сооружений расположены радиально по отношению к кругу оборонительных укреплений. Выходы жилищ обращены к круговой улице, которая проходила через все поселение параллельно внутреннему рву к стене цитадели. Ров был облицован деревом.

Жилища расположены радиально с выходом на центральную площадь.

Поселение имело три-четыре входа. Главный, западный вход отмечен разрывом шириной 40 м кольца внешней стены. Стена и ров резко поворачивают в глубину поселка, смыкаясь с конструкциями цитадели.

Каждому входу соответствуют радиальные улицы, пересекающие весь поселок. Центральная площадь, вероятно, имела форму близкую к квадрату со сторонами 25×25 м.

Жилища – трапециевидные в плане площадью 190 и 300 кв.м. Стены жилищ представляют собой два параллельных ряда столбов, обшитых плахами, находящимися на расстоянии около 1 м один от другого. Промежуток между столбами заполнен землей. Четыре

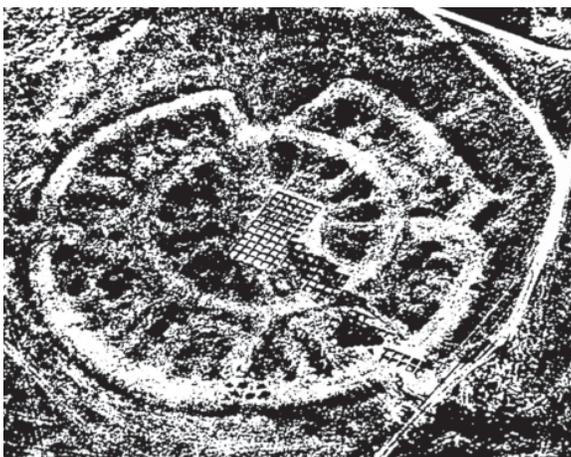

Рис. 18. Городище Аркаим, начало раскопок. Аэрофото

или шесть рядов столбовых конструкций разделяют здание по длине, несколько поперечных перегородок образуют отдельные комнаты. Хозяйственные отсеки с погребами и колодцами расположены в глубине помещений. Жилища построены вплотную друг к другу, имея общие длинные стены.

Поселения имели развитую систему фортификации. Она построена на принципе круговой обороны.

Безусловно, поселения создавались по заранее продуманному плану, при четкой разметке местности. Для традиционных поселений эпохи бронзы урало-казахстанских степей характерна, как правило, открытая линейная планировка. Каждый жилой комплекс существует как бы самостоятельно, и эта независимость подчеркивается наличием вокруг жилищ свободного пространства. Поселения типа Аркаим демонстрируют иную структуру. Создатели ее руководствовались идеей, которую можно назвать идеей центризма. Центральная точка расположена на площади. В этой точке «сходятся» осевые линии зданий, улицы, выходы из жилищ.

Важным признаком урбанизации поселения является рациональное использование городского пространства. На поселении хорошо выделяются жилые и хозяйственно-бытовые комплексы: свое место за пределами цитадели вдоль внутреннего рва занимают производственные сооружения – металлургические и гончарные печи, особое место отведено площади, где происходят общие сборы и ритуальные действия. Ярко выражена система коммуникаций – путей сообщения между отдельными секторами поселения, ограниченными оборонительными стенами и рвами. Улицы и переходы обеспечивали связь между отдельными жилыми и производственными сооружениями, между центральной площадью и периферией поселения. Существовали и другие городские коммуникации – организованная система водостоков и водоотстойников, главной составной частью которой был внутренний ров.

Поселения представляют собой сконцентрированные на малой площади места обитания земледельческо-скотоводческих общин. Состав стада представлен костями лошади, мелкого и крупного рогатого скота. Особое вни-

мание отводилось лошади, которая широко использовалась в военном деле. О тесной связи с земледелием говорит топография поселений, которые расположены на низких террасах в районах широких пойм, где было удобно применять орошение лиманного типа. В районе поселения Аркаим сохранились поля, которые, вероятно, возделывались в эпоху бронзы.

Урбанизированный характер и значимость культовых центров поселения приобрели как производственные центры металлических изделий. В культурных слоях поселений среди обычного массового инвентаря большой процент занимают орудия металлообработки и остатки металлургического производства.

Вещевые комплексы петровско-синташтинских могильников отличаются изобилием предметов из бронзы. Погребения взрослых мужчин, как правило, содержат орудия кузнечного дела (молотки, наковальни), а в отдельных случаях – и куски руды. О престижной роли кузнецов и металлургов свидетельствуют факты одновременного нахождения в погребальных камерах остатков боевых колесниц, каменных булав – символов особого положения в обществе, кузнечных орудий.

На поселенческих и на погребальных памятниках ярко выражены следы религиозно-культового характера, который виден в их планировке, в выделении особых храмово-погребальных комплексов, таких как Большой Синташтинский курган.

О «централизации» и унификации культовой обрядности, о сложившемся пантеоне божеств свидетельствует каменная антропоморфная скульптура, известная по находкам между реками Уралом – на западе и Иртышом на востоке. Художественные достоинства и канонизация образов предполагают длительный путь развития антропоморфной пластики, истоки которой связаны, вероятно, еще с эпохой энеолита – ранней бронзы.

Характеризуя петровско-синташтинские поселения как политические, хозяйственные и религиозно-административные центры, необходимо отметить находки глиняных медальонов с оттиснутыми на них знаками. Появление устойчивых символов, а также пиктографический характер орнамента на рисунках многочисленных сосудов свидетельствуют о начальном этапе в передаче информации.

Время существования петровско-синташтинских комплексов определяется по характерному набору металлических изделий и костяных псалий XVII–XVI вв. до н.э.

Большинство современных специалистов считают, что создателями поселений андроновской культурно-исторической общности (во всяком случае, в варианте алакульской культуры) являются индоиранские племена.

Население Урало-Иртышского междуречья явилось наследником величайшего открытия человечества – одомашнивания лошади и превращения коня в объект сельскохозяйственного производства, военного дела и религиозных культов. Процессы одомашнивания лошади проходили, несомненно, в более широком степном ареале. Однако памятники ботайско-суртандинского типа (III тыс. до н.э.) ярко раскрывают этот процесс на конкретном материале. Навыки коневодства подготовили степное население к созданию комплекса хо-

зяйства производящего типа – земледелия, скотоводства и ремесленного производства.

Самой важной составной частью культурно-хозяйственного типа было освоение ими мощной местной рудной базы. Расцвет культуры и появление урбанизированных поселений стало возможным в результате вовлечения урало-казахстанского региона в круг культур от Эгеи до Сары-арки и Малой Азии, взаимообусловленность которых диктовалась потребностью производства и распространения изделий из бронзы¹⁸.

Страна городов. Исследования поселений типа Аркаим дали представление о своеобразной «Стране городов». Аркаимцы заложили основы комплексного хозяйства – пастушеского скотоводства и степного земледелия. Тип производящего хозяйства на тысячелетия вперед определил развитие всей евразийской степи.

Аэрофотосъемка и наземные топографические обследования показали, что в основе планировки протогородов Южного Зауралья лежат овал, круг и прямоугольник.

Сложности в определении ведущего геометрического символа в ряде случаев связаны с длительностью существования протогорода и многочисленными его перестройками. Иногда перестройки хорошо читаются на аэрофотоснимках – укрепленные поселения Устье, Степное, Родники, Камысты-Аят, Андреевское. Зачастую аэрофотоснимок дает срез одного строительного горизонта и не фиксирует картину изменения планировочных схем. В этих случаях реальную ситуацию можно будет выяснить только с помощью археологических раскопок. Так, при раскопках поселения Куйсак были обнаружены три культурно-строительных горизонта, с каждым из них были связаны значительные перестройки оборонительной системы.

Благодаря аэрофотоснимкам, которые фиксируют наложение различных оборонительных систем друг на друга, можно установить последовательность изменения поселенческих планировочных схем.

Самыми ранними являются поселения, овальные в плане.

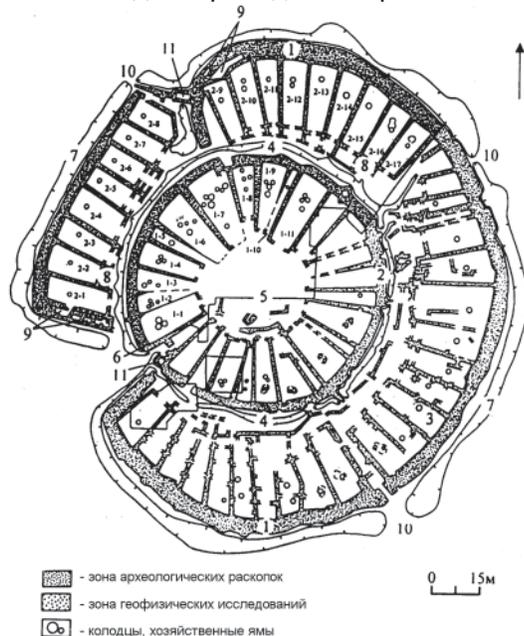

Рис. 19. Городище Аркаим.
План после раскопок (По Г.Б.Здановичу)

18 Зданович Г.Б. Феномен протоцивилизации бронзового века урало-казахстанских степей. Культурная и социально-экономическая обусловленность // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.179-189; Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – страна городов. Пространство и образ. Челябинск, 2007. С.40-55.

Позднее появились «круги» и «прямоугольники».

Поселения создавались по заранее продуманным планам, с использованием макетов.

Каждое поселение по своей планировке оригинально: каждое имеет свои особенности, изначально заложенные при создании поселка. Это, безусловно, преднамеренная несхожесть. Она означает не исторически сложившиеся различия, а изначально заложенное различие.

При важности общих геометрических планировок (символов), типология памятников должны носить комплексный характер с учетом сразу нескольких признаков:

- планы внешних оборонительных сооружений;
- наличие и планировка оборонительных стен, расположенных внутри поселка;
- планировка жилищ по отношению к системе фортификаций;
- наличие рядом с протогородом неукрепленного поселка.

Овальные поселения. По материалам наиболее хорошо сохранившихся овальных в плане поселений можно заключить, что строители стремились ориентировать фортификационные системы длинными осями по линии восток-запад (Берсуат, Аландское, Исинея I). Однако жестких правил, видимо не существовало: поселение Кизильское ориентировано по линии север – юг.

При выборе места для будущего поселка строители предпочитали ровные, сухие, возвышенные участки у воды. Высота таких площадок обычно 3-4 м относительно уровня пойменных лугов.

Наиболее яркий вариант поселенческой островной площадки отражает топография укрепленного центра Аландское. Река Суундук и раздвоенное русло реки Солончанка со всех сторон окружают поселок. Во время весенних паводков поселение Аландское выглядит как остров.

Поселение Исинея расположено на останце первой надпойменной террасы, который вытянут вдоль правого берега реки Караталы-Аят на 700-800 м. Со всех сторон останец ограничен водой.

Одним из важных признаков, отличающих овальные поселения друг от друга, является наличие или отсутствие внутренних фортификационных сооружений.

Планировка жилищ внутри овальных поселений повторяла их контуры. Дома образовывали замкнутое кольцо. Они были пристроены плотно друг к другу так, что стена одного дома являлась стеной другого дома; жилища ориентированы длинными осями к центральной части поселения. Выходы из «города» располагались по сторонам света.

При поисках площадок под строительство круглых в плане поселений предпочтение отдавалось ландшафту. Выбирался участок на берегу реки, имеющий ограничения в рельефе местности, желательно со всех сторон. Обычно поселения располагаются на останцах первых надпойменных террас, на ровных площадках у широких пойм, изрезанных старыми руслами рек.

Яркое «островное» положение среди водных потоков и прогибов старых русел занимают поселения Аркаим и Исинея II.

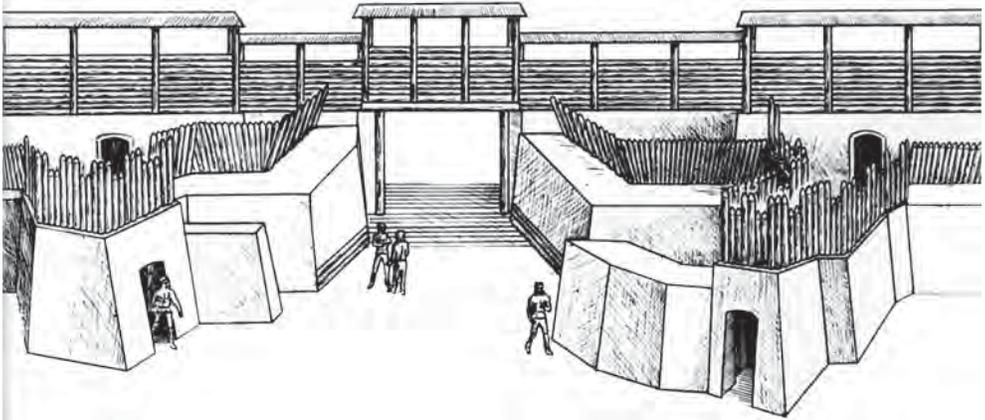

Рис. 20. Укрепленное поселение Синташта. Реконструкция въезда

Круглые поселения по особенностям планировочных решений во многом близки овальным протогородам.

Основные выходы из поселков обращены на запад (северо-запад) или север. Они были оформлены в виде выступов стены.

Кроме обязательных четырех проходов на поселениях были и другие потайные входы. Это хорошо прослежено при археологических раскопках поселений Куйсак и Синташтинское.

При исследовании южного входа в поселение Синташтинское, где аэрофотосъемка дает просто прорыв стены и рва, были обнаружены следы деревянных частоколов и глинобитных конструкций. Сооружения образовывали с обеих сторон входа в поселок ниши глубиной 5-7 м и шириной 2-2,5 м. Ниши служили, вероятно, в качестве ложных входов и использовались как ловушки. На этом же участке были обнаружены щели в оборонительных стенах, которые могли играть роль тайных калиток.

Наиболее крупные поселения, имеющие в плане круг, стандартны и имеют диаметр 150-160 м.

Если говорить о площадях круглоплановых поселений, то они колеблются от 6,5 до 20 тыс. м².

Эти площади были предназначены только для жизни, все остальное было вынесено за пределы оборонительных стен: полномасштабное металлургическое производство, содержание скота, земли под огородничество.

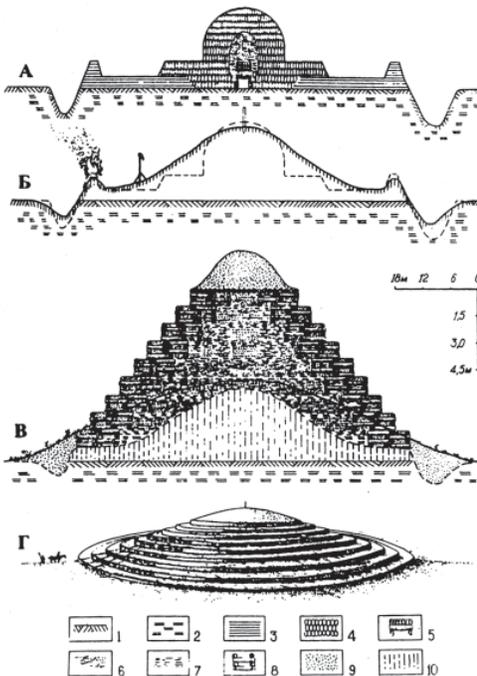

Рис. 21. Укрепленное поселение Синташта. Реконструкция храма (По В.Ф.Генингу)

Топографию поселенческих площадок, на которых расположены прямоугольные укрепления, характеризуют те же черты, которые были отмечены для овальных и круглоплановых поселков. Однако, интересный факт: для строительства укрепленных центров впервые осваиваются берега озер. Почти все прямоугольные укрепления расположены на площадках, границы которых четко очерчены в рельефе местности.

Рисуя общую картину организации пространства прямоугольных поселений, нужно отметить, что при наличии отдельных фактов поэтапного становления жилых площадок (Андреевское) в целом укрепленные центры строились по заранее продуманным планам. Это касается создания внешней фортификации и внутренних оборонительных стен, размещения жилищ и всей системы коммуникаций.

В системе «городского» пространства прямоугольных поселений нет ярко выраженных площадей. В поселках для общественных сборов могла служить просторная улица.

Нельзя, однако, не отметить особой мощности внешних фортификационных сооружений. На аэрофотоснимках хорошо видны сдвоенные стены с массивными основаниями, широкий и, возможно, глубокий ров, заключенный между ними. Сложные укрепления защищали главный вход в поселок.

Монуменальность фортификационных сооружений. В отличие от круглых в плане поселений, «прямоугольники» не имеют центра, подобного цитадели. Здесь все отсеки или сектора имеют участки, обращенные к внешней оборонительной стене, и в этом смысле они все поставлены в одинаковые условия в случае нападения врага. В «прямоугольниках» все выделенные территории как бы равны. Здесь нет понятия центра в том понимании, в котором организовали пространство строители круглых в плане городищ.

Характерной чертой прямоугольных в плане поселений является наличие рядом неукрепленного поселка.

Особенности планиграфии укрепленных центров Южного Зауралья эпохи средней бронзы определяются широким спектром факторов. Это, прежде всего, оборонительные функции исследуемых сооружений. Многие детали фортификационных сооружений имеют свои параллели в древнем военном зодчестве других регионов. Во-вторых, здесь, безусловно, нужно видеть прямое и непосредственное воплощение мифа и мифологического мышления. Круг и квадрат – основные геометрические символы, положенные в основу планировок.

Археологические памятники «Страны городов» отражают важный и богатый культурно-исторический пласт истории урбанизации¹⁹.

Поселение Кент является одним из наиболее интересных памятников эпохи бронзы дандыбай-бегазинской культуры. Это поселение самое крупное в микрорайоне и расположено в 220 км к юго-востоку от Караганды. Главный водный источник – река Кызылкенеш. Всего в микрорайоне сосредоточено 12 поселений и 10 могильников эпохи поздней бронзы²⁰.

19 Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – страна городов. С.180-192.

20 Варфоломеев В.В. Кент – город бронзового века // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991-2011) / Сборник научных статей, посвященных 20-летию независимости Казахстана. Алматы, 2011. С.85-96.

Площадь культурных отложений, занятая постройками, – 150 000 м². Это самое большое по площади из известных сейчас в Казахстане поселений эпохи бронзы. Одновременно с Кентом функционировали левобережные поселения Алат, Алат I, Алат II. Кент и эти три поселка разделяли только р. Кызылкеныш и неширокая пойма. Все четыре поселения можно считать одним. Его площадь по замерам между крайними объектами превышает 300 000 м², а число построек – 130. Общее количество построек на поселениях в Кызыл-кентской долине – 167. Синхронное функционирование всех домостроений маловероятно. Условно одновременно обитаемы были лишь 100 жилищ во всей долине. Каждый жилой дом населяла одна семья.

Хозяйство имело комплексный скотоводческо-земледельческий характер. Все доказательства земледельческих занятий в степях Центрального Казахстана имеют косвенное значение: приуроченность поселений к пойме, находки бронзовых серпов-косарей, зернотерок с ладьевидными курантами, каменных пестов и мотыг. На Кенте найдена одна каменная мотыга. Не исключено рыхление почвы деревянными колыями. Население Кызылкенышской долины не нуждалось в обширных пашнях. Почти все потребности в пище удовлетворялись посредством высокоэффективного животноводства, в том числе и в результате обмена скотоводческой продукции на земледельческую.

Обитатели Кентских гор, как и их соплеменники по всей Сары-арке, разводили четыре вида домашних животных: крупный рогатый скот, мелкий рогатый скот, лошадь, редко верблюдов.

Охотились на сайгу и марала, кулана и кабана, волка и лося, корсака и архара, крупных птиц.

Сравнение по видам животных показывает относительное преобладание мелкого рогатого скота на Кенте. В то же время корова и лошадь имели большое значение.

Увеличение доли лошади и овцы в стаде у дандыбаевцев Кентского района свидетельствует о возрастании подвижности скотоводческого хозяйства. Это было уже не пастушеское скотоводство, как у андроновцев, но еще и не кочевое.

Поселение Кент было центром микрорайона из небольших поселков. Его положение, размеры, количество жилищ и некоторые другие параметры позволяют видеть в нем не просто крупный населенный пункт, а зарождающийся город.

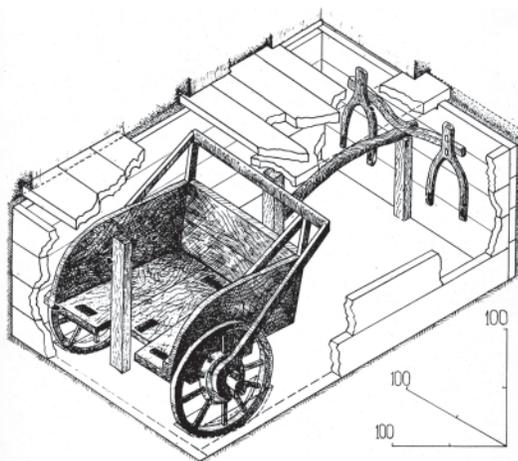

Рис. 22. Погребение. Реконструкция боевой колесницы в погребальной камере

Эта формула города не абсолютна, но вполне применима в археологических исследованиях.

Поселки скотоводов Сары-Арки эпохи бронзы невелики – 0,1-2 га. Появление очень крупных населенных пунктов свидетельствует об их особой роли.

На Кенте исследована так называемая «Большая ограда», которую можно трактовать как постройку общественного значения.

Реконструируемая высота «Большой ограды» около 1 м. Скорее всего, «Большая ограда», точнее площадь внутри, предназначалась для проведения общественных церемоний, в том числе и обрядовых.

При раскопках найдено более 100 целых бронзовых изделий. Многочисленны резные изделия из кости и рога. Весьма вероятно, что эти образцы прикладного искусства вырезали косторезы-профессионалы.

На Кенте обнаружены доказательства взаимодействия населения с отдаленными районами. Так, среди керамики кентских поселений и могильников имеется посуда среднеазиатских, южноказахстанских, сибирских форм.

На 10 могильниках зафиксировано 240 могильных сооружений. Всего раскопано 60. Ведущим типом их являются подквадратные ограды из гранитных плит, уложенных плашмя в один, редко в несколько слоев. Внутри ограды – прямоугольный или почти квадратный ящик из вертикально установленных плит. Усопших хоронили на уровне материка на поверхности, или ниже материка. Размеры таких оград варьируют от 1,2×1,4 м до 4×4,1 м, ящиков – от 0,6×0,8 м до 1,4×1,6 м.

Есть сооружения, которые отличаются большими размерами (ограды до 9×8,5 м, каменные ящики имеют в них размеры до 2,7×3 м), многослойной кладкой стен. В них больше, чем в других число сосудов в погребальном ин-

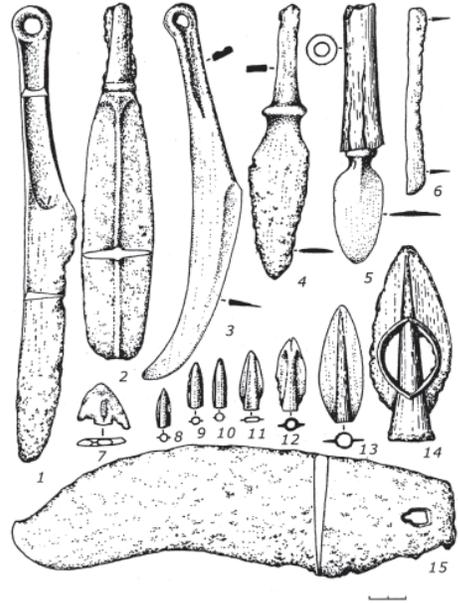

Рис. 23. Городище Кент.
Орудия и оружие из бронзы

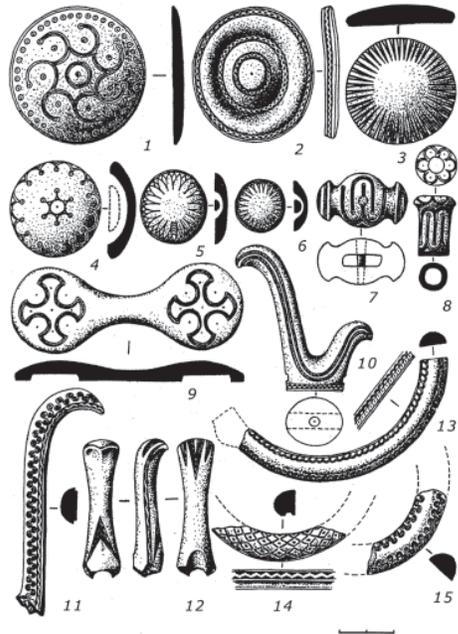

Рис. 24. Костяные украшения

вентаре. Эти постройки – мавзолеи. Принадлежность мавзолеев к категории погребений высокого социального ранга сомнений не вызывает.

Главной статьей экспорта Кентского населения следует считать металл. Его производство и распределение контролировалось элитой. Предметом обмена могли быть также скот и животноводческая продукция.

Видимо, в это время начинается процесс сложения государственных образований.

Кент имеет все признаки древнего города.

Результаты работ на Кенте опровергают тезис о кризисе металлопроизводства в эпоху поздней бронзы и свидетельствуют о дифференциации населения Кента по социально-имущественному показателю. Видимо, уже существовали очень богатые и очень влиятельные кланы, контролировавшие или даже монополизировавшие производство и распределение металла.

Кентская коллекция изделий из металла представлена 156 бронзовыми предметами. В ней содержатся ножи-кинжалы с упором киммерийского типа, наконечники стрел, прорезной наконечник копья, молоточек, шилья, долота, пара удил, пряжки, серпы-косари сосново-мазинского типа, бляшки, обоймы, долота плоские и втульчатые, распределительные кольца, инструменты для резьбы по кости (резцы, клепик, коготок, циркуль), фрагменты изделий из бронзового листа, небольшие слитки и бруски металла, куски проволоки.

Спектральный анализ показал, что металлурги использовали медную руду центрально-казахстанских месторождений, металл легировался оловом. Часть металлических изделий выплавлялась на Кенте в печах, раскопанных на левом берегу р. Кызылкеныш.

В результате трасологического анализа определены функции каменного инвентаря. Это песты, терочник, зернотерки, два графитовых карандаша, наковальни для обработки и подправки (подточки) металлических предметов, краскотерки со следами красной краски, точильные бруски и галечные «лощила» для доводки металлических изделий, пращевые ядра, подставки, каменные крышки сосудов, скобели, фрагменты двух сосудов из камня, мездрильные диски и т.д.

В качестве сырья для изготовления каменных изделий и орудий использовались гранит, андезит, яшмы и яшмоиды, крупнозернистый и мелкозернистый песчаник, доцит, известковистый песчаник, кристаллотуф, алевролит, серпентинит, графит и другие породы и минералы.

В коллекции Кента имеется более 500 изделий из кости и рога.

Наиболее многочисленная категория – двуручные орудия для обработки шкур из нижних челюстей крупного рогатого скота. Кроме них в процессе выделки кожи на Кенте применялись в небольшом количестве струги – орудия из ребер крупных копытных.

Коллекция костяных изделий Кента содержит и большую группу коньков из плюсневых и пястных костей лошади. Среди кентских костяных орудий трасологически выделены типичные для эпохи поздней бронзы вязальные спицы, а также кочедыки, мотыги, шпатели-лощила по керамике.

Помимо костяных и роговых орудий на Кенте собрана довольно значительная коллекция различных бытовых и ритуальных изделий. Косторезы Кента

широко использовали в качестве сырья рога марала, оленя, лося. Они изготавливали пуговицы, застежки, накладки, рукояти ножей, псалии, наконечники стрел, богато орнаментированные ритуальные изделия. Многие из них являлись вещами престижными, отмечавшими высокий социальный статус владельца. Работа с рогом и костью на Кенте велась опытными мастерами. Косторезы Кента умели размягчать роговое сырье, о чем свидетельствуют многочисленные следы аккуратной подрубки-подтески и подрезки рога без заломов и сколов. При работе с цельным рогом использовались топоры с различным сечением лезвий, тесла, стамески, металлические лезвия, пилы с различной толщиной полотен и размерами зубцов, лучковые сверла, резцы различной формы.

Судя по находкам в Кенте, население поздней бронзы степной части Казахстана имело в своем распоряжении гораздо больше категорий инвентаря, чем в предшествующее андроновское. Колоссальное расширение диапазона технических средств и предметов обихода, несомненно, свидетельствует о высоком прогрессе бегазы-дандыбаевской культуры в сравнении с предыдущей андроновской эпохой.

Широкая дата Кента по методу аналогий большинства типов бронзовых (кинжалы киммерийского типа, втульчатые базисные наконечники стрел, тесла с уступом и тесла втульчатые, серпы-косари сосново-мазинского типа, прорезной втульчатый наконечник копья и др.) и костяных изделий (псалии волошского и кентского типа) со сходными датированными находками XIII–IX вв. до н.э. Датировка по раиокарбону дала калиброванную дату по 14C – 3180±35 лет. Причем образцы дерева, по которым получены эти данные, взяты из верхних ярусов среднего стратиграфического горизонта Кента. Следовательно, начальную дату основания памятника уверенно можно относить к XIII в. до н.э., возможно, и к началу XIV в. до н.э.

Массовая категория материалов из культурного слоя Кента – керамика. Сосуды представлены горшками, мисками, банками. Преобладающими элементами орнаментации являются валик по шейке, горизонтальная елочка, оттиски палочки, полоса сетки, перекрещивающиеся отрезки. В этой группе типологически выделена керамика более раннего облика. По форме и орнаментации она перекликается с андроновской посудой. Можно говорить о формировании валиковых комплексов на общеандоновской (алакульской и федоровской) основе и о сложении бегазы-дандыбаевской культуры на основе субстрата. Керамика валикового типа определяет культурную принадлежность памятников поздней бронзы Казахстана, в том числе мавзолеев.

Орудийный комплекс средств жизнеобеспечения и остеологические данные указывают на скотоводство как основное хозяйственное занятие обитателей Кента.

Пища была преимущественно мясной и молочной. В сосудах достоверно установлено содержание остатков молока жвачных животных. В Кенте найдены каменные плитки для растирания растительных продуктов и зернотерки.

Часть населения участвовала в металлургическом производстве, на что указывает открытие целого квартала в левобережной части городища. Другие

занятия – гончарство, косторезное дело, обработка шкур и кож, текстильное дело (пряжение, ткачество), деревообработка.

Результаты изучения Кента дают основания выделять в восточной зоне общности культур валиковой керамики группу протогородов и ставок. По ряду признаков к Кенту примыкают поселения Бугулы 2, Мыржик, Шортанды-Булак в Сары-арке, Алексеевское на Тоболе, Трушниково в Восточном Казахстане, Рублево 6 на Алтае. Они отличаются значительными размерами, богатыми коллекциями изделий из металла и кости. Это поселения кентского типа. Территориально им соответствуют могильники с мавзолеями: поселение Кент и могильники Енбек-Суйгуш и Тасырбай; поселение Бугулы 2 и мавзолей Бугулы 3; мавзолей Айбас-Дарасы и одноименное поселение; могильники Сангру 1, Сангру 3 и поселения Мыржик и Акмустафа.

Анализ поселений и могильников бегазы-дандыбаевской культуры дает возможность оценить социальную организацию. Население делилось на две социальные группы. Одна группа – пастухи, обитавшие в деревнях. Ими оставлены могильники Айдарлы, Саргары, Актопрак, Тегисжол, Жукей и др. Другая группа – могущественные и богатые кланы, оставившие памятники кентского типа. Это военизированные общины, лидеры которых контролировали производство и распределение металла, участвовали в контактах с инокультурным населением. Вероятно, существовали крупные племенные объединения, включавшие общины обеих социально-политических групп. Лидеры формировали военные отряды, совершавшие далекие походы. Одно из направлений таких походов – южное, что отражено в находках привозной керамики. В то же время бегазы-дандыбаевская керамика встречена в Средней Азии, Афганистане и в Северном Хорасане. Стоянки со «степной керамикой» перекрывают слои поселений культуры «серой расписной керамики» и относятся к эпохе «варварской оккупации»²¹. Наиболее вероятно, что именно бегазы-дандыбаевцы предпринимали походы в области земледельческих цивилизаций Средней Азии и Ирана.

Северный Тегискен – некрополь эпохи поздней бронзы в Приаралье

Он находится в Восточном Приаралье на протоке реки Инкардаря.

Наиболее ранние среди сооружений периода поздней бронзы Северного Тегискена – мавзолей 4, 5а и 7, построенные из прямоугольного сырцового кирпича размерами 54×28×10-12 см, 48×32×10-11 см. Основой их планировки был круг диаметром 14 м, вписанный в квадрат внешней стены размером 17,5×18 м. По кольцу на расстоянии 1,6 м от внешней стены располагались 8 или 12 прямоугольных кирпичных колонн, сохранившаяся высота которых приближалась к 2 м (мавзолей 5а). Далее к центру на расстоянии 1,3 м от этого кольца располагались 4 или 8 таких же колонн, образовавших в плане прямоугольник. По одной такой колонне имелось в каждом из четырех углов внешней стены сооружения (мавзолей 4 и 5а). Колонны первого большого кольца были соединены между собой тонкой кирпичной стенкой (мавзолей 5а) или двумя плетневыми стенками.

²¹ Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. Москва, 2008.

Рис. 25. Могильник Северный Тегискен, раскопанные курганы. Аэрофото

В мавзолее 5а с внутренней стороны к кирпичной стенке построены «скамейки», заполнявшие пространство между колоннами, причем кирпичная стенка выполняла функцию спинки. Колонны второго ряда, ограничивавшие площадь камеры, в мавзолее 5а между собой никак не соединялись. Таким образом, системой колонн погребальное сооружение делилось на два коридора – внешний и внутренний и расположенную в центре прямоугольную камеру, которая в мавзолеех 4 и 5а не углублена, а лишь ограничена колоннами. В мавзолее 7 она углублена на 0,2-0,3 м, и стенки ее обложены горизонтально лежавшими деревянными плахами. Вход в мавзолеи располагался в восточной стене и вел прямо во внутренний коридор. Во внешний коридор попасть было

невозможно (мавзолеи 5а, 7), так как он был перегорожен двумя стенками. Все мавзолеи были сооружены на материковой поверхности. В полу по кругу, вдоль колонн, с их внешней и внутренней сторон, равно как и вдоль внутренней стороны внешней стены мавзолеев отмечены столбовые ямки. Обилие дерева в мавзолеех способствовало осуществлению зафиксированного ритуала трупосожжения, который предполагал не только сжигание покойника в центральной камере, но и кольцо огня вокруг нее.

В камере и внутреннем коридоре размещался погребальный инвентарь: керамика, орудия из бронзы, бронзовые, золотые и каменные украшения.

Необходимым элементом погребального ритуала было захоронение вместе с умершим частей туш животных. Ямы с костями животных, среди которых представлен крупный (преобладает) и мелкий (в частности, козы), рогатый скот, встречались внутри погребальных сооружений и рядом с ними.

Коридоры и камеры мавзолеев были перекрыты, причем есть основания предполагать, что мавзолеи представляли собой цилиндроконические сооружения из сырцового кирпича и дерева. С помощью кирпичных колонн на углах наружной стены квадратное в плане сооружение выше переходило в круглый барабан. Этот прием, видимо, предшествовал появлению тропов. Таким образом, внешняя, квадратная в плане стена являлась конструкцией, несущей перекрытие.

Вокруг каждого из мавзолеев группировались более скромные по масштабам погребения, которые пристраивались к основному с северной и южной сторон, образуя с ним единый комплекс.

Рис. 26. Некрополь Северный Тегискен. Остатки погребального сооружения

Более поздние, пристроенные места для погребений представляют собой прямоугольные ограды или круглые в плане сооружения, сложенные из сырцового кирпича. Стены оград толщиной до 1 м поставлены на древнюю дневную поверхность, могильная яма была заглублена в материк на 0,6-0,8 м. Площадь оград колеблется от 30 до 50 м². Среди сооружений этого типа особое место занимает комплекс 56, который пристроен к северной стене мавзолея 5а, но конструктивно с ним не связан. В центральной его камере находилось, видимо, женское захоронение с набором сосудов и украшениями (золотые и сердоликовые бусы, массивная золотая серьга, бронзовая булавка). К западу от камеры находилось помещение, в котором вокруг очага стояло 34 сосуда различных форм и размеров.

Наиболее поздним среди крупных мавзолеев был мавзолей 6. Это круглое в плане диаметром 25 м погребальное сооружение, которое состояло из цилиндрического центрального массива (диаметр около 15 м), сложенного из сырцового кирпича и вписанной в него квадратной погребальной камеры. Вся постройка окружена кольцом внешней стены. С востока внешняя и внутренняя стены прорезаны проходом примерно метровой ширины. Могильная камера размерами 7,8×6,9 м углублена на 1,8 м ниже уровня древней дневной поверхности, выше которой шла кирпичная кладка, положенная на тонкий слой камыша. До возведения кладки были вырыты две ямы в земляной части западной стены. Одна из них содержит множество костей, а возможно, и скелеты коров. Это «жертва закладки». Стены погребальной камеры были обложены толстым слоем камыша и веток, удерживавшиеся жердями и столбами. У подножия стен

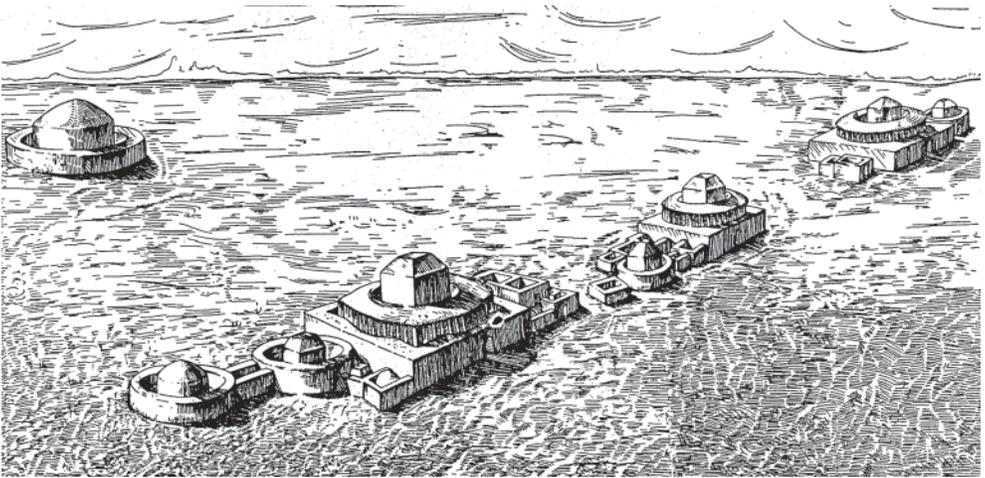

Рис. 27. Некрополь Северный Тегискен. Реконструкция мавзолеев (по М.П.Грязнову)

на многих участках обнаружены обуглившиеся горизонтальные бревна, скреплявшие эту конструкцию понизу. Не исключено, что вся конструкция служила топливом при сожжении умершего в погребальной камере. Именно у стен, а не на полу, где углистый слой, как правило, тонок, следы пожара особенно значительны. Пол камеры был покрыт тонкой глиняной обмазкой, поверх которой были положены циновки.

Вход в камеру находился в восточной стене, он был наклонным. Стены прохода в камеру, покрытые обмазкой, обожжены. Пол пандуса обмазан глиной, при входе в камеру хорошо заметен обуглившийся брус деревянного порога.

Погребальный инвентарь обнаружен в основном в могильной камере. По ее углам стояли группы сосудов, причем в каждой из таких групп были сосуды определенного назначения.

Кроме того, здесь найдены обломки серповидного ножа и игла из бронзы, бронзовая подвеска с отверстиями на концах, поделки из золота. Большой интерес представляет находка более 100 бронзовых гвоздей с уплощенными концами, которыми, очевидно, прикреплялись к стенам камеры ковры или кошмы.

В мавзолее №6 был погребен очень знатный человек, о чем свидетельствует необыкновенно богатый набор посуды (более 60 сосудов), часть которой сделана на гончарном круге, и обломки золотых вещей.

Хотя все мавзолеи Северного Тегискена относятся к одной культуре, среди них можно выделить более ранние – 4, 5а и 7, имеющие квадратную внешнюю стену и более поздние – 4а, 5в, 6, 15, имеющие круглую внешнюю стену. К категории поздних относятся и пристроенные к мавзолеям оградки из кирпича.

Несмотря на то, что мавзолеи и ограды были ограблены еще в древности, коллекции находок весьма представительны – найдено около 200 целых сосудов самых различных типов. В мавзолее №6 и №7 сосуды располагались группами в зависимости от их назначения, причем в мавзолее №6 и №7 они концентрировались в коридоре у внешних углов камеры, а в мавзолее №6 и в ее углах.

Характерной особенностью тегискенского керамического комплекса является его многообразие. Наряду с лепными в нем встречаются керамические изделия, сделанные на гончарном круге. В нем присутствует федоровский (андроновский) культурный компонент, по-видимому, местный, который лежит, очевидно, в основе культуры, представленной в Северном Тегискене. Свидетельство тому керамика в виде открытых горшков или мисок, стенки которых покрыты сплошь резным, реже гребенчатым штампованным орнаментом, спускающимся на тулово в виде фестонов. Отдельный орнаментальный пояс идет чаще всего по горлу сосуда. Основные орнаментальные мотивы: равнобедренные заштрихованные треугольники, ромбы, меандр, незамкнутые треугольники. Нередко орнамент заполнен белой пастой. Эта посуда может быть отнесена к периоду поздней бронзы к X-VIII вв. до н.э.

Во всех комплексах, в том числе и в комплексах из пристроек, особенно из погребения №56, обнаружена серолощенная, реже чернолощенная или коричневато-лощенная посуда в виде открытых горшков или мисок с плоским или уплощенным дном, нередко с рельефным пояском при переходе от горла к плечикам, без орнамента. Посуда этого типа широко распространена в комплексах Хорезма VIII в. до н.э.

Обращает на себя внимание еще одна группа сосудов. Это небольшие горшки с коротким прямым или слегка изогнутым горлом, сильно раздутым сферическим туловом, небольшим плоским или уплощенным, редко округлым дном. Поверхность их имеет светло-коричневый, коричневый или черный цвет, она великолепно залощена и покрыта орнаментом, который сплошь заполняет тулово сосуда или нанесен в виде фестонов, причем горло остается неорнаментированным. Орнаментальные мотивы и способы их нанесения чрезвычайно многообразны. В ряде случаев резные узоры заполнены белой пастой. К этой же группе сосудов следует отнести лощеные горшочки, украшенные полусферическими налепами, сгруппированными по три²². Своеобразие конструкции мавзолеев Тегискена следует сравнить с погребальными сооружениями бегазы-дандыбаевской культуры. Керамика находит себе прямые аналогии в дандыбай-бегазинских комплексах Центрального Казахстана. В данды-

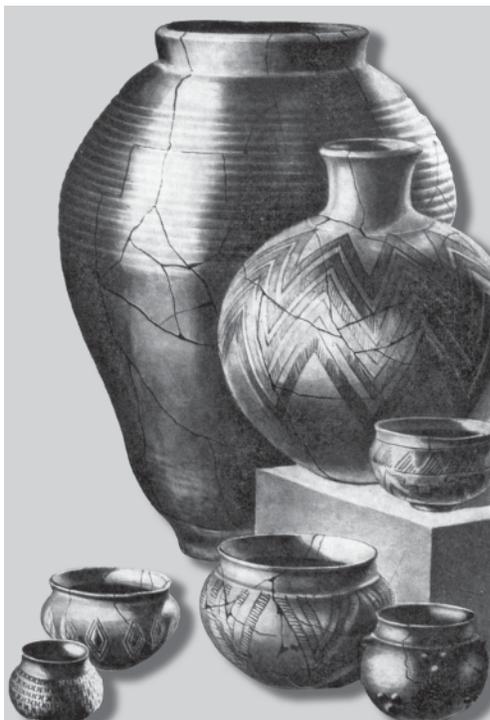

Рис. 28. Некрополь Северный Тегискен.
Керамика

22 Грязнов М.П. Восточное Приаралье // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. Москва-Ленинград, 1966. С.233-238.

бай-бегазинских памятниках, как и в Северном Тегискене, керамика этого типа встречается вместе с федоровской (андроновской). Она демонстрирует смесь карасукского сибирского компонента²³. Еще одну группу сосудов из памятников Северного Тегискена составляют гончарные узкогорлые лощеные кувшины без ручек с очень раздутым туловом, украшенные горизонтальным рифлением или богатым геометрическим орнаментом с заполнением белой пастой.

В мавзолее №6 обнаружено два хума, характерных для земледельческих культур.

Большой интерес представляют бронзовые наконечники стрел – листовидные со скрытой втулкой и узким пером. Наконечники этого типа известны в низовьях Амударьи. На памятниках Северного, Восточного и Центрального Казахстана они датируются также IX-VIII вв. до н.э.

Бронзовый листовидный кинжал, широко известный в литературе как кинжал киммерийского типа, датируется концом II – началом I тысячелетия до н.э.

Среди найденных в мавзолеях Тегискена украшений обращают на себя внимание серьги в виде золотого щитка с крючком, к которому прикреплены три конуса на деревянной основе. Средний конус золотой с нарезкой, крайние, видимо, серебряные, сохранились плохо.

Обнаружены массивные золотые серьги в виде одного и двух колокольчиков, висящих на крючке, украшенном снаружи двумя или тремя полусферическими бляшками.

К числу украшений Северного Тегискена следует отнести и две булавки – серебряную и бронзовую. Навершие второй булавки имеет форму ромба с «отростками» по углам. Они характерны для более южных, по сравнению с Приаралем, областей,

В одном комплексе с серебряной булавкой и серьгой с колокольчиками найдены золотые и сердоликовые бусы, последние, несомненно, привезены с юга.

Все найденные в погребениях Северного Тегискена вещи позволяют отнести этот памятник к периоду поздней бронзы и датировать IX-VIII вв. до н.э. Обращает на себя внимание традиция андроновской культурной общности, выраженная в наличии погребений в оградках (здесь практиковалось трупосожжение), ориентировке покойников головой на запад. Андроновское происхождение конусовидных серег бесспорно, но еще более ярко демонстрирует андроновские, а точнее – федоровские, черты керамика, что проявляется в ее формах, характере и мотивах орнаментации.

Исследования на протоках Сырдарьинской дельты обнаружили немногочисленные стоянки периода развитой бронзы, но все они, особенно в южной части на протоках Инкардарьи, относятся к андроновской культуре (единицы – к алакульской, большинство – к федоровской). Все это заставляет думать, что федоровский культурный компонент в материалах Северного Тегискена был местным.

Вторым по значимости был компонент, который четко проявляется в кера-

23 Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана // Сочинения. Алматы, 1998. Т. I. С.145-230, 373-378.

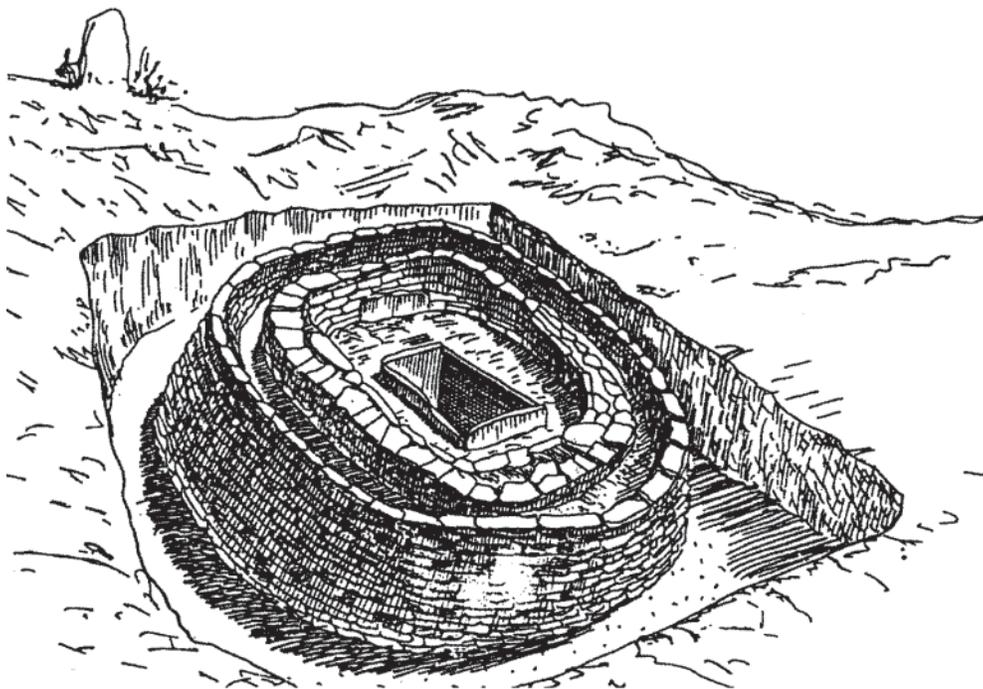

Рис. 29. Остатки мавзолея Дандыбай-бегазинской культуры в Центральном Казахстане

мике. Его происхождение объясняется контактами с населением периода поздней бронзы низовий Амударьи.

Нельзя не отметить и черты сходства между архитектурой и культурой мавзолеев Северного Тегискена и Дандыбай-бегазинскими памятниками Центрального Казахстана. Они проявляются и в деталях планировки, и в сходстве отдельных форм керамики. Значительное место в культуре Северного Тегискена занимает южный компонент. Это выражается в сложной архитектуре мавзолеев, выстроенных из сырцового кирпича.

Мавзолеи Северного Тегискена демонстрируют сложные социальные и этнокультурные процессы, происходившие в среде населения Казахстана и Средней Азии²⁴, они были связаны, судя по монументальным сооружениям мавзолеев из сырцового кирпича, с архитектурной и строительной традицией, характерной для урбанизированного общества бегазы-дандыбаевской культуры Сары-арки и Восточного Приаралья.

Культы и обряды

Человек в эпоху бронзы поклонялся силам природы. Но в это время уже сложилась и существовала система представлений о загробной жизни.

У живущих 4000 – 3000 лет тому назад на территории Казахстана племен, которые известны как носители археологической культуры, названной «андроновской», культ мертвых занимал особое место. Вера в бессмертие,

²⁴ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тегискена // Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. Москва, 2001.

в существование потустороннего мира превращала похороны соплеменников в сложный и пышный ритуал, в котором соблюдались обычаи и правила родовой общины.

В ранний период андроновской культуры (XVIII-XVI вв. до н.э.) покойника сжигали на костре, и его прах с личными вещами помещали в каменный ящик. Этот ритуал был связан с культом огня. Обряд кремации трупов в представлении древних соответствовал закону обновления природы, возрождения к новой, иной загробной жизни.

На следующем этапе истории, в XV-XII вв., обычай трупосожжения сменился новым ритуалом: умершего клали в каменный склеп в скорченном виде на левый или правый бок.

Покойника клали в могилу головой на запад потому, что круглый курган с могилкой в центре считался подобием мира. Каждой стороной света управлял свой бог. Ориентация на запад была ориентацией на бога, ведающего связью с потусторонним миром.

Многочисленные обряды и ритуалы сопровождали и повседневную жизнь андроновцев, наполняли реальный мир их жизни богами, предками, героями.

Так, строительство дома начиналось с жертвоприношения. В жертву приносили сосуды с молоком, быка или барана. Мясо съедали, молоко выпивали, а горшки и кости закапывали на месте будущего жилища – возле очага, под опорным столбом или под порогом. При возведении крыши верхнюю балку окропляли кровью жертвенного животного и опять устраивали пир. Главный опорный столб символизировал связь людей с небом. Его в праздничные дни украшали цветами, во время свадеб у столба сидели жених и невеста, а в обычные дни на этом почетном месте восседал старейшина.

Домашний очаг был святыней. Разрушить очаг считалось самым страшным проступком. Очагу приносили жертвы, вокруг него обвддили пришедшую в дом невесту, обносили перед похоронами умершего. Золу из очага запрещалось выбрасывать на ветер, поэтому рядом с жилищем устраивались специальные зольники. Все эти обряды с золой и огнем совершались для того, чтобы выпросить у богов здоровье, благополучие и богатство для семьи. Культ огня и домашнего очага сопровождал человека и в древности, и в новое время.

В эпоху бронзы на камнях этих святилищ появились рисунки, которые отражали представления андроновцев об окружающем мире.

На гладких, покрытых черным глянцем поверхностях скал древние люди кусками твердого камня выбивали изображения животных, солнцеликих людей, колесниц, сцены сражений. Это ценнейший источник информации о духовной культуре древнего человека, о его мировоззрении.

Встречаются изображения домашнего быка в упряжке в сценах пахоты или везущего повозку, что символизировало плодородие, а также могущество и силу.

В мифах о сотворении вселенной говорится, что мир создан из частей первородного быка, принесенного в жертву солнечным богом Митрой. Митра сравнивается и отождествляется с быком.

На одном из рисунков в горах Ешкиольмес Митра изображен стоящим на быке в виде антропоморфного существа с головой, окруженной солнечными лучами.

В некоторых святилищах изображены сцены поклонения солнцеголовому Митре. В урочище Тамгалы, показан солнцеголовый человек, вокруг которого располагается хоровод из «пляшущих человечков», а также одиночные и парные танцоры. Все они исполняют ритуальный танец – хоровод, который символизировал солнце, а движение участников имитировало вращение светила на небе.

Среди петроглифов эпохи бронзы распространено изображение колесниц, олицетворяющих солнце²⁵

25 *Кузьмина Е.Е.* Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. С. 74-128; *Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н.* Петроглифы хребта Каратау. Алматы, 2007. С. 79-92.

Глава V

Урбанизация на территории Казахстана в эпоху ранних государств Саков, Усунь, Динлин, Кангюй

Саки и Сакское государство

В первом тысячелетии до н.э. территорию Казахстана заселяли племена, носившие собирательное имя «саки», они были современниками скифов, обитавших в Северном Причерноморье, и савроматов – в нижнем Поволжье и Южном Приуралье. В ахеменидских клинописных источниках сообщается о трех группах саков: саки-хаомаварга (саки, варящие напиток хаому), саки-тиграхауда (саки, носящие остроконечные шапки), саки-парадарайя (саки, которые за морем).

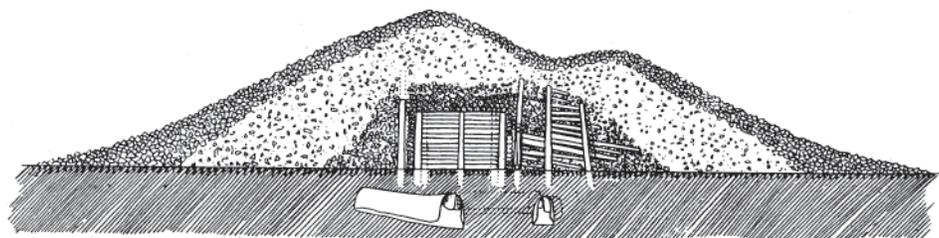
Вопрос о размещении вышеназванных племен по данным персидских и античных источников на современной карте Казахстана и Средней Азии окончательно не решен. До недавнего времени в локализации заморских саков существовало две точки зрения. Согласно первой, их следует размещать к востоку от Приаралья – в низовьях рек Амударьи и Сырдарьи. Согласно второй точки зрения, под саками-парадарайя следует понимать европейских скифов, населявших территорию Причерноморья.

Массагетский союз объединял, вероятно, и такие племена, как дербики, абии, апасиаки. Существует также мнение, что саки-тиграхауда локализуются в Шаше, на Тянь-Шане и в Жетысу-Семиречье.

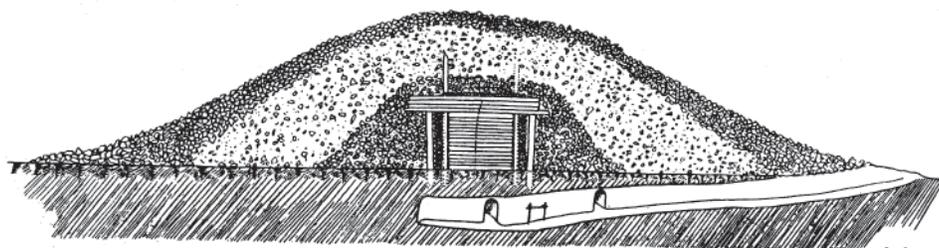
Севернее массагетов, по словам Страбона, «выше Меотиды» расселялись племена даев. Античные авторы помещают их на землях, принадлежавших, как писал ранее Геродот, массагетам. Все это говорит о том, что даи (дахи) первоначально занимали область севернее массагетов, либо входили в их конфедерацию. Около середины III в. до н.э. даи появляются в юго-восточном Прикаспии, на границах Парфии, занимая на исторической арене место массагетов.

Геродот среди племен, живших севернее скифов, называет агриппеев, к востоку от агриппеев он помещал исседонов. По рассказам исседонов, сообщает Геродот, выше них живут племена аримаспов и «стерегущих золото грифов». Племена аримаспов и грифов связывают с северо-востоком Казахстана и Алтаем, где находились крупнейшие для того времени золотые рудники. Можно предположить, что исседоны обитали в степях Центрального Казахстана.

В VIII-IV вв. до н.э. этническая и политическая карта Евразии отличалась большой пестротой. У племен, населявших территорию Казахстана, взаимосвязи и контакты развивались с населением Средней Азии, Алтая, Сибири, Монголии и Китая.

Разрез с запада на восток

Разрез с северо-запада на юго-восток

0 1 м

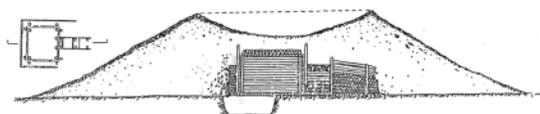
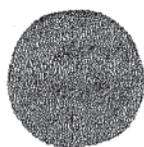
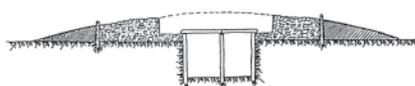
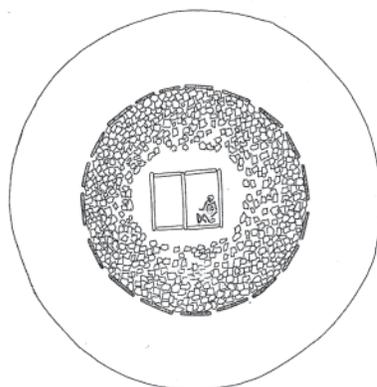
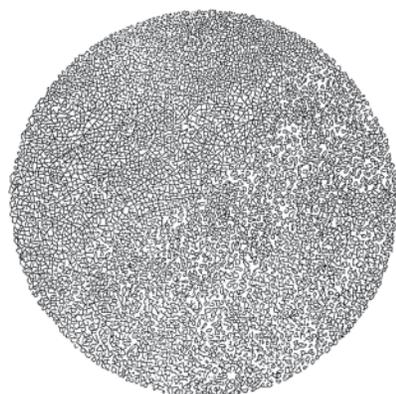

Рис. 30. Некрополь Бесшатыр. Царские курганы. Разрезы

На юге саки еще в доахеменидское время были связаны с такими государственными образованиями, как «Большой Хорезм» и «Бактрийское царство», Ассирия и Мидия, а с середины VI в. до н.э. Ахеменидский Иран, Персия¹.

Общественный строй саков. Начало I тыс. до н.э. на территории Казахстана характеризуется формированием государства.

В схематическом плане структуру общественного устройства можно представить следующим образом: группа малых родственных семей – община – племя – союз племен – государство.

Бесшатырский могильник саков-тиграхауда, считал К.А.Акишев, представляет научный интерес не только как памятник культуры и древней архитектуры, но и как показатель имущественного неравенства. Появление так называемых «царских» курганов в Жетысу свидетельствует о том, что здесь в VII-IV вв. до н.э. у саков четко определилось имущественное неравенство.

Огромные «царские» курганы возводились только над могилами элиты. Небольшое количество больших курганов в соотношении с тысячами средних и малых насыпей, бесспорно, свидетельствует о расслоении общества.

Семиреченские саки уже в V-III вв. до н.э. стояли на высокой ступени общественного развития. У них уже было государство.

Не случайно в IX-V вв. до н.э. в Жетысу и Восточном Казахстане появляются курганы Бесшатыра, Иссика, Джетытобе, Чиликты; в Приаралье – поселения городского типа Чирик-Рабат, курганы Уйгарака и сложные по архитектурному решению купольные мавзолеи Баланды.

Раскопки курганов показали, что они являются усыпальницами лиц, относящихся к высшему рангу общества. Правомерность элитной оценки этих курганов подтверждается богатыми находками расшитого золотом одеяния, оружия, как это имело место в Исыкском кургане и в Чиликты.

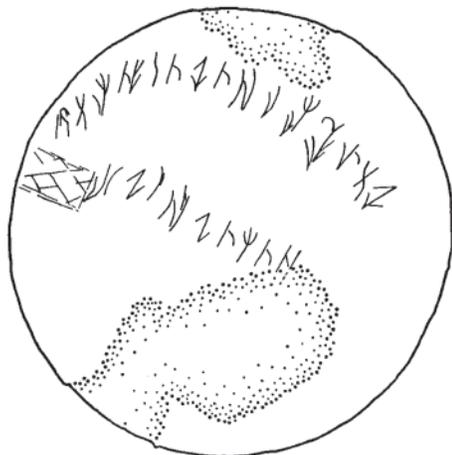

Рис. 31. Курган Исык.
Надпись на серебряной чашечке

Исыкский погребальный инвентарь – показатель богатства и власти лица, принадлежащего к высшему рангу общества. Неизвестна титулатура этих лиц, но захороненных в Бесшатырских и Исыкских курганах можно называть царями.

В сакском обществе на одном полюсе находились царь и царица, «первые» и «знатные» люди, всадники – конные воины, на противоположном – простой народ: пастухи и земледельцы².

Стратификация – расслоение на группы по имущественной значимости – у саков была аналогичной тому, что имело место у скифов европейских. У них, согласно античным письменным источ-

1 История Казахстана. Алматы, 1996. Т.I. С.158-165.

2 Акишев К.А. Курган Исык. Москва, 1978; Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963. С.9-136.

никам, имелись огромные курганы на специальных царских некрополях-кладбищах. Такая же ситуация была характерна и для савроматских и сарматских обществ в Западном Казахстане, где находились такие курганы, как Кырык-Оба, Тунгуш, Лебедевка, а захоронения ряда курганов сопровождалось богатейшим погребальным инвентарем, выявленным при раскопках³.

Умерших царей облачали в золотое одеяние, помещали в просторные погребальные камеры, а над ними сооружали архитектурный комплекс – курган с кольцами вокруг, поминальниками и менгирами. Обряд погребения других членов общества упрощался по мере понижения статуса на ступенях иерархической лестницы.

В ритуале возвеличивания личности царя имелась и политическая, и религиозная подоплека: погребальный обряд имел целью идеологически воздействовать на массы и обосновать незыблемость династии царей. Сверкающая одежда возвышала личность царя, возводила его в ранг солнцеподобного бога.

Религиозно-идеологическое содержание зооморфных образов на украшениях головного убора подтверждает этот вывод. В образе крылатых и рогатых коней на налобной части головного убора иссыкского воина заложена сложная символика, воплощены каноны религиозного и мифологического мировоззрения саков.

Значение иссыкских находок для рассматриваемой проблемы возрастает в связи с находкой памятника письменности – серебряной чаши с надписью. Факт существования письменности в обществе свидетельствует о высоком уровне развития социально-экономической организации. Таким органом могла быть форма общественного устройства типа государственного образования. Процессы возникновения государства и письма были взаимосвязаны. Саки имели уже достаточно развитую государственность с характерными признаками социальной дифференциации, властью царей, бюрократическим аппаратом, дипломатической практикой⁴.

Города и погребальные комплексы саков Приаралья. В Приаралье выявлены города саков. Это, прежде всего, городище Чирик-рабат. Оно находится в 300 км юго-западнее г.Кызылорды, было открыто в 1946 г. и обследовано в 1948-1949 гг. Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, руководимой С.П.Толстовым. Возникновение памятника было отнесено к середине I тысячелетия до н.э.⁵ Проведенные на городище в 1957-1958 гг. раскопки под руководством Ю.А.Рапопорта и С.А.Трудновской позволили уточнить датировку памятника и составить более полное представление о нем.

Рис. 32. Курган Иссык.
Головной убор.
Реконструкция

3 Садыков М.И., Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. Уральск, 2003.

4 Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней. Научный доклад на соискание ученой степени д.и.н. Москва, 1986. С.15-26.

5 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С.158-170.

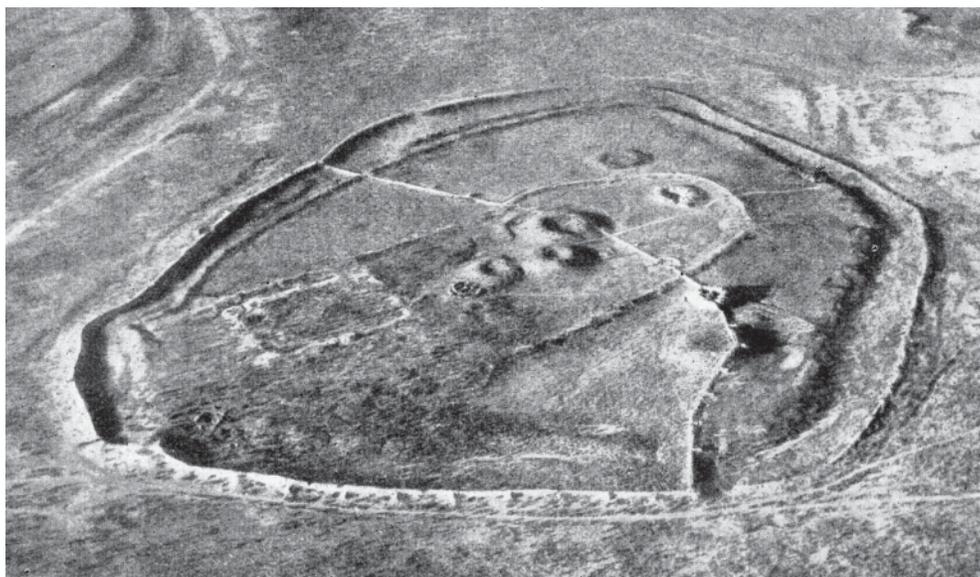

Рис. 33. Городище Чирик-рабат. Аэрофото

Городище расположено на возвышенности высотой 15 м. План городища имеет овальные очертания, длина его равна 850 м, ширина – около 600 м.

На территории городища обнаружены следы нескольких разновременных рядов укреплений. Наибольшую площадь (42,16 га) имеет овальное в плане древнейшее городище, окруженное двойным кольцом стен. К тому же времени относится подпрямоугольное укрепление площадью 12,4 га, расположенное в центральной части памятника, которое можно рассматривать как цитадель древнего городища.

Южную половину площади древнего городища (20 га) отделяет стена более позднего поселения.

Тогда же была сооружена и более поздняя прямоугольная цитадель. Время существования памятника – V-II вв. до н.э., вторично городище было обжито в XII в.

Городище кроме стен окружено рвом шириной 40 м и глубиной 4,5 м. Внешняя стена крепости сильно разрушена. Во внутренней стене, толщина которой равна 4,5 м, расположена стрелковая галерея шириной 1,8 м. Эта стена усилена башнями прямоугольных очертаний, которые выступали из плоскости стены на 6 м и сообщались изнутри со стрелковой галереей. Крепостная стена и башни прорезаны стреловидными бойницами.

Наиболее древней группой этого комплекса являются курганы. Было обнаружено 6 курганов, из которых 4 находились в пределах древней цитадели: один из них, расположенный в северо-восточной части, был раскопан.

Насыпь кургана округлых очертаний, диаметр ее около 60 м, высота 3,5 м над уровнем окружающей местности. В центре кургана обнаружена заплывшая воронка диаметром около 30 м – свидетельство того, что курган был разграблен. При раскопках вскрыты погребальная камера и дромос. Могильная камера вырублена в плотном песчаном материковом слое с известковы-

ми включениями, в плане она представляет собой почти правильный квадрат (7,5×7,2 м). Сохранившаяся высота стен равна 2,5 м. Они так же, как и пол камеры, покрыты тонким слоем глиняной обмазки с побелкой. Вход в погребальную камеру оформлен в виде шести ступеней. Вырубленные в материковом грунте, они выводили на горизонтальный пол дромоса. Пол и стены его были покрыты тонким слоем глиняной обмазки. После совершения обряда погребения камера и дромос были засыпаны и накрыты мощным камышовым настилом.

Курган был разграблен и вещей в нем обнаружено мало. Это несколько фрагментов керамики, лепных и изготовленных на круге. Здесь же был найден железный меч с плоской рукоятью, бабочковидным перекрестьем и массивным широким лезвием; бронзовый наконечник стрелы скифского типа, трехперый, втульчатый, и небольшая поделка из золота.

Судя по находкам, курган может быть датирован V-IV вв. до н.э.

Помимо курганов – наиболее древних погребальных сооружений – на городище Чирик-рабат были раскопаны два погребальных здания. Первое, круглое в плане, расположено в юго-восточной части городища. Развалины этого здания, имеющего в диаметре 38,5 м, сохранились на высоту 8,4 м. Внутри здание разделено двумя ориентированными точно по странам света и пересекающимися в центре стенами трехметровой толщины на четыре квадратных помещения.

Размеры помещений 5,9×5,9 м. Вдоль стен тянутся широкие суфы высотой 40-45 см, сложенные из сырцового кирпича и покрытые тонкой глиняной обмазкой. На суфах сохранились угловые выкладки, предназначавшиеся для укрепления основания столбов.

Пол в помещениях выстлан сырцовым кирпичом. Вход в здание расположен в южной стене и представляет собой десятиметровый коридор шириной 1,7 м.

Все помещения являются погребальными камерами.

В северо-восточной части здания на высоте 7,25 м в массиве стен сохранились остатки узенького коридорчика шириной всего 0,5 м. Видимо, он некогда опоясывал по периметру всю внутреннюю планировку.

Рис. 34. Городище Чирик-рабат. План

При отделке помещений применен своеобразный прием. Поверх тонкого слоя глиняной саманной обмазки толщиной до 3 см, нанесенной непосредственно на поверхность кирпичной стены, был положен другой слой толщиной до 10-16 см, в который для прочности добавлены известковые и железисто-песчаные желваки. В этом слое находился каркас из жердей, вертикально поставленных на расстоянии 25-30 см друг от друга. От них сохранились отпечатки в глине. Деревянный каркас, вероятно, предназначался для поддержки перекрытия.

Еще в древности здание было ограблено. Во входе и по обе стороны от него снаружи хорошо прослеживается грабительский выброс, в котором обнаружен целый ряд находок, в том числе фрагмент пострадавшей от огня халцедоновой ахеменидской геммы с изображением единоборства бородатого мужчины, царя или божества, с фантастическим животным. На суфах в помещениях найдены обломки кальцинированных человеческих костей и уцелевшие после грабежа предметы погребального инвентаря.

Раскопки круглого погребального здания на Чирик-рабате дали материал, датирующий памятник концом IV или рубежом IV-III вв. до н.э. Найдены два небольших трехлопастных наконечника стрел скифского типа со скрытой втулкой, мелкие железные трехлопастные наконечники стрел раннесарматского облика, согнутый железный нож, кинжал плохой сохранности, фрагменты

железной пряжки. Обнаружены также железная застежка со следами обкладки из золотой фольги, фрагменты гребня из слоновой кости, много пострадавших от огня стеклянных и каменных бус, в том числе несколько крупных цилиндрических из ляпислазури, мелкие кусочки черной шерстяной ткани, на отдельных фрагментах которой видны следы вышивки золотыми нитями, цилиндрические бронзовые пронизки и бронзовый колокольчик. При раскопках собрано значительное количество золотых и серебряных украшений: круглые золотые бляшки с отверстиями для нашивки, крупная чеканная бляшка в виде четырехлепестковой розетки (лепестки по краю оформлены валиком и ложной зернью), множество мелких золотых пронизок, часть из них с поперечным рифлением, две

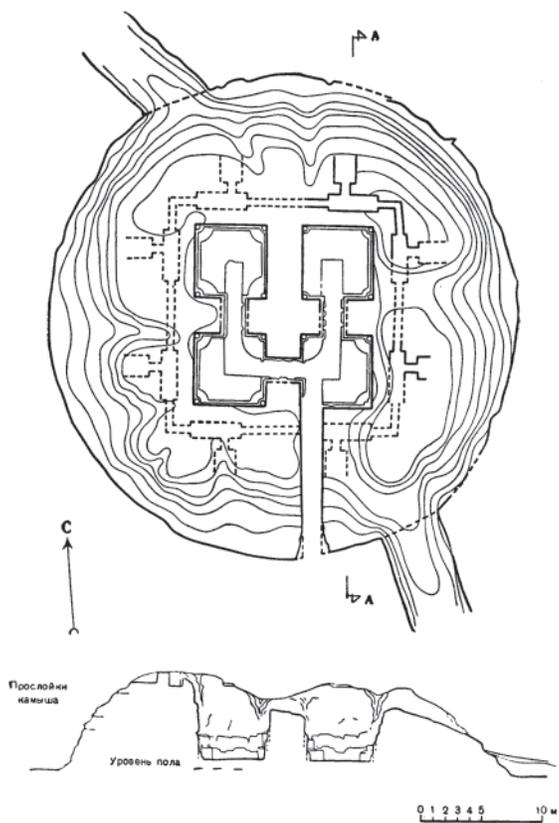

Рис. 35. Чирик-рабат. Погребальное здание

парные золотые подвески (височные или от серег) со сканным орнаментом и бахромой из золотой проволоочки, три золотых колокольчика и шесть крупных, длиной 2,5 см, поперечно-рифленых пронизей из серебра.

Наиболее богатым на находки было северо-западное помещение, где на суфе и близ прохода в слое грабительского выброса обнаружены остатки железного пластинчатого доспеха – катафрактария. Он состоял из квадратных железных пластин, толщина которых превышала 2 мм. В образуемой пластинами чешуе открытой оставалась лишь нижняя треть каждой из них; верхняя часть была закрыта двумя вышележащими пластинами. Узкие длинные пластины, входившие в состав доспеха, несомненно, образовывали участки лат, требовавшие известной подвижности. Скорее всего, они закрывали руки и ноги воина. Можно полагать, что узкими пластинами были защищены и бока воина, что также должно было обеспечивать ему подвижность. Именно эта часть доспеха, состоящая из 14 пластин и связанная с крупной пластиной набедренником, своего рода широким железным поясом, хорошо сохранилась.

Второе погребальное здание городища, стоящее к юго-западу от курганов, дало иную планировку, чем первое. Оно почти квадратное в плане (19,5×19 м), имеет мощные стены из сырцового кирпича. В кладке было найдено несколько бронзовых трехлопастных втульчатых наконечников стрел. Стена толщиной 3,9-4,0 м делит здание на два помещения, которые соединяются проходом. В проходе обнаружена закладка из сырцового кирпича. Пол в обоих помещениях сложен из двух рядов кирпичей, лежащих на материке и покрытых сверху слоем обмазки. В середине помещения №1 на полу обнаружено беспорядочное скопление человеческих костей – три черепа, кости конечностей и тазовые. На дне могильной ямы у северо-восточной стенки найдены женский череп и небольшое количество костей скелета. Видимо, костяк лежал головой на северо-восток. В северном углу ямы обнаружен сосуд, внутри которого находились три каменные и одно костяное грузило. Найдены также золотые пронизки и золотые круглые нашивные бляшки, фрагменты бронзового зеркала, остатки костяного гребня, зеленые бусы из стекла и египетской пасты, бусины из агата. На дне ямы лежал трехгранный черешковый железный наконечник стрелы.

Керамика обоих помещений датируется III-II вв. до н.э.

В керамическом комплексе с Чирик-рабата были обнаружены выючные баглады. Поверхность их украшена прочерченными концентрическими окружностями.

Керамика с Чирик-рабата относится к одному историческому периоду и может быть датирована IV-II вв. до н.э. Судя по найденным аналогиям, население Чирик-рабата общалось не только с Хорезмом, влияние которого было особенно сильно, но и с другими областями Средней Азии.

Итоги раскопок позволяют наметить основные этапы истории этого городища. Возникновение его, видимо, относится к V в. до н.э., а возможно к концу VI в. до н.э. Самым древним его компонентом являются курганы. Эти погребальные сооружения, воздвигнутые на вершине холма, были центром, вокруг которого развивалось все строительство города. Вероятно, вслед за сооружением курганов-погребений скифских вождей или «царей» возникло поселение

Рис. 36. Городище Чирик-рабат.
Керамическая фляга с хорезмийской надписью

охраняющих погребения элиты общества, разросшееся затем в крупный населенный пункт, окруженный овальной стеной с башнями и рвом. Стена эта, по предварительному заключению, была воздвигнута в IV в. до н.э.

Ко времени существования этих древних фортификационных сооружений относятся и более поздние, чем курганы, погребальные здания – круглое и подквадратное⁶.

Исследования Чирик-рабата вновь были начаты в 2004 г. Были открыты несколько погребений IV-II вв. до н.э. Среди них выделяется погребение с флягой, на которой имелась хорезмская надпись, и длинный меч.

В 2007-2008 гг. раскапывался из сырцового кирпича мавзолей. Размеры его в основании 8×8 м. Стены мавзолея были покрыты штукатуркой и белой обмазкой, на которой сохранились следы росписей. При разборке завалов найдены фрагменты керамики, железные наконечники стрел, бусы, золотые проны. Интересными находками являются сосуды с греческой и хорезмийской надписями. Аналоги сосудам прослеживаются в материалах III-II вв. до н.э. в Согде и Бактрии.

Раскопки на Чирик-рабате продолжаются⁷.

Городище Бабиш-мулла 1 – это городище меньших размеров, чем Чирик-Рабат. В северной части его расположена квадратная в плане цитадель размерами (100×100 м). Она обнесена пахсовыми стенами с округлыми башнями

6 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С.154.

7 Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Байтлеу Д., Искаков А. Археологические исследования памятников Чирик-рабата и прилегающих районов // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2005 г. Алматы, 2005. С.249-351; Курманкулов Ж., Переводчикова Е., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Таткеев А., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-рабат в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2008 г. Алматы, 2009. С.198-201.

на углах и в середине восточной стены. В цитадели находилось квадратное в плане здание, условно названное «Большим домом». В стенах цитадели и «Большого дома» прорезаны тройные веерообразно расходящиеся стреловидные бойницы. Близ юго-западного угла цитадели с внешней стороны к ее стене примыкают развалины еще одного, довольно крупного здания, условно именуемого «донжоном» размером 30×30 м. Стены его сохранились на высоту 4-5 м. Южнее «донжона» и цитадели лежит территория, обнесенная стеной (толщиной местами до 5,3 м) с полукруглыми башнями, стены которых сложены из сырцового кирпича размером 39-40×39-40×11 см, 43-44×35×9 см. Стена поставлена на пахсовый цоколь.

В юго-западной части городища на основании материалов аэрофотосъемки были обнаружены остатки построек, там же удалось обнаружить очертания крупного здания. Оно имеет размеры 18×40 м и отличается большой толщиной наружных (до 4 м) и внутренних (до 1,5 м) стен, сложенных из пахсовых блоков. Раскопаны три жилых помещения. В одном из них найдены остатки обжигательной печи, около которой в ямах обнаружены бракованные необожженные фрагменты глиняных женских статуэток. В центре каждого из двух раскопанных помещений находились очажные выкладки. Найдены фрагменты бронзы, костей животных, керамики, врытые в землю хумы.

На цитадели вскрыта большая часть здания «донжона», несколько менее половины площади «Большого дома» и вход в него. Датируются раскопанные постройки IV-II вв. до н.э.

Первоначально на месте донжона находилось предвратное сооружение со стреловидными бойницами.

Во втором строительном периоде на его месте возникло здание со сводчатыми помещениями и центральным коридором – входом в цитадель, делящим здание на две части.

Стены комнат «донжона» сложены из чередующихся рядов пахсовой и кирпичных кладок. Кирпич в кладке как квадратный размером 45×45×10 см, так и прямоугольный – 40-45×31-38×10-12 см.

В третьем строительном периоде «донжон» был перестроен, сводчатые помещения были забутованы и вошли, таким образом, в стилобат «донжона», поднимавшийся на высоту 5 м.

На «Большом доме» раскопками вскрыто около половины площади здания. В плане оно квадратное размером 44×44 м. По углам и в середине каждой стены находились полукруглые в плане башни. В наружных стенах дома обнаружены стреловидные, а в толще башен – треугольные бойницы, расходящиеся веером и размещенные группами по три.

Всего было вскрыто семь помещений нижнего горизонта. Из них центральное место занимает большое помещение, по сторонам которого размещаются небольшие и узкие комнаты; с юга к нему примыкает айван, открывающийся во двор.

Помещения среднего строительного периода «Большого дома» объединялись в отдельные комплексы связанных между собой комнат. В одной из них, видимо, культовой, почти всю площадь занимал большой очаг.

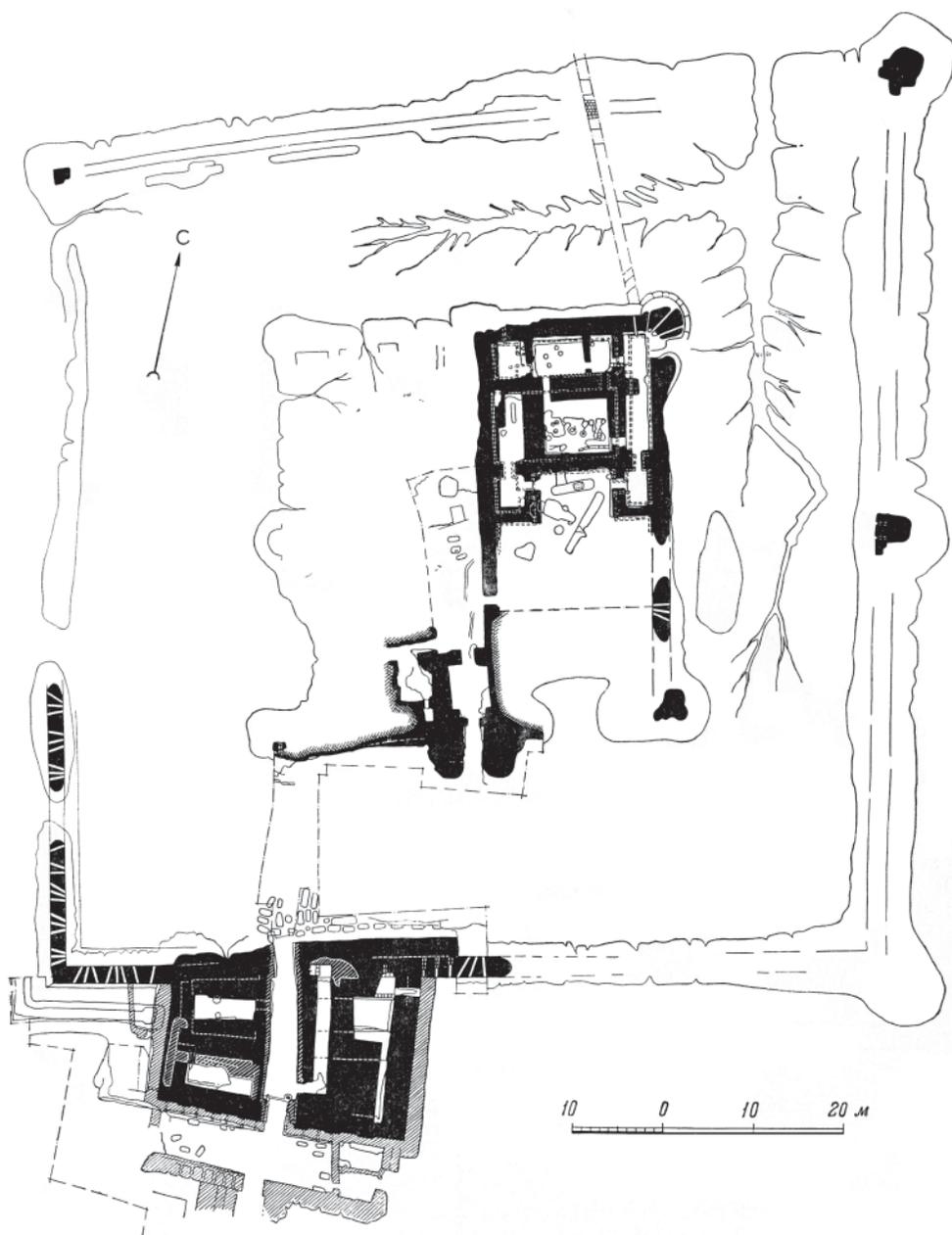

Рис. 37. Городище Бабиш-мулла 1. План и раскопанные участки

Кладка стен среднего и верхнего горизонта резко отличается от регулярной кладки нижнего горизонта: сырцовый кирпич комбинируется с пахсой.

Из находок, сделанных при раскопках, следует отметить поделку из трубчатой кости крупного домашнего животного, похожую на крышку костяного пенала, окрашенную снаружи красной краской; фрагмент деревянной чаши с бронзовой обкладкой по верхнему краю; фрагмент стенки бронзового котла «скифского» типа; лезвие железного ножа; бусы; каменные

ложила; бронзовые наконечники стрел скифского типа; железные панцирные пластины.

В хозяйственных помещениях были обнаружены хумы. Найден керамический фрагмент рельефа облицовки стен помещения. В помещении с большим очагом, относящемся к среднему горизонту, в золе очага лежал костяной трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского типа⁸.

Особый интерес представляют раскопки погребального здания Бабиш-мулла 2. Здание квадратное в плане размером 21×21 м, возвышается на высоту до 7 м над современной поверхностью. Основанием сооружения служил цоколь, насчитывающий шесть рядов пахсовых блоков. На цоколе размером 30×30 м и высоту около 3,5 м было возведено здание из квадратного сырцового кирпича, состоящее из угловых погребальных залов и взаимно пересекающихся коридоров. Все залы, кроме одного, имели выход в коридор. По внешнему периметру здания шел узкий коридор. В месте пересечения коридоров к стенам были приставлены опоры для арок. Погребальные комнаты и коридоры перекрывались сводами, сложенными из клинчатого сырцового кирпича. Стены помещений покрыты слоем алебаstra.

Угловые погребальные залы имеют размеры от 4,4×5 м до 5,3×6 м. Два из них – северо-восточный и юго-восточный – разделены посередине поперечной стеной, ориентированной с востока на запад. И коридоры, и залы были ограблены в древности.

В северо-западном погребальном помещении пол был выложен прямоугольным обожженным кирпичом, покрыт алебастровым раствором и раскрашен красной и белой краской. Вдоль северной, южной и восточной стен из того же материала, что и пол, сделаны ступенчатые выкладки шириной 1,3 м и высотой 0,5 м. Ступени по такому же принципу раскрашены красной и белой краской. Фасады выкладок – красного цвета, по низу идет черная полоса, переходящая на пол.

В юго-западной погребальной комнате внутри обнаружены остатки не менее трех скелетов. Погребения совершались прямо на полу, возможно, покойные лежали на погребальных носилках или деревянных помостах, остатки которых встречались в завале. Погребения были богатыми: найдено много золотых полусферических нашивных бляшек, золотые пронизки, массивные золотые бусины с зернью, бусы из камня, одна из янтаря и одна из красного сердолика, а на полу около прохода в коридор обнаружен небольшой железный черешковый наконечник трехлопастной стрелы.

Раскопки Бабиш-муллы 2 дают возможность расширить представление о древних племенах апасиаков.

Некоторые формы посуды из Бабиш-муллы находят аналогии в материалах с других территорий. Так, например, миски с резким перегибом наружу в верхней части были широко распространены среди керамики древнего Мерва в III в. до н.э. – I в. н.э.⁹ Близкие по форме чаши среди лепной керамики известны из слоя Каунчи¹⁰.

8 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С.154-164.

9 Рутковская Л.М. Парфянская керамика древнего Мерва // СА. Москва, 1958. №3. С.120.

10 Григорьев Г.В. Каунчи-Тепе (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940. С.40. Рис.50.

Рис. 38. Мавзолей Бабиш-мулла 2. Вид с юга

Небольшие сероглиняные мисочки имеют близкие параллели в посуде древней Бактрии из слоя Кобадиян II (III-II вв. до н.э.)¹¹. Единичный фрагмент хума из светлой глины, покрытый белым ангобом и окрашенный по венчику и шейке красной краской, находит аналогии в Согде в слое Афрасиаб II (IV в. до н.э.)¹².

Полученные материалы – трехперые скифские наконечники стрел IV-II вв. до н.э., керамика, близкая хорезмийской IV-II вв. до н.э., бусы этого же времени позволяют датировать весь комплекс Бабиш-муллы IV-II вв. до н.э.

Аналогии находкам с Чирик-рабата и Бабиш-Муллы свидетельствуют о связях апасиаков, обитавших в нижнем течении Жанадарьи, с Хорезмом, влияние которого прослеживается не только на керамике, но и в строительном деле¹³.

Древние мавзолеи Баланды. Комплекс Баланды включает в себя крепость и два мавзолея, находится в 40 км к юго-востоку от Чирик-рабата.

Мавзолей Баланды 2 – это круглое в плане сооружение диаметром около 16 м, стены его возвышаются над современным уровнем такыров на 4,5 м. Памятник представляет собой цилиндр, обрамленный двадцатью пятью выступающими треугольными лопатками, образующими грани. Такой архитектурный прием имеет явно декоративный характер. Вход в здание расположен в его южной части и оформлен в виде намечающегося портала с арочным проемом. Центральную часть здания занимает круглое помещение диаметром 5,5 м, перекрытое куполом, вершина которого обрушилась. На сохранившейся высоте купол ложный и образован путем напуска верхних рядов кирпичей над нижними. Опирается он на кирпичные стены, толщина которых у основания равна 1,6-1,65 м, на высоте 1,5 м от пола, где начинается купол, – 1,25 м. Стены, как и купол, покрыты слоем глиняной обмазки. Пол круглого зала земляной.

Внешняя кольцевая стена здания отстоит от внутренней стены круглого зала на 2,3 м. Расположенные между ними семь помещений разделены радиаль-

11 Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян). 1950-1941 гг // МИА. Москва, 1953. №37. С.304. Рис.20. Табл.ХII, 30.

12 Тереножкин А.И. Согд и Чач // Краткое сообщение института истории материальной культуры (КСИ-ИМК). Москва-Ленинград, 1950. Вып.33. С.54. Рис.69, III, 9.

13 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С.165-170.

ными стенками. Соединялись эти помещения проходами, но сквозного прохода по всему кольцу комнат не было: глухая радиальная стена, находившаяся на противоположной от входа стороне, делила кольцо помещений на две примерно равные части. Одно из помещений, прилегающее ко входу, играло роль вестибюля. Все стены вестибюля имели арочные дверные проемы: в южной стене был вход в здание, в северной – в центральный купольный зал, в восточной и западной – в соседние комнаты кольца помещений, опоясывающих зал.

В одном из углов вестибюля сохранились следы белого алебаstra, которым, видимо, были покрыты стены, в остальных кольцевых помещениях стены были обмазаны глиной. Перекрытия этих помещений сводчатые. Переход от различных участков округлых стен, на которые опирается свод, сделан при помощи клинчатого трапециевидного кирпича. В завале кольцевых помещений найдены обломки керамики, употреблявшиеся для расклинки сводов.

Раскопки, проведенные на Баланды, показали, что мавзолей был основательно разграблен еще в древности. Однако полученный материал не оставляет сомнения в том, что, по крайней мере, в части помещений, расположенных по кольцу, находились погребения. На полу устанавливались сделанные из дощечек и брусьев гробы или носилки. В центральном зале следов погребения нет. Возможно, находившееся здесь наиболее богатое захоронение было полностью разграблено. Но не исключено, что тут было святилище, связанное с погребальным культом.

При раскопках найдены рукоятка ножа из резной кости, обрывки кожаного изделия, украшенного золотом, железный нож и фрагменты тонких хлопчатобумажных тканей. Ткани окрашены в красный и желтый цвета и покрыты черными, синими и темно-красными полосами.

Анализ конструкций Баланды, в особенности его купола, приводит к интересным результатам. Ложный купол давно существовал на Востоке и в Средиземноморье. Но все известные древнейшие купольные здания – памятники совершенно иного типа и стиля, а главное, они не имеют прямого продолжения в своем развитии. Купольные здания характерны лишь для более древнего пе-

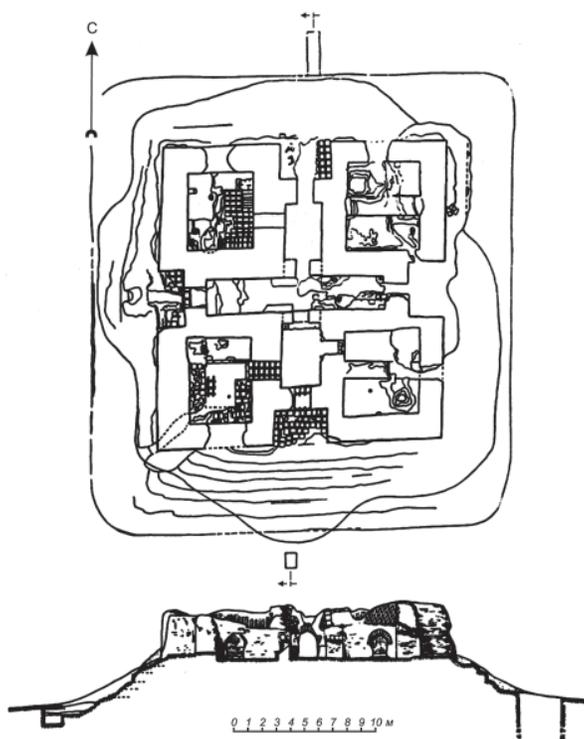

Рис. 39. Мавзолей Бабиш-мулла 2. Планы и разрезы

Рис. 40. Мавзолей Баланды 2

риода, а затем их сменяют другие архитектурные формы.

Между тем, обнаружен такой тип купольного сооружения, который продолжал жить в Средней Азии и Казахстане вплоть до недавнего прошлого. Форма купола Баланды 2 через несколько веков (в VI-VIII вв.) появляется в Афригидском государстве в Беркуткалинском оазисе.

Спустя несколько столетий ложный купол афригидского времени сменяется, возможно, под византийским влиянием, проникшим через арабскую среду, более совершенной формой настоящего купола. Не исключено, однако, что все элементы настоящего купола имелись уже на Баланды. В пользу этого говорят данные анализа сохранившейся кривой части перекрытия, а также наличие в центре зала ямы от столба, который, очевидно, поддерживал строительные леса. Последние были необходимы именно в том случае, если купол был сведен в замке, то есть был истинным. Но ввиду того, что верхняя часть перекрытия рухнула, решить этот вопрос окончательно можно будет лишь после находки других сходных памятников.

Известно, что купол появляется и получает широкое распространение в римской архитектуре. Первое описание купола принадлежит Витрувию (I в. до н.э.). Примерно тем же временем датируются наиболее древние купольные конструкции в римской архитектуре. Примечательно, что появляются они внезапно, а не в результате эволюции местных строительных форм.

Между тем, мавзолей Баланды никак не может быть датирован позднее II в. до н.э., есть основания полагать, что он был построен значительно раньше – в IV в. до н.э.

Если он относится к IV в. до н.э., то из этого следует, что купол

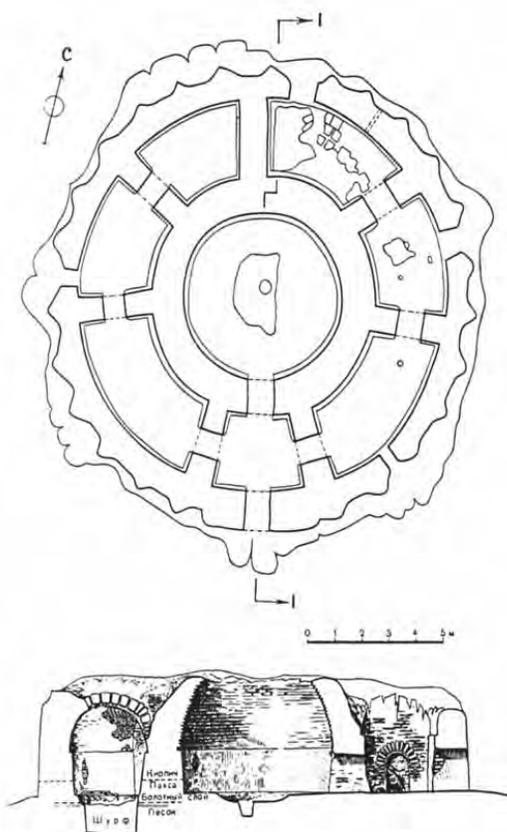

Рис. 41. Мавзолей Баланды 2. План и разрез

на территории Приаралья был известен еще за двести-триста лет до появления его в Римской империи¹⁴.

Исследования памятников вдоль Жанадарьи, отнесенных к чирикратской культуре, выявили мавзолеи, которые датируются IV-II вв. до н.э. Всего обнаружено около 18. Два из них квадратные в плане, остальные – круглые, с крестообразной планировкой. В основании их стоят платформы – стилобаты.

Входы всегда расположены с южной стороны. Мавзолеи использовались для погребений в течение долгого времени, в них производилось и кремирование, и захоронение трупов в деревянных гробах, на носилках, на циновках. Наблюдается переход от сожжения трупов к их сохранению. Менялась и планировка мавзолеев. Так, обходной коридор заменился рвом, четырехчастное деление (крестообразность) заменяется двучастным. Безусловно, что большие мавзолеи предназначались для захоронений знатных людей.

Но из всех мавзолеев выделяется мавзолеем Баланды 2, круглый в плане диаметром 16 м и сохранившейся высотой 4,5 м. Центральное купольное помещение его (диаметром 5,5 м) было окружено сводчатыми помещениями.

Истоки планировки и строительной техники мавзолеев саков, оставивших после себя чирикратскую культуру, восходят, по мнению исследователей, к эпохе бронзы и мавзолеям Тегискена. В их архитектуре ярко выражено южное влияние, исходящее из ахеменидского Ирана.

Традиция сооружения погребальных комплексов-мавзолеев, бывших одновременно и «храмами огня», находит свое продолжение и в архитектуре раннего средневековья¹⁵.

Государство усуней

Усуни – одно из ранних государств на территории Казахстана. Восточные пределы усуней проходили через район Бешбалыка в Восточном Туркестане. На западе границы усуньских владений проходили по рр. Чу и Талас, вплоть до восточных склонов Каратау. Центром усуньских владений была Илийская долина. Столицей, ставкой усуней был Чигу – «город Красной долины».

Содержание самого термина усунь не выяснено. Он известен только в китайском иероглифическом написании, современное звучание которого идентично одному из казахских этнонимов – уйсун, самоназванию племени, являющимся главным этническим компонентом казахов Старшего жуза (Улу-жуза). Многие исследователи склонны видеть в этой транскрипции известный по среднеазиатской истории этноним асиан¹⁶. Однако, новейшие исследования допускают другое толкование: термин асиан мог быть одним из диалектных вариантов этнонима ятии, а его традиционной древнекитайской формой транскрипции были иероглифы, звучащие в современном китайском языке как юечжи¹⁷.

Существует еще один вариант интерпретации транскрипции термина усунь. Предполагают, что в древнекитайском языке два иероглифа, звучащие

14 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С.178.

15 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С.174-178.

16 Умняков И. Тохарская проблема // Вестник древней истории (ВДИ). 1940. № 3-4.

17 Pulleyblank E. A consonantal System of Old Chinese // Asia Major. Vol.9 (1962-1963). №2. P.240.

как у-сунь, произносились а-сман, асман – «небо». Возможно, подтверждение сказанному содержится в письме китайской принцессы, выданной замуж за усуньского гуньмо: «Моя семья выдала меня замуж... в Страну Неба»¹⁸.

Первые известия об усунях появляются в конце II в. до н.э.

Усуни считались одним из значительных этнополитических объединений в Центральной Азии в древности¹⁹. Памятники усуньской культуры распространены на территории Жетысу, Ферганы (частично) и, по-видимому, северной части Восточного Туркестана. Имея во II в. до н.э. население в 630 тысяч человек, усунь могли выставить большое войско из конницы и пеших лучников. Дружина гуньмо и двух наследников престола состояла из 30 тысяч конницы, у каждого по 10 тысяч. Еще до 73 г. до н.э. территория усуней была разделена на три части: левая (восточная), правая (западная) и центральная, принадлежащая самому гуньмо, но все они находились под «верховною зависимостью от Гуньмо».

Под властью или под влиянием усуней находился ряд владений или племен. В I в. до н.э. во владении Согюй или Яркян по просьбе местных старейшин и повелителя, дабы «приобрести доброе расположение усуньцев» сын гуньмо Ван-Гуйми Ваньнянь стал повелителем²⁰.

Усуни устанавливали союзнические отношения с другими государствами посредством заключения брачных союзов²¹.

В династийных хрониках эпохи Хань изложение фактов из политической истории усуней доведено примерно до III в. до н.э. Отрывочные сведения имеются и в некоторых письменных источниках поздних периодов Срединной империи. В «Бэйшю» (История династии Юаньвэй), есть сообщение о том, что в 437 г. н.э. усунь отправили к ханьскому двору послов²².

В X в. н.э. на страницах источников вновь появляется имя усунь. Так, в «Ляоши» – хронике императора Тайцзуна имеется запись 938 г. о тугухунь, усунь и мохэ. Из «Винвэйчжи» известно, что во времена императора Ляо существовало «девять усуньских объединений»²³.

Есть основание говорить о преемственной связи древних усуней с уйсунями и уйшунами, вошедшими в состав казахского и киргизского народов²⁴.

Географическая среда Жетысу во многом обусловила своеобразие развития хозяйства усуней. Оно состояло в том, что здесь, в отличие от районов «классического» земледелия или кочевого скотоводческого хозяйства, скотоводство сочеталось с земледелием, а кочевой образ жизни с полуоседлостью. Данные письменных источников о хозяйстве усуней отрывочны и односторонне отра-

18 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С.23.

19 Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. Москва, 1961. С.117.

20 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград, 1950. Т.2. С.189.

21 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. С.203-204.

22 Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.98.

23 Кюнгер Н.В. Ук. соч. С.97.

24 Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н. э. – V в. н. э.). С.47.

жают направление их хозяйства. У древних авторов характеристика усуньского хозяйства и быта предельно лаконична: «перекочевывают с места на место в поисках корма и воды для скота». Эта формула традиционна и общая для большинства кочевых и скотоводческих народов, но оно не отражает всех реалий.

Скотоводческое хозяйство на территории древнего Казахстана прошло несколько этапов. Его начальным этапом было придомное пастушеское скотоводство у племен эпохи бронзы с конца первой половины II-го тысячелетия до н.э., только в IX-VIII вв. до н.э. оно переросло в кочевое скотоводство. В этот период сложилась система сезонного использования пастбищ и водных источников, в стаде преобладали овцы и лошади – животные, наиболее приспособленные к дальним переходам и к тебеневочному добыванию корма в зимнее время²⁵. Такая пастбищно-кочевая система приобрела устойчивый характер. Об этом свидетельствует размещение разновременных поселений, зимовок и погребальных сооружений в одних и тех же местах на протяжении веков. Рядом находились семейно-родовые могильники и кладбища. Так возникали огромные некрополи, состоящие из разнотипных памятников и многослойные зимовки-поселения. Особенно много таких некрополей расположено в районах зимовок в Жетысу, в частности, ведущих свое происхождение со времени усуней.

Статистика костных останков животных на поселениях и захоронениях древних усуней дает материал, позволяющий восстановить состав их стада и соотношение в нем видового состава животных. В свою очередь, по такому соотношению можно судить о форме скотоводческого хозяйства и образа жизни племен.

Китайские династийные хроники отмечают, что у усуней было развито коневодство. Богатые владельцы содержали до пяти тысяч голов лошадей, войска великого и малых гуньмо состояли из 30-ти тысячной конницы. Усуньские гуньмо при женитьбе на китайских царевнах как сговорные дары посылали по тысяче голов лошадей и лошаков (мулов)²⁶. В Жетысу разводились высокопродуктивные скаковые лошади. Знакомами соседних стран они ценились за резвость и выносливость, и ставились после «потокровных небесных» лошадей Давани²⁷.

При раскопках зимовки-поселения *Актас* были сделаны находки, являющиеся прямыми свидетельствами о существовании земледелия у усуней. Это орудия обработки земли – каменные мотыги, и уборки урожая – бронзовый серп (обломок).

При обследовании окрестностей зимовок-поселений Актас были получены данные о существовании у усуней примитивного орошаемого земледелия. Здесь обнаружены остатки оросительных арыков и следы небольших обработанных участков площадью от 60 до 150 кв м²⁸.

25 Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С.409-411.

26 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. С.191-192.

27 Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.117.

28 Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней. С.4.

Земледелие и оседлость у древних усуней отмечены письменными источниками. Так, ханьский историк Бань Гу сообщает, что придворная дама, приставленная к китайской принцессе, выданной замуж за усуньского гуньмо, раздавала подарки усуньским «оседлым владетелям»²⁹, жившим в столице Чигу или его окрестностях.

Хэ Цю Тао, ссылаясь на древние источники, сообщает, что хотя древние усунь не устраивают полей, но сеют деревья³⁰. Комментарий «Ханьшу» Янь Ши Гу, историк VII в. н.э., конкретизирует это сообщение, поясняя, что «сеют деревья» значит «сажают деревья»³¹.

Историк Суй Сун прямо утверждал, что усунь «имели города и предместья»³².

Родоплеменная знать, представляла собой привилегированную часть общества. Как показывают археологические материалы, над родовыми кладбищами появляется все больше и больше надмогильных сооружений знати, поражающих своей грандиозностью, сложностью конструкций и пышностью погребального ритуала.

О появлении частной собственности говорят также металлические, каменные и глиняные печати³³. И хотя вопрос об их происхождении остается предметом дискуссии, несомненно, что на каком бы материале ни ставились оттиски печатей, изображение было всем понятным знаком принадлежности данной вещи лицу, поставившему печать. Такой вывод подтверждается глиняной печатью в могиле усуня³⁴. находка усуньской печати – не неожиданность. По сведениям древних хроник известно, что некоторые усуньские военачальники и чиновники обладали золотыми и медными печатями³⁵.

Глиняная же печать, обнаруженная в рядовом погребении, свидетельствует, что в усуньском обществе владельцами печатей был более широкий круг людей, чем одна знать. У знати печати являлись символом власти должностных

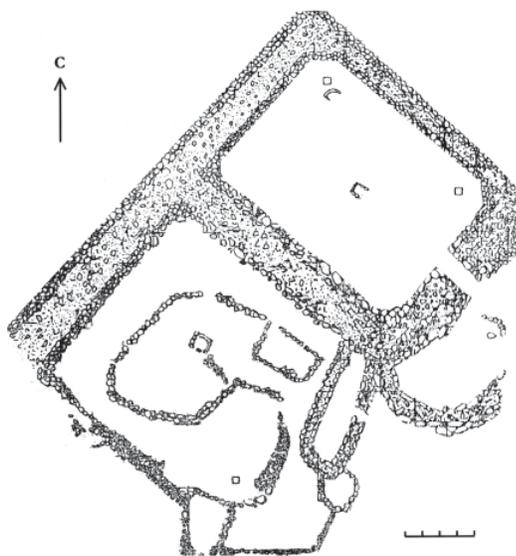

Рис. 42. Поселение Актас

29 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. С.196. Буквально «Чэн-Го» – владетель укрепленного поселения» (см. Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.88).

30 Кюннер Н.В. Ук. соч. С.74.

31 Кюннер Н.В. Ук. соч. С.78.

32 Кюннер Н.В. Ук. соч. С.78.

33 Шелов Д.Б. Глиняные штампы из Танаиса // Новое в советской археологии. Москва, 1965. С.230; Толстов С.П. Древний Хорезм. Москва, 1948. С.151; Кой-Крылган-Кала // Труды ХАЭЭ. Москва, 1967. Т.V. С.218.

34 Максимова А.Г. Цепочка курганов из могильника Караша 1 // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.126-128. Рис.5.

35 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. С.198; Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.93.

лиц при дворе гуньмо³⁶, примитивные же – каменные и глиняные, вероятно, использовались для разграничения собственности разных владельцев.

Письменные источники также сообщают о частной собственности у усуней. Сыма Цянь в своих «Исторических записках» («Шицзи») впервые приводит сведения, что у усуней «богатые люди имеют от четырех до пяти тысяч голов» лошадей³⁷. Другой источник – «Цяньжаньшу» (I в. н.э.) повторяет этот факт в несколько иной редакции: «богатые содержат их от 4000 до 5000 голов»³⁸.

Китайские источники сообщают: «В Усунь много лошадей. Их самые богатые люди имеют четыре-пять тысяч голов лошадей»³⁹.

Формирование частного землевладения находит подтверждение в сведениях письменных источников. Значительный интерес в этом отношении представляет сообщение Бань-Гу в «Цзяньханьшу»: «В то время великий гуньмо Цылими (держал) власть и все лин-хоу из боязни подчинялись ему. Он объявил, чтобы население, пастбища лошадей и скот, не выходило на его пастбище»⁴⁰. Примечательно и далеко не случайно, что обнаружение произошло именно в то время, когда он как гуньмо «твердо держал власть» в своих руках.

Такая интерпретация подтверждается комментаторами сочинения Бань-Гу. Так, Янь Ши-Гу (VII в.) говорит, что «не выходило на пастбища» надо понимать как «на пастбище гуньмо», а Сюй Су (XIX в.) и Хэ Цю таю (XIX в.) склонны объяснять еще более решительно: «не заходить на пастбище» и даже «вход на пастбище облагать налогом»⁴¹.

Письменные источники и археологический материал дают возможность не только отметить факт социального неравенства в усуньском обществе, но и условно расчленить его на социальные группы. Курганы усуньского времени, имеющиеся на территории Жетысу, четко делятся на три типа. Первый из них – большие земляные курганы диаметром 50-80 м и высотой 8-10-12 м. Под насыпью обычно две-три могилы, содержащие мужские и женские погребения.

В кургане Тенлик (Северо-восточное Жетысу) в одной из могил была захоронена знатная женщина. Ее одежда была украшена золотыми художественными бляхами и бляшками, в ушах – золотые серьги с зернью, прическу или головной убор венчала массивная, искусно обтянутая золотом булавка. Здесь же рядом поставлены туалетные принадлежности (бронзовое зеркало и деревянная шкатулка, орнаментированная полосками листового железа).

Богатые захоронения под большими курганами в Западном Жетысу (Каракольские и Бурагинские курганы), в которых также обнаружены золотые фигурные бляшки, нашивные бляхи греко-бактрийского происхождения, остатки лаковых изделий, предметы украшения в зверином стиле.

36 Кюнгер Н.В. Ук. соч. С.90.

37 Акишев К.А. Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней. С.26-37; Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений. Т.2. С.160.

38 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Ук. соч. С.190.

39 Кюнгер Н.В. Ук. соч. С.120.

40 Кюнгер Н.В. О народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.92.

41 Кюнгер Н.В. Ук. Соч. С. 92. Примечание 177.

Анализ письменных источников и археологических материалов убедительно доказывают, что общество усуней было организовано в государство⁴².

Государство Динлин. Кочевые племена ди, жившие в Ордосе на границе с коренными китайскими землями в VII в. до н.э., частично переселились на китайскую равнину и в степи Евразии. Эти племена были известны у соседей как народ «амазонок» или «храбрых охотниц-прорицательниц». Племена ди, осевшие в степях Монголии, смешались с местным населением и образовали народ динлин (Ting-ling). Этот народ, известный позже под именем дили и затем теле составлял основу населения внешней Монголии. В последних веках до н.э. и первых веках н.э. этот народ был, скорее всего, уже тюркоязычным.

На западе отдельная ветвь динлинов занимала степи Казахстана.

В китайских источниках говорится, что государство Динлин находится к северу от Кангюя в Восточном и Центральном Казахстане.

Динлины занимали уже в I в. до н.э. (а по всей вероятности, и намного раньше) два обширных региона: центральную и восточную части Внешней Монголии на востоке и Восточный и Центральный Казахстан на западе. Возможно, что они занимали и Джунгарию, соединявшую оба региона. В этих местах они жили и позже. Таким образом, племена дили-теле (гаогюй), они же огузы, не были неведомо откуда взявшимся народом, в V-VII вв. н.э. заново заселившим эти территории как обычно полагают. Это прямое продолжение динлинов, их прямые потомки, сохранившие их племенное имя и продолжавшие жить в тех же местах, где жили их предки.

Западные динлины были многочисленным народом, судя по тому, что они могли выставить 60 тысяч отборных воинов. Но образ жизни они вели чисто кочевнический, передвигаясь вслед за своими стадами. В то же время они занимались и охотой на пушного зверя.

Археологическим соответствием западным динлинам должна быть тасмолинская культура. Она датируется обычно VII-III вв. до н.э., но недавно изученные коргантасские памятники позволяют продлить ее существование до рубежа н.э., а может быть и до первых веков н.э. вплоть до гуннского времени.

Тюркоязычность динлинов по сохранившимся следам их языка устанавливается достаточно убедительно. Тюркизация Арало-Каспийских степей Западного Казахстана связывается с огузами и датируется VI-X вв. н.э. Если учесть, что динлины являются прямыми предками телесцев-огузов, то тот же процесс в Восточном и Центральном Казахстане, связанный с западными динлинами-тасмолинцами, начался более чем на тысячу лет раньше и создал базу для дальнейшего продвижения огузов на запад⁴³.

К городам динлинов, видимо, следует отнести памятники на Тоболе, Ишиме и среднем Иртыше. Их жители являются хранителями строительных традиций городов типа Аркаима и Синташты и в то же время знакомые со среднеазиатским градостроительством, в частности, с фортификацией. Наиболее ярким

42 *Акишев К.А.* Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней. С.26-47.

43 *Пьянков И.В.* Западные динлины – первый тюркоязычный народ на территории Казахстана // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии. Актобе, 2006. Ч.2. С.13-17.

из них является городище Актау на Ишиме, исследованное М.К.Хабдулиной. Мощная стена-вал, сооруженная секционно, блоками, имела ширину 3-4 м, была основой конструкции, скрепленной «каркасом» из бревен. Нижний ее ярус был связан с включением жилых построек с оборонительным поясом, верхний – из частокола бревен. Общая высота стены составляла не менее 5-5,5 м.

К каждой секции стены примыкали жилища. Особое внимание строители уделяли входу. Здесь вал был обшит деревом, так же как и ров. Внутри площадь городища была застроена жилищами. Прослежено три ряда домов, расположенных параллельно реке, на мысу которой и был построен «город». Прослежена уличная сеть. Дома наземные срубного типа. Высота их стен 2,5-3 м. Кровля была плоская или односкатная. Входы в жилище были длинные, коридорообразные. Организующей основой жилищ были очаги открытого типа. Сами дома – одно и двухкамерные. Это были крепости-убежища. Датируются они второй половиной I тыс. до н.э.

Хозяйство поселений было комплексным: с элементами оседлости и кочевания⁴⁴. Л.Р.Кызласов считал такие памятники остатками городов, возникавших на торговых путях, возле святилищ, вблизи переправ и у резиденций правителей. Это были центры черной металлургии и кузнечного производства, культовыми центрами, хранилищем богатства и резиденциями административной власти⁴⁵.

Оседлость и земледелие у саков и усуней Жетысу, начало градостроительства

Одной из фундаментальных проблем истории Казахстана и Средней Азии является проблема взаимодействия кочевых и оседлых цивилизаций. Она предусматривает в числе различных ее аспектов направление, связанное с археологическим изучением развития в регионе земледелия и кочевого скотоводства, возникновение оседлых поселений и процессы превращения их в города. Эти процессы рассматриваются на протяжении хронологического диапазона от эпохи раннего железа до средневековья (от V в. до н.э. до XIV в. н.э.) с выходом на позднесредневековый период (XV-XIX вв.).

Изучаются вопросы, связанные также с взаимодействием оседлости и кочевничества в конкретных регионах; исследуется, какое из этих направлений экономики преобладало в те либо иные периоды истории, каковы были общие тенденции развития общества и насколько справедлив тезис, который констатирует линию его развития «от кочевий к городам». Он подразумевает подавляющее доминирование кочевого скотоводства с постепенным оседанием части населения, переходом его к занятию земледелием, ремеслами, торговлей и в целом к урбанизации общества⁴⁶.

Такая линия развития предполагает, что в какой-то период времени все население переходит к подвижному образу жизни – к кочевому скотоводству⁴⁷.

44 Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. С.31-45, 83-84.

45 Кызласов Л.Р. Городская цивилизация срединной и северной Азии. Москва, 2006. С.134-141.

46 Плетнева С.А. От кочевий к городам // МИА. Москва, 1967. №42. С.180-189.

47 Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ // КСИЭ. Москва, 1955. Вып. XXIV. С.15-29; Черников С.С. О термине ранние кочевники // КСИИМК. Москва, 1960. Вып.80. С.17-21.

Затем, в силу ряда обстоятельств, начинается обратный процесс возвращения к оседлости и земледелию.

Одним из таких конкретных мест исследований стало Жетысу в пределах его Северо-восточной части (Илийская долина и Приджунгарье).

Если проследить историческое развитие Жетысу, оно схематически выглядит так:

1. Палеолит и неолит – время бродячих охотников и собирателей; неолит и энеолит – переход к производящему хозяйству – земледелию и скотоводству.
2. Ранняя и средняя бронза – период оседлости и занятия земледелием, а также пастушеским скотоводством, развитие яйлажного скотоводства. Эпоха поздней бронзы – время появления кочевого скотоводства и, как следствие этого, – переход населения к кочевничеству.
3. Начиная с VIII-VII вв. до н.э. и вплоть до V в. н.э. следует эпоха ранних кочевников (саки, усунь, хунны), сочетание скотоводства и земледелия.
4. В эпоху раннего средневековья VI-VIII вв. под влиянием ряда внутренних и внешних факторов происходит оседание кочевников, появление земледельческих поселений, затем перерастание их в города, а также развитие урбанизации.
5. В IX – начале XIII в. идут интенсивные процессы седентаризации, рост урбанизации в Жетысу, появляются районы городской жизни.
6. В результате монгольского нашествия оседлая и городская культура претерпевает коллапс. Урбанизация гибнет во второй половине XIII – начале XV в.
7. Наступает период, когда население Жетысу переходит к скотоводству и кочевничеству. Однако традиции оседлости и земледелия сохраняются у казахов в позднее средневековье в XV-XIX вв.⁴⁸

Следуя этой схеме развития, следует отметить, что скотоводство, в том числе и кочевое, в VIII в. до н.э. – VIII в. н.э., а затем в XV-XVIII вв. на отрезке времени в 1400 лет доминировало и составляло основу социально-хозяйственной и культурной жизни населения.

Однако исследования археологов конкретно в каждом регионе позволяют делать эту схему более сложной, отвечающей реалиям исторической жизни.

Исследователи кочевого скотоводства обращали внимание на сложность и неоднолинейность процесса генезиса и эволюции кочевничества, в зависимости от его географической среды, социальных факторов, экологических обстоятельств⁴⁹.

Представляются интересными рассуждения крупного ученого С.И.Руденко, который ставил под сомнение массовый и быстрый процесс перехода от оседлой жизни к кочевой населения Евразии.

«Чистые кочевники», которые находились в постоянном движении, были редким исключением, тогда как подавляющая часть скотоводов, в той или иной степени была связана с оседлостью и земледелием, что определялось, по его

48 Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К. Средневековые города и поселения Северо-восточного Жетысу. Алматы, 2005. С.117, 127, 129.

49 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов. Алматы, 1995.

мнению, географическими факторами. Интересно его замечание о том, что кочевание было своего рода и привилегией «богатых и очень богатых скотоводов, имеющих большие стада скота и, прежде всего, овец и лошадей».

Высказывания исследователя базировались на конкретном археологическом материале из раскопок сакских (скифских) могильников Алтая, которые свидетельствовали и об оседлости саков этого региона на всем протяжении их жизни⁵⁰.

В работе К.А.Акишева, посвященной вопросам происхождения кочевничества, также подчеркивается, что семиреченские саки и усунь не были чистыми кочевниками⁵¹.

Безусловно, что на образ жизни населения в древности оказывали огромное влияние природная среда и колебания климата.

По существу, взаимодействие природы и общества, природы и человека является основной темой современной науки. Актуальность ее растет в связи с усилившимися экологическими кризисами глобального и местного характера. До недавнего времени две подсистемы единой всемирной системы (природа-общество) рассматривались изолированно друг от друга. Связано это с вульгарным материализмом, когда абсолютизировался «социум», якобы детерминирующий все другие факторы.

Даже в географии не всегда удается объединить экономико-географическое и физико-географическое направления. Как справедливо отмечают исследователи, еще недавно было «запрещено» смешивать природные и общественные закономерности. Поэтому в отмежевании от общественных наук географы-естественники видели панацею от неизбежной огульной критики.

Жупел «географического детерминизма» сковывал научную мысль, заставляя ученых разрывать анализ соотношения сил, действующий в системе «природа – общество»⁵².

Однако, прорыв в этой проблеме готовился давно, ему способствовали работы Б.В.Андрианова, Н.Н.Чебоксарова, в которых было разработано понятие хозяйственно-культурных типов, предусматривающее процессы исторического взаимодействия общества с географической средой.

В последние годы активно разрабатываются такие важные направления проблемы «Человек и природа», влияние изменений природной среды на человеческое общество, антропогенная трансформация ландшафтов и, наконец, влияние, оказываемое этой измененной человеком средой на общество⁵³.

50 Руденко С.И. Культура поселения Центрального Алтая в скифское время. Москва-Ленинград, 1960. С.5; Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Доклады отделения этнографии. Москва, 1967. Вып.1. С.5.

51 Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Жетысу // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.69-78.

52 Хотинский Н.А. Климат и человек в голоцене аридных и гумидных зон Северной Евразии // Аральский кризис. Москва, 1991. С.48-49.

53 Первообытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене / Материалы всесоюзного симпозиума, организованного Институтом географии АН СССР и Комиссией по изучению четвертичного периода АН СССР. Москва, ; Paleoeecology of early man // К X конгрессу JNQUA (Великобритания, 1977). Москва, 1977. С.243; Археология и палеогеография мезолита и неолита Русской равнины. Москва, 1984.

В качестве примера действий этих влияний можно более убедительно решать проблему миграций. В частности, ставится под сомнение причинность миграций скотоводческих племен на запад в результате «неудержимого роста» численности кочевников и нехватки пастбищ и их деградации. Данными по таким антропогенного характера кризисам, наука не располагает, их просто не было, а причина связана с географическими факторами – резким изменением продуктивности пастбищ в сторону увеличения с востока на запад.

Отсюда стремление части кочевников уйти из низко продуктивных сухих степей и полупустынь Центральной Азии в богатые травостоем степи Восточной Евразии.

Конечно, эти миграции надо отличать от миграций агрессивного типа, вызванных социальным фактором. Но в то же время Западная Европа избежала ужасов монголо-татарских войн потому, что здесь нет степной зоны. Дойдя до Придунайских степей, татаро-монголы, как раньше гунны, не могли идти далее на запад, где ландшафтная ситуация была иной, приспособляясь к которой, надо было менять стереотип хозяйства⁵⁴.

В степях же Восточной Европы пришлые скотоводческие народы сохраняли свой кочевой уклад жизни достаточно долго (кыпчаки, крымские татары, гагаузы).

Сейчас ясно, что географический фактор, или воздействие природы на общество, определяли условия его развития. Воздействие географического фактора на жизнь человека является не только неотъемлемым условием жизни, но и постоянно меняющимся в пространстве и времени явлением⁵⁵.

В доиндустриальном обществе человек всецело или значительно зависел от природной среды, и именно она определяла типы хозяйства и направления его развития. Чем дальше в древность, тем больше при анализе причин развития общества, его хозяйства и культуры должен учитываться географический фактор. Именно природные условия определили в степной полосе Евразии переход к кочевому скотоводству и способствовали его консервации и эволюции на протяжении многих столетий, вплоть до нового времени. Исключительно специфика природных условий определила развитие на Востоке раннеземледельческих обществ в долинах рек и в предгорьях.

В научной литературе получили распространение понятие и термин «ноосфера», введенные в научный оборот В.И.Вернадским⁵⁶. Это широкое, всеобъемлющее понятие заменяет термин «географическая среда». Ноосфера, – по В.И.Вернадскому, – это биосфера, измененная и изменяемая обществом, ставшая средой общественного развития, особенно за последние 10-20 тысяч лет.

Во многом благодаря природным условиям Северо-восточного Жетысу, монголы вытеснили земледельческое население из культурной полосы, обратив его в пастбище, о чем сообщают письменные источники и археологические данные⁵⁷.

54 Хотинский Н.А. Климат и человек в голоцене аридных и гумидных зон Северной Евразии // Аральский кризис. С.58-63.

55 Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. Москва, 1982.

56 Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. Москва, 1988. С.20-33.

57 Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы, 1993. С.110; Новосельцев А.П., Пауцто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. Москва, 1972. С.20-21.

Знакомство с историей человечества не оставляет никаких сомнений в том, что его развитие всегда представляло собой взаимодействие с природой, а не было только использованием материалов и энергии природы.

В этой связи интерес представляют работы Р.И.Аболина. В названии одной из них «От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри» очень точно и емко отражена специфика Жетысу. Автор пишет: «Накладывая климатические, растительные и почвенные пояса, мы получим при этом так называемые зоны жизни, определяющие собой как географические ландшафты, так и равно условия сельского хозяйства каждого данного района»⁵⁸. Опираясь на этот метод, исследователь выделяет следующие зоны жизни:

1. Полынно-степная зона, в которой выделяются два пояса степей – чисто полынный и злаково-пустынный. В ней земледелие удается только при искусственном орошении. Однако на плоских лессовых увалах и по ложбинам возможны богарные посевы. Главное назначение пояса – разведение мелкого скота и верблюдов. Скотоводство возможно при наличии определенного оборота пастбищ, большей своей частью имеющих сезонный характер, но в основном зимних.
2. Злаково-степная зона включает пояса полынно-злаковых и злаковых степей. Здесь при условии орошения возделываются все зерновые, садово-огородные и технические культуры. Широко используются богарные посевы. Целинная злаковая степь представляет собой пастбище для крупного рогатого скота. Зимний выпас (в отличие от полынно-степной зоны) уже играет небольшую роль ввиду постоянства и значительной глубины снежного покрова. Возможно сенокосение, особенно по логовам и речным долинам.
3. Разнотравно-степная зона занимает преимущественно высокие предгорья хребтов. Умеренно климатические условия, богатое дождями теплое лето благоприятствуют земледелию (как при искусственном орошении, так и на богаре) и скотоводству. Целина предоставляет прекрасные условия для всех видов животных. Зимний выпас затруднен из-за глубокого снежного покрова.
4. Лесная или луговая зона, где выделяются два пояса – смешанных и хвойных лесов, пригодна для выпаса скота в течение трех летних месяцев.
5. Высокогорная зона с альпийским и ледниковым поясами. На альпийских лугах летом выпас скота, преимущественно мелкого, продолжается в течение 1,5-2 месяцев.

Из этого обзора условий жизни следует, что в Жетысу преобладают сезонные пастбища: зимние – в степной зоне и летние – в луговой и альпийской. Кроме того, придомное скотоводство возможно в предгорной зоне при использовании сенокосения.

Предгорья (разнотравно-степная зона) характеризуются хорошими условиями для скотоводства и земледелия, как при наличии искусственного оро-

58 *Аболин Р.И.* От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри // Труды института почвоведения и геоботаники Среднеазиатского Государственного университета / Казахская серия. Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа КазССР. Ташкент, 1930. Вып.5. Ч.1. С.166-174.

шения, так и на богаре. Земледелие возможно и в злаково-степной зоне, но обязательно в условиях искусственного орошения.

Распределение пастбищных угодий по зонам способствует развитию здесь кочевого, отгонного и придомного скотоводства. В то же время наличие земель в предгорной зоне и долинах рек, которые при обеспечении влагой чрезвычайно плодородны, благоприятствовало возникновению и развитию земледелия и создало возможность для длительного сосуществования земледелия и скотоводства.

На особенности экологии Жетысу обратил внимание К.А.Акишев, когда рассматривал проблему происхождения номадизма в аридной зоне Казахстана.

Вместе с Восточным и Юго-восточным Казахстаном он выделял весь этот регион в зону сочетания яйлажного скотоводства и богарного земледелия, полукочевнического и полуоседлого хозяйствования. Поскольку расстояния кочевков от летних к зимним пастбищам и наоборот здесь были невелики, то это давало возможность кочевника проводить больше времени на стоянках, что и определило возможность перехода к оседлости и занятию земледелием, а также появлению городов и урбанизации⁵⁹.

В известной мере пересмотр традиционного взгляда на древних обитателей Жетысу саков и усуней исключительно как на кочевников был обусловлен раскопками усуньского поселения-зимовки Актас в 200 км восточнее Алматы, на южных склонах Кетменьтау в Центральном Тянь-Шане. При раскопках поселения были обнаружены жилые и хозяйственные постройки, загоны для скота, а также получены свидетельства земледелия, такие, как находки бронзового серпа, каменных мотыг, зернотерок и, что крайне важно, остатков ирригации. Было установлено, что при помощи небольших каналов, выведенных из горной речки, орошались участки склонов, прогреваемые солнцем⁶⁰.

Еще раньше К.А.Акишев, основываясь на материалах раскопок сакского могильника Бесшатыр, где были обнаружены гробницы из дерева, заметил, что навыки строительства погребальных сооружений саков позволяют считать, что они использовались и при строительстве стационарных домов. Таким образом, отмечал он, саки Жетысу проводили холодное время на стационарных зимовках⁶¹.

Эти материалы и выводы об оседлости у так называемых «ранних кочевников» Жетысу и приобщении их к занятиям земледелием в известной мере были новационными, в противовес высказанному еще в конце XIX в. мнению В.В.Бартольда, основанному исключительно на данных китайских хроник. Он писал, что «отыскивать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, каким были усунь, совершенно бесполезно»⁶².

В настоящее время наличие оседлости и земледелия у саков и усуней Жетысу общепризнано. Это стало возможным после проведения широких архео-

59 Акишев К.А. К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С.46.

60 Акишев К.А. Зимовки, поселения и жилища древних усуней // ИАН КазССР / Серия общественная. Алма-Ата, 1969. №1. С.29-47; Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней. С.69-78.

61 Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. С.84.

62 Бартольд В.В. Очерк истории Жетысу // Соч. Москва, 1963. Т.II. С.27.

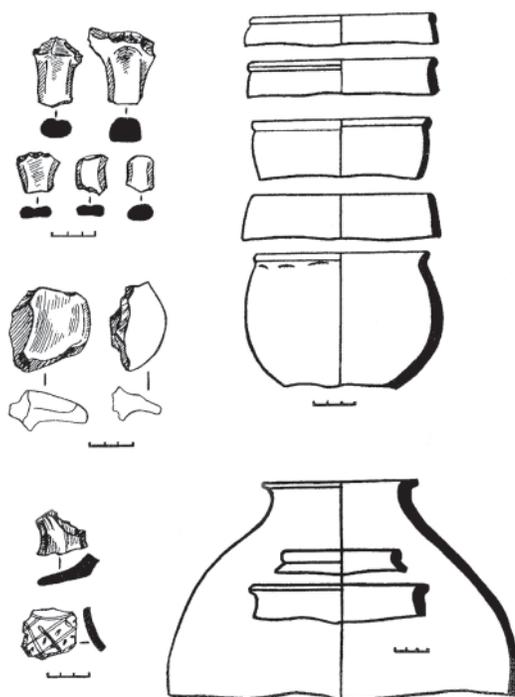

Рис. 43. Керамика поселения Сарытогай

Ширина поймы на этом участке 1,5-2 км. Основное действующее русло Чарына проходит вдоль левого берега, на котором были обнаружены сакские курганы средних размеров: высота 4-6 м, диаметр 30-40 м. С обеих сторон от основного русла реки расположена каменистая степь, поросшая саксаулом и тамариском.

На противоположной правой надпойменной террасе обнаружено поселение эпохи раннего железа. Остатки усадеб прослеживаются на поверхности в виде овальных, округлых, подквадратных возвышений, покрытых многочисленными изделиями из камня. Само поселение вытянуто с юга на север вдоль русла реки и тянется на протяжении 2-2,5 км. Это самое крупное поселение из обнаруженных в Жетысу.

Было установлено, что на некоторых участках террасы наблюдается скопление каменных орудий труда: зернотерок, мотыг, пестиков и крупных фрагментов сосудов, но почти нет мелких фрагментов керамики и костей. Объяснить это можно тем, что водой были смыты более легкие предметы, а тяжелые остались на поверхности. Поэтому раскоп был заложен на возвышенной части, в месте скопления каменных орудий труда. Как и предполагалось, здесь был обнаружен участок с культурным слоем. Был заложен небольшой раскоп размерами 2×2 м. Толщина культурного слоя на этом участке составила 20-25 см. Среди фрагментов керамики были найдены и кости животных.

В дальнейшем было установлено, что участки со скоплениями керамики и орудий труда являются остатками жилищ. Конструкции их выявить не удалось, но был собран подъемный материал, который дал предварительные сведения о хозяйстве и керамическом производстве древнего населения.

логических исследований, приведших к открытию многочисленных оседлых поселений у саков и усуней, и находок, бесспорно свидетельствующих об их земледельческих занятиях.

Охарактеризуем некоторые из них. *Поселение Сарытогай* (Чарын) расположено в 200 км к востоку от г.Алматы. Оно находится на правом берегу реки, на верхней надпойменной террасе. В настоящее время сохранилась только часть его. В течение долгого времени водные потоки со склонов невысоких гор смывали грунт и культурный слой поселения в реку

Пойма реки на этом участке представляет собой конус выноса, сложенного лёссово-песчаными наносами и прорезанного многочисленными древними протоками.

Керамика на поселении представлена многочисленными сосудами: хумами, горшками, мисками, котлами, кружками. Имеются фрагменты столовой, кухонной, хозяйственно-бытовой и специальной посуды.

Керамика различается не только по назначению, но и по качеству изготовления. Значительный процент составляют фрагменты толстостенных сосудов плохого обжига. Это фрагменты хумов, горшков, чаш, мисок. Большая часть сосудов выполнена ручной лепкой. Наряду с ними собраны фрагменты тонкостенных сосудов, покрытых ангобом. Это изготовленные вручную и подправленные на подставке миски, кувшины светло-желтого и красноватого цветов.

Котлы в основном без горловины, с венчиком, отогнутым наружу и переходящим в раздутое тулово. Диаметр устья котлов от 20 см, ручки горизонтальные, ушковидной формы или петлевидные. Горшки двух типов – с прямой горловиной, слегка отогнутой наружу, и округлым в сечении венчиком и без горловины, с овальным в сечении венчиком. Чаши с полусферическим туловом, с невысоким бортиком и утолщенным венчиком. Кувшины тонкостенные, хорошего обжига, красноватого цвета, с широкой горловиной.

Аналогичная керамика встречается на поселениях усуньского времени, в том числе на Актасты в Жетысу.

В целом керамика из поселения датируется концом I тыс. до н.э. – началом I тыс. н.э.

Поселение занимало большую площадь и намного превосходило все известные поселения в Жетысу, видимо, оно являлось административным и ремесленным центром.

Наряду с современными каналами на террасе имеются следы древней оросительной системы. Большое количество зернотерок, пестиков, курантов и каменных мотыг указывает на то, что население активно занималось земледелием.

Мотыги отличаются от аналогичных орудий предыдущих эпох. Они небольшого размера (10×7 см), тщательно обработаны с помощью шлифовки двух желобов по бокам и одного сверху. Мотыги эпохи бронзы и сакского времени не имеют желоба для крепления в верхней части. Зернотерки разных типов: узкие со следами сработанности; широкие, крупные ладьевидной формы; прямые, изготовленные из камней разных пород. Пестики встречаются небольшие, изготовленные из речной гальки, и крупные, сделанные из камней мелкозернистого песчаника⁶³.

Поселение Осербай-1 расположено на территории Алматинской области, в 3 км к юго-западу от с.Алгабас. В этом месте р.Чарын вырывается из узкого каньона и образует широкую долину длиной 5-6 км до следующего каньона. На этом участке обнаружены еще несколько поселений.

Поселение находится на верхней высокой надпойменной террасе. Некогда ровная терраса размыта водными потоками и ручьями. Один из них промыл

63 Байтаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия МОН РК, НАН РК. / Серия общественных наук. Алматы, 2001. №1. С.57-60; Кузнецова О.В. Технико-технологический анализ керамики с поселения Чарын // Известия МОН РК, НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2001. №1. С.63-66; Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. Алматы, 1996. С.73-75.

глубокий овраг и разделил поселение на две части. Часть его сползла вниз по склону, часть осталась за оврагом. На поверхности террасы и за оврагом видны 10-12 оград прямоугольной формы. На территории поселения были собраны фрагменты керамики. Жилища представляют собой конструкции квадратной и прямоугольной в плане формы из камней в 2 ряда. В центральной части обнаружена конструкция из двух рядов крупных камней, вкопанных на ребро.

В 1994 г. был заложен разведочный раскоп площадью 90 кв.м.

Жилище 1 находится в центральной части поселения Осербай. Оно представляет собой подпрямоугольной формы конструкцию, сложенную из камней крупных и средних размеров, вкопанных на ребро и уложенных плашмя. Размеры жилища 9×6,6 м, ориентировано по оси северо-запад – юго-восток. Оно состоит из двух помещений, разделенных стенкой. Размеры помещения, расположенного западнее, 4×6,6 м. Второе помещение имело размеры 5×6,6 м. Глубина раскопа – 0,5 м. После того как был снят верхний слой дерна, на глубине от 20 до 50 см была выявлена плотная каменная забутовка вдоль северо-западной стенки первого помещения. В южной части этого же помещения был найден фрагмент каменной зернотерки. В центральной части первого помещения найдены фрагменты керамики и значительное количество костей. В помещении, расположенном восточнее, на глубине от 10 до 30 см у северо-западной стенки найдены фрагменты керамики.

Зернотерка изготовлена из продолговатого окатанного камня размером 42×21 см. Рабочая часть отшлифована. Два предмета изготовлены из галечника. Это – терочки.

Керамика представлена фрагментами кувшинов, горшков, котлов, чашек. Форма восстанавливается по верхней части сосудов. У котлов и чаш венчики слегка вогнуты, у кувшинов и горшков отогнуты наружу. У котлов ручки наклеплены в виде выступов. Невысокая горловина горшков плавно переходит в раздутое тулово. Встречаются фрагменты сосудов с петлевидными ручками. Фрагменты дна округлые, со следами изготовления на матерчатом шаблоне. Керамика представлена в основном сосудами из глины хорошей отмучки с примесью песка. Поверхность сосудов тщательно заглажена. Фрагменты керамики с поселения Осербай, отчасти аналогичные керамике поселения Актас, уступают по качеству изготовления посуде из поселения на р. Чарын и могут быть отнесены к усуньскому времени.

Природные условия позволяли населению заниматься как скотоводством, так и земледелием, что наблюдается в хозяйстве населения и в наше время: широкая долина и сейчас используется для посадки картофеля и посевов ячменя, а верхние террасы – для выпаса скота⁶⁴.

Поселение Амирсай обнаружено в Центральном Тянь-Шане. Рядом с ним замечены следы разветвленной ирригационной системы – головной канал, отводы от него и поля площадью до 1000 кв. м. Хронология поселения определена в пределах первой половины I тысячелетия до н.э.⁶⁵

64 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу. С.60-61.

65 Грошев В.А. Древняя ирригация юга Казахстана. С.73-75.

Поселение Рахат. Группа поселений находится на участке протяженностью около 2 км у села Рахат, между городами Талгар и Иссык, напротив могильника Иссык, в 3 км южнее.

Поселения представляют собой спланированные естественные рельефы с выделением центральной возвышенной части в виде пирамидального холма с искусственно срезанными склонами и систему оврагов и всхолмлений, также искусственно преобразованных во рвы и валы. Последние превращают центральную часть поселения в крепость.

Центральное поселение в этой группе расположено на восточной окраине с.Рахат, на правом берегу р.Тасмурын, по которой идет дорога в ущелье Орман (Солдатская щель), где была обнаружена группа сако-усуньских поселений.

Центральная часть поселения – это трапециевидный холм, возвышающийся над уровнем первой горной террасы на 10 м и на 50 м над примыкающей с севера равнинной степью. Наверху его овальная в плане площадка размером 55×85 м. Вокруг центральной части идет овраг-ров, явно со следами искусственного подрубания склонов, и валы, где также видны следы земляных работ по превращению их в систему эффективных фортификационных сооружений. На поверхности центрального холма и на территории рядом, в том числе в ущелье р.Тасмурын, собрана коллекция керамики, среди которой обломки типично сако-усуньской посуды и фрагменты котлов, кувшинов, хумов средневековой керамики.

На поверхности центрального бугра заметны западины овальной и под-четырёхугольной в плане формы, являющиеся остатками жилищ. Шурф размерами 2×2 м, заложенный на месте одной из них, выявил культурный слой толщиной около 70 см, содержащий золу, кости и черепки сосудов.

Керамика позволяет отнести время существования поселения к длительному периоду. Первый этап жизни связан с эпохой раннего железа. Скорее всего, это были городища-убежища и своеобразные ставки сакской и усуньской знати.

В эпоху средневековья функции поселений не менялись – это были убежища⁶⁶.

В целом можно говорить о новом типе археологических памятников – укрепленных городищах-убежищах, расположенных на склонах первой горной гряды Заилийского Алатау.

Если вышеописанные поселения находились в горной зоне, то поселение *Серектас I* расположено в степной зоне, в 200 км к северо-западу от Алматы на берегу сухого русла. До раскопок на поверхности было обнаружено значительное количество фрагментов керамики и костей, виднелись выступающие камни, образующие ограды овальной и круглой формы. Всего было обнаружено шесть оград. На ограде 4 был заложен шурф размерами 1×2 м по линии север-юг, глубиной 1 м. По фрагментам фаянсовой посуды было установлено, что жилище датируется второй половиной XIX в. и является частью казахского поселения, а более древняя керамика вынесена на поверхность грызунами.

66 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу. С.62-63.

Основной раскоп был заложен на ровной поверхности без следов конструкций, в месте скопления керамики. Размеры раскопа 12×14 м.

На глубине 35-40 см обнаружена кладка жилища более раннего периода, выполненная из крупных камней, образующих два помещения овальной формы. Помещения представляют собой заглубленные в землю до 85 см от уровня дневной поверхности полуземлянки. Пол помещений был вымощен мелкими камнями. На поверхности его собрано значительное количество керамики усуньского времени. Среди фрагментов – боковины тонкостенных сосудов серого цвета без орнамента, в том числе горловины и венчики. Расположенное западнее более крупное помещение размером 7×9 м было жилым, на что указывают зольные пятна, угли и кости животных. Там же у северо-западного края раскопа найдены хорошо заточенные костяные проколки. Второе помещение размерами 5×5 м, видимо, было подсобным и имело хозяйственное назначение. В нем очагов и выкладки пола из камней не обнаружено.

Датировка поселения основана на характерной для начала I тыс. н.э. керамике.

Для уточнения датировки поселения в лаборатории парамагнитного резонанса Института ядерной физики НАН РК были сделаны анализы костных остатков на радиоуглерод, полученный результат подтвердил предварительную датировку по керамике: рубеж – IV в. н.э.

У реки и в прилегающих к руслу безводных саях обнаружено еще несколько поселений эпохи бронзы и эпохи раннего железа.

Установлено, что скотоводы степной зоны в конце I тыс. до н.э. и начале I тыс. н.э. строили свои поселения рядом с поселениями эпохи бронзы. Часто на поселениях сакского или усуньского времени устраивались более поздние жилища – стоянки⁶⁷.

Поселение Тузусай. Широкие исследования сакских и усуньских поселений были начаты в 1994 году Талгарским отрядом ЮККАЭ по совместному казахстанско-американскому проекту.

Основной целью его является изучение экономического и культурно-исторического развития комплекса обществ Талгарского микрорайона от эпохи сакков до средневековья (VII в. до н.э. – XIV в. н.э.) и затем до нового времени, до XIX – начала XX в. Приоритетом проекта было воссоздание природно-климатических условий, а также хозяйственной и культурной деятельности людей, населявших Жетысу. В задачи исследований входило выявление и обследование новых археологических объектов в Талгарском микрорайоне, проведение археологических раскопок на поселениях. Исследователи концентрировали свои усилия на интерпретации стратиграфических наблюдений, строительных остатков, анализе керамического материала и проблемах культурологии. Кроме археологических, были проведены исследования, включавшие палеоботанические анализы остатков обожженных семян и микроанализы спор и пыльцы растений; сделан обзор окружающей местности и современных растений; выполнены геоморфологические исследования остатков древней и средневековой

67 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу. С.54-57.

ирригации; осуществлены зоо-археологические исследования; получены абсолютные датировки по радиоуглеродному методу.

Основным объектом стационарных исследований было выбрано поселение Тузусай, расположенное в 24 км северо-восточнее г. Алматы. Оно расположено на левом берегу сухого лога. Ширина его по верху 15-20 м, по низу 7-10 м.

Внешних признаков на поверхности поселение не имеет.

Культурный слой прослеживается на площади 90×100 м.

Сохранившаяся часть поселения шириной 30-35 м прорезана двумя оврагами, которые тянутся с юго-востока на северо-запад параллельно кромке берега. Овраги имеют ширину от 2 до 5 м, глубину от 1,5 до 2 м.

Когда-то к южному краю поселения примыкал могильник из 11 курганов, расположенных по линии ЮВ – СЗ. Курганы имели насыпи с каменными кольцами по основанию. Размеры курганов варьировали в диаметре от 12 до 40 м, по высоте – от 1 до 4 м. В 1980-1981 гг. курганный могильник был уничтожен при сельскохозяйственном освоении территории. Остатки двух курганов удалось исследовать археологу Б.Н.Нурмуханбетову. В больших грунтовых прямоугольных могилах, стенки которых имели обкладку из еловых жердей, были найдены мелкие костяные цилиндрические бусы и несколько золотых нашивных бляшек – гладких ромбической формы, квадратных с гофрированным орнаментом, а также фигурных в виде рога архара. Находки датируются IV-III вв. до н. э.

В 1992-1993 гг. на поселении были заложены два раскопа общей площадью 216 кв.м. Раскопки показали, что поселение Тузусай имеет культурный слой толщиной 0,5-1,1 м, который включает обломки керамики, кости животных, угольки. Находки залегали в четырех горизонтах, соответствующих периодам обживания поселения. Раскопками вскрыты участки поселения без жилищ и других строительных конструкций. Поселение было датировано IV-II вв. до н.э.⁶⁸

В 1994-1996 гг. раскопки поселения были продолжены. Получены новые данные о стратиграфии и планировке поселения. На раскопе площадью 76 кв. м были вскрыты остатки строительных конструкций, собраны коллекции керамики и изделий из камня, обнаружено 7 хозяйственных ям. Были проведены специальные палеоботанические, фитолитические, зооархеологические, геоморфологические и почвенные исследования⁶⁹.

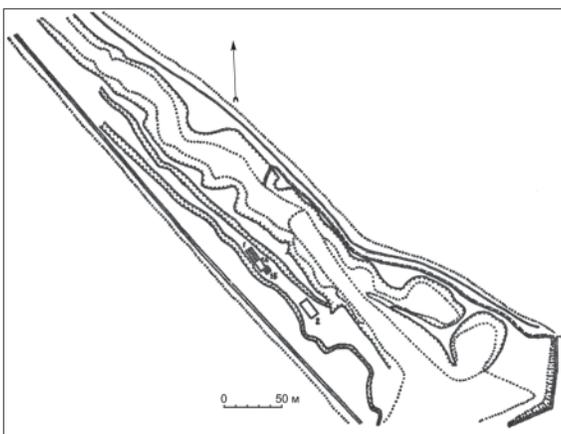

Рис. 44. Поселение Тузусай. План

68 Григорьев Ф.П. Позднесакское поселение Тузусай // Ата Мура. Шымкент, 1995. С.81-85.

69 Chang C., Savelieva T., Baipakov K. Result of the 1994 joint Kazakhstan-American Talgar project // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алма-Ата, 1995. №4. С.6-16.

*Рис. 45. Поселение Тузусай.
Фрагменты кувшина*

Первый слой поселения (0-20 см) был слабо насыщен культурными остатками. Только в отдельных квадратах на глубине 10-18 см встречены фрагменты керамики, в том числе толстостенная посуда типа хумчи и котлов, ручка сосуда, венчик сосуда. При снятии первого-второго слоев обнаружено скопление гранитных окатанных валунов. К этому же уровню принадлежат и две зернотерки.

При разборке бровки найден обломок зернотерки на глубине 28 см. Размеры ее: ширина – 15 см, толщина – 7-8 см, сохранившаяся длина – 18 см.

В северной части раскопа на глубине около 30 см расчищен очаг округлой формы диаметром 44 см.

На месте очага золистая линза толщиной до 4 см. В золистом слое найдены кусочки шлака. В качестве топлива использовались деревья, найдены остатки зерен проса.

Четкий горизонт был зафиксирован на глубине 28-34 см. Находки из второго слоя располагались по всей площади раскопа. Среди находок следует отметить фрагмент медного изделия сферической формы, кусочки шлака. Здесь же найден большой сосуд типа хумчи диаметр тулова 40 см, высота – 70 см. Он находился на глубине 35 см. Палеоботанические анализы проб земли из сосуда показывают наличие пшеницы и не определенных хлебных злаков.

Находки из 3-го слоя располагались равномерно. Наибольшая концентрация отмечается в юго-западной части раскопа на глубине 42-50 см.

Найдены две зернотерки в северо-западном углу, под зернотерками на глубине 60-63 см находились два больших фрагмента котла, обломки котла найдены и в восточной бровке на глубине 60 и 63 см. Среди находок – фрагменты керамики, кости животных, каменный оселок. Кроме того, расчищено десять больших подпрямоугольных ям.

Хронология поселения Тузусай по радиоуглеродной датировке определена в рамках V-IV вв. до н.э. – серединой I в. н.э.

Палеоботанические пробы были взяты из заполнений ям, очагов и сосуда. Семена и древесный уголь были извлечены методом флотации и затем изучались в лаборатории Пенсильванского университета. Большую часть анализируемого зерна составляла пшеница, меньшую – ячмень и просо. Известно, что пшеница используется в пищу, тогда как ячмень – для фуражного корма домашних стадных животных. Соотношение пшеницы, ячменя и проса наводит на мысль, что в Тузусае существовала система получения двойного урожая:

сначала, до наступления жаркого лета выращивали пшеницу и ячмень, тогда как просо собиралось уже с орошаемых полей в конце лета. Получены данные по сельскохозяйственным культурам: пшеница – 69%, просо – 44%, ячмень – 35%, виноград – 8%, ореховая скорлупа – 8%.

Споро-пыльцевые анализы проб почвы из Тузусая дали интересные результаты. Как известно, споро-пыльцевые анализы проб могут быть выявлены для микроскопических одноклеточных и многоклеточных растительных образований, возможных для идентификации растений, которые, в свою очередь, свидетельствуют о природно-климатических условиях в изучаемый период. 17 проб было проанализировано, из них 6 показывают преобладание одноклеточных вариаций травы, возможно, дикие некультурные травы, собранные в окрестностях стоянки. Многоклеточные остатки представляют доминирование пшеницы. Этот вывод основан на процентном содержании обожженных семян, выделенных из проб после флотации.

Наиболее интересные данные получены о наличии остатков риса и рисовой шелухи. Обнаружен сорняк, который найден среди остатков рисовых колосьев. Если рис выращивался в Тузусае, то ясно, что необходима была система ирригации. Исследования А.М.Розен несколько противоречат находкам Н.Ф.Миллер, сделанным в течение трех полевых сезонов. Так, А.М.Розен говорит о рисовых колосьях и остатках, о нескольких ячменных фитолитах, тогда как Н.Ф.Миллер сообщает о 35% ячменя в сборе зерновых.

Эти различия объясняются двумя причинами: малые размеры проб, отчего возможны колебания в данных, и различная сохранность растительных материалов, зависящих от технологии, используемой для палеоботанической идентификации. В итоге получены результаты: первый свидетельствует о том, что пшеница преобладала, и второй – что просо и ячмень были вторичными культурами.

Обе культуры относятся, видимо, к существовавшим двум системам – богарной и орошаемой, использовавшимися в Тузусае. Результаты палеоботанических исследований дают основание полагать, что жители Тузусая занимались скотоводством на степных равнинах вокруг Тузусая, и орошаемым земледелием, связанным с возделыванием пшеницы и ячменя ранней весной и летом и, возможно, риса в жаркое летнее время.

Зооархеологические материалы, полученные при раскопках поселения, насчитывали 3845 костей, из которых: 20% имели генные характеристики. Коллекция включает: 49% – кости овцы, 31% – коровы, 13% – лошади, 2% – собаки. Получены новые данные, позволяющие определить время забоя скота по остаткам зубного камня между зубами и деснами овец. После восьми проб удалось установить, что овцы были забиты в летний период. Это может показывать, что пастухи с отарами бывали здесь поздним летом (рано спускались с летних пастбищ). По предварительному заключению, жители Тузусая вели, в основном, пастбищное скотоводство, по крайней мере, на сезонной основе. Стада овец, крупного рогатого скота и лошадей, видимо, пасущихся в степи в течение поздней весны и раннего лета, затем уходили на летние пастбища и возвращались обратно к зиме на пастбища в степи.

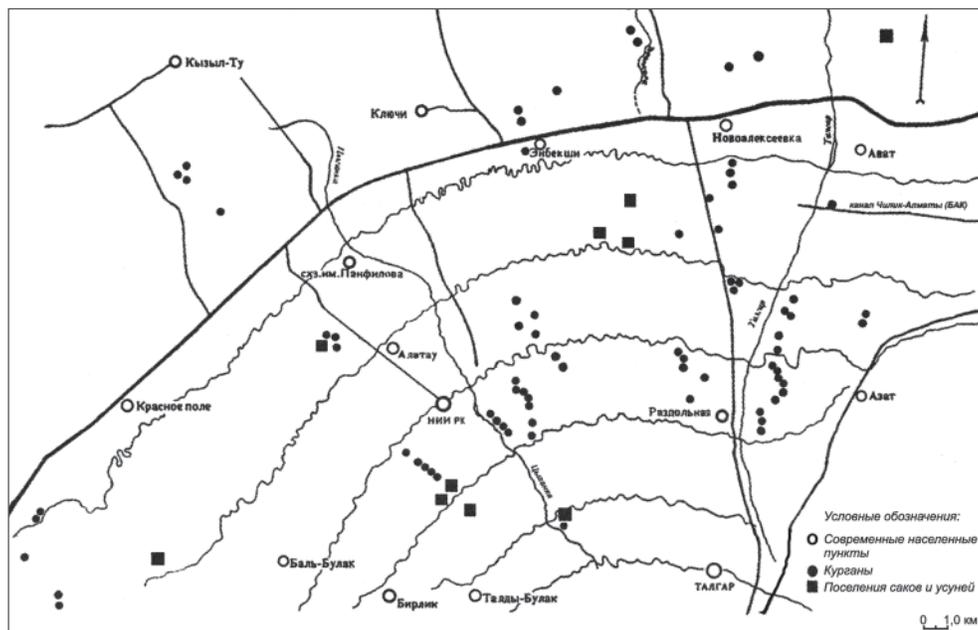

Рис. 46. Карта-схема поселений сако-усуньского времени в Талгарском микрорайоне

Геоморфологические исследования в Тузусае проводились доктором Б.Кок. Были отобраны семь проб почвы из восточного профиля ямы 24В, восемь проб из южного профиля ямы 27А и одиннадцать проб с западного профиля ямы 8. Почвенные пробы проанализированы химическим путем, а также с помощью микрогранулирования на предмет процентного содержания глины, ила, песка, что необходимо для воссоздания местных климатических условий в Тузусае в железный век. К тому же доктор Б.Кок взяла две пробы нетронутых строительных материалов (видимо, кирпичей из самана) на исследование радиацией для выявления структурных свойств данных строительных материалов. Кроме того, взяты пробы почвы в окрестностях Тузусая для проверки гипотезы о том, что жители Тузусая практиковали орошаемое земледелие⁷⁰.

Еще одним пунктом исследования по Талгарскому проекту стали работы по обследованию археологических объектов урочища «Солдатская щель» («Орман») в 7 км восточнее г.Талгара. Урочище представляет собой долину, расположенную на высоте 1300-1600 м над уровнем моря. Она окаймлена с юга, востока и севера грядями отрогов Заилийского Алатау и прорезана многочисленными горными речками. В раннем железном веке здесь, по-видимому, находился один из центров сакской культуры, о чем свидетельствуют находки из Бесагашского клада⁷¹.

В результате полевых исследований были выявлены и картографированы единичные находки керамики юго-западной части долины, а также открыты новые сакские поселения – Орман 1, 2.

70 Байпаков К.М., Чанг К. Новые данные о хозяйстве саков и усуней Жетысу // Евразийское общество. Экономика. Политика. Безопасность. Алматы, 1997. С.53-68.

71 Байпаков К.М., Исмагил Р.Б. Бесагашский клад бронзовой посуды из Жетысу // Известия МОН РК / Серия общественных наук. Алматы, 1996. №2. С.41-51.

Поселение Орман 1 расположено в южной части долины с.Орман. В настоящее время полностью распахано. Судя по площади выходов культурного слоя, оно имело размеры не менее 4000 кв. м и располагалось по берегам ныне сухого лога. Наибольшая концентрация фрагментов керамики фиксируется в центральной правобережной части поселения. Здесь было заложено пять стратиграфических шурфов размером 1×2 м для выяснения мощности культурного слоя и характеристики геоморфологического состояния района. Установлено, что верхние слои поселения до 25-30 см разрушены, причем в некоторых местах (шурф) это составляет всю мощность культурного слоя. В шурфах 2 и 3 фрагменты керамики встречались на глубине 40-60 см. Подъемный материал – керамика, зернотерки, каменный пест, керамика – датируется временем раннего железного века.

Сухой лог, прорезающий поселение Орман в северном направлении шириной 3-4 м и глубиной около 2-х м, интерпретирован профессором Б.Кок как ирригационный канал.

На топографической карте «Солдатской щели» фиксируются еще несколько таких каналов, питаемых водой горных рек. Установить время функционирования каналов пока точно невозможно. Видимо, они относятся к периоду средневековья, но могли функционировать и в раннем железном веке.

Поселение Орман 2 расположено в 1 км западнее Орман 1. На поселении заложен один шурф. Собрана керамика, аналогичная поселению Орман 1, зернотерки. Установлено, что территория поселения Орман 2 была подвергнута интенсивным сельскохозяйственным работам, верхние слои поселения распаханы до глубины 60 см, что фактически разрушило памятник.

Исследовалось также *поселение Цыганка 8*, расположенное на юго-восточном берегу р.Цыганки, на южной окраине пос. им. Панфилова в 20 км восточнее г. Алматы. Поселение состоит из землянок и ям-хранилищ. Оно простирается полосой длиной 100 м вдоль восточного берега реки. Особый интерес представляет хронология поселения, основанная на результатах пяти радиоуглеродных анализов, которые были получены в США в лаборатории аналитической компании «Бета Корал Гейблс» во Флориде (Beta Analytic Company of Coral Gables, Florida). Они определяют время существования Цыганки 8 от 2390 +/-70 ВР до 2130 +/- 40 ВР (с 95% вероятности) от даты 775 до 370 гг. до н.э. и от 350-300 до 220-50 гг. до н.э. Хотя керамический комплекс поселения аналогичен Тузусайскому, который датируется между 400 г. до н.э. и 100 г. н.э., Цыганка 8 существовала в более ранний период.

Как известно, ранний этап сакской культуры Жетысу определяется на основании комплексов случайно найденных предметов конского снаряжения из Биже: удила, псалии, зооморфные навершия, распределители ремней, а также кинжала из Текели и датируется VIII – началом VII в. до н.э.⁷²

Казавшаяся слишком ранней датировка кладов теперь подтверждается данными радиоуглеродных анализов. Эти результаты имеют исключительно важное значение для понимания динамики развития сакской культуры в реги-

72 Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема археологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.38-63.

оне и ее хозяйственно-экономической характеристики, основанной на земледельческо-скотоводческой базе.

При раскопках выявлены жилища-землянки.

Землянка 1 в значительной части была разрушена р.Цыганкой, сохранилась лишь небольшая часть ее, размерами 1,32×2,2 м. Глубина землянки – 35 см. Это жилище относится к позднему периоду обживания поселения. С ним связана яма-хранилище диаметром 70 см и глубиной 60 см.

Землянка 2 округлая в плане, диаметром примерно 4,2 м. Глубина ее до пола составила 70-100 см. Пол был обмазан глиной.

Землянка 3 – это прямоугольное в плане жилище, ориентированное длинной стороной по линии север – юг размером 6×2,8-3,7 м. Полы находились на глубине 60 и 100 см. Прослежено три уровня полов. В самом верхнем расчищены две ямки диаметром 30-40 см и глубиной 70-88 см, по верху обложенные камнем. На дне ямок находились шлифованные камни, служившие базами для вертикальных столбов-опор, на которые опиралась плоская кровля жилища. Нижние полы 2 и 1 находятся на глубине 1,4-1,9 м и по ним размеры жилища были больше, его длина составляла 6,6 м, а ширина – 3,2 м. В северной части землянки прослежен коридор длиной 86 см и шириной 60 см. Сохранившаяся высота стен коридора 60-70 см. На нижних полах также расчищены две ямки от опорных столбов. Ямки диаметром 35-40 см, глубина 50-60 см. Базами их также служили камни в основании ямок, как и на верхних полах, ямки обложены камнем.

Землянка 3 состояла из двух помещений.

Землянка 4 расположена южнее землянки 3. Она имеет овальную в плане форму диаметром 3-3,6 м. Пол ее находился на глубине 28-32 см. В центре на полу расчищена ямка от опорного столба диаметром 40 см и глубиной 30-35 см.

Радиоуглеродные анализы образцов, взятых из раскопанных объектов, дали следующую картину жизни поселения:

1. Землянка 3. Зольные залежи между полами 3а и 3б ниже на 110 см от настоящей грунтовой поверхности: 290+/-70 ВР (775 - 370 гг. до н.э.).
2. Яма-хранилище I. 1-98, уровень 8, на глубине 310-330 см: 2300+/-80 ВР (740 до 710-535 гг. до н.э.).
3. Яма-хранилище 13, дно на 250 см ниже настоящей дневной поверхности: 2130+/-40 ВР-АМЗ (350-300 гг. до н.э.).
4. Землянка 2, пол на 120 см ниже дневной поверхности: 2130+А40 ВР -АМЗ (385-100 гг. до н.э.).
5. Квадрат Б-10, на 50 см ниже настоящей дневной поверхности: 2190+/- 80 ВР (400-40 гг. до н.э.).

Таким образом, Цыганка 8 существовала длительное время – от эпохи ранних саков до усуньского периода. Биоморфологические анализы – 29 образцов с Цыганки 8 были выполнены А.Гольевой из Института географии Российской Академии Наук.

Обнаружено небольшое количество фитолитов из землянки 3 над полом 2, которые определены как ячмень. Также в землянке 3 (образец 23) были най-

дены признаки пшеничной шелухи, а на глубине 135 см (образец 2) – следы циновки, сделанной из камыша и других растений.

В яме 13 на глубине 98-103 см были обнаружены признаки пыльцы цветущих растений – показатель того, что в летнее время поселение функционировало.

Доктор Н.Беннеки из Германского института археологии исследовал коллекцию костей (кухонные остатки) из поселения Цыганка 8. Результаты показали состав стада: овцы и козы – 46%, крупный рогатый скот – 16%, лошади – 3%. Редкие домашние виды включают две верблюжьи кости, две кости осла и 6 – собаки. Дикие животные представлены костными остатками оленя и зайца⁷³. Таким образом, раскопки поселения Цыганка 8, а ранее поселения Тузусай, а также разведки, выявившие в Талгарском районе свыше 20 поселений сако-усуньского времени, свидетельствуют о плотной заселенности района оседлым населением, обитавшим в стационарных жилищах. Основным занятием населения было земледелие с выращиванием пшеницы, ячменя, проса с использованием богарного и искусственного орошения, а также придомного и отгонного скотоводства на летних пастбищах в горах (жайляу). На поселении Тузусай были обнаружены наземные дома, а в поселении Цыганка 8 – землянки двух типов – подпрямоугольные и овальные. Как установили исследования, они были стационарными и население обитало здесь круглогодично.

Одним из центров оседлости саков и усуней была территория «Большой Алматы» в пределах современных границ города.

Здесь обнаружены и исследованы несколько поселений и одно святилище.

Поселение Бутакты находилось на склоне горы Коктобе, в районе телевышки. Стоянка раннего железного века была устроена над котлованом жилища эпохи бронзы и фиксируется по остаткам хозяйственных ям и каменных выкладок, а также многочисленным фрагментам керамики и обломкам костей животных.

При раскопках стоянки наиболее значительный вещевой материал в виде скопления керамики зафиксирован северо-восточней и юго-западней стоянки в двух крупных хозяйственных ямах глубиной до 50 см. Также в северной части обнаружена каменная выкладка округлой формы из мелких камней. Диаметр выкладки 60 см. При зачистке внутри выкладки были найдены фрагменты костей мелкого рогатого скота и керамики. На том же уровне в западной части и юго-восточном углу обнаружены курант зернотерки и зернотерка крупных размеров, а также фрагмент крупной зернотерки. Среди многочисленных фрагментов каменных изделий в верхних слоях раскопа встречаются каменные зернотерки и их куранты, каменные ложила, терочки, крышки. Также встречаются костяные изделия – астрагалы и амулеты из отростков рога марала и клыка хищного животного.

Среди керамики, обнаруженной в слое стоянки, фрагменты кувшинов, шаровидных сосудов с налепными ручками, крупных хумообразных и горшко-

73 Chang C., Tourtellotte P., Baipakov K.M., Grigoriev F.P. The evolution of steppe communities from to bronze age though medieval period in south eastern Kazakhstan (Zhetysu) (The Kazakh-American Talgar project 1994-2001). Sweet Briar-Almaty, 2002.

видных сосудов, а также мисок различных размеров. Встречаются отдельные фрагменты станковой керамики (некоторые орнаментированы волнообразными линиями по стенкам сосудов), соотносимой со среднеазиатскими образцами того же времени. Наиболее значительной находкой является крупный керамический сосуд – лепной, широкогорлый, круглодонный, котловидной формы с налепными ручками. Его нахождение за пределами самого жилища среди развала каменной конструкции и размеры (60 см высотой и 50 см диаметром) позволяют предположить использование сосуда в качестве печи для приготовления пищи. Среди остеологического материала преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, реже встречаются кости лошади⁷⁴.

Наиболее близкие аналогии керамике стоянки обнаружены на комплексе Тургень II и поселении Осербай⁷⁵. Близость керамических комплексов материалам памятников сакского времени долины реки Или⁷⁶ горной зоны Заилийского Алатау⁷⁷ позволяет датировать этот слой второй половиной I тысячелетия до н.э.

В 1984 г. открыто и частично исследовано *поселение Нурлытау*, датированное IV в. до н.э. – III в. н.э., расположенное на возвышенности к югу от студийного комплекса Казахского телевидения в центре г.Алматы. При раскопках найдены зернотерки, терочники, керамическая посуда, пряслица, кости животных. В нижнем слое памятника обнаружены очаги. Основным занятием жителей было скотоводство (разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, верблюдов) и земледелие. Для охраны стада животных использовались собаки. О занятии земледелием свидетельствует большое количество найденных зернотерок⁷⁸.

Поселение Боролдай 1. Поселение расположено на правой надпойменной террасе русла реки Теренкара и представляет собой участок с размерами сторон: северной – 112 м, южной – 280 м, восточной – 600 м, западной – 600 м. Собран подъемный керамический материал, в том числе фрагменты тулова толстостенного (16 мм) сосуда, обжиг черепка темно-коричневого цвета.

Поселение предварительно датируется ранним железным веком – средневековьем.

Боролдай 2. Поселение расположено на юго-западной окраине возвышенности, на которой локализуется могильник Боролдай. После изучения микротопографии местности оказалось, что поселение расположено на песчаной дюне, с западной стороны граничащей с прудом. Ранее на этом месте рас-

74 Малахов Д.В. Определение остеологических материалов археологического комплекса Бутакты-1 // Отчет об археологических разведках и раскопках экспедиции КазПИ им.Абая в полевом сезоне 1994 г. Архив Института археологии им. А.Х.Маргулана.

75 Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках экспедиции КазПИ им. Абая в полевом сезоне 1993 г. Архив Института археологии им.А.Х.Маргулана. Алма-Ата, 1994; Марьяшев А.Н., Горячев А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках экспедиции КазПИ им. Абая в полевом сезоне 1998 г. Архив Института археологии им.А.Х.Маргулана МОН РК. Алма-Ата, 1999. С.200-204.

76 Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Табл.ХI.

77 Горячев А.А. Отчет об археологических разведках и раскопках САЭ в полевых сезонах 2000-2003 гг. Архив Института археологии им.А.Х.Маргулана МОН РК. Алма-Ата, 2001-2004 гг.

78 Григорьев Ф.П. Древняя история Алматы // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. Алматы, 1998. С.262.

полагались нескольких небольших озер, а с восточной стороны его границы очерчивал некогда существовавший ручей, русло которого весной наполняется паводковыми водами.

Территория поселения интенсивно застраивается, здесь был собран подъемный материал и зафиксированы следы землянок. Находки располагаются на разной глубине от 30 до 86 см. Это керамический и остеологический материал, железные шлаки и фрагмент чугунного котла. Керамика представлена фрагментами котлов из теста с примесью дробленого кварца. Также фрагмент венчика сосуда светло-коричневого обжига, лепленного вручную, на тулове ближе ко дну видны следы копоты.

Поселение датировано сако-усуньским временем.

Поселение Есентай расположено на плато междуречья Есентай, на высоте 1080 м над уровнем моря. Ранее на плато располагался яблоневый сад. В данное время большая часть памятника засыпана строительным мусором, что безвозвратно изменили первоначальный культурный ландшафт. Раскопки были возможны лишь на периферийных участках памятника.

Раскоп 1 размером 10×10 м был заложен в южной части плато, не занятой мусором, ближе к склону. Верхний дерновый слой темно-серого цвета, очень плотный, отслаивается большими комьями, слой прослежен на глубину до 0,5 м. В слое найдены многочисленные фрагменты неполивной посуды: венчики, донца, ручки горшков и чаш, но в основном боковинами. Наряду со средневековой керамикой в слое присутствует керамика, относящаяся к эпохе усуней.

Под дерновым слоем выявлен слой затвердевших оплывов глиняных конструкций. На этом уровне расчищены нижние части двух ладьевидных зернотерок, жертвенник и детское захоронение. Первая зернотерка обнаружена на глубине 40 см в 4 м от юго-западного края раскопа. Она имела вогнутую, хорошо отшлифованную рабочую поверхность треугольной формы с закругленными углами. Размеры сторон зернотерки 46×42×30 см. Рядом с зернотеркой найдены черепки трех сосудов: двух горшков и хума. Вторая зернотерка обнаружена у юго-восточной бровки, в 2,6 м от южного угла раскопа, на глубине 0,5 м. Вогнутая рабочая поверхность хорошо отшлифовалась. Размер сохранившейся части 30×30 см, толщина 11 см. У северо-восточной бровки на глубине 0,5 м был обнаружен жертвенник. Представляет собой камень неправильной формы, без следов обработки. Поставлен уплощенной поверхностью вверх, заостренный выступ на краю обращен на восток. Спереди и по бокам жертвенник обложен восемью булыжниками разной величины и формы.

Расположение вышеописанных вещей указывает на то, что это уровень полов жилищ. Расчищены остатки стен, сложенные из сырцовых кирпичей. Направление стен помещений – с севера на юг и с запада на восток.

Святылище на р. Малая Алматинка. Среди памятников, характеризующих культуру Жетысу, выделяется группа изделий художественной бронзы сако-усуньского времени – столы, светильники и котлы. Часто это случайные находки, что заметно снижает информативность.

Находка бронзового светильника с фигурками всадников и быков происходит из разрушенного древнего сооружения в левобережной части р.Малая

Алма-Атинка, представляющего собой круглую площадку, углубленную на 0,4 м общей площадью около 130 кв. м. В основании ее находилась глиняная платформа с остатками кострища и многочисленных костей домашних животных, среди которых были найдены фрагменты керамики, камни для растирания красок, каменная литейная форма. Керамика больше всего напоминает керамику античного времени из поселений и могильников Северной Бактрии.

Анализ керамики позволяет отнести ее к эпохе саков и усуней⁷⁹.

Городище Алматы (Алмарасан) находится в юго-западной части современного города, где до сих пор сохранились сады и поля.

В настоящее время территория городища находится в зоне активного сельскохозяйственного освоения: часть площади занята посевами зерновых и кукурузы, остальная – фруктовым садом.

По предполагаемому периметру границ городища было заложено 7 стратиграфических шурфов, один из них был расширен впоследствии до раскопа. Все шурфы доведены до материкового слоя.

Раскоп в восточной стороне дал наиболее яркие материалы. В заполнении культурного слоя при расчистке были собраны фрагменты керамики и выявлены остатки строительных конструкций.

Зафиксировать общую планировку по остаткам строительных конструкций верхнего строительного горизонта не удалось. Отдельные фрагменты стен, развалы суф, зольные пятна у очагов для приготовления пищи, раздавленные сосуды свидетельствуют о наличии здесь жилых помещений. Была собрана коллекция неполивной посуды кухонного, столового и хозяйственного назначения, зернотерки ручные, каменный пест, два напярсла – керамическое и каменное, каменные бруски-точилки. Собрано несколько кусочков бронзовых шлаков и литейная формочка. Найдена одна стертая монетка.

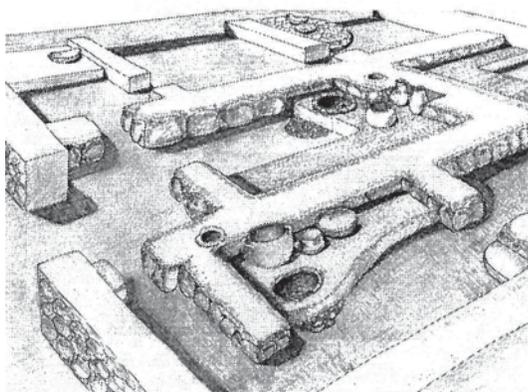

Рис. 47. Поселение Алмарасан. Участок раскопа

Особый интерес вызывает серьга в виде знака вопроса, изготовленная из медной, круглой в сечении, проволоки. Такие серьги часто встречаются в кочевнических погребениях и на городищах. Относятся они в своем большинстве к XII-XIV вв. и обычно связываются исследователями с кыпчаками.

Верхний строительный горизонт по керамической посуде датируется периодом развитого средневековья концом X – началом XIII в.

Для продолжения исследований раскоп увеличили к северу и востоку до площади 220 кв. м (11,5×19,5 м). На прирезанной территории раскоп был углублен.

⁷⁹ *Кадырбаев М.К.* Бронзовый светильник из Алма-Аты // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Ленинград, 1983. Вып. I. С.38-40.

*Рис. 48. Поселение Алмарасан.
Кувшин, керамика*

Второй (нижний) строительный горизонт имел лучшую сохранность. При расчистке заполнений были выявлены стены помещений, разрушенные суфы, раздавленные крупные сосуды (хумы). Уровень пола ровный, гладкий с толстой глиняной обмазкой желтого цвета.

Фундаменты стен сложены из речной гальки, положенной на глиняный раствор. Суфы возводились из подручных материалов: комков глины, кусков сырцового кирпича, бытового мусора. В заполнении суф встречены фрагменты керамической посуды, в большом количестве кости домашних животных – кухонные остатки, мелкая галька. Все это скреплено раствором глины, таким же раствором обмазывалась неоднократно поверхность суфы и пол помещения.

В ходе археологических работ на поселении была собрана большая коллекция керамической посуды, изучение которой по функциональному назначению позволило выделить хозяйственно-бытовую, кухонную и столовую.

Основную массу керамической коллекции составили фрагменты крупных хозяйственных сосудов – хумов, которые имели горловину в виде раструба, переходящую в раздутое в верхней части тулово. Целых сосудов не сохранилось, но, судя по фрагментам, тулово их было овально-вытянутой формы, а дно толстое, слегка уплощенное. Сосуды больших размеров – хумы и хумчи использовались для хранения зерна и муки.

К керамике хозяйственно-бытового назначения относились и тагора (тазики) с прямыми высокими стенками, немного закругляющимися в донной части. Верхняя плоскость венчика украшалась косыми насечками. К группе хозяйственно-бытовой посуды относятся и водоносные кувшины с высокой, достаточно широкой горловиной раструбом в верхней части. Вертикальная уплощенная ручка одним концом крепилась непосредственно к венчику или под венчиком, другим – к тулову. Тулово кувшинов было шарообразной формы, слегка вытянуто в нижней части.

Еще одна группа сосудов, представленная многочисленными находками, это кухонная посуда – котлы и горшкообразные сосуды. По найденным фрагментам удалось восстановить форму и размеры некоторых котлов. Большинство имеют шарообразное тулово и непрофилированный округлый в сечении венчик. Ручки горизонтальные, петлеобразные крепились в верхней части тулова. Имеются также дугообразные ручки, крепящиеся к тулову по всей длине дуги, и украшенные короткими прямыми насечками.

Чаши и горшкообразные сосуды, представленные многочисленными фрагментами, являются столовой посудой. Чаши различались по форме венчика,

диаметру и высоте стенок. Столовые горшочки также отличаются по форме и размерам. Выделяются изящные тонкостенные горшочки с плечиком в виде «уступчика» и уплощенным дном.

Керамика с поселения Алматы (Алмарасан) схожа по формам с керамикой поселений Тузусай, Есентай, Талдыбулак в окрестностях Алматы.

Среди оригинальных форм, пока не встреченных на других поселениях, можно выделить хозяйственно-бытовые сосуды – тагора (тазики).

Нижний строительный горизонт относится к усуньскому периоду и датируется III в. до н.э. – III в. н.э.⁸⁰

В целом по результатам раскопок выделяются два периода обживания городища: усуньский – III в. до н.э. – III в. н.э. и средневековый – X – начало XIII в. – важный период урбанизации на территории Алматы⁸¹.

Результаты раскопок свидетельствуют о том, что экономика саков и усуней Жетысу базировалась на скотоводстве разных типов – пастбищного, отгонного, кочевого, а также на развитом земледелии – богарном и орошаемом.

Среди многочисленных поселений раннего железного века были зимовки-поселения, стационарные поселения, крупные поселения с развитым ремеслом. Например, таким было поселение Сарытогай (Чарын) в долине р.Чарын, которое, является остатками поселения городского типа, выполнявшего функции административного, ремесленного и торгового центра.

Такое положение, основанное в значительной мере на новых археологических материалах, является важным аргументом в вопросе о существовании государства у кочевников.

Были ли это союзы племен, объединения с зачатками государственности, либо полнокровные государства? Ряду исследователей развитие кочевых обществ представляется непрерывным поступательным движением от первобытности к средневековью, от первобытнообщинного строя к феодальным отношениям.

В то же время, по мнению некоторых ученых, по основным социально-экономическим структурам и тенденции общественного развития древние, средневековые кочевники и кочевники нового времени были близки⁸².

Ряд ученых рассматривает, однако, общества ранних кочевников I тыс. до н.э. как догосударственные, а средневековых кочевников как государственные⁸³. Есть также мнение, что у саков и усуней было государство⁸⁴.

80 *Савельева Т.В.* Новая страница в древней истории Алматы // Казахстан и Евразия сквозь века. Алматы, 2010. С.137-140.

81 *Савельева Т.В.* Новая страница в древней истории Алматы // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст г.Алматы / Материалы научно-практической конференции. Алматы, 2011. С.47-51; *Кузнецова О.В.* Керамика поселения Алмарасан // Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возникновение, развитие и возраст Алматы / Материалы научно-практической конференции. Алматы, 2011. С.52-59.

82 *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Москва, 1975. С.265.

83 *Лащук Л.П.* Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // Советская этнография. Москва, 1967. №4. С.25-27; *Златкин И.Я.* Концепция истории кочевых народов: А.Тойнби и историческая действительность // Современная историография стран зарубежного Востока. Москва, 1971. С.172-175.

84 *Акишев К.А.* Экономика и общественный строй Южного Казахстана и Северной Киргизии в эпоху саков и усуней (V в. до н.э. – V в. н.э.).

Другие исследователи отказывают в наличии государства у кочевников. Они рассматривают кочевников как «союзы племен», носивших временный характер и не имевших государственности⁸⁵.

Это и понятно, поскольку вышеназванные народы характеризуются как кочевые, а термин «кочевничество» определяется как такой тип экономики, при котором основным производящим хозяйством является экстенсивное скотоводство с круглогодичным выпасом скота и кочевание со стадами большей (или даже подавляющей) части населения. А вопрос о государственности у кочевников тесно связан с определением их социально-экономической организации на разных этапах их исторического развития.

Однако ясно, что историю кочевников Евразийских степей нельзя рассматривать изолированно, вне исторического процесса. Ее следует рассматривать только во взаимодействии с историей оседло-земледельческих и городских культур. Важное значение для понимания взаимоотношений кочевников и земледельцев, имеет установленный факт, что «чистые кочевники» являлись редким исключением, элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое хозяйство в рамках единой этнической общности⁸⁶. Граница между земледельцами и скотоводами была размытой, и в массе последних всегда имелись потенциальные группы оседлого населения, которые при определенных условиях и стечении обстоятельств переходили на оседлый образ жизни.

С.А.Плетнева, рассмотрев становление кочевых обществ в динамике, определила разные стадии их развития, характеризующиеся переходом от кочевий к городам, от племенных объединений к государствам. Причем, эти процессы не зависели от хронологии, территории и этноса, а детерминировались созданием земледельческой и скотоводческой базы: социальным делением общества; возникновением ремесла и торговли сложением этнических общностей; созданием сильного административного аппарата; распространением единой идеологии, единых культов и религий, эпоса, письменности⁸⁷.

Развернувшийся в последние годы процесс обновления и совершенствования концептуальных основ анализа исторического процесса, формирования качественно новой теории типологизации общественных систем создает принципиально новые возможности для преодоления разнобоя в оценке кочевых обществ. На первый план в настоящее время выходит цивилизационный подход, который предлагает рассматривать вопросы о кочевой цивилизации и о государственности у кочевников в тесной взаимосвязи.

Выделяется десять признаков древнеземледельческой цивилизации, среди которых, как правило, присутствуют государство и город⁸⁸. А.И.Мартынов предложил дефиницию степной цивилизации, но и здесь в качестве основных

85 *Моисеев В.А.* К вопросу о государстве у казахов накануне и в начальный период присоединения Казахстана к России // Восток. 1995. №4. С.25-26; *Массон В.М.* Первые цивилизации. Ленинград, 1989. С.5-12.

86 *Руденко С.И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по отделению этнографии. Ленинград, 1961. Ч.1. С.5-6, 12.

87 *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Москва, 1982.

88 *Массон В.М.* Первые цивилизации. С.5-12.

признаков присутствуют государственность, монументальная архитектура, поселения, письменность⁸⁹.

Таким образом, можно предположить, что первостепенную важность в вопросах определения государственности играют города, их роль в структуре общества, в его хозяйстве и культуре.

Новые данные, свидетельствующие об оседлой жизни саков и усуней, подтверждают тезис о наличии у них государственности.

Перемещение Великого Шелкового пути на территорию Южного Казахстана и Жетысу к ставкам кочевой знати стимулировало развитие городов, вскоре ставших центрами политической, экономической и культурной жизни. В рамках этих государств были интегрированы город и степь.

Государство Кангюй и кангюйская проблема поселения и города

Одна из наиболее сложных проблем древней истории и археологии Казахстана – «Кангюйская» связана с общей проблематикой исследований, посвященных эпохе «Великого переселения народов»⁹⁰.

Среди круга вопросов этой проблемы, которые остаются дискуссионными, следует назвать вопрос о локализации Кангюя, описанный в китайских источниках, и сопоставление его с названной в Авесте Кангхой, а в Шахнаме – Кангу Тарбаном, что зафиксировано в орхонских древнетюркских рунических надписях.

Это также вопросы о Кангюе, как одном из ранних государств Центральной Азии, связи Кангюя с государством Саков Приаралья, племен, входящих в состав Кангюя с сакскими племенными объединениями, этногенез кангюйцев, взаимоотношения их с сарматами.

Основной причиной многих трудностей в решении Кангюйской проблемы является ограниченный круг письменных источников, сведения которых, к тому же, отрывочны и противоречивы, что порождает неоднозначные их интерпретации.

В Авесте, древнеиранском религиозном памятнике зороастризма, – собрании священных книг (II-I тыс. до н.э.) говорится, что один из древних героев-иранцев – «могучий воитель Туса, восседающий на крупе коня», попросил богиню-покровительницу о помощи в победе над сыновьями Вайсака у «врат Хашатросука, выше всех расположенных в Канга, высокой и священной». Канга здесь выступает в роли резиденции туранских вождей, а сами события относятся примерно к рубежу эр.

В 138 г. до н.э. из столицы Танского Китая в неведомые страны Запада вышел посольский караван императора У Ди. Князь Чжан Цзянь, поставленный во

89 *Мартынов А.И.* О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.284-292.

90 *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР / Серия археологическая. Вып.2. Алма-Ата, 1949. №67. С.59 и сл.; *Байпаков К.М.* Взаимодействие оседлого и кочевого населения как фактор развития этнических процессов // Известия АН КазССР / Серия общественных наук. Алма-Ата, 1987. № 8. С.23; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.165-179; *Литвинский Б.А.* Кангюйско-Сарматский фарн. Душанбе, 1968. С.14-23; *Филанович М.И.* Зарождение и развитие города и городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.101.

главе каравана, возвратившись из путешествия через 13 лет, составил докладную записку. Она содержала в себе сведения, из которых Китай узнал о неизвестных для него городских цивилизациях и кочевых государствах, в том числе и о государстве Кангюй, в ставке правителя которого Чжан Цзянь побывал. Столица находилась в 2 тыс. ли (800-900 км) к северо-западу от ставки усуньского гуньмо (титул правителя усуней) на берегах Иссык-Куля. В науке твердо установлено, что владения усуней находятся в Жетысу, а значит, локализация государства Кангюй, согласно указанным расстояниям, могла быть в среднем течении Сырдарьи.

Упоминания Кангха в Авесте и государства Кангюй в записке Чжан Цяня, относящиеся приблизительно к одному времени и ориентирующие их местонахождение в Южном Казахстане, позволяют отождествлять эти названия и считать Кангху столицей туранских вождей. А о том, что она находилась на средней Сырдарье, есть свидетельства в знаменитой «Шахнаме» Фирдоуси. Свод сказов и исторических повествований, обобщенных им в поэтической форме в IX в., дает представление о множестве военных сцен, относящихся к территориям Восточного Ирана, Средней Азии и юга Казахстана. Так, в сказании о Сиявуше Фирдоуси называет Кангу в качестве столицы царя Афрасиаба, расположенной, согласно повествованию, по ту сторону реки Гульзариюна за Шашем и Испиджабом; и сообщает, что после заключения мира с Сиявушем Афрасиаб удаляется в Кангу.

Ко II в. до н.э. относится сообщение о Кангюе: «это государство является соседом Давань»⁹¹. В войне 101 г. до н.э. кангюйцы пришли на помощь ферганцам⁹². Сведения о соседстве Давани с Кангюем имеются и в «Истории династии Цзинь» (265-420 гг. до н.э.)⁹³. Около V в. н.э. Кангюй отправлял посла в Китай⁹⁴, но во второй половине того же столетия или в начале следующего вошел в состав Эфталитского государства⁹⁵.

Последнее посольство правителем Кангюя в Китай было отправлено в 270 г. н.э. В китайских источниках есть данные, свидетельствующие о том, что позднее начался период распада кангюйского царства на большое количество владений, каждое из которых имело самостоятельного правителя, но все они считали себя потомками юэчжуйской знати⁹⁶. Приведенные выше данные о более позднем посольстве свидетельствуют, быть может, о попытках создания нового объединения в первой половине V в. н.э., вскоре, однако, прерванных включением в состав эфталитской державы.

Данные письменных источников позволяют говорить о существовании Кангюя: то в виде могущественного государственного образования, то в группе мелких владений – со II в. до н.э. – V в. н.э. Центральное ядро его составляли племена Средней Сырдарьи. Из письменных источников также вытекает,

91 Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.105; Бичурин Н.Я. (Йакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II. С.150.

92 Бичурин Н.Я. (Йакинф). Ук. соч. С.150.

93 Кюнгер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.131.

94 Кюнгер Н.В. Ук. соч. С.179.

95 Бичурин Н.Я. (Йакинф). Ук. соч. С.269.

96 McGovern W.M. The early emperies of Central Asia. New York, 1939. P.400.

что Согд около рубежа н.э. входил в состав Кангюя или, по крайней мере, подчинялся ему⁹⁷, причем, как считают некоторые исследователи, Кангюй распространил свою власть на Согд, «двигаясь в кильватере» за юэчжами⁹⁸. В.Тарн полагает, что Кангюй занял Западную Согдиану⁹⁹.

Источники отмечают, что Кангюй «в обыкновениях совершенно сходствуют с юесчжисцами», причем на юге они одно время подчинились юэчжам. Позже в хрониках появляется сообщение о том, что «обыкновения и одеяния» кангюйцев «совершенно сходствуют» с Яньцай, который был в зависимости от Кангюя¹⁰⁰. В китайских источниках сведения о Яньцай встречаются от II в. до н.э. – I в. н.э.

Китайские источники, рассматривающие кангюйцев как кочевой народ, вместе с тем упоминают о наличии в их стране городов. Говоря об Яньцай, китайская история эпохи младших Хань сообщает, что «народ живет внутри глиняных стен»¹⁰¹, т.е. в глиняных постройках. Это может служить указанием на то, что и на территории Кангюя, образ жизни жителей которого был похож на Яньцай, также имелись оседлые поселения.

Данные источников о Кангюе скудны, что способствовало появлению большого числа гипотез относительно этнической принадлежности кангюйцев. Рациональное зерно содержится, по-видимому, в старом уравнении Сакарауки = Кангюй. Сакарауки, несомненно, явились одним из компонентов кангюйского союза. Основу последнего должны были представлять сакские племена Среднего течения Сырдарьи и прилегающих казахстанских степей¹⁰².

Многие исследователи отождествляют Кангюй с авестийской Кангхой – резиденцией вождей «туров» – сако-массагетских племен. Кангюй и Кангху сопоставляют с Кангом и Кангдизом среднеперсидской зороастрийской литературы, «Шах-Наме» Фирдоуси и других раннесредневековых сочинений. Возможно, племена Кангхи-Кангюя принадлежали к кругу северо-иранских скотоводческих племен и как отмечает С.Г.Кляшторный, лишь с инфильтрацией тюркоязычных этнических групп с востока, раздробленные и разделенные к тому времени племена, входившие в кангюйскую конфедерацию, начали менять свой этнический облик¹⁰³.

Противоположную точку зрения высказал в свое время А.Н.Бернштам, согласно которой кангюйцы уже на рубеже н.э. были тюркоязычными¹⁰⁴.

Что же касается самого названия Кангюй, то, по мнению Б.А.Литвинского, это название можно объяснить, учитывая хотано-сакское слово *kaṅga* (или

97 Бичурин Н.Я. (Яакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград, 1950. Т.II. С.186.

98 McGovern W.M. The early empires of Central Asia. P.134.

99 Tarn W.W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951. 2.ed. P.307.

100 Бичурин Н.Я. (Яакинф). Ук. соч. С.150; Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. С.105-106.

101 Shiratori K. A new attempt at the solution of the Fu-lin problem // Memoirs of the Research department of the Tokyo Bunko (The Oriental Library). Tokyo, 1956. №15. P.232.

102 Markkwart J. Wehrot and Arang. Leiden, 1938. P.188; Geography of Claudius Ptolemy. Transl. into English and ed. By E.J.Stevenson. New York, 1932. P.144.

103 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.174.

104 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. С.94-95; Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Ленинград, 1951. С.107.

kanga) – «кожа», «шкура». Оно часто встречается в хотано-сакских текстах и входило, в частности, в хотано-сакское обозначение какого-то кожаного доспеха. Если эта этимология найдет подтверждение со стороны лингвистов, тогда можно будет считать, что наименование Кангюй истолковывается как сакский этноним с примерным значением «люди в кожаных одеждах (или доспехах)»¹⁰⁵.

Кангюй был большим государством. Его власть простиралась до северных берегов Каспия. Населяли его кочевые племена, но в нем были и города, окруженные глинобитными стенами. Столица называлась Битянь.

Политическая история Кангюя почти неизвестна. Немногочисленные сведения сообщают о его борьбе с гуннами, усунями. Известно также, что в середине V в. могущественное государственное объединение распалось на мелкие владения.

Важный материал об этносе Кангюя дали археологические исследования последних лет, позволяющие представить внешний облик кангюйцев. Исследователи теперь имеют и рисунки тех времен, дошедшие в виде гравированных изображений на костяных пластинах, некогда нашивавшихся на кожаную основу. Обнаруженные при раскопках кочевнических курганов рубежа первых веков вблизи городища Курган-тепе в Самаркандской области, они проливают свет не только на физический тип людей, но и на одежду и военное снаряжение.

Наиболее выразительны два рисунка, которые передают характер баталий и охоты того времени.

Изображения на пластинах, по мнению ученых сделанных по заказу племенной знати городскими мастерами, говорят о вооружении воинов, и позволяют почувствовать атмосферу сражения.

Все участники – и конные, и пешие витязи – принадлежат к единому этническому типу: вытянутая, заостренная к макушке голова с невысоким лбом; волосы зачесаны наверх, у висков убраны назад за уши; глаза ромбовидные; нос крупный с небольшой горбинкой; энергичный подбородок;

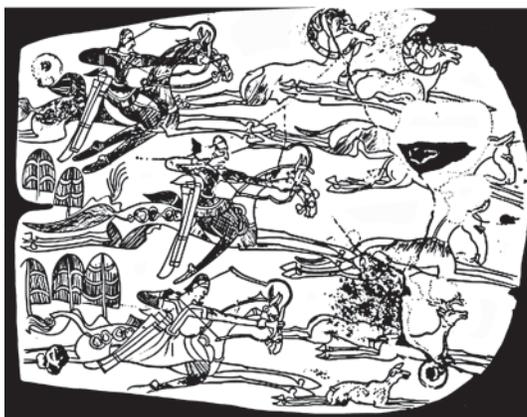

Рис. 49. Изображение кангюйцев на костяных пластинах из погребения могильника Орлат

105 Литвинский Б.А. Кангюйско-Сарматский фарн. С.22-23.

свисающие до подбородка усы и когтевидная борода. Воинские защитные доспехи из нашитых на кафтан пластинчатых, полуовальных либо чешуйчатых пластин, округлые шлемы, бронированные воротники, облегающие штаны, натянутые штрипками под ступнями – все это свидетельства мощи и силы воинов. Оружие типичное для древнего исторического периода: длинные копья с ланцетовидными наконечниками; длинные двулезвийные мечи, ножны которых крепятся к поясу двумя ремешками; сложносоставной лук, стрелы с трехгранными наконечниками; длинный трехчастный колчан (притороченный к седлу коня) с широким отделением для лука и двумя узкими – для стрел; овальный щит, обитый пластинами; у одного из воинов – боевой топорик-клевец. Бронированные всадники сидят на незащищенных доспехами конях, гривы которых подстрижены, а челка, оставленная между ушами, собрана в пучок.

На другой пластинке – сцена охоты конных кангюйцев, изображенных одетыми в короткие куртки с луками в руках, преследующих оленей, архаров и куланов¹⁰⁶. Имеется коллекция терракотовых фигурок-божеств, а также прорезанные на керамике¹⁰⁷.

История вопроса локализации государства Кангюй и его пяти владений Сусе, Фумо, Юени, Ги, Юйцзянь начинается с И.Бичурина, определившего их местоположение в степях к северу от р.Сырдарьи. Он писал: «Владение Кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя казачьи (казахские) орды». И.Бичурин опирался на сведения «Шицзи», где сказано следующее: «Кангюй лежит почти в 2000 ли от Давани на северо-запад. Это кочевое же владение, в обыкновениях сходствует с юечжийцами, имеет до 20000 войска. Кангюй смежен с Даванью и по малосилью своему признает над собой на юге власть юечжийцев, на востоке власть хуннов»¹⁰⁸.

В династийной хронике старшей Хань «Цянь Ханьшу» в главе «Описание устройства земель» есть раздел, посвященный Кангюю, в котором дословно говорится следующее: «Кангюйский владетель пребывание имеет в стране Лююени, в городе Битянь, за 12300 ли от Уанань. Он не зависит от наместника. От Лююени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания...

Народонаселение состоит из 120 000 семейств 600 000 душ строевого войска 120 000 человек. Обыкновения одинаковы с большим Юечжи. Кангюй на востоке подчинен хуннам...»¹⁰⁹.

На этой источниковедческой базе сложились две основные точки зрения по вопросу локализации: первая – Кангюй занимал обширные пространства среднеазиатского междуречья от Ташкентского оазиса до Хорезма; вторая – владения Кангюя были сосредоточены в долине р.Сырдарьи от низовьев и до Ташкента, коренные же земли размещались по среднему течению Сырдарьи, в долинах Сарысу, Чу, горах Улытау.

106 Пугаченкова Г.А. Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С.56-65.

107 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. С.153-154. Рис. 4, 1, 2, 3.

108 Бичурин И.Я. (Йакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.II. С.350, 152.

109 Бичурин И.Я. (Йакинф). Ук. соч. С.184.

Первую точку зрения отстаивал С.П.Толстов¹¹⁰. На востоке, считал он, земли Кангюя доходили до Ферганы (Давань); на юге граничили с Парфией и Бактрией; на западе включали Бухарский оазис и Хорезм. Пять владений, по его мнению, располагались следующим образом: Сусе – в области Шахрисябса на Кашкадарье; Фуму – в области Кушания на р.Зеравшан; Юени – в Ташкентском оазисе; Ги – в Бухаре; Юегянь – в Хорезме, который был центром всего государства.

Основной оппонент С.П.Толстова в этом вопросе А.Н.Бернштам считал, что восточная граница земель Кангюя проходила по р.Талас. Пять владений Кангюя размещены им следующим образом: Юегань – в Хорезме; Ги – в низовьях Сырдарьи; Фуму – к северо-западу от Яны Кургана до Казалинска; Сусе – в среднем течении Сырдарьи, бассейне р.Арысь и склонах Каратау; Юени – в Ташкентском оазисе. Территория по среднему течению Сырдарьи, по мнению А.Н.Бернштама, была коренными землями кангюев. Здесь же локализуется, по его мнению, легендарная Кангха Авесты и Канга Шахнаме¹¹¹.

Существенным вкладом в разработку вопросов локализации Кангюя явились труды С.Г.Кляшторного и Л.М.Левиной. Первый обобщил все известия о Кангюе в письменных источниках и проанализировал основные суждения по локализации кангюйских земель¹¹². Л.М.Левиной же была проделана большая работа по систематизации и обобщению данных, накопленных археологией. Ею охарактеризованы три основные культуры долины Сырдарьи кангюйского времени, предложена их периодизация. Исследователь пришла к выводу, что рассмотренные ею культуры – джетыасарская, отрарско-каратауская, каунчинская являются вариантами культуры населения государства Кангюй¹¹³.

К вопросам локализации Кангюя и его владений обращался Ю.Ф.Буряков¹¹⁴. Он развил положение о территории Кангюя, которая охватывает всю долину Сырдарьи от Ташкента до Жанадарьи и Кувандарьи. Столицу Кангюя Битянь он локализует в болотистых низинах Жанадарьи и Кувандарьи и отождествляет с городищами Чирик-Рабат, Бабиш-Мулла или Алтын-асар. Сусе исследователь отождествляет с Суябом, а Фуму – с землями малого владения Гуйшуань, Ги – с Самаркандом, Юегань – с Хорезмом. Коренные же земли Кангюя он помещает в регионе распространения джетыасарской культуры. Отмечая близость каунчинской и отрарско-каратауской культуры, Ю.Ф.Буряков рассматривает их как родственные и размещает владение Юени с центром в городище Канка.

Сейчас можно констатировать, что Кангюй большинством исследователей помещается на Сырдарье.

Исследователи кангюйской проблемы придерживаются также положения о тождестве Кангюя Чжан Цзяня и Кангхи Авесты и Шахнаме¹¹⁵.

110 Толстов С.П. Древний Хорезм. С.20-24.

111 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории этногенеза Южного Казахстана. С.98.

112 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.155-178.

113 Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. Москва, 1972.

114 Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.107; Буряков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна Средней Сырдарьи в древности и средневековье // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С.56.

115 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.171.

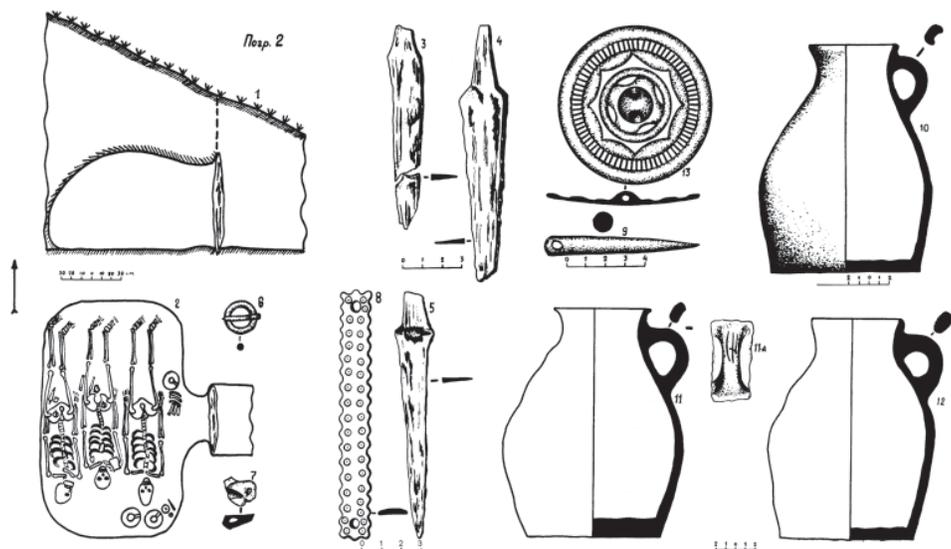

Рис. 50. Культура Каунчи. Чоон-Капке (Таласская долина). Погребение в катакомбе

Памятники каунчинской культуры. Уже отмечалось, что археологические памятники Кангюя отнесены к каунчинской, отрарско-каратауской и джеты-асарской археологическим культурам. Первая была распространена в Ташкентском оазисе; вторая – в районах среднего течения Сырдарьи в предгорьях Каратау до Таласа; третья – в бассейне Кувандарьи и Жанадарьи.

Наиболее хорошо изученным памятником каунчинской культуры (I в. до н.э. – VII в. н.э.) является поселение Актобе, расположенное неподалеку от Чардары на правом берегу Сырдарьи (Ташкентский оазис). Один из раскопов полностью вскрыл «дворцовое здание» из пяти крестообразно расположенных помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибающих постройку с запада и востока. В центре находился квадратный зал (3,6×3,6 м), который сообщался со всеми остальными помещениями арочными проходами¹¹⁶.

Помещения, расположенные вокруг зала, перекрыты коробовыми сводами, а одно из них – куполом, который является одним из ранних типов такого рода перекрытий в Казахстане и Средней Азии. Стены, перекрытия, арочные проходы во дворце выполнены из прямоугольного и квадратного сырцового кирпича.

Принципиальное значение для датировки дворцового комплекса имеет находка погребения в купольном помещении. Захоронение совершено в деревянном решетчатом гробу. Покойник лежал на спине головой на запад. Характерен инвентарь: два сосуда из дерева, серьга из сплава серебра и золота, украшенная зернью и вставками черного камня, берестяной футляр для колчана и лука, деревянный лук с костяными накладками, железный кинжал, две железные пряжки с подвижным язычком. По инвентарю погребение датируется рубежом IV-V вв., следовательно, верхняя хронологическая граница жизни поселения относится к началу IV в. н.э.¹¹⁷

116 Интерпретация «дворца» как храмового комплекса дана ниже.

117 Максимова А.Г., Мерциев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С.201.

В зоне распространения каунчинской культуры исследовались могильники Шаушукумский, Жамантогай, Торебай-тумсык. Умерших хоронили в катакомбах. Сопровождались погребения керамическими сосудами. В мужских погребениях найдены предметы вооружения: мечи, кинжалы, наконечники стрел, костяные накладки на лук; в женских – преимущественно предметы украшений: бусы, зеркала, серьги, нашивные бляшки на одежду. Сравнительный анализ материала, полученного из погребального инвентаря, дает основание датировать погребение первой половиной I тыс. н.э.

Памятники отрарско-каратауской культуры. Одним из центров концентрации памятников отрарско-каратауской культуры (I в. до н.э. – VII в. н.э.) являлся Отрарский оазис. Здесь на сравнительно небольшой территории около 2550 кв. км находятся остатки свыше пятидесяти бугров-тобе различной величины. Среди них Кок-Мардан, Пшук-Мардан, Костобе, Ахай-тобе, Мардан-Куик, Калам-тобе, Джалпактобе. Раскопки были проведены на городищах Кок-Мардан и Мардан-Куик, Пшук-Мардан, Костобе южное, Келинтобе, Абызтобе.

Хорошо изучено *городище Кок-Мардан*.

Самая верхняя планировка была выявлена лишь на небольших участках. Было установлено, что город в последний период своей жизни переживал упадок. Постройки его ветшали и постепенно забрасывались. Датируется верхний строительный горизонт VI-VII вв.

Следующий, нижний горизонт показал, что город состоял из массивов кварталов, разделенных магистральными улочками и переулками. Дома, как правило, однокомнатные, реже двухкомнатные. Интерьеры домов стандартны. Напротив входа ближе к центру находился прямоугольный напольный очаг. В одной из стен дома на уровне пола или чуть выше выдалбливалась овальная ниша для камина. Обычно на ее пол ставилась глиняная жаровня. По периметру комнаты у стен устраивались суфы. В углах устанавливались сосуды для воды и продовольствия. Сосуды стояли у стен. Обычно это хумы, водоносные кувшины, горшки. Если дом двухкомнатный, то вторая комната – кладовая, а в ней хумы или бочкообразные сосуды в виде цилиндрических емкостей или ванн из необожженной глины. В них хранили просо, рис, пшеницу, ячмень, горох. Рядом с очагом на полу лежали зернотерки или жернова. Иногда в домах сооружался специальный постав для жернова. В некоторых домах имелись культовые ниши, обычно в углах помещений. Перед ними устраивалось небольшое возвышение, где, судя по слою золы, возжигали ритуальный огонь – это алтари¹¹⁸.

Помимо Кок-Мардана предварительные археологические раскопки обнаружили слои первой половины I тыс. н.э. на городище Пшук-Мардан.

Поселение Костобе (Южное). Это – тобе с площадкой, пологой с южной стороны. Основной бугор диаметром 40 м поднимается над современной поверхностью примерно на 10 м. Здесь на тобе вскрыты три помещения дома.

Помещение размером 5,5×5 м расположено в центре раскопа, пахсовые стены сохранились на высоту 35-40 см. Привлекает внимание открытый напольный

118 *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. Алма-Ата, 1989. С.28-61.

очаг, для устройства которого было использовано донце хума, и покрытая обмазкой суфа шириной 1,25 м, высотой 0,15 м, расположенная вдоль южной и западной стен. Еще один очаг, находящийся в южном углу, вмазан в суфу. В том же южном углу – дверной проем шириной 0,5 м, ведущий во второе помещение. Поскольку пол второго помещения был ниже, то в проходе устроена трехступенчатая лестница. Ближе к восточному углу выявлен «жертвенник», образованный двумя донцами хумчи, поставленными на ребро и вмазанными в глинобитную круглую тумбу диаметром 0,45 м и высотой 0,3 м. На полу помещения выявлены три углубления от опорных столбов, поддерживающих кровлю.

Здесь же был найден фрагмент кувшина с росписью ангобом вишневого цвета по светлому тулову. Изображены ступенчатые пирамидальные фигуры, над которыми галопирует олень, ниже – сидящая хищная птица, а рядом – антропоморфная личина.

Рядом найден глиняный амулет в виде печати с отверстием для шнура. На одной стороне предполагаемой печати изображен крест, на другой – тамгообразный знак.

Стены второго помещения сохранились на высоту 0,35-0,5 м. Изнутри к западной и северной стенам пристроена суфа. В восточной части суфы у северной стены на квадратном возвышении находится зольное пятно от открытого очага. Ближе к юго-западному углу выявлен дверной проем шириной 0,76 м в третье помещение площадью 12 кв. м. Пол помещения обмазан желтой глиной и имеет по всей площади слой белого тлена от сгнившей камышовой кровли.

Выход из третьего помещения ведет в переулок, находящийся с западной стороны, и во дворик, где устроены три мусорные ямы. В заполнении ям обнаружен строительный мусор, битая керамика, что свидетельствует о хозяйственном назначении дворика.

Установлено, что раскопанный в Костобе дом относится к III-V вв. Эта датировка подтверждается керамикой¹¹⁹.

Квартал и жилище. Раскопки городища в урочище Кок-Мардан дали интересный материал по истории застройки городища и древнему домостроительству.

Установлено, что застройка городищ осуществлялась поквартально. Исследование кварталов Кок-Мардана позволяет не только понять топографию города, но и определить хозяйственную специализацию населения, демографический аспект, социальную структуру общества.

Членение городов на кварталы было закономерно для феодального общества. Оно связано со свойственным этому обществу замыканием людей в группах по признаку родства, по принадлежности к профессии, религии. Время появления кварталов исследователи отодвигают далеко вглубь¹²⁰.

119 *Байпаков К.М., Подушкин А.Н.* Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. С.66-70.

120 *Массон В.М.* Алтын-тепа // Труды ЮТАКЭ. Москва, 1981. Т.XVIII. Вып.2. С.5-6, 11; *Дьяконов И.М.* Проблемы вавилонского города II тысячелетия до н.э. // Древний Восток. Ереван, 1973. С.38, 54, 61; *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Труды ЮТАКЭ. Москва, 1958. Т.6. С.31, 41-42; *Толстов С.П.* Древний Хорезм. С.93, 104, 123; *Городище Топрак-кала (раскопки 1965-1975 гг.)* // Труды ХАЭЭ. Москва, 1981. Т.XII. С.136-137.

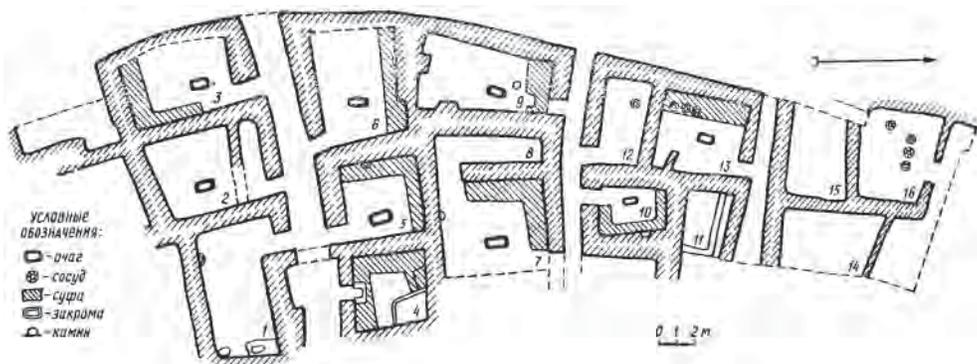

Рис. 51. Городище Кок-Мардан. План раскопа II

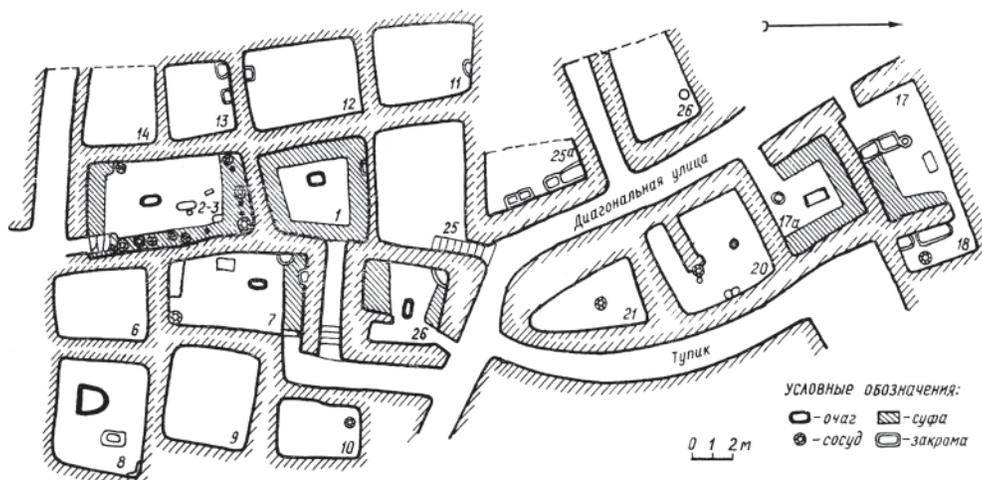

Рис. 52. Городище Кок-Мардан. План раскопа III

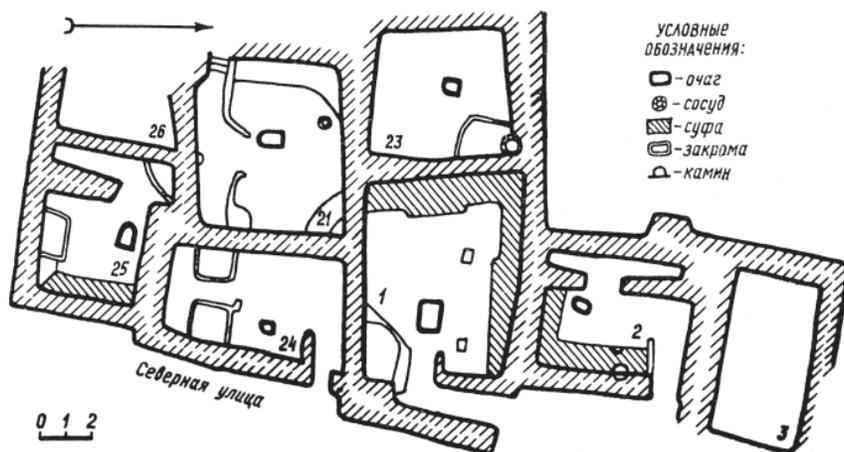

Рис. 53. Городище Кок-Мардан. План раскопов V - VI

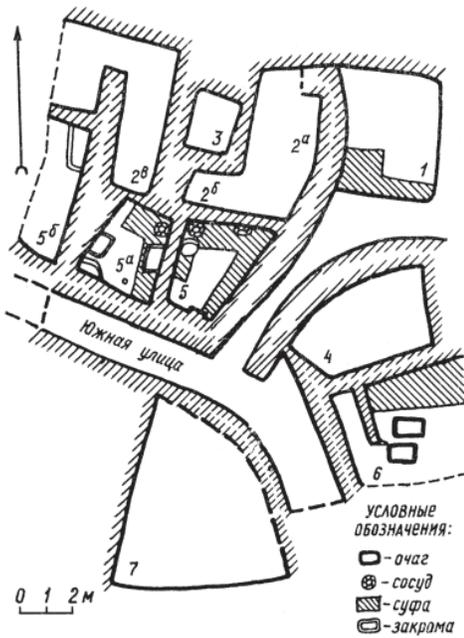

Рис. 54. Городище Кок-Мардан.
План раскопов IV

Формирование раннесредневекового города относится к середине I тысячелетия н.э., он застраивался кварталами. Этот период для народов Средней Азии и Казахстана был переломным: на смену патриархальным семейным общинам пришла малая семья. Это было связано с развитием форм собственности (от общинно-родовой – к частной) и характером развития хозяйства (от натурального – к товарно-денежному). Естественно, процесс этот в среде как оседлого, так и кочевого населения происходил неравномерно, и наряду с малыми семьями сохранялись патриархальные семейные общины¹²¹. Кроме того, складывалась переходная форма семьи – не из трех и более поколений, а из двух. Старшее поколение было представлено отцом и матерью, с которыми жили все женатые сыновья¹²². У кочевников и полукочевников наряду с малой семьей появилось более широкое социальное объединение с признаками экономического и территориального единства¹²³, но скот и средства производства находились в наследственном владении каждой семьи¹²⁴.

Население кварталов Кок-Мардана, видимо, принадлежало к семейно-родственным группам. В квартале насчитывалось от 4 до 6 домовладений, принадлежавших отдельным семьям, связанным родственными отношениями. Все они, видимо, стремились к самоизоляции в общегородской среде посредством планировки самого квартала. Логично предположить, что известный по этнографическим данным «коше бй», «коткуда» – глава семейно-родственной группы – в основном выполнял те же функции, что и раис средневекового, аксакал позднесредневекового квартала города¹²⁵.

Каждая семейно-родственная группа, вероятнее всего, имела свое место для отправления религиозных культов, свое кладбище. Отмечена лишь одна

121 Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1969. С.17.

122 Бижанова М.А. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959. С.23-26; Сухарева О.А., Бижанова М.А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955. С.173-177; Ходжаева Р.Д. Общественное положение и семейный быт уйгурской женщины // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т.3. С.235.

123 Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии // КСИЭ. Москва, 1957. №28. С.32-34; Жданко Т.А. Очерки исторической этнографии каракалпак // Труды Института этнографии. Новая серия. Москва, 1950. Т.IX. С.80-82.

124 Соколовский В.Г. Казахский аул. Ташкент, 1926. С.6-14; Курылев В.П. Семейно-родственные группы у казахов конца XIX – начала XX в. по некоторым литературным источникам // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1978. С.132-143.

125 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начале XIII в. // Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.334; Сухарева О.А. Квартальная община позднесредневекового города Бухара. Москва, 1976. С.33; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.75-79.

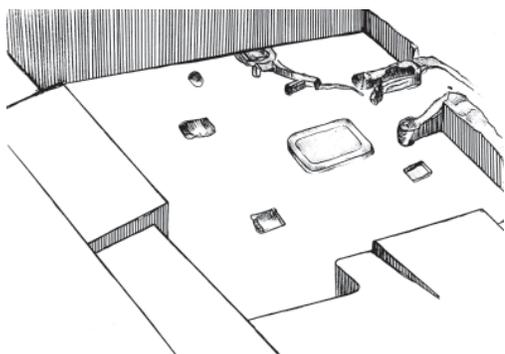

Рис. 55. Городище Кок-Мардан.
Жилище. Раскоп

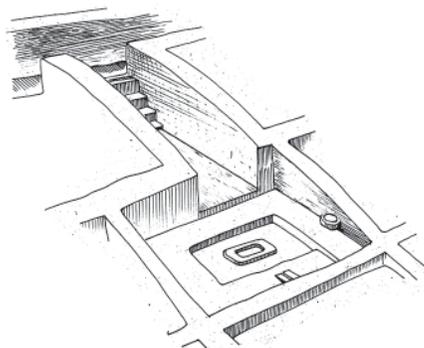

Рис. 56. Городище Кок-Мардан.
Жилище с коридором

квартальная культовая постройка на городище Кок-Мардан. В других городищах и поселениях для этих целей могло использоваться одно из домовладений квартала. Это предположение основано на материалах Кок-Мардана, где выявлены домашние святилища, игравшие, возможно, и роль квартальных.

Как известно, всякое жилище можно рассматривать как определенный социальный заказ, реализуемый через домостроительную технику, направленный на выделение из природной среды общественной постройки с обеспечением максимума удобств при осуществлении ее основных функций. Характер же жилища определяется такими факторами, как социальный, экономический и экологический. В архитектурном решении и строительной технике может сказаться культурный традиционализм, восходящий к этническим чертам.

Установлено, что в описываемое время, охватывающее первую половину и начало второй половины I тысячелетия н.э., существовало три типа домов. Это однокомнатные наземные дома, квадратные либо прямоугольные в плане. Аналогичны им по планировке и интерьеру дома, заглубленные в землю. Вот как выглядел такой дом, раскопанный на городище Кок-Мардан. Дом прямоугольный в плане, площадью 43 кв.м, соединялся коленообразным коридором с улицей, имел тамбуровидный вход. Вдоль западной и северной стен находились суфы с выступами в середине. Напротив входа в центре помещения рас-

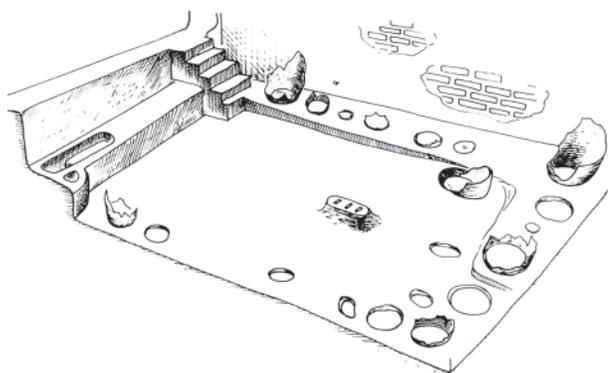

Рис. 57. Городище Кок-Мардан.
Остатки общественного хранилища продуктов

полагался напольный прямоугольный очаг с глиняными бортиками. Слева от входа, в тамбуре, в стене – два ряда каминов. Юго-восточный угол отделен глиняной невысокой стенкой как хозяйственный отсек, своего рода кухня.

В полу помещения – три прямоугольные ямки от баз подпорных столбов. Четвертая вместе с полом явно раз-

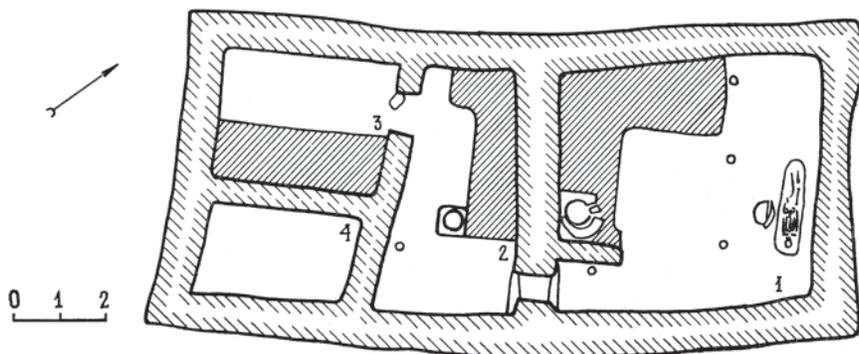

Рис. 58. Городище Костобе северное. Двухкомнатное жилище. План

рушена, но вполне ясно, что она была, как и подпорный столб: кровля дома опиралась на четыре столба. В потолке, видимо, было устроено световое, оно же дымовое, отверстие. Поскольку дым выходил и через дверь, то понятно, почему очаг и камины приближены к выходу.

Для дома такого типа характерны открытые очаги, служившие и для обогрева жилища, и для приготовления пищи. Такие очаги широко были распространены в средневековом жилище Казахстана и Средней Азии, и как реликтовая форма дожили до недавнего времени, выполняя при этом ритуальную роль. Камин, или «стеновые очаги», представляющие собой вырубленные в стенах сферические ниши, служили для выпечки хлеба.

Сосуды – хумы, горшки для хранения запасов продуктов располагались в углах помещений и на суфах. Под хранилища использовались бочкообразные и корытообразные емкости, слепленные из полос сырой глины.

Варьируют размеры отдельных домов. К большим относятся дома, имеющие площадь от 35 до 45 кв. м, небольшие – от 12 до 20 кв. м. Больше всего домов, которые имеют площадь от 20 до 35 кв. м – 85%. От размеров дома зависел характер перекрытия. В больших домах кровля опиралась на четыре столба; в средних на один столб опиралась одна прогонная балка или две перекрещенные. В маленьких домах опорой кровле служили только стены. Второй тип дома – двухкомнатный, назначение второй комнаты, которая от жилой отделялась капитальной стеной, – кладовая.

Третий тип дома – многокомнатный, такой дом раскопан на Костобе. Из трех или пяти помещений одно было жилой комнатой с суфами вдоль двух или трех стен. Напольный очаг в виде круглой, либо подпрямоугольной площадки, камин, хозяйственный отсек у напольного очага – вот основные детали жилого помещения, другие служили кладовыми – в них стояли хумы, глиняные емкости.

Все три типа дома традиционны для Южного Казахстана, начиная уже с конца I тысячелетия до н.э.

Много общего прослеживается при сопоставлении их, например, с домами, раскопанными на поселении Алтын-Асар на Нижней Сырдарье: здесь в однокомнатных домах устраивались так называемые лотковые входы, сравнимые с тамбуровидными входами Кок-Мардана, Г-образные и П-образные суфы, пря-

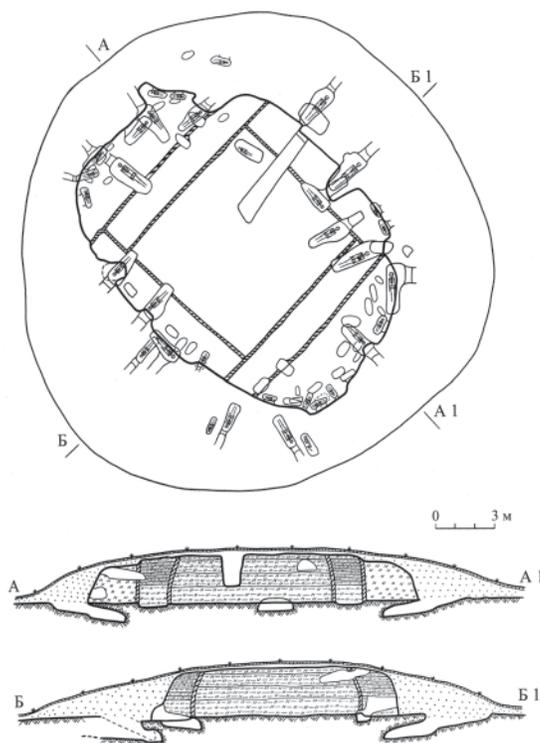

Рис. 59. Городище Кок-Мардан.
Погребальная платформа № 4 и захоронения

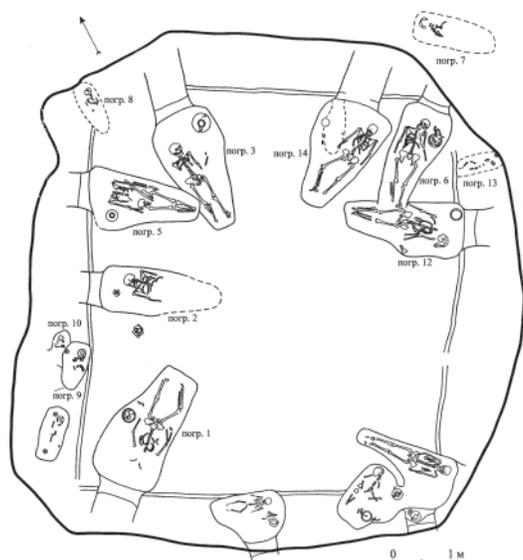

Рис. 60. Городище Кок-Мардан.
Погребальная платформа № 3 и захоронения

моугольные очаги и каминны, поставы для зернотерок¹²⁶.

На некрополе Кок-Мардана были найдены погребальные сооружения – искусственные пахсовые платформы подчетыреугольной в плане формы размерами 4×4 м, 5×5 м и сохранившейся высотой до 3 м. По периметру платформы крепились глинобитными стенами. В платформе вырубались могилы, в которых хоронили умерших. Причем наблюдается закономерность, при которой наиболее богатые захоронения располагались по углам. Все это сооружение являлось своеобразной коллективной усыпальницей, содержащей десятки захоронений. Возможно, считают исследователи, это было родовое кладбище и, видимо, жители каждого квартала Кок-Мардана имели свое кладбище.

Покойники, судя по положению расчищенных скелетов, не имели строгой ориентировки. Рядом с погребенным принято было помещать различные предметы: глиняную посуду, предметы вооружения, украшения.

Посуда была представлена кувшинами с носиками, кружками, чашами на трех ножках, миниатюрными сосудами, которые обычно встречаются в детских захоронениях. На стенках некоторых сосудов сделаны налепы в виде змей, имеются процарапанные тамгообразные знаки, прочерченные схематизированные изображения горных козлов.

126 Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческой и скотоводческой культуры Южного Казахстана. С.87, 89.

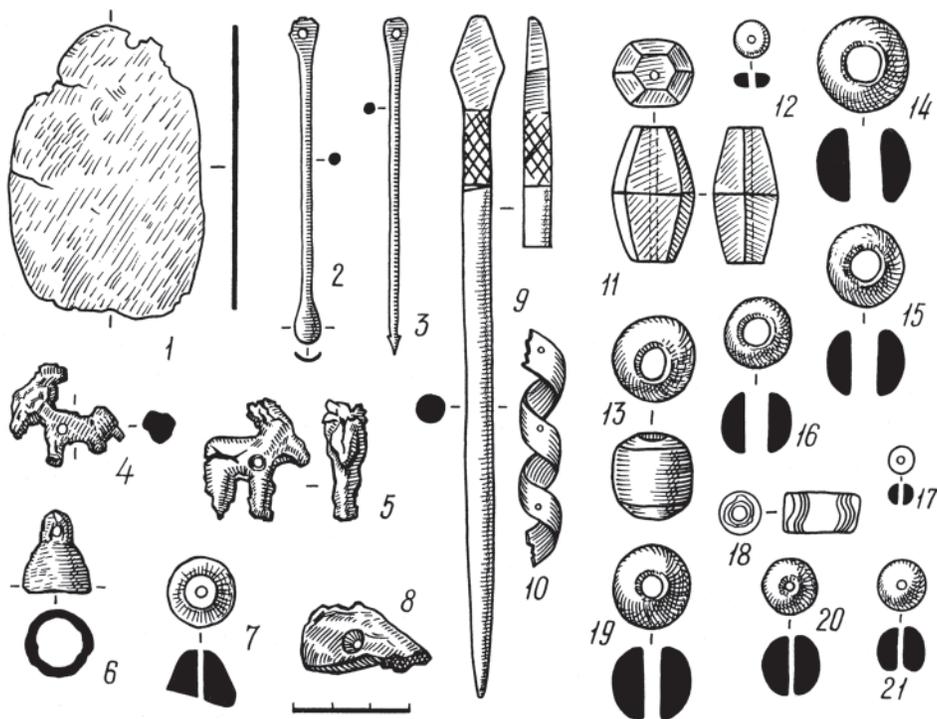

Рис. 61. Мардан-Куйук

Предметами вооружения служили железные трехлопастные наконечники стрел, сложный лук с костяными накладками, длинные железные мечи и однолезвийные кинжалы.

В захоронениях Кок-Мардана найдено много пряжек из железа и бронзы, когда-то скреплявших кожаные пояса. Среди украшений – каменные, металлические, стеклянные бусы, серьги и подвески со вставками из цветных камней, с гроздьями бронзовых или золотых шариков; гривны, сплетенные из проволочных дров, шпильки – предметы, встречающиеся в погребениях женщин.

В женских могилах найдены такие предметы, как бронзовые зеркала, сурматаши – палочки из графита для сурмления бровей. Одна из находок – бронзовый медальон, украшенный вставками из прозрачного стекла, и бронзовая цепочка.

Захоронения в большинстве своем были разграблены еще в древности. Но сохранились и не потревоженные погребения, среди них есть богатые с большим количеством украшений, оружием, глиняными сосудами. В бедных могилах вещей меньше и нет изделий из драгоценных металлов. В детских захоронениях, как правило, встречаются один-два глиняных сосуда.

Характерно для могил Кок-Мардана присутствие различных амулетов-подвесок: бронзовые фигурки козлов, птиц. Встречаются бусы из сердолика, агата, гагата, горного хрусталя, стекла и стекловидной пасты. Интересны бляшки от поясов, поясные пряжки, а также изделия из золота – серьги с подвесками в виде гроздей из шариков, бляшки, украшенные вставками цветных камней

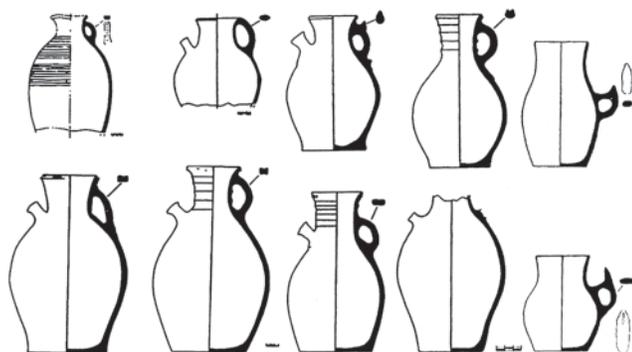

Рис. 62. Некрополь Коныртобе, Отрарский оазис

могильных ямах на глубине от 0,4 до 1,5 м от вершины холма. В нижней части ямы обложены сырцовым кирпичом, им же перекрывались склепы. Расчищено около ста погребений. В двенадцати случаях зафиксированы погребения в керамических сосудах. В основном это дети, подростки. Взрослых же хоронили на дне могильной ямы с вещами личного обихода (украшения, оружие), сопровождая пищей и питьем в керамических сосудах (кувшины, кружки). Анализ погребального обряда и инвентаря позволяет отнести основную часть расчищенных погребений могильника Коныр-тобе к позднему этапу культуры оседлых кангюйских племен и датировать его IV – первой половиной VIII в. н.э.

Отрарско-каратауская культура занимала обширные территории, включающие на северо-западе среднюю Сырдарью, Отрарский, Туркестанский и Яны-курганский оазисы до песков Изакудук, на севере – северо-западные склоны Каратау, на востоке – Таласскую долину, а на юге граница, разделявшая отрарско-каратаускую и каунчинскую культуры, проходила по горам Казыгурта. Это долины Арыси, Бадама, Сайрамсу, Бугуни. Здесь обнаружены многочисленные укрепленные поселения и ранние города, среди которых выделяются Сайрам, Шымкент, Жуантобе, Караспан; сотни курганных могильников, из них некрополь Борижары на средней Арыси, давший материал в широком хронологическом диапазоне от первых веков до н.э. до XII в. Большой массив в нем составляют курганы с катакомбными захоронениями первых вв. до н.э. – V в. н.э. и захоронения в склепах из сырцового кирпича IV-VIII вв.

Рис. 63. Некрополь Сидак. Геммы

и зернью, плетеные цепочки¹²⁷.

Интересный материал получен при исследовании могильника Коныр-тобе у городища Мардан-Куик¹²⁸. Раскопан оплывший холм с уплотненной вершиной. Высота его до 2,5 м, диаметр до 45 м. Погребения совершены в прямоугольных

127 Нурмуханбетов Б.Н. Некрополь городища Кок-Мардан // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып.3. С.42-73; Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отрарский оазис). Алма-Ата, 1990. С.51-54.

128 Байпаков К.М., Смагулов Е.А. Новые данные по археологии Отрарского оазиса // Известия АН КазССР / Серия общественных наук. Алматы, 1990. № 6. С.21.

Материалы из раскопок курганных могильников Каратобе, Культобе, Алтынтобе, Тулебайтобе, поселений Караултобе, Алтынтобе, Актобе были обобщены в монографии А.Н.Подушкина и отнесены к выделенной им арысской культуре. Территориально она, по его мнению, включает в себя памятники оттарско-каратауской и каунчинской культур. Вопрос об арысской культуре вызвал дискуссию¹²⁹.

Памятники джетыасарской культуры. Урочище Джеты-Асар расположено неподалеку от станции Джусалы в низовьях р.Сырдарьи и является уникальным для Евразии центром концентрации городищ, поселений и некрополей, относящихся к джетыасарской культуре, отождествляемые с населением государства Кангюй.

Памятники джетыасарской культуры интенсивно изучались в течение почти полувека (1946-1992 гг.). Итоги их исследований были отражены во многих монографиях и статьях, в том числе, в фундаментальном исследовании Л.М.Левиной¹³⁰. Большинство джетыасарских городищ представляло собой овальный или округлый в плане двухъярусный бугор-тобе высотой от 8 до 25 м над уровнем сохранившейся поверхности, площадью от 0,5 до 18 гектаров.

Все городища представляют собой крепости с развитой фортификацией и сплошной жилой застройкой внутри.

На третьем этапе культуры возводятся несколько крепостей, резко отличных от остальных по своей планировке и фортификации. В это время часть характерных для ранних этапов джетыасарской культуры крепостей со сплошной многослойной жилой внутренней застройкой дополнительно заключается в кольцо новых крепостных стен с выступающими овальными в плане башнями, но при этом значительное пространство внутри таких стен лишено следов какой либо застройки.

Ядром городищ является сплошная многоярусная застройка. Верхняя площадка окаймлена второй, гораздо более низкой, а затем и третьей площадкой, каждая из них ограничена системой крепостных стен. Первоначально на вторых ярусах-площадках существовали каркасные строения типа сараев для скота с отдельными стойлами и, возможно, открытые загоны, а позднее они были застроены жилыми домами.

Жилая застройка городищ представляла собой систему из множества однотипных одно- двух- и трехкомнатных жилых секций. Основная жилая комната всегда сохраняла один и тот же интерьер: суфы вдоль стен, центральный напольный открытый очаг строго определенной формы; выделенное глиняным валиком или стеночками предвходное пространство; конструкции для зернотерок, своеобразные очажные подставки. Местоположение каждой секции, ее общая площадь, интерьер основного жилого помещения оставались неизменными на протяжении столетий, хотя внутри основных стен происходили

129 Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан, 2000; Смагулов Е.А. Арысская археологическая культура: миф или реальность (заметки по поводу) // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2004. №1. С.284-301.

130 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва, 1996.

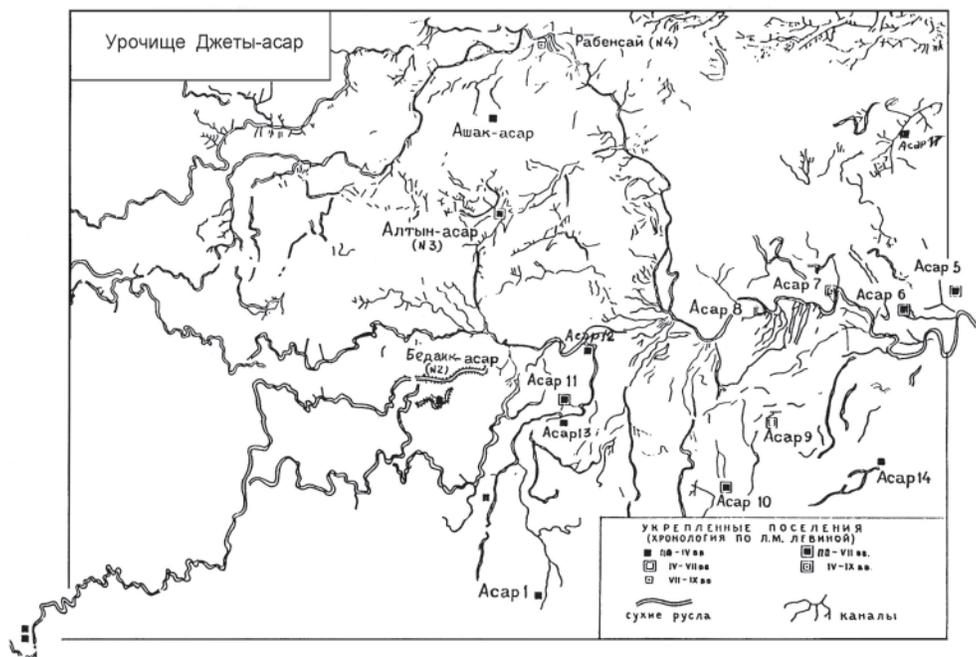

Рис. 64. Карта Джетыасарского урочища

многочисленные перестройки, при которых менялось не только взаиморасположение комнат, но и их число.

Окружавшие поселения курганные некрополи содержали подкурганные грунтовые погребения четырех типов и три типа погребальных сооружений. Раскопки свыше тысячи погребений накопили уникальные археологические и антропологические коллекции.

Среди раскопанных 740 курганов 102 содержали сооружения из сырцового кирпича – склепы трех типов: подземные, полуподземные и наземные. Первые два типа склепов встраивались в специально вырытые котлованы и поверх кирпичных же сводов куполов были дополнительно перекрыты двумя рядами горизонтально положенных кирпичей. Земляная насыпь насыпалась поверх кирпичной выкладки.

Для склепов первого типа характерна прямоугольная в плане форма сооружения, сводчатое перекрытие камеры.

Склепы второго типа имеют подквадратную в плане форму, вход в центре стены; перекрытие камеры в форме ложного купола; вдоль всех стен – суфы; обязательно наличие специального напольного очага.

Покойных в богатых одеждах, завернутых в камышовые циновки, укладывали на устроенные внутри камеры лежанки-суфы, иногда с войлочной подушкой под головой. При этом предыдущие захоронения или отодвигались в сторону, или же оставлялись на месте. По прошествии определенного времени остатки ранних погребений убирали, а камеру подготавливали к новым захоронениям. После каждого захоронения на суфы ставились сосуды с заупокойной пищей. Набор посуды оставался стандартным; кухонный горшок с кашей или

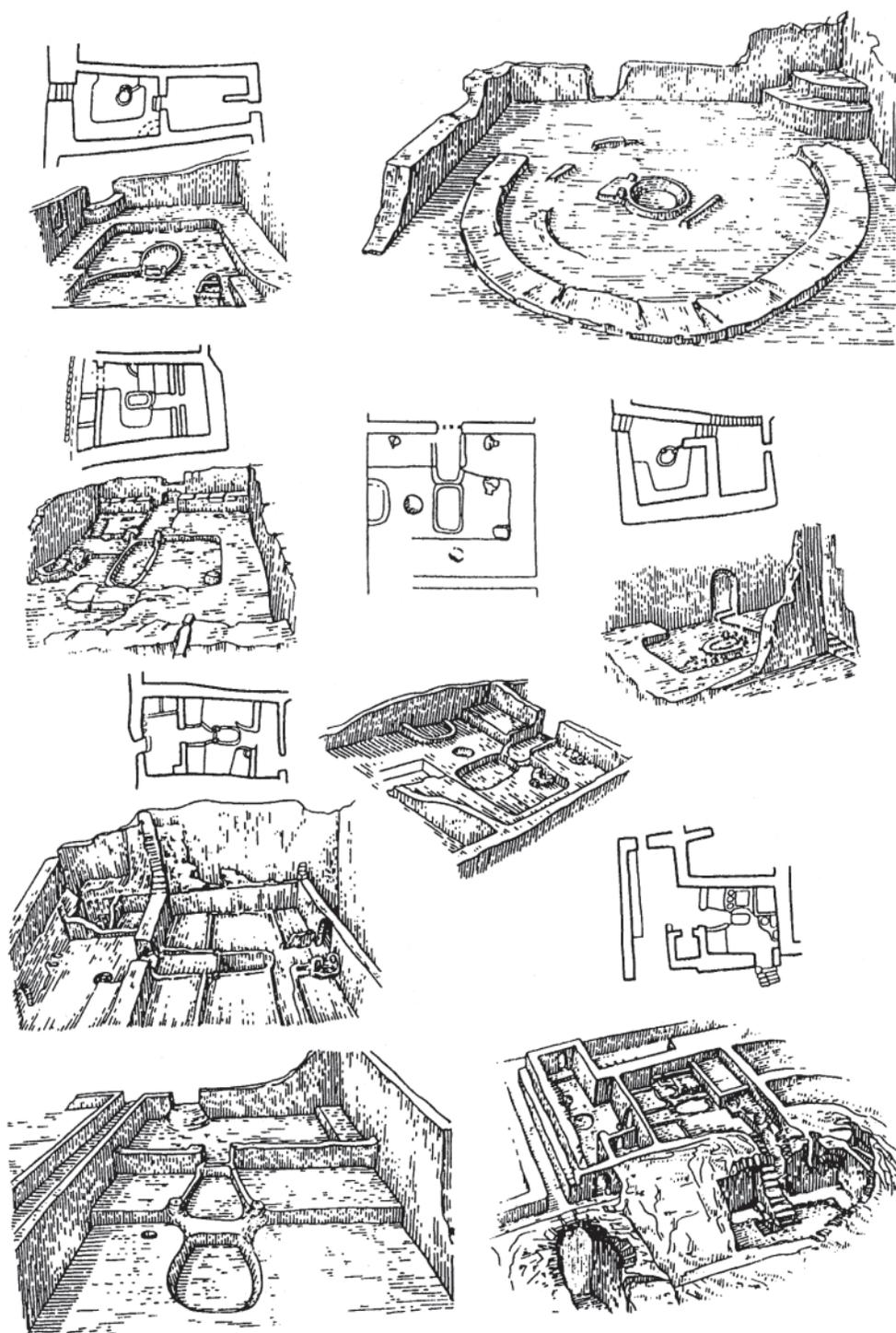

Рис. 65. Джеты-Асар. Жилище

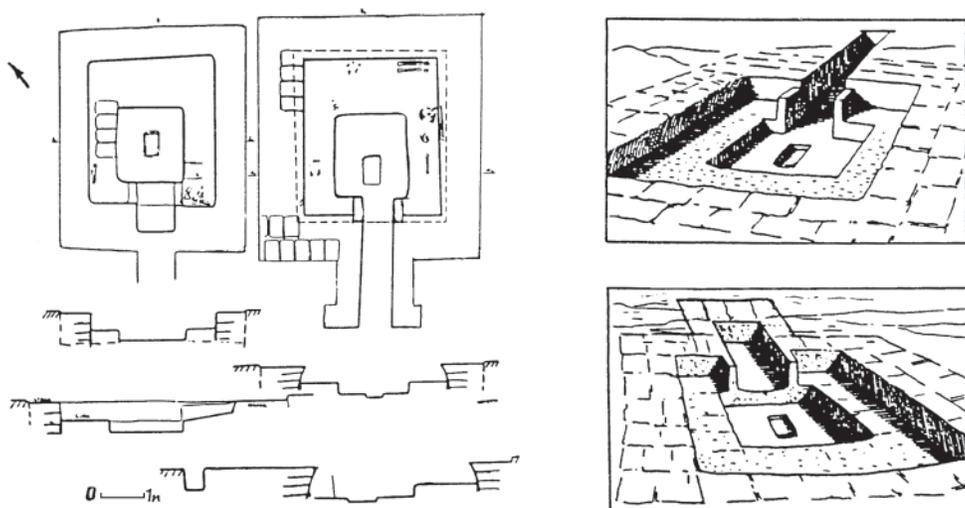

Рис. 66. Джеты-Асар, склепы

сырым зерном, кувшин или фляга с какой-либо жидкостью, кружка или чаша. С покойным обязательно оставляли мясо в глиняной или деревянной миске, реже на подстилке из переплетенного камыша, иногда и рыбу. Кроме заупокойной пищи рядом с захороненным размещали оружие, предметы туалета, орудия труда.

Наземные склепы бытовали весь период существования культуры. Склепы первого типа, возникнув где-то в середине I тысячелетия до нашей эры, встречались вплоть до IV века нашей эры. Сооружают подквадратные в плане склепы уже не со сводчатым перекрытием, а перекрытием в виде ложного купола. Склепы всех трех типов служили семейными усыпальницами и бытовали на протяжении длительного времени.

Среди исследованных джетыасарских погребальных памятников курганы, содержавшие кирпичные склепы, составили менее одной седьмой от общего числа раскопанных, в остальных курганах под земляной насыпью устраивались грунтовые захоронения четырех типов.

Наиболее распространенными среди них были погребения в могильных ямах с небольшой боковой нишей в продольной стенке. Именно сюда помещали горшок с зерном или кашей на блюде или в миске, на куске циновки помещали тазобедренную часть барана. Реже ставили сосуд с питьем и кружку.

Курганы с погребениями в подбоях размещены группами вокруг одного более крупного кургана. Умершего помещали в подбой поверх камышовых циновок на спине, головой на север, с вытянутыми ногами и руками. В изголовье и в ногах, ставили сосуды с пищей. В мужских погребениях справа от покойного размещали лук, колчан со стрелами. Как правило, подбой от входной ямы отделялся камышом, загородкой из жердей, изредка кирпичной кладкой.

Среди раскопанных грунтовых погребений захоронения в простых ямах составили чуть более 28%, при этом в четверти из них оказались захоронения маленьких детей. Большинство умерших были положены на дно ямы вытянуто на спине, головой на север, но в нескольких погребениях данного типа оказа-

лись и скорченные захоронения на боку, также с северной ориентацией.

Наиболее массовым материалом в могилах была керамика. Кроме керамических сосудов в погребальном инвентаре имелись деревянная (блюда, миски, кружки, чаши) и металлическая (котлы) посуда. Помимо посуды в инвентарь джетыасарских погребений входили оружие, орудия труда, иногда предметы конской упряжи, украшения, туалетные наборы.

Наиболее ранними типами джетыасарских подкурганых погребений были захоронения в ямах с небольшими боковыми нишами и некоторые погребения в простых ямах. В середине I тысячелетия до нашей эры в джетыасарском урочище подобные погребения уже существовали. Курганы с погребениями в ямах с боковыми нишами в абсолютном большинстве случаев прекращают возводить в III-IV веках н.э. В IV – начале V века появляются и курганы с погребениями в подбоях, которые параллельно с небольшим числом погребений в простых ямах бытуют до конца существования культуры.

Джетыасарские курганы демонстрируют устойчивость типов погребальных сооружений, наземных и подземных, и погребального обряда.

Также и джетыасарские сосуды почти не менялись на протяжении многих столетий, если не учитывать отдельных нюансов формы и орнамента.

У джетыасарских кувшинов обычно шаровидное тулово. На высоком прямом горле часто прочерченные, прорезанные или рифленые горизонтальные линии, на краю сосуда симметрично расположены небольшие парные сливы. Иногда на крутых плечиках кувшинов прикреплены две вертикальные ручки с выступами в верхней части. Близкой формы ручки, также подтреугольные в сечении, имеют и кружки первого этапа с почти шаровидной формой тулова, с уступом под горлом.

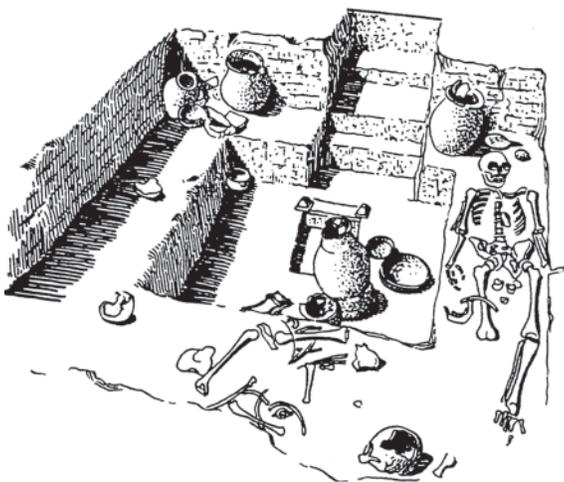

Рис. 67. Джеты-Асар.
Погребальный склеп второго типа

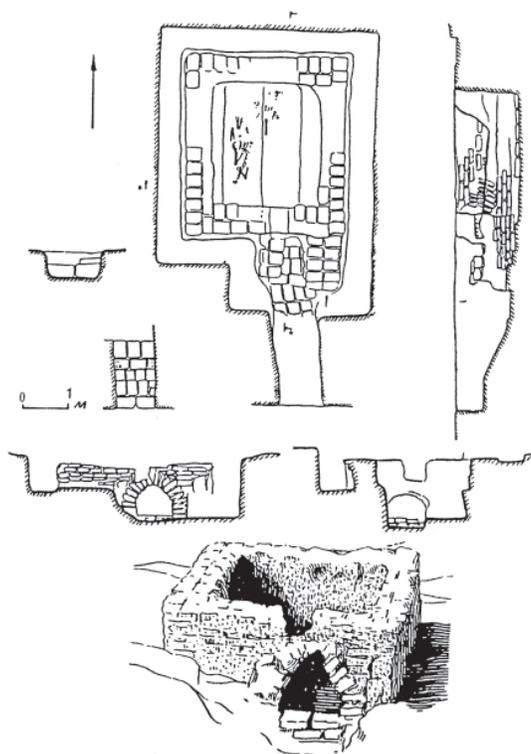

Рис. 68. Джеты-Асар.
Погребальный склеп

В культурных слоях некоторых городищ и нескольких погребениях могильников встречены бронзовые и имитирующие их глиняные котлы с яйцевидным или округлым туловом, высокими ручками, иногда с горизонтальным валиком на тулове, с коническим поддоном. Тожественные бронзовые котлы и их глиняные копии есть в материалах Тувы, Западной Монголии, Юго-Западной Сибири, Киргизии в материалах памятников, которые большинством исследователей связываются с хунну-сюнну – гуннами. Достаточно разнообразно оружие: кинжалы, мечи, луки, стрелы, копья. Найдены бронзовые, костяные, железные наконечники стрел и костяные накладки сложного лука. Оружие являлось обязательной принадлежностью всех мужских и многих женских погребений. Положение мечей в могилах позволяет говорить о двух способах их ношения: слева от пояса вдоль левого бедра и справа, за правым плечом. Но если мечи отмечены только в мужских погребениях, то железные дву- и однолезвийные кинжалы находились как в мужских, так и в женских погребениях. Помещались кинжалы в мужских погребениях, как справа, так и слева у пояса, в женских захоронениях – только слева. Интересно, что и в захоронениях, где вместе с матерью погребен ребенок, также присутствует оружие – кинжалы, стрелы.

Благодаря сухому климату в джетыасарских могильниках встречено немало фрагментов верхней одежды, головных уборов, обуви. Коллекция тканей позволяет говорить как о местном текстильном производстве, так и о торговых связях региона.

Характерный для джетыасарских сосудов налестной орнамент в виде налестов-валиков, часто с отогнутыми концами, а также одинарных, двойных и тройных шишечек отмечен на сосудах всех этапов культуры. То же можно сказать и о геометрическом прочерченном и прорезном орнаменте. Однако на втором и третьем этапах он стал намного разнообразнее и дополнился богатым растительным узором. Тогда же широко распространяются прорезные и прочерченные узоры на венчиках и тулове типа «елочки», «сетки» и зигзагообразных рисунков. Аналогии этим орнаментальным мотивам имеются в памятниках Жетысу, которые связывают с тюрками. Для всех джетыасарских сосудов характерно сплошное или полосчатое лощение красного, красно-коричневого, реже серого цвета.

Верхняя одежда женщин представляла собой платья до пола, в основном с длинными рукавами, и короткие кафтаны, надеваемые поверх. Ворот их застегивался янтарными, халцедоновыми, сердоликовыми, стеклянными пуговицами. Ткань для платьев изготавливалась из хлопка, шелка, шерсти, окрашивалась в розовый, красный цвета. Встречались также платья из многоцветной ткани, где, однако, основным фоном оставались розовый или красный.

Кафтаны шились из шерсти, хлопка, шелка, иногда и из тонкой кожи. Их ворот и полы обшивались рядами серебряных и бронзовых бляшек полушаровидной формы.

Среди сохранившихся фрагментов одежды отмечены и другие орнаментальные приемы, такие как тканый узор, вышивка, аппликация. Они украшали платья, ворот, борта и обшлага кафтанов. Встречены остатки одежды из полихромных тканей со сложными многоцветными композициями и яркими красками. В одном из курганов сохранилась в виде отдельных деталей расшитая кожаная накидка типа «бурки».

Среди фрагментарно сохранившихся женских головных уборов самым распространенным была мягкая, невысокая полусферической формы шапочка из красного шелка или ярко-розовой хлопчатобумажной ткани, украшенная по краю рядом металлических бляшек и подвесками.

Многие детали мужской и женской одежды находят аналогии в погребениях савроматов и сарматов, а также соотносимых с богатыми погребениями Тилля-тепе в Афганистане. В алтайских погребениях сакского времени найдены кожаные накидки, близкие встреченным в курганах джетыясарской культуры – верхним кожаным одеждам всадниц. Украшенные позолоченными кожаными фестонами головные уборы, туалетные сумочки перекликаются с найденными в раннегуннских курганах Монголии. Встречаются в джетыясарских курганах янтарные пуговицы из Прибалтики, сердоликовые – из Индии, стеклянные – из Сирии и Египта, халцедоновые геммы из Ирана, восточно-европейские и центрально-европейские фибулы и браслеты, и множество других аксессуаров, демонстрирующих направления торговых связей.

Драгоценными тканями для того времени были шелка, многоцветные и гладкие из Китая, многоцветные узорчатые из Ирана и Сирии. В то же время получило развитие местное текстильное производство из хлопка. Одновременно с простыми хлопчатобумажными тканями употреблялись и многоцветные двухслойные ткани из хлопка.

Раскопки джетыясарских памятников сохранили свыше 600 бронзовых, серебряных, железных, изредка позолоченных наременных пряжек и бляшек, часть которых (из погребальных комплексов) позволила сделать реконструкцию полутора десятка поясных наборов. Зафиксировано несколько групп поясов с металлическими бляшками. Первая группа – пояса из сплошных бронзовых и серебряных сдвоенных округлых бляшек, соединенных прямоугольной пластинкой на штырях, закрепленных на тонком кожаном ремешке. К другой группе относятся поясные наборы так называемого гунно-аварского типа с отходящими вниз от основного пояса короткими ремешками, к которым при-

креплялись различные предметы. Изредка встречаются пояса с квадратными в плане серебряными позолоченными бляшками, украшенными вставками из гранатов, сердолика и других камней.

Найдено несколько десятков металлических (бронзовых, серебряных, иногда обтянутых золотой фольгой и украшенных вставками из стекла и полудрагоценных камней) фибул-застежек, которые находят аналогии в материалах множества культур, например, сарматских памятниках Приуралья и Нижнего Поволжья, скифских и северокавказских памятниках с конца I тысячелетия до нашей эры, а двухпластинчатые фибулы известны в памятниках Северного Причерноморья, Крыма, Восточной и Центральной Европы. Они датируются не позднее IV-V вв. н.э.

Бусы – украшения, отражающие направление связей и торговых отношений. Коллекция джетыасарских бус уникальна, поскольку объединяет бусы самого разного происхождения: балтийский янтарь и индийские камни, средиземноморские кораллы и кавказский гагат.

Стеклянные бусы происходят из мастерских всех известных в то время школ стеклоделия.

Туалетные наборы были обязательной принадлежностью погребального инвентаря женских захоронений. В туалетный набор входило бронзовое зеркало в матерчатом или кожаном чехле, иногда украшенном позолоченными фесонами, железный ножичек, крупная речная раковина, часто с остатками охры или мела внутри, брусок мела, деревянный гребень, бронзовый или железный пинцет. Его составляющей был косметический набор, состоящий из туалетного сосуда, железного шила с деревянной или костяной рукоятью, сурматаша (для окраски бровей и ресниц).

Туалетные наборы, как правило, были уложены в плетеные деревянные корзинки с крышками, шерстяные, полотняные или кожаные сумочки, деревянные шкатулки – ларцы.

Особый интерес представляют находки в джетыасарских жилых и погребальных памятниках более двух десятков иранских резных камней – гемм парфянского и сасанидского времени, вырезанных на альмандине, различного цвета халцедоне, сердолике и горном хрустале.

Возможно, геммы служили знаком привилегированного положения их владельца или владелицы. Геммы из джетыасарских захоронений датируются в пределах III-IV и IV-V вв. н.э., но они, безусловно, были в обиходе и позднее. Представляется, что сасанидские геммы из джетыасарских захоронений могли попасть в Восточное Приаралье в результате торговых связей с Ираном еще в III в. н.э., а уже в IV – начале V в. как военная добыча.

Интересны зооморфные и антропоморфные изображения и другие культовые предметы. Это глиняные и алебастровые статуэтки и идолы; прочерченные, прорезные, нарисованные, наклепные изображения на дереве, керамике, на ручках сосудов; изображения на ручках крышек; зеркал; зооморфные и антропоморфные металлические подвески, бляшки и пряжки. Среди зооморфных изображений отмечаются птицы, змеи, бараны, собаки, волки, сайгаки, олени, верблюды, лошади и даже слоны.

В материалах джетыясарских памятников есть три вида антропоморфных изображений: глиняные идолы, бронзовые литые изображения и налеты на стенках джетыясарских сосудов. Джетыясарские металлические антропоморфные бляшки и пряжки, как и антропоморфные налеты на стенках сосудов представлены только мужскими изображениями.

Антропологические наблюдения свидетельствуют о едином в основной массе типе населения.

На территорию размещения джетыясарских памятников носители иных культур и этносов попадали неоднократно. Так, уже к V-IV вв. до н.э. можно отнести отдельные погребения с характерным для Тянь-шаньских саков инвентарем. В погребениях и культурных слоях городищ в последние века до нашей эры фиксируется значительное число материалов, типичных для Зауралья и Приуралья.

Близость памятников трех сырдарьинских культур бесспорна, она видна в устройстве и планировке поселений, в строительной технике, интерьере жилищ, в фортификации, погребальном обряде, в хронологии керамических комплексов, вооружении, украшениях.

Важно и то, что при сравнительной характеристике регионов Средней Азии и Казахстана эпохи Кангюя выделяется единая культурно-хозяйственная зона от низовьев Сырдарьи до Ферганы. Для нее характерны оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки, как ведущий тип расселения, слабо развитое ремесло, ограниченность денежного обращения¹³¹.

Все вышесказанное свидетельствует о близости культур и, на наш взгляд, правильнее говорить о разных, хотя и близких культурах каунчинской, отрарско-каратауской, джетыясарской, а не об одной культуре и ее вариантах. Количество таких вариантов будет расти и уже сейчас можно говорить об арыском, келесском, таласском, чуйском, ферганском и других. Видимо, справедливо будет назвать эту культуру «сырдарьинской» и связать ее в этнополитическом плане с Кангюем, в судьбах которого важную роль сыграли вначале хунну, а затем согдийцы и тюрки. Роль согдийцев была значительной в районах распространения каунчинского варианта культуры, а роль тюрков – в районах распространения отрарско-каратауского и джетыясарского вариантов сырдарьинской культуры.

В конце III – начале IV в. по археологическому материалу заметны значительные изменения. Под воздействием кочевых племен – населения, пришедшего с востока, в материальной культуре происходят значительные изменения. Появляются признаки, характерные для гуннских памятников Тувы и Монголии. Если раньше антропологический материал представлял два типа – хорасанский и восточно-средиземноморский, то к IV в. появляется смешанный – европеоидного с монголоидным. Отмечается к этому времени и изменение лингвистической ситуации: тюркский язык вытесняет иранские языки.

131 *Массон В.М.* Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана // УСА. Вып.1. Москва, 1976. С.6.

Пришельцы, а это, видимо, были гунны и другие центрально-азиатские племена, дали толчок для движения джетысарских и отрарско-каратауских племен вверх по Сырдарье, в Среднюю Азию и на Средний Восток. Часть населения продвинулась через Приаралье на Кавказ. Следы хлынувшей в VI – начале VII в. второй волны племен с Востока и связанной с тюрками проявились, прежде всего, на памятниках Средней Сырдарьи. В Отрарском оазисе сложился во II в. до н.э. – IV – первой половине IX в. новый комплекс с элементами культуры местных племен, отраженный в таких находках, как предметы прикладного искусства. В это время прекратили свое существование многие из поселений и городов отрарско-каратауской культуры. Население, вытесненное в низовья Сырдарьи, вместе с джетысарцами ушло в район «болотных городищ» – в дельту Сырдарьи и Амударьи, а оставшееся вошло в состав Кангарского объединения – Кангу Тарбан, существовавшего в VII–IX вв. с центром на Средней Сырдарье в Отраре. Жители – кангары – расселились не только здесь, но и на нижней Сырдарье, сыграв важную роль в формировании огузского, а затем кыпчакского союза племен¹³².

Появление и развитие жилища сырдарьинских культур. Все исследователи, которые рассматривали и изучали, анализируя особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлой и кочевой культур, писали об архаичности жилища Южного Казахстана, вызванного контактами и взаимодействиями земледельцев и скотоводов.

Они отмечают, что план-интерьер раннего жилища, его субстрактные черты доживают до XIX – начала XX в., что подчеркивают этнографы. В то же время они указывают на появление новых элементов в жилище, связанных с притоком сюда нового населения из Центральной Азии (тюрки, монголы). Исследователи отмечают также сохранение в городской культуре вплоть до нового и новейшего времени традиционных черт в материальной и духовной культуре¹³³.

Обстоятельно вопрос о происхождении жилища «отрарского типа», точнее сырдарьинского, рассматривает Е.А.Смагулов, при этом он ссылается на архитектора Л.В.Гуревича, который ищет истоки жилища раннесредневекового типа Согда в Приаралье, в Джетысарской культуре¹³⁴.

Однако об этом писала еще Л.М.Левина, указывая на передвижение сырдарьинских племен, именно джетысарцев, вверх по Сырдарье. Она отмечала эти передвижения и связанное с ним, в том числе, домостроительство Согда

132 Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. С.369-376.

133 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI– начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С.42, 85-86; Байпаков К.М. Традиции и инновации в материальной культуре Отрара // Проблемы изучения и охраны памятников культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С.16-20; Смагулов Е.А. Древний Сауран. Алматы, 2011. С.225-237; Бураков Ю.Ф. Археологические материалы к этнической истории бассейна средней Сырдарьи в древности и средневековье. С.50-67; Ерзакович Л.Б. Особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлой и кочевой культур (по материалам Отрара) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.383-390; Жилина А.Н. Традиционные поселения и жилища узбеков Южного Казахстана // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1982. С.137-163.

134 Гуревич Л.Б. К интерпретации пенджикентских «капелл» // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа / Древность и средневековье. Москва, 1990. С.73, 78, 85.

в IV – начале V в.¹³⁵ Джетыясарские традиции в согдийском Нахшебе отмечает Р.Х.Сулейманов¹³⁶.

Влияние каунчиноидных культур прослеживается и в жилищах Хорезма¹³⁷.

Однако, обратимся к гипотезе Е.А.Смагулова, который рассматривает джетыясарскую культуру как культуру скотоводов, в том числе и кочевых, осевших на землю. Именно эти скотоводческие племена и стали, по его мнению, «родо-начальниками» сырдарьинского, джетыясарского оседлого жилища, а основой его явилась, считает он, «крытая кибитка» на колесах¹³⁸. В качестве аргумента он приводит описание скифских кибиток, четырех и шестиколесных, разделенных на секции и крытых войлоком. В них ездят женщины и дети, а мужчины передвигаются на конях. Кибитки у гуннов описывает Аммиан Марцелин¹³⁹. Кстати, у того же Аммиана Марцелина есть характеристика кочевых аланов, которая мало отличается от характеристики гуннов: «Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки; истребив весь корм для скота, они снова везут свои так сказать города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища. Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они проявляют и уходу за лошадьми»¹⁴⁰.

Этот тип кочевого жилища на колесах, также как и юрту на колесах, описывают многочисленные письменные источники. На эволюцию стационарного жилища из юрты и повозки на колесах, указывал А.Х.Маргулан, которым были собраны и проанализированы сведения Плано Карпини, Гильома Рубрука, Ибн Батуты, Рузбихана, казахского эпоса. В казахском эпосе «Кыз-Жибек» описывается, как герой поэмы Толеген долго не может добраться на скакуне до головной повозки каравана, где в кибитке ехала его возлюбленная. А.Х.Маргулан считает, что казахи и ногайцы были последними хранителями традиций древней повозки. Он предполагал, что город на Сырдарье – Канка (Кангка), вероятно, возник из строя повозок. Само слово кангка переводится как повозка¹⁴¹.

Бесспорно, что гипотеза о происхождении дома из кибитки на колесах, либо юрты на колесах вполне приемлема, но это было лишь одно из направлений процесса. Были и другие, связанные не с чистыми кочевниками, а полукочевниками и оседлыми жителями низовьев Сырдарьи.

Выше уже отмечалось, что Л.М.Левина нижнюю границу джетыясарских городищ относила к середине I тысячелетия до н.э. А значит приаральское жилище середины I тысячелетия до н.э., которое мы пока не знаем, могли «изобрести» и саки оседлые, саки землелашцы. Погребальные постройки, такие как

135 *Левина Л.М.* Среднеазиатские связи джетыясарской культуры в первой половине I тысячелетия н.э. // Культура и искусство древнего Хорезма. Москва, 1981. С.174.

136 *Сулейманов Р.Х.* Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд, Ташкент, 2000. С.143.

137 *Неразник Е.Е.* Об этнических процессах в раннесредневековом и средневековом Хорезме // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. Ташкент, 1986. С.37.

138 *Смагулов Е.А.* Древний Сауран. С.234.

139 *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. С.50.

140 *Зуев Ю.А.* Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. С.50.

141 *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С.11-16.

Бабиш-мулла, Баланды, поселение Чирик-рабат свидетельствуют о высоком уровне архитектуры и строительства монументальных сооружений с купольными и сводчатыми перекрытиями, фортификационных сооружений с широким использованием сырцового кирпича уже в середине I тысячелетия до н.э.

Они, безусловно, свидетельствуют о строительном потенциале сакских племен Приаралья, их постоянной оседлости, точнее части их, традиции которой, скорее всего, восходят к эпохе поздней бронзы, известной по материалам мавзолеев Тегискена¹⁴².

Мы придерживаемся мнения, что путь от кочевий к городам через кочевание с использованием колесного транспорта – кибиток на колесах и юрт, поставленных на платформы с колесами, – это лишь один из путей формирования стационарного жилища эпохи Кангюя, в котором, бесспорно, сохраняются и традиционные элементы кочевничества. Второй путь – это истоки и эволюция поселения и городского жилища у оседлой части племен, которые существуют издревле, с эпохи энеолита и бронзы, и в каждом из регионов имелись свои тенденции развития как в случае с Приаральем.

Такой путь формирования может быть понят благодаря рассказу М.Нершахи о возникновении Бухары. Он писал: «Итак, возле Самарканда есть большая речка по имени Масаф, очень многоводная. Вода во многих местах размывала землю и несла с собой много земли, так что те болота были совершенно занесены илом. Место, где находится Бухара, занесло водой, и площадь была сравнена. Так образовалась великая река Согд, а в занесенной илом области возникла Бухара; люди стали собираться туда со всех сторон и место приняло веселый вид. Люди, приходившие сюда из Туркестана, селились здесь, потому что в этой области было много воды и деревьев, были прекрасные места для охоты; все это нравилось переселенцам. Сначала они жили в юртах и палатках, но потом стало собираться все больше и больше людей и поселенцы стали возводить постройки. Собралось очень много народа, и они выбрали из своей среды одного и сделали его Эмиром. Имя его было Абруй. Самого города еще не было, но уже было несколько деревень, каковы: Нур, Харкан-руд, Вардана, Туравджа, Сафия, Исвана»¹⁴³.

Конечно, процессы взаимодействия двух этих магистральных линий форм урбанизации были постоянны. Очень убедительно писал об этом, основываясь на материалах Отрара, Л.Б.Ерзакович. Он отмечает в отрарском жилище черты, характерные и для оседлого и для кочевого населения. Для кочевников, вливающихся в среду горожан, в оседлом жилище характерны черты их традиционного жилища – юрты: отсутствие деления на мужскую и женскую половину, наличие почетного места для мужчины, территория для женщин и детей и в то же время основа жилища; его планировка, наличие суфы, кухонные очаги и сакральные, связанные с культом огня, алтари, одна или более колонн для поддержки перекрытия кровли, ташнау – санитарно-гигиеническое устройство, кладовые с закромами и сосудами типичны для оседлого поселения.

142 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. С.136-198.

143 Наршахи А.Б. История Бухары // История Средней Азии. Москва, 2003. С.122.

В культуре города переплетаются элементы нематериальных культур – оседлой и кочевой – это поверье о дождевом камне, камне-джада, барана, связанного с фарном, праздник кошкар-ата, шаманизм и суфизм¹⁴⁴.

Округ Кендже в эпоху Кангюя. Новые интересные материалы о Кангюе и его традициях получены при раскопках памятников в среднем течении Арыси, в районе, где в позднее сложился округ Кенджиде со столицей в городе Усбаникет¹⁴⁵.

Есть мнение, что город находился на месте городища Жуантобе¹⁴⁶, Караспан или Шортобе. Городище Жуантобе имеет двухчастную структуру: центральная часть в виде тобе с площадкой наверху, и территория в виде «кольцевого рабата», опоясывающего центральную часть, отстоящая на расстоянии от 20 до 60 м от центральной части. Первая – это конической формы бугор с крутыми стенками и площадкой наверху. Размеры бугра – 85х75 м и площадки наверху 65х55 м, высота тобе – 17 м. На трех углах его (кроме северного) прослеживаются остатки башен. Вокруг у подошвы прослеживается ров шириной до 40 м и глубиной 1,5-2 м, а за рвом застройка в виде кольцевого вала шириной в среднем до 60 м и высотой 6-7 м. В восточном углу имеется разрыв шириной до 50 м. Общая площадь городища составляет около 14 га (380х380 м).

Изучение проводилось еще в 1953 г. Южно-Казахстанской археологической экспедицией во главе с А.Н.Бернштамом и Е.И.Агеевой¹⁴⁷, а в 1988-1991 гг. здесь работала ЮККАЭ и экспедиция Южно-Казахстанского областного краеведческого музея во главе с А.Н.Грищенко¹⁴⁸.

В результате работ экспедиции музея были открыты несколько помещений на кольцевом рабате и участок застройки на центральном бугре.

Керамика с «кольцевого рабата» – лепная. Преобладают кувшины и кружки с широким устьем и дном, диаметр которого меньше диаметра устья. Тулово этих сосудов вытянутое или округлое. Горловина расширяется к устью «рас-трубом». Устье, как правило, с закраиной, подтреугольной в сечении. Кружки имеют петлевидную вертикальную ручку со схематическими зооморфными изображениями.

Следует отметить, что в качестве декоративного оформления внутренней и внешней поверхности кружек использовался ангоб красного цвета и легкое лощение. Керамика и строительные конструкции датируются IV-VI вв.¹⁴⁹

«Жилой комплекс», открытый на центральном бугре, отделен от входа площадью размером около 200 кв. м, которая названа «внутренним двором».

Раскопки выявили группу керамики: кувшины, кружки, горшки с прочерченным орнаментом в виде линий, треугольников, овалов, покрытые коричне-

144 *Ерзакович Л.Б.* Особенности городской цивилизации в контактной зоне оседлой и кочевой культур (по материалам Отрара) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.383-390.

145 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.233.

146 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.25.

147 *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. С.108-109.

148 *Байпаков К.М., Грищенко А.Н.* Раскопки городища Жуантобе // Новости археологии. Туркестан, 1997. С.84-89.

149 Там же. С.85. Рис.1.

Рис. 69. Округ Кендже. Городище Жуантобе и некрополь Борижары. Аэрофото

вым и красным ангобом; с зооморфными ручками; обломки чаш, украшенные вихревыми розетками и покрытые черным ангобом.

Своеобразная группа керамики была обнаружена при раскопках «согдийского дома» на северном склоне городища. Эти кувшины и чаши находят аналогии в комплексах согдийской керамики Пенджикента VIII в. Постройка дома относится к последнему периоду жизни городища¹⁵⁰.

К интересным находкам из верхнего слоя городища относятся терракотовые фигурки.

Одна из них изображает горбоносого мужчину (сохранилась лишь верхняя половина) в круглой плоской шапочке, с прямыми плечами и опущенными вниз руками. Глаза и рот показаны налепами.

Вторая терракотовая фигурка выполнена в форме образка: в овальном поле барельефное изображение мужчины с крупным горбатым носом и большими миндалевидными глазами. На голове прическа в виде поднятых вверх волос, усы обозначены рельефом. Мужчина одет в халат, длиной до середины икры. Край халата украшен полосой из вертикальных линий. В одной руке мужчины булава, в другой – жезл. Высота образка – 10 см.

¹⁵⁰ Байпаков К.М., Грищенко А.Н. Ук. соч. С.85. Рис.2.

Терракота, аналогичная вышеописанной, достаточно широко известна в коропластике Средней Азии, относится к тюрко-эфталитскому кругу и датируется V-VII вв.¹⁵¹

Там же найдена сасанидская серебряная монета. Лицевая сторона хорошей сохранности, оборотная сторона стерта.

На лицевой стороне в двойном ободке из мелких перлов – бюст царя, лицом обращенного вправо. На голове его корона, увенчанная двумя раскинутыми крыльями. Между крыльями – полумесяц и звезда. Волосы царя убраны назад, в ухе – серьга. Ворот одеяния украшен мелкими перлами. На плечах – ленты, ниспадающие вниз в виде двойных линий. В поле справа и слева вниз – легенда на пехлеви. Во внешнем поле справа, слева и внизу – полумесяцы со звездами, разделяющие внешнее пространство на четверти. Во второй четверти начертано слово на пехлеви.

На оборотной стороне в тройном ободке изображение из мелких точек, которое полностью стерто.

Иконография и надпись позволяют отнести данную монету к чекану сасанидского царя Хосрова II (590-628 гг.).

Начиная с 2004 г. ведутся масштабные раскопки на цитадели и шахристане Жуантобе в рамках программы «Культурное наследие».

На «кольцевом рабаде», недалеко от въезда в город, был вскрыт отрезок крепостной стены с внутрстенным коридором. Сохранившаяся высота стен не выявила наличие бойниц, но архитектурные особенности сохранившейся стены свидетельствуют о том, что внешняя оборонительная стена шахристана была построена в античное время. Керамический материал из раскопа стены также свидетельствует о ее возникновении в I-IV вв. н.э.

Основной раскоп был заложен на цитадели городища и явился продолжением прежних раскопов, вскрывших верхние горизонты. Раскопами 2 и 4 была вскрыта площадь около 1000 кв. м по уровню второго строительного горизонта.

Группа помещений по уровню третьего строительного горизонта была вскрыта в границах стратиграфического шурфа. Было исследовано заполнение четвертого строительного горизонта. В шурфе обнажена часть помещения с суфой и узкий коридор, стены которого покрыты штукатуркой.

Раскоп в северной части цитадели вскрыл уровень третьего строительного горизонта. Он находится у северного края цитадели между въездом и северной угловой башней. Раскоп вскрыл 4 жилых помещения, в каждом была пристенная суфа, очаг устраивался у входа. В зимнее время посредине комнаты устанавливался обычно переносной очаг, от которого сохранились следы прокала на поверхности пола.

В восточной части раскопа расширено 12 жилых помещений, в которых есть суфы, отопительные и бытовые очаги. Стены второго строительного горизонта стояли на стенах третьего строительного горизонта и сложены из сырцового кирпича прямоугольной формы.

151 *Байпаков К.М., Грищенко А.Н.* Ук. соч. С.85. Рис.3.; Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Ленинград, 1962. С.32-43. Рис.8, 2, 3. Табл.XVII, 302-303.

В помещениях собрана коллекция керамики, монет, найдено бронзовое зеркало, ювелирные украшения, сурьматаши.

Интересна терракотовая фигурка – скульптурное изображение мужчины. Образ передает его облик: высокий нос, небольшой рот, борода и небольшие усики, крупные глаза, обозначенные круглыми впадинами. Отмечены брови «до виска», массивная нижняя челюсть. Весьма характерна свисающая с правого уха серьга. Оригинален головной убор, представляющий повязку, несколько раз обернутую вокруг головы.

Похожие серьги обнаружены в захоронениях, относящихся к VI-VII вв. на некрополе Жуантобе, известны они на тюркских изваяниях.

Самой распространенной находкой является керамика. Столовая керамика хорошего обжига. Снаружи сосуды покрыты густым красным или черным ангобом. Интересны горшочки, горловина у которых поставлена прямо, венчик слегка отогнут наружу. От венчика на плечико опущена небольшая кольцевая подпрямоугольная в сечении ручка. Верхняя часть тулова украшена прорезным геометрическим орнаментом и покрыта густым красным ангобом. Интересен сосуд с носиком, оформленным в виде головы верблюда. Найдена курильница, состоящая из круглой неглубокой чаши на устойчивом коническом основании, края которой оформлены зубчиками. Поверхность поддона покрыта резным орнаментом, а вся курильница светло-коричневым ангобом. Это так называемая «кангарская» керамика, относится к VII – первой половине IX в.

К этому же комплексу керамики относится плоская крышка диаметром 42 см, она орнаментирована ямками-перлами и врезными полосками-лучами, расходящимися радиально от центра.

Круглое бронзовое зеркало с петлевидной ручкой имеет диаметр диска 7,2 см, толщины около 0,2 см. Тыльная сторона поделена на концентрические пояса из рельефного орнамента.

Подобный тип зеркал характерен для широкой зоны Евразии VI-VIII вв.¹⁵²

Борижарский могильник – крупнейший некрополь Южного Казахстана, примыкает к городищу с юга.

Исследование могильника было начато в 1893 году Н.П.Остроумовым, представителем Российской археологической комиссии в Туркестанском крае. Он раскопал несколько курганов. Затем Южно-Казахстанской археологической экспедицией в 1949 г. было исследовано 2 кургана, в 1951 году – еще 9 курганов. В 1967-1968 гг. археологические раскопки были продолжены Б.Н.Нурмуханбетовым. В 1989 году раскопки проводила археологическая экс-

152 *Байпаков К.М., Буряков Ю.Ф.* Археологические исследования на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2004». Алматы, 2005. С.165-168; *Байпаков К.М., Железняков Б.А., Беляева Т.В.* Отчет о раскопках городища Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2005». Алматы, 2005. С.298-301; *Железняков Б.А.* Предварительный полевой отчет по работам на городище Жуантобе в 2006 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2006». Алматы, 2007. С.146-149; *Железняков Б.А., Беляева Т.В.* Краткие результаты работ на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2007». Алматы, 2008. С.296-303; *Железняков Б.А.* О раскопках на городище Жуантобе // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2008». Алматы, 2009. С.236-240.

Рис. 70. Борижары. Катакомбы

педия Чимкентского областного историко-краеведческого музея¹⁵³, а начиная с 2004 г. в рамках программы «Культурное наследие» раскопки проводит ЮККАЭ Института археологии им.А.Х.Маргулана МОН РК.

Раскопками вскрывались подкурганые катакомбные погребения и наусы, превратившиеся со временем в «курганы»¹⁵⁴.

Погребения в катакомбах датируются более ранним временем.

Эти курганы в массе своей имеют уплощенные или плоские земляные насыпи диаметром от 10 до 30 м и высоту от 1,5 до 3-4 м. Вход в катакомбу (дромос – коридор) иногда располагается за пределами насыпи. Дромос идет к погребальной камере-катакомбе наклонно, он узкий 0,6-0,8 м и высотой от 0,7 до 1 м. Длину он имеет от 4 и более метров. Дромос приводит к сводчатой камере, вырубленной в лёссе. Размеры камеры различны, но, как правило, имеют длину 2,2-3 м и более, ширину от 1 м и более, высоту – свыше 1 м. Внутри на полу лежат в анатомическом порядке кости одного, двух или нескольких погребенных. Их укладывали в вытянутом положении, ориентация головой разная. Обычно дромос подходит к погребальной камере сбоку, иногда камера является его

153 *Остроумов Н.П.* Археологическая поездка в с.Мамаевка Чимкентского уезда // ПТКЛА. Ташкент, 1899. Год IV. С.118-137, 125; *Агеева Е.И., Пацевич Г.И.* Отчет о работах Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции 1953 г. // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т.I. С.53-57; *Нурмуханбетов Б.Н.* Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.108-120; *Нурмуханбетов Б.Н.* Работы Борижарского отряда // Археологические открытия 1970 года. Москва, 1971. С.502-504; *Нурмуханбетов Б.Н.* Катакомбы Борижарского могильника // Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.106-115; *Грищенко А.Н.* Керамический комплекс Жуантобе конца VII – VIII в. н.э. и вопросы датировки некоторых погребальных сооружений Борижарского могильника // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992. С.92-95; *Байпаков К.М., Грищенко А.Н., Кожжа М., Нурпеисов М.М.* Работы Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции в долинах Сырдарьи и Арысы // Известия Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан / Серия общественных наук. Алматы, 2000. №1 (224). С.224-229.

154 *Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А.* Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. С.88-129.

продолжением. Вместе с умершим в катакомбу помещали посуду: горшки, кувшины, кружки, чаши, фляги. Оружие представлено мечами, ножами, стрелами, от которых сохранились железные трехлопастные наконечники, костяные накладки от луков, украшения – ожерелья из бус из цветных камней, чаще сердолика, горного хрусталя, гагата, а также пастовые и стеклянные. Встречены браслеты, бронзовые и золотые цепочки, пряжки и накладки наборных поясов, серьги, украшенные вставками камней или стекла и зернью. В погребениях находят бронзовые китайские зеркала.

Датируются захоронения в катакомбах II в. до н.э. – IV-VI вв. н.э. и, по мнению исследователей, принадлежат отрарско-каратауской культуре, оставленной населением государства Кангюй¹⁵⁵.

Можно констатировать, что наусы также связываются с поздним этапом отрарско-куратауской культуры.

При раскопках склепов Борижарского могильника были найдены железные мечи, украшения и поясные наборы гунно-аварского типа. Керамика из захоронений в основном представлена кувшинами с носиками, кружками, характерными для каунчинской культуры. Кроме того, есть посуда «согдийского облика»¹⁵⁶. Разнообразие материала послужило причиной противоречий в датировках могильника. Е.И.Агеева и Г.И.Пацевич датировали его VIII-X вв., затем VI-VIII вв. Второй датировки придерживается Л.М.Левина. В.И.Распопова относит могильник к VI-VII вв. По мнению К.М.Байпакова, могильник следует датировать второй половиной VI – VIII в.¹⁵⁷

Рис. 71. Борижары, катакомбы

Рис. 72. Некрополь Борижары, захоронение в склепе

155 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. С.88-96.

156 Ержигитова А.А. Исследование могильника Борижары // Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие 2004». Алматы, 2005. С.183-187.

157 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции 1953 г. С.56.; Распопова В.И. Поясной набор Согда VII-VIII вв. // Советская археология. Москва, 1965. №4. С.88; Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н.э. Москва, 1971. С.217; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.41-48.

В послемонгольское время в XIII в. округ Кенжида меняет название на Кендже, который известен как место чеканки серебряных чагатаидских дирхемов, имевших широкое хождение в Средней Азии и Казахстане.

В это время столицей области, видимо, стал город Карасаман¹⁵⁸. Впервые о нем сообщает историк XIV в. Низам ад-дин Шами. Здесь в 1392 г. Эмир Тимур принимал послов Тохтамышша. В начале XV в. город вновь упоминается в связи с войной монголов под началом Шах-Джехана: «Осадил Отрар, Сайрам и дошел до Карасамана, места в окрестностях Карасамана».

В XVI в. появилось название еще одного города Халадж Карасаман, о котором пишет историк Хафиз Таныш.

Искать остатки Карасамана и Халадж Карасамана в долине Арыси помогает топонимика. До сих пор сохранились названия Караспан – так именуется село, на окраине которого находится Караспантобе. Есть также городище Калач, расположенное в 7 км вниз по течению р.Арыси от села Караспан.

Наиболее крупным из всех памятников является городище Караспантобе. Оно и является остатками Карасамана.

Центральная часть городища – высокое прямоугольное в плане тобе, размером в основании 220х260 м и высотой 22 м. Вокруг него застройка шахристана, ограниченная валом. Размеры его территории 850х600 м. За пределами шахристана прослеживаются остатки рабада, установить размеры которого невозможно, он распахан¹⁵⁹.

Раскопки на городище выявили строительные конструкции XIII-XVIII вв.

Проводились раскопки и на территории шахристана, где был заложен шурф, прорезавший толщу культурных напластований на глубину 3,5 м и давший материал I-XII вв.¹⁶⁰

У жителей поселка приобретена серия медных фельсов и серебряных дирхемов XIII в. Таким образом, начинает все более вырисовываться история и культура самого крупного города на Арыси. Халадж-Карасаман – еще один город на средней Арыси, отождествляется с городищем Калач, расположенным ниже Карасамана по течению Арыси, что не вызывает сомнения. Городище датируется первыми веками н.э. – XVII в.

Роль округа Кенджида в истории древнего Казахстана определяется и уникальными находками письменности, которые были сделаны А.Н.Подушкиным. В раскопе на городище Культобе, который находится неподалеку от городища Караспан, он обнаружил обломки жженных кирпичей или плиток с неизвестным письмом. Цитадель памятника практически уничтожена водами реки Арысь.

158 *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их значение в истории Казахского ханства в XV-XVII вв. // Казахстан в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1969. С.36; *Байпаков К.М.* О локализации позднесредневековых городов Казахстана // Советская археология. Москва, 1977. №2. С.201-202.

159 *Аеева Е.И., Пацевич Г.И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. С.107-108.

160 *Шербаев Р.К., Дудаков С.А.* Археологические исследования на городище Караспан // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2004». Алматы, 2005. С.168-170; *Байпаков К.М., Шербаев Р.К.* Археологические исследования на городище Караспан // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2005». Алматы, 2006. С.308-310; *Талеев Д.А.* Итоги исследования городища Караспан // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие 2006». Алматы, 2007. С.150.

Сохранившаяся часть представляет собой останец высотой 7,5 м и площадью около 150 кв. м с обрывистым западным склоном.

В ходе археологических работ по изучению территории, прилегающей к городищу Культобе, у кромки старого русла реки Арысь был заложен небольшой раскоп. При работах на глубине около 0,5 м от уровня древней поверхности удалось обнаружить верхнюю часть углового соединения двух пахсовых стен: одной массивной, толщиной около метра, другой – менее массивной.

При разборке стен в пахсовой заливке был обнаружен фрагмент изделия с письменностью. Это фрагмент плитки размером 7×7,5×9×3×13 см, толщиной 5,5 см. На лицевой поверхности зафиксировано около 26 полностью и частично сохранившихся знаков – букв, которые объединены в 6 «строк». Все знаки нанесены техникой вдавливания по сырой глине до обжига.

Всего же было обнаружено еще несколько обломков с письменами.

По палеографии все надписи аналогичны друг другу¹⁶¹.

Надписи на плитках были расшифрованы и прочитаны английским востоковедом Николасом Сим-Вильямсом. Самая длинная надпись переведена так: «Этот город был построен предводителем армии, Ч [...] сыном [...]. Он пошел туда так что (?) как (земля) предназначенная (нашему) народу и (земля предназначенная) кочевникам [должна быть...; и лорд Самарканда и [лорд К [иша] лорд Нашхаба и [лорд] Навак-ме [затем договорено (?); и он (?)] взяли все драгоценности [и (земли), принадлежащие [...] как его собственные]».

Историческую интерпретацию надписи сделал французский исследователь Франц Грене. Вероятно, надпись сообщает о строительстве города на месте городища Культобе «предводителем армии», наиболее вероятно, «предводителем армии народа Чача». Видимо, он командовал войском от имени, или в союзе с лидерами четырех основных городов – государств центральной и южной Согдианы: Самарканда, Киша, Нахшаба и Бухары. «Земля, принадлежащая (нашему) народу» и «[земля, принадлежащая] кочевникам» может быть понята как земля, захваченная у кочевников и разделенная между согдийцами. Более вероятно, она могла обозначать, что границы между пахотными землями, принадлежащими согдийцам, и пастбищами кочевников была определена обоюдным согласием. Похоже, что «город» стоял на этой границе или за ней. Это городище могло быть частью линий пограничных постов, простирающихся вдоль реки Арысь.

К сожалению, из-за пробелов невозможно увидеть точно, какую роль играли четыре руководителя согдийских городов. По одной версии они захватили «все сокровища», что могло означать награбленное добро или собрали дань во время военной кампании. Если эта интерпретация правильна, то причиной упоминания этого момента было желание продемонстрировать лояльность главы, его справедливость. Другая интерпретация, в равной степени возможная, показать, что полководец был автором этого действия. Это может сделать конец текста более понятным по отношению к началу: «Город принадлежал предводителю армии Чача потому, что он построил его на своей доле земли,

161 Подушкин А.Н. Новые памятники письменной культуры Южного Казахстана // Shygys-Kazakhstan. Алматы, 2005. №2. С.133-139.

принадлежавшей согдийцам, для того, чтобы укрыть «сокровища». Необходимо отметить, что на языке пехлеви и на персидском слово сокровище означает как склад оружия, так и денег, и драгоценных вещей.

Политическими силами, упомянутыми в надписи 4, выступают владельцы Самарканда, Киша, Нахшаба и Бухары. Датируются надписи I-III, либо IV-V вв.

Надписи из Культобе характеризуют совместную акцию городов Согда, которая установила границу вдоль реки Арысь. В этом контексте «кочевники» могли принадлежать к реальным кочевническим компонентам Кангюя. Если надписи датированы первой половиной третьего века, то можно интерпретировать установление границы как контрмеру против Хунну, которые вторглись в Согд в последующем веке¹⁶².

Однако, по мнению Э.В.Ртвеладзе, датировка надписей, данная Н.Сим-Вильямсом и Ф.Грене I-II или IV-V вв., может быть оспорена. Он предлагает, опираясь на надписи на монетах Чача, выполненных на том же языке и тем же алфавитом, и которые датированы серединой – второй половиной III в., датировать надписи из Культобе именно этим временем. Э.В.Ртвеладзе также предлагает прочтение имени владельца Чача, которого звали, по его мнению, «Ванван»¹⁶³.

По мнению Ф.Грене, список четырех согдийских городов-государств появляется как предтеча раннего китайского списка согдийских владельцев в Суйшу, чья информация датируется началом VII в. Первенство отдано Самарканду, Кишу, Нахшабу и Бухаре, которые есть в этом списке и к которому добавляются шесть менее значительных княжеств: Маймург, Кабудан, Кушания, Харгхан, Вунахо и Му. Владение Чач появляется как одно из федеративных согдийских государств только в последующем списке, данном в Тангшу. Самарканд, Киш и Нахшаб были значительными городами уже в Ахеменидский период. Интересно отметить, что в средневековый период, в X в. при Саманидах города центрального и южного Согда традиционно устанавливали военное присутствие в приграничной зоне с Южным Казахстаном. Это видно из сочинений арабского географа ал-Макдиси, который указывает, что «Испиджаб – большой окружной город... в столице края находились рабаты: рабат нахшабцев, рабат бухарцев, рабат самаркандцев.»¹⁶⁴

Культобинские надписи заставляют обратиться и к известному сюжету, связанному с установлением местонахождения столицы Турана – Канги, которую Фирдоуси помещал севернее Испиджаба, и она, по мнению С.Г.Кляшторного, должна быть локализована в области Отрар. Именно область Отрара может быть отождествлена с тюркским владением Кангу-Тарбан, названном в древнетюркских рунических надписях¹⁶⁵. По мнению В.Шуховцова, в Шахнаме у Фирдоуси есть конкретные данные о местоположении Турана. Дважды при описании поездки Сиявуша к Афрасиабу и похода Туса на Туран описывается

162 *Sim-Williams N., Grenet F.* The sogdian inscriptions of Kultobe // *Shygys-Kazakhstan*. Алматы, 2006. №1. С.95-111.

163 *Ртвеладзе Э.В.* Исторический контекст согдийских надписей на Культобе // *Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента*. Шымкент, 2008. С.233-238.

164 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников в IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С.80.

165 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.155-167.

маршрут от Балха до Канга – столицы Турана. Маршрут пролегал через Термез, Согд, Самарканд, Чач. Далее, пройдя через Испиджаб, можно было попасть в Канг. Туран, считает В.Шуховцов, был крупным образованием, включавшим в себя несколько исторических областей: Испиджаб, Канг-дих, Фараб, Шавгар, Сауран – те области, которые в более поздних источниках объединяются в регион Туркестан. Именно здесь средневековые географы помещают область Кенджиде или Канг-дих. Название Туран, считает исследователь, восходит к сакскому времени¹⁶⁶. Но это и эпоха Кангюя и надпись на кирпиче из Культобе фиксирует взаимоотношения Ирана и Турана, которые затем повторяются в истории средневековья, отмеченные в письменных источниках и Шахнаме.

Таким образом, область Кенджида, расположенная на Средней Арыси, насыщенная древними и средневековыми поселениями и городищами и могильниками, пограничная местность между Ираном и Тураном, где, возможно, находилась столица Турана Канг-дих; область, где в средние века находились города Усбаникет, Карасаман, Халадж-Карасаман, область, где работал в XIII-XIV вв. монетный двор государства Чагатаидов. И, конечно, область, где сделаны уникальные находки письменных документов на кирпичках, – безусловно, играла важную роль в древней истории Казахстана и Евразии.

Святылища и храмы

В городах эпохи Кангюя, как удалось установить, находились храмы и святылища. Значимость их в жизни горожан была различной: некоторые принадлежали жителям квартала, другие – крупным религиозным общинам города.

Квартальное святылище было раскопано на Кок-Мардане. Это квадратная в плане однокомнатная постройка размером 4×4 м. Напротив нее устроена ниша, обрамленная налепом в виде рогов барана, под ней – подиум с толстым слоем золы. У юго-западной и северо-восточной стен расположена «Г»-образная суфа шириной 1 м. Прямых аналогий святылищу нет, но некоторое сходство с ним обнаруживает зал в постройке на Гяур-кале в Хорезме, датированный кушанским временем¹⁶⁷. Алтари у стен и ниши с курильницами имелись в святылище усадьбы Кайрагач в юго-западной Фергане.

Городской храм городища Кок-Мардан располагался в северной части городища, которое являлось цитаделью, и представлял собой помещение размером 10×15 м, в центре которого находился алтарь огня. Алтарь прямоугольной формы размером 0,7×1,5 м. Плоская поверхность алтаря была оконтурена налепными бортиками из глины. Внутри он был заполнен золой¹⁶⁸. Это был храм с алтарем для возжигания огня.

Храмы с крестовидной планировкой. В 1963-1967 гг. в предгорьях Киргизского Алатау был открыт и исследован памятник с необычной планировкой.

166 Шуховцов В. Туран // Загадки древнего Туркестана. Алматы, 1998. С.105-107.

167 Мерицеев М.С. Поселение Чольтобе в северных предгорьях Киргизского Алатау // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1966. №12. С.69-73.

168 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). Рис.4.

Рис. 73. Городище Кок-Мардан. Планы раскопок, северный раскоп – городское святилище

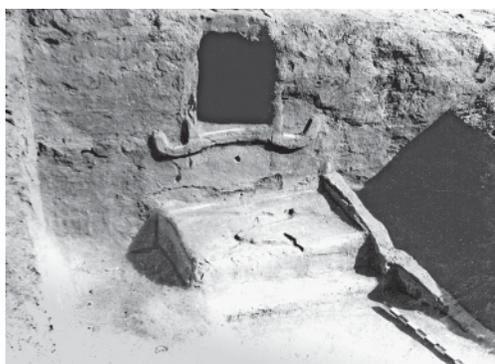
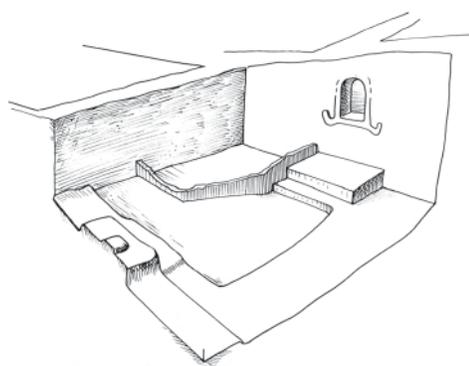

Рис. 74. Городище Кок-Мардан. Квартальное святилище

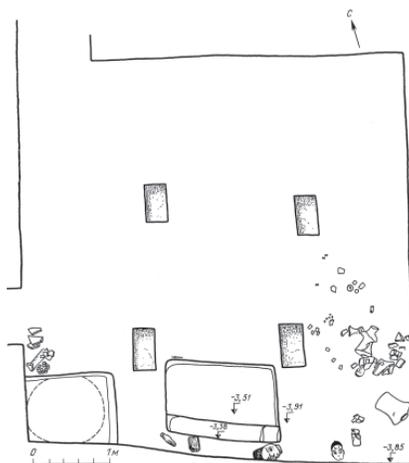

Рис. 75. Городище Кайрагач (Фергана). План святилища

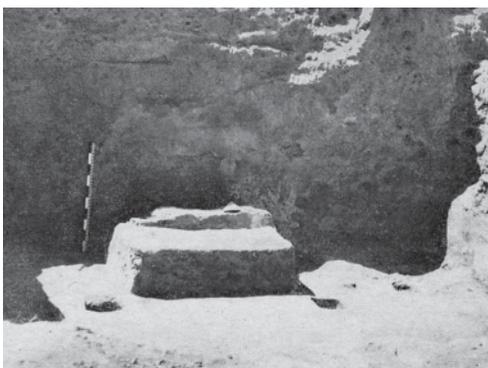

Рис. 76. Городище Кайрагач. Алтарь огня

Рис. 77. Городище Кайрагач. Изображения божеств

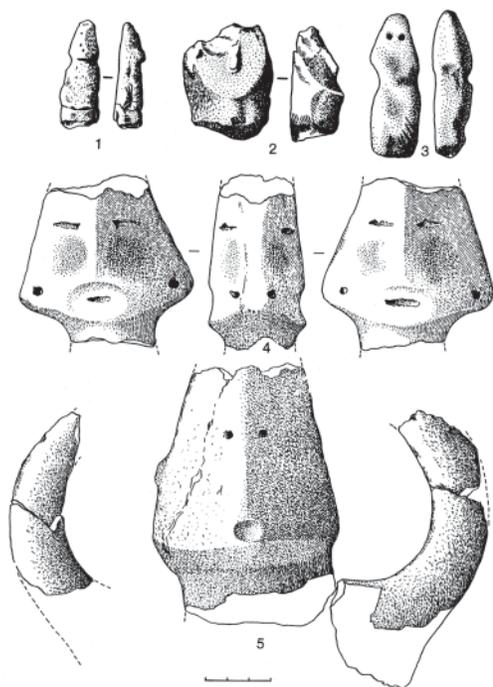

Рис. 78. Джеты-Асар. Божества

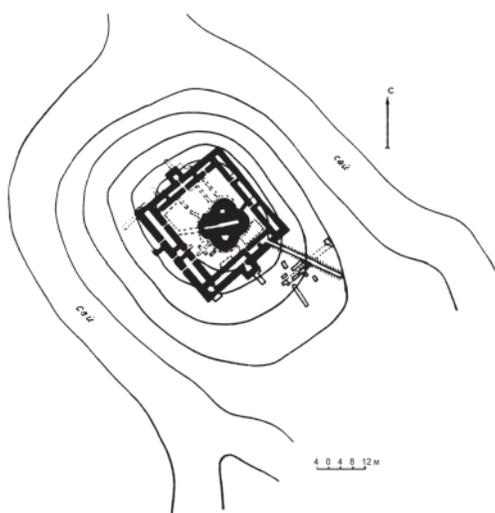

Рис. 79. Поселение и храм Чоль-тобе

Чоль-тобе расположен в 45 км восточнее города Тараза, в предгорьях Кыргызского хребта у южной границы песков Муюн-Кум, в излучине ныне сухих саев. До проведения работ это был пологий, округлый в плане бугор размером 80×100 м, высотой в центральной части до 3 м.

Вскрытый комплекс представлял собой квадратную постройку размером 40×40 м, ориентированную углами по сторонам света. По периметру располагались по три узких помещения типа коридоров шириной 1,9-2,2 м, длиной от 6,5 до 14,5 м. Стены возводились на основании из пахсовых блоков из крупномерного сырцового кирпича размером $46-52 \times 24-25 \times 8-9$ см. Высота сохранившихся стен – 2-2,2 м, толщина внешних стен – 1,8-1,95 м, внутренних – 1,4 м.

Во внешних стенах помещений на высоте 30-50 см от пола были устроены узкие сквозные отверстия размером $10-12 \times 32-35$ см, расположенные на расстоянии 2-2,75 м друг от друга. Все помещения имели коробовые перекрытия, возведенные из сырцовых кирпичей трапециевидной формы размером $48-52 \times 22-23-27-28 \times 8-9$ см. Предположительно свод был стрельчатый. В помещениях был один, реже два дверных проема. Некоторые имели выход во внутренний двор. В двух помещениях юго-западного комплекса, в одном помещении северо-западного и в одном

юго-восточного имелись дверные проемы во внешних стенах. Одни из них выводили за пределы комплекса, другие вели в небольшие помещения типа башен, которые выступали за внешний контур стен комплекса. Два небольших «башенных» помещения в южном и в северном комплексах были вскрыты полностью, а третье с западной стороны – частично. Все они близки по плану и размерам $2,2-2,3 \times 2,4-2,6$ м.

Дверные проемы, выходящие из коридорообразных помещений наружу и некоторые проемы, ведущие во внутренний двор, были высотой 1,5-1,7 м

и шириной 1,2 м, но проемы во внутренний двор, особенно проемы в смежных стенах помещений, напоминали лазы шириной 0,7-0,8 м, высотой около 1 м.

Центральный вход во внутренний двор комплекса находился в середине юго-западного комплекса. Во двор можно было попасть также с западной стороны и через южное коридорообразное помещение, имевшее два дверных проема: во внешней и внутренней стенах.

На полах большей части помещений были обнаружены прокаленные пятна, образовавшиеся в результате длительного разведения костров, очажки в виде подковообразного возвышения со следами прокала очаги-камины.

Коридорообразные помещения окружали замкнутый двор. Почти в центре, ближе к юго-западному углу двора, располагалось монументальное сооружение в виде четырехлепестковой розетки, возведенное на зольнике толщиной 10-20 см, покрывавшем материк. Стены сложены из таких же сырцовых кирпичей, как остальные постройки комплекса. Центральное помещение, судя по кирпичам из завала, было перекрыто коробовым сводом из сырцовых кирпичей трапециевидной формы. Расстояние между точками на вершинах противоположных лепестков составляло 17 м.

В толще кладки находилось длинное узкое помещение размером 11,7×1,93 м, вытянутое с запада на восток, а за его южной и северной стенами располагались небольшие квадратные в плане помещения. Западную часть помещения прорезала могила, которая значительно разрушила кладку стен. Северное, значительно лучшей сохранности. Стены в нем сохранились на высоту до 2-х м.

Помещения этого сооружения не имели дверных проемов. В них, вероятно, проникали сверху при помощи лестниц. С внешней стороны крестообразное сооружение окружала стена-обкладка толщиной 0,65 м, сохранившаяся на высоту 0,5 м. Она была сделана в то время, когда с внешней стороны сооружения накопился зольник полуметровой толщины. Уровень основания обкладки находился на 0,55 м выше уровня основания стен крестообразного сооружения. М.С.Мерциев определил памятник как поселение с храмовым комплексом и датировал его I-IV вв. н.э.¹⁶⁹

Памятник Кзыл-Кайнар-тобе расположен в 25 км восточнее г.Тараза, в 20 м западнее Чоль-тобе, на правом берегу небольшого сая. До проведения работ это был бугор высотой 5,5 м, диаметром около 100 м, состоявший из возвышенной части бугра и примыкающей к ней с юга низкой площадкой.

Раскопками было установлено, что его возвышенная часть также являлась остатками архитектурного комплекса, состоявшего в плане из близкого к квадрату (33×33 м) сооружения. Полностью определена лишь западная стена постройки. Южная стена обследована шурфами на протяжении 25 м. Стена уходила дальше в восточном направлении под невскрытую толщу слоев. Северная стена прослежена в длину на 5-6 м, но она, как и южная, имела продолжение на восток.

По периметру сооружения находились длинные узкие помещения типа коридоров шириной 2-2,5 м. Стены сложены из пахсовых блоков. Два блока

¹⁶⁹ Мерциев М.С. Поселение Чоль-тобе в северных предгорьях Каратау. С.69-73.

в нижней части стены имели высоту 0,8 м, третий блок – 0,6 м. Толщина внешних стен 3,1-3,15 м, внутренних – 1,3-1,4 м. В некоторых местах стены сохранились на высоту до трех метров. Они были покрыты глиняной обмазкой. Свод в помещениях сложен из крупных сырцовых кирпичей трапециевидной формы (45×25-35×8-9 см).

Во внешних стенах коридорообразных помещений на расстоянии 1,2-2,4 м имелись щелевые прорезы шириной 12-15 см и высотой 17-35 см. Прорезы в северной и южной стенах находились на высоте одного метра от пола. В западной стене сквозные прорезы находились выше – на высоте почти двух метров. Проходя через стену, они понижались от внутреннего контура стены к внешнему.

Раскопки на бугре в юго-западной части вскрыли монументальное сооружение в виде четырехлепестковой розетки, вероятно, крестообразное в плане. С внешней стороны прослежен лишь один «лепесток» – восточный, северный и южный вскрыты лишь частично. Расстояние между удаленными точками на вершинах противоположных лепестков – около 18 м. Стены были выполнены сплошной кладкой: верхняя часть из сырцовых кирпичей, нижняя – из пахсовых блоков. В толще кладки этого сооружения находились два помещения типа сводчатых коридоров, подобные коридорообразные помещения опоясывали постройку по периметру. В длину они были вытянуты с юго-запада на северо-восток. Помещения были вскрыты частично.

В шурфе, заложенном в северной части западного помещения, было обнаружено захоронение, условно названное «захоронение воина».

Скелет лежал вдоль восточной стены. Над ним нависала кладка свода, шедшая от этой стены. Захоронение было подвинуто под свод, что придало могильной яме вид катакомбы. Погребенный, как показывает его положение, лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток, руки располагались вдоль туловища.

Рядом с погребенным найдены различные предметы. На уровне плеча обнаружена округлая полусферической формы костяная пластинка размером 4,6×3,5 см и толщиной 1-3 мм.

Шею украшала золотая цепочка, сплетенная из нескольких тонких золотых нитей, длиной 35 см, толщиной в сечении 4-5 мм.

В области талии находился пояс. Он состоял из бронзовой пряжки с подвижным железным язычком и бронзовой фигурной пластинки-скобы, кольцо которой тремя бронзовыми гвоздиками скреплялось с кожаной частью пояса. По краю верхней части скобы проходила ажурная бронзовая пластинка. Внешняя сторона кожаной части пояса была украшена тонкими бронзовыми пластинками в виде бантиков. К поясу они прикреплены небольшими бронзовыми гвоздиками.

Ниже пояса поперек туловища лежал железный однолезвийный кинжал. На обеих сторонах лезвия обнаружены отпечатки дерева от ножен.

С левой стороны ниже пояса найдены 8 железных наконечников стрел. Все они трехперые, черешковые длиной 6-7 см.

Ниже пояса параллельно правой ноге лежал железный меч. Длина его без рукояти 74 см. Рукоять сохранилась в длину всего на 2 см.

На уровне бедер находились костяные пластинки – обкладки деревянной части лука. Две из них концевые, а остатки от трех – центральные.

На этом же уровне с правой стороны скелета найден предмет из золотой фольги, похожий на переднюю часть фигурки лошади.

Около черепа обнаружено золотое украшение в виде диска овальной формы (2,5×3,5 см) с небольшими возвышающимися бортиками по краям. В нижней части диска к внешней стороне бортика припаяно 11 цилиндрических штырьков, заканчивающихся пирамидальной фигуркой из зерни. На лицевой стороне, несколько отступая от края, имеется валик из мелкой зерни. К нему основанием примыкают четыре симметрично расположенных треугольника из такой же зерни. Между треугольниками и в центре диска припаяно пять круглых гнезд-ячеек, их бортики равны уровню бортика по краю диска. У основания с внешней стороны ячейки обрамлены зернью. В четырех гнездах, кроме центрального, сохранились вставки из стекла или розовато-вишневого самоцвета.

Ближайшие аналогии погребение имеет с захоронением рубежа IV-V вв. н.э. в купольном помещении поселения Актобе 2.

М.С.Мерциев отнес Кзыл-Кайнар-тобе и Чоль-тобе к оседлым поселениям и датировал их I-IV вв. н.э.¹⁷⁰ Монументальные четырехлепестковые сооружения с крестовидной планировкой помещений внутри он посчитал храмом поселения¹⁷¹. В качестве аналогий Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе М.С.Мерциев привел похожие по планировке памятники Ферганы, интерпретированные как храмы¹⁷².

Р.Х.Сулейманов провел раскопки памятника Сеталак 1 с крестообразной планировкой, расположенного в Бухарском Согде. Он высказал предположение, что этот памятник продолжал традиционную сакскую идею центрального культового монумента крестообразного плана. По мнению Р.Х.Сулейманова, Сеталак-1 и синхронные ему памятники Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе в Семиречье, Актепа Чиланзарское в Ташкенте, четырех, а затем восьмилепестковое в плане сооружение близ Керкидонского водохранилища в Ферганской долине были связаны с поминальными ритуалами культа предков – все они имели следы возжигания огня¹⁷³.

По мнению Г.А.Терновой, Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе – храмовые комплексы, которые относятся к хуннскому периоду IV-V вв. и связаны с культом солнца и огня. Она также отметила связь храмов с сакскими погребальными сооружениями в низовьях Сырдарьи, определив также регион распространения таких храмов на Сырдарье и связав их с каунчиноидными культурами¹⁷⁴.

170 Мерциев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV вв. и захоронение в нем воина IV-V вв. н.э. // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.92.

171 Мерциев М.С. Ук. Соч. С.81-82.

172 Максимова А.Г., Мерциев М.С. Восточные округа Тараза в I тыс. н.э. // Архив Института археологии МОН РК. №1183. С.141; Горбунова Н.Г., Оболдуева Т.Г. Работа в зоне строительства Ферганского канала // Археологические открытия 1968 года. Москва, 1968. С.339.

173 Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. С.258-259.

174 Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV-V вв. (по результатам археологических работ М.С.Мерциева) // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 2009. №1. С.293-310.

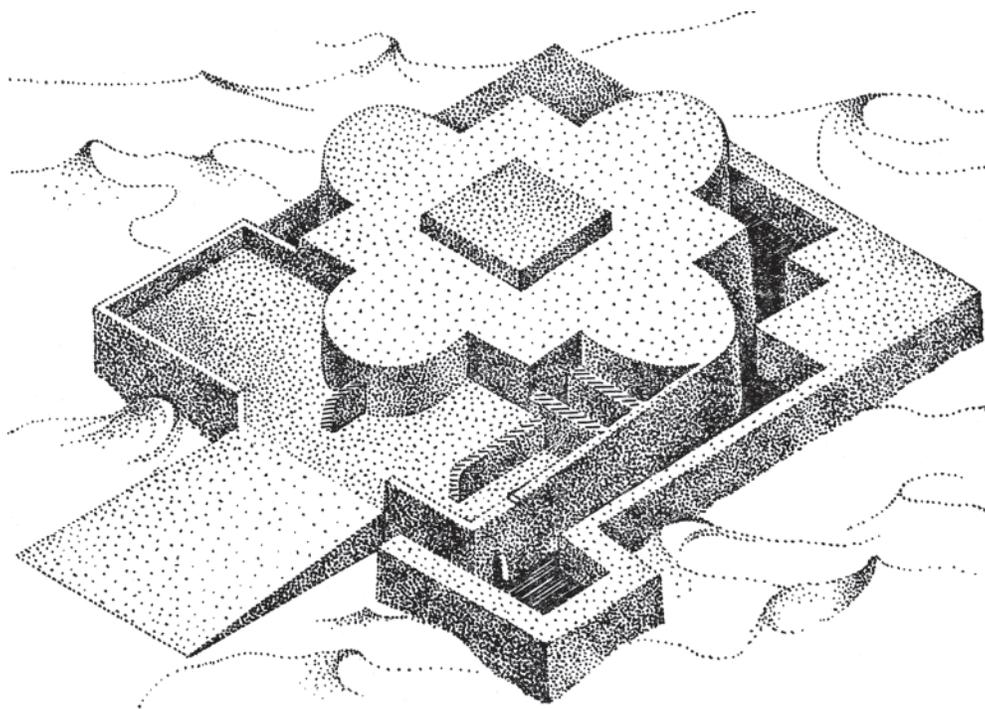

Рис. 80. Храм Сеталак. Реконструкция

Следует отметить, что сам М.С.Мершиев, анализируя материалы из раскопок погребения Кзыл-Кайнар-тобе, обратил внимание на сходство и синхронность с погребением в цитадели городища Актобе 2 на средней Сырдарье¹⁷⁵.

Храм на городище Актобе 2. Городище имело цитадель, шахристан и рабад. Цитадель в виде возвышающейся площадки на 2-3 м над общей поверхностью поселения, была размерами 75×90 м. У юго-восточной стены внутри цитадели была раскопана постройка, вначале принятая за дворец, переживший в диапазоне своего существования два хронологических периода. Постройки возведены из сырцового кирпича: квадратного размером 38-42×38-42×10-12 см и прямоугольного размерами 47-52×28-37×10-12 см.

«Дворец» состоял из пяти помещений, расположенных крестообразно, входного комплекса и двух коридоров, огибавших здание с востока и запада. К входному комплексу подводила лестница, а рядом находился колодец. Центром постройки было помещение размером 3,6×3,6 м, связанное арочными проходами со всеми остальными. Стены помещения сохранились на высоту 6 м. Это помещение имело плоское перекрытие. Помещения 1, 2 (западное) и 5 были перекрыты коробовыми сводами, восточное помещение 7 было перерыто куполом¹⁷⁶. Постройка относится к типу культовых сооружений с крестовидной планировкой, которая, как выше отмечалось, характерна для каунчиноидных культур. Как считает Г.А.Терновая в развернутом исследовании Актобе 2, это

175 Мершиев М.С. Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV вв. и захоронение в нем воина IV-V в. С.91.

176 Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Поселение Актобе 1 (I-IV вв. до н. э.) // Максимова А.Г., Мершиев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968. С.11-79.

было не дворцовое, а культовое сооружение – храм. Он функционировал в течение I–IV вв. н.э. и был храмом Солнца и Воды¹⁷⁷.

Особый интерес представляет изучение крестовидных храмов в связи с опросами ранних этапов урбанизации в Казахстане и Средней Азии. Примером изучения формирования города на основе храма является городище Шаштобе,

сопоставляемое с древним Ташкентом. Этой теме посвящено исследование М.И.Филанович и группы ученых¹⁷⁸.

Комплекс Шаштена III. На цитадели городища Шаштепа в Ташкентском оазисе открыта сырцовая постройка крестообразного плана, окруженная кольцевой стеной с коридором. Результаты раскопок позволили восстановить основной план всего сооружения. Под постройку круглого здания с «крестовиной» был использован бугор, уже заключавший в себе руины заброшенного бургулюкского поселения и некрополь номадов.

Стены здания, местами сохранившиеся на высоту до 4,5 м, сложены из пахсовых блоков, перемежающихся тремя рядами сырцового кирпича. Стены некоторых помещений возведены полностью из пахсы. Внутренние помещения и кольцевой коридор перекрыты сводами, судя по следам остатков дуги, эллипсоидного и полуциркульного очертания.

«Крестовина» представляет собой квадратное помещение размером 21×21 м с пристроенными к каждой стороне прямоугольными башнями. Две из них по оси северо-восток – юго-запад. Это помещения 1 (7×4,5 м) и 10 (7×4 м). По оси северо-запад – юго-восток вскрыто только одно помещение 4 размером 10×5,5 м.

Внутренне квадратное помещение с трех сторон окружено коридором (помещения 2, 7 и 8). Южный отсек коридора (помещение 8) был изолирован, на последнем этапе функционирования в нем возжигали огонь.

Все сооружение прошло несколько этапов строительства и функционирования.

Помещение 1 в башне (3×2,5 м) перекрыто сводом, частично сохранившимся. В двух стенах имелись щелевидные световые проемы, выходившие

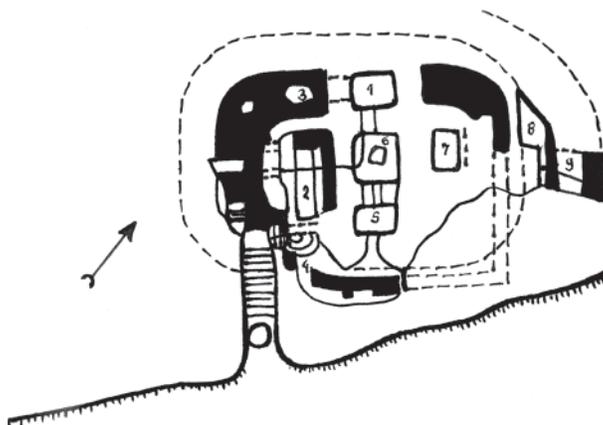

Рис. 81. План храма на городище Актобе 1

177 Терновая Г.А. Интерпретация культовых комплексов в Таласской долине IV–V вв. (по результатам археологических работ М.С.Мершиева). С.293–310.

178 Филанович М.И. Ташкент, зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983; Мукминова Р.Г., Филанович М.И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2001; Алимова Д.А., Филанович М.И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2009; Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.

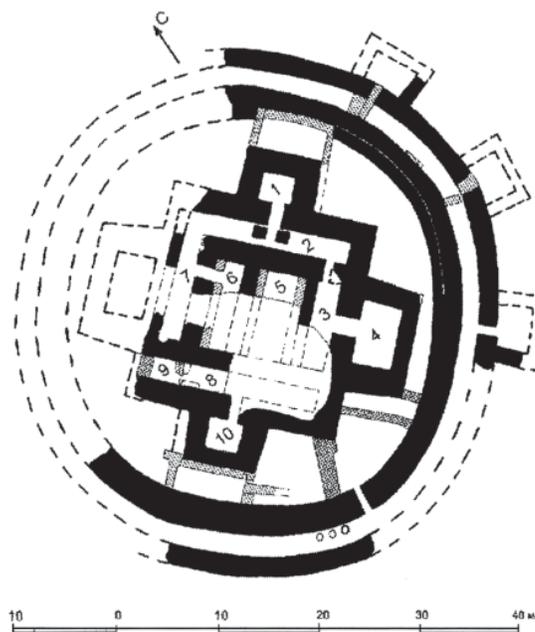

Рис. 82. Храм Шаштепа (Ташкентский оазис)

во двор. На стенах сохранились следы окраски охрой красного цвета. К боковой стене помещения 1 пристроен небольшой алтарь из кирпичей. Помещение с алтарем сообщалось с коридором 2 проходом, перекрытым аркой из трапециевидных сырцовых кирпичей.

Коридор 2 связан проходом с длинным помещением 3. У восточной стены помещения сохранилась часть сводчатого перекрытия на высоте 4,2 м. Из помещения 3 во внутрибашенное помещение 4 ведет проход 2, арка которого стрельчатого абриса хорошо сохранившаяся, выведена из кирпича размером $40 \times 40 \times 9-8$ см.

Помещение 4 (в восточной башне) также имело сводчатое перекрытие. Помещение 5 занимает центральное место. Помещение 6 – смежное с предыдущим. Перекрытие помещения 6 не сохранилось. Виден лишь просевший на заполнение свод прохода в перегородке. Пол помещения и прохода покрыт черным сажистым слоем и золой от топлива, сгоревшего не на этом месте, так как сам пол не прокален. На этой прослойке обнаружены человеческий череп и кости скелета. По всей видимости, это было преднамеренное захоронение. Можно считать, что оба помещения, занимающие центральное место в комплексе (внутренний дворик первого этапа), на последнем этапе функционирования «крестовины» стали местом захоронения.

Западная часть «крестовины» представлена помещениями 7 и 8.

Помещение 7 – коридор (шириной около 2 м, длиной примерно 8,3 м) располагался параллельно помещению 6.

Помещение 8 – коридор, перпендикулярный помещению 7 и изолирован от него стеной. Внутри коридора длительно возжигался огонь.

Здесь же найдены побывавшие в огне косточки персика и обуглившиеся зерна мака. Судя по прокаленности стен коридора, огонь не был одноразовым. Скорее всего, это был костер, где горели жертвоприношения, связанные с захоронением черепа и костей в соседнем помещении. Он возжигался при отправлении поминальных культовых обрядов.

Раскрытая в процессе раскопок на Шаштепа строительная конструкция в виде крестовины в двойном кольце стены была проанализирована в трех аспектах: культуругенеза, идеологии и градостроительства. Комплекс показал роль многих культур в его формировании. В числе отмеченных компонентов немаловажным оказывается участие в нем джетыясарской и чирикрабатской

культур. Сложение комплекса отражает ту полиэтническую среду, которая начала складываться в долине Сырдарьи с III в. до н.э. в связи с активизацией движения евразийских племен. В контексте этих переселений, видимо, можно рассматривать появление не только культурных инноваций, но и первых элементов урбанизации.

В 2010 году Е.А.Смагуловым в цитадели древнего Туркестана (городище Культобе) была открыта постройка с крестообразной планировкой, которая дополняет круг такого рода сооружений.

Что касается планировки «крестовины», то в ней заложена идея, которая выражает религиозные представления ее строителей – выходцев из круга сырдарьинских племен солнце- и огнепоклонников. О таких верованиях саков свидетельствуют античные источники, начиная с Геродота, указывая на солнечное божество, которому поклоняются эти племена. Примечателен один эпизод описания борьбы сакских племен с вторгшейся в их земли персидской армией Кира II, когда царица массагетов произносит клятву солнцу¹⁷⁹.

Идея поклонения солнцу и огню, как воплощающей его субстанции, отражена в строительстве солнцепоклонников, в сооружениях светского, культового и погребального характера¹⁸⁰. Возжигание всепоглощающего огня ассоциировалось с движением солнца. Из этих представлений вытекает целый ряд обрядовых действий, следы которых фиксирует археология: от обряда кремации умерших до возжигания жертвенного пламени в память предков.

Существует и представление о том, что круглые планировки эпохи бронзы и раннего железа на территории Средней Азии, Зауралья и Казахстана отражают идею Вары, которую построил Йима. Неоднократно высказывалось мнение о том, что Вара имела планировку в виде трех концентрических окружностей, что соотносится с планом поселения андроновцев в Аркаиме¹⁸¹.

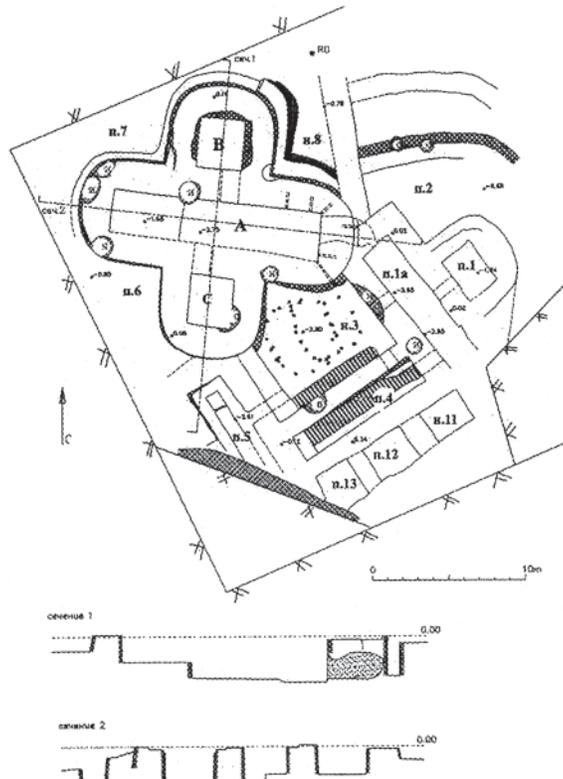

Рис. 83. План вскрытой части архитектурного комплекса цитадели Ясы

179 Геродот. История в девяти книгах. Ленинград, 1972. Т.I. С.212.

180 Лелеков Л.А. К исследованию погребального обряда в Тагискене // Советская этнография. Москва, 1972. №1. С.128.

181 Пьянков И. Аркаим и индоиранская Вара // Комплексные общества Центральной Евразии III-I тыс. до н.э. Челябинск-Аркаим, 1999. С.280-281.

Культовые и погребальные сооружения, построенные на основе космогонической символики, наиболее полно представлены в долине Сырдарьи и Приаралье. Мавзолеи, культовые и светские здания, построенные на различных сочетаниях круга, квадрата и креста открыты в долине Сырдарьи и прилегающих районах.

Истоки и традиции обозначены в зданиях мавзолеев Приаралья, в могильнике Северного Тагискена, датированных X-VIII вв. до н.э. Здесь раскопано несколько крупных погребальных сооружений – мавзолеев, в планировке которых преобладал круг, вписанный в квадрат, реже – наоборот. В камерах совершалось трупосожжение.

Тагискенский культурный комплекс сочетает черты андроновской культуры, что выражено сходством тагискенских и дандыбай-бегазинских каменных мавзолеев. Сходство строительных приемов и стандарт кирпича указывают на влияние цивилизаций юга Средней Азии.

Традиция сооружений сырцовых мавзолеев солярной планировки с частоколом вдоль стен в Приаралье продолжалась и в сакское время в некрополях Южного Тагискена и Уйгарака¹⁸².

Дальнейшее развитие солярных планировок отмечается и в рамках чиркрабатской культуры. Она сложилась на рубеже V-IV вв. до н.э. на южных дельтовых протоках Сырдарьи и просуществовала до II в. до н.э. Исследователи относят ее создателей к оседлым племенам. Основу ее составляла местная культура саков, испытавшая сильное влияние южных среднеазиатских земледельческих оазисов¹⁸³.

Чиркрабатская культура обладала развитым строительством из пахсы и сырцовых кирпичей. Для этой культуры характерны укрепленные поселения, либо открытые селища, расположенные вокруг крепостей и связанные с отдельными оазисами. Выделяются два крупных городища – Чирик-рабат и Бабиш-мулла. Первое считается убежищем, второе – резиденцией ахеменидского сатрапа.

Урбанизированный характер чиркрабатской культуры сложился под влиянием южных цивилизаций Средней Азии. В керамике выделяется влияние парфянских и согдийских типов¹⁸⁴.

Ввиду изменения климата и усыхания южных дельтовых русел, носители чиркрабатской культуры начали покидать места своей прародины в поисках благоприятных условий для ведения привычного хозяйства. Исследователи чиркрабатской культуры сопоставляют эти племена с частью конфедерации дахов – парнами, которые в середине III в. до н.э. ушли на

182 *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век нижней Сырдарьи. Москва, 2001. С.18, 38, 40, 103; *Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. АН СССР в 1958-1961 гг. // Полевые исследования археолого-этнографической экспедиции в 1958-1961 гг. Москва, 1963. Т.1. С.40; *Рапопорт Ю.А., Неразик Е.Е., Левина Л.М.* В низовьях Окса и Яксарта. Образы Древнего Приаралья. Москва, 2000. С.126; *Вишневецкая М.А., Итина М.А.* Ранние саки Приаралья // Проблемы скифской археологии. Москва, 1971. С.197.

183 *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чиркрабатская культура // Низовья Сырдарьи в древности. Москва, 1993. Вып.1; *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности – VII в. до н.э. – VIII в. н.э. Москва, 1999.

184 Саки Приаралья // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Москва, 1992. С.58.

юг вплоть до Ирана, где создали парфянское царство во главе с династией Аршакидов¹⁸⁵.

Хронология открытых по Сырдарье памятников солярного типа определяет хронологический приоритет памятников Восточного Приаралья. Позднее такая же планировка обнаружена в районе Чардары на городище Актобе 2. В цитадели исследован крестовидный в плане храм, включавший пять помещений, обведенных стеной, датированный I-IV вв. н.э.¹⁸⁶ На Средней Сырдарье этот же тип храмов представлен структурой Шаштепа, а выше по реке, – в Фергане – это Билавур-тепа I-II вв. и Арктепе II-III вв., в Таласской долине храмы Чоль-тобе и Кзыл-Кайнар-тобе¹⁸⁷.

В «крестовине» Шаштепа и выше названных постройках применены строительные приемы, известные в поселениях и мавзолеях чирикрататской культуры, городища Бабиш-Мулла и Чирик-рабат, а также Хорезма.

Вместе с тем, они не копируют чирикрататские формы, сохранив лишь солярный принцип. В зданиях уже не проводилась кремация, как и на позднем этапе чирикрататской культуры. Традиция трупосожжения в первичном ареале культуры изживает себя к III в. до н.э.¹⁸⁸ Однако в обводном коридоре традиционно возжигался огонь, что также роднит «крестовину» с культово-погребальными постройками чирикрататской культуры.

Здесь же есть и другой погребальный обряд – захоронение черепа и разрозненных костей. Наиболее ранний пример захоронения черепа с отдельными костями отмечен в могильнике Синташта, то есть этот обряд очень древен и существовал, видимо, параллельно с кремацией и ингумацией в зоне культур степной бронзы.

Исследование памятников с крестовидными в плане храмами показало, что вокруг культово-мемориальных сооружений сложились поселения, часть из них со временем трансформировалась в города. Принесенные в ходе миграции из Восточного Приаралья крестовидные планировки характеризуют не только культурную среду, сложившуюся в долине Сырдарьи и смежных районах, но и также урбанизационные процессы в государстве Кангюй, представленном археологическими культурами – джетыасарской, оттарско-каратауской и каунчинской¹⁸⁹.

185 *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. С.264

186 *Максимова А.Г., Мерицев М.С., Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Древности Чардары. С.21.

187 *Заднепровский Ю.А.* Городище Биловур-тепе (Восточная Фергана) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Москва, 1985. Вып.184. С.88-94; *Горбунова Н.Г.* Поселение Арктепе в Южной Фергане // Российская археология. 1994. №4. С.191; Древнейшие города Кавказа и Средней Азии. Москва, 1985. Табл. СЛ1. Рис.4; *Мерицев М.С.* Поселение Кзыл-Кайнар-тобе I-IV веков и захоронение на нем воина IV-V века. С.79-92.

188 *Вайнберг Б.И.* Этногеография Турана в древности. С.136.

189 *Филанович М.И.* Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010. С.117-129.

Глава VI

Урбанизация на территории Казахстана в VII – первой половине IX вв.

Локализация городов Южного Казахстана и Приаралья

В предгорном районе Южного Казахстана крупнейшим городским центром был город на Белой реке Испиджаб¹. Впервые он упоминается в маршруtnике Сюань-Цзяня в 629 г.² Позднее, уже в XI в. Махмуд Кашгарский сообщает: «Сайрам – название белого города (Ал-Мединат ал-Байда), который называется Испиджаб. Про него говорят также «Сайрам»³. Населенный пункт под названием Сайрам дожил до настоящих дней, и нет сомнения в том, что городище на его территории соответствует раннесредневековому «городу на Белой реке», средневековому Испиджабу – Сайраму⁴.

Отрар один из немногих средневековых городов Казахстана, локализация которого считается бесспорной. Большинство авторов не сомневается и в тождестве Фараб-Отрар⁵.

Впервые Фараб, видимо, как область упоминается у Табари (IX в.) в связи с арабскими завоеваниями среднеазиатских областей. В 739 г. владетель Шаша был вынужден по желанию арабского наместника Насра б. Сейяра выслать в Фараб Хариса б. Сурейджа, выступившего в 734 г. в союзе с тюрками против омейядского правительства⁶. У Табари вместе с Фарабом встречается и название Отрар.

Ал-Мамун – наместник Хорасана в 809-818 гг. перед началом войны с халифом ал-Амином жаловался своему везиру ал-Фадлу ибн Сахлю, что несмотря на общую неблагоприятную обстановку в Хорасане и Мавераннахре, «...приходится (бороться против ал-Амина) после разорения Хорасана и мятежа... после отказа джабгу повиноваться, уверток хакана, владетелем Тибета... когда царь Отрарбенда отказался платить подать которую он обычно платил»⁷.

1 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Москва, 1963. Т.I. С.232-233.

2 *Зуев Ю.А.* Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР / Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. №3(14). С.91.

3 *Волин С.Л.* Сведения арабских и персидских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т.8. С.78-80.

4 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.232; *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Жетысу (VI – начало XIII в.). Алма-Ата, 1986. С.2-3.

5 *Бартольд В.В.* К истории орошения Туркестана // Соч. Москва, 1965. Т.3. С.223-224; *Бартольд В.В.* Фараб // Соч. Москва, 1965. Т.3. С.525; *Бернштам А.Н.* Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР / Серия археологическая. Вып.2. Алма-Ата, 1949. №49. С.82; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.159; *Хасанов А.А.* Историко-топографическая схема Средней Азии // Топонимика Востока. Москва, 1969. С.157-160.

6 Подробности борьбы см.: *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.248-250; *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. Москва, 1967. С.357-359.

7 *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.260; *Михайлова А.И.* Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. // Эпиграфика Востока (ЭВ). Москва-Ленинград, 1951. Т.V. С.11-12.

Хронологически вслед за повествованием Табари следует привести два небольших отрывка из сочинения Абу-л-Валида Мухаммеда ал-Азраки «Хроника города Мекки»⁸.

Они являются пояснительными надписями к трофеям ал-Мамуна, короне и трону, хранившимся в сокровищнице Каабы и составлены ал-Хасаном ибн Сахлем, братом ал-Фадла. Отрывки посвящены карательным походам последнего. Там, в частности, говорится о походе на Отрар: «...из области Тарбад [ал-Фадл] (послал) то, что он потребовал с Фараба и Шавгара. И он постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной местности и взял в плен сыновей карлукского джабгу с его женами...». По мнению А.И.Михайловой, область Тарбад – это «совокупное название Фараба и Шавгара, достаточно четко отождествляемое с Отраром»⁹. С данным утверждением согласен С.Г.Кляшторный. Более того, он предлагает отождествить Тарбад с Кангу-Тарбаном, местностью, названной западной границей Тюркского каганата в начале VIII в.

С.Г.Кляшторный обосновывает расположение Кангу-Тарбана на Сырдарье между владениями «народа десяти стрел» и Согдом, западнее Чу и Таласа и восточнее Сырдарьи¹⁰, а также высказывает предположение о нахождении здесь же и города Тарбанда. Тарбанд, по сообщению Ал-Белазури, упоминавшего его при описании событий, связанных с осадой Кутейбой в 712 г. Самарканда, и являлся столицей Шаша. Однако, заметил В.В.Бартольд отождествлять Тарбанд с Бинкетом – столицей Шаша после X в. нет оснований¹¹. С.Г.Кляшторный же, ссылаясь на сведения Мухаммеда ибн Мусы ал-Хорезми (середина IX в.) и Сухраба (первая половина X в.), указывает, что они включили в область Шаша и Тарбанда области Испиджаба и Фараба. По его мнению, Тарбанд носил и другое название – Турарбанд. Для доказательства С.Г.Кляшторный приводит цитату из словаря Якута, где говорится: «Турарбанд... город за Сейхуном, из самых отдаленных городов Шаша, примыкающих к Мавераннахру. Народ этой страны произносит по-разному это имя, и они говорят Турар и Отрар»¹².

Округ Шавгар со столицей в одноименном городе находился северо-восточнее округа Фараб. Согласно общепринятому мнению он локализовался на месте Туркестанского оазиса¹³.

По мнению исследователей, можно сделать вывод о том, что Фараб и Шавгар составляли общую область Тарбанд¹⁴. Это название, в свою очередь, связано с именем Отрар-Тарбад и, более того, с Кангу Тарбан, кангарским владением на средней Сырдарье, известным в древнетюркских рунических надписях¹⁵.

Округ Шавгар упоминается в 859 г. в событиях, связанных с политикой Саманидов по укреплению северных границ своих владений. В.В.Бартольд

8 Михайлова А.И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. С.11-12.

9 Михайлова А.И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. С.17.

10 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. С.98.

11 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.228. Прим.6.

12 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.158.

13 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.234.

14 Михайлова А.И. Новые эпиграфические данные для истории Средней Азии IX в. С.18.

15 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.158, 163; Байпаков К.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1985. №7. С.66-73.

Рис. 84. Отрар. Монеты кангаров VIII в.

цитирует отрывок из сочинения Несефи, где говорится об избиении саманидским отрядом нескольких тысяч восставших в области Шавгар (Шавдар)¹⁶. А.Ю.Якубовский считал, что этот поход инициировал Наср ибн Ахмад, войска которого захватили Шавгар, Сауран, Сюткент¹⁷.

Этимология имени Шавгар, по мнению В.Шуховцова, достаточно прозрачна и представляет собой согдийское отражение древнеиранского «Shavgari» – «Черные горы», «Черногорье»¹⁸. По-тюркски этот же термин звучит как «Карагау», «Карачук», что сразу же позволяет вспомнить сообщение автора XII в. Махмуда Кашгарского о том, что «Карачук – название Фараба, а это название города гузов»¹⁹. Можно, следовательно, предположить, что Карачук у Махмуда Кашгарского – это город, который ранее назывался Шавгар.

Вопрос о локализации города Шавгара до сих пор не решался однозначно. Так, В.В.Бартольд считал, что Шавгар располагался в одном дневном переходе от Кедера до Саурана, локализация которых определена точно, и находился на месте города Туркестана. Это был «большой город с обширной волостью и соборной мечетью около базара»²⁰. А.Н.Бернштам отождествлял Шавгар с городищем Чуйтобе (Шойтобе), расположенным в 8 км юго-восточнее г. Туркестана, не считая, тем не менее, вопрос о локализации города окончательно решенным²¹. О тождестве Шавгар-Шойтобе писали Е.И.Агеева, Г.И.Пацевич, К.М.Байпаков²². С этим мнением согласился и Е.А.Смагулов²³. Но исследования, проводившиеся в 1990-1992 гг. Л.Б.Ерзаковичем на городище Шойтобе, не обнаружили здесь мощного культурного слоя IX-XI вв., времени, когда город Шав-

16 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.268.

17 Якубовский А.Ю. Об одном раннесаманидском фельсе (Из ранней истории Саманидского дома) // КСИ-ИМК. Ленинград, 1946. Вып. XII. С.111.

18 Шуховцов В. Несколько заметок по этимологии туркестанских топонимов // Материалы республиканской научно-практической конференции молодых ученых по общественным наукам. Алма-Ата, 1978. С.151-152.

19 Материалы по истории туркмен и Туркмении (далее МИТТ). Москва-Ленинград, 1939. Т.1. С.312.

20 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.233-234.

21 Бернштам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР / Серия археологическая. Алма-Ата, 1950. Вып.2. №49. С.82.

22 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т.5. С.94.

23 Смагулов Е.А. Городище Шойтобе // Города Туркестана. Алматы, 1999. С.73.

гар был столицей округа²⁴. По мнению Е.А.Смагулова, слой, относящийся к IX-XII вв., смыт и разрушен. Но в подъемном материале, отмечает он, керамика IX-XII вв. присутствует²⁵. Раскопки Шойтобе, проведенные Е.А.Смагуловым, показали, что наиболее мощные слои Шойтобе относятся к IV-VI и VII-VIII вв. Следует также отметить, что топография городища, его застройка, выявленная на раскопанных участках, аналогичны городищу Кок-Мардан в Отрарском оазисе и Жуантобе на средней Арыси, которые достигли пика расцвета к середине 1 тыс. – VIII в. н.э.²⁶

Рис. 85. Тараз. Монета тюркешей, чеканенная в Таразе в VIII в.

Предпочтительнее считать, что Шавгар-Табари ал-Макдиси и ал-Идриси – это Карачук Махмуда Кашгарского. Он уверенно отождествляется с городищем Тортколь I на реке Карашык. Показательно, что позднесредневековый Карачук Хафиза Таныша и русских источников XV-XVIII вв. соответствует городищу Тортколь II, расположенному на левом берегу р.Карачик²⁷.

Городище Тортколь I расположено на правом берегу речки Карашык и в 6 км севернее города Туркестан. Оно имеет цитадель и шахристан, по периметру которых сохранились остатки крепостной стены с башнями. Рабад примыкает к городищу со всех сторон. Цитадель городища представляет собой бугор подпрямоугольной формы с закругленными углами, высотой от 8 до 10 м. Шахристан окружает цитадель с четырех сторон. Цитадель от шахристана отделяет широкий ров, достигающий местами ширины 40 м. Въезд в шахристан и в цитадель просматривается с северо-восточной стороны в виде ложбины. Цитадель имеет следующие размеры: северная сторона 14 м, южная – 18 м, восточная – 22 м и западная – 18 м. Шахристан углами ориентирован по сторонам света. Датируется городище в диапазоне первых вв. – XIII в. Однако отмечается наличие большой группы керамики не позднее VIII в.²⁸

Месторасположение памятника Тортколь I, топография, характер подъемного материала, данные раскопок и топонимика свидетельствуют в пользу отождествления его со раннесредневековым Шавгаром, позднесредневековым Карачуком. Поэтому Махмуд Кашгарский и указывает на более раннее название Карачука – Фараб, бывший в свое время составной частью округа Тарбанд, объединявшего и Фараб, и Шавгар.

Месторасположение памятника Тортколь I, топография, характер подъемного материала, данные раскопок и топонимика свидетельствуют в пользу отождествления его со раннесредневековым Шавгаром, позднесредневековым Карачуком. Поэтому Махмуд Кашгарский и указывает на более раннее название Карачука – Фараб, бывший в свое время составной частью округа Тарбанд, объединявшего и Фараб, и Шавгар.

24 Ерзакович Л.Б. и др. Отчет о полевых работах казахстанской новостроечной археологической экспедиции в 1992 г. // Архив Института археологии. Археология. Алматы, 1993. С.89-114.

25 Смагулов Е.А. Городище Шойтобе. С.73-74.

26 Байпаков К.М., Подушкин А.Н. Памятники земледельческо-скотоводческой культуры Южного Казахстана. С.28-61; Байпаков К.М., Грищенко А.Н. Раскопки городища Жуантобе // Новости археологии. Туркестан, 1997. С.84-88.

27 Байпаков К.М. О локализации средневековых городов Южного Казахстана // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1976. С.88.

28 Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972. С.174.

Рис. 86. Джувара (Хувара). Хорезмийские монеты VIII в.

В Приаралье, где находилась страна Яньцай, китайские источники VII в. помещают столицу Яньцай – город Хулу. Город стоял на торговом пути, контролируемом согдийцами. В «Танском обозрении» город назван «согдийский город Ху-чэн»²⁹. В персидском сочинении 982 г. «Границы мира», в основу которой был положен более ранний арабский оригинал, назван город на Нижней Сырдарье – Хвара. В разделе «Границы Мавераннахра и его города» говорится: «Дженд, Хвара и Дих и-Нау» («Новое селение») – три города, лежащие на берегу реки Чача (Сырдарья). От Хорезма в десяти почтовых переходах, от Фараба в двадцати почтовых переходах. Царь грузов зимой находится в сказанном Дих и-нау»³⁰.

Все города находились на Нижней Сырдарье, а город Хвара находился у западной оконечности Пустыни («Песка») к востоку от Арала. Город Хварана в последней четверти IV в. упоминает и Аммиан Марцелин в городской триаде Нижней Сыдарьи: «Из городов же там известны только три: Аспабота, Хаврана и Сага»³¹.

По нашему мнению, можно поставить знак тождества между Хавраной и Хварой – Хуварой и считать этот город в противовес новой столицей огузов Янгикенту и старой столицей Хуварой, названной еще Аммианом Марцелином в последней четверти IV в.³²

Этот город можно отождествить с городищем Кескен-Куюккала, которое датируется I–XI вв. На нем вскрыты остатки храмового комплекса X–XI вв., собраны коллекции серебряных хорезмийских монет, керамики джетгысарской культуры первых вв. – IX в. н.э.³³

О тождестве городища Шымкент – города Нуджикет и о локализации Нуджикеса. Ближайшим к Испиджабу городом был Шымкент, который впер-

29 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: Очерки истории и идеологии. С.53.

30 Minorsky V. Hudud al al-Alam // «The region of the world» / A Persian geography 372 A.N. – 982 A.D. London, 1937. P.122.

31 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: Очерки истории и идеологии. С.53-54.

32 Байпаков К.М. Древние города Казахстана. Алматы, 2005. С.270.

33 Байпаков К.М. Джувара – город солнца // Промышленность Казахстана. Алматы, 2002. №10. С.96-98.

вые был назван в сочинении Шараф ад-дина Али Йезды «Зафар-наме» в событиях 1366 г. как маленькая деревня возле Сайрама³⁴. Однако, населенный пункт здесь возник гораздо раньше, о чем свидетельствуют раскопки городища Шымкент, которое находится в центре современного города. Городище занимает участок между реками Бадам и Кошкар-Ата. Оно неплохо сохранилось в своей центральной части, расположенной на высоком плато с крутыми склонами, за исключением, южной. Шахристан с цитаделью прямоугольной в плане формы, размером 180×210 м. Цитадель (40×50 м) занимает северо-западный угол городища. Керамика, собранная на городище, особенно при прокладке дороги на железнодорожный вокзал, относится к разным хронологическим периодам: от эпохи древности до позднего средневековья³⁵.

Стратиграфический раскоп в северо-западной части шахристана прорезал всю толщу культурных слоев. Сам раскоп имел размеры до глубины 2-х метров 11×14 м, затем сузился до размеров 7×8 м и в нижней части до квадрата 4×4 м.

Сверху вниз по ярусам комплексы керамики датировались от XVIII-XIX вв. до III-II вв. до н.э. Самая ранняя – керамика «согдийского» облика, она находит аналогии в керамических комплексах Самаркандского Согда³⁶.

Эти новые данные о городище Шымкент вызвали интерес к его возрасту, поискам более раннего имени.

В свое время на месте городища Шымкента помещали город Хурлуг, который находился рядом с Испиджабом. Ал-Макдиси в своем географическом сочинении написал, что Хурлуг, входивший в число городов Испиджаба, – «город средних размеров, в нем канал среди рынков, нет вокруг него стены и нет у него ни цитадели, ни рустака»³⁷. К.М.Байпаков предложил отождествить город Хурлуг с городищем Шымкент, поскольку он стоит первым в списке городов Испиджаба, а городище Шымкент ближе всех к городищу Сайрам. Название Хурлуг, его корень можно связать с иранским словом Хор-Хвор, которое переводится как «солнце»³⁸. Недавно, однако, появилась гипотеза Б.А.Байтанаева об идентификации городища Шымкент с городом Нучкетом – Нуцицзяном – Нуджикетом – Новгородом³⁹. Его рассуждения связаны с изучением маршрута Сюань Цзяня, который в 629 г. прошел из Китая в Индию по Великому Шелковому пути через семиреченские города – Суяб, Кулан, Тараз, южно-казахстанский – «Белый город – Испиджаб», города Гуньюй, Нуджикес, Шаш и далее. Местоположение городов Суяб, Кулан, Тараз, Белый город и Шаша определено и общепринято⁴⁰. После того, как Сюань Цзянь посетил Тараз, он прибыл

34 *Бартольд В.В.* Чимкент // Соч. Москва, 1965. Т.III. С.563-564.

35 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алма-Ата, 1993. С.52-53.

36 *Байпаков К.М., Байтанаев Б.А., Сулейманов Р.Х., Грищенко А.Н.* Стратиграфия городища Шымкент: возникновение и развитие города // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент / Материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С.19-37.

37 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С.80-81.

38 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.24.

39 *Байтанаев Б.А.* Вопросы локализации Нуджикета // Новые исследования по археологии Казахстана / Труды научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». Алматы, 2004. С.66-81.

40 *Зуев Ю.А.* Древние тюрки: история и идеология. Приложение. С.273. Сноска 42.

Рис. 87. Тараз. Оттиск штампа на керамике с изображением льва

в город Байшучен – Белый город⁴¹, который позднее стал называться Испиджаб-Сайрам, о чем конкретно пишет знаменитый ученый XII в., автор «Словаря тюркских наречий» М.Кашгарский: «Сайрам – название белого города (Ал-Мединат ал-Байда), который называется Испиджаб. Про него также говорят Сарьям».

А далее Сюань Цзянь попадает в Гуньюю, отстоящий от Байшучена на 200 ли. В описании путешествия сказано так: «из Тараза, пройдя отсюда на юго-запад около 200 ли, прибыли в город на Белой реке. В окружности город 6-7 ли. Произведенные

земли и климат много лучше чем в Таласе. Пройдя отсюда на юго-запад около 200 ли прибыли в город Гуньюю. Город в окружности 5-7 ли. Земли здесь влажные и плодородные, а леса пышные и густые. Отсюда на юг через 40-50 ли прибыл в княжество Нучкет – Нучицзянь. Княжество Нучкет имеет в окружности 1000 ли. Земли влажные (или орошаемые), пригодные для земледелия, пышные травы и леса, много цветов, фруктов, а также винограда, который высоко ценится. Здесь сотни городов, и в каждом из них отдельный правитель. В своих действиях они независимы один от другого. И хотя они отделены один от другого дикими районами и обособлены, в общем называются княжеством Нучкет. Отсюда, пройдя на запад 200 ли, прибыли в княжество Чэнэши (Чач – Шаш)»⁴².

Поскольку на пути из города Гуньюю в государство Чеси есть лишь одно городище – Шымкент, то оно, по мнению Б.А.Байтанаева, и должно соответствовать Нучкету – Нуджикету⁴³.

Мнение о том, что именно Шымкент является Нучкетом – Нуджикетом, по мнению Б.А.Байтанаева, подкрепляется названием одних из четырех ворот Сайрама – ворота Нуджикета⁴⁴. От них, считает он, отходила дорога в город Нучицзянь – Нуджикес. Позднее, рассуждает он, в новое время эти ворота стали называть «Чимкент-капа». Отсюда вывод, чимкентские ворота Сайрама нового времени раньше называли воротами Нуджикета, а Шымкент есть раннесредневековый Нуджикес. Далее Б.А.Байтанаев приводит сведения Ал-Макдиси о топографии города Дех-Нуджикета: «Дех-Нуджикес маленький город, в нем три месяца весной мясо без костей [продается] по 4 мана за диргем. Он был большим [городом], но когда Исмаил ибн Ахмед завоевал этот округ, он опустел. Вместе с тем, в нем много построек, он укреплен и имеет цитадель». Эта топографическая характеристика, по его мнению, полностью соответствует городищу Шымкент⁴⁵ (?).

41 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР / Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып.3(14). С.91.

42 Зуев Ю.А. Древние тюрки: история и идеология. Приложение. С.273. Сноска 42.

43 Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Нуджикета. С.76

44 Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Нуджикета. С.76-79.

45 Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Нуджикета. С.79.

Однако, в его рассуждениях в части маршрута Сюань Цзяня и локализации двух городов Гуньюй и Нучкета – Нуджикет есть несоответствия, на которые необходимо обратить внимание.

Общепринятое юго-западное направление маршрута Сюань Цзяня таково: из Суяба – в Тараз и Байшучен (Испиджаб); южное направление – из Байшучена в Гуньюй; юго-западное – в Нучкет – Нучицзян – Нуджикет и Чешу – Чач – Шаш⁴⁶. Однако, по мнению Б.А.Байтанаева, Сюань Цзян скорее всего в городе Будукете, а это городище Тортколь, не доезжая до Белого города резко меняет путь и движется в северо-западном направлении. Б.А.Байтанаев считает, что город Гуньюй находился в среднем течении р.Арысь. Он отождествляет его с городищем Жуантобе в средневековой области Кенджиде, ссылаясь на Ю.А.Зуева, который считал, что название Гуньюй совпадает с названием известного государства Канга – Кангюй – Канцзюй. Но при всем этом Ю.А.Зуев в своем пассаже подчеркивает, что владения страны Кангюй включают в себя не только области Кенджиде, но и Отрарский оазис и «Чач – это прежнее государство Кангюй», а на севере владения Кангюя простирались вплоть до низовьев Сырдарьи⁴⁷.

Для чего же Сюань Цзяню надо было не только поменять курс, но и совершить дорожный круг или петлю длиной более 100 км. Какая веская причина заставила монаха-паломника, стремившегося «поскорее в Индию», чтобы взглянуть на останки Будды и серьезно изучить богословие, изменить свой путь? На этот вопрос может быть один ответ – город Гуньюй находился не в долине Арыси, а Нучкет – Нучицзянь – Нуджикет не мог быть на месте городища Шымкент, тем более что, Ю.А.Зуев ссылается на комментарий путешествия Сюань Цзяня историка Бань Ци: «страна Нучкет, названная так по имени первого пограничного города, находилась в Согде, а точнее, округе Согда»⁴⁸. Город Нучкет лежал на границе со степью. Об этом городе писал персидский аноним X в. в сочинении «Худуд ал-Алем»: «из Нучкета приходят лодочники, работающие на берегах Парака – Чирчика и Хашарта – Яксарта». По замечанию В.В.Бартольда, Нучкет – Нуджикет находился на Чирчике и входил в область Шаш⁴⁹. И еще, как пишет Ю.А.Зуев, ссылаясь на китайские источники о Нучкете, характеризуется, как страна городов и здесь сотня городов⁵⁰.

В Шаше и Илаке число городов было «чрезвычайно велико»: так, Истахри насчитывает в Шаше 27 городов, ал-Макдиси – 34; в Илаке соответственно их было 14 и 17⁵¹. Нуджикет, ближайший город к столице Шаша Бинкету, причис-

Рис. 88. Городище Тараз. Манихейский медальон с изображением Девы Света

46 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: история и идеология. С.79.

47 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: история и идеология. С.162-163.

48 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: история и идеология. С.164.

49 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.231.

50 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: история и идеология. С.162-163.

51 Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С.230-231.

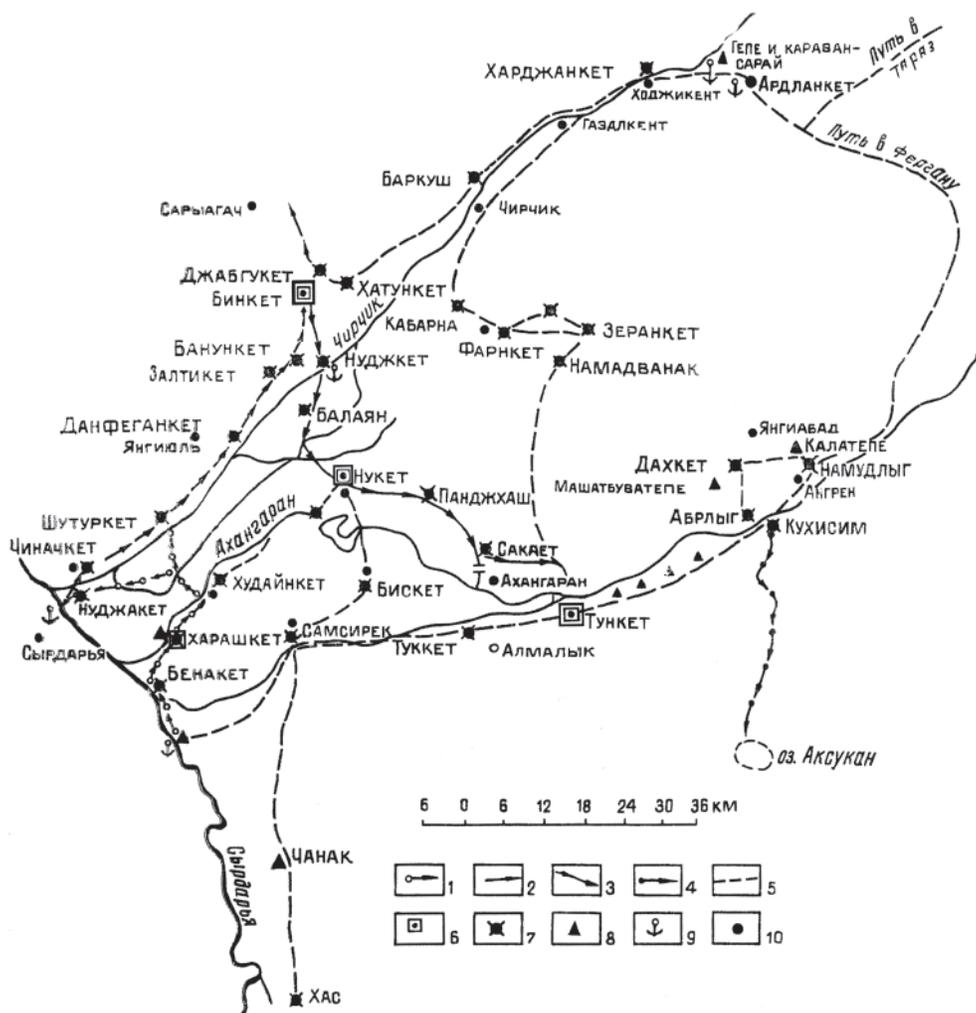

Рис. 89. Карта средневековых путей Чач – Илака (Ташкентский оазис). Автор Ю.Ф.Буряков

лялся к Шашу⁵². А вот что пишет о долине р.Чирчик и Ангрэн исследователь городов Средней Азии О.Г.Большаков: «Долина Чирчика и Ангрена и прилегающая часть правобережной Сырдарьи, составляющие эту область, своего рода «урбанистический феномен» Средней Азии. Здесь на площади 4-5 тыс. кв.км (не считая горных районов) находилось 40 городов. Истахри отмечает: «Размеры их (Шаша, Илака) – два дня пути на три дня пути, но нет в Хорасане и Мавераннахре области, в которой при таком же размере площади было бы больше минбаров и больше городов»⁵³. На карте городов Нуджикет находился рядом с Бинкетом – столицей Шаша, на расстоянии около 30 км и соответствует городу Ханабад, площадь которого 33 га. И как не вспомнить расстояние от Нучкета до Чеше (Шаша), указанное в маршручнике Сюань Цзяня – 40 или 50 ли!

52 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начала XIII в. // Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1972. С.195. Рис. 81, 83. Табл.13.

53 Большаков О.Г. Город в конце VIII – начала XIII в. С.195. Примечание 30.

Приведем также сведения о городах Чаче и Илака из работы Ю.Ф.Бурякова, посвященной урбанизации Ташкентского оазиса (Чача и Илака), периода VI-VIII вв. Всего известно и обследовано 225 поселений и городищ этого периода. Застройка в городах была плотной, прослеживаются улицы, базарные площади, изучена система водоснабжения, ремесленные кварталы в связи с развитием ремесла и торговли. Находки монетных комплексов в Канке, Ханабаде, Кендыктобе свидетельствуют о развитой денежной системе»⁵⁴. Нуджикес соответствует городищу Ханабад.

И еще замечание к мнению об отождествлении Нуджикета с городищем Шымкент. Б.А.Байтанаев считает, что именно Нуджикет охарактеризован ал-Макдиси как Дех-Нуджикет и что его топография соответствует топографии городища Шымкент. Сразу же следует отметить разницу в названиях городов. И еще, Дех-Нуджикес находится в Таласской долине и это совсем другой город, нежели тот, который посетил Сюань-Цзян перед прибытием в Шаш.

А.Н.Бернштам, опираясь на сведения ал-Макдиси, который называет два города: Адахкет и Дех-Нуджикес рядом⁵⁵, использует для определения локализации двух этих городов сведения ал-Факиха ал-Хамадани, описывающих дорогу к кимакам от Тараза: «Мы спросили, и он сказал, что дорога [идет] налево от Тараза к двум благоустроенным и населенным селениям в местность, которую называли Кавакиб (Кавакет), расстояние их от Тараза 7 фарсахов. От этой местности до царя кимаков 80 дней пути для всадника, едущего быстро, который везет с собой провизию»⁵⁶.

Приблизительно в 30 км от Тараза в долине р.Асса находятся рядом два крупных городища Каракемер I и Каракемер II. Эти селения А.Н.Бернштам удачно сопоставил и отождествил их с Адахкетом и Дех-Нуджикетом, который – «большой [город], вокруг него стена, а соборная мечеть внутри, рабад населен, в нем рынки. У него [города] много рабатов. Дех-Нуджикет – маленький город, в нем три месяца рынок весной, мясо без костей [продается] по 4 мана за диргем. Он был большим [городом], но когда Исмаил ибн Ахмед завоевал этот округ, он опустел. Вместе с тем, в нем много построек, он был укреплен и имеет цитадель»⁵⁷.

Сообщения ал-Макдиси хорошо перекликаются со сведениями ал-Факиха, поскольку подтверждают факт нахождения Адахкета и Дех-Нуджикета именно в округе Таласа, а не на юге Казахстана, поскольку Саманид Исмаил ибн Ахмед завоевал Тараз в 833 г., «... и в этом году Исмаил ибн Ахмед после смерти брата его Насра ибн Ахмеда и после того, как он овладел властью в Хорасане, направился в страну тюрок. Он взял один из городов их, являвшийся столицей, и пленил хатун, жену царя: было взято в плен 15000 тюрок и убито из них 10000. Говорят, что того царя звали Танкас, это имя было прозвищем для всяко-

54 Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982. С.131, 135-136, 138. Табл.5, 6.

55 Байтанаев Б.А. Вопросы локализации Нуджикета. С.79

56 Волн С.Л. Сведения арабских источников X-XVI вв. о долине р.Таласа и смежных районах. С.75.

57 Волн С.Л. Сведения арабских источников X-XVI вв. о долине р.Таласа и смежных районах. С.81; Таласская долина // Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936-1938 гг.) / Составлены под общей редакцией А.Н.Бернштама. Алма-Ата, 1949. С.83-84. (Далее Таласская долина, рукопись.)

го царя, который правил этой страной. Я думаю, что он из племени, известного под именем халладжей»⁵⁸.

Показательна топография двух этих городищ, которые датируются VII–XII вв. Это два оплывших бугра: первый из них прямоугольной формы размером 10×130 м и высотой 7 м, второй – северный имеет размеры 120×30 м и высотой 6 м. В топографии городищ просматриваются остатки цитаделей, шахристанов и сельской округи, вокруг которой имеется общая длинная стена, окружающая оба городища. Диаметр ее 1300 м. Внутри прослеживается усадебная застройка⁵⁹. Эти особенности позволили отказаться от прежних отождествлений Л.И.Ремпелем Дех-Нуджикета с городищем Шарвашлык⁶⁰, а К.М.Байпаковым с городищами Оххум и Тоймакент⁶¹.

Получила подтверждение точка зрения А.Н.Бернштама и поэтому принята его локализация городов Адахкет и Дех-Нуджикет на месте городищ Каракемир I и Каркемир II, обнесенных общей длинной стеной, которая окружает «местность Кевакиб»⁶².

Л.И.Ремпель в своей статье сделал очень важное и точное замечание: «Торговые сношения Мавераннахра с обитателями степей Центрального Казахстана осуществлялись через Испиджаб и Дех-Нуджикет. При этом Дех-Нуджикету придавалось, видимо, важное значение как пункту транзита на север, поэтому северные ворота в Испиджабе носили название не Таразских, а Нуджикетских, в то же время как ворота на юг носили название Бухарских, а на восток Ферганских»⁶³.

Где же тогда находился Гуньюй? Его положение определено маршрутом на участке караванной дороги между Белым городом – Испиджабом – Сайрамом и Нучкетом – Нуджикетом. От Белого города расстояние до Гуньюя составляло 200 ли, а между Гуньюем и Нучкетом – 40-50 ли.

Как известно из Испиджаба-Сайрама шла дорога в Турбат, а оттуда через перевал в долину Чирчика, где и находилось княжество Нуджикет и город Нуджикес, отождествляемый с городищем Ханабад, который находится в с. Каражан⁶⁴. Этот путь проходит восточнее горы Казыгурт и активно функционировал до конца 40-х гг. Он назывался «Турбат жолы», а расстояние от Сайрама до Чирчика составляло около 100 км.

Дорога шла через местность Каражан и Турбат, где сосредоточено не менее пяти крупных городищ, среди которых выделяется городище Алтынтобе. Цитадель ее имеет вид прямоугольного в плане бугра-тобе размерами в основании 100-120 м. Вокруг расположен обнесенный стеной рабат. Датируется VI–XIII вв.⁶⁵

58 Волн С.Л. Сведения арабских источников X–XVI вв. о долине р.Таласа и смежных районах. С.77-78.

59 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Жамбылская область. Алматы, 2002. С.141.

60 Ремпель Л.И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1956. Т.I. С.68-72.

61 Байпаков К.М. Средневековая культура Южного Казахстана и Семиречья. С.30.

62 Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины // Тараз – 2000 / Junter national scientific theoretical conference и Тараз: dialogue of Millenniums and Civilizations (26-27 September). Тараз, 2002. С.26-27.

63 Ремпель Л.И. Археологические памятники в дальних низовьях Таласа. Рис.72.

64 Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины. С.26-27.

65 Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская области. Алматы, 1993. С.175-176.

Однако в подъемном материале имеется керамика первых веков – VIII в. Это городище либо одно из городищ близ Турбата и может быть отождествлено с городом Гуньюй. Далее дорога идет в село Кызылтан, где обнаружено городище Как-Пак, датированное VII-XIII вв. Отсюда через 15 км дорога приводит в г. Чирчик⁶⁶, рядом с которым и находился город Нуджикес.

Локализация городов юго-западного Жетысу. В долинной части Таласа крупнейшим городом был Тараз. Он впервые упоминается в 568 г. византийским послом Земархом⁶⁷. Существовали предания, рассказанные автором книги «Сокровищница знаний» Абу-Хасаном Мухаммедом ан-Нишапури, по которому Тараз был основан выходцами из Бухары и сначала носил название Хамукат-Джамукат⁶⁸. Однако, у Нершахи в его сочинении «Истории Бухары» сказано, что Хамукат был самостоятельным городом и был основан именно выходцами из Бухары⁶⁹. «Название города, – пишет он, – означало имя его основателя Хамука или Джамука, что на языке бухарцев означало «жемчуг». Бухарцы хамуками называют вельмож⁷⁰.

Сюань Цзянь, проезжавший через Жетысу в 629 г., назвал Дало-сы Тараз, который находился в местности Цзяньцюань. «Город в окружности 8-9 ли. В нем смешанно живут купцы из разных стран и хусцы (согдийцы). Примерно в 10 ли на юге от него есть небольшой одиночный город с населением около 300 дворов. Это собственно люди из Срединного царства. Некогда они были взяты в плен Тузцюю, но впоследствии объединились в землячество и осели в этом городе, живя в его центральных усадьбах. Когда их одежда изнасилась, они стали одеваться как тузцюю, но их язык, обычаи и законы, такие же, как и в Китае»⁷¹.

Местоположение Тараза установлено точно – на месте города Аулие-Ата⁷² – Жамбыла, сейчас Тараза.

Отождествлен и «город китайцев» – это городище Жалпактобе, расположенный южнее Тараза и имеющий культурные слои VI-VIII вв.⁷³

Город Джамукат отождествляется с городищем Костобе, расположенным севернее Тараза. При раскопках городища удалось открыть дворец в цитадели с парадными и культовыми помещениями, интерьер которых был украшен рез-

Рис. 90. Джамукат. Бронзовая фигурка женщины

- 66 Талеев Д.А. Юго-западные ворота тюркского мира // Мобилизованный археологией. Кималь Акишевич Акишев. Астана, 2004. С.114-120.
- 67 Византийские историки / Составитель С.Дестунис. Санкт-Петербург, 1860, С.380.
- 68 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 г. // Соч. Москва, 1966. Т.IV. С.33.
- 69 Таласская долина. (1936-1938) // Рукопись. С.178.
- 70 Нершахи А.Б. История Бухары. Москва, 2003. С.122.
- 71 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе // Известия АН КазССР / Серия истории, археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып.3(14). С.91.
- 72 Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893-1894 г. С.115; Бернштам А.Н. Памятники старины Таласской долины. Историко-археологический очерк // Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1997. Т.I. С.12, 101-118.
- 73 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С.120.

Рис. 91. Город Атлах. Поделка из камня с рунической надписью

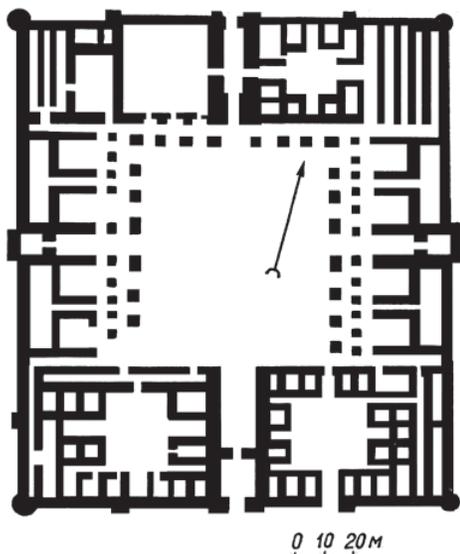

Рис. 92. Комплекс Акыртас. План

ным штукком с росписями. Первый период жизни дворца датируется VI-IX вв.⁷⁴

В Таласской долине находился еще один город Атлах, при котором в 751 г. произошла битва между арабами и китайцами, закончившаяся поражением последних⁷⁵. Локализация Атлаха была подтверждена находкой на городище Джувантобе обломка каменной поделки с прорезанной тюркской рунической надписью «Атлах»⁷⁶.

Эта находка позволяет определить местоположение города Атлах, что находится южнее Тараза, на границе Казахстана и Киргизии. Атлах отождествляется с городищем Джувантобе.

В долине Таласа в VII-VIII вв. находился город Касрибас, описанный Ибн Хордадбехом и Кудамой как ставка карлуков⁷⁷.

Этот город отождествляется с недостроенным архитектурным комплексом Акыртас. Его планировка, строительные материалы – каменные блоки убеждают исследователей в том, что Акыртас был резиденцией Карлукского кагана. Это была незаконченная по-

стройка, начатая арабскими зодчими, видимо, в середине VIII в., а по мнению востоковеда Брентьеса, Акыртас был резиденцией арабского полководца Кутейбы, которая строилась в 714-715 гг., когда Кутейба ибн Муслим стал правителем Центральной Азии. В пользу того, что Акыртас строился арабами, свидетельствует и наиболее ранняя на территории Казахстана мечеть в составе будущего дворца⁷⁸.

Одним из наиболее крупных городов в Чуйской долине был Синьчэн – Навакет. Он известен в китайских дорожниках уже в VII в.⁷⁹

74 Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом Шелковом пути. Алматы, 1998. С.100-108.

75 Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. Ленинград, 1980. Вып. XII. С.133-136.

76 Кляшторный С.Г. Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии // Казахстан и Евразия сквозь века / История, археология, культурное наследие. Алматы, 2010. С.323.

77 Байпаков К.М., Нортхедж А. Новые данные об Акыртасе // Известия Министерства науки, АН РК / Серия общественных наук. Алматы, 1997. №1. С.83-93; Baipakov K.M., Northedge A. La mission franco-kazakhe d'Akyrtash // Etudes Karakhanides. Tashkent – Aix en Provence, 2001. С.265-272; Brentjies B. Islamic art and architecture in Central Asia // Journal of Central Asia. 1993. V, XVI. №1,2. P.6-7.

78 Байпаков К.М., Канекова Г.А., Воякин Д.А., Марьяшев А.Н. Древние и средневековые сокровища Тараза и Жамбылской области. Алматы, 2011. С.399-413.

79 Зув Ю.А. Китайские известия о Суябе. С.94; Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домоногольский период. // Соч. Москва, 1964. Т.II. Ч.1. С.269.

В согдийских источниках с горы Муг, в частности, в брачном контракте Навакет назван согдийским городом⁸⁰. По арабским источникам последний тюркский каган жил в Навакете, где у него были запретный луг и запретная гора, к которым никто не мог приблизиться. Стада, пасшиеся на лугу, и дичь горы должны были служить провиантом при его военных походах. Каган причинил много вреда арабам и за это получил от них прозвище Абу Музахим («толкающийся, бодающийся» т.е. бык или слон). Каган был убит из личной мести тюркешским князем Курсулем⁸¹. Позднее, в IX-XIII вв. в письменных источниках Навакет один из наиболее часто упоминаемых городов⁸².

Археологические исследования на территории Чуйской долины и на городище Красная речка, сопоставление китайских и арабских дорожников о городе Синчэне и арабском Навакете, позволили отождествить этот город с городищем Красная речка⁸³ (территория Кыргызской Республики).

В числе городов раннего средневековья, известных по китайским источникам и находящих лингвистические параллели в арабских, были города Осуболай – Аспара. Есть точка зрения, что город Цзюйлань – Кулан⁸⁴.

Локализация города Аспара не вызывает сомнений, поскольку древнее название сохранилось в современной топонимике. В с. Аспара сохранилось городище.

Город Кулан – Цзюйлань известен в источниках VIII в. как место, где в 740 г. был убит последний западно-тюркский каган Ашина Хуайдао, со смертью которого пресеклась династия каганов Западно-Тюркского Каганата⁸⁵. Город отождествлен с городищем Луговое. В.В.Бартольд считает, что город Нузкет, который имеется в списке ал-Макдиси, по-китайски назывался Дуньцзян и находился на р.Аксу⁸⁶.

Есть точка зрения, что город Нузкет отождествляется с городищем Шиш-тобе⁸⁷ (территория Кыргызской Республики).

Города Суяб и Баласагун. Два наиболее известных средневековых города Жетысу – Суяб и Баласагун, расположенные на территории Кыргызской Республики, крупные центры на Шелковом пути, неизменно привлекают внимание исследователей: Суяб – столица Зпаднотюркского и Тюркешского каганатов, Баласагун – как политический центр караханидов и каракитаев. Однако,

Рис. 93. Городище Луговое. Головка знатного тюрка. Терракота. VIII – начало IX в.

80 Лившиц В.А. Согдийский брачный контракт начала VIII в. // Москва, 1960. №5. С.80-84.

81 Бартольд В.В. Очерки по истории Семиречья // Сочинения. Москва, 1963. Т.II. Ч.1. С.34.

82 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С.281, 294.

83 Байпаков К.М., Горячева В.Д. К вопросу о локализации Навакета // Культура и искусство Киргизии / Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Ленинград, 1983. С.74-75.

84 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С.268-269, 281-282.

85 Бартольд В.В. Очерк по истории Семиречья. С.33.

86 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. С.282.

87 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.31.

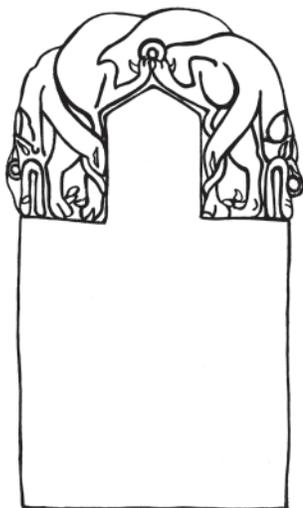

Рис. 94. Суяб.
Стела с драконами

несмотря на довольно многочисленные сведения об этих городах в трудах средневековых авторов, кое-что в их исторических судьбах остается неясным. Это касается, в частности, определения их месторасположения.

Наиболее ранние сведения о Суябе, относящиеся к первой половине VII – VIII в., содержат китайские источники. В 629 г. буддийский паломник Сюань Цзянь по пути в Индию проехал через Жетысу. На реке Суй-е он нашел город: «В окружности он имел 6-7 ли. В нем жили купцы из разных стран и хусцы (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Прямо от Суй-е на запад находилось несколько десятков одиночных городов, независимых друг от друга». Далее Сюань Цзянь характеризует жителей городов Жетысу, их нравы, одежду, обычаи и включает рассказ сообщением, что в городах живут земледельцы и торговцы⁸⁸. Оказалось, что путь Сюань Цзяня был тождествен маршруту, который приводится в «Истории династии Тан», где перечислены города западнее Суяба с указанием расстояний между ними.

В 677 г., сообщают источники (старая Танская история), китайцы совершили поход на западных тюрок, захватили кагана Дучжи в плен и отправили его в город Суй-е (Суяб).

Во времена господства тюргешей в Жетысу главная орда их кагана находилась в Суябе. В первом десятилетии VIII в. город упоминается в связи с междоусобицами. Так, в 740 г. один из тюргешских князей Мохе-дагань в союзе с ферганским и ташкентским владетелями разбил при Суябе сына тюргешского кагана Сули и сам стал во главе шей. Однако правление Мохэ-даганя было непродолжительным: в 748 г. наместник Восточного Туркестана Ван Чжень сунь предпринял военную экспедицию на запад, разрушил городские стены и построил буддийский храм⁸⁹.

Вмешательство китайцев в дела Западного Туркестана закончилось после поражения, нанесенного им в 751 г. при Атлахе арабским полководцем Зиядом б. Салихом. Главенство в Жетысу захватили карлуки: в 766 г. они заняли Суяб и сделали его своей столицей⁹⁰.

К середине VIII в. относится первая мусульманская информация о городах Жетысу, в частности, о Суябе. У ибн Хордадбеха и Кудамы Суяб фигурирует в числе городов на Великом Шелковом пути. В анонимном сочинении «Худуд ал-Алем» и в сочинении Гардизи «Зайн ал-Акбар», сведения о которых также взяты у информаторов, живших не позднее середины VIII в., содержится такая характеристика Суяба: «Это было большое селение, откуда выходят

88 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. С.87-89.

89 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. С.95-96.

90 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С.33.

20 тысяч человек. Владетелем города был брат джабгу, который носил титул «ялан-шаха»⁹¹.

Затем Суяб исчезает со страниц письменных источников. В качестве столичного города Жетысу выступает Баласагун. Впервые он упоминается в рассказе сельджукского везира Низам ал-Мулька о завоевании Баласагуна неверными тюрками незадолго до 943 г. Захватив Баласагун, тюрки (караханиды) приняли ислам и постепенно завоевали Среднюю Азию. Баласагун был столицей одного из уделов Караханидского государства⁹².

В конце X в. Баласагун, согласно ал-Макдиси, представлял собой «большой населенный пункт, обильный благами». Махмуд Кашгарский приводит другие названия города: Куз-Улуш и Куз-Урду. Он же сообщает о том, что жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски, и о том, что «сугдаг – люди живущие в Баласагуне. Они из Согда, но выглядят как тюрки и приняли их обычаи»⁹³.

По мнению известного ориенталиста В.Томашека, который сопоставил китайские маршрутники «История династии Тан» и маршрутники ибн Хордадбеха и Кудама, Суяб находился у западной оконечности Иссык-Куля. В.В.Бартольд предложил искать Суяб гораздо западнее⁹⁴. Он же определил локализацию Баласагуна, первоначально отождествляя его с городищем Бурана, но затем сопоставил город с развалинами Ак-Бешима⁹⁵.

А.Н.Бернштам отождествлял Суяб с городищем у с.Новорийское в долине Чон-Кемина⁹⁶. Анализ нумизматического материала из Ак-Бешима позволил Б.Клаусону отождествить Ак-Бешим с Суябом⁹⁷.

Следовательно, сопоставление мнений о локализации Суяба и Баласагуна делает наиболее вероятным идентификацию их с городищами Ак-Бешим и Бурана. В подтверждение приведем некоторые дополнительные аргументы.

По моему мнению, под названием Урду-Ордакент Суяб был известен гораздо раньше. В манихейском сочинении из Ходжо, датированном первой половиной VIII в., среди городов Жетысу названы Йаканкент, Ордукент, Чингильбалык, Кашу⁹⁸. Отсутствие в этом ряду широко известного Суяба позволяет считать, что он как столичный город стал называться Ордукент.

Можно считать, что Суяб в позднее время стал известен под названием Урду. Баласагун же известен, как нам кажется, уже в середине VIII в.

Последовательность наших рассуждений следующая. В сочинениях арабских источников, восходящих к информаторам VIII в., имеются сведения о городе Беклиг, название которого по-согдийски звучало как «Семекна». Владелец селенья носил титул Бадан-Сангу, или по-тюркски Йинал-Тегин; у него было 3 000 воинов, кроме того, город выставял 7 000 воинов⁹⁹. Селение Беклиг

91 Волн С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С.74.

92 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. С.95-96.

93 Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории тюркских народов // Соч. Москва, 1965. Т.V. С.74-78.

94 Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане. С.282-283.

95 Бартольд В.В. Баласагун. С.357.

96 Чуйская долина. С.9.

97 Clauson B. Ak-Beshim-Sujab // Труды международного конгресса востоковедов. Москва, 1965. С.126-127.

98 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.115.

99 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. С.36, 38.

(Беклелиг), или Семекна соответствует Баласагуну и вот почему. Обратимся к этимологии ойконима «Беклиг», сопоставим его со словом «балык», которое пишется «балиг» и употребляется в тюркских языках в значении «город»¹⁰⁰.

Возможно и другое толкование ойконима: «баласагун» – слово, состоящее из двух – «бала» и «сагун», где «бала» – усеченная форма «балык-беклиг», а «сагун» – военно-административный титул, распространенный как среди тюркской знати, так и у других народов Центральной и Средней Азии¹⁰¹. Особое значение для наших рассуждений играет тот факт, что владелец города Беклига носил титул Бадан-Сангу, в котором «Бадан» является именем, известным в среде согдийской и персидской аристократии. С.Г.Кляшторный убедительно показал: титул «Сенгун» («Сангу») был наследственным, поскольку в 731 г. посольство городов согдийцев Жетысу возглавлял Нек Сенгун и Огул-Тархан. Первый был предшественником Бадан-Сангу¹⁰².

Напрашивается вывод о тождестве Беклига и Баласагуна. Первое название означает «просто город», второе осмысливается как «город Сагуна-Сегуна». По-согдийски «Беклиг» назывался «Семекна», и В.В.Бартольд считал его согдийской колонией. В пользу такого мнения свидетельствует также анализ 52-53 строк рунической надписи в честь Кюль-Тегина, где говорится о посольстве согдийских городов, одним из руководителей которого был Нек Сенгун¹⁰³, и он, на наш взгляд, являлся владельцем именно Беклига – Семекны – Баласагуна. Согдийское население в Баласагуне сохранялось еще в XI в., и не случайно Махмуд Кашгарский писал, что «сугдак – люди, живущие в Баласагуне»¹⁰⁴. Это еще одно подтверждение в пользу тождества согдийского города Беклига – Семекны и города Баласагуна, где проживали отюреченные согдийцы.

Таким образом, Суяб и Баласагун возникли и существовали одновременно, но в те или иные периоды истории Жетысу играли различную роль. В VII-VIII вв. столицей был Суяб – Ордакент, а Баласагун, известный под именем «Беклиг» или «Семекна», был крупным селением. В IX в. главенствующее положение переходит к Баласагуну – Куз-Орду, а Суяб превращается в небольшой городок, еще по традиции называемый Урду. Суяб и Баласагун находились рядом, им соответствуют городища Ак-Бешим и Бурана также расположенные рядом.

Типология и застройка городов: цитадели и дворцы, кварталы и городское жилище, замки, культовые постройки

Всем городищам Южного Казахстана присуща топография, в структуре которой различаются: цитадель – наиболее укрепленная часть, шахристан – внутренний, укрепленный стеной город, и рабад – торгово-ремесленное предместье. Считается, что шахристаны среднеазиатских и южно-казахстанских городов были заселены представителями знати – дехкан, богатых купцов и

100 Толстов С.П. Города гузов. (Историко-этнографические этюды) // СЭ. Москва, 1947. №3. С.71-75.

101 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.132.

102 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.132.

103 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.132.

104 Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р.Талас и смежных районах. С.84.

духовенства. Однако раскопки Пенджикента в Средней Азии показали, что здесь уже в раннее средневековые жили и ремесленники, и мелкие рыночные торговцы, а сам город был административным центром, местом концентрации ремесла и торговли¹⁰⁵.

К числу городов, безусловно, следует отнести те городища, которые идентифицируются с городами письменных источников, с той моделью города, которая сложилась в представлении современников. Это уже названные города – Испиджаб, Отгар – Фараб, Шавгар, Хварана, Хувара.

При выделении типов раннесредневековых городищ Южного Казахстана используются совокупность следующих признаков: размеры и структура, соотношение его частей (цитадель и вся площадь или цитадель и шахристан); фортификация; мощность культурного слоя; археологический комплекс.

Опираясь на эти количественные и качественные признаки, число всех раннесредневековых городищ, которые можно считать городами в Южном Казахстане, равно 33. Однако, поскольку все города Южного Казахстана продолжали жить в более позднее время, то последние культурные напластования городищ не позволяют определить размеры ранних городищ.

В юго-западном Жетысу это возможно.

На территории Чуйской и Таласской долин обнаружено 36 городищ, имеющих слои VII-IX вв. Все они продолжали жить и в последующее время. Топография их отмечается своеобразием. У городищ выделяется «центральная часть», состоящая из цитадели и шахристана. К центральному развалинам примыкает территория, окруженная

Рис. 95. Городище Куйруктобе. План

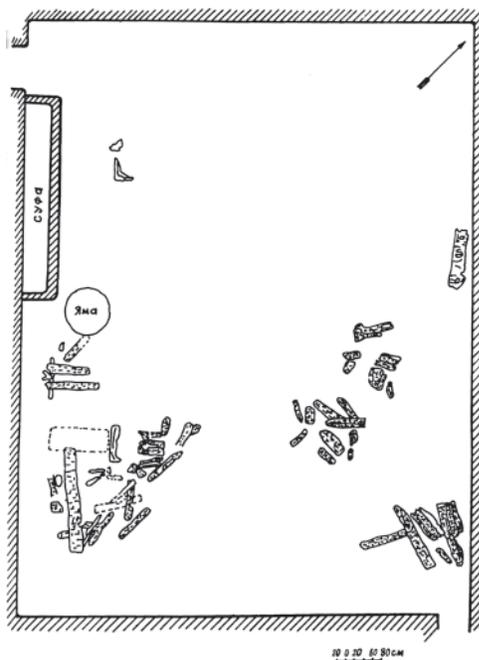

Рис. 96. Городище Куйруктобе.
План парадного зала дворца

105 Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.3-4.

Рис. 97. Городище Куйруктобе. Святилище с алтарем

стеной, протяженностью от трех до нескольких десятков километров¹⁰⁶.

В расположении городищ с «длинными стенами» намечается закономерность: в долине Таласа они находятся на расстоянии 15-20 км друг от друга в наиболее удобных участках долины, в местах впадения в Талас горных рек. В Чуйской долине закономерность расположения городищ еще

более четкая – городища расположены в предгорной зоне на месте конуса выноса горных рек на расстоянии 15-35 км одно от другого; остальные образуют северную внешнюю цепь в местах впадения стекающих с гор Киргизского хребта рек в р. Чу.

По данным письменных источников можно выделить три их группы. Города: Тараз, Суяб, Навакет, Нузкет, которые соответствуют крупным городищам юго-западного Жетысу – городищам Жамбыл, Ак-Бешим, Красная речка и Шиштобе. К группе средних городов относятся Касрибас – Акыртас, Кулан – Луговое¹⁰⁷. К поселениям можно отнести несколько десятков памятников. В их структуре нередко выделяются цитадели и шахристаны, пригородные участки. Некоторые поселения имели мощные крепостные сооружения. Однако площадь их невелика и не превышает 4-6 гектаров, что скорее характерно для поселений. Кроме того, к поселениям относились многочисленные «Тортколи» – городища в виде четырехугольника¹⁰⁸.

Застройка цитаделей городищ. Арки цитадели были обязательным элементом средневекового города и его наиболее укрепленной частью.

Цитадель городища Куйрык-тобе в VII-VIII вв. представляла собой дворцовую постройку, поднятую на паховую платформу высотой 10 м. Она была местом пребывания правителя города, имела мощную фортификацию¹⁰⁹.

Раскопками на цитадели городища Баба-Ата установлено, что в VI-VIII вв. находилась двухэтажная постройка площадью 240 м². На первом цокольном этаже располагался парадный зал диаметром 5-8 м, перекрытый куполом. Второй этаж был занят шестью помещениями с коробовыми перекрытиями¹¹⁰.

106 Кожмяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С.65-130; Кожмяко П.Н. Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С.154-224.

107 Байпаков К.М. Средневековая культура Южного Казахстана и Семиречья. С.63-71.

108 Кожмяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С.131-184;

Байпаков К.М. Средневековая культура Южного Казахстана и Семиречья. С.128.

109 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.71-72.

110 Агеева Е.И. Археологические исследования на северных склонах Каратау // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1962. Т.14. С.117-153.

Раскопки цитаделей городищ Красная речка и Лугового выявили и здесь остатки построек замкового типа¹¹¹.

Интересные наблюдения были сделаны при раскопках цитадели городища Костобе в Таласской долине. Цитадель городища представляла собой пирамидальный холм высотой 12-15 м с площадкой наверху размером 30×40 м. Первоначальная постройка, относящаяся к VI-IX вв., как удалось установить, представляла собой сооружение замкового типа, поставленное на высокий стилобат. По периметру постройки шли обходные галереи¹¹².

В цитаделях раннесредневековых городов сосредотачивались монументальные дворцовые комплексы. Все достижения в архитектуре и строительном искусстве применялись именно на цитаделях, где проживала элитарная часть населения. Археологические исследования здесь раскрывают многие сведения о жизни города и его формировании, проясняют социальные и этнокультурные аспекты, помогают определить уровень развития архитектуры и строительства.

Становление и развитие цитаделей длилось в течение многих веков. В античное время они уже четко выделяются над остальной частью города, имея крепостные валы, рвы, пристенные башни.

Дворец в цитадели Куйрыктобе. Раскопки на цитадели обнаружили постройки трех разновременных строительных периодов. Нижний относится ко времени функционирования цитадели и датируется VII – первой половиной IX в. Второй период – со второй половины IX – XI в. характеризуется постройками компактного городского квартала. Самые верхние постройки, датируемые XI-XII вв., принадлежали кварталу гончаров.

Рассмотрим только нижний строительный период, относящийся к дворцовому комплексу цитадели.

Первый этап жизни комплекса (VII-VIII вв.) отмечен началом строительства и расширением дворца. На втором этапе (VIII – вторая половина IX в.) производится частичная перестройка внутри дворца, добавляется несколько новых помещений. В результате пожара во второй половине IX в. дворец сгорает, после этого разбираются все полуразрушенные внутренние стенки дворца. Остались лишь капитальные стены – те, что использовались как основа при последующих перестройках.

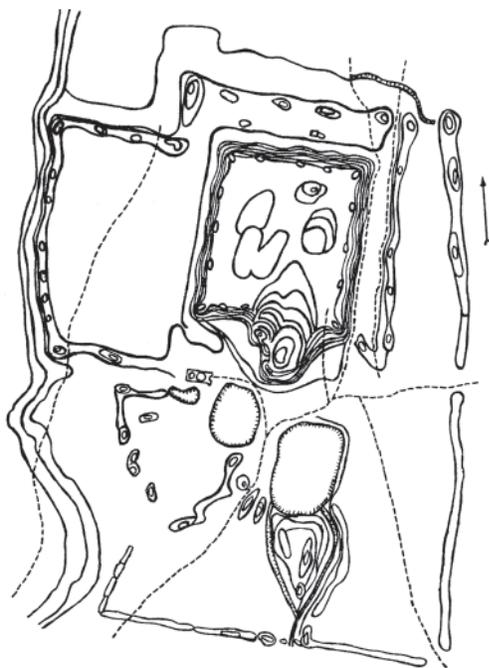

Рис. 98. Городище Баба-Ата. План

111 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.73

112 Байпаков К.М. Средневековые города на Великом Шелковом пути. С.100-108.

Еще в конце 40-х гг. первые исследователи городища Куйрыктобе А.Н.Бернштам, Е.И.Агеева и Г.И.Пацевич, проводя расчистку наружного склона цитадели обнаружили, что дворцовый комплекс выстроен на мощном цоколе¹¹³. Позже был произведен разрез холма по линии север – юг, который показал, что платформа (80×80 м) под дворцом имела высоту до 10 м¹¹⁴.

В качестве строительных материалов для сооружения платформы применялись пахсовые блоки, сырцовые кирпичи и глина.

Каркас сооружения состоял из стен, сложенных из пахсовых блоков и сырцового кирпича, образующих клетки, заполненные землей и строительным мусором, все заливалось водой и утрамбовывалось. В итоге получилась монолитная платформа с жестким каркасом, на котором и возвели дворец, окруженный крепостными стенами с башнями по углам. Он был как бы «вмонтирован» в угол шахристана.

Стены дворца возводились кладкой нескольких видов. Так, стены парадного зала полностью выполнены из нарезанной на блоки пахсы. В культовом помещении нижняя часть стен на высоту 1 м выложена одним рядом пахсовых блоков, верхняя же часть стен выведена из сырцовых кирпичей; толщина остатков стен в помещении колеблется от 1,2 до 2,45 м. Интересна кладка стен обводной галереи: низ на высоту 1,85 м выложен двумя рядами пахсовых блоков, причем, блоки уложены вперевязку – с несовпадением вертикальных швов; выше пахсовой кладки шла кладка из сырцового кирпича с напуском внутрь галереи на 7-10 см в виде карниза. Такой же кладкой были выложены стены башен – внизу два ряда пахсовых блоков, выше – кладка вперевязку из сырцовых кирпичей.

Как показал разрез, крепостная стена была выполнена из пахсовых блоков, использовались и сырцовые кирпичи размером: 38-40×20×9-10 см; 42-44×20-24×8-10 см; 48-50×24-25×8-10 см. Кладка скреплялась глиняным раствором, пахсовые блоки имели высоту от 0,8 до 1 м, длину – от 0,7 до 1,1 м и ширину – от 0,65 до 0,8 м. Поверхность стен покрывалась несколькими слоями глиняной штукатурки.

Дворец был одноэтажным, так как ни на одном из участков уцелевшей постройки раскопками не обнаружены остатки лестниц или пандусов, ведущих на второй этаж. В коридоре возле зала найден фрагмент лестницы, выходившей на кровлю.

Абсолютно точно можно судить только об одном виде перекрытия – над обводной галереей. В северо-западной части дворца на небольшом участке уцелел кусок перекрытия – нижняя часть коробового свода над коридором. В обводной галерее верхняя часть стен была выложена с небольшим напуском внутрь в виде карниза. Напуск создавал стене дополнительную толщину и прочность. Сверху на стены опиралась пята коробового свода.

В полу парадного зала, размер которого составлял 157,5 кв. м (10,5×15 м) найдены четыре углубления, почти квадратные в плане, оставшиеся от баз ко-

113 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды ИИАЭ. Алма-Ата, т. 5. С.48.

114 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – начало XIII в.). С.71; Байпаков К.М. По следам древних городов Казахстана (Отарский оазис). Алма-Ата, 1990. С.65.

лонн. Углубления расположены симметрично и являются в плане углами большого правильного прямоугольника. Расстояния между колоннами по разным направлениям – 4 и 7 м. Размеры углублений – гнезд – 70-80×60-76 см. Расстояние между наружной гранью колонны и краем стены по короткой стороне зала составляет 2,4-2,5 м, а по длинной стороне зала – 3,15-3,50 м.

Судя по размерам углублений, колонны были крупными в сечении, а значит, и высокими. Помещение, где они находились, тоже не могло быть низким. Предположительно, высота стен в парадном зале, учитывая и большую его площадь, составляла не менее 5 м. К настоящему времени стены сохранились на высоту от 0,5 до 2 м.

В углублениях остались основания под базы колонн, состоящие из двух брусков в каждом углублении. Бруски были плотно пригнаны друг к другу и укладывались вдоль длинной стороны углубления.

Сходный прием наблюдается на Уртакургане (Таджикистан): под деревянные базы колонн были также уложены по два деревянных чурбака, однако, их форма отличается от куйрыктобинской. Верхняя часть чурбаков была со скругленными углами, а укладывались они под базы, слегка выступая с обеих сторон. Чурбаки были скрыты под глиняной обмазкой пола¹¹⁵.

Наличие колонн свидетельствует о том, что в парадном зале была применена конструкция перекрытия типа «рузан» или «дарвази», а световой проем был устроен в перекрытии.

Во время пожара вслед за обвалившимися балками перекрытия, упали на пол и сохранились в завале куски верхних слоев кровли, а также отдельные фрагменты глиняной обмазки с отпечатками стеблей камыша. Поэтому известно, в какой последовательности эти слои выстилались и из каких компонентов состояли. Поверх балок настилали толстый слой камыша толщиной до 30 см, причем в середине камышитового слоя проходила прослойка из суглинка, битого сырцового кирпича и т.д. Прослойку прокладывали для большей прочности. Сверху кровлю обмазывали несколькими слоями глиняной обмазки.

Над остальными помещениями, выявленными в ходе раскопок, было устроено балочное перекрытие с небольшим скатом. Это предположение основывается на следующих соображениях. Во-первых, помещения, раскопанные наряду с парадным залом, отличаются небольшими размерами и вполне могли быть перекрыты при помощи одной балки, положенной на стены.

Крепостные башни освещались изнутри светом из бойниц. Как упоминалось, в сохранившейся части дворца обнаружены остатки лестницы – в коридоре у парадного зала, ведущей на кровлю. То есть, кровля была эксплуатируемая, вероятнее всего она была плоской. Причем, на наш взгляд, кровля была решена в двух уровнях.

Если посмотреть на план оставшейся части дворца, то по габаритам все помещения можно объединить в две группы, отнеся к первой зал, а ко второй – все остальные. Ввиду плохой сохранности стен невозможно определить высоту помещений. Методика архитекторов вычислять высоту в помещении,

115 Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Термизактепа. Душанбе, 1973. С.46.

исходя из объема пристенного завала, в данном случае неприемлем, поскольку пристенных завалов нет. Высота парадного зала определяется в пределах 5 м, а высоту других помещений можно условно определить в пределах 3 м.

Таким образом, первый более высокий уровень кровли перекрывал зал и верхнюю поверхность мощных стен. Второй более низкий уровень кровли перекрывал всё остальное, прилегающее к залу. По-видимому, лестница связывала между собой эти два уровня.

Помещения дворца имели разное предназначение и разделяются по функциональным группам. При этом отдельные группы помещений были пристроены к основным позже, при расширении площади дворца.

Парадная часть дворца – это центральный зал: он занимает главенствующее положение на плане и выделяется большими размерами и богатым интерьером. Зал имел два дверных проема – в северо-западном углу и юго-восточном. Оба проема вели в обводную галерею вокруг дворца, причем юго-восточный – непосредственно в галерею, а северо-западный – через длинный коридор шириной 2,25 м. Вдоль всех стен в зале располагались суфы. Их ширина колеблется от 1 до 1,35 м, а высота сохранилась в пределах 0,2 м.

Кроме фрагментов резного фриза и деревянных деталей перекрытия, на полу в завалах обнаружена керамическая посуда согдийского облика – грушевидные кувшины, «пузатые» кружки и чаши с волнистым краем; посуда местного производства – кувшины, кружки с геометрическим орнаментом в виде сетки, треугольников, полуovalов, покрытых ангобом.

Найдено несколько фигурок женского божества Анахиты или фравашей.

К западу от парадного зала обособленной группой располагаются два помещения, относящихся к культовой группе. Первоначально это было одно прямоугольное помещение, вытянутое по направлению с северо-запада на юго-восток, но впоследствии была отделена небольшая часть комнаты (№10). Стенка, разделяющая комнаты, отличается от основных не только по характеру кладки, но и по материалу: использованы исключительно сырцовые кирпичи, в то время как первоначальные стены в помещении выложены внизу пахсовыми блоками, а затем уже сырцовыми кирпичами. Это говорит о том, что разделительная стенка была выложена позднее, в ходе перестройки помещения.

Большая из комнат (№9) представляет в плане почти квадрат (5,2×5,5 м) и ориентирована углами по сторонам света. В центре ее располагался подиум диаметром 2 м и высотой 0,4 м. По-видимому, подиум предназначался под стационарный светильник для освещения помещения. Такие подиумы можно увидеть и в замке Балалыктепа¹¹⁶, и в «красном зале» Варахшского дворца¹¹⁷, и в замке Актепа близ Ташкента¹¹⁸. Напротив подиума находился дверной проем шириной 1,25 м, ведущий из парадного зала. Впоследствии дверной проем был заложен, а вдоль этой и соседней северной стены были устроены суфы. В южном углу помещения была устроена узкая лестница, ведущая через дверной проем в галерею. На момент раскопок лестница сохранилась на высоту

116 Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии. Ташкент, 1966. С.158. Рис. 58-60.

117 Шишкин В.А. Варахша. Москва, 1963. С.58. Рис. 20.

118 Филанович М.И. Ташкент: зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С.110.

Рис. 99. Фигурки женского божества Анахиты

трех ступенек, на эту же высоту сохранились и стены в помещении – их верхняя часть была разрушена, не осталось следов и от дверного проема.

Ввиду небольших размеров помещения и отсутствия углублений от колонн, перекрытие могло быть плоским балочным. Но при наличии стационарного алтаря огня в перекрытии непременно должен был быть оставлен проем для дыма. К сожалению, на полу помещения не обнаружено ни остатков перекрытия, ни сколько-нибудь значимых находок. Предполагаем, что над культовой комнатой во дворце Куйрыктобе было устроено перекрытие с небольшим отверстием в центре для выхода дыма и освещения помещения как, например, в замке Балалыктепа¹¹⁹.

К северо-западу от парадного зала, за стеной толщиной 3,06 м, сложенной из крупного сырцового кирпича, располагалась группа помещений, от которых сохранились лишь наружные стены, все внутренние перегородки полностью разрушены. Единственное, что осталось в первом от стены прямоугольном помещении (№11), это углубления от двух баз колонн, расположенных на одной оси по центру комнаты. Предполагается, что это большое помещение было разбито внутренними перегородками на несколько жилых комнат.

Весь комплекс внутренних помещений дворца был охвачен обводной галереей шириной 2,8 м. Как упоминалось, обводная галерея и внутренний коридор от зала были перекрыты сводом. Галерея примыкала к крепостной стене, по углам которой находились секторовидные башни с небольшими камерами внутри. Из всех крепостных башен до нас дошла лишь одна – восточная башня. Из обходной галереи в башню вел дверной проем шириной 2,2 м. Внутренняя

119 Альбаум Л.И. Балык-тепе. Ташкент, 1960. С.87. Рис. 58; Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии. С.3-159. Рис. 60.

камера имела так же, как и сама башня, форму сектора круга. На втором этапе жизни дворца, когда происходили некоторые изменения в его планировке, с восточной стороны комплекса пространство между северной и восточной башнями было использовано для расширения общей площади дворца. Для этого к платформе была пристроена дополнительная часть шириной 5 м и длиной 12,5 м. На ней были выстроены два следующих помещения (№№6 и 7). Выходы из помещений были прорублены сквозь крепостную стену в обводную галерею. Теперь объем башни не выступал за линию крепостной стены.

Вновь выстроенные комнаты вместе с внутрибашенным помещением можно считать оборонной группой. Все они взаимосвязаны. Помещения (№6) и (№7), по всей вероятности, являлись жилыми комнатами для дружины, в их интерьерах вдоль стен угадываются суфы, на полах имелись открытые напольные очаги. Возле одного из очагов обнаружена очажная подставка в виде барана.

Таким образом, в сохранившейся части дворца можно выделить следующие функциональные группы помещений: парадная, культовая, весьма условно – жилая и оборонительная.

Несмотря на то, что дворец был одноэтажным, по своему объему он не казался приземистым и тяжелым: высокая, десятиметровая платформа придавала всему ансамблю легкость и стройность. Вид на дворец открывался из любой части города. На расстоянии массивные (толщиной в основании 2,7 м) крепостные стены казались неприступными. Их наружная поверхность имела некоторый уклон кверху, что создавало эффект устремленности ввысь и стройности всему комплексу.

Отметим, что способ кладки стен с наружным уклоном применялся из практических соображений – для большей устойчивости самих стен, а также для дополнительных препятствий неприятелю во время осады, взбирающегося по наклонной стене врага гораздо проще заметить с обзорной площадки за парапетом. Стены охватывали по периметру прямоугольный в плане комплекс построек.

Высотной доминантой всего ансамбля являлся парадный зал. Он был самым высоким помещением во дворце: его объем возвышался над кровлей, завершаясь большим бревенчатым куполом дарвазного перекрытия. Все остальные помещения дворца находились на одном, более низком уровне, как бы подчиняясь его первостепенной роли в ансамбле.

Гладкая, монотонная поверхность стен прерывалась на угловых участках крутизною башен. Форма последних проемами бойниц вносила разнообразие в восприятие всего комплекса. Верхняя поверхность крепостных стен служила обзорной площадкой для воинов, а вдоль всей кромки стены, очевидно, был выложен парапет из зубцов-мерлонов, которые и являлись последним завершающим штрихом в формировании образа цитадели.

Характер строительных приемов, наличие платформы, комбинированная кладка из длинномерного сырцового кирпича и пахсовых блоков, размеры кирпича, наличие коробовых сводов, планировка – все эти особенности находят аналогии в постройках раннесредневековых городов Шаша, Согда, Уструшаны.

Прямых аналогий планировке и конфигурации цитадели Куйрыктобе нет, однако, общие черты сходства в отдельных памятниках архитектуры средневековья – налицо. Так, в группе шашских городищ замок Ак-тепе Чиланзарский¹²⁰, датируемый VII-VIII вв. (I и II строительный период) по общей конфигурации обнаруживает некоторое сходство с планом Куйрыктобинского дворца: представляет собой в плане почти квадрат с овальными башнями по четырем углам. И в том и другом сооружениях башни имеют разную форму, однако, в обоих случаях наблюдается один сходный момент – башни углублены в тело постройки. На Ак-тепе Чиланзарском внутрибашенные помещения представляют собой прямоугольные комнаты и соединяются с помещениями замка коленчатыми коридорами. Сам замок двухэтажный, но сохранились помещения только первого этажа. Это три вытянутые комнаты, которые, как и коридоры, имеют сводчатые перекрытия. На Ак-тепе в качестве строительных материалов использованы пахсовые блоки и сырцовый кирпич сходных размеров 47×26×8-9 см с куйрыктобинским. Сходство, как видим, наблюдается и в наличии сводов.

К сооружениям в районе Шаша относится и замок Актепа Юнусабадское¹²¹, датируемый V-VIII вв. Некоторое сходство обеих ансамблей прослеживается во внешних контурах: замок Актепа Юнусабадское представляет собой квадрат с округлыми башнями по углам. Кроме того, как и в Куйрыктобинском дворце, во всех конструкциях на Актепа Юнусабадском использован сырцовый кирпич стандартного размера 48×24×10 см. В остальном – оба памятника принципиально различны. Так, сложная планировка Актепа Юнусабадского отличается от дворца Куйрыктобе: замок Актепа – двухэтажный и имеет гораздо большие размеры, чем описываемый нами дворец.

Как видим, и в этом случае прямых аналогий дворцу из Куйрыктобе нет.

Некоторое общее сходство контура цитадели Куйрыктобе обнаруживается при сравнении с планом цитадели Ханабадтепа¹²², датируемым второй половиной VI – VII в. (нижний строительный этап) и относящемуся тоже к району Шаша. Цитадель в плане имела вид прямоугольника, обнесенного со всех сторон крепостной стеной с четырьмя угловыми башнями. Башни, как на Куйрыктобе, углублены внутрь постройки. Снаружи крепостная стена обведена стрелковой галереей, внутри же, только с одной юго-западной стороны проходил коридор. Цитадель Ханабадтепа имела прямое военно-оборонительное значение, поэтому планировка внутреннего пространства принципиально иная.

120 *Филанович М.И.* Древний Ташкент. Ташкент, 1973. С.114-120. Рис. 30; *Филанович М.И.* Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С.46. Рис.9; *Филанович М.И.* Ташкент: зарождение города и развитие города и городской культуры. С.117-122.

121 *Филанович М.И.* Ташкент: зарождение города и развитие городской культуры. С.103-106. Табл.IV, В, Г; *Филанович М.И.* Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье. С.44-46. Рис.4-8; *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии. С.129-131, Рис.45.

122 Древности Ташкента. Ташкент, 1976. С.13-15, 18, 28-31. Рис.4; *Филанович М.И.* Система расселения и градостроительные формы Ташкентского микрооазиса в древности и раннем средневековье. С.48-49. Рис.10.

Помимо сходства общего плана, наблюдается применение одинаковых строительных материалов.

Рассмотрим некоторые элементы дворцового комплекса Куйрыктобе. Для начала – крепостную башню цитадели. В литературе не встречено повторения этой редкой формы башни – сектора круга. В отдельных случаях наблюдается весьма отдаленное сходство, как, например, в жилых усадьбах Кават-кала¹²³, но не более того.

Крестообразная форма бойниц также не встречена ни в крепостных стенах, ни в башнях, где преобладали стреловидные или щелевидные бойницы.

Крестовидная форма бойниц прослеживается не в архитектурных сужениях, а в предметах с их изображением. К числу последних относятся согдийские оссуарии с изображением замков¹²⁴, просто фасадов зданий¹²⁵, датируемых VI-I вв. до н.э. Это шашский оссуарий с городища Ханабад¹²⁶, относящийся к VI-VII вв., самаркандский очажок, датируемый X-XII вв.¹²⁷, венчание стенки которого изображает фасад стены с крестообразными проемами. Интерпретированную форму креста, изображающую бойницу, можно встретить на терракотовых плитах – метопах, найденных в южном комплексе Старой Нисы, относящихся к III-I вв. до н.э.¹²⁸

Зубцы-мерлоны, завершающие парапет крепостной стены Куйрыктобе, не были обнаружены при раскопках дворца. Однако, учитывая широкое их применение в среднеазиатской архитектуре и в виде декоративного элемента, и в качестве оборонного, предполагаем наличие мерлонов на цитадели Куйрыктобе. В качестве примеров можно привести терракотовые плитки с изображением мерлонов с прорезью, найденные на городище Тараз¹²⁹, датируемого V в., цитадели Варахши¹³⁰, замках Балалык-тепа¹³¹, Джумалак-тепа¹³². Мерлоны изображены на керамической облицовке VI-III вв. до н.э. из Ак-тепа под Ташкентом¹³³, на самаркандском очажке X-XII вв.¹³⁴, на облицовочных плитках с тисненым орнаментом VIII-X вв. Рабинджана в Дабусии¹³⁵. Важным доказательством, что парапет стены был украшен именно такими мерлонами, является резная доска из парадного зала, на котором изображена «сцена осады замка» и стена этого замка украшена ступенчатыми мерлонами. Кроме того, известен черепок сосуда, найденного на раскопках городища в слое Костобе VI-VII вв. (Отрарский оазис), украшенный рисунком городской стены со ступенчатыми зубцами.

123 *Лавров В.А.* Градостроительная культура Средней Азии. Москва, 1950. С.86-87. Рис.179-180, 182.

124 *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961. С.78. Рис.1.

125 *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. С.79. Рис.3.

126 *Древности Ташкента.* С.29.

127 *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. С.129. Рис.2.

128 *Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. Москва, 1958. Т.VI. Рис. на с.96-97.

129 *Сенигова Т.М.* Средневековый Тараз. С.61. Рис.9; *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. С.83. Рис.2.

130 *Шишкин В.А.* Варахша. С.96. Рис. 46.

131 *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии. С.161. Рис. 61.

132 *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии. С.150. Рис. 55.

133 *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. С.83. Рис. 1, 2.

134 *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. С.129.

135 *Ремпель Л.И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. С.133. Рис. 2, 4, 5.

Раскопки в цитадели Баба-Ата. Археологические работы на городище Баба-Ата проводились в 1953-1954 гг., 1957-1959 гг. Южно-Казахстанской археологической экспедицией, руководимой Е.И.Агеевой¹³⁶.

Начальный этап жизни на цитадели городища относится к VI-VII вв. Здание площадью 240 м² (16x15 м) имело два этажа и достигало высоты около 6 м. Центральным ядром сооружения являлся восьмигранный зал, вокруг которого располагались две лестничные галереи, два коридора и на втором этаже четыре квадратных помещения.

При возведении здания в качестве строительного материала использовали глину и сырцовый кирпич размером 40-41x20-22x9-10 см. Из глины была выполнена платформа под здание: выровненную строительную площадку заливали жидкой глиной на высоту 20 см. Ее же использовали при приготовлении раствора для кладки стен.

Здание было полностью возведено из сырцового кирпича. Все залы перекрыты куполами, выложенными клинчатой кладкой, а галереи и коридоры перекрыты сводами коробового и эллипсоидного очертаний. Для выведения перекрытий использовали тот же кирпич, что и для кладки стен. Как известно, практика применения кирпича одного формата для стен и перекрытий характерна для Согда, Шаша и Уструшаны.

На уровне глиняного цоколя на первом этаже располагались центральный зал и входной коридор. К коридору примыкала первая лестничная галерея, ведущая на второй этаж. Таким образом, – вне объемов центрального зала, коридора и нижней части лестничной галереи – на высоту всего первого этажа была выведена мощная кирпичная платформа. Далее, начиная с уровня первого этажа, к помещениям добавились: верхняя часть лестничной галереи, коридор основного этажа, соединительный зал между лестничными галереями, анфилада трех северо-восточных залов и вторая лестничная галерея, ведущая на кровлю крыши.

Коридор, ведущий из главного входа в центральный зал, – первое помещение с коробовым очертанием свода. На момент раскопок главный вход в сооружение не сохранился, поэтому точно неизвестно, какой длины был входной коридор. Сохранившаяся его часть имеет два фрагмента общей длиной 4,8 м. Пол коридора имел подъем в сторону зала (на всем его протяжении – 0,33 см): входящий в здание поднимался в зал как бы по отлогому пандусу. Приблизительно посередине коридора, на расстоянии 2,8 м от входного проема в центральный зал, справа к нему примыкала лестница, ведущая на второй этаж.

Галерея – второе помещение со сводом коробового очертания, она ограничивала северо-западную и юго-западную стороны сооружения, примыкая другим торцом к залу, расположенному между двумя галереями. Ширина галереи 1,2 м, протяженность галереи вдоль северо-западной стены – 3,5 м, а вдоль юго-западной – 7,2 м. Первый ряд свода для облегчения кладки выложен кирпичом с напуском.

Наиболее сложным участком выведения свода является поворот галереи. На рассматриваемом здании был применен самый простой способ: у поворота

¹³⁶ Агеева Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата) // Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды ИИАЭ. Алма-Ата, 1962. Т. 14. С.116-153.

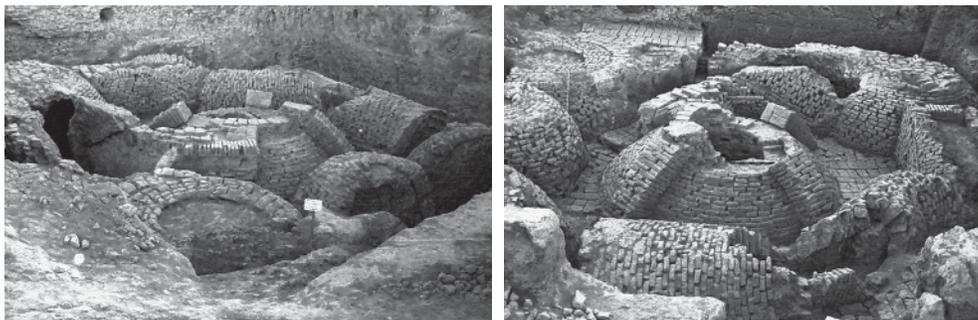

Рис. 100. Городище Баба-Ата. Перекрытия помещений ... этажа

ширина галереи максимально сужается, что делает свод более прочным, сам же поворот галереи срезается, а углы свода закруглены. Плавное скругление кирпичной кладки свода на повороте достигается при увеличении угла наклона кирпича до 45° по отношению к вертикали. В то же время, на прямых участках галереи угол наклона кирпича колеблется от 0 до 30° – наибольший угол, обеспечивающий прочность конструкции и удобный в бескружальной кладке.

Оба марша первой лестничной галереи выложены ступенями из сырцового кирпича «вперевязку» высотой в один кирпич.

Вторая галерея была устроена аналогично первой и вела вдоль юго-восточной стороны постройки, выходя на кровлю у купола центрального зала. Она начиналась от северо-восточной стены зала между галереями и на начальном участке имела ту же ширину, что и первая галерея, – 1,2 м. Далее ширина ее увеличивается до 1,62 м.

Пол второй галереи выложен сырцовыми ступенями, но первые две ступеньки сложены из жженого кирпича размером $33 \times 21,5 \times 7-8$ см. Возможно, строителями позднее были заменены сырцовые кирпичи двух поломанных ступеней на жженные. Остальные ступени закреплены по краям плахами. Для этого в боковых стенах галерей устраивали специальные пазы, куда вставлялась плахи. Плахи в пазах обмазывались толстым слоем глины и обкладывались небольшими булыжниками.

Обе галереи и между ними квадратный зал освещались сквозь узкие оконные проемы или световые щели, оставленные в наружных стенах. Из семи проемов – пять освещали обе галереи. По-видимому, для равномерного освещения галерей проемы устраивались на разных уровнях. Все световые щели выкладывались по одному принципу и только внутри здания имели разную форму – трапециевидную с горизонтальным либо со стрельчатым верхом. Внутри постройки щелевые проемы имели ширину около 0,5 м, а сквозь толщу стены шли под углом вверх и, постепенно сужаясь, выходили наружу в виде узких прямоугольных отверстий. Такое расположение проемов в стене – не горизонтальное, а под углом, как бы навстречу солнцу – обеспечивало максимальное количество света внутри здания. Расстояние от пола до светового проема колеблется от 1,2 до 2,6 м, а высота самих проемов – от 0,6 до 0,9 м.

Анализируя габариты световых проемов, полностью можно отказаться от версии об использовании их в качестве бойниц.

Помещением в сооружении Баба-ата, перекрытом сводом, является коридор, отходящий от середины первой галереи и ведущий к анфиладе залов на северо-восточной стороне. Условно коридор включает три части, первая имеет два коленчатых поворота, обтекая на этом участке контур главного восьмигранного зала. Коридор шириной 1,2 м в местах поворота сужается до 1 м. По-видимому, свод над этой частью был решен так же, как и на повороте первой галереи здания. Над этой частью коридора кривая свода имеет самую высокую точку эллипса, а сам свод – уступчатую форму. Уступчатость свода образована постепенным отступом каждого последующего ряда отрезков свода на 1/4 часть кирпича. Высота самого свода на этом участке – 1,58 м. В случае, когда кривая свода имеет повышенное эллипсовидное очертание, наблюдается резкий ее изгиб в верхней части. Тогда на этом участке швы между кирпичами получаются широкими, а прочность перекрытия снижается. В такой ситуации строители применяли дополнительные укрепляющие приемы. Периферийные швы заполнялись обломками керамики или щебнем, или же для заполнения широких периферийных швов использовали специально сформованные клинья. При наличии заполнения в широких швах, раствор намертво схватывается и свод становится очень прочным.

В сооружении Баба-ата широкие периферийные швы верхней части свода закладывались битыми кусками кирпича, в замковой же части свода укладывался кирпич трапецевидной формы.

Две остальные части коридора имеют обычный коробовый свод. Центральный участок коридора расширен за счет большой суфы, устроенной в северо-западной стене. Благодаря ей средняя часть воспринимается как комната шириной 2,35 м, однако, это именно расширенный коридор.

Среди помещений, перекрытых куполами, самым большим и высоким был зал, расположенный в центре постройки с потолком на всю высоту здания. Первоначально строители вывели на высоту 2,88 м квадратное помещение со стороной 5,8 м. Затем углы зала на всю высоту были заложены кирпичом кладкой плашмя вперевязку, и в плане помещение представляло собой правильный восьмиугольник. Зал был перекрыт большим полусферическим куполом, диаметр основания которого превышал пролет помещения на полкирпича в середине каждой стороны, и тогда, при восьмигранном плане зала, на стыке сторон оболочка купола соприкасалась заподлицо с углами и отпадала необходимость выведения угловых тромпов.

Таким образом, центральный восьмигранный зал вместе с куполом имел высоту 5,38 м, а сам купол при высоте 2,5 м имел диаметр в основании 6,2 м.

Рис. 101. Городище Баба-Ата. Помещение второго этажа, фото

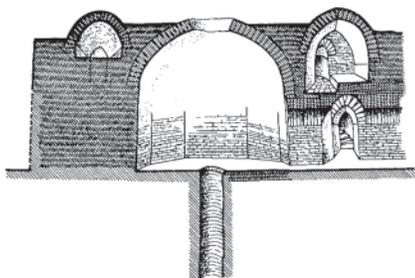

Рис. 102. Городище Баба-Ата. Разрез через вход в постройку

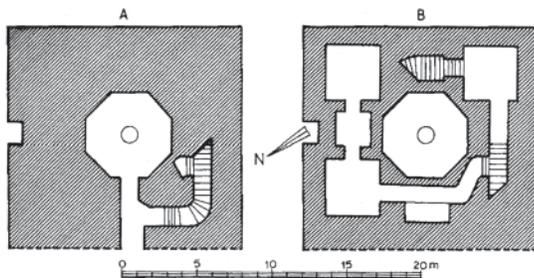

Рис. 103. Городище Баба-Ата. План нижнего и верхнего (справа) этажей

Толщина его оболочки равнялась длине одного кирпича – 40-41 см. В верхней части было оставлено отверстие для освещения зала и вентиляции. Снаружи, с учетом больших габаритов, купол был укреплен четырьмя взаимно-перпендикулярными контрфорсами, выложенными из двух рядов кирпичей «вперевязку» и протянутых от основания купола до верхнего отверстия. Основания контрфорсов утоплены в толщу кровли возле купола.

Остальные четыре зала в здании имеют купола на тропках. Перспективные арочные тропы устраивались в углах помещений для перехода от основания к куполу.

С уровня основного этажа северо-восточной стороны постройки последовательно, один за другим, следуют три зала, соединяющиеся друг с другом проемами. Залы квадратные, крайние из них со стороной 3,7 м, а промежуточный зал – меньшего размера, со стороной 3,2 м. В верхней части куполов также оставлены отверстия. На момент раскопок северо-восточная сторона помещений разрушилась, сохранилась лишь противоположная сторона анфилады – юго-западная. По фотографиям и иллюстрациям художника видно, что купола были полусферической формы, однако, автор исследований пишет, что средний зал имел купол конической формы, начинающийся прямо от пола¹³⁷.

Высота стен всех помещений анфилады – 2,85 м. По фотографиям кровли отчетливо прослеживается, что все купола заканчиваются на одном уровне. В центральном (меньшем) зале вдоль юго-западной стены была устроена суфа шириной 0,45 м и высотой 0,55 м.

Полы в смежных залах обмазаны слоем глины, а стены оштукатурены глиной слоем 3-4 см.

Последнее помещение в здании – промежуточный зал между галереями. Он так же, как и все остальные залы, квадратный в плане, со стороной 3,7 м, перекрыт полусферическим куполом. Расчеты показывают, что высота его была около 2,5 м. Такая незначительная высота помещения обусловлена характером его назначения как вспомогательного.

Был вскрыт участок крепостной стены вокруг постройки. В качестве строительного материала использовали сырцовые кирпичи двух форматов: 42×22-23×8-9 см и 36×18×9 см, пахсовые блоки размером 1,6×1 м. Толщина крепостной стены превышала 3 м.

137 Агеева Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). С.127.

Восьмигранный зал занимает центральное место среди помещений Баба-Аты. Он имеет особое положение в здании, располагаясь изолированно от других комнат. Пол в зале глинобитный, толщиной обмазки 20 см. В центре его находился колодец диаметром 1,1 м, внутренняя поверхность которого выложена битым камнем на глиняном растворе. На полу по всему залу равномерным слоем лежит чистая серая зола, не содержащая никаких примесей. Нижние части всех стен в зале на высоту более 1 м полностью обожжены и закопчены.

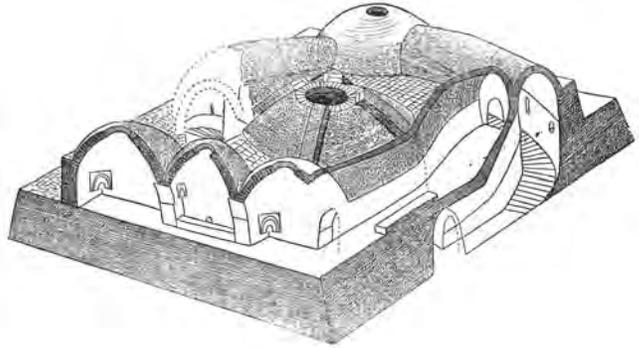

Рис. 104. Городище Баба-Ата. Аксонометрический разрез

По предположению Е.И.Агеевой, в центре здания на кровле находилось еще одно помещение – сторожевая башня, перекрытая куполом. Однако, судя по плану комплекса, устройство смотровой башни невозможно, поскольку, из-за компактного расположения помещений в здании, на кровле ее просто негде было бы возводить.

Как отмечалось выше, постройка была обнесена стеной, толщина которой превышала 3 м. В ее толще разместили новые помещения, получив дополнительную площадь. В строительной практике такой пример не является единичным – достаточно вспомнить дворцовый комплекс Куйрыктобе. На втором этапе жизни дворца, в порядке увеличения его площади, участок между башнями с северо-восточной и юго-западной сторон застраивался, на этом отрезке и располагались вновь выстроенные помещения.

В юго-восточной, юго-западной и северо-западной стенах здания располагались световые щели и поэтому эти стороны неприемлемы для устройства дополнительных помещений. Для этой цели остаются участки юго-восточной, северо-западной и полностью северо-восточная стена.

Е.И.Агеева выдвинула версию, что вся свободная поверхность кровли между большим куполом и остальными куполами и сводами была заподлицо заложена кирпичом¹³⁸. Ее мнение основывается на том, что только с внешней стороны малых куполов и сводов, свободных от закладки, кое-где сохранились пятна штукатурки. Однако всегда считалось, что пятна штукатурки свидетельствуют лишь о том, что поверхность стены или кровли была оштукатурена. Автор полагает, что в противном случае все выпуклые поверхности на кровле деформировались бы от скапливающихся осадков. На наш взгляд, заделка всего свободного пространства на кровле – слишком трудоемкое дело, если это делается только ради сохранения от осадков. В подобных случаях в наружных стенах здания устраивались водостоки. Так, во дворце Топрак-кала для отво-

138 Агеева Е.И. Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). С.129.

да дождевых вод с кровли был устроен крытый желоб из жженого кирпича на алебастре. Его остатки были обнаружены вдоль верхнего обреза стены¹³⁹. По-видимому, в сооружении Баба-ата на момент раскопок водосток просто не сохранился.

Кроме того, если на кровле все свободное пространство закладывается кирпичом, то на купола и своды добавляется дополнительная нагрузка, под давлением которой создается опасность обрушения перекрытий. И, в-третьих, в случае заделки всего свободного пространства на кровле, теряется образ здания, его неповторимость, ансамбль превращается в обычную кирпичную коробку. По этим причинам считаем, что на кровле пространство между перекрытиями не закладывалось кирпичом.

Скорее всего, кровлю его украшали полусферические купола – один большой и четыре малых, и три коробовых свода. Это был главный акцент общего вида здания.

В нашем же случае зодчими точно определены общие размеры здания: все купольные перекрытия, обрамленные лентой сводов, образуют как бы венец здания; сама постройка решена очень лаконично, без выступающих деталей и броских элементов. Единственным украшением самого здания является декорирование наружной стены, где уступы разбивают фасад на горизонтальные крупные пояса. Три мощных разновысотных пояса придают зданию образ устойчивого монументального сооружения. Особое внимание уделено главному входу. Пространство его, решенное в разных плоскостях, оказывается созвучным общему разноплоскостному облику здания.

При сравнении здания Баба-аты с другими сооружениями подобного типа обнаруживается яркое своеобразие этого комплекса. Его необычность и отличие от жилой постройки подчеркнула Е.И.Агеева. Она отмечала отсутствие в восьмигранном зале хозяйственных остатков жизни человека: очагов, керамики, костей животных и, главное, наличие толстого слоя стерильной золы по полу¹⁴⁰. Это, безусловно, наталкивает на мысль о культовом характере всей постройки.

Прототипами сооружению Баба-аты, на наш взгляд, являются мавзолеи чирикрабатской культуры, которая существовала в низовьях Сырдарьи в IV-II вв. до н.э. Она сложилась на базе культуры сакских племен и культуры земледельческих оазисов Средней Азии. Последняя проявилась в архитектуре и приемах строительной техники¹⁴¹. В свою очередь, архитектура чирикрабатской культуры восходит к монументальным погребальным постройкам эпохи бронзы Приаралья – мавзолеям могильника Тегискен.

Самый большой мавзолеем Тегискена представлял собой круглое снаружи и квадратное внутри массивное строение диаметром около 15 м. Толщина его стен достигает 4 м, а высота – до 6 м. Снаружи эта постройка была обведена квадратной оградой из сырцового кирпича¹⁴². Мавзолеи чирикрабатской культуры продолжали линию развития мавзолеев Тегискена.

139 *Воронина В.Л.* Строительная техника древнего Хорезма // Труды ХАЭЭ. Москва, 1952. Т.I. С.98.

140 *Агеева Е.И.* Памятники средневековья (раскопки на городище Баба-Ата). С.129-132, 142.

141 *Вайнберг Б.И., Левина Л.М.* Чирикрабатская культура. Москва, 1993. С.35-36, 54-55.

142 *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы* Москва, 1966. С.233-238. Рис.551.

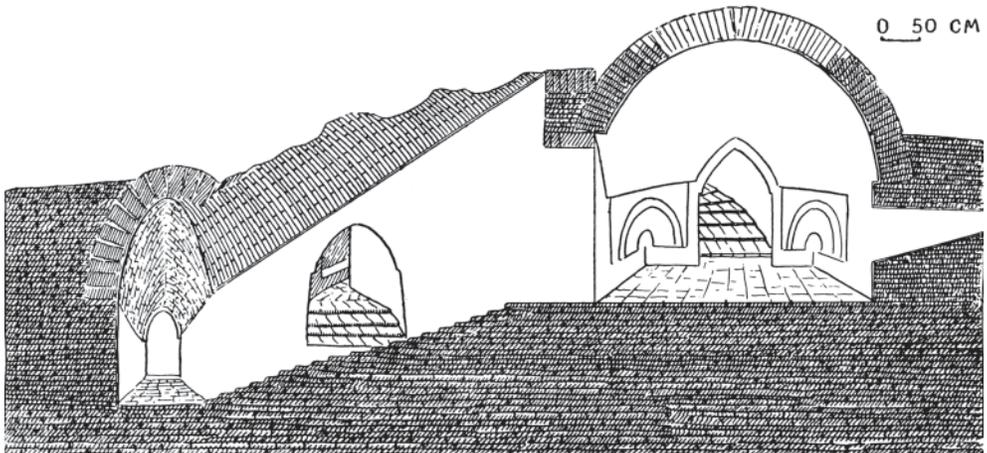

Рис. 105. Городище Баба-Ата. Разрез

Наибольший интерес для сравнения с постройкой Баба-аты представляет также мавзолей Баланды-2. Он являет собой круглое в плане здание диаметром 16 м, высотой – около 6 м. Диаметр круглого зала – 5,5 м. Зал был перекрыт ложным куполом: стены зала сохранились на высоту 4,5 м. Основания стен пахсовые, а сами они выложены из сырцового кирпича. Сводчатые помещения, окружавшие центральное, имели ширину по низу 2,45 м, высота до пят свода составляла 1,3-1,4 м¹⁴³.

Хотя абрис сооружений Баба-аты и Баланды-2 – принципиально различный (квадрат и круг), отправная точка планировочной идеи – одна. В обоих случаях ядром сооружения является круглый (или почти круглый) купольный зал, вокруг которого расположена серия вспомогательных помещений, соединенных между собой сводчатыми галереями или коридорами. Здесь и там – центрическая планировка. Однако в комплексе Баба-ата расположение помещений происходит по спиральному принципу с размещением комнат в два этажа, тогда как в Баланды-2 композиция решена в пределах одного этажа. Близость размеров, планировки и строительных конструкций обоих памятников очевидны.

Как известно, сырдарьинские мавзолеи являлись погребальными сооружениями и местом, где производилась кремация покойников. В жизни племен, строивших эти мавзолеи, важную роль играл культ огня¹⁴⁴. Доказано, что в мавзолеях совершались также культовые обряды, а сами они выполняли и роль своеобразных храмов¹⁴⁵. Отсюда, назначение культовой постройки на цитадели Баба-аты можно определить как храм огня. Видимо, это было центральное городское святилище или храм нескольких городов и оседлых центров на северных склонах Каратау, вокруг которого сформировался город.

Археолого-исторический комплекс Акыртас. История изучения Акыртаса насчитывает более 140 лет.

Первым, кто обратил внимание на него, был русский художник М.С.Знаменский, который в составе военной экспедиции генерала М.Г.Черняева

143 Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. С.35-36, рис.69.

144 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С.203.

145 Булатов С.П. Храмы-обсерватории Тегискена и Уйгарака // Маскан. Ташкент, 1992. №7-8. С.24-25.

в 1864 г. посетил развалины и оставил интересные зарисовки панорамы Акыртаса и фрагментов стен¹⁴⁶.

Затем в 1867 г. памятник обследовал известный ориенталист П.И.Лерх. Он дал предварительное описание, сделал замеры отдельных блоков и привел сведения о развалинах, собранные Чан-Чунем в начале XIII в. П.И.Лерх считал Акыртас буддийским монастырем¹⁴⁷.

Несколькими годами позже серьезные исследования провел здесь геолог Д.Л.Иванов, в статье которого об Акыртасе имеется подробное описание плана сооружения и каменоломни, откуда брались камни для строительства. Он же дал характеристику стеновых блоков, сделал зарисовки тех из них, которые были орнаментированы¹⁴⁸.

В 90-е годы XIX в. Акыртас вновь привлекает к себе внимание: в 1893 г., его посещает В.В.Бартольд. Он приводит легенды о памятнике и объясняет его как постройку христиан – монастырь несторианцев¹⁴⁹. Такая гипотеза стала возможной благодаря рассказам некоторых очевидцев, якобы видевших каменный блок из Акыртаса с изображением рыбы – одним из символов христианства.

Член Туркестанского кружка любителей археологии В.А.Каллаур, исследуя Акыртас, обнаружил водопроводные трубы, каменные желоба и пришел к выводу, что вода подводилась к постройке из родников, расположенных в 3-5 км в горных ущельях¹⁵⁰.

В это же время был поставлен вопрос об отождествлении Акыртаса с конкретным населенным пунктом, упоминаемым в письменных источниках, в частности, у Ибн Хордадбега и Кудама. Именно они приводят в своих дорожниках наиболее подробный реестр городов на участке торгового пути от Тараза до Кулана. Это Нижний Барсхан в 3 фарсах от Тараза, затем через 2 фарсаха Касра-Бас (Касрибас), далее в 2 фарсах Куль-Шуб, затем в 4 фарсах Джуль-Шуб и Кулан, до которого был путь длиной в 4 фарсаха.

В.В.Бартольд сопоставлял Касрибас с тюркской крепостью Качар-баши, дважды упоминаемой в Шахнаме¹⁵¹. В.А.Каллаур отождествлял Акыртас с Касрибасом¹⁵². В советское время интерес к Акыртасу не пропал, в частности, он оказался в поле зрения работ Семиреченской археологической экспедиции, возглавляемой А.Н.Бернштамом. Она работала в Таласской долине в 1936-1938 гг.¹⁵³

Археолог Г.И.Пацевич, посвятивший памятнику большую статью, в которой он характеризует топографию Акыртаса, приводит описание помещений и двора. Он же описывает карьеры, где ломали камни, пишет о водоснабжении.

146 *Ивлев Н.* Зов Акыртаса // Памятники истории и культуры Казахстана. Алма-Ата, 1989. Вып.4. С.91-92.

147 *Лерх П.И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. Санкт-Петербург, 1870. С.28-29, 34-39.

148 *Иванов Д.Д.* По вопросу некоторых туркестанских древностей // Известия Императорского русского географического общества. Санкт-Петербург, 1886. Т.21. С.162-177.

149 *Бартольд В.В.* Отчет о командировке в Среднюю Азию с научной целью // С.37-39; Каллаур В.А. Акыртас // ПТКЛА. Ташкент, 1896. С.25-27.

150 *Каллаур В.А.* Поездка на Ахыр-Тас (Ахур-Таш, Таш-Акыр) и его окрестности // ПТКЛА (1904-1905). Ташкент, 1905. С.29-36.

151 *Бартольд В.В.* О христианстве в Туркестанском крае // Сочинения. Москва, 1964. Т.II. Ч.2. С.181-182.

152 Древние местности Аулиеатинского уезда на старом караванном пути из Тараза (Таласа) в Восточный Туркестан // ПТКЛА. Ташкент, 1987. Год I. С.1-9.

153 Таласская долина. С.121-123.

Но мнению Г.И.Пацевича, Акыртас датируется временем до IX в. и, скорее всего, соответствует постройкам несториан¹⁵⁴. Он полагал, что Акыртасу соответствует населенный пункт Касрибас.

Архитектор Т.К.Басенов отвергает попытки объяснить Акыртас как буддийский либо несторианский монастырь и делает предположение о том, что – Акыртас был дворцом-крепостью, построенной в VIII-IX вв.¹⁵⁵

Еще одна попытка интерпретации назначения Акыртаса принадлежит Л.Ю.Маньковской. Она, проанализировав план постройки, пришла к выводу, что Акыртас представляет собой караван-сарай с центральным двором и малыми дворами разного назначения. По ее мнению, он строился как гигантский торговый центр и перевалочный пункт. Исследователь датирует начало строительства не позже X в. и присоединяется к мнению о тождестве Акыртаса и Касрибаса¹⁵⁶.

Сопоставление Акыртас – Касрибас было поддержано К.М.Байпаковым, который считает Акыртас недостроенной ставкой карлуков, владевших Жетысу в VIII-X вв.¹⁵⁷

Попытка объяснения назначения Акыртаса, времени его постройки и связанных с этим политических событий, сделана немецким исследователем Б.Брентьесом. Он полагает, что Акыртас строился по приказу арабского полководца Кутейбы. Исследователь называет точную дату начала строительства – это 714-715 гг., когда Кутейба ибн Муслим стал правителем Центральной Азии и, опасаясь за судьбу своей семьи, вызвал ее к себе (она успела добраться до Мерва, где узнала о гибели Кутейбы), считает Б.Брентьес. Акыртас, считает исследователь, строился как резиденция Кутейбы на севере¹⁵⁸.

Такова характеристика Акыртаса, история его изучения и гипотез о времени начала сооружения комплекса, его назначении и отождествлении с конкретным населенным пунктом, помещаемым в этом районе письменными источниками.

Акыртас находится в 40 км восточнее г.Тараза, в 6 км южнее железнодорожной станции Акчулак у подножья Киргизского Алатау. Сейчас это сухие предгорья, изрезанные руслами пересыхающих ручьев, истоки которых берут начало из родников, расположенных в горных ущельях.

Акыртас представляет собой монументальное сооружение, четырехугольное в плане, стены его выложены из массивных каменных блоков красного песчаника на высоту от 1 до 1,5 м. Блоки положены в один, два, реже в три-четыре ряда. Хорошо читается план постройки размером 18×205 м, ориентированной длинными сторонами с севера на юг.

Главная улица соединяет северный и южный входы. Перпендикулярно ей с востока на запад проходит еще одна улица, упираясь в глубокие айваны. Улицы делят постройку на четыре части: три состоят из помещений, расположенных вокруг дворов, а одна (северо-западная) свободна от застройки. Первая состоит из незастроенного квадратного участка размером 27×27 м и группы по-

154 Пацевич Г.И. Ахыр-Таш // Вестник АН КазССР. Алма-Ата, 1949. №4. С.80-85.

155 Басенов Т.К. О сооружении Тас-Акыр // Известия АН КазССР / Серия архитектурная. Алма-Ата, 1950. Вып.2. С.83-89.

156 Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества в Средней Азии. Ташкент, 1980. С.65-67.

157 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.30-31.

158 Birentjes V. Islamic art and architecture in Central Asia // Journal of Central Asia. 1993. Vol.XVI. 1-2. P.6-7.

мещений, выходящих во дворик размером 13×18 м. Из них три представляют собой длинные коридорообразные помещения шириной 2,5 м и длиной 18 м. Вторая часть также состоит из двух – жилой, включающей в себя 12 помещений и три айвана, группирующихся вокруг двора размерами 18×18 м, и второй – хозяйственной, где было устроено 5 узких длинных помещений шириной от 2 до 3 м, выходящих во внутренний двор.

Третья часть состоит из 13 помещений, сгруппированных вокруг двора, который имеет самостоятельный выход наружу.

И, наконец, четвертая состоит из жилой части, группирующейся вокруг двора размером 25×34 м. В ней насчитывается 18 жилых комнат, два айвана и три узких помещения, из которых одно – «П»-образное. Эта часть также имеет самостоятельный выход наружу.

Центр всей постройки занимает двор, по периметру которого поставлены каменные базы колонн размером 5×5 м. В южной части двора прослеживаются котлованы двух водоемов-хаузов.

Стены толщиной от 1 до 3 м сложены из блоков разных размеров.

Крепостные стены имеют тщательно обработанные гладкие наружные плоскости. Размеры блоков различные: 115×60×60 см, 100×50×50 см, 50×50×50 см, 60×60×50 см с некоторыми отклонениями внутри этих размеров. Стены состоят из футляра, сложенного из блоков, а внутреннее пространство между стенами заполнено щебнем и глиной. Ширина стен от 5 м. Стены стоят на фундаменте, имеющем высоту до 2-х м, возведенном из блоков. По углам находятся выступающие наружу круглые башни, точнее, их основания на платформе из каменных блоков.

Наши исследования выявили ряд новых деталей, которые позволили дать еще одну интерпретацию памятника и определить время постройки.

Прежде всего, это относится к определению «двора» в части I. Оказалось, что он предназначался для размещения здесь мечети: в западной стене на месте прохода должен был располагаться михраб. Сохранилось основание михрабной ниши.

В северной стене двора расчищено три тамбурных прохода, соединявшихся с улочкой. Наличие их свидетельствует об общественном назначении постройки.

Кроме того, на участке двора лежали специально обработанные базы колонн. Возможно, что мечеть должна была быть столпной (многоколонной). Такие мечети относятся к наиболее ранним в исламском зодчестве, и их особенностью является наличие большого числа колонн, поставленных рядами, где каждая колонна отстоит на расстоянии 3-3,5 м (шаг колонны). Плоская кровля опиралась на эти колонны.

Такие мечети известны на территории Южного Казахстана и Жетысу. Одна из них раскапывалась на городище Куйрук-тобе, вторая – на городище Орнек, причем второе городище находится в 20 км восточнее Акыртаса. Обе мечети датируются IX-X вв.¹⁵⁹

159 Байпаков К.М. Раннесредневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.138-140; Байпаков К.М., Попов А.П. Работы на городище Орнек // АО 1986 года. Москва, 1988. С.479-480.

Наличие в Акыртасе мечети снимает предположение о несторианском и буддийском назначении всего комплекса, а также дает конкретные (временные) реперы.

Ислам начинает проникать в Жетысу с середины VIII в., это определяет нижнюю дату постройки – не ранее середины VIII в. При определении возраста Акыртаса использовалась подъемная керамика. Она происходит с территории вокруг центральной части – с поверхности, занятой когда-то жилыми постройками, кирпичеобжигательными мастерскими, каменоломнями.

Керамика малочисленная и невыразительная. Это обломки круглодонных котлов со следами копоти. Котлы изготовлены из теста с примесью дресвы. Встречены обломки хумов больших размеров.

В коллекции керамики есть обломки водоносных кувшинов. На одном из фрагментов видна роспись ангобом в виде полосы. Найден обломок крышки.

Аналогии такой керамике можно найти в комплексах посуды из Тараза, в частности, комплексе, датированном VII-VIII вв.¹⁶⁰

Археологические и архитектурные исследования позволили выявить много нового не только на самом Акыртасе, но и рядом. Удалось выяснить места, где жили, видимо, архитекторы и руководители стройки и многочисленная армия рабочих-строителей, каменотесов, кирпичников, керамистов.

«Жилой квартал» находился севернее Акыртаса и представлял собой комплекс построек, окруженных стенами. Площадь его составляла 2,5 га. На ней располагались жилые усадьбы в виде окруженных стенами участков прямоугольной формы, где размещались жилой дом и дворик с хаузом-водохранилищем.

Таких усадеб насчитывается около десяти с северной стороны и две – с южной. Площадь каждой из них в среднем до 1000 кв.м. Кроме них отмечены дома, пристроенные вплотную друг к другу. Они имели стандартные размеры 10×10 м. Здесь обитали рабочие-строители.

Те, кто добывал глину, формовал и обжигал кирпич, необходимый для вымостки полов дворца, жили у подножья горы Кызылташ. Северный склон ее в отличие от остальных покрыт толстым слоем лёсса, который был прекрасным материалом для производства кирпича. Здесь обнаружены остатки кирпичеобжигательных печей, обломки жженого кирпича, шлаки. Они занимают площадь не менее 1,5 га, что свидетельствует о большой потребности стройки в жженом кирпиче, необходимом для строительства.

Восточная сторона горы Кызылташ использовалась для ломки камня – здесь находился карьер, который тянулся на 400 м. До сих пор здесь лежат сотни глыб, обработанных и полуобработанных блоков, высятся горы битого камня и щебня.

Расстояние от карьера до стройки составляло от 200 до 400 м, причем на этом пути предстояло перетащить камни через русло сая, по которому течет небольшая речушка, пересыхающая летом и осенью.

Труд по транспортировке каменных глыб и блоков, возможно, в основном осуществляли зимой, когда можно было использовать сани из толстых бревен.

¹⁶⁰ Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. С.38-41.

Рядом с карьером удалось обнаружить землянки, в которых жили рабочие карьеров. От них остались овальные западины, жженые кирпичи, обломки керамики.

Еще прежними исследованиями было установлено, что водоснабжение Акыртаса осуществлялось при помощи водопровода, который имел водозаборы из родников ущелий Шошкалы и Узун-булак. Расстояние до Акыртаса от них не менее 3-5 км. Вода шла по глиняным трубам длиной 50-60 см и диаметром 20 см у широкого конца и 18 см у узкого. Узкий конец каждого звена вставлялся в широкий другого. В ущелье Узун-булак водопровод брал начало из водохранилища, которое образовалось при помощи каменно-земляной дамбы, перегородившей ущелье в узком месте, там, где с обеих сторон имелись выходы скал. Водопроводная сеть была сложной, и вблизи городища имелось водохранилище-хауз. Из него вода отводилась в жилые дома и усадьбы, во дворах которых имелись бассейны.

Разводка воды осуществлялась при помощи труб меньшего диаметра. Обломки труб разного диаметра собраны в ущельях вдоль трасс водопровода и вблизи Акыртаса. Расчищен участок водопровода, подводившего воду к водохранилищу, расположенному севернее дворцового комплекса Акыртаса.

Западное водохранилище сейчас имеет вид четырехугольного котлована размерами 40×40 м и глубиной 2 м. Таким образом, его объем составлял 3200 куб.м воды. Несколько меньшим по объему было восточное водохранилище, диаметр котлована которого составляет 30 м.

Видимо, вода, которая накапливалась здесь, предназначалась для орошения посевов, расположенных на полях севернее Акыртаса.

Восточнее Акыртаса обнаружен участок территории, окруженной стеной. Он четырехугольный в плане, размером 250×250 м. С востока участок примыкает к руслу ручья, по которому весной идет водяной поток. Кроме того, к нему подходит русло канала, тянущегося в сторону Шошкалы. Скорее всего, на этой площади предполагалось разбить, а возможно, он уже был разбит, парк-сад, подобный тем, которые существовали в комплексе дворцовых построек.

Исследована система наблюдения за окружающей местностью и оповещения о военной опасности. На одной из вершин Кызылташа была устроена смотровая башня, сложенная из камней. От нее сохранился лишь нижний ряд камней, образующих круг диаметром 5 м, рядом площадка из камней – место для костра, который огнем и дымом сигнализировал об опасности.

Центральным сооружением Акыртаса является ансамбль. Недостроенный комплекс даже сейчас поражает монументальностью.

На основании всех исследований, анализа сооружений подобной планировки в других регионах можно считать, что эта постройка является недостроенным дворцовым комплексом.

Стены дворца были сложены из обработанных блоков красного камня на высоту 1-1,5 м, а местами и выше. Каменные блоки, как упониманолось выше, имели разные размеры. Причем блоки на угловых башнях были не прямоугольными, а закругленными в сечении. При необходимости глыбы красного песчаника выполнялись трапециевидной или треугольной формы со скругленными углами. Блоки наружных стен были уложены в 3-4 ряда.

Рис. 106. Комплекс Акыртас. Замок: остатки свода на полу помещения, одно из помещений

Планировка недостроенного дворца хорошо «читается». Это было сооружение прямоугольное в плане, длинными сторонами расположенное по оси север-юг с небольшим отклонением. Размеры его 169×145 м. В центре постройки находился двор размером 89×82 м. По периметру двора планировалось устройство колонн, кроме южной стороны, причем восточная и западная стороны имели по два ряда колонн. В настоящее время во дворе находятся лишь каменные базы под колонны. Южную часть двора замыкают два продолговатых водоема-хауза.

Всю территорию дворца с севера на юг и с запада на восток пересекают две взаимно перпендикулярные улицы. Улица, идущая с севера на юг, сквозная и выходит на придворцовую территорию. Улочка, идущая с запада на восток – тупиковая и упирается в глубокие айваны. Пересекающиеся улочки условно делят территорию дворца на четыре части, каждая из них имеет внутренний двор.

Во всех угловых частях дворца внутренние дворики занимают центральное положение и окружены со всех сторон группами помещений. И только северо-западная угловая часть дворца имеет обособленный большой внутренний двор, не окруженный помещениями. При раскопках и дальнейшем анализе выяснилось, что это не двор, а скорее всего столпная мечеть. В западной стене ее должен был располагаться михраб.

Ежегодные раскопки на Акыртасе и архитектурно-археологические исследования на его постройках раскрывают картину строительства города, последовательность возведения сооружений, этапы строительства.

В связи со сложностью проведения археологических исследований на дворцовом комплексе, полностью выполненного из камня, а также с учетом

особой твердости грунта, на котором возводилось сооружение, решено было проводить раскопки локально, планомерно и последовательно, поэтапно вскрывая все элементы планировки дворца.

На первом этапе был исследован северо-западный угол постройки. Северо-западная угловая башня дворцового комплекса по уровню дневной поверхности имеет диаметр 7,5 м.

С северной стороны у наружной поверхности башни была расчищена стена до низа стеновой кладки. По всей сохранившейся высоте башни были обнаружены шесть рядов каменных блоков, уложенных параллельными рядами. Швы заложены мелкими плоскими обколотыми камнями красного песчаника и тщательно заделаны раствором. Раствор белого цвета, хорошего качества, по-видимому, его состав глино-ганчевый. Горизонтальные швы между рядами шире вертикальных и равняются примерно 10-15 см. Вертикальные швы шириной 5-7 см. Первый ряд кладки на материковой поверхности образован из блоков, поставленных вертикально плотно один к другому. Каменная кладка прослежена на глубину 3,1 м от уровня дневной поверхности. Башня имеет расширение книзу, угол наклона приблизительно 25° от вертикали, т.е. в основании башня имела диаметр около 8,5 м.

Блоки, образующие наружную поверхность башни, выведены по толщине в один ряд и выпилены, как уже отмечалось, полукруглыми в сечении.

Возникает вопрос: была ли башня полая внутри либо она была забутована камнем? При ее большой площади логичным было бы наличие внутрибашенного помещения.

Для проверки версии по верху конструкции были заложены три шурфа, все они показали наличие забутовки внутри башни. Причем каменные блоки внутри башни выложены не ровными рядами, а хаотично положены, заполняя все внутреннее пространство углового сооружения. При этом все блоки уложены на глиняном растворе и пересыпаны мелкими сколами песчаника и средними блоками. Таким образом, внутри башни образовывался как бы фундамент очень высокой прочности.

Таким же способом были сооружены наружные и внутренние стены дворца. Внешние поверхности стен выводились из одного слоя тщательно отшлифованных каменных блоков, скрепленных глиняным раствором. Вплотную к внутреннему северо-западному углу дворца примыкали три узких помещения.

Длина всех трех помещений – 26 м, а ширина первого, второго и третьего соответственно – 3, 1,4 и 2,9 м. Назначение их пока не определено. Предположительно, крайние более широкие помещения 1 и 3 могли быть кладовыми, а промежуточное узкое помещение 2 могло служить бадрабом (туалетным отсеком).

Как уже отмечалось, с севера на юг по центру дворца проходила сквозная улица. Большие прямоугольные пилоны оформляли ее с севера и юга у наружных стен дворца. Пилоны, прямоугольные в сечении, размером 6,7×6,9 м. Выложены они из длинных блоков, также прямоугольных в сечении, тщательно пригнанных друг к другу и уложенных на глиняном растворе. Отдельные блоки пилонов на боковых поверхностях имеют продольные параллельные

желобки природного происхождения. Углы пилонов решены в виде уступов. С торцевых сторон выступающей части пилонов лежали на боковой стороне узкие блоки с выгрезом. С северной стороны дворца сохранились западный и восточный пилоны. При вскрытии выяснилось, что западный пилон в северной части разобран. Восточный пилон находится в лучшей сохранности.

Таким образом, раскопки проводились в основном на восточном пилоном. Выяснилось, что нижний ряд каменных блоков является фундаментом под пилон. На нем выводился с отступом несколько сантиметров от наружной грани непосредственно сам пилон с уступами и выгрезами блоков. Сверху на основание пилонов набросаны крупные необтесанные блоки, как если бы пилон изнутри забутовывался. Возможно, что пилоны возводились по тому же принципу, что и башни, и стены дворца: снаружи – оболочка, внутри – забутовка.

Был обследован главный вход в мечеть. С южной стороны имеются три входа в мечеть. Исследовался центральный вход в помещение, ооконтуренный огромными обработанными блоками песчаника. Стены устроены аналогичным образом, т.е. выложен футляр, который внутри заполняется мелкими, хаотично набросанными камнями на ганчевом растворе. Белый ганчевый раствор замешан с каменным щебнем.

Раскопки проводились при входе в комнату. Стены у входа шириной 2,3 м. От «футляра» стен сохранились два ряда блоков песчаника. Стены выведены тем же способом: внутри «футляра» заполнение мелкими и средними булыжниками на ганчевом растворе.

Западная стена на входе в помещение была частично расчищена до низа кладки. Вскрытая глубина стены – 70 см, из них 55 см находящаяся под полом. Оказалось, что фундамент стены, находящийся ниже уровня пола, также выложен на ганчевом растворе и внешне кажется белым, тогда как надземная часть стены обычного красного цвета, по-видимому, на глиняном растворе.

Планировка Акыртаса имеет аналогии в архитектуре Ближнего и Среднего Востока. Дворцы Сирии, Иордании, Ирака очень похожи на дворцовый комплекс Акыртас не только контуром планов, планировкой, но и общеконпозиционным решением.

Так, во дворце Халифа аль-Валида I (705-715 гг.) в Усайсе в Сирии наблюдается не только сходство абриса плана с Акыртасом. Все помещения дворца обтекают ядро комплекса – двор, наблюдается дворовая планировка¹⁶¹.

Дворец в Ухайдире в Ираке (775 г.) общим контуром, угловыми башнями напоминает Акыртас, однако здесь помещения расположены компактной группой в три ряда, разделенных коридорами. В центре дворца – главный зал, в боковых рядах располагаются вспомогательные помещения и вокруг этой группы все остальные помещения дворца. В отличие от дворца Акыртас это коридорный тип планирования¹⁶².

Очень большое сходство обнаруживается между Акыртасом и дворцом Мшатта (VIII в.) в Ираке – загородной резиденции Омейядских халифов. Дворцы похожи между собой не только абрисом планов, формой угловых башен,

161 *Sourdel-Thomine J., Spuler B. Die Kunst des Islam. Oldenburg, 1973. Fig. 13.*

162 Там же. Фиг. 31.

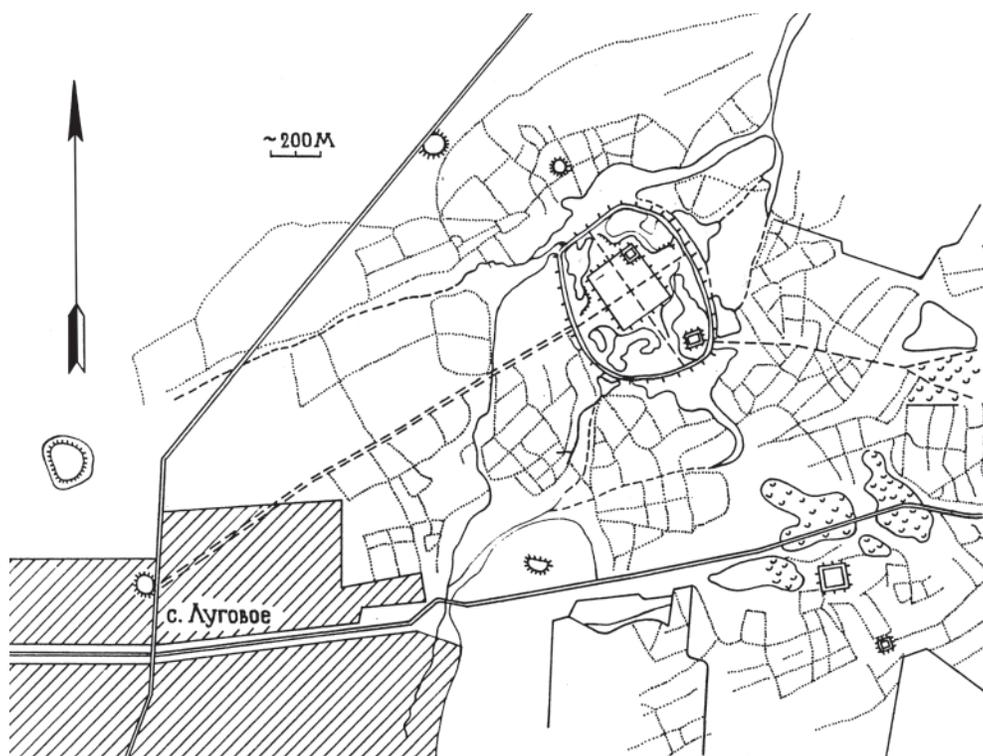

Рис. 107. Городище Луговое. План

общими габаритами, планировкой, но и наличием сходных помещений. В обоих дворцах в центре располагаются большие центральные дворы. Во Мшатте центральный двор называется «Двор почести». Как и на Акыртасе, в комплекс дворца во Мшатте входит мечеть. Принцип расположения ее такой же, только примыкает она не к северной, а к южной наружной стене дворца¹⁶³.

Еще один пример удивительного сходства с Акыртасом, известный своим великолепием дворец в Сирии – Каср ал-Хайр ал-Гарби.

В центре этого дворца располагается также большой двор. Вокруг него расположены все помещения дворца¹⁶⁴. Форма и размер угловых башен, контур планов, многодворовая планировка – все это указывает на принадлежность дворцов к ближневосточной архитектурной школе.

Таким образом, можно на этом основании предположить, что Акыртас является незаконченной постройкой – дворцом правителя, скорее всего, кагана карлуков, в его ставке Касрибас. Время начала строительства, как и его завершения – начало второй половины VIII в.¹⁶⁵ Известно, что в 751 г. арабы в союзе с карлуками в битве при Атлахе разбили китайскую армию¹⁶⁶.

163 Sourdrel D, Et J. La civilization de L'Islam classique. Paris, 1976. Pic.119.

164 Shlumberger D. QASR Et-HEIR EI-GHAR.B1. Paris, 1986. P.1-23; Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII-XVIII вв. Москва, 1974. С.42-43; Birentjes B. Islamic art and architecture in Central Asia // Journal of Central Asia. 1993. Vol. XVI. 1-2. P.6-7.

165 Baypakov K., Northedge A. La mission frank-kazakhe d' Akyrtash // Le Etudes Karakhanides. Tashkent-Aix-en-Provence, 2001. С. 265-272.

166 Большаков О.Г. К истории Таласской битвы (751 г.) // Страны и народы Востока. Москва, 1980. Вып.22. С.132-136.

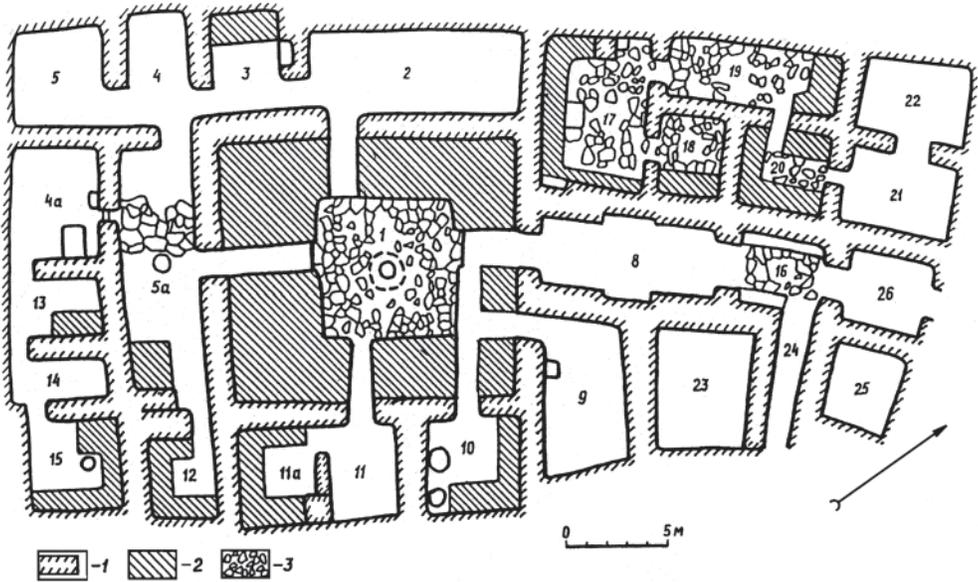

Рис. 108. Городище Луговое, дворцовый комплекс.
План 2-го строительного горизонта

Дипломатический альянс двух сторон мог быть закреплён строительством арабами дворца-крепости.

Аналогичный случай постройки Византией крепости Саркела для хазар в первой половине IX в. хорошо известен¹⁶⁷.

Из письменных источников известно, что прибывший в Багдад посол из Волжской Булгарии в 921 г., передал письмо своего «царя» халифу ал-Муктадиру, в котором «царь» просил халифа «прислать к нему кого-либо, кто наставил его в вере, преподавал бы ему законы ислама, построил бы для него мечеть, воздвиг бы для него кафедру....», просит его о постройке крепости, чтобы укрепиться в ней от царей своих противников и согласие было дано¹⁶⁸.

Загородный дворец Кулана. До начала раскопок это был отдельно стоящий бугор, расположенный в 2 км к юго-востоку от центральных развалин и в 700 м восточнее городища Луговое А, на территории, окруженной длинной стеной. В топографии Лугового Г различаются центральная часть в виде бугра подквадратной в плане формы размерами в основании 45×40 м и высотой 5 м и примыкающего к нему участка размером 50×70 м. Стена, окружающая двор, сохранилась на высоту 1,5-2 м. В центре двора прослеживается понижение от двух хаузов (водоемов).

Раскопки, проведенные здесь в течение нескольких полевых сезонов, установили существование трех одновременных построек, называемых ниже «первоначальная постройка», «второй строительный горизонт» и «верхний строительный горизонт».

167 Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА / Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.1. Москва-Ленинград, 1958. №62. С.7-84.

168 Ковалевский А.П. Посольство Багдадского халифа к царю Волжских булгар в 921-922 гг. // Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С.13, 121.

Первоначальная постройка выявлена в шурфах на восточном участке комплекса, относящемся ко второму строительному горизонту. Шурфы были заложены с целью выяснения наличия фундамента и платформы для конструкций второго строительного горизонта. Шурф 1 размером 1,3×2,5 м был заложен в восточной части здания в коридорообразном помещении. Глубина шурфа достигала 3 м.

Стратиграфия разреза по юго-западной стенке шурфа, совпадающей с вертикальной плоскостью стены помещения, показала, что пахсовая стена коридора заглублена относительно пола на 12-14 см. Она опирается на слой забутовки толщиной 76 см, состоящей из кусков пахсы с рыхлым заполнением пространства между ними, в котором встречались мелкие обломки керамической посуды, кости животных и древесный уголь. Ниже зафиксирован ряд пахсовой кладки из блоков высотой 42 см, оштукатуренных глиной. Блоки уложены на натечные прослойки, общая толщина которых составляет 15 см. Под ними обнаружен глинопесчаный слой толщиной 62 см, включающий куски обожженного кирпича, фрагменты керамики, кости животных и древесный уголь. Ниже залегал лесс серо-коричневого цвета, при углублении в который на 33 см изредка попадались вкрапления древесного угля и корни растений. Здесь же был встречен небольшой фрагмент раннесредневекового дастархана, украшенный растительным орнаментом, выполненным резьбой.

Разрезы боковых стенок шурфа ниже пахсовой забутовки, толщина которой увеличивалась от 76 до 140 см по мере углубления, показали несколько наклонно расположенных слоев.

В разрезе четвертой стенки шурфа видны те же слои.

В результате закладки шурфа 1 выяснено, что, во-первых, вскрытое здание второго строительного горизонта не имеет фундамента – стены лишь незначительно заглублены относительно пола. Во-вторых, оно возведено на остатках другой более ранней постройки: стены опираются на плотную массу пахсовой забутовки, с помощью которой были выровнены руины более ранней постройки, превратившей ее в платформу.

Шурф 2 был заложен в юго-западном углу двора. Под покрытием пола, представляющего собой утрамбованный слой глины толщиной 10 см на подсыпке из смеси глины и ганча (5 см), обнаружилась забутовка толщиной до 50 см из бесформенных кусков пахсы и сырцового кирпича. В слое изредка попадались кости животных, мелкие невыразительные кусочки керамической посуды, кирпичная крошка и вкрапления древесного угля. Под забутовкой лежала прослойка прокаленной глиняной штукатурки толщиной 10-17 см, ниже – смесь обожженных кусков пахсы, зола и древесный уголь поверх сгоревших бревен. Этот слой толщиной 18-36 см находился на полу из сырцовых кирпичей, расположенных на глубине 0,95 м или 3,4 м от нулевой отметки. Используются кирпичи размером 29×21 см красновато-оранжевого цвета.

Под северо-западной стеной второго строительного периода обнаружена пахсовая стена нижнего помещения. Дальнейшее вскрытие во дворе было продолжено вдоль этой стены, в результате чего на расчищенной от наслоений площади обнажилась стена нижнего помещения, расположенная параллельно

северо-западной стене двора верхнего строительного горизонта, выдвинутая относительно нее на 0,6-0,7 м. В этой стене длиной 19,3 м находятся четыре дверных проема шириной 1,2 м, располагающиеся в 4,5 м один от другого. Угловые простенки шириной 0,2 м около юго-западной стены и 0,8 м возле северо-восточной и юго-западной стен замыкали помещение.

На всей площади шурфа последовательность и содержание слоев оказались такими же, что и в вышеописанном шурфе. Под пахсовой забутовкой лежала прослойка обожженной штукатурки, а затем смесь глины и сгоревшего дерева. Расчистка слоя, покрывавшего пол в юго-западной части шурфа, дала возможность определить направление и размеры лежащих на нем бревен. Сгоревшие остатки бревен диаметром 15 см располагались параллельно, перпендикулярно, а чаще всего под углом 45° к стене. Это остатки несущей конструкции деревянного перекрытия помещения. Между балками вразброс попадались жерди толщиной 5 см, возможно, доски и остатки камышовой кровли. Сгоревшая деревянная крыша лежала непосредственно на полу, который представлял собой глино-саманную обмазку толщиной 3-6 см с прокаленной поверхностью. Это покрытие пола было ремонтным, нанесенным на первоначальный пол, выложенный из плотно пригнанных кусков пахсы, обмазанных глиной слоем в 1 см. На уровне первоначального пола возле стены обнаружен участок, вымощенный жженым кирпичом. Мощение сделано в виде дорожки, ведущей к проходу, и обрывается в середине его. Ширина дорожки – 80 см, размеры кирпича – $40 \times 20 \times ?$ и $30 \times 20 \times ?$ см (толщина не установлена).

На расстоянии 3,5 м от стены пол опускается на 0,5 м, образуя ступень-платформу. По ее краю, через 1,6-1,65 м сделаны углубления размером $37 \times 60 \times 55$ см, в которых находились обгоревшие брусья длиной 45 см и сечением 25×27 см, 20×25 см и 25×15 см. Они лежали по два на уровне пола, сверху их накрывали еще два бруска, положенные поперек. Возможно, брусья были заложены между ними.

В заполнении полуметровой толщины припольного слоя находились сгоревшие конструкции деревянной крыши или навеса (балки, жерди, настил из камыша), зола, угли, куски сырцовых и жженных кирпичей, глины, осыпь ганчевой штукатурки с рельефной лицевой поверхностью.

Работы в северо-восточной части шурфа выявили суфу шириной 0,8 м и высотой 0,4 м в углу двора, примыкающую к поперечной стене. Суфа сложена из кусков пахсы и оштукатурена глиной. Длина суфы 4,8 м, затем она прерывается проходом шириной 1,76 м. На расстоянии 3 м от продольной стены двора нижнего строительного горизонта к суфе пристроено основание под стойку. Основание размером 60×60 см, высотой 40 см сложено из сырцовых кирпичей. В центре его оставлено цилиндрическое отверстие диаметром 22 см, в котором сохранились куски обгоревшего дерева.

Раскопки во внутреннем дворе здания на уровне второго строительного горизонта открыли часть просторного помещения, которое, видимо, было внутренним двором. По периметру двор окружали айваны. Стойки их были вмонтированы в край ступени-платформы. Во дворе отмечаются следы двух пожаров.

Рис. 109. Дворцовый комплекс. Участок с помещениями

Как отмечалось выше, в северо-западной стене двора раскопками были открыты дверные проемы в четыре помещения, три из них были раскопаны.

Помещение 2 размером 4,5×5,9 м. Пол второго строительного горизонта из сырцового кирпича толщиной 10 см уложен на подсыпку из смеси глины и ганча, под ней слой лесса с линзами

древесного угля, осколками керамической посуды и костей животных, куски обожженного кирпича, на полу – остатки сгоревшего дерева, штукатурка. Стены сложены из пахсовых блоков (70×70×75 см) и оштукатурены. Нижний слой штукатурки глино-саманный, толщиной 3 см, верхний – из тонко отмученной глины толщиной 5 мм. В результате пожара она стала твердой и приобрела красновато-оранжевый цвет.

Три стены помещения – внутренние толщиной 75-80 см, сохранились на высоту 60-70 см. Четвертая стена, северо-западная, была наружной. Зачистки фасада в месте выхода из здания верхнего строительного периода во внешний двор показали, что наружная стена нижнего строительного горизонта была использована при строительстве первого здания и включена в кладку его внешней стены. Благодаря этому прокаленная штукатурка помещения 2 оказалась внутри верхней стены и сохранилась на высоту 1,55 м.

Для изучения стратиграфии слоев, залегающих под полом здания и относящихся ко второму строительному горизонту, в северном углу помещения был заложен шурф 2×3 м, глубиной 1,72 м. При заглублении обнаружены полы еще одного строительного горизонта и суфа, примыкающая к наружной стене здания. Суфа шириной 1,45 м и высотой 0,28 м сложена из серых сырцовых кирпичей размером 46×29×9 см. Пол представлял собой кладку из обломков серого сырцового кирпича на толстый слой глиняного раствора коричневого цвета.

Разрез шурфа по юго-восточной стенке, проходивший вдоль внутренней стены помещения 2, показал, что кладка ее продолжается вниз еще на два ряда пахсовых блоков. Верхний ряд высотой 44 см, нижний – 60 см опирается на коричневый суглинок и заглублен на 24 см.

Помещения 4 и 5 – смежные комнаты размером 4,5×5,8 м и 2,53×5,9 м. Северо-западные стены их являются наружными, сдвинуты под стену верхнего строительного горизонта на 30 см. Юго-западная стена помещения 5 тоже наружная, заходит под стену вышестоящего здания на 50 см. Помещения разделяла пахсовая стена толщиной 85 см, сохранившаяся на высоту 70-75 см. Эта стена длиной 4,75 м заканчивается проходом возле юго-восточной стены, общей для обоих помещений, в которой из помещения 4 имеется выход во двор. Полы в помещениях вымощены крупными кусками пахсы, обмазаны глиной

и покрыты ганчем. На расстоянии 1,1 м от юго-восточной стены пол поднимается в виде ступеньки на 10 см. Все стены пахсовые с остатками глиняной штукатурки.

Таким образом, раскопки показали, что под стенами второго строительного горизонта имеется здание также с двумя строительными горизонтами. Это здание было построено на естественном

Рис. 110. Дворцовый комплекс. Фрагмент застройки

возвышении – холме со спланированной под горизонтальную поверхность вершиной. Пахсовые стены здания заглублены в материковое основание на 24 см и находятся на отметке 4,54 м. Расстояние между уровнем пола и основанием стены составляет 0,86 м. В здании второго строительного горизонта, по видимому, были сохранены помещения нижнего горизонта, но общая площадь его была увеличена, по крайней мере, в северо-восточном направлении. Это видно в разрезе шурфа 1, где пахсовая стена опирается на культурный слой и мощные натечные прослойки. В здании первого строительного горизонта был пожар, отсюда многочисленные включения древесного угля в слоях, лежащих под зданием второго строительного горизонта.

Даже неполное вскрытие здания нижнего строительного горизонта дает представление о его архитектуре. Это была одноэтажная постройка дворовой композиции. Просторный внутренний двор по трем сторонам окружал ряд комнат. С четвертой стороны, видимо, находилось несколько взаимосвязанных помещений, соединенных с двором одним широким проемом, обнаруженным в торцовой (северо-восточной) стене двора. Вдоль этой стены во дворе тянулась суфа. Но во дворе имел два уровня – в средней части его от центрального прохода находилась площадка размерами около 4 м в ширину и 11-12 м в длину. С трех сторон ее окружала приподнятая на 50 см платформа шириной 3,5 м возле продольных стен и 4,6 м – возле торцовой, юго-западной. По краю платформы были установлены деревянные стойки, поддерживавшие навес или деревянную крышу с камышовой кровлей.

Все стены здания нижнего строительного горизонта сложены из пахсовых блоков (70×70×75 см), а затем гладко оштукатурены глиной по глиняно-саманному раствору толщиной 2-3 см. Полы в помещениях выявлены двух видов: уплотненный слой глины толщиной 10 см и мощение из кусков пахсы. Полы обмазывались слоем глины толщиной 5-7 мм и покрывались ганчевым раствором. Во дворе и в помещении 2 замечены ремонтные покрытия полов. Обожженная штукатурка на стенах и в завалах помещений, а также остатки сгоревшего дерева на полах, свидетельствуют, что здание второго периода погибло от пожара. После этого наступил период запустения, приведший к частичному разрушению стен.

Комплекс керамики, который связан с первоначальной постройкой, представлен обломками кувшинов с красным лощением, кружками «согдийского типа», обломками хумов. Такая керамика была получена в свое время при раскопках замка Луговое А, усадьбы Луговое Б, а также в нижних слоях шурфов на центральных развалинах. Керамика датируется VII-VIII вв.¹⁶⁹

Центральным ядром комплекса во втором строительном горизонте был двор (14,6×12,4 м), в котором меньшими были юго-западные и северо-восточные стены. Таким образом, общая площадь двора составляла 181 кв.м. Центральная открытая часть двора (7,2×6,8 м) была вымощена камнем-плитняком бордового цвета. Плиты размером 50×70 см, толщиной до 4 см уложены на подушку из глины с мелким песком, швы замазаны алебастровым раствором. Из двора имелись проходы в помещения 2, 5а, 10 и 11. Внутренний двор соединялся анфиладой длинных узких помещений (8, 16 и 26) с наружным двором, который, в свою очередь, имел выход в город. По периметру двор был закрыт навесом, который опирался на колонны. Таким образом, двор в целом представлял собой четырехсторонний айван. Ширина навеса составляла от 4 до 6 м. Та часть двора, которая находилась под навесом, имела суфы высотой до 20-25 см. Из них три полностью занимали северный, западный и южный углы, тогда как суфа в восточном углу была разрезана двумя проходами.

Помещения 10 и 11 расчищены до уровня нижнего строительного горизонта, оба соединялись проходами с двором. В помещении 10 на уровне пола обнаружено зольное пятно очага, керамические изделия, обломок водоносного кувшина, донце. У двух стен находились суфы высотой 25 см. Помещения 11, 11а, соединенные проходом с двором, разделены тонкой стенкой. В помещении 11а (4,4×4,4 м) вдоль трех стен устроена суфа. Стены помещения 11 (3,2×4,4 м) покрыты слоем обмазки.

Помещения 4а, 12, 13, 14, 15 представляют собой анфиладу комнат, вытянутых по линии северо-запад – юго-восток. В ходе раскопок найдены фрагменты керамики, коррозированная железная пряжка, а в помещении 14 – стеклянная ножка сосуда. Между этим крайним рядом помещений и двором располагалось помещение 5, соединенное коридором с помещением 12, по трем сторонам которого устроена суфа.

Помещение 5а размером 3,4×12,4 м. На его полу сохранилась вымостка каменными плитами напротив прохода в помещение 4а, которое, в свою очередь, соединялось с анфиладой внешних помещений, примыкавших ко дворцу с северо-западной стороны: 2, 3, 4, 5. Помещение 2 (4×10 м) соединено дверными проемами с внутренним двором. Размеры помещений 3, 4, 5 – соответственно 2,3×3,4 м, 3×3,2 м и 4×4,4 м. В помещении 4 северная и восточная стены выложены из большемерного сырцового кирпича. В северной стене – дверной проем, при входе расположен очаг. Хорошо прослеживаются следы нескольких уровней полов с обмазками.

В северо-западной части комплекса размещаются помещения 4а, 13, 14, 15. Размеры помещений соответственно: 4,2×5 м, 3×4,2 м, 2×4,6 м, 4,4×4,4 м.

169 *Байпаков К.М.* Керамика средневекового Кулана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972. С.80-89. Рис.4, 5.

В помещении 4а вдоль двух стен устроена суфа.

Еще одна группа помещений, их шесть (17-22), занимают крайнюю северо-западную часть комплекса. Интерьер четырех из них, кроме 21 и 22, хорошо сохранился. Полы вымощены плитняком, у стен – суфы. Все помещения соединены дверными проемами. Размеры помещений: 17 – 4×6 м, 18 – 3×4 м, 19 – 3×8,4 м, 20 – 4×4,2 м, 21 – 3,4×4,4 м, 22 – 3,2×5 м. С двором эта группа помещений не соединялась.

Еще три помещения располагались в северо-восточном углу комплекса. Интерьер не нарушен, уровни полов прослеживаются плохо. Размеры помещений: 25 – 3,2×3,8 м, 26 – 4,8×6 м. Между этими помещениями был коридор шириной 1 м и длиной 7 м.

Центральный вход в комплексе находился с северо-восточной стороны, он делит восточную часть постройки на две части по оси юго-запад – северо-восток и упирается во двор. Вход представлял собой анфиладу из трех помещений 8, 16 и 26 общей длиной 22,8 м. Узкое и длинное помещение 8 с двумя нишами имеет размеры 3×10 м, а ниши – длину 2 м и глубину 0,5 м. В помещении 16 (3×3,2 м) вдоль стен пристроены суфы: западной и восточной – шириной и высотой 0,5 м; северо-западной – 1,1 м, юго-восточной – 0,76 м. Плоскость стен от углов помещения до декора, обрамляющего ниши, покрыта

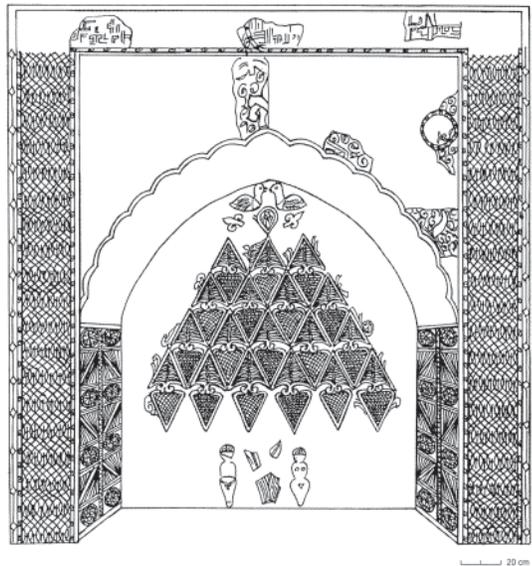
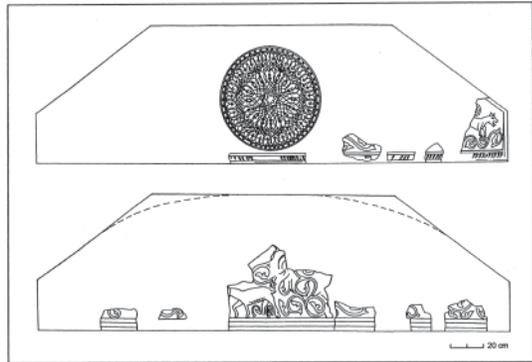
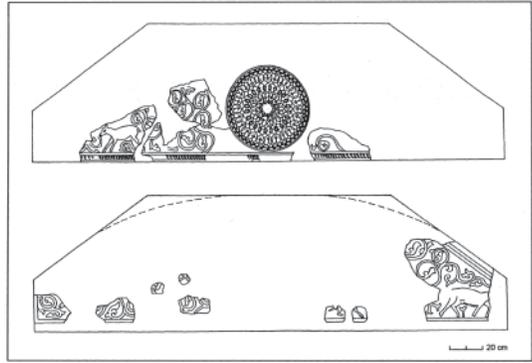

Рис. 111. Дворцовый комплекс: фрагменты плит панно, с резным декором (снизу)

глубокой резьбой по глине, выполненной в технике граффити. Подобная резьба, предположительно, украшала и свод помещения.

Панели арочной формы с двумя полосами орнаментаций, расположенные слева и справа относительно ниш, с учетом украшающей их резьбы, предпо-

ложительно, имели толщину до 30 см. Плита арочных очертаний, находящаяся в юго-западной части помещения, найдена на расстоянии 1,8 м от стены, противоположной входу в помещение. Плита стояла ребром с небольшим наклоном в сторону центра помещения. Правый и левый концы плиты опирались на суфы, а центральная часть была опущена к полу, что несколько деформировало сохранившиеся на ней изображения. Размеры плиты – 0,5×1,8 м.

Сторона плиты, развернутая к центру помещения, снизу была украшена орнаментальной полосой шириной 7 см. В середине полосы глубокой резьбой выполнены лепестки с «обрезанными» концами, расположенные вертикально параллельно друг другу. Снизу плита была окрашена в бордовый цвет.

В центр композиции помещен круг диаметром 54 см заполненный орнаментом, выполненным в технике глубокой резьбы. Круг обрамлен поясом шириной около 2 см, в середине которого орнамент из кружков-перлов с обозначенным центром. Орнамент внутри круга образован переплетениями мотивов, из которых можно выделить полосы. Переходным звеном, объединяющим мотивы, служат полосы из ромбов, образованных продолжением дугообразных элементов предыдущих полос и началом последующих. К обрамляющей окружности с орнаментом из кружков-перлов с обозначенным центром подходит полоса, состоящая из переплетающихся дуг, образующих «сердечки», боковые стороны которых накладываются друг на друга, а сверху от углов ромбов к центру «сердечек» опускаются узкие бутоны-трилистники. После объединяющей мотивы полосы из ромбов идет орнаментальная полоса из вытянутых «лепестков», острые концы которых снизу и сверху примыкают к углам ромбов. «Лепестки» обрамлены полосками с отходящими вверх и вниз усиками с тупыми «обрезанными» концами. После следующей полосы из ромбов расположен орнамент, формирующий центр, от которого хорошо видны только петлеобразный элемент и узкий бутон-трилистник.

К кругу, расположенному в центре плиты, слева и справа примыкает растительный орнамент, выполненный в технике граффити. Орнамент представляет собой спирально закрученные стебли побега «ислими» с завитками диаметром 9-12 см. Один из концов лепестка «ислими» острый, отогнутый, другой – тупой, обрезанный. Слева от центрального круга на расстоянии 43-44 см среди завитков «ислими» помещено изображение пасущейся лани, выполненное в технике граффити. В длину изображение лани составляет 22 см, в высоту – 14 см. Лань развернута в противоположную от центра сторону, опустив голову прикоснулась мордочкой к завитку «ислими». Животное стоит на тонких ножках с копытами. Задняя нога отставлена и согнута в колене. У лани загнутый вверх хвостик, острые ушки, на мордочке обозначен удлиненный глаз.

Левая сторона плиты была ограничена гладкой полосой шириной 3 см и длиной 50 см. Полоса ограничивала плоскость панели под углом, равным примерно 30°. В угловой части панели находился завиток «ислими», к которому наклонилась лань. Шея лани повторяет наклон щипца арки.

То, что левая часть арочной панели могла быть украшением щипцовой стены, подтверждает подобный фрагмент арки, относящийся к изображению на второй стороне арочной панели, развернутой в направлении выхода во двор.

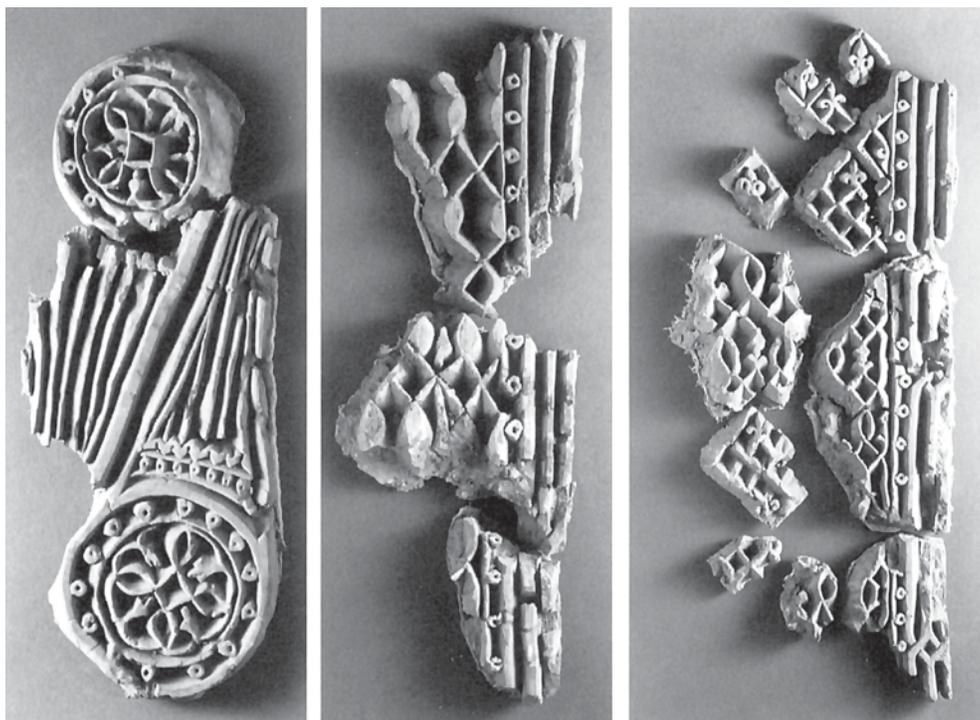

Рис. 112. Дворцовый комплекс, фрагменты резьбы

Это сторона арочной панели была украшена растительно-зооморфным орнаментом, выполненным графической резьбой. Сохранилось три фрагмента с изображениями завитков «ислими» и фрагмент размером 50×45 см с изображением лани среди завитков. В нижней части панели проходит гладкая полоса шириной около 7 мм. Фрагмент с ланью является правой частью изображений на этой стороне арочной панели. Сверху справа он обрамлен тремя гладкими полосами, расположенными параллельно и развернутыми под углом, равным примерно 30°. В угловой части арочной панели также изображена лань. Сохранилось изображение туловища и четырех ног. Лань была повернута головой в сторону угла арочной панели.

Арочная панель, расположенная в северо-восточной части помещения, также была орнаментирована с двух сторон. Фрагмент, украшенный орнаментом, выполненным в технике глубокой резьбы, является изображением, относящимся к стороне панели, развернутой в центр помещения. Этот фрагмент найден на расстоянии 3,4 м от входа и в 70 см от восточной стены. Фрагмент располагался лицевой стороной вниз. На нем изображен орнаментированный круг диаметром 64 см.

По касательной к кругу проходит полоса шириной 7 см, внутри которой вырезаны вытянутые лепестки, обращенные «обрезанными» концами в сторону круга. Полоса обрамляет арочную панель снизу. С внешней стороны круг обведен тремя полосами, каждая из них шириной около 1 см. Первая полоса – желобок, вторая – без орнамента, третья – украшена кружками-перлами с обозначенным центром. Орнамент внутри круга также разбит на равнове-

Рис. 113. Фрагмент резьбы

Рис. 114. Фрагмент резьбы

ликие полосы шириной 7 см. Первую полосу составляют дугообразные элементы с волнистыми фестонами, примыкающими к внешней окружности. Можно выделить два основных мотива, которые, накладываясь друг на друга, образуют сложные переплетения. Один из мотивов представлен каплеобразными элементами с острыми концами внутрь, боковые стороны которых, пересекаясь друг с другом, формируют петли, а верхние стороны – фестоны. Другой мотив – бутоны-трилистники на двух вытянутых стеблях, углом спускающиеся в центр. Дуги-стебли, объединяя бутоны, образуют промежуточные между «каплями» фестоны.

Следующая орнаментальная полоса – сетка ромбов с треугольниками внутри. Верхний ряд ромбов образован продолжением линий каплеобразных элементов, нижний ряд служит началом формирования орнаментальной полосы, расположенной ближе к центру. Полоса состоит из «сердечек», которые, накладываясь друг на друга, образуют петли. От углов ромбов к центру «сердечек» опускаются бутоны-трилистники. Про-

должения дуг, образующих «сердечки», формируют новый ряд ромбов с треугольниками внутри. Из центрального орнамента сохранились петлеобразный орнамент и бутон-трилистник.

В крайней правой части композиции, изображенной на этой стороне арочной плиты, сохранился нижний прямоугольный фрагмент рамки из прямой гладкой полосы шириной 1,5 см. Все четыре тимпана на двух арочных панелях были обрамлены подобной рамкой. Под рамкой можно увидеть часть полосы 7 см с вытянутыми «обрезанными» лепестками, выполненными глубокой резьбой. На фрагменте с рамкой среди завитков «ислими» изображен волк высотой 16 см с раскрытой зубастой пастью, острыми ушами и узким хищным глазом. От изображения волка сохранился лишь фрагмент передней части туловища. Животное развернуто в сторону юго-восточной стены. Изображение волка и побегов «ислими» выполнены в технике граффити.

На расстоянии 3,1 м от входа найдены части композиции арочной панели, ориентированной в сторону входа северо-восточного участка помещения. Фрагменты были украшены растительным и зооморфным орнаментом, выполненным графической резьбой. Композиция окаймлена рамкой из двух гладких

полос, разделенных желобком. Ширина полос – около 15 мм. На крайнем левом фрагменте сохранился нижний прямой угол рамки и фрагмент щипца арки. Расстояние от нижнего угла рамки до начала щипца – 22 см. На крайнем правом фрагменте можно увидеть нижний угол рамки. На фрагментах изображен побег «ислими» и фигура пасущейся лани среди завитков растения. Животное запечатлено в движении – правая передняя нога выдвинута вперед и согнута в коленном суставе, левая задняя нога отставлена назад. Голова лани не сохранилась. У лани острый маленький хвостик, загнутый кверху. По низу туловища проходит полоса с вертикальными наклонными насечками, вероятно, изображающими шерсть животного. Лань находится в левой части композиции и развернута в сторону юго-восточной стены.

В юго-западной части помещения найдена часть свода, выполненного веерообразной кладкой из сырцового кирпича размерами 30×20×10 см. Поверхность свода покрывала глиняная штукатурка, украшенная графической резьбой. Сохранился фрагмент размером 27×32 см с геометрическим орнаментом из трехполосных лент, пересекающихся под углом 60° и 120°, образующих при пересечении равносторонние шестиугольники и шестиконечные звезды. Полосы окрашены в белый и темно-синий цвета.

Фрагмент свода и щипцовая стена арки, сохранившиеся в юго-западной части помещения, фрагменты резной штукатурки – все это является исходными данными для реконструкции помещения с двух сторон – от стен с входными проемами до арочных панелей и участков стен, обрамляющих ниши. В этих частях помещения найдены довольно крупные и мелкие фрагменты с геометрическим орнаментом. Основной рисунок образован из ломаных переплетающихся полос, образующих шестиугольники и шестиконечные звезды. Встречаются фрагменты с орнаментом более сложного переплетения, составленные из таких же ломаных полос. Полосы состоят из лент: белых шириной 1 см; темно-синих или голубых шириной 2 см. Внутреннее пространство шестиугольников белого цвета, окрашенные фрагменты разделены прорезанными линиями.

Участки стен, обрамляющие входные проемы, судя по найденным фрагментам резной глины, были украшены шестиугольниками и растительным орнаментом, выполненным графической резьбой и раскрашенным в белый, черный и бордовый цвета.

На фрагментах с растительным орнаментом прорезаны дугообразно изогнутые полосы шириной 1-1,5 см, которые, переплетаясь, образуют формы вытянутых остроугольных листьев и закругленные завитки. К сведенным углом полосам прикреплены трилистники, у которых два лепестка завиты, а третий, расположенный между ними, острый вытянутый. Остролист направлен к углу, образованному двумя сведенными полосами основного узора. Полосы окрашены в белый цвет, трилистники – в черный на бордовом фоне.

Декор центральной части помещения был наиболее насыщенным. Обломки глины, украшенные глубокой резьбой, фрагменты скульптур лежали на сугубо, прилегающих к северо-западной и юго-восточной стенам, и между ними. Можно предположить, что в отделке центра помещения использован принцип оформления пештаков и михрабов. Центральные участки стен, с учетом место-

нахождения обломков, представляли собой прямоугольные рамки с закругленными или стрельчатыми нишами внутри.

Широкая орнаментальная полоса, обрамляющая ниши слева и справа, выглядела следующим образом. По краям этой полосы проходили бордюры из гладких лент шириной 1-1,5 см. В одном варианте две, в другом – три полосы, расположенные параллельно друг другу, скручиваясь, сходились углом и образовывали ромбы. От углов ромбов полосы распрямлялись и располагались параллельно до следующего излома. Следующая полоса – полоска-желобок, внутри которого помещены перлы с обозначенным центром. Внутреннее заполнение полосы напоминает резьбу, украшающую орнаментированные круги с арочных панелей: чередующиеся мотивы из дугообразно пересекающихся линий и ромбов, образованных продолжением этих линий.

Тимпаны ниш были украшены побегом «ислими», выполненным глубокой резьбой. Сохранился нижний угловой фрагмент тимпана, к нему справа примыкает часть обводной рамки из двух параллельных полос, образующих в месте переплетения ромб, а слева обрамляющих изгиб ниши. У другой ниши, согласно найденным фрагментам, изгиб был обведен двумя полосками шириной 1-1,5 см.

В правой части тимпана ниши юго-восточной стены по касательной к обводной рамке среди завитков «ислими» был размещен медальон диаметром 17 см, обрамленный полосой из перлов с обозначенным центром. Из орнамента внутри медальона сохранился трилистник с загнутыми боковыми лепестками и остролистом посередине.

В верхней части тимпанов были изображены меандровые переплетения, по всей вероятности, являющиеся псевдоэпиграфическим орнаментом. Над ним сохранилось изображение «арабской надписи».

Пристенные колонки слева и справа от ниш были оформлены зооморфными и антропоморфными скульптурами.

К зооморфным скульптурным изображениям относится фрагмент размером 22×13 см с изображением ноги копытного животного, предположительно коня, найденный слева от юго-восточной ниши. Другой фрагмент зооморфной скульптуры – голова птицы, высота которой вместе с шеей 13 см. Лепка без тщательной проработки со сглаженной фактурой лицевой стороны. Верхняя часть сужающегося клюва обломана. Круглый контур глаза выполнен вдавливанием. Сторона, обращенная к нише, сохранила следы грубой лепки. О креплении птицы можно судить по цилиндрическому углублению диаметром 1,5 см, направленному от затылка птицы вдоль шеи вниз на глубину 5 см. В это углубление, несомненно, вставлялась крепежная деталь, соединявшая голову птицы с остальными деталями декора, обрамлявшего нишу.

Антропоморфные скульптурные изображения представлены фрагментами женской и мужской фигур. Фрагмент мужской фигуры от пояса до ступней размером 18×9 см. Мужчина одет в шаровары. Высота сохранившегося фрагмента женской фигуры – 26 см, заметно платье, облегающее талию и грудь.

Внутри юго-восточной ниши глубокой резьбой было изображено плодоносящее Дерево жизни. Листья аканта и плоды оконтурены гладкой полосой

шириной 1 см. Лист по форме напоминает сердце или карточную фигуру. Верхний контур листа украшает Х-образный элемент. Внутри лист покрыт глубокой резьбой, обозначающей прожилки. Слева и справа к листу примыкают перевернутые изображения ягод с плодоножками и двумя закрученными листьями, раскрашенными в бордовый цвет. Внутренние поля плодов со следами черной краски были заполнены в одном случае треугольниками, расположенными в шахматном порядке, в другом – дугообразными линиями, образующими ромбовидные ячейки.

Внутри розеток диаметром 13 см, обрамленных орнаментом из перлов с обозначенным центром, изображен четырехлепестковый цветок с лепестками-петлями. В центре цветка – ромб, образованный продолжением петлеобразных лепестков. К центру цветка между лепестками-петлями направлены трилистники. К розеткам подходят вытянутые веерообразные фигуры с прорезанными каннелюрами внутри. Два веера соприкасаются боковыми сторонами.

Возле северо-западной ниши обнаружены головки, являющиеся, видимо, портретными изображениями реальных людей. Задняя часть головок срезана. Этой стороной головки прикреплялись к поверхности ниши. Следы потеков бордовой краски на задней стенке одной из головок указывают на то, что внутренняя поверхность ниши была окрашена в бордовый цвет. У этой ниши найден фрагмент орнамента из квадратов 2×2 см, расположенных в шахматном порядке и также окрашенных в бордовый цвет.

У головки размером 5,7×5 см, сохранившейся лучше, лицо широкое плоское; впадины глаз неглубокие; скулы сглаженные; нос приплюснутый с широкими ноздрями; глаза выпуклые, миндалевидные, веки выделены; брови почти сходятся у переносицы, правая приподнята вверх; над выдвинутыми вперед губами изображены горизонтально расположенные заостренные на концах усы; подбородок круглый; уши удлиненные, с серьгами. От головного убора, венчающего головку, сохранилась только левая часть. В нижней части просматривается горизонтальная полоса, от которой поднимаются зубцы или складки, расположенные сверху. Из-под головного убора на лоб опускается челка из прямых волос.

Вторая головка (6,4×4,5 см) у бровей и правого глаза имеет разлом. Лицо по сравнению с описанным выше, более удлиненное, черты его более тонкие; нос выдается сильнее, ноздри неширокие; от щек ко лбу лицо сужается, скулы не выделяются. Глазные впадины почти не обозначены. Сохранившаяся левая бровь спускается к краю глаза, левый глаз миндалевидной формы, размеры его меньше, чем на первой головке. У мужчины узкие горизонтальные усы, маленькая борода, в ушах – серьги. Головной убор выше, чем на первой головке, а его форма схожа с вышеописанным. На лоб также спускается челка.

Третья головка одного размера с предыдущей, но несмотря на сходство в моделировке, обе головки, безусловно, относятся к изображениям разных людей. Скульптору удалось передать индивидуальность характера каждого персонажа. У третьей головки сохранилась лишь правая сторона. На фрагменте виден миндалевидный глаз меньшего размера, чем на первой головке, верх-

1

2

Рис. 115. Дворцовый комплекс, терракотовые головки

няя часть уха, фрагмент ободка головного убора. Широкая бровь изображенного мужчины приподнята у переносицы и несколько опущена к уху; правый ус приподнят; губы выпуклые, уголки также приподняты; нос приплюснут, но ноздри не такие широкие, как у первой головки; скулы сглажены.

Четвертая головка – профильное изображение мужчины, развернутое влево. Высота головки – 6 см, расстояние от среза затылочной части до кончика носа – 3 см. Головка срезана с двух сторон. Срез боковой стороны сделан под углом 30° к поверхности, к которой была прикреплена головка. Ко лбу лицо сужается, скулы сглаженные; нос приплюснутый, крючковатый; губы вытянуты вперед; глаз миндалевидный, со слабо выделенной радужкой, уголок срезан и опущен вниз, придавая лицу выражение грусти; широкая бровь, горизонтально расположенный ус также опущены вниз. В ухе изображена серьга, на лбу – челка из прямых волос. Ободок головного убора широкий, над ним складки или зубцы.

Фрагмент размером 5,4×7,4 см является верхней частью головы большего размера, чем описанные выше. Сохранилось изображение волос, раскрашенных в белый цвет, и головного убора из наклепных изогнутых полос.

На всех головках видны следы алебаstra, которым позднее был покрыт декор, украшающий помещение 8. Близкие портретные изображения мужчин с ярко выраженной индивидуальностью можно увидеть среди коропластики VI-VIII вв. Тогда и Уструшаны¹⁷⁰.

Если искать аналогии искусству резьбы по глине из Кулана, то следует отметить, что юго-западное Жетысу (Таласская и Чуйская долины) являлось одним из центров развития этого вида художественного ремесла и искусства. Об этом в свое время писала исследователь С.Б.Лунина¹⁷¹. Действительно, при раскопках средневековых городищ, прежде всего монументальных построек, именно в этих долинах обнаружены прекрасные образцы резной глины, некогда украшавшей интерьеры помещений. Причем этот вид искусства развивался здесь на протяжении длительного времени – с VII-VIII до XV в. Подобный рез-

170 Мешкерис В.А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977. С.90-94. Рис.10; Древности Таджикистана. Душанбе, 1985. С.261-262. №682.

171 Лунина С.Б. Резная глина из Средней Азии // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С.203-210.

ной штук найден во дворце городища Костобе на Таласе, отождествляемого с городом Джамукатом. Впечатляют яркие образцы глубокой резьбы по глине: панели, оформляющие стены комнат, декорированные побегими винограда, тюльпанами, ягодами; ниши, оформленные колонками в виде зооморфных изображений. Глубокая резьба и граффити зачастую окрашены в разные цвета, в том числе и бордовый, имеет сходство с описанными выше находками из Кулана. Некоторые элементы стилизованных надписей, или, точнее, эпиграфического орнамента из букв арабского алфавита на стенах дворца Костобе, позволили отнести время исполнения резьбы по глине к IX-X вв.¹⁷²

К X-XII вв. относится резьба по глине на цитадели городища Актобе¹⁷³, на Красной Речке и Буране¹⁷⁴. Из элементов орнамента, которые здесь доминировали, – медальоны-шестигранники, розетки, пальметты, побеги винограда с гроздьями и листьями, ислими, перлы. То есть те же мотивы, что присутствуют в резьбе Кулана. Сходство есть и в том, что штук крашен тоже в белый, желтый, красный и синий цвета. Из сюжетов отметим фрагменты изображений рыб.

Резной штук богатых загородных домов городища Красная Речка датирован X-XII вв. В оформлении парадных комнат здесь встречаются резные штукковые панели с росписями, в которых одновременно с растительными и геометрическими композициями, присутствует изображение льва¹⁷⁵.

Резной штук украшал интерьеры дворцового здания XI-XV вв. на городище Акчий, причем элементы росписи и техника резьбы сохраняют здесь традиции предшествующего времени¹⁷⁶. Аналогии резному штукку из Кулана и Жетысу разнообразны и широки. Это известные памятники Средней Азии, прежде всего, Афрасиаба, где раскопаны «дворец саманидов» и здание с великолепной

4

3

Рис. 116. Дворцовый комплекс, терракотовые головки

172 Шарденова З.Ж. Архитектурный декор во дворце Костобе // Известия НАН РК / Серия общественных наук. 1994. №5. С.71-81. Рис.3-5.

173 Воронина В.Л. Элементы строительной и художественной культуры городища Актобе // История материальной культуры Казахстана. Алма-Ата, 1980. С.21-24. Рис.2.

174 Чуйская долина. С.19-28; Аманбаева Б.Э. Резной штук в интерьере Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе, 1989; Винник Д.Ф. Четвертый сезон работы на Буранинском городище // Археологические открытия 1974 года. Москва, 1975. С.551.

175 Горячева В.Д. Декор в архитектурных памятниках средневекового Киргизстана // Памятники культуры Киргизстана. Фрунзе, 1970. Вып.1. С.56.

176 Заурова Е.З. Раскопки городища Акчий // Кетмень тобе. Фрунзе, 1977. С.106-127.

штуковой резьбой IX-X вв.¹⁷⁷, а также памятники Ближнего Востока, в частности, Самарра, Фустат, Мшатта¹⁷⁸.

Искусство резьбы по штукатурке распространялось по Великому Шелковому пути, и поэтому так многогранно отражает культуру разных стран и народов.

Дворцовый комплекс на городище Костобе. Остатки цитадели городища Костобе до раскопок представляли собой четырехугольный в плане бугор с плоской площадкой наверху размером 60×60 м. Проведенные здесь работы выявили постройки нескольких хронологических периодов. Строительство и перестройки осуществлялись поэтапно с VI по XII в., позже заброшенная цитадель с XII в. использовалась под мусульманский некрополь, захоронения сильно повредили постройки верхнего строительного горизонта.

Первоначально дворец представлял собой одноэтажное здание, его возведение и перестройка продолжалась с VI по начало IX в. Она велась в два этапа: VI-VIII вв., VIII-IX вв. В ходе повторного строительства менялась не только планировка внутренних помещений дворца, но и месторасположение крепостных стен. Так, крепостная стена с северной стороны воздвигалась значительно ближе к центру дворца. На втором этапе строительства крепостная стена была основательно сдвинута к северу, а в старой крепостной стене были вырублены помещения: 15, 3, 1, 16.

Всего расчищено 20 помещений дворца, среди которых имеются жилые комнаты, помещения культового характера, парадные (для приемов), хозяйственные, а также обводной коридор, по которому можно было обойти весь комплекс по периметру и войти в любую из крайних комнат. Находясь в любом месте коридора, можно было пересечь здание насквозь и попасть в любое внутреннее помещение.

В качестве строительного материала использовали глину и дерево. Из глины изготавливали сырцовые кирпичи размером 30×15×7 см, 44×22×10 см, а также пахсовые блоки, различные по длине 1×1,4×1,1-1,65 м.

Большинство стен дворца сложены из сырцового кирпича кладкой «вперевязку» на глиняном растворе и только одна стена – дворцового двора – возведена из пахсовых блоков. Стены помещений покрыты глиняной штукатуркой на несколько слоев, полы ровно обмазаны глиняным раствором.

Из дерева вытесывали колонны, дверные полотнища, косяки, пороги, а также возводили перекрытия над помещениями. На это указывают остатки древесной трухи в углублениях от баз колонн, на местах порогов; в восточной части дворца обнаружен фрагмент деревянного перекрытия.

Часть перекрытий – над большими помещениями – «дарвазного» типа, на это указывают углубления в полу от баз колонн. Другая часть помещений – балочные: над маленькими комнатами и над обводным коридором.

Парадные и культовые помещения Костобе имели богатый и разнообразный декор: резной штук по толстому слою глиняной штукатурки, архи-

177 Ахраров И.А., Ремпель Л.И. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971. С.91.

178 Sourdlet-Thomine G., Spuler B. Die kunds des Islam. Olgenburg, 1976. P.127-136; Sourdlet-Thomine J. La civilization de L'Islam classique. Paris, 1976. P.119; Веймарн Б.В. Искусство арабских стран и Ирана VII-VIII вв. Москва, 1974. Табл.13, 22.

тектурные детали, выполненные из алебастра, росписи. Резьба по глине раскрашена разноцветными красками.

Центральным в архитектурном комплексе являлось прямоугольное помещение 11 размером 9,5×8,2 м. Здесь пересекались основные пути движения по дворцу, сюда сходились выходы из парадных и культовых залов.

Углубления от баз колонн указывают на наличие здесь «дарвазного» перекрытия. Выявлено четыре углубления диаметром около 60 см в полу зала, ближе к центру: колонны были весьма внушительными, а высота помещения, согласно большому диаметру колонн, предположительно, более 3 м.

Юго-восточный дверной проем зала вел в небольшое помещение 9 (3,84×3,7 м). Северная часть комнаты была занята суфой шириной 1,15 м, над которой располагался внутрестенный камин. В южной стене сохранился узкий выход, по-видимому, в обводной коридор. Основной выход из помещения довольно широкий – 1,3 м.

Еще один дверной проем в восточной стене распределительного зала вел в парадный зал 8. Он условно назван «зал с гофрами». Зал был украшен резьбой и росписями на стенах. Помещение размером 8,82×4,35 м вытянуто по оси юг – север.

С востока к залу с гофрами примыкал дворик 13, размером 10×5,45 м. Он протянут по оси север – юг и имеет в северо-западном углу проем шириной 1,62 м, ведущий в северные помещения дворца. Стена, разделяющая парадный зал и дворцовый двор, очень мощная – от 2,25 до 2,55 м. С юга и востока двор обрамлял обводной коридор. В юго-западном углу находился проем, ведущий к обводному коридору. Восточная стена дворцового двора толщиной 1 м сложена, в отличие от других стен, из пахсовых блоков. У южной стены находилась груда булыжников. Они, видимо, предназначались для камнететной машины. Наличие камней подтверждает, что помещение не имело перекрытия и являлось именно дворцовым двором. Логичным представляется и возможное расположение камнететной машины – в восточной части двора, поскольку имен-

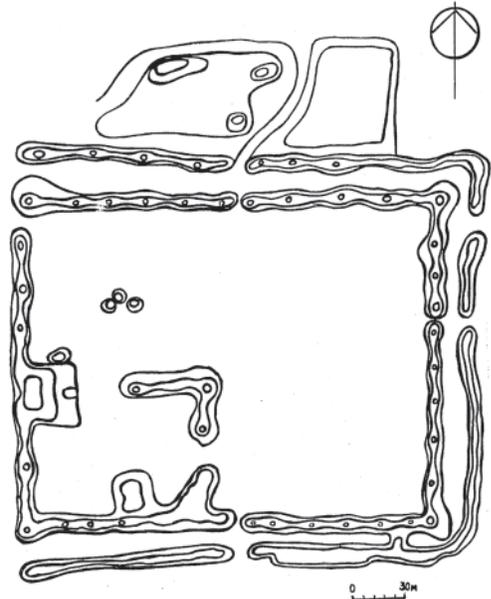

Рис. 117. Городище Костобе. План

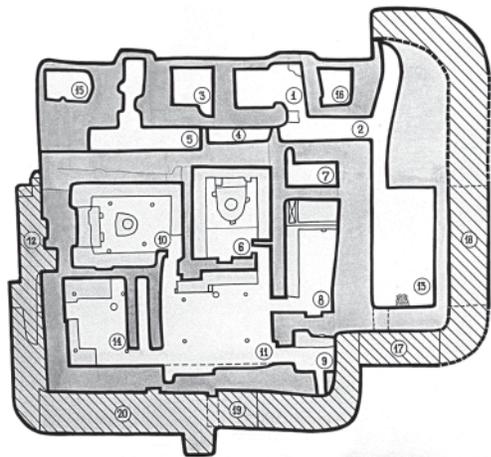

Рис. 118. Дворец на цитадели

0,1 м

Рис. 119. Дворец: фрагменты с резьбой, реконструкция резного панно

Рис. 120. Дворец: фрагменты с резьбы

но на этой стороне находится главный вход во дворец и здесь необходима была дополнительная надежная защита дворца.

Особое положение во дворце занимали культовые помещения 6 и 10, расположенные северо-западнее и севернее центрального зала. В них размещались

Рис. 121. Дворец: фрагменты с резьбы

алтари огня. В помещения вели северные дверные проемы распределительного зала. Вдоль трех стен культового зала 6 (7,8×5,7 м), кроме южной, устроены суфы. Ближе к центру располагается большая полукруглая суфа-эстрада со ступеньками, примыкающая торцом к северной суфе.

В центре суфы-эстрады – алтарь диаметром 1,3 м. Стены парадного культового зала были украшены резьбой по штукатурке.

Второй культовый зал 10 (7,65×5,9 м) располагался с северо-запада от центрального распределительного зала, и также имел в центре полукруглую суфу-эстраду с очагом в середине, однако, она гораздо меньших размеров и отдельно стоящая. Вдоль всех стен имелись суфы, западная – самая широкая, двухъярусна со ступеньками. Следов какого-либо декора здесь не отмечено. По-видимому, в главном культовом зале отмечались особо торжественные религиозные праздники, в другом отправлялись рядовые обряды. Отметим различное направление осей обоих культовых залов: если зал 6 вытянут по оси север-юг, то зал 10 – по оси запад-восток. Возможно, что в таком принципе расположения этих залов также был заложен какой-то ритуальный смысл.

По остальным признакам культовые залы сходны между собой. Так, идентично решены оба входных проема в залы: вытянуты по оси север-юг, располагаются в юго-восточных углах помещений и имеют выход налево. В полу помещений сохранились углубления от баз колонн, свидетельствующие о перекрытии «дарвази» с наличием опор.

Таким образом, дворцовый ансамбль на Костобе включал храмовый комплекс из двух помещений – святилищ. Если искать аналогии, то таким же образом был устроен культовый комплекс замка-дворца на цитадели городища

Канка (III в. до н.э. – XII в. н.э.) в Ташкентском оазисе¹⁷⁹. На этом же памятнике на территории шахристана III в жилом комплексе вскрыто еще одно культовое помещение с алтарем¹⁸⁰.

Цитадель Ак-тепа Юнусабадское в Ташкентском оазисе также включает храмовый комплекс. Впоследствии исследователи выдвинули гипотезу, что храмовый комплекс Ак-тепа объединяет три помещения¹⁸¹. Центральное купольное здание было храмом-мавзолеем, а остальные помещения были составными частями храмового комплекса, основное место в котором занимало святилище огня. Последний период функционирования комплекса датируется VIII в. Планировка помещения святилища Ак-тепа сходна с парадным культовым залом Костобе: та же стенка-экран, создающая небольшой тамбур при входе, такие же суфы вдоль трех стен, а главное – в центре помещения аналогичный полукруглый напольный очаг-алтарь с углублением в центре для огня. Оба помещения ориентированы по оси юг-север, оба входа расположены в юго-восточных углах¹⁸².

В научной литературе описаны случаи, когда во дворцово-замковой архитектуре важная роль отводилась культовой зоне, включавшей одно или несколько помещений, образующих собой храмовый комплекс. Так, например, в жилой усадьбе Кайрагач юго-западной Ферганы культовая зона была выделена в храмовый комплекс, образованный тремя помещениями. Памятник датируется концом IV – VI в. Это более раннее сооружение, чем костобинский дворец, но уже здесь наблюдается четкое разграничение помещений по функциональным зонам¹⁸³.

В связи с изучением храмовых комплексов во дворцах, интересны исследования Ю.Ф.Бурякова и Г.И.Богомолова на цитадели городища Канка в Ташкентском оазисе. Памятник представляет собой возведенный по единому архитектурно-планировочному замыслу замок-дворец с выступающими за линию стен четырьмя прямоугольными башнями, обведенными крытой обводной галереей. Внутри дворца вел коленчатой формы «приемник», имеющий два очага на некотором расстоянии один от другого. Очаги были устроены таким образом, что мимо огня проходил каждый входящий в цитадель¹⁸⁴.

Показательно, что во дворце Топрак-кала в Хорезме у входов в тронный зал также находились два очага культового назначения, расположенные в непосредственной близости от входящих в зал. В обоих случаях огню приписывали очистительные свойства. Возможно, что узкий проход между очагом-алтарем и суфой в культовых залах Костобе имел ту же цель: близость огня должна была «очистить» посетителей от злого умысла и от скверны.

179 Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С.66. Рис.14.

180 Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. С.69. Рис.5.

181 Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии. Ташкент, 1966. С.98, 104, 108-109, 132. Табл.IV.

182 Филанович М.И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983. С.199. Табл. IV.

183 Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. до н.э. Москва, 1982. С.36, 46. Рис.21.

184 Буряков Ю.Ф., Богомолов Г.И. К планировке и архитектуре раннесредневекового Хараджкета. С.63-64. Рис.1, 2.

Рис. 122. Дворец. Алтари огня

Исследователи, проанализировав ряд памятников на территории Средней Азии, в числе которых городище Минг-Урюк в Ташкентском оазисе с культовым помещением, имеющим очаг подковообразной формы, городище Ак-тепа Юнусабадское, цитадель на Канке и многие другие, считают, что широкое распространение в V-VIII вв. по всей территории Средней Азии подковообразных алтарей и устойчивость этого приема в течение нескольких веков были бы невозможны без глубоких, устоявшихся традиций. Авторы предполагают, что традиции эти связаны с выделением культовых ниш, перед которыми возжигался огонь. На их взгляд, взаимосвязь алтарного подиума и ниши настолько тесна, что подиум перенимает форму арочной ниши, имитируя перевернутую культовую арку. По их наблюдениям, на долгое время сохранилась также закономерность возведения суф в культовом помещении вдоль стен, исключая стену с нишей¹⁸⁵.

Это в полной мере подтверждается и на описываемом памятнике: в парадном культовом зале вдоль всех стен, кроме стены с нишей, устроены суфы; культовые ниши фланкировались декоративными колонками; вход в помещение осуществлялся через тамбур.

Центральную группу больших залов во дворце Костобе замыкает помещение 14, расположенное южнее второго культового зала и западнее центрального распределительного зала. Оно является крайним юго-западным помещением (7,4×5,5 м), в котором имеются две суфы – одна Г-образная в юго-западном углу, вторая – у северной стены.

Во дворце имелась еще одна – периферийная группа помещений. Располагаясь рядом с крепостной стеной, она в первую очередь подвергалась ремонтам, перестройкам, переоборудованию. За время существования дворца эти помещения не один раз меняли свой облик и назначение, поэтому дошли до нашего времени в плохой сохранности, с нечетким контуром стен.

На первом этапе жизни дворца помещения 5, 4 и 2 являлись частью обходного коридора. В дальнейшем, когда дворец стал расширяться, северный участок крепостной стены выстроили заново, а в толще старого участка прорубили помещения 15, 3, 1, 16. Соответственно, участок старого обходного ко-

185 Буяков Ю.Ф., Зильпер Д.Г. Археологические исследования в 1957 г. на городище Минг-Урюк в Ташкенте // Труды Ташкентского государственного университета; Филанович М.И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. С.110; Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Ташкент, 1990. С.9. Рис.3.

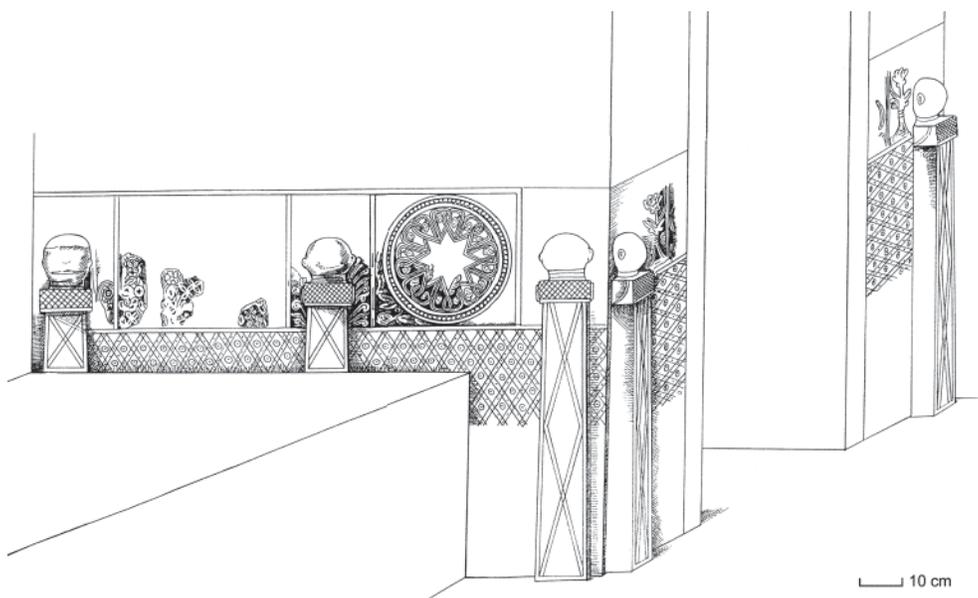

Рис. 123. Дворец. Оформление нижней части одной из стен культовой комнаты

ридора замкнули в двух местах стенками, образовав тем самым, три вытянутых дополнительных помещения. Глядя на план можно заметить, что все вновь образованные из стены и из коридора помещения одинаковы по ширине (из стены – все одной ширины, из коридора – все другой ширины), что подтверждает версию их образования.

Самое крупное в периферийной группе помещение 1 – трапециевидного плана. Длина его 5,8 м, ширина 3,35-4,3 м. Это жилая комната: в северо-восточном углу ее находится напольный очаг, у южной стены рядом с входным проемом сохранился фрагмент разрушенной суфы. Помещение 1 смежное с помещением 2 (9,76×2,1 м), которое представляет собой хозяйственно-бытовую комнату. Оба эти помещения через коридор связаны с дворцовым двором.

Во дворцовых комплексах, как правило, уделялось повышенное внимание коридору – его удобной конфигурации, прочности стен, надежности перекрытия, а также внутренней отделке. Нередко стены коридоров украшались резным шtukом, росписями. Так, например, на городище Калаи Кафирниган (Таджикистан) в районе шахристана был обнаружен большой комплекс монументальных построек (предполагается, что первоначально комплекс имел культовое назначение). Обводной коридор центральной постройки комплекса был украшен резными деревянными панно, плахами и балками. В углу коридора была установлена резная деревянная колонна. Среди мотивов резьбы выделяются изображение стилизованной птицы, виноградная лоза, многолепестковые розетки¹⁸⁶.

Остановимся кратко на общем композиционном решении и графической реконструкции дворца правителя на городище Костобе. Учитывая, что он был

186 Литвинский Б.А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1975) // Археологические раскопки в Таджикистане. Душанбе, 1980. С.121-124. Рис.1, 2.

возведен на высокой платформе со стороны города можно было видеть лишь мощные крепостные стены, скрывающие дворец и его обитателей. Совсем другая картина раскрывалась для тех, кто был допущен в цитадель.

Казалось бы, одноэтажное здание предполагает одну высоту всего сооружения. Однако сохранившиеся руины стен в центральных помещениях значительно выше по сравнению с невысокими стенами вспомогательных помещений, что дает возможность предполагать разновысотность помещений. То есть, все залы с учетом отводимой им роли были разновысотными, что создавало снаружи очень интересную панораму объемов. Все помещения дворца были скомпонованы по высоте как бы в три яруса. Самое высокое и респектабельное помещение комплекса – распределительный зал – первый верхний ярус, затем вокруг него расположился полукольцом второй ярус более низких залов, и третьим ярусом примкнули с севера периферийные помещения. Верхние два яруса помещений венчались бревенчатыми «дарвази», вокруг которых кровля имела некоторый скат. Самый большой из них – над распределительным залом, остальные четыре – скромнее и уровнем ниже. Таким приемом разбивки высот по ярусам создавалась оригинальная композиция всего комплекса.

Квартал и жилище

Кварталы. В основе застройки города был квартал. Членение города на кварталы было закономерным для феодального общества. Оно обусловлено свойственным этому обществу замыканием людей в группы, связанные родственными узами, общей профессией, религией. Уже у М.Нершахи в «Истории Бухары» были встречены термины «ку» и «махала» («махаллат»), означавшие кварталы¹⁸⁷. Широко оперируют понятием «квартал» исследователи средневековых городищ¹⁸⁸.

Однако, несмотря на широкое использование в археологической литературе термина «квартал», до сих пор единого толкования этого понятия не существует. Как правило, под кварталом подразумевается городская застройка в ее современном понятии, восходящая к античной традиции, когда прямоугольная сетка улиц сочеталась с регулярно распланированными жилыми массивами¹⁸⁹.

По мнению одних исследователей, кварталы Пенджикента представляли собой жилые массивы, ограниченные улицами, сеть которых была в городе регулярной и прямоугольной¹⁹⁰. Другие считают кварталом группу домов,

187 *Нершахи М.* История Бухары. Ташкент, 1897. С.69.

188 *Кабанов С.К.* Раскопки жилого квартала в западной части городища Варахша // Труды ИИА АН УзССР. Ташкент, 1956. Вып.8. С.95-125; *Князев П.И.* Разведочно-археологические работы в квартале металлостов древнего Термеза // Труды академии наук (ТАН) УзССР / История, археология. Ташкент, 1945. Серия 1. Т.2. С.163-175; *Лунина С.Б.* Гончарное производство в Мерве // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т.14. С.218-409; *Массон М.Е.* Городища старого Термеза и их изучение // Труды Тормезской археологической комплексной экспедиции (ТТАКЭ). 1940. Серия 1. Вып.2. С.98-99; *Вактурская Н.Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX-XVII вв.) // Краткие сообщения Института этнографии (КСИЭ). Москва, 1955. Вып.22. С.88; *Шишкина Г.В.* Методика изучения городского квартала в свете работ на Афрасиабе // Средневековые городища Средней Азии и Казахстана. Ленинград, 1970. С.15-18; *Федоров-Давыдов Г.А.* Раскопки торгово-ремесленного квартала XII-XV вв. на городище Ташкала в Ургенче // ТХАЭЭ. 1958. Т.2. С.84-104.

189 Всеобщая История архитектуры. Москва, 1958. Т.1. С.121-122. Рис.119; Развитие градостроительства. Братислава, 1963. С.65.

190 *Беленицкий А.М.* Из итогов последних лет раскопок Пенджикента // СА. Москва, 1965. №3. С.178-195.

объединенную внутриквартальной, отходящей от общегородской, улочкой. Со всех сторон квартал замкнут, границы его проходят по задним стенам домовладений¹⁹¹.

Широкие раскопки южно-казахстанских городищ позволили выделить отдельные кварталы, их границы и предложить такое определение: «квартал – это массив городской застройки, состоящий из нескольких домовладений, объединенных внутриквартальной улочкой или же отрезком магистральной улицы. Фасад квартала глухой, граница с соседними кварталами проходит по задним стенам всех домов и боковым стенам крайних домов»¹⁹².

Кварталы VI – первой половины VII в. выявлены при раскопках городища Кок-Мардан. Кварталами можно считать три группы домовладений. Каждый из них объединен тупиком, отходящим от магистральной «северной» улицы и упиравшимся в крепостную стену. Длина тупиков – 15, 12, 10 м, площади кварталов – 370 кв.м, 350 и 300 кв.м. В квартале «А» пять домовладений и одно культовое здание, в кварталах «Б» и «В» – по четыре домовладения.

Городской квартал второй половины VII – первой половины IX в. был открыт раскопками на городище Куйрыктобе. Он находился в восточной части шахристана. Верхние слои, вплоть до построек VII – первой половины IX в. были смыты. Разрушенными оказались и периферийные участки квартала, но центральная его часть сохранилась достаточно хорошо. Площадь квартала составляет 306 кв.м. В состав квартала входило 4 дома, расположенных слева и справа от внутриквартальной улочки. Три домовладения сохранились полностью, а от четвертого лишь одно помещение. Из трех полностью сохранившихся домов один однокомнатный и два двухкомнатных. Двухкомнатный состоит из жилого помещения с напольным очагом, бортиками и суфами вдоль стен, с входом, отделенным тонкой стеной-экраном, второе помещение – кладовая.

Внутриквартальная улочка, видимо, закрывалась воротами: в месте соединения ее с магистральной улицей сохранились остатки пазов от порогов.

По своей планировке и характеру застройки квартал не отличается от более ранних кварталов VI-VII вв. на Кок-Мардане.

Уклад быта жилых кварталов XIX – начала XX в. по мнению ряда исследователей не отличался существенно от быта жителей средневековых городов¹⁹³.

Отмечалось также, что середина I тыс. у народов Средней Азии и Казахстана была переломным моментом в переходе от патриархальных, семейных общин к малой семье¹⁹⁴.

Городское жилище. Жилище второй половины VII – IX в. известно по раскопкам Мардан-Куюка. Двухкомнатные дома продолжают традицию предшествующего времени. Например, один из домов состоял из жилого помещения и кладовой. Жилая комната имела площадь около 19 кв.м.

191 *Лавров В.А.* Градостроительная культура Средней Азии. Москва, 1950. С. 33; *Неразик Е.Е.* К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. Москва, 1981. С.140; *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. Москва, 1976. С.288-327.

192 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.76.

193 *Сухарева О.А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. С.338.

194 *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1969. С.14.

Рис. 124. Городище Мардан-Куюк. План

Второе помещение дома – кладовая, соединенная дверным проемом с жилой трапециевидной в плане комнатой.

Второй дом тоже состоял из жилого помещения и кладовой. Вход в него вел со стороны тупичка, отходившего от магистральной улицы. В проходе шириной 1,2 м сохранился паз от дверной коробки.

Из коридора шириной 1,2 м, длиной 6 м вел проход в комнату площадью около 19 кв.м. В помещении вдоль двух стен была устроена Г-образная суфа шириной 1,2 м у восточной стены и 1,3 м – у северной. Высота суфы 0,4 м, ближе к углу ее устроена ступенька. Северный угол помещения занят прямоугольным закрмом.

Еще один закрм устроен в конце коридора. Это, собственно, часть коридора, отгороженная глинобитной стенкой. Размер закрма 1×2 м.

В центре помещения находился прямоугольный, частично разрушенный напольный очаг размером 1,5×1,5 м. Его топочная часть имеет прямоугольный выступ. Бортики очага сделаны из глины, их ширина 0,15 м, высота 0,1 м. На полу возле очага расчищена коническая ямка диаметром 15 см и глубиной 10 см. В ней найдены бронзовая литая монета

У восточной стены находилась суфа шириной 1,5 м, высотой 0,4 м. Ее края выложены сырцовым кирпичом. В центре помещения был устроен напольный очаг размером 1,2×1,2 м. Его бортики высотой 0,05-0,1 м, шириной 0,15 м сделаны из глины. От очага идет невысокая стенка, соединяющая угол очага с углом помещения. Она отгораживает на поверхности пола хозяйственную зону. При расчистке помещения собраны раздавленные обломки кувшинов, кружки с геометрическим орнаментом, кухонные банкообразные сосуды, покрытые густой копотью.

Возле очага на полу найдена литая бронзовая монета VII-VIII вв., а также железные пластины доспехов.

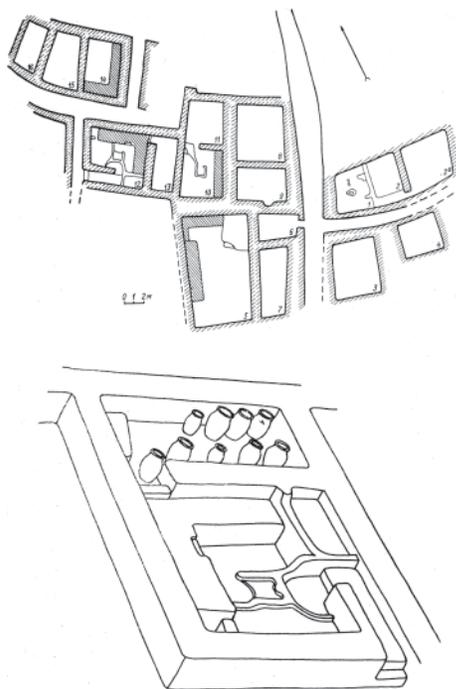

Рис. 125. Городище Мардан-Куюк. Планы домов, остатки дома (реконструкция)

VII-VIII вв. и косточки персика. Керамика представлена столовыми кувшинами, кружками, кухонными банками. Кладовая имеет размеры 1,2×5,2 м. В ней вдоль длинных стен стояли восемь хумов. В семи хумах находилось обугленное зерно, в одном – не очищенный от семян хлопок. На полу были рассыпаны обгоревшие яблоки¹⁹⁵.

Датировка раскопанных домов, как и всего второго строительного горизонта, основывается на находках монет VIII в. и керамики, среди которой выделяется «кангарская». Это кружки с кольцевыми ручками и кувшины со сливами; светильники, покрытые темно-вишневым, коричневым и черным ангобом и вдавленным орнаментом геометрического характера. Элементы росписи – рамки из косых линий, сетка, полуовалы. Такая керамика в Отрарском оазисе относится ко второй половине VIII – первой половине IX в.¹⁹⁶

Жилище Куирькитобе. Дома состояли из жилой комнаты с напольным очагом в центре и суфами вдоль стен. Вход отделялся стенкой-экраном.

Жилище Шойтобе. На этом городище во всех трех строительных горизонтах прослеживаются жилые и хозяйственные помещения, однако, ввиду плохой сохранности выделить отдельные дома весьма сложно. Среди жилищ строительного горизонта VII-VIII вв. выделяется прямоугольный в плане большой дом (11×7,5 м), вытянутый длинной осью по оси юг-север. Центральная часть сооружения решена в виде большой жилой комнаты (6×4,5 м). Стены постройки толщиной в 1 м. Такая же стена отделяет северную часть под кладовую комнату (7,5×2,5 м). С южной стороны перегородкой толщиной 0,25 м отделяется еще одна комната типа прихожей (5×2 м). Таким образом, в доме имеются три помещения. Вход в здание, предположительно, располагался у юго-восточного угла и напрямую выводил в прихожую. Оба малых помещения имеют хозяйственные закрома. В жилой комнате по всему периметру устроены суфы, в южной суфе рядом с входом сохранились два стеновых очага. Напольный прямоугольный очаг расположен ближе к центру помещения, у суфы.

Как видим, в постройке все функции жилья совмещены в трех комнатах: хозяйственно-бытовые функции – в кладовой и прихожей, остальные – в жилой комнате.

Предполагается, что малые помещения были перекрыты плоским балочным перекрытием, а жилое помещение – дарвазным.

Жилище Алтынтобе (VIII – начало IX в.) прямоугольное, вытянуто по оси север-юг. Строительные материалы традиционные для всего региона: прямоугольные сырцовые кирпичи, глина для обмазки полов и стен, древесина для устройства перекрытий. Дом представляет собой двухкамерное сооружение со стенами толщиной 0,75 м. Такой же толщины стена отделяет первое, меньшее помещение от основной части. Вход в дом через дверной проем шириной 0,85 м осуществлялся со стороны межквартальной улочки в коридор, а через него – в комнату. Другой стороной коридор соединяется с жилой комнатой

195 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Смагулов Е.А. Городища Куик-Мардан, Алтынтобе и Жалпактобе. Алматы, 2006. С.15-18.

196 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI – нач. XIII в.). Алма-Ата, 1986. С.58.

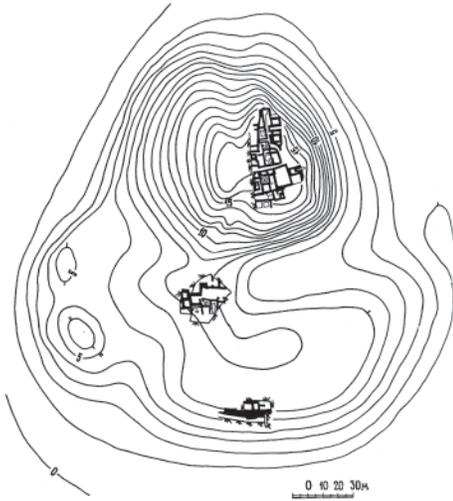

Рис. 126. Городище Алтынтобе.
Планы раскопок

(5,55×4,6 м). По-видимому, меньшая комната (3,2×2,7 м) занята суфой кроме прямоугольного участка 1,88×1,3 м. В жилой комнате перегородкой толщиной 0,35 м отделяется входная часть (2,8×0,9 м), в оставшейся части жилой комнаты по периметру устроены суфы, в центре – напольный очаг с бортиками. Северо-восточный угол помещения занят закромом. Следовательно, в доме выделяются: спальная зона – в меньшей первой комнате, а в жилой комнате – остальные зоны. Можно предположить, что большая жилая комната была перекрыта дарвазным перекрытием с отверстием в кровле над центральным очагом, а спальное помещение, ввиду малых размеров, перекрыто плоским балочным перекрытием¹⁹⁷.

Раннесредневековое жилище на юге Казахстана представляет собой явление многовекового развития. Параллели ему есть в материалах соседних районов. Это одно- и двухкомнатные дома согдийского поселения VII-VIII вв. Гардани Хисор¹⁹⁸. Планировка сближает четырехколонные помещения в домах Пенджикента с залом «большого» дома второй половины VII – VIII в. на городище Куйруктобе, перекрытие которого опиралось на четыре колонны, а суфа имела своеобразный выступ-«эстраду». Помещения с тамбурными входами, с суфами вдоль двух, трех или всех стен характерны для тохаристанского замка Балалык-тепа¹⁹⁹ и раннесредневековых памятников Уструшаны²⁰⁰. Определенное сходство наблюдается при сопоставлении среднесырдарьинского жилища с жилищем Юго-Западной Ферганы²⁰¹, а также с жилищем афригидского Хорезма²⁰².

Этнографические параллели такому жилищу сохранились на Памире, в Фергане, в равнинной части Зеравшана²⁰³.

Несмотря на сходство с раннесредневековым жилищем северных районов Средней Азии, жилище Сырдарьи сохраняет черты, традиционные для сырдарьинских культур первой половины I тысячелетия н.э.: линейную планировку,

197 Смагулов Е.А. Комплекс ритуальных атрибутов из Отрарского оазиса // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1992. С.34-42.

198 Якубов Ю. Раннесредневековые стеновые очаги на поселении Гардани Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1982. С.115-116, рис.1, 3,4.

199 Альбаум Л.И. Балалык-тепа // К истории материальной культуры Тохаристана. Ташкент, 1960. С.108, 116. Рис.62.

200 Негматов Н.Н. и др. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. С.55-59. Рис.24.

201 Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. до н.э. Москва, 1982. С.48-50.

202 Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. Москва, 1966. С.68-76; Гудкова А.В. Раскопки городища Ток-кала в 1960-1961 гг. // Вестник Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР. Нукус, 1962. №3. С.71-79.

203 Давыдов А.С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // СЭ. Москва, 1969. №6. С.99-101.

прямоугольные и овальные в плане открытые очаги, специальные хозяйственные площадки, которые использовались, на наш взгляд, для приготовления хлеба, угловые налепы культового назначения. В дальнейшем планировка домов и их интерьер, видоизменяясь, продолжали сохраняться и развиваться в домах горожан.

Раннесредневековое жилище на юге Казахстана представляет собой продукт многовекового развития. Параллели жилищу есть в материалах соседних районов. Ему близки одно- двухкомнатные дома согдийского поселения VII-VIII вв. Гардани-Хисор²⁰⁴. Планировка сближает четырехколонные помещения в домах Пенджикента с домом Кок-Мардана, крыша которого опиралась на четыре колонны, а суфы имели своеобразные выступы-эстрады. Известное сходство наблюдается при сопоставлении жилища Кок-Мардана с жилищем юго-западной Ферганы²⁰⁵, афригидского Хорезма²⁰⁶.

Этнографические параллели такому жилищу сохранились в Памире²⁰⁷. И все же, несмотря на сходство с раннесредневековым жилищем северных районов Средней Азии, жилище Казахстана сохраняет черты, традиционные для сырдарьинских культур первой половины I тыс. до н.э. Это линейная планировка, наиболее распространенная на юге Казахстана, прямоугольные и овальные открытые очаги, специальные хозяйственные площадки, которые использовались для приготовления хлеба, культовые налепы с алтарями под ними. В дальнейшем планировка домов и интерьер, видоизменяясь, продолжали сохраняться и развиваться в домах средневековых городов Южного Казахстана²⁰⁸.

Большой дом на городище Куйрыктобе. В восточной части шахристана городища Куйрыктобе был заложен раскоп, вскрывший остатки дома, в составе которого было более десяти помещений. Само же здание – большой жилой дом. Как и под Куйрыктобинским дворцом в цитадели, здесь была возведена насыпная искусственная платформа посредством заполнения клетей лессом и строительным мусором.

Дом датируется VII-VIII вв. В качестве строительного материала при возведении дома использовали глину и древесину. Из глины изготавливались сырцовые кирпичи размером 34-35×19×9-10 см, раствор для кирпичной кладки, обмазка. Из древесины вытесывали колонны, стойки внутри дома, пороги, дверные косяки (они не сохранились), а также возводили кровлю над зданием. Стены дома выводились кирпичной кладкой «вперевязку».

Постройка почти квадратная в плане имеет размер 19,5×21,5 м. Главный вход в дом располагается с юго-восточной стороны. У входа вдоль фронтальной части был устроен лицевой «пеш-айван», опирающийся на деревянные

204 Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани-Хисор // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1982. С.115-116. Рис.1,3,4.

205 Брыкина Г.А. Юго-западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. С.48-50.

206 Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. Москва, 1966. С.68-76.

207 Кондауров А.Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. Москва-Ленинград, 1940. С.42-60; Давыдов А.С. Традиционное жилище таджиков Верхнего Зеравшана // СЭ. 1969. №6. С.99-101.

208 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.83-87.

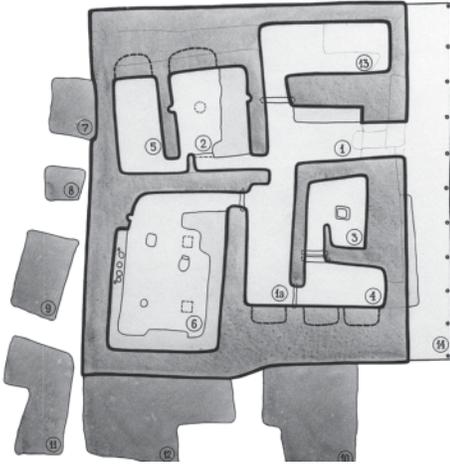

Рис. 127. Городище Куйрыктобе.
План богатого дома

колонны-опоры. К настоящему времени айван не сохранился, однако, у наружной стены дома прослеживаются остатки возвышения шириной около 0,8 м. По-видимому, это фрагменты суф, устроенных вдоль лицевого фасада. Соответственно, над суфами непременно должен был располагаться многостолпный айван.

Дом состоит из трех секций: первая состоит из двух помещений, куда попадали через входной вестибюль, на плане 1, как и в другие секции. Все секции общались через коридор 1 а.

Секция 1 состояла из помещений 3 и 4. Помещение 3 жилое, с очагом в центре и Г-образной суфой. Помещение 4 выполняло функции кладовой. Ниши одной из стен использовались как хранилища.

Секция 2 включает жилое помещение 13 и хозяйственный тамбур. В помещении 13 имелась Г-образная стена и очаг, в хозяйственном тамбуре также имелась суфа, на которой стояли сосуды для хранения продуктов.

Секция 3 два помещения: жилое 2 и хозяйственное. В жилом помещении имелся очаг на полу и пристенная суфа. Помещение 5 – кладовая.

Центральным и общим в доме был парадный зал, он занимает западную часть дома. Размеры его 9,5×6,5 м. По периметру вдоль стен в помещении устроены суфы, причем, у торцевой стены суфа имеет в центре выступ типа эстрады. Последняя была не только шире остальных суф, но возвышалась над ними на 12 см. Вероятно, это было почетное место главы семейства. У самого входа в зал юго-восточная суфа имеет двухступенчатый выступ, который условно разделяет помещение на входную и жилую части.

В центральной части зала прочитываются углубления от двух баз колонн; другие два углубления не сохранились из-за разрушения пола в юго-восточной части помещения, но места расположения их достаточно четко устанавливаются. Исходя из этого, предполагается, что над помещением было устроено дарвазное перекрытие, опирающееся на четыре массивные колонны. Помимо центральных опор, в жилом зале для укрепления стен была применена еще одна опора-стойка, вмозанная в стену у северного угла. В этом месте сохранилось вертикальное круглое гнездо на всю высоту оставшейся стены.

В центральной части зала прочитываются углубления от двух баз колонн; другие два углубления не сохранились из-за разрушения пола в юго-восточной части помещения, но места расположения их достаточно четко устанавливаются. Исходя из этого, предполагается, что над помещением было устроено дарвазное перекрытие, опирающееся на четыре массивные колонны. Помимо центральных опор, в жилом зале для укрепления стен была применена еще одна опора-стойка, вмозанная в стену у северного угла. В этом месте сохранилось вертикальное круглое гнездо на всю высоту оставшейся стены.

С некоторым сдвигом от центра в полу зала был устроен овальный в плане очаг. Его использовали для обогрева помещения, дым от очага выходил через верхнее отверстие.

Безусловно, этот дом выделяется в общей застройке шахристана. Возможно, он принадлежал знатному горожанину либо человеку, занимавшему место в городском управлении, но возможно, что этот дом принадлежал большой патриархальной семье, в которой было еще три семьи, которые вели общую

хозяйственную жизнь и имели определенный общественный статус. Такие семьи объединяются «под одной крышей», и как показывает изучение городской застройки, присутствуют в составе городского населения²⁰⁹. Л.Б.Ерзакович отметил, что такие дома имелись и в Отраре в XI-XII вв.²¹⁰ После раскопок большого дома VII-VIII вв. на городище Куйрыктобе можно констатировать наличие «больших» домов и в раннем средневековье. Следует заметить, что в связи с существованием в городской застройке «больших» домов, в процессе распада патриархальной семьи и превращения ее в малую, сложилась переходная семья, которую называли неразделенной. Она состоит уже не из трех или более поколений, а из двух – отца с матерью и женатых сыновей. И в «больших» домах обитали именно такие семьи. Исследования Е.Е.Неразика показали, что такая форма семьи в Хорезме не была застывшей, а находилась в процессе постоянного развития. Колебания в численности и структуре семьи происходили неоднократно. Так, в VII-VIII вв. произошло укрупнение семей, тогда как в XII – начале XIII в. малая семья получила большую самостоятельность, затем в XIV-XIX в. вновь произошла реставрация большесемейных коллективов. Отмечаются и причины, определяющие изменения семьи, и, прежде всего, факторы стабильности и этнических влияний²¹¹.

Культовые и погребальные постройки

Буддийские храмы и монастыри. В свое время В.В.Бартольд предполагал существование буддийских общин в области Семиречья-Жетысу, позднее обнаружил памятники буддизма А.Н.Бернштам. Найденные им произведения коропластики «в стиле гандхарского искусства» и остатки архитектурных сооружений со скульптурой и живописью на городищах Ак-Бешим, Краснореченское, Караджигач в окрестностях Бишкека (городище Новопавловское, с. Лебединовка), на Сокулукском, Александровском и других поселениях открыли новую страницу в истории культуры Жетысу. А.Н.Бернштам обозначил основные контуры историко-культурных взаимосвязей Жетысу, Восточного Туркестана и Индии от первых веков нашей эры до XII в. включительно²¹².

Следующим этапом в изучении памятников буддизма на территории Жетысу стали раскопки двух храмов на городище Ак-Бешим в 50-х годах Л.Р.Кызласовым и Л.П.Зяблиным²¹³, а также археологические исследования храмов на Краснореченском городище П.Н.Кожемяко в начале 60-х гг., а затем –

209 *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Жилище позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв. // Жилища народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1982. С.126-127; *Ерзакович Л.Б.* Об одном типе жилого дома Отрара XVII в. // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 1993. №5. С.51-57; *Байпаков К.М.* Некоторые социально-экономические и этнокультурные аспекты в изучении позднесредневекового жилища Южного Казахстана // Известия НАН РК / Серия общественных наук. Алматы, 1994. №5. С.33.

210 *Кисляков Н.А.* Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1969. С.18-20.

211 *Неразик Е.Е.* Сельское жилище в Хорезме в I-XIV вв. Москва, 1976. С.237-238.

212 *Бернштам А.Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. С.88-89; Чуйская долина. С.28-29, 37-38, 41-42, 131-133, 146, 147; *Бернштам А.Н.* Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. Москва-Ленинград, 1952. №26. С.140-142.

213 *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // ТКАЭЭ. Москва, 1959. Т.II. С.106-227; *Зяблин Л.П.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961

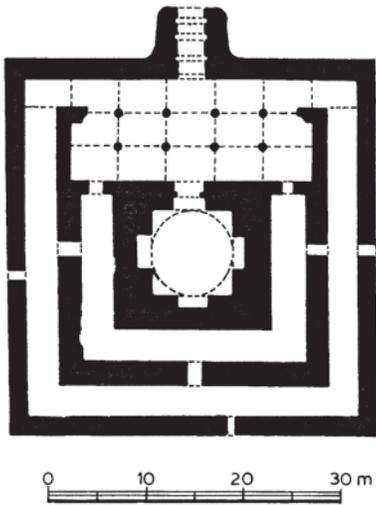

Рис. 128. Городище Ак-Бешим.
Второй буддийский храм. План

из сырцового кирпича. Каждая сторона имела по одному входу, а главный северный вход был выделен пештаком и повернут в сторону города. Здание включало целлу, зал перед ней, и два обходных трехсторонних коридора. Святилище размером 8×8 м было приподнято над остальными помещениями.

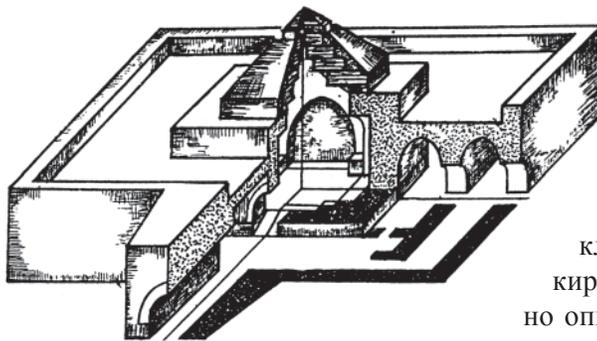

Рис. 129. Городище Ак-Бешим.
Второй буддийский храм.
Реконструкция С.Я.Перегудова

В.Д.Горячевой, К.М.Байпаковым и С.Я.Перегудовой в 80-е годы²¹⁴.

Кроме того, коллекция предметов и художественных изделий, связанных с буддизмом, время от времени пополняется за счет случайных находок²¹⁵.

Всего в Чуйской долине зафиксировано семь буддийских архитектурных сооружений. Наиболее ранним из них считается так называемый *второй акбешимский храм*, исследованный Л.П.Зяблиным. Сооружение здания он относит к VI-VII вв., а гибель его – к началу VIII в., полагая, что разрушение и сожжение храма стало следствием вторжения в город тюргешей и утверждением их власти в Чуйской долине²¹⁶. Храм размером 38×38,4 м был построен в 100 м от южной стены шахристана

Интерьер его расширен за счет глубоких ниш, в которых на трех отдельных постаментах стояли статуи Будды и бодисатв. Стены толщиной от 2 до 4 м выполнены комбинированной кладкой из пахсы и сырцового кирпича. Перекрытия утрачены, но описание их остатков в помещениях дают основания для реконструкции общего вида храма. Остатки глиняной скульптуры (лица Будды, бодисатв,

214 *Кожмяко П.Н.* Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г. // Красная Речка и Бурана / Материалы исследования Киргизской археологической экспедиции. Фрунзе, 1989. С. 17-24; *Кожмяко П.Н.* Отчет о раскопках на Краснореченском городище в 1962-1963 гг. // Там же. С.73-78; *Горячева В.Д.* Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе, 1988. С.48-61; *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* Буддийские памятники Жетысу-Семиречья (Северный Кыргызстан, Южный и Юго-восточный Туркестан) // Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкента / Материалы Международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С.239-267; *Перегудова С.Я.* Раннесредневековые буддийские храмы Чуйской долины. Формирование локального архитектурного типа // Известия АН Республики Кыргызстан / Общественные науки. Бишкек, 1992. №1. С.38-44; *Ставиский Б.Я.* Судьбы буддизма в Средней Азии. Москва, 1998. С.111-133.

215 Памятник культуры и искусства. Каталог выставки. Ленинград, 1983. С. 55. Рис. 227. С.62-65. Рис. 248-252.

216 *Зяблин Л.П.* Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961. С.52-53.

докшита) были найдены в святилище и в углах обоих коридоров. Фигуры изображались в натуральную величину. Они смонтированы из отдельных деталей, покрыты слоем глины и алебастровой подгрунтовкой под раскраску. Скульптура и постаменты были окрашены в красный цвет. Росписей не обнаружено, лепной декор представляет собой элементы растительного орнамента.

Планировка второго акбешимского храма, имеет сходство с восточно-туркестанскими, расположенными в монастырях Муртук Су и Сенгим Агыз. Там же в Восточном Туркестане, а также в культовых сооружениях Гандхары и Афганистана найдены аналогии для скульптуры, постаментов и других элементов оформления интерьера²¹⁷.

Первый акбешимский храм Л.Р.Кызласов датировал VII в. Он находился в 250 км к востоку от вышеописанного, функционировал до середины VIII в., был разрушен, как полагал Л.Р.Кызласов, карлуками²¹⁸. Сооружение размером 76×22 м имело продольно-осевую дворовую композицию, состоящую из двух отдельно стоящих объемов – храмового и предвратного. Комплекс располагался на трех террасах, поднимающихся по направлению к святилищу, которое было приподнято над землей почти на 3 м. Здание ориентировано фасадами по сторонам света, вход – с востока. Предвратное сооружение состояло из вестибюля и пяти (позднее шести) комнат, включая в свой объем входную нишу глубиной около 7 м. Храмовую часть создавали святилище (размером 6,4×6,4 м), трехсторонний обходной коридор и восьми колонный зал перед ними. Храм был построен из пахсы и сырцового кирпича. Стены толщиной от 2 до 2,5 и 3 м несли сводчатые перекрытия, в зале сохранились остатки стоечно-балочной конструкции. Скульптура – четыре фигуры сидящего Будды – размещалась в зале и в коридорах на суфах, опоясывающих святилище. Статуи, выполненные из глины с применением камышовых и деревянных каркасов, были раскрашены в синий, красный, желтый и оранжевый цвета. Те же краски употреблялись в росписях стен и потолков. Стены зала украшал лепной декор, в частности, барельефное изображение священного дерева Бодхи. Среди богатого убранства храма сохранилось 18 позолоченных бронзовых бляшек иконостаса, воспроизводящих Будду, бодисатв и других персонажей буддийского пантеона. На семи из них представлены местные мужские и женские божества, поддерживающие фигурку верблюда.

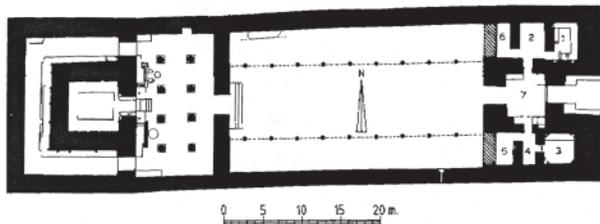

Рис. 130. Городище Ак-Бешим. Первый буддийский храм. План

Живописное оформление храма находит соответствующие параллели в синхронных культовых зданиях Согда, Тохаристана, Афганистана, Китая и Восточного Туркестана²¹⁹.

217 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак Бешим в 1953-1954 гг. С.213-227.

218 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим. С.106-227; Яблин Л.П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. Фрунзе, 1961.

219 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак Бешим. в 1953-1954 гг. С.198-201.

Датировка второго акбешимского храма именно VI в. исключается из-за отсутствия сведений о нем в записках Сюань Цзяна, прошедшего в 629 г. через Тянь-Шань северной дорогой Великого Шелкового пути. Он ничего не говорит о существовании здесь буддийских святынь, статуй Будды, виденных им в пути до «страны Сули». Он отметил лишь два пустовавших храма в Самарканде, которые наполнились буддистами после его проповедей²²⁰. Поэтому можно заключить, что до

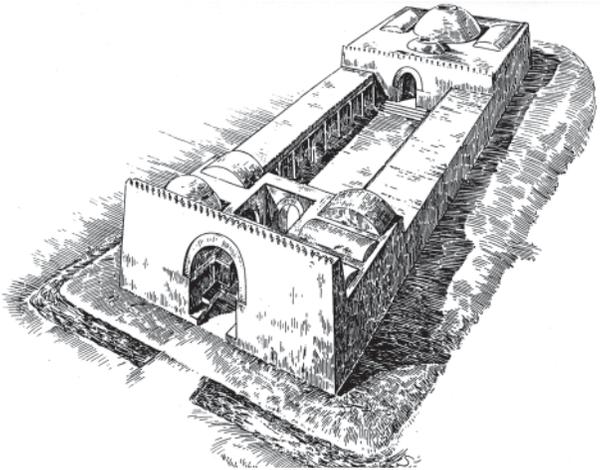

Рис. 131. Городище Ак-Бешим. Внешний вид первого буддийского храма. Реконструкция Л.Р.Кызласова при участии С.Г.Хмельницкого и консультациях В.Л.Ворониной. Рисунок С.Г.Хмельницкого

30-х годов VII в. буддистов в Северном Притяньшанье не было и датировка второго акбешимского храма должна быть пересмотрена. Несомненно также, что оба храма были разрушены в одно время, по всей вероятности, в середине или во второй половине VIII в., после чего они уже не возрождались.

В 1961-1963 гг. на Краснореченском городище П.Н.Кожемяко вскрыл два храма, обнаруженные еще А.Н.Бернштамом в 1938 г. Как и на Ак-Бешиме, они размещались за южной стеной шахристана.

Первый из храмов, синхронный с акбешимскими, был возведен на остатках более ранней монументальной постройки (замка?). В центре святилища был заложен шурф и расчищена часть обводного коридора со статуей «усопшего Будды», которое по монетным находкам датировано VIII в. Дальнейшие раскопки на объекте обнаружили руины храмовой части сооружения. Изучение архитектурных остатков и вещественного материала показало, что храм существовал до середины VIII в.

Первоначально храмовая часть состояла из квадратного (6×6 м) святилища и четырехколенного обходного коридора шириной: от 2,5 м перед входом в святилище до 3,15 м в заднем отсеке, где суфа со скульптурой Будды занимала большую часть коридора.

План первого строительного периода соответствует типологической композиции «зал в обводе коридора или коридорообразных отсеков», известный в культовой и гражданской архитектуре Бактрии и Парфии²²¹, а также

220 Литвинский Б.А. Буддизм // Восточный Туркестан в древности в раннем средневековье: Этнос. Языки. Религия. Москва, 1992. С.427-507; Воробьева-Десятовская М.И. Памятники индийской и тибетской письменности // Восточный Туркестан в древности в раннем средневековье: Этнос. Языки. Религия. Москва, 1992. С.307-326.

221 Пугаченкова Г.А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия / Материалы Советско-Афганской экспедиции 1963-1973 гг. Москва, 1976. С.155-156; Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии // ВДИ. Москва, 1973. №1. С.122-124.

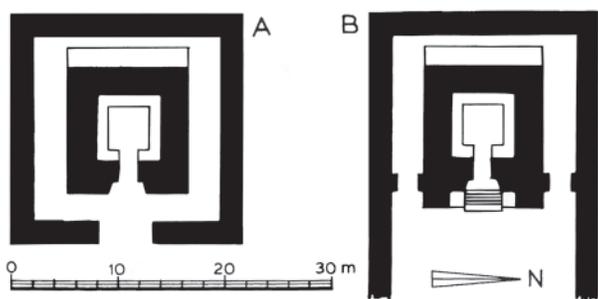

Рис. 132. Городище Красная речка.
Первый буддийский храм. Планы.
А – 1-ый период (VII – середина VIII вв.)
В – 2-ой период (вторая половина VIII в.)
По С.Перегудовой и В.Горячевой

в буддийской архитектуре Тохаристана и Восточного Туркестана²²². Оформление интерьеров в этот период состояло из скульптур, стенописи по лессовой поверхности и лепного декора стен и потолков. Скульптура размещалась в святилище и в заднем отсеке обходного коридора на суфах высотой до 1 м.

Перестройка храма произошла не позднее середины

VIII в. Это время определяется находками берестяных фрагментов письма брахми, определенных В.В.Ветроградской и М.И.Воробьевой-Десятовской VII – серединой VIII в., и тюркешскими монетами. При реконструкции храма была снесена передняя стена обходного коридора, а площадь перед святилищем и в коридоре забутована. При этом пол в коридоре был поднят на 40 см, а в алтарном помещении – на 80 см. Торцы боковых отсеков коридора были закрыты поперечными стенками с дверными проемами. В результате образовался трехсторонний обход вокруг святилища. Вход в целлу акцентируется пристройкой пештака со сводчатой нишей и лестницей из пяти ступенек. На боковых площадках перед входом были установлены стоящие фигуры бодисатв.

После перепланировки здания были обновлены росписи стен в коридоре и святилище. Теперь они выполнялись по ганчевому слою, перекрывшему обветшавшие росписи по глине. В южном отсеке коридора сохранились фрагменты штукатурки с изображением лотоса (длина цветка по горизонтали 1,3 м), человеческих ног, орнаментов одежды, ярко оранжевых языков пламени, желтого (передающего цвет золота) ритуального сосуда. Перед входом в святилище на площадке и ступенях лестницы расчищены куски глиняной скульптуры. Сохранившиеся фрагменты позволяют реконструировать их высоту до 2,5 м.

К числу реликвий храма относятся найденные на полу (но, по-видимому, ранее замурованные) фрагменты буддийской рукописи на бересте. Установлено, что рукопись была переписана в VII – середине VIII в. и принадлежала школе писцов Кашмира²²³.

С этим храмом связаны также находки двух позолоченных бронзовых статуэток Авалокитешвары, относящиеся к индийскому импорту, и гранитной воитивной стелы китайского происхождения. Она имеет высоту 64 см, ширину 33 см (в основании 36 см) и толщину 12-16 см. Лицевая грань стелы в рельефном исполнении передает традиционную для буддийской иконографии трех-

222 Литвинский Б.А. Калаи Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Душанбе, 1979. Вып.14 (1974). С.156-188; Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. Москва, 1985. С.22-23. Рис.7; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. Москва, 1986. С.114. Рис.16.

223 Воробьева-Десятовская М.И. Рукописная книга в культуре народов Востока. Москва, 1988. Кн.2. С.34..

поясную композицию: под аркой Будда на лотосе, по обе стороны от него – бодисатвы (все лица сбиты), ниже – львы, охраняющие ступу, а в основании стелы – коленапреклоненные донаторы. На тыльной стороне стелы выгравирован сидящий на лотосе Будда с нимбом в виде волнистых линий. На боковых гранях в той же технике гравировки изображены буддийские божества.

Формирование местного типа буддийского храма происходит в русле традиций среднеазиатского и восточно-туркестанского зодчества, что находит выражение, во-первых, в размещении их за пределами шахристана; во-вторых, в сохранении основного планировочного элемента доисламского храма – квадратного святилища в обводе коридоров; в-третьих, в технике строительства, искусстве вааяния и стенописи.

Таким образом, в Чуйской долине VII в. на основе строительной практики соседних древних цивилизаций и традиционных для них объемно-планировочных схем был выработан местный тип буддийского храма продольно-осевой дворовой композиции.

Вторая буддийская постройка открыта на Краснореченском городище и относится ко времени последнего этапа существования буддийских общин в раннесредневековом Жетысу.

Здание располагалось у южной стены шахристана на остатках замка V-VII вв. В состав комплекса (размером 60,5×57 м по наружному контуру) входили храм, вписанный в габариты бывшего замка, и «Г»-образный двор. Помещения его, входящие в прямоугольный объем (32,7×30 м), представлены святилищем размером 3,2×3,2 м, трехсторонним обходным коридором, просторным залом перед святилищем и двумя смежными с ним комнатами. Все три помещения были оборудованы суфами.

Стены святилища и коридора покрывала двухслойная глиняная штукатурка с росписью по ганчевой подгрунтовке. Живопись (Будда в нише под аркой и цветы астры) выполнена красной, синей, желтой и коричневой красками с обводками черным контуром.

Сходную с этим храмом планировочную композицию имеет буддийская часовня на цитадели Кафыркала (период II) в Таджикистане, где просторный двор перед святилищем также был связан с двумя боковыми помещениями²²⁴.

Раскопки храма не были завершены.

Два буддийских монастыря VIII-IX вв. связаны с городами среднего размера: Пакап (Новопокровское городище) и Джуль (Ключевское по А.Н.Бернштаму, П.Н.Кожемяко называл его Новопавловским).

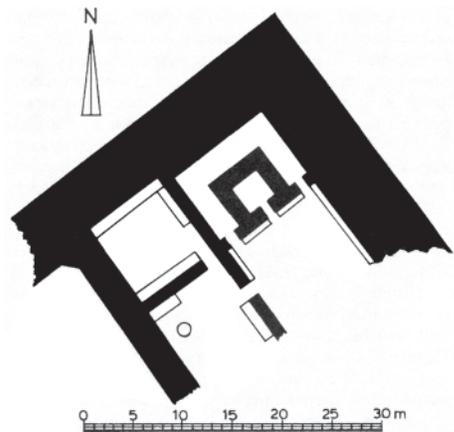

Рис. 133. Городище Красная речка. Второй буддийский храм. План.

224 Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. С.16, рис.7. С.22-23.

Монастырь Ключевского городища был обнесен крепостной стеной и ориентирован по сторонам света. Наружный размер его в плане 67×68 м. В завалах вскрытых помещений найдено множество фрагментов глиняной скульптуры (среди них изображение докшита Ваджрапани) и стенных росписей, идентичных по характеру и технике исполнения находкам из краснореченских храмов и имеющих аналогии в буддийской иконографии Восточного Туркестана (Кучара) и Средней Азии.

Буддийский монастырь Новопокровское-II расположен в 1,5 км южнее цитадели и шахристана городища Новопокровское. Остатки сооружения представляли собой квадратный в плане холм (120×120 м по основанию) с крутыми склонами. Внешние стены, ориентированные по сторонам света, усилены башнями по углам и по центру северного и южного фасадов. Вход в комплекс находился в восточной стене, возле западной стены стоял храм.

В середине 60-х годов при строительных работах на холме краеведами собрано более двух десятков бронзовых статуэток индийского импорта VII-VIII вв. Среди находок голова Будды из ганча, бронзовая многофигурная композиция Будды на троне в окружении бодисатв, часть миниатюрного горельефа (5,3×6 см) на камне в ранних традициях гандхарской школы ваяния. Сохранившаяся часть изделия представляет сцену «Будда в миру» или «Будда поучающий».

Монастырь IX-X вв. на городище Ак-Бешим – наиболее поздний, судя по датировке А.Н.Бернштама, частично вскрыт в 1940 г.²²⁵ Он был построен на укрепленной площади, примыкающей к шахристану города с восточной стороны. Холм, скрывающий остатки четырехугольной постройки, занимал площадь 71×110 м. Общий план монастыря остался не выясненным. Установлено только, что в северо-западном углу размещались жилые и хозяйственные помещения; южная часть комплекса была занята двориком, из которого можно было попасть в часовню (святилище) с обводным коридором. В завалах поднято большое количество архитектурных деталей из глины, камня (гранит и песчаник) и алебаstra, в том числе и основания под скульптуру. Комнаты отапливались с помощью канов (жаропроводящих каналов), стены перекрывались скатными крышами с черепичной кровлей. На одной из черепиц обнаружена санскритская надпись, на другой – уйгурская. Каны и черепица китайского происхождения, а весь вещественный материал свидетельствует «о скрещивании китайской и средневековой культур».

Таким образом, изучение раннесредневековых буддийских памятников Чуйской долины отчетливо показывает культурные связи буддийских общин Жетысу – от Китая и Восточного Туркестана до Северной Индии и Тохаристана. Широкий диапазон аналогий объясняется включением части Жетысу (Чуйская долина) в среднеазиатско-восточнотуркестанский регион, формирование которого было результатом функционирования Великого Шелкового пути.

225 Находки предметов китайского происхождения и кровельной черепицы привели А.Н.Бернштама к выводу о наличии в городе «киданьского квартала» и «киданьской» («каракаитайской») культуры и породили неверную датировку памятника XII в. (впоследствии он датировал его IX-X вв.): *Бернштам А.Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня // По следам древних культур / От Волги до Тихого океана. Москва, 1965. С.295.*

Христианская церковь Ак-Бешима. Общая длина здания, вытянутого с запада на восток, 36 м, ширина – до 15 м. С западной стороны находился большой открытый прямоугольный двор размерами 12×27 м со стенами из пахсовых блоков. Очевидно, первоначально вдоль стен двора имелись навесы, создававшие тень. С восточной стороны ко двору примыкало центральное помещение церкви, в которую с запада, со двора, вел единственный вход. Центральное помещение имело пахсовые стены и, по-видимому, было перекрыто ложным сводом из перемежающихся слоев пахсы и сырцового кирпича. Осыпавшиеся мелкие куски алебастровой штукатурки хранили следы ярких красок от фресок, некогда, украшавших стены. Центральное помещение церкви (его размер 5,3×4,8 м) имело крестовый план (так называемый вариант с «обнаженным крестом»), находящий себе аналогии в планах крестовокупольных церквей VII-VIII вв. Малой Азии и Армении, восходящих к планам сирийских церквей еще IV-VI вв.²²⁶

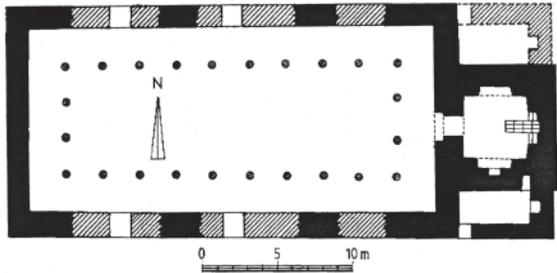

Рис. 134. Городище Ак-Бешим.
Христианская церковь. План

С южной стороны центрального помещения церкви находилось второе, обособленное прямоугольное помещение размером 4,5×2,25 м, может быть батистерий, с особым входом с юга. В обоих помещениях церкви обнаружены разнообразные находки, в том числе тюркешские монеты.

Вокруг церкви, преимущественно под стенами, а также внутри двора обнаружены многочисленные христианские погребения, относящиеся к тому же времени. По устройству они разделяются на три типа: 1) яма, стенки которой обложены сырцовым кирпичом, а покрытие состоит из того же кирпича, составленного в виде двускатной крыши; 2) яма с подбоем с южной стороны; 3) небольшая яма с подбоем под стену церкви. Подбой располагался к востоку от входной ямы таким образом,

что покойного в склеп-подбой приходилось вдвигать ногами вперед, затем вход в подбой закладывался сырцовыми кирпичами. Во всех этих случаях скелеты лежали на спине в вытянутом положении, головой на запад, преимущественно без вещей. В нескольких случаях при погребенных обнаружены бронзовый нательный крест; нефритовые серьги в виде плоских ко-

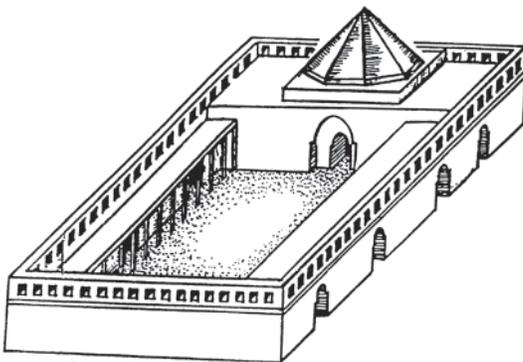

Рис. 135. Городище Красная речка.
Второй буддийский храм. План.

226 Брунов Н. Очерки по истории архитектуры. Москва-Ленинград, 1935. Т. II. С. 484-487.

лец, подвешенных к бронзовым проволочным колечкам; глазчатые стеклянные бусы, характерные для VII-VIII вв.

На кладбище оказались остатки поминок: носик от узкогорлого кувшинчика с ручкой, целый кувшин и два сосуда для питья с оббитыми горлышками. Все сосуды сделаны на круге. На ручке одной кружки с фигурным поддоном был сделан налеп: лицо бородатого и усатого мужчины в мягкой шапочке с ушами.

Вдоль северной стены церковного двора в верхнем слое открыто еще пять впускных поздних мусульманских погребений. Все скелеты здесь лежали головой на север.

Описанные в 1954 г. христианские памятники до сих пор являются древнейшими христианскими погребениями из числа известных на территории Средней Азии²²⁷.

Борижарский могильник – наиболее крупный некрополь Южного Казахстана. Все это огромное могильное поле примерно из 2400 «курганов» может быть разделено на несколько разновременных групп. Два основных вида погребальных сооружений выявлены в ходе археологических исследований – это подкурганые катакомбы и наземные склепы, превратившиеся в курганы. Катакомбы локализуются на верхней террасе и в самом начале ее склона. Склепы же расположены ниже по склонам. Территория, на которой фиксируются склепы, обращена в сторону городища Жуантобе, холм которого возвышается на площадке нижней террасы р. Арысь. На этом участке склона холмы с наземными склепами и холмы земляных курганов так плотно подходят друг к другу, что до раскопок разграничить их можно лишь условно. Но очевидно, что склон с холмами простирается вверх и вниз от городища (по течению реки) не более чем на 500-600 м. Эту часть могильника предложено именовать городским некрополем Жуантобе.

Всего за годы исследований вскрыто около 100 курганов со склепами. Все склепы однообразные, отличаются размерами, наличием суф и полом погребальной площадки. Она может быть земляной с обмазкой, может иметь вымостку из крупной гальки, либо вымощенной черепками хумов²²⁸.

По предварительным подсчетам некрополь состоит примерно из 800 курганов, под которыми могут находиться руины наземных склепов²²⁹.

Охарактеризуем нескольких наземных погребальных конструкций со склепами.

Склеп №1 был расчищен под курганом диаметром основания 20 м и высотой 2,8 м. Северный склон, обращенный к реке, более крутой. В плане склеп имеет вид овала, вытянутого с северо-запада на юго-восток с выделенной прямой юго-западной стеной, в которой устроены лазы в две погребальные камеры. Длина склепа по основанию 15 м, ширина 12 м. Сохранившаяся высота стен от уровня пола погребальных камер 1,2 м, а снаружи северо-западной стороны – 1,8 м.

227 Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. С.322-329.

228 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. Алматы, 2005. С.97-129.

229 Байпаков К.М., Воякин Д.А., Антонов М.А., Акылбек С.Ш., Сорокин Д.В. Создание геoinформационной системы Борижарского могильника. Известия НАН РК. Алматы, 2008. № 1. С.246-247.

Под склепами была устроена пахсовая платформа, на которую и были поставлены стены постройки. Ее поверхность внутри камер выложена крупной галькой, а сверху еще залита слоем глины толщиной в 5-7 см.

Камера 1 (северо-западная) имеет размеры 2,3×2,8 м. В нее ведет арочный проход шириной 0,4 м, высотой 0,9 м, длиной 1,5 м. Ровный пол покрыт глиняной заливкой поверх галечной вымостки. Вход в камеру заложен сырцовым кирпичом 50×25×10 см, положенным на ребро. При расчистке камеры встречались обломки сырцовых кирпичей и куски пахсы.

В северо-западном углу на глубине 1,05 м от уровня современной дневной поверхности расчищен венчик горловины кувшина (высота кувшина 46 см). На этом уровне стали встречаться разрозненные кости человеческого скелета (фаланги пальцев, обломки бедренных костей, зубы, часть нижней челюсти). В припольном слое на глубине 1,1-1,25 м встречены разрозненные и разбросанные кости скелета. У северо-западной стены расчищен череп, накрытый фрагментом боковины крупного кувшина. Рядом находились другие обломки этого кувшина.

На полу склепа, примерно в средней части, находились тазовые кости и кости ног другого скелета. Остальные кости разбросаны по полу камеры. На этом же уровне зафиксированы кости еще одного скелета: нижняя челюсть без черепа, ребра, плечевые и бедренные кости. Отсутствуют кости позвоночника, тазовые, череп, часть костей конечностей.

Таким образом, в камере I зафиксировано два уровня пола, на которых совершались погребения. Первоначальный пол на глубине 2,2 м выстлан крупной речной галькой и залит глиной. С этим полом связаны разрозненные кости двух скелетов без черепов. Здесь найдены два железных ножа, две крупные поясные пряжки, наконечники стрел. Выше этого пола на 20 см находился уровень второго пола, на котором зафиксирован неполный скелет с черепом и два керамических сосуда.

Камера 2 размером 2,1×2,7 м имеет проход в камеру такой же как и в камеру 1, но он не был заложен сырцовым кирпичом.

На глубине 1,1 м расчищен скелет без черепа, лежащий наклонно, так что кости ног находились на глубине 1,55 м. Скелет в анатомическом порядке, но отсутствуют череп, правая нога, кости левой ноги ниже колена, фаланги пальцев разбросаны. В области шейных позвонков собраны разнообразные бусины от ожерелья: сердоликовые, одна с белым орнаментом, пастовые и бронзовая серьга в виде колечка. Это явно позднее впускное погребение, совершенное в то время, когда склеп стоял в полуразрушенном состоянии.

Первоначальный пол камеры 2 располагался на глубине 2,2 м. После снятия «впускного» погребения с уровня 1,75 м начали попадаться разрозненные кости скелетов, венчики кувшинов, стоявших на основном полу. В этом напольном слое толщиной около 0,35-0,4 м расчищены остатки не менее 7 скелетов. Обнаружено 7 черепов и длинные кости конечностей, сложенные в кучки в северо-восточном и юго-западном углах. Среди них найдено 6 керамических сосудов (3 кувшина, 3 кружки), обломок бронзового зеркала, 8 наконечников стрел (железные трехлопастные черешковые); железные пряжки и ножи;

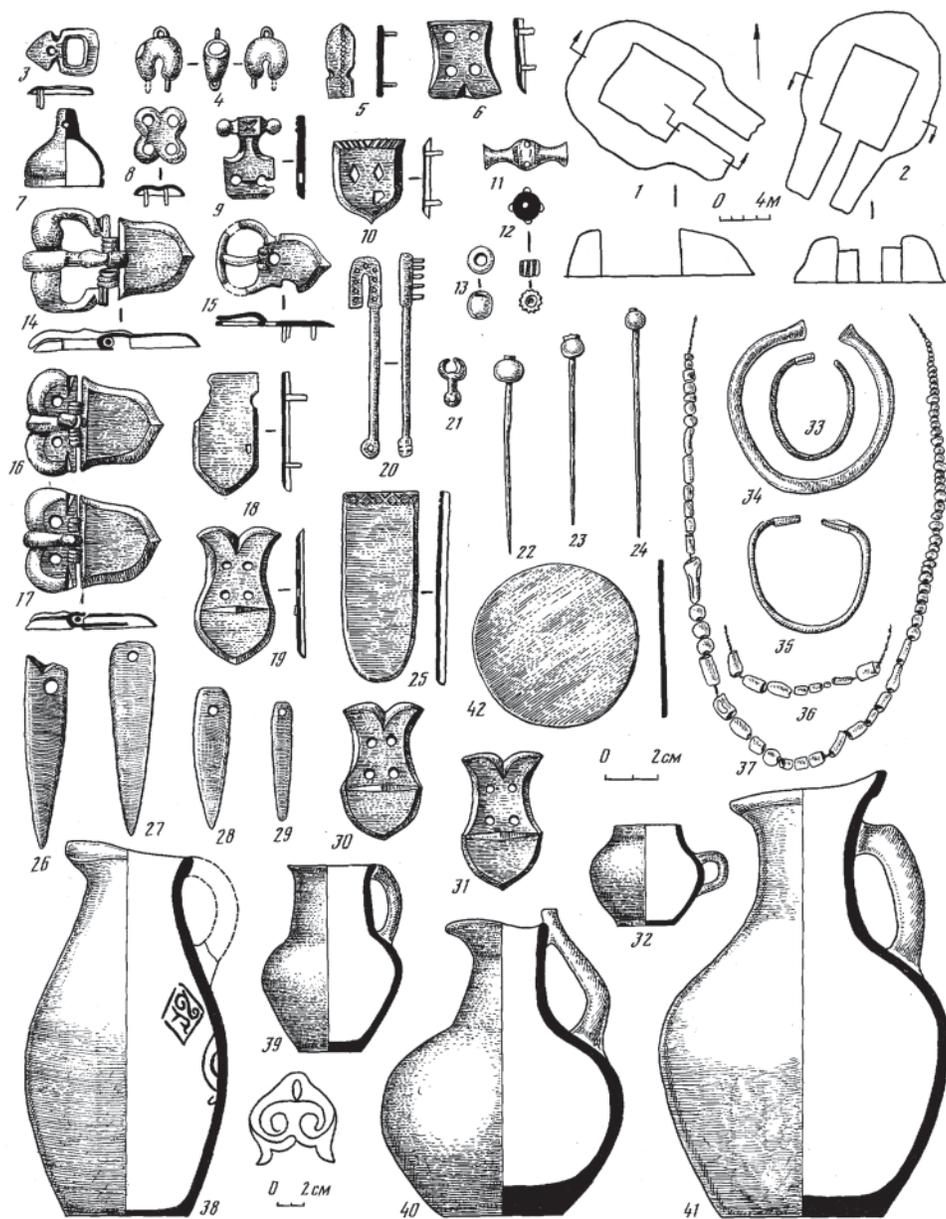

Рис. 136. Боржарский некрополь. Находки из склепов

2 бронзовые пряжки (возможно, обувные); бронзовая шпилька; 2 палочки сурьматаша; 2 янтарные, 4 хрустальные бусины; 3 каменных пряслица; железные наременные накладки; бронзовая сережка с шариком-подвеской; золотой кулон с гранатовой вставкой и зернью.

Склеп 2 расположен к юго-востоку от склепа 1. До раскопок имел вид оплывшего круглого в плане холма диаметром 8-9 м, высотой около 1 м.

Погребальное сооружение расположено в центре холма. Склеп размером по наружному контуру 3×3 м, погребальная камера – 2×2 м. Сохранившаяся

высота стен 0,7-0,75 м. Наружная поверхность стены имеет некоторый уклон. Вход в камеру был, вероятно, устроен в центре юго-восточной стены.

При расчистке камеры на глубине 0,2 м от уровня современной дневной поверхности найдена бронзовая пряжка. На глубине 0,3 м найден фрагмент бронзового зеркала. При расчистке заполнения камеры зафиксированы обломки сырцового кирпича.

Остальные находки найдены на уровне пола погребальной камеры. Здесь расчищены два черепа и полные два скелета. Все кости лежали кучей у северо-западной стены. Среди костей найдены: два наконечника стрел, обломки железного ножа, поясной набор из 6 бронзовых накладных наременных бляшек (две «псевдо-пряжки»), один подвесной ремешок бронзовой пряжки с прямоугольной рамкой²³⁰.

Е.А.Смагулов предположил, что склепы не служили местом захоронений, а были местом «выставления трупов», где они скелетизировались. Склепы выполняли роль «дахм», хорошо известных в зороастрийском обряде захоронения как некий промежуточный этап. Затем кости скелетов помещали в оссуарии или хумы.

Рассуждения автора на тему названия такого погребального обряда рассматривается в диапазоне нескольких названий: зороастрийский, маздеистский, авестийский. Но в целом, обряд захоронения в склепах и далее в Борижарском могильнике, по мнению Е.А.Смагулова, отражает развитие местных каунчиноидных культур долины Сырдарьи²³¹.

Могильник у с. Шага в Туркестанском оазисе находится на возвышенностях, тянущихся вдоль отрогов южных склонов хребта Каратау, прорезанных саями. Курганный могильник насчитывает 213 земляных насыпей. В 1970 и 1972 гг. раскопки здесь проводила археолог А.Г.Максимова.

Курган №6 – один из раскопанных, его диаметр 30,9 м и высота 2,2 м. Под насыпью в центре кургана находилось погребальное сооружение: склеп размером 5×5,2 м из сырцового кирпича с погребальным помещением внутри размером 2,8×2,2 м и входным коридором. Стены сооружения сохранились на высоту 2,2 м. Оно ориентировано углами по сторонам света (с небольшим отклонением северного угла к востоку). В помещение ведет узкий арочный входной коридор (длина 3,3 м, ширина 0,9 м, высота 1,15 м), расположенный по центру юго-восточной стены, оформленной порталом, выступающим за линию стены на 1,85 м. Сооружение возведено на специальной пахсовой площадке толщиной 0,5 м, которая является полом погребальной камеры.

Стены склепа выложены из кирпича размером 50×20-25×9-10 см, положенного ложком «вперевязку» на глиняном растворе. В одном и том же ряду встречаются кирпичи, лежащие наружу как длинной, так и короткой стороной.

Арка входа образована путем радиально положенных на ребро под углом кирпичей (40×80×10 см), в центре ее трапециевидной формы кирпич служит центральным распором.

230 *Ержигитова А.А.* Исследование могильника Борижары.// Отчет об археологических исследованиях по государственной программе «Культурное наследие в 2004 г.» Алматы, 2005. С.183-187.

231 *Смагулов Е.А.* Наземные склепы Борижарского могильника.// Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып.3. С.120.

Помещение, скорее всего, имело перекрытие в виде коробового свода. Вдоль северной и восточной стен устроена «Г»-образная суфа высотой 15 см, шириной 75 см из кирпича, положенного в два ряда. Один кирпич по длине лежал вдоль стены, другой – перпендикулярно к ней.

Стены, свод, пол входного коридора, а также стены, пол и суфы внутри помещения оштукатурены и побелены известью или мелом.

При расчистке коридора встречались разрозненные кости скелета человека: ребра, позвонки, бедренная кость. Между кирпичами найден обломок железного ножичка, за кирпичами – нефритовая пряжка.

В северном углу помещения на суфе оказались кости, вероятно, трех человеческих скелетов, сложенные в кучку: тазовые, кости рук и ног, три черепа, ребра, позвонки, крестцовые кости. Поверх костей прослежен слой золы и угольков. Некоторые кости носили следы обжига.

В южном углу помещения в припольном слое найдены четырехперый черешковый железный наконечник стрелы и обломки железных предметов. При расчистке собраны обломки боковин кухонных и столовых глиняных сосудов. Кухонная посуда ручной лепки, серовато-темного обжига, с примесью в глине шамота, столовая же сделана на гончарном круге. Черепок у нее плотный, поверхность желтовато-коричневая со следами раскраски. Интерес представляет согдийская монета с квадратным отверстием, найденная у северо-западной стены погребального сооружения, и бочонковидная бусина из полосчатого агата, обнаруженная у юго-западной стены сооружения. Здесь же встречены обломки сырцового кирпича и кости человека (ребра, позвонки).

Исследователь некрополя А.Г.Максимова пришла к выводу, что по архитектуре и планировке описанные погребальные сооружения имеют много общего с пенджикентскими, пскентскими, тьябугузскими наусами, погребальными постройками Борижарского могильника и могут быть датированы концом VII – первой половиной VIII в.²³²

Что касается погребального обряда, то исследованные гробницы более всего напоминают погребальные постройки Борижарского могильника.

Найденные миска с перегибом в средней части стенок, кружечка с подковообразным налепом на круглом тулове, покрытая красноватым ангобом и лощением, кувшинчики с петлеобразной вертикальной ручкой, верхний конец которой прикреплен к венчику, а нижний – к плечу, сурматаш, раковина каури находят близкие аналогии в тьябугузских наусах VII – первой половины

232 Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Отчет о работах Южно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 года.// ТИИАЭ АН КазССР. Археология. Алма-Ата, 1956. Т.1. С.53, 55; Нурмухамбетов Б. Некоторые итоги раскопок Борижарского могильника.// По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970, С.108-120; Нурмухамбетов Б. Новые данные по археологии тюркского времени Южного Казахстана.// Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С.162-176; Агзамходжаев Т. Тьябугузские наусы.// ИМКУ. Ташкент, 1962. Вып.3.С.71-79; Агзамходжаев Т. Археологическая разведка в селении Пангаз.// ИМКУ. Ташкент, 1965. Вып.6. С.159-160; Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пянджикентский некрополь.// МИА. 1953. № 37. С.65-95; Гудкова А.В. Некрополь городища Токкала.// СЭ. 1963. № 6. С.57-62; Гудкова А.В. Новые материалы по погребальному обряду VII-VIII вв. в Кердере (Северный Хорезм).// История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968. С.215-223; Буряков Ю.Ф. Пскентские наусы.// СА. 1968. № 3. С.131-135; Нильсен В.А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V-VIII вв.). Ташкент, 1966. С.87-103; Ягодин В.Н., Ходжайов Т. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970. С.24-115.

VIII в. Железный трехлопастный наконечник стрелы, железная наременная бляшка близки найденным в некрополе Миздахкана конца VII – первой половины VIII в. Наконеч, найденная согдийская монета конца VII – первой половины VIII в. помогает уточнить датировку. Принимая во внимание тождество погребальных сооружений с постройками Борижарского могильника, а также погребального инвентаря (глиняные сосуды, железные наконечники стрел), А.Г.Максимова относил некрополь Шага и Борижарский могильник к концу VII – первой половине VIII в. н.э.²³³.

Некрополь Сидак находится в 800 км к северо-западу от городища Сидак в Туркестанском оазисе и является его кладбищем.

Здесь исследовано шесть склепов, которые до начала раскопок имели вид курганов. Первоначально это были постройки из сырцового кирпича, квадратные в плане. Толщина стен их достигала 1,6-1,7 м. Размеры помещения внутри составляли у первого 2,5×2,6 м, второго – 1,5×1,6 м; третьего – 4,3×4,2 м; четвертого – 2,6×2,8 м; пятого 3,3×4,6 м и шестого – 2,5×3,75 м. Стены толщиной 1,6-1,7 м сложены из сырцового кирпича размером 44-46×26×10 см, сохранились на высоту до 1 м.

Тамбуровидные входы вели внутрь камеры, ширина прохода 0,7-0,8 м. В помещениях на полу расчищены коллективные погребения, а также керамические сосуды и их обломки, железные наконечники стрел, трехгранные в сечении, пряжки с подвижным язычком, однолезвийные ножи, серебряные украшения с гранатовыми вставками, бронзовое зеркало, костяные накладки лука. Датируются склепы V-VIII вв. н.э.²³⁴

Некрополи городища Красная речка. Это, прежде всего, оссуарные погребения при замках. Они могли располагаться рядом с домом, внутри укрепленного двора или в массивных платформах замка. Возможно, что в первом случае оссуарии составлялись в специальные закрытые помещения, стены которых были разобраны при сооружении более поздних сырцовых могил, найденных в верхних слоях²³⁵. Во втором случае для хранения оссуариев в пахсовом стилобате замка VI-VII вв., уже в процессе его эксплуатации была выдолблена камера размером 4×0,7-1,2 м и высотой 1,2 м²³⁶.

Краснореченский некрополь формировался компактными группами, представляющими в современном виде отдельные холмы. Исследовался холм, расположенный возле дороги, ведущей к западным воротам шахристана. Частично вскрывался соседний холм, поврежденный при выборке глины экскаватором, и два отдельных холма, расположенных к югу от некрополя на территории средневекового пригорода.

На первом холме в верхнем строительном горизонте были открыты наусы, датированные второй половиной VIII – серединой X в.²³⁷

233 Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага).// В глубь веков. Алма-Ата, 1974. С.96-118.

234 Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана. С.128-133.

235 Чуйская долина. С.15, 16, 30-32, 36.

236 Кызласов Л.Р. Остатки замка VI-VII вв. на городище Ак-Бешим.// СА. Москва, 1961. №3. С. 151-161

237 Горячева В.Д. Наусы некрополя Краснореченского городища.// Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С.85-95.

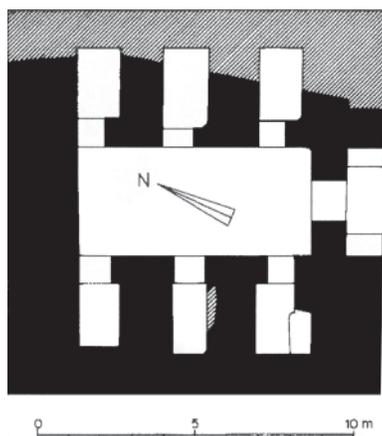

Рис. 137. Городище Красная речка.
Многокамерный наус.
По В.Горячевой

Эта группа примыкала к крепостной стене некрополя. Постройки размещались на утрамбованной площадке. Одно-, двухкамерные сооружения пристраивались друг к другу глухими стенами, при этом иногда в структуре новых склепов использовались уже существующие кладки. Внутри плотной застройки образовывались замкнутые пространства, попасть в которые при необходимости можно было только сверху. Входы устраивались в одном из четырех фасадов, в зависимости от удобства подхода к склепу.

Наусы – квадратные или прямоугольные в плане. Помещения площадью 1,5-4 кв. м, за редким исключением, не имели суфф. Стены покрывали сводчатые конструкции: купола на перспективно-арочных тропках и своды, выложенные напуском кирпича или «отрезками». Высота помещений в верхней точке кривой перекрытий достигала 1,7-2,0 м. Заполнение наусов различно: захоронение костей в оссуариях и хумах; захоронение костей; труположение.

На холме, расположенном рядом с этой группой наусов, были расчищены четыре разновременных погребальных сооружения: два науса, захоронение в грунтовой яме и погребение в сырцовой могиле. Наиболее ранним является погребение в подбое с дромосом, заложенным сверху двумя рядами сырцового кирпича. В подбое, заглубленном на 1,5 м, находилось труположение, погребенный лежал вытянуто на спине, головой ориентированный на север.

Первый наус стоит на лессовом грунте. Одна из стен его частично «нависает» над сырцовой закладкой дромоса раннего погребения, разделенная с ним толщей земли в 75 см. Размеры науса в плане: снаружи – 3,63×2,92 м, внутри – 2×1,3 м. Стены толщиной 0,8 м внутри на высоте 0,65 м переходят в свод. Снаружи сырцовая кладка стен на уровне 0,9 м от основания переходит в пахсовую обвязку высотой 0,35 м. Вход в склеп шириной 0,55 м, высотой 1 м находился в северной торцовой стене и был заложен кирпичом. Пол камеры грунтовой. Возле продольной восточной стены лежал скелет в положении на спине, ориентированный головой на север.

Второй наус был пристроен с востока к первому. В плане его размер по наружному обмеру 1,83×2,52 м. В небольшой камере (0,65×1,2 м) стоял один оссуарий. Стены науса из сырца сложены на пахсовой платформе, сооруженной на плотном подстилающем слое толщиной 10-15 см из смеси песка и зеленоватой глины. Пол вымощен в четыре слоя сырцовым кирпичом. Вход в камеру шириной 0,5 м находился с востока.

За пределами некрополя выявлены два многокамерных науса, относящихся к VIII – середине X в. Один из наусов, расположенный в 700 м к югу от шахристана, стоял в углу огражденного участка размером 50×43 м. Сооружение возведено на естественном возвышении и ориентировано углами по странам

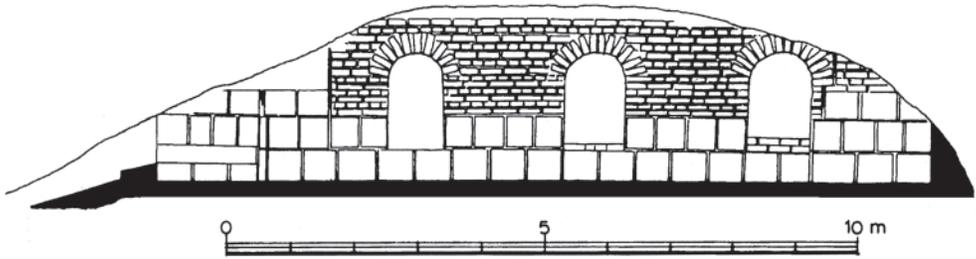

Рис. 138. Городище Красная речка. Многокамерный наус.
Продольный разрез. По В.Горячевой

света²³⁸. Оно квадратное размером 12,3×12,3 м. Вход в центре юго-западной стены вписан в нишу пролетом 3,3 м. Глубина ниши – 1,5 м. Перед входом – пандусный подъем и суфы, пристроенные к боковым стенам ниши.

По центральной оси науса находится коридор длиной 7,4 м и шириной 3,5 м. По обеим сторонам – по три склепа размерами: в продольном направлении 1,85-2,1 м, в поперечном – 0,9-1,4 м. Высота камер – 2,1 м. Низкие входы в камеры 0,8-0,85 м перекрыты арками пологого очертания, выложенными радиальной кладкой из сырцового кирпича. В глубине коридора находилась яма глубиной 2 м, заполненная чередующимися слоями рыхлой глины с примесью песка и перегноя, золы с прослойками древесного угля и зольно-гумусных остатков с включением углей. Предполагается, что яма была местом для очищения костных остатков перед захоронением их в оссуариях²³⁹.

Подобный многокамерный наус был обнаружен в том же районе средневекового пригорода. Холм высотой 2,5 м, вытянутый в направлении запад-восток на 80 м, был подрезан с восточного края бульдозером, что обнажило три камеры. Размеры камер – 4×2,6 м. На высоте 1,3 м от уровня пола начинался свод «отрезками». В камерах насчитывалось пять уровней погребений костных остатков без урн, причем, три последних располагались на кирпичном завале рухнувшего перекрытия.

Наиболее ранними аналогиями наземным погребальным постройкам Краснореченского некрополя являются наусы кушанского времени Северной Бактрии на городищах: Тепаи-шах – однокамерный и четырехкамерный²⁴⁰ и Дальверзинтепе – восьмикламерный²⁴¹. Они близко соответствуют Краснореченским по планировке, строительной технике и обычаю закладывать кирпичом входы в камеры после их заполнения. Различие – в отсутствии суф в Краснореченских однокамерных костехранилищах. Этим же отличаются они от идентичных по архитектурно-конструктивному исполнению наусов Согда, Тохаристана, изученных на городищах Пенджикент, Пайкенд и Кафыр-кала²⁴².

238 *Горячева В.Д.* Наусы некрополя Краснореченского городища. С.92-94.

239 *Горячева В.Д.* Наусы некрополя Краснореченского городища С.104..

240 *Литвинский Б.А.* Из области идеологии Кушанской Бактрии.// Зороастрийские наусы на берегах Окса-Амударьи. // Acta antiquae archaeologicae Hungaricae. Budapest, 1977. T.25. tasc ¼. P.197-209.

241 *Ртвеладзе Э.В.* Дальверзинский наус.// Дальверзин-Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С.97-114

242 *Нильсен В.А.* Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Ташкент, 1966. С.98-101.

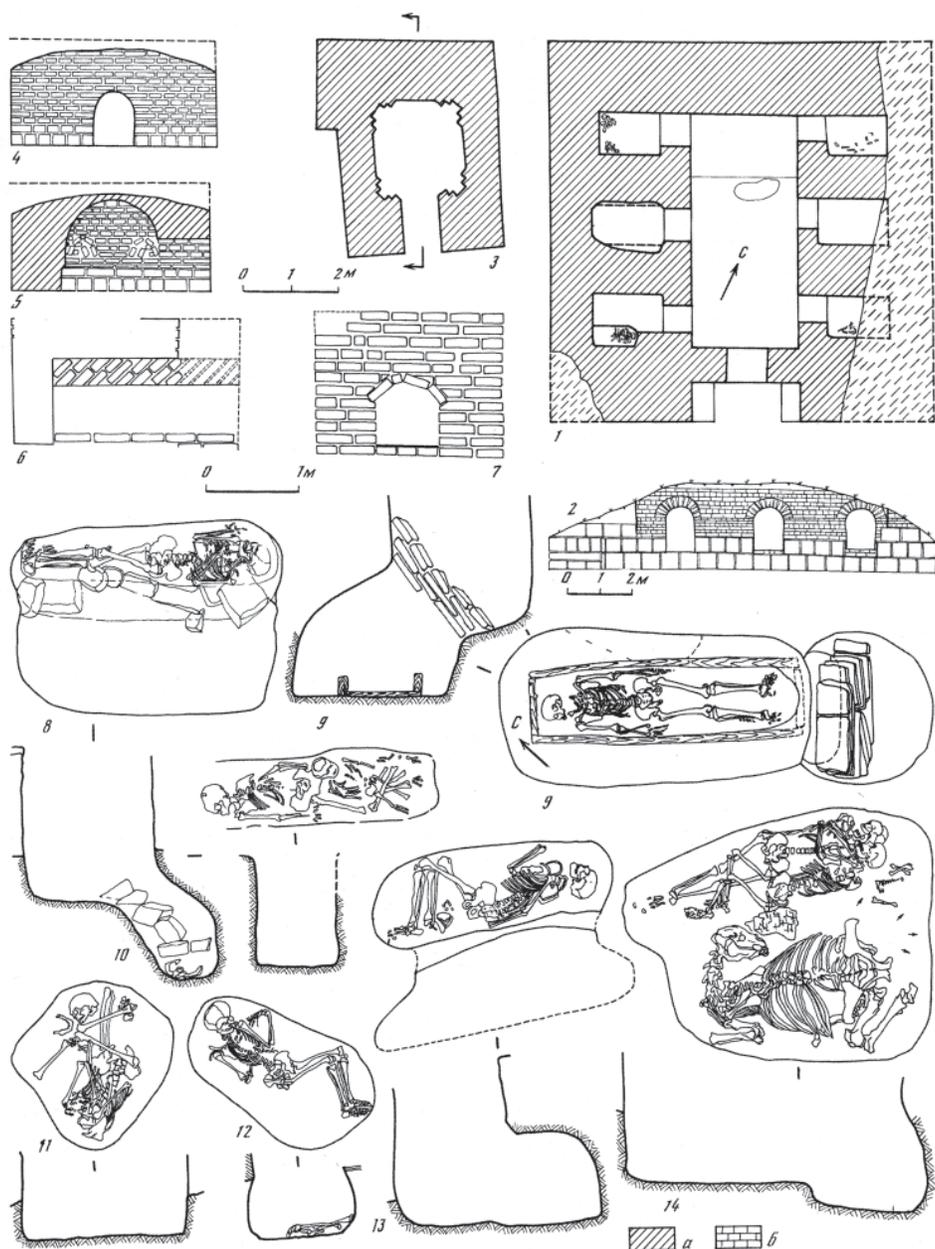

Рис. 139. Городище Красная речка. Погребальные сооружения

Некрополи Ак-Бешима. На городище Ак-Бешим, вскрыт погребальный комплекс за пределами шахристана, оказавшийся оссуарным кладбищем с захоронением костей в хумах, сосудах и в ямках, на открытых площадках и в сырцовых камерах-склепах с погребениями по обряду труположения. Оссуарные захоронения обнаружены в платформе разрушенного замка на Ак-Бешиме²⁴³.

243 Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг.// ТКАЭЭ. 1959. Т.2. С.230-231.

Некрополь Тараза на возвышенности Тектурмас является одним из кладбищ средневекового города.

Раскопки, проведенные в 1941, 1944 гг. экспедицией Джамбулского археологического пункта, выявили, что на склонах горы в каменном грунте выдалбливались могильные ямы, овальные или прямоугольные в плане, глубиной 0,25-0,45 м, длиной 0,6-2,5 м и шириной 0,3-0,6 м. Сверху могилы перекрывались плитками известняка или плоскими кусками песчаника. Покойники были положены в могилы головой на запад, юго-запад и северо-запад на спине с вытянутыми ногами. Руки находились на груди, либо в области таза. В пяти могилах погребенные были положены в гробы, доски которых были скреплены железными гвоздями и скобами. В трех случаях могилы сверху были закрыты деревянными досками. Сопровождающий инвентарь отсутствовал, найдены фрагменты истлевшей ткани и кожи.

На этом же кладбище были найдены захоронения в хумах с дырками у дна и в оссуариях, причем последние находились по несколько штук сразу в каменных нишах. Обнаружены захоронения кучек костей.

Здесь же были обнаружены мусульманские захоронения, для которых была характерна северо-западная ориентировка.

Г.И.Пацевич, руководивший раскопками, датировал некрополь на Тектурмасе VI-XII вв. Он отнес захоронения в оссуариях и хумах к зороастрийцам, а погребения в могилах считал либо христианскими, либо буддийскими²⁴⁴.

Захоронения в хумах и оссуариях были обнаружены также на территории мучного базара в г. Джамбуле, а также недалеко от мучного базара при строительстве был случайно найден хум, перекрытый каменной плитой с находившимися в нем человеческими костями²⁴⁵.

Некрополь города Джамукат. Раскопки позволили выяснить, что захоронения здесь совершались по разным обрядам. Основную часть захоронений составляли коллективные погребения в наусах – специальных прямоугольных и квадратных постройках. Стены построек толщиной 1-1,2 м, сложены из сырцового кирпича размером 42-44×20×8-9 см. Размеры наусов различные: квадратные 3,3×3,4 м, 3,9×3,8 м, 3,5×3,5 м; прямоугольные 2,7×4 м, 2,5×3,7 м. Всего открыто 25 наусов. Каждый из них являлся коллективной усыпальницей, в которой похоронено от 3 до 14 человек. При каждом новом погребении кости или полуразложившиеся трупы предшествующих покойников сдвигались в сторону и поэтому положение расчищенных костей скелетов перемешанное. Кроме того, если учесть, что некоторые наусы неоднократно грабились, то зачастую положение костей и черепов в них тоже нарушено. В тех же наусах, которые не разграблены, скелеты лежат в анатомическом порядке, иногда в два и три слоя.

Строгой ориентировки у погребенных не было, обычно головами покойники клались к выходу в наус, а сами наусы строились по периметру площадки. На образовавшийся дворик и были ориентированы головами покойники. Как правило, они положены на спину, с вытянутыми ногами и вытянутыми вдоль

244 *Пацевич Г.И.* Древний гуристан Тараза на горе Тектурмас.// Труды Семиреченской археологической экспедиции (1936-1938 гг.).// Таласская долина. Рукопись. Алма-Ата, 1949. С.140-146.

245 *Пацевич Г.И.* Древний гуристан Тараза на горе Тектурмас. С.141.

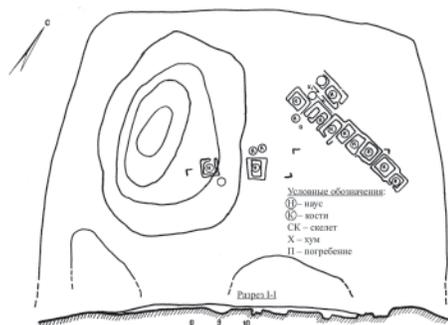

Рис. 140. Городище Костобе. Некрополь.
План

туловища руками. Полы наусов выложены в один ряд сырцовым кирпичом и покрыты обмазкой, либо полом служит только обмазка по материке.

Разрезы, проведенные на северном, восточном и западном склонах холма показали, что наусы расположены в один горизонт, но под некоторыми из них выявлены более ранние захоронения, совершенные по обряду трупоположения.

Наряду с погребениями в наусах обнаружены захоронения костей скелетов в

сосудах-хумах с отверстиями у дна. Все они, а их обнаружено 5, находились в северной части некрополя, в проходе, образованном между двумя рядами наусов. Хумы различного размера, высотой от 0,5 м до 1 м, сверху они перекрывались плоскими каменными плитами. На стенке одного из хумов прочерчен знак в виде буквы «X». В хумах находились неполные костяки людей – череп, длинные кости. В некоторых из хумов вместе с костями были положены личные украшения умерших – серьги, кольца.

Встречены захоронения на полах коридоров между наусами в вытянутом положении на спине с разведенными ногами («ноги ромбом»). У головы одного из покойников стояла глиняная кружка²⁴⁶.

Еще один тип захоронений представлен кучками костей в ямках; таких кучек, расположенных бессистемно, на всей территории некрополя – зафиксировано несколько.

Интерес представляют мусульманские захоронения, совершенные в ямках, обложенных по краю прямоугольной оградкой из сырцовых кирпичей и перекрытых сырцовыми же кирпичами. Погребенные в могилах лежат на спине, головой ориентированы на северо-запад, лицом на юго-запад. Все они без инвентаря. Два таких погребения перекрывают наусы сверху, три находятся в коридорах между наусами.

Следует более обстоятельно остановиться на характеристике находок из некрополя Костобе, в частности, изделий из металла, которые могут быть привлечены для определения его хронологии.

Среди них наибольший интерес представляет ручка от изделия (возможно, зеркала), найденная в наусе 3. Это предмет длиной 5 см, заканчивающийся коленопреклоненной женской фигуркой со скрещенными на груди руками. У женщины миндалевидные глаза, «горбатый» нос. На голове у нее маленькая шапочка, из-под которой на плечи и спину ниспадают распущенные волосы. На женщине длинное глухое платье. Прямые аналоги фигурки пока не найдены. Можно назвать лишь сходную по манере исполнения фигурку богини, венчающую костяную булавку из Зартепе, датированную IV – серединой V в.²⁴⁷

246 Байпаков К.М. Исследования некрополя Джамукат в Таласской долине. // Вестник КазГУ. Серия историческая. Алматы, 1999. №12. С.36-49.

247 Завьялов В.А. Раскоп 6 на городище Зартепе. АО 1984. Москва, 1986. С.459.

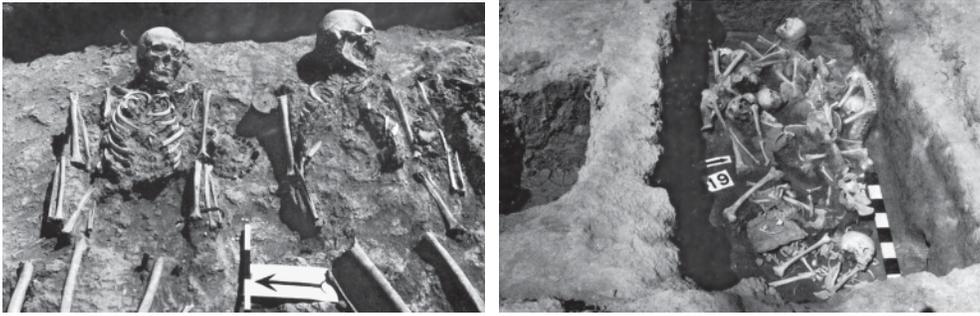

Рис. 141. Некрополи ородища Костобе. Погребения в наусах

Поза фигурки «со скрещенными на груди руками» характерна для образов, выполненных в коропластике Южного Казахстана и Жетысу. Это, например, терракотовые фигурки женского божества из Отрарского азиса, найденные в слоях VI – первой половины IX в.²⁴⁸, налепы на оссуариях из Тараза²⁴⁹, и изящно выполненные с детальной проработкой фигурки – налепы с краснореченского оссуария, датированного VII-VIII вв.²⁵⁰, а также налепы на сосуде из Александровского городища²⁵¹.

Интересна подвеска-медальон из золотистой бронзы с ажурным изображением двух стоящих птиц (петухов, павлинов или фениксов) у дерева. Сюжет с двумя птицами распространен в прикладном искусстве Евразии с древних времен до современности.

Медальоны, наиболее близкие костобинским, известны в материалах средневековых могильников, относимых к кимакам²⁵². В данной связи вызывает интерес сообщение Махмуда Кашгарского, который писал о городе Кенджак-Сенгире – «пограничной крепости кипчаков вблизи Тараза»²⁵³.

Как установлено, кимаки из Прииртышья стали продвигаться на запад уже во второй половине VIII в., а отделившиеся от них кипчаки в IX в. на юге граничили с печенегами, то есть расселились на широкой территории от Иртыша до Приаралья²⁵⁴. Видимо, какие-то группы их могли проникнуть в Жетысу, где в XI в. уже были кипчакские города, а в других городах проживало кипчакское население.

Поэтому вполне объяснимо появление на городском кладбище Джамуката кимакских и кипчакских украшений, также как и захоронения коней или частей конской туши.

Среди находок из металла были бронзовые и серебряные перстни и серьги.

Перстни имеют овальные и округлые шпеньки-выступы. Такие перстни были широко распространены в Средней Азии, в Пенджикенте²⁵⁵. Выступ, по

248 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья С.52. Рис.114.

249 Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. Табл. IV

250 Памятники культуры и искусства Киргизии. Каталог выставки. Фрунзе, 1983. №231. С.57-58.

251 Чуйская долина. Табл. X.

252 Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древне-тюркскую эпоху. Ленинград, 1984. С.114-118. Табл. VI. 2.

253 Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. С.84.

254 Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.53-58.

255 Распопова В.И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Ленинград, 1980. С.114-115. Рис.76.

мнению исследователей, служит для правильного наложения щитка при оттиске печати, когда на щитке есть врезные изображения²⁵⁶.

Серьги, сделанные из серебра, представляют собой незамкнутое кольцо, края которого заострены, а середина утолщена. Такие серьги известны по раскопкам в Пенджикенте²⁵⁷.

Более сложные серьги из бронзы имеют шиловидный отросток у конца для бусины, одеваемой на серьгу, крючка для подвижных подвесок. Такие серьги распространены достаточно широко в раннем средневековье. Большая коллекция их найдена при раскопках Пенджикента²⁵⁸. Проведена их классификация и установлено, что они связаны с последним периодом существования города в VIII в.²⁵⁹ Этим же временем, или VII-VIII вв. датируются такие же или похожие серьги из Жетысу, Ферганы и Хорезма²⁶⁰.

Таким образом, изделия из металла (железные пряжки, бронзовые перстни, серьги из серебра и бронзы), найденные в наусах, погребальных хумах некрополя Костобе, датируются VII-VIII вв. Время функционирования некрополя Костобе следует отнести к VII-VIII вв., а мусульманские захоронения, обнаруженные в верхнем горизонте, относятся к IX-X вв.

В числе уникальных находок серебряный носильный крестик и серебряная «уховертка» – ложечка длиной 6 см, увеличенная фигуркой буддийского монаха²⁶¹.

Такие «уховертки» появляются в Средней Азии в VII-VIII вв.²⁶²

Носильные кресты в Жетысу известны по находкам на городище Красная Речка, где был найден прекрасный нефритовый несторианский крест. Наличие христианских храмов, эпитафии, изображения крестов на посуде, кирпичах, а также согдийские надписи на керамике с христианскими именами и церковной титулатурой, подтверждают наличие среди жителей городов Жетысу христиан несторианского толка. Общины несторианцев существовали здесь до XIII – начала XIV в. до последнего периода жизни самих городов²⁶³. Были христиане, судя по находке серебряного носильного креста, и в Джамукате.

Исследование некрополя городище Костобе, отождествляемого с Джамукатом, показало, что в раннем средневековье в домусульманский период здесь также как и в других городах Юго-западного Жетысу проживало разноэтническое и разноконфессиональное население. Это были тюрки и согдийцы – адепты зороастризма, христианства, буддизма, манихейства.

Все эти группы населения участвовали в формировании своеобразной городской культуры Жетысуйских городов.

256 *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград, 1973. С.84. Рис.52.

257 *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Рис.51.

258 *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. С.85. Рис.52.

259 *Распопова В.И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. С.112-114.

260 *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим. С.216. Рис.45, 24; *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Москва, 1948. С.253. Рис.73.

261 *Байпаков К.М., Нуржанов А.* Ұлы Жібек жолы және ортағасырлық, Қазақстан. Алматы, 1992. С.121.

262 *Соловьев В.С.* Поселение Ширкент. АО 1984. Москва, 1986. С.484-485.

263 *Байпаков К.М.* Христианство в Казахстане в средние века.// Из истории древних культов Средней Азии, Христианство. Ташкент, 1995. С.96-100; *Горячева В.Д., Перегудова С.Я.* Памятники христианства на территории Кыргызстана.// Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995. С.84-95.

Западнотюркский и Тюргешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город

В начале VII в. (603 г.) Тюркский Каганат разделился на два государства – Восточнотюркский в Монголии и Западнотюркский, который включал в себя Жетысу, Южный Казахстан, Среднюю Азию Афганистан, Восточный Туркестан.

Ставка западных каганатов располагалась в Суябе, рядом находилась священная гора Цзедань, где назначались предводители тюрков²⁶⁴.

Преемником Западнотюркского каганата стал Тюргешский каганат, первым каганом которого стал Уч-элиг. Он учредил в Илийской и Чуйской долинах каганские ставки. Одна из них находилась в местности Ярыш, локализуемого в горах Тянь-шаня²⁶⁵.

Тюргешский каганат принимал активное участие в антиарабской борьбе владетелей Согда. Арабы прозвали тюргешского кагана Сулука «Абу Музахим» – «ударяющий, бодающийся» и видели в нем главную угрозу своей власти в Средней Азии²⁶⁶.

Эпоха Западных тюрков и тюргешей – это время бурного развития оседлой и городской культуры в их домене – в Жетысу.

Это также время активного функционирования Великого Шелкового пути и тесного взаимодействия тюрков и согдийцев, которые сыграли важную роль в развитии городов и урбанизации. История изучения проблемы «согдийской колонизации» в России, СССР и СНГ насчитывает более 100 лет. Ею занимались В.В.Бартольд, А.Н.Бернштам, Л.Р.Кызласов, В.А.Лившиц, Ю.А.Зуев, П.Н.Кожемяко, Е.И.Агеева, Г.И.Пацевич, Т.Н.Сенигова, С.Г.Кляшторный, В.И.Горячева, Г.Л.Семенов. О согдийцах на трассе Великого Шелкового пути писали Э.Шаванн, П.Пельо, Э.Пулиблэнк, Э.Шефер, Лю-Мао-Цай, К.Ширатори.

И, тем не менее, ряд вопросов в решении проблемы еще остается не выясненным или недостаточно убедительно доказанным. Новые археологические, нумизматические и эпиграфические материалы, и прежде всего те, которые были получены в результате многолетних работ ЮККАЭ, дают возможность подтвердить, или отвергнуть, уточнить эти вопросы, поставить новые.

Западнотюркский и Тюргешский каганаты. В IV в. на Алтае складывается государственное образование, которое сыграло важную роль в истории Средней Азии – Тюркский каганат (551-744 гг.)

Тюркский каган Бумын сумел подчинить себе тюркские племена, жившие в Монголии и на Алтае, и создать сильное государство. При его приемнике кагане Мухане (553-572 гг.) его брат Истеми возглавил поход на запад: он достигает берегов Черного моря. Тюркские отряды выходят к городам Ирана. Империя древних тюрков охватила территории от Кореи до Причерноморья.

Но вскоре в каганате начинаются междоусобные войны, длившиеся более 20 лет, которые завершились в 603 г. распадом на два государства. Восточный каганат располагался в Монголии. Западнотюркский каганат включил в себя

264 История Казахстана. Алматы, 1996. Т.1. С.300-304.

265 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-шане.// История Центральной Азии и памятник рунического письма. Санкт-Петербург, 2003. С.294-300.

266 История Казахстана. Алматы, 1996. Т.1. С.339.

Рис. 142. Древние тюрки.

Росписи, резьба по кости, каменные изваяния

земли Жетысу, юга Казахстана, Средней Азии и части Восточного Туркестана. Расцвет Западнотюркского государства при каганах Шегуе (правил в 611-618 гг.) и Тон-ябгу (правил в 618-630 гг.) стал временем максимальной территориальной экспансии нового государства. Шегуй сделал Алтай восточной границей каганата и распространил свою власть на весь бассейн Тарима и восточное Припамирье. Тон-ябгу возродил активную прозападную политику каганата и перенес зимнюю резиденцию в Суяб – крупный город в долине р. Чу (ныне городище Ак-бешим близ г. Токмак)²⁶⁷.

У Сюань-Цзяня, совершавшего паломничества к святым

буддийским местам в Индию, дано удивительное по своей яркости и информативности описание встречи с каганом Западных тюрков и об его ставке. «Выйдя из Ледовых гор, они прибыли к Прозрачному (или: Голубому) озеру. (Прозрачное озеро называют еще Горячим). Видя, что в противоположность ледовым горам оно не замерзает, дали ему такое название, но вода его необязательно тепла). ...Обогнув озеро в северо-западном направлении, через 500 ли прибыли к городу Су-е и [внезапно] встретились с туцзюэским (тюркским) Еху-кэханем, отправлявшимся на охоту.

Лошади этих иноземцев были прекрасны. Кэхань (каган) был одет в халат из зеленого шелка; его голова обнажена и обмотана лишь шелковой повязкой, длиной более одного чжана, с отвисяющими назад концами. Его сопровождали более двухсот даганей, одетых в халаты из парчи, с заплетенными в косы волосами. Остальные воины, облаченные в одежды, подбитые мехом и в мягкие головные уборы, несли бердыши, знамена и луки. Едущих на верблюдах и лошадях было столько, что невозможно охватить взглядом. А когда они встретились, каган необычайно обрадовался и сказал: «На некоторое время я отправляюсь в одно место и вернусь дня через два-три; наставник, располагайтесь пока в моей ставке!». Он приказал Дамочжи-даганю препроводить его в свою ставку и разместить там со всеми удобствами.

По истечении трех дней каган вернулся и пригласил наставника зайти в его юрту. А каган живет в юрте, украшенной золотыми цветами, от блеска которых

267 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Соч. Москва, 1963. Т.II. Ч.1. С.31-34. Семенов Г. Суяб Ак-бешим. Санкт-Петербург, 2002.

рябит в глазах. Все даганы (тарканы), одетые в яркие шелковые халаты, сидели впереди него по обеим сторонам длинного дастархана. Телохранители кагана стояли сзади него на карауле. И хотя это был повелитель кочевой орды, он также внушал к себе уважение и добрые чувства.

Когда наставник веры подошел к юрте шагов на тридцать, из нее вышел каган и с поклоном приветствовал его. После обмена любезностями он ввел его внутрь и усадил.

Туцзюэ (тюрки) служат огню и не употребляют деревянных сидений. Они считают, что дерево содержит в себе огонь, поэтому почитают его, а в обиходе не используют. Для сиденья они расстилают на земле толстые циновки. Но для наставника веры они поставили железное плетеное кресло и, накрыв тюфяком, попросили сесть.

Вскоре после этого они попросили войти послов из Хань (Китая) и Гаочана, передавших государственные бумаги и послания. Каган сам пробежал их глазами и, очень обрадовавшись, велел послам сесть.

Каган приказал поставить вина и начать музыку. После этого каган, все его подчиненные и посланники стали пить вино, но для наставника веры было найдено нечто другое – виноградный сок. Затем все стали угощать друг друга, наполняя чаши и бокалы и взаимно обмениваясь ими. Все это время раздавалась иноземная музыка, сопровождаемая металлическим (?) перезвоном. И хотя это была музыка варваров, она тоже ласкала слух, радовала сердце и мысли.

Через непродолжительное время была принесена еда, состоящая из отваренной свежей баранины и телятины, и в изобилии поставлена перед гостями. Но для наставника веры была приготовлена и принесена легкая пища из рисовых хлебцев, творожных лепешек, дикого и сотового меда и винограда. А когда трапеза закончилась, снова принесли виноградный сок и лишь после этого попросили наставника рассказать о канонах веры.

Наставник веры для поучения их рассказал о десяти заповедях буддизма, о любви к сохранению жизни, а также о Парамите и о делах, ведущих к конечному освобождению от объектов омрачения и ослепления. Тогда каган, воздев руки и начав класть земные поклоны, с радостью принял его учение. Поэтому, задержав его еще на несколько дней, каган отговаривал наставника от поездки.

Перед отъездом каган велел узнать, кто в его армии владеет языком Хань (Китая) и других государств. Был найден один юноша, который на несколько лет приезжал в Чанъань и основательно владел языком Хань. Он был пожалован титулом Моду-дагань: заготовив послания во все страны, каган повелел Моду-даганю сопроводить наставника веры в Капису. Кроме того, он даровал наставнику целый набор одежд из малинового сатина и пятьдесят кусков шелка и со всей свитой провожал его более десяти ли».

По пути на запад Сюань-Цзяк более через 400 ли прибыл в местность Бин-ю, которую называли «Мын булак – Тысяча ключей». Эта местность простирается на несколько сот ли. Здесь множество озер и болот, обилие необычайных деревьев, а в лесах прохладно и влажно. Это и есть место, где каган укрывается от местной жары.

В другой версии путешествие Сюань-Цзянь уточняется: «Местность Цян-цюань (тысяча ключей) занимает площадь более 200 ли, с одной стороны Снежные горы, а с трех других ровная степь. Земля здесь влажная, леса густые, а разнообразные цветы в весенние месяцы подобно узорным шелкам. Здесь тысячи ключей и озер, поэтому и местность носит такое название. Туцзюеский каган ежегодно укрывается здесь от летней жары. Там масса оленей, многие из которых украшены бубенцами и ремешками. Они привыкли к людям и поэтому не слишком пугаются и не очень убегают. Туцзюеский каган любит их и запретил своим подданным убивать их; кто убьет, он будет казнен без пощады. Поэтому то олени стада сохраняются и живут до сих пор»²⁶⁸.

Есть разные точки зрения по локализации «Мин-Булака». Но, видимо, под этим названием надо понимать всю высокогорную зону Киргизского Алатау.

Источники также сообщают о священных горах, где, по мнению тюрков, было место пребывания их божества²⁶⁹. В Синь-Таншу написано, что после выхода из долины Горячее Озеро (Иссык-Куль) дорога достигает русла реки Суй-е (Суяб) через 80 ли приходят в город Пэйло-цзянцзюан, а дальше на запад через 20 ли приходят в город Суй-е (Суяб). На севере от реки Суй-е лежат горы Цзедань; здесь каган десяти родов всегда производит утверждения владетелей и старейшин»²⁷⁰.

Новые походы раздвинули границы каганата до верховьев Амударьи и хребтов Гиндукуша. Управление югом (Тохаристаном) Тон-ябгу передал своему сыну, Тарду-шаду, ставка которого находилась в Кундузе.

В союзе с Византией, Тон-ябгу принял участие в походе императора Ираклия в Закавказье (627-628 гг.). Тюрки захватили огромную добычу во взятых ими Чоре (Дербенте) и Тбилиси. Вершиной успехов Тон-ябгу кагана была его встреча с Ираклием под стенами Тбилиси, во время которой византийский император возложил на голову тюркского хана свою корону и пообещал выдать за него свою дочь, принцессу Евдокию.

В Средней Азии западные тюрки вскоре из сборщиков дани становятся активными участниками политической, экономической и культурной жизни Согда, Чача, Ферганы, Тохаристана и Хорезма²⁷¹.

Начинаются интенсивные экономические контакты тюрков и иранцев, центры тюркского этногенеза смещаются к западу в Казахстан и Среднюю Азию²⁷².

При Тон-ябгу был установлен политический контроль каганата в практически независимых прежде среднеазиатских государствах. Местным владетелям были «пожалованы» тюркские титулы, как бы включавшие их в «административную» иерархию каганата. Вместе с тем Тон-ябгу стремился укрепить с крупнейшими из них личные связи; так, он выдал свою дочь за наиболее сильного в Средней Азии владетеля – правителя Самарканда.

268 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. // ИАН КазССР. Серия истории археологии и этнографии. Алма-Ата, 1960. Вып.3(14). С.91-94.

269 Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Москва, 1963. Соч. Т.II. Ч.1. С.38.

270 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. С.94.

271 Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Москва, 1977. С.222-223.

272 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005. С.85-88.

Но уже в 630-634 гг. каганат утратил все свои среднеазиатские владения к западу от Сырдарьи. Государство вступило в полосу затяжного политического кризиса, главной причиной которого была борьба за власть между знатью двух конфедераций – дулу и нушиби.

В 634 с к власти пришел Ышбара Эльтериш Шир-каган, опиравшийся на нушиби. Он сделал попытку возродить действенность военно-административной системы. Новые реформы превратили племенных вождей (иркинов и чоров) в назначаемых или утверждаемых каганом «управляющих», зависимых лично от него. Кроме того, для осуществления действенного контроля в каждую область был направлен член каганского рода – шад, никак не связанный с племенной знатью и руководствовавшийся интересами центральной власти. Тем самым политическая инициатива местных вождей была резко ограничена, но уже в 638 г. племена дулу провозгласили каганом одного из посланных к ним хладов. После кровопролитной и тяжелой войны между дулу и нушиби каганат распался на два царства, граница между которыми проходила по р. Или.

Межплеменная война и династийная борьба, продолжавшиеся 17 лет (640-657 гг.), привели к вторжению в Жетысу китайских войск. Тюрки потерпели поражение, а их правитель, Ашина Хэлу (китайских источников), был захвачен в плен, где и умер через два года, в 659 г.

Непрекращавшаяся борьба тюрков за независимость в конце VII в. увенчалась успехом. Государство западных тюрков восстановил вождь племени тюргешей Уч-элиг, создавший новое государство – Тюргешский каганат. К этому времени в Центральной и Средней Азии сложилась новая политическая ситуация, определившаяся возрождением Восточнотюркского каганата и арабскими завоеваниями в Средней Азии²⁷³.

В Монголии в 679-689 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство. Первым каганом стал Кутлуг, принявший титул Эльтериш-каган. Его ближайшим помощником и советником был Тоньюкук. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей был Алтай. В 691 г. на престол сел Капаган-каган (691-716 гг.), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества государства. Капаган-каган совершил несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгромил киданей (696-697 гг.), подчинил Туву и разбил государство енисейских кыргызов (709-710 гг.) и фактически стал повелителем Центральной Азии.

В 699 г. Уч-элиг, вождь тюргешей, установил свою власть на всей территории от Чача (Ташкент) до Турфана и Бешбалыка.

В Чуйской и Илийской долинах Уч-Элигом были учреждены ставки, страна разделена на 20 областей (тутукств). Но уже при наследнике Уч-элига Сакале (по китайский Согэ) начались мятежи племенной аристократии, поддержанной Китаем.

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были сын Капагана, Инэль и Тоньюкук, поддержали восстание младшего брата Тюргеш-кагана и раз-

273 Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. С.97-98

было армию Сакала в Джунгарии. Оба брата были казнены и Тюргшский каганат перестал временно существовать. Остатки тюргешских войск, возглавляемые полководцем и членом каганского рода Сулуком Чабыш-чором, отступили за Сырдарью и ушли на юг. Преследуя их, в 712-713 гг. отряды восточнотюркского войска, которыми командовали Тоньюкук и сыновья Эльтериш-кагана, будущий Бильге-каган и Кюль-тегин оказались в Согде. Здесь они приняли участие в сражениях с арабами на стороне царя Согда Гурека, но были разбиты арабским полководцем Кутейбой б. Муслимом и в 714 г. возвратились в Отюкен.

Сулук же вернулся в Жетысу и, провозгласив себя тюргеш-каганом, восстановил Тюргешское государство. Ему пришлось вести борьбу на два фронта – на западе с арабами, совершившими походы за Сырдарью; на востоке с китайцами.

В 717 г. Сулук совершил успешную дипломатическую поездку в Чанъань, столицу Танской империи. Вслед за тем он заключил удачные брачные союзы: женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть; второй женой сделал дочь Бильге-кагана, сменившего Капагана на троне Восточнотюркского каганата; третьей женой Сулука стала дочь царя Тибета. Своего же сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука не имели успеха.

На западе он включился в антиарабскую борьбу государств Средней Азии. В 720-721 гг. полководец Сулука, Кули-чор (Курсуль арабских источников) успешно воевал с арабами, вторгшимися в Согд,

В 728-729 гг., во время крупнейшего антиарабского восстания населения Самарканда и Бухары, согдийцы обратились за помощью к кагану. Вторжение тюргешей привело на короткий срок к почти полному освобождению Согда от арабов, которые удерживали лишь Самарканд. В 731 или 732 гг. арабы были вновь разбиты тюргешами в горах между Кешем и Самаркандом, а затем под Кермине. Лишь в конце 732 г. Арабский – наместник Джунейд б. Абдаллах разбил тюргешей и вошел в Бухару.

Спустя пять лет после взятия Бухары, тюргешская армия вновь появилась в верховьях Амударьи, откликнувшись на призыв о помощи осажденного там арабами ябгу Тохаристана. В короткий срок тюргешаи вытеснили из Тохаристана армию арабского наместника Асада б. Абдаллаха, но вслед за тем рассеялись мелкими отрядами по стране. Каган с небольшими силами атаковал арабов, но потерпел сокрушительное поражение. По возвращении в Невакет (737 г.) Сулук был убит.

Новый арабский наместник в Хорасане, Наср б. Сейяр, в 739 г. вторгся в Жетысу, нанес тюргешам поражение и казнил захваченного в плен их вождя Кули-чора.

Арабы прозвали Сулука – «Абу Музахим» – «бодающийся» и видели в нем главную угрозу своей власти в Согде.

В годы правления омейядского халифа Хишама (724-743 гг.) была сделана попытка решить дело дипломатическими средствами, обратив тюргешского кагана в ислам. Точная дата и обстоятельства арабского посольства в тюргеш-

скую ставку неизвестны, но сохранился рассказ историка Ибн ал-Факиха (начало X в.), сокращенно изложенный в географическом труде Якута «Муджам ал-булдан»: «Посол рассказывает об этом: «Я получил аудиенцию (у кагана), когда тот своею рукой делал седло. Каган спросил толмача: кто это? Тот ответил: посол царя арабов. Каган спросил: мой подданный? Толмач ответил: да. Тогда он велел отвести меня в шатер, где было много мяса, но мало хлеба. Потом он велел позвать меня и спросил: что тебе нужно? Я ему стал льстить, говоря: мой господин видит, что ты находишься в заблуждении, и хочет дать тебе искренний совет – он желает тебе принять ислам. Каган спросил: а что такое ислам? Я рассказал ему о (религиозных) правилах, о том, что ислам запрещает и что поощряет, о религиозных обязанностях и о службе богу...».

Тогда каган велел мне подождать несколько дней. Однажды каган сел на коня, и его сопровождали 10 человек, каждый из которых держал знамя. Он велел мне ехать с ними. (Вскоре) мы достигли окруженного рощей холма. Как только взошло солнце, он приказал одному из десяти сопровождавших его людей развернуть свое знамя, и оно засверкало (в солнечных лучах)... И появились десять тысяч вооруженных всадников, которые кричали: чах! чах! И они выстроились под холмом. Их командир выехал перед царем. Один за другим все знаменосцы разворачивали (на холме) свои знамена, и каждый раз под холмом выстраивалось десять тысяч всадников. И когда были развернуты все десять знамен, под холмом стояли сто тысяч вооруженных с головы до ног всадников.

Тогда (каган) приказал толмачу: скажи этому послу и пусть он передаст своему господину – среди (моих воинов) нет ни банщика, ни сапожника, ни портного. Если же они примут Ислам и будут выполнять все его предписания, то что же они будут есть?»²⁷⁴.

Гибель Сулука положили начало двадцатилетней борьбе за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами и привели к распаду Тюргешского каганата. В годы правления его сына Тухварсена Кут-чор-кагана междоусобица среди тюргешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане для вмешательства в дела страны. Между тем, Второй Тюркский каганат после гибели Капаган-кагана (716 г.) и возникшего из-за восстания огузов кризиса власти был возрожден Бильге-каганом и его братом Кюль-тегином.

В 731 г. умер Кюль-тегин. Бильге ненадолго пережил брата, в 734 г. он был отравлен одним из своих приближенных. После его смерти начался упадок каганата и в 744 г. династия Ашина окончила свое существование.

Тюркские племена, сохранившие часть земель на западе «бывшей империи, на» Алтае и в Джунгарии, перестали играть решающую роль в Центральной Азии. Последнее сообщение о них в китайских источниках относится к 941 г.; в эти годы часть тюрков была в числе племен, создавших Караханидский каганат²⁷⁵.

274 *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С.106; *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане.// История Центральной Азии и памятники рунического письма. Санкт-Петербург, 2003. 294-300.

275 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. С.31-34; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. С.109-110; История Казахстана. Алматы, 1996. Т.1. С.296-305.

Тюрки и согдийцы в Центральной Азии и Китае. История согдийского проникновения в Центральную Азию и Китай показывает, что оно шло вдоль трасс торговых путей, связывавших Китай со странами Запада. Путь на запад вел от Чанани к переправе через Хуанхэ у Ланьчжоу, вдоль северных отрогов Наньшаня, через оазисы Ланьчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуачжоу, к западной окраине Великой стены – «Заставе Яшмовых ворот»²⁷⁶. В Гуачжоу единая артерия разветвлялась; окаймляя с севера и с юга пустыню Такла-Макан. Через тяжелые барханные пески пролетали три главные караванные тропы: северная – через Иву (Хами), Гаочан (Турфан), Бэйтин (Бешбалык), Шихо – долину р. Или, средняя – от Гаочана к Агни (Карашар), Аньси (Куча), Гумо (Аксу), откуда, через перевал Бедель, к южному берегу Иссык-Куля; южная – через Дуньхуан, Шаньшань, Юйтянь (Хотан), Согюй (Яркент) – в Алайскую долину и Тохаристан. Существовал и другой вариант двух последних путей – с выходом в Сулэ (Кашгар) и, далее, в Фергану²⁷⁷.

По мнению В.Хеннинга и Г.Халу на, путь в Китай проложили еще согдийцы в IV-III вв. до н. э., задолго до путешествия Чжан-цзя в Западный край (138-126 гг. до н. э.)²⁷⁸. На всем протяжении этого пути постепенно возникали согдийские колонии.

Согдийские колонии вне Согда называли – Сули, Сулик и Согдак²⁷⁹.

Согдаком назывался торговый порт и согдийская колония в Крыму²⁸⁰.

Согдак – так по мнению Ю.А.Зуева именовалась часть государства Абзойя (Яньцай) в Приаралье-Прикаспии²⁸¹.

Согдаком звали округ в Тохаристане²⁸². Согдийцы – так как назывались жители северной части провинции Шаньси в Китае, в начале VIII в²⁸³.

О размахе согдийской колонизации свидетельствуют факты, подтверждающие влияние согдийцев на архитектуру и строительство уйгуров и, видимо, об их участии в строительстве городов и крепостей в Туве²⁸⁴.

Согдийская торговля и земледельческая колония находилась в долине Ангары. При раскопках поселения согдийцев обнаружена печать с изображением Гопат-шаха. Отзвуки пребывания согдийцев в Сибири сохранились в эпосе, в образе богатыря Сартактая, «который своим кетменем совершает подвиги космического масштаба: прорубает в скалах гигантские канавы, ворочает целыми горами»²⁸⁵.

276 *Minorsky V. Hudud al-'Alem, The region of the world. A Persian geography. 372 A.N.972. A.D.London, 1937. P.85.*

277 *Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.98-99.*

278 *Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Семиречья.// КСИИМК Москва, 1940. Вып.6. С.37-38.*

279 *Юридические документы и письма. Согдийские документы горы Муг. Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. Москва, 1962. Вып.2. С.80-81.*

280 *Бартольд В.В. Сугдак. Соч. Москва, 1965. Т.III. С.489-490.*

281 *Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С.160.*

282 *Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. С.160.*

283 *Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. С.160.*

284 *История Сибири. Ленинград, 1968. С.288.*

285 *Окладников А.П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге).// Тюркологические исследования. Москва-Ленинград, 1963 С.272-283; Бартольд В.В. Сарты. Москва, 1964. Соч. Т.II. Ч.2. С.527-528.*

Еще одна согдийская колония находилась на р. Селенге²⁸⁶, известна согдийская колония в Приморье²⁸⁷.

В китайских городах (Чанъани, Ланчжоу, Дуньхуане), так и в городах Восточного Туркестана, согдийцы селились обособленными общинами. Много купцов из Согда жило в Ланчжоу. При взятии города императором Тай У-ди (439 г.) они были задержаны и лишь в 50-х годах выкуплены послами царя Согда²⁸⁸. Согдийская община в Дуньхуане насчитывала в начале IV в. н. э. около тысячи человек²⁸⁹. Большая согдийская община существовала во второй половине VIII в. в Чанъани. «Старые письма» показывают, что связь этих общин с метрополией не прерывалась²⁹⁰.

Кроме согдийских кварталов в китайских городах, существовали поселения, основанные и управляемые согдийцами. Китайские источники повествуют о группе согдийских поселений, основанных в 627-649 гг. вокруг Лоб-нора²⁹¹.

Сведения о лобнорской колонии содержатся в географическом справочнике IX в., найденном в Дуньхуане. При Суйской династии близ Лобнора, в области Шань-шань (Лоулань), был основан китайский город, покинутый после 618 г. Кан Янь-тянь, великий вождь из царства Кан (Самарканд), пришел на восток и поселился в этом городе. Его сопровождали многие ху, так что тут стало населенное место, которое также называлось город Тянь-хэ (значение названия – «связанные вместе»). Город со всех сторон окружала песчаная пустыня. Вскоре Кан Янь-тянь основал близ Тянь-хэ еще три укрепленных поселения, одно из которых называлось Путаочэн – «Город винограда». Уже одно это название говорит о том, что торговые поселения согдийцев были и аграрными центрами.

Интересные результаты были получены Л.И.Чугуевским о жизни согдийской колонии в районе Дуньхуане в середине VIII в. о быте согдийцев, статусе согдийских колоний, их структуре, занятиях их жителей и значениях этих поселений для развития культурной жизни Центральной Азии, а также и взаимоотношении согдийцев и тюрков. Интересный материал собран о земледелии согдийцев²⁹².

В основу этих выводов исследователи положили исследования китайских документов.

Несколько ранее описанных событий согдийцы заселили Иву (Хами)²⁹³. Располагая тысячью «превосходных воинов», они были самостоятельны и в зависимости от обстоятельств признавали власть то Китая, то тюрков.

286 Зуев Ю.А. Ранние тюрки. С.161.

287 Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурженей.// Проблемы древней истории Сибири. Новосибирск, 1985. С.76-80.

288 Maenchen-Helfen O. Huns and Hsiung nu.// Buzantion. 1944-1945. V.XVII. 266.

289 Enoki K. Sogdiana and Hsiung Central Asiatic Journal. 1956. VI.1. P.44.

290 Розенберг Ф. Согдийские «старые письма». К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии.// Известия АН СССР. Отделение общественных наук. Москва, 1932. №5. С.455.

291 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.99-100.

292 Чугуевский Л.И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана.// Страны и народы Востока. Москва, 1971. Вып.Х. С.147-156.

293 Pulleyblank E.G. Sogdian colony in Inner Mongolia.// Toung pao.1952. V.41. P.350.

Важную роль играли согдийцы в Тюркском каганате. Первые сведения о согдийцах при дворе тюркских каганов в Монголии в китайских письменных источниках относятся к 579-599 гг.²⁹⁴.

Китайский политик Пэй Цзюй писал о роли согдийцев в ставке кагана Шиби в одном из своих донесений императору: «Тюрки сами по себе простодушны и недальновидны, и можно внести между ними раздор. К сожалению, среди них живет много ху (согдийцев), которые хитры и коварны; они научают и направляют (тюрков)? Особенно много коварных планов у (согдийца) Шишухуси, и он пользуется расположением Шиби-кагана»²⁹⁵.

При кагане Хели большинство важных государственных должностей в государстве были отданы согдийцам, что вызвало недовольство тюркского населения. И вновь китайские дипломаты сообщают: «Тюрки имели простые обычаи и были по природе простодушны. Хели имел при себе одного китайского ученого Чжао Дэ-яня. Он уважал его ради его таланта и питал к нему полное доверие, так что Чжан Дэ-янь стал мало-помалу управлять государственными делами. Кроме того, Хели доверил правление ху (согдийцам) удалив от себя своих сородичей и не допускал их к службе. Он ежегодно посылал войска в поход и нападал на китайские области, так что его народ не смог более переносить эти тяготы. Ху (согдийцы) были корыстолюбивы и беспощадны, но часто изменчивы и ненадежны, так что их предписания и приказы постоянно изменялись. Год за годом (в стране) был великий голод, налоги и сборы стали невыносимо тяжелыми, и племена все более отвращались от (Хели)»²⁹⁶.

Сохранились донесения китайскому императору Тайцзуну, в них писалось: «Хели отделился от своих тюрок и доверился ху (согдийцам); однако эти согдийцы ненадежны. Когда мы пошлем большую армию, они предадут его»²⁹⁷.

В другом послании сказано: «Хели постоянно действовал так, так как это было выгодно Ху (согдийцам), и пренебрегал людьми своего племени»²⁹⁸.

И действительно, когда в 629 г. китайская армия разгромила тюркское войско, его племянник Тули и часть близкого окружения бежали в Китай. А вскоре китайцам удалось уговорить лидера согдийцев Кан су-ми изменить кагану Хели и он вместе со своими соплеменниками перешел к китайцам. В лагерь китайской армии также перешли бухарец Ань Ту-хань вместе с пяти тысячами выходцев из Бухары.

Хели после этих событий в 630 г. был захвачен в плен и умер в 634 г.

Согдийцев было так много, что в каганате их даже рассматривали как одно из племен каганата. Исследователи считают, что за ними были закреплены определенные территории и созданы поселения. После событий 630 г. согдийцы были переселены в Ордос²⁹⁹. Следует отметить, что первое поселение сог-

294 Pulleyblank E.G. Sogdian colony in Inner Mongolia. P.317-318.

295 Liu Ma-tsai. Die chinesischen Nachrichten zuz. Geschichte der Ost-Tuzkan (Ta-kue). Wiesbaden, 1958. Bd II. P.87-88/.

296 Pulleyblank E.G. Sogdian colony in Inner Mongolia. P.323-324.

297 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С118.

298 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С118.

299 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С118.

дийцев возникло здесь еще в 439 и, когда те же китайцы поселили согдийцев на границе Ордоса и Ланчжоу. Город носил название Худичэн «Город земли Ху»³⁰⁰.

Поселенные в Ордосе согдийцы были подчинены самаркандцу Кан-су ми и бухарцу Аль Ту-ханю. Первый стал правителем области Бэй-ань, второй – округом Вейчжу. Более того, поначалу когда согдийцы и тюрки рассматривались как часть одного народа, то китайцы даже хотели создать здесь вассальное тюркское государство. Впоследствии на место поселений согдийцев было создано 6 округов.

Известно, что словом ху называли и местное население Восточного Туркестана» говорившее на иранских и «тохарских» языках и диалектах. Для выделения согдийцев из этой среды Е.Пуллблэнк указал на важный критерий – в китайских источниках перед именами уроженцев согдийских городов ставился иероглиф, принятый для обозначения города, из которого вышел согдиец. Таких по числу городов-государств Согда было девять, семь из которых были особенно распространены: Кан (Самарканд), Ань (Бухара), Ши (Чач), Ми (Маймург), Цао (Кабудан), Хэ (Кушания), С шестью из этих владений Согда ученые отождествляют 6 округов согдийцев³⁰¹.

«Шесть округов ху» в Ордосе были учреждены в 679 г. Из Ордоса в столицу Китая доставляли лакричный корень, необъезженных лошадей, шкуры и кожи, воск, молочные продукты, соль, перья орлов для стрел, войлок, кошмы и «полотна, которые изготовлены женщинами ху».

Особенно выросли закупки лошадей. Между 713-726 гг. их поголовье возросло в Китае с 240 тыс. до 430тыс. голов. Крупнейшим конным рынком стал Ордос, где с середины VII в. существовало восемь больших, конных заводов.

«Шесть округов ху», ставших одним из главных центров торговли с тюрками, широко использовали свое посредническое положение. Главы согдийцев за успешно проведенную в 714 г. операцию поставки лошадей по китайскому правительственному заказу были награждены почетными титулами³⁰². Как посредники в торговле с тюрками согдийцы выступали и позднее; будущие вожди восстания 755 г., Ань Лу-шань и Шы Сы-мин, оба согдийцы по отцу и тюрки по матери благодаря хорошему знанию языка пограничных «варваров» начинали свою карьеру в качестве правительственных маклеров в торговых пунктах на тюркской границе³⁰³.

Как известно, лучшие кони, выше других ценившиеся в Китае, выращивались в оседло-земледельческих районах Средней Азии – Фергане, Согде, Тохаристане, Нисе³⁰⁴. Лошади Согда, по сообщению «Танхуйя», были из породы даваньских лошадей и ростом «чрезвычайно велики»³⁰⁵. В 622 г. самаркандский владетель прислал в дар китайскому двору 4 тыс. согдийских лошадей,

300 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.120. Примечание 202.

301 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.93.

302 *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств.// Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана.// ТИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т.8. С.95.

303 *Зуев Ю.А.* Тамги лошадей из вассальных княжеств. С.98.

304 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.96-67.

305 *Витт В.О.* Лошади Пазырыкских курганов.// СА. Москва, 1952. Т.XVI. С.191-201.

в связи с чем источник замечает: «Теперь служебные лошади (в Китае), кажется, и есть их разновидность»³⁰⁶.

По мнению исследователей согдийцев влекла в каганат возможность сбыта своих товаров, а также приобретение шкур, шерсти и мехов, которые они отправляли в города Средней Азии, а также стремление скупать ценности, награбленные тюрками в Китае.

Принято считать, что первые контакты между согдийцами и тюрками начались со времени завоевания последними Средней Азии в 60-х годах VI в. Общность интересов в транзитной торговле шелком способствовала прочности, завязавшихся связей – тюркские каганы нашли покупателя для награбленного в Китае шелка, а согдийские купцы при содействии каганов вывозили драгоценный товар в Иран и Византию.

Торговля шелком приносила огромные доходы согдийским купцам; свою долю получали тюрки, контролировавшие огромный участок «Великого Шелкового пути».

Ярким свидетельством активных связей согдийцев, обосновавшихся в Центральной Азии, и тюрков в международной караванной торговле, личных контактов представителей правящей верхушки тех и других являются новые археологические открытия, в частности находки «гробницы Аньцзя».

Гробница Аньцзя В 2000 г. при случайных обстоятельствах на северной границе древнего города Сиань (древняя столица Чанъань) был найден некрополь. Археологи Китая летом того же года провели археологические раскопки. Одна из 15 могил северо-чжоуского периода (557-581 гг. н. э.) принадлежала Аньцзя сартбау – начальнику согдийской торговой колонии Тунчжоуского региона в окрестностях Чанъань. Захоронение было не ограблено. Могила состоит из катакомбы и погребальной камеры. Длина горизонтального дромоса составляет 35 м. Перед входом в могилу устроена переходная дорожка, в двух местах имелись кирпичные и каменные ворота. Погребальная камера возведена из кирпича. Площадь ее 3,64×3,68 м, высота 3,3 м. В ней стоял каменный саркофаг, длина которого 2,8 м, ширина 1,03 м, высота 1,17 м. Саркофаг сделан из 11 синих каменных плит в форме прямоугольной кровати на ножках. Каждая плита украшена гравировкой и рисунками. Они изображают все стороны жизни согдийского вельможи: торговлю; охоту с ловчими птицами; его прогулки верхом; принятие тюркских послов; проведение пиршеств и празднеств; пышный прием в честь Аньцзя, прибывшего в ставку Тюркского кагана, и религиозные действия.

На надгробном камне высечено: «Надгробный камень принадлежит господину Аньцзя Тунчжоускому сартбау». Согласно эпитафии он был бухарским согдийцем (Аньго – государство Бухара). Указан год его смерти – 579 г. н. э.

На первой из шести каменных гравюр саркофага изображен прием сартбау Аньцзю, прибывшего к нему Тюркского вельможи, возможно, кагана. В верхней части рисунка изображен шатер и в нем десять человек, трое из которых сидят на покрытой ковром суфе, а один стоит рядом. Остальные шестеро стоят

306 Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. С.98.

во втором ряду. В первом ряду второй слева с распущенными волосами знатный тюрк. На нем красный чапан с распахнутым воротом и зауженными рукавами, красные штаны и сапоги с войлочными чулками. Он сидит, поставив одну ногу в согнутом положении под себя, а руку держит поднятой на уровне груди. Сидящий слева от него тюрк с длинными волосами одет в темный чапан с распахнутым воротом и стянутым в талии черным ремнем. На нем темные сапоги с войлочными чулками. Он играет на музыкальном инструменте. У сидящего от кагана справа согдийца волосы собраны на голове под шапку. На нем красный чапан с округлым воротом, на ногах сапоги с войлочными чулками, талия перетянута черным ремнем. Он играет на музыкальном инструменте. Правее изображен персонаж с короткими волосами, в длинном чапане с округлым воротом и в черных сапогах. В правой руке у него сосуд, в левой кувшин, это, видимо, слуга, разливающий вино. Трое, стоящие слева в заднем ряду в одежде с распахнутым воротом и с распущенными волосами – тюрки. Трое справа – в одежде с округлым воротом, волосы подстрижены и собраны, у всех усы. Все шестеро изображены поющими (?). На

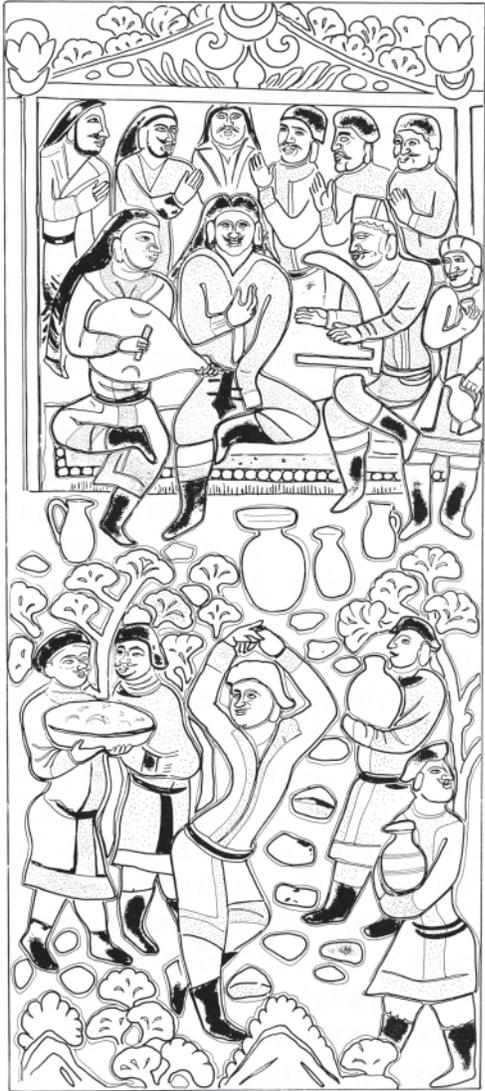

Рис. 143. Прием Аньцзя тюркского кагана

нижней части рисунка изображено пять человек. Танцор одет в узкий чапан серого цвета с распахнутым воротом, в белые брюки, на ногах сапоги с войлочными чулками, пояс перетянута черным ремнем, волосы подстрижены. У троих справа волосы подстрижены и собраны на макушке – это согдийцы. Внизу рядом с танцором слуги. Один держит блюдо с угощением. Еще двое слуг держат кувшины с вином. Три кувшина, возможно, уже опустошенные, стоят перед сидящими на суфе.

На рисунке изображена церемония встречи знатных тюрков с группой представителей согдийской колонии и Аньцзю, Персонажи в чапанах с распахнутым воротом и с длинными распущенными волосами являются тюрками, остальные же персонажи, без сомнения, согдийцы, Но, по мнению китайских исследователей, сидящий человек на верхней части рисунка, играющий на

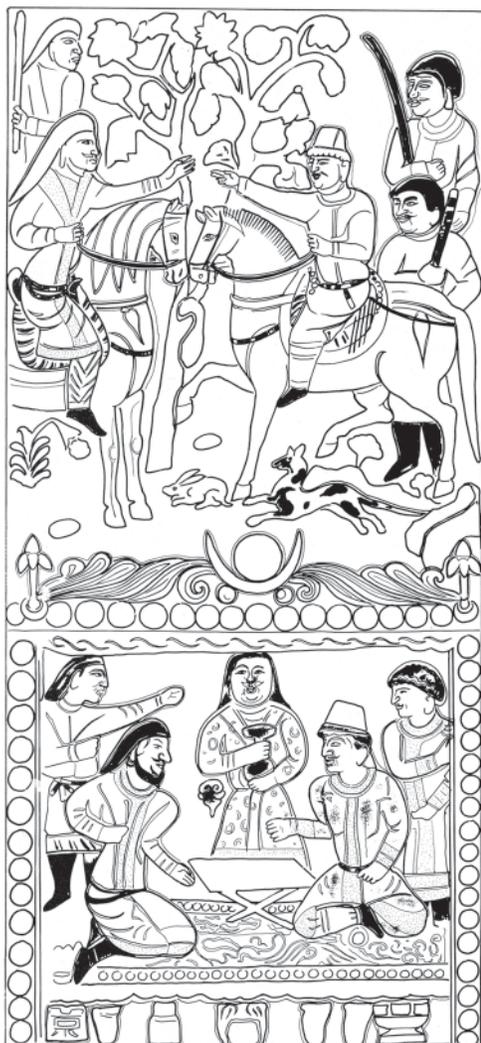

Рис. 144. Встреча и переговоры согдийца Аньцзя и знатного тюрка

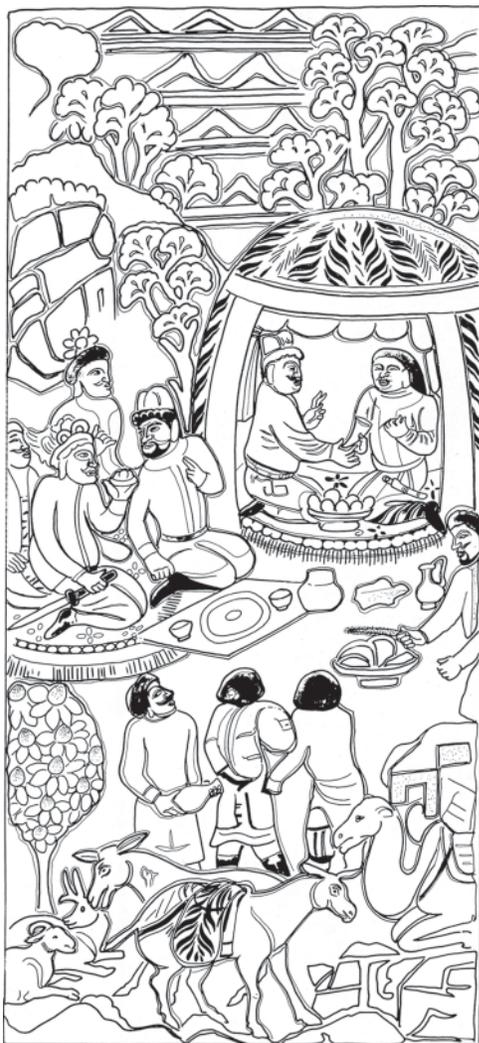

Рис. 145. Аньцзя и согдийские купцы в сланье знатного тюрка

музыкальном инструменте, в чапане с округлым воротом, и есть сартбау согдийской колонии Аньцзя. Крайний слева человек, играющий на музыкальном инструменте, является тюркским аристократом, У человека, сидящего в центре, статус более высокий, чем у других, возможно, это тюркский каган.

Заслуживает внимания четвертый гравированный рисунок. В верхней части рисунка изображен момент встречи и приветствия двух всадников на конях в сопровождении свиты. Слева всадник с длинными распущенными волосами, одетый в белый чапан с красным распахнутым воротом, на ногах его сапоги, талия перетянута черным ремнем. Справа – всадник в шапке, на нем красный чапан с округлым воротом, черные брюки и черные сапоги с войлочными чулками, талия перетянута черным ремнем. Всадник слева – тюркский вельможа, всадник справа, безусловно, Аньцзя. В нижней части рисунка – в шатре сидят на ковре двое. Один, подобрав ноги под себя, другой, подогнув коле-

Рис. 146. Прием Аньцзя знатного тюрка

Рис. 147. Тюрки и согдийцы на охоте

ни, ведуг беседу. Изображены опять те же тюркский вельможа и согдийский сартбау в окружении свиты. В верхней части шатра изображен символ солнца и луны. За беседующими позади стоят трое людей. В центре – человек с косами. Он в длинном чапане с запахнутым воротником, в руках держит лампу. Это подтверждает, что сцена изображает официальные переговоры.

На пятом гравированном рисунке показан согдийский торговый караван на остановке в ставке тюрка. Тюркский аристократ и Аньцзя, сидя в юрте едят фрукты, пьют вино и ведуг беседу. Снаружи на ковре четверо сидят на коленях. Сидящий впереди с густой бородой в простой шапке, двое сидящие рядом – в сложных головных уборах, на поясе у каждого висит кинжал. Возле шатра неизвестный готовит еду. На нижней части рисунка изображены три персонажа. Можно предположить, что это согдийские купцы с подарками.

Рядом с ними лежат неразгруженные верблюды, стоят ослы, пасутся бараны и овцы.

На шестом гравированном рисунке изображено как сартбау Аньцзя в своем дворце с особой пышностью и почтением принимает тюркского аристократа. Аньцзя в саду своего дворца, построенного в китайском стиле, пьет вино и ведет беседу с тюркским вельможей. Их окружает оркестр из пяти-шести музыкантов, исполняющих музыку. На нижней части рисунка изображен танцор, трое зрителей, а также разносчик фруктов и слуга, разливающий вино. Все они согдийцы. На правой стенке каменного гроба изображено три отдельных рисунка. На первом слева изображена совместная охота тюрков и согдийцев. На верхней части рисунка справа изображены двое всадников, скачущие один на белом, другой на гнедом скакуне, на них красные чапаны, черные сапоги с войлочными чулками и черные пояса, У обоих распущены волосы, Всадник в центре с подстриженными и собранными волосами, в чалане с округлым воротом, подпоясанным черным ремнем, Он стреляет из лука в зайца. Персонаж, изображенный на нижней части рисунка, пытается накинуть аркан на оленя. Одет он в черный чапан, черные сапоги с войлочными чулками, чапан перетянут ремнем. Это, видимо, Аньцзя. Следует обратить внимание на то, что в данном сюжете, в отличие от других рисунков, у всех всадников седла со стремянами. Можно считать, что трое всадников на верхней части рисунка с длинными волосами в чапанах с распахнутым воротом тюркские аристократы, остальные трое – согдийцы.

Видимо, персонаж, который сражается с нападающим львом, это – тюркский предводитель. На рисунках на правой стенке каменного гроба изображена сцена проводов Аньцзя в долгую дорогу, торжественный ужин, прощание с семьей и отбытие в путь.

Могила Аньцзя, хотя и возведена в стиле погребальных китайских построек, сохраняет рисунки, выполненные в традициях согдийских росписей. На пороге могилы встречены рисунки со сценами поклонения и жертвоприношения огню.

В целом, в рисунках отображена реальная картина торговых и дипломатических взаимоотношений между тюрками и согдийцами на Великом Шелковом пути³⁰⁷.

И те и другие были заинтересованы в мирных дружеских отношениях. Торговая согдийская колония, располагавшаяся по соседству с древней столицей Китая, видимо, была под опекой Тюркского каганата. Китайская же власть воспринимала согдийскую колонию как торговую и дипломатическую миссию.

Могила Юйхуана. Одним из археологических открытий, связанных с историей тюрков и согдийцев, является могила Юйхуана. Она была обнаружена при случайных обстоятельствах, в 1999 году вблизи города Тайюань столицы провинции Шаньси. В том же году китайские археологи провели раскопки могилы³⁰⁸.

307 Anjia tomb of northern zhoy at Xi'an (with at two English Abstract). By Shaanxi provincial institute of archaeology. Beijing, 2003 (на китайском языке); *Сунгатай С., Еженханұлы Б.* Тарихи-мәдени жәдегірлер. Қазақстан тарихы туралы Қытай деректемелері сериясы. Алматы, 2005. С.36-41.2.23-2.43 сурет.

308 Археологический исследовательский институт провинции Шаньси. Тайюань Суй Юйхунму. (Могила Юйхуана периода Суй в Тайюань). Пекин, 2005. (на китайском языке).

Могила Юйхуна состоит из дромоса и катакомбы. Длина дромоса, ведущего в захоронение, составляет более десяти метров, захоронение площадью $3,90 \times 3,66 \times 3,80 \times 3,55$ м прямоугольной формы, построено из кирпича. Могила была разграблена. В ней находился каменный гроб (саркофаг) из белого мрамора. Площадь саркофага $97,5 \times 220$ см. В каменном гробу обнаружены беспорядочно разбросанные останки скелета мужчины и женщины приблизительно 50-60 лет.

На надгробном камне, найденном внутри могилы, высечены на китайском языке имена, жизнь, деятельность захороненных. Аристократ Юйхун и его жена, жившие в эпоху Суйской империи (581-618 гг. н. э.), родом из государства Юй.

Юйхун был похоронен в 592 г., а его жена в 598 г. Отец Юйхуна занимал высокий чин в государстве Жужань (жоужань, жуаньжуань), сам же Юйхун был багабеком (на китайском мохэфо) в Жужанском каганате более десяти лет. В составе посольской миссии бывал в Персии у Эфталитов и в других странах. Позже служил во дворцах государств, основанных кочевыми тюркскими племенами Северного Ци, Северного Чжоу и при дворе китайской Суйской династии занимал высокие посты, такие как: тутук (на китайском дуду), сангун (на китайском цзяньцзюнь), главный сангун, сартбау (на китайском сабао, начальник торговой колонии).

На надгробном камне, найденном в могиле Юйхун, указано, что государство Юй находится в «Западном крае». Профессор Пекинского Университета Линь Мэйцунь сделал заключение, что основателем этого государства было тюркское племя булоцзи из Восточного Туркестана³⁰⁹. По мнению историка Юй Таньшаня, государство Юй находилось на территории Согдианы³¹⁰. Ло Фэнном было предположено, что народ Юй был одним из племен государства Жужань, либо народом, подчиненным государству Жужань. Местонахождение его было на западной границе государства Жужань (Алтай, Тянь-Шань и Джунгарский Алатау)³¹¹. Так или иначе ученые не отрицают тот факт, что народ Юйху один

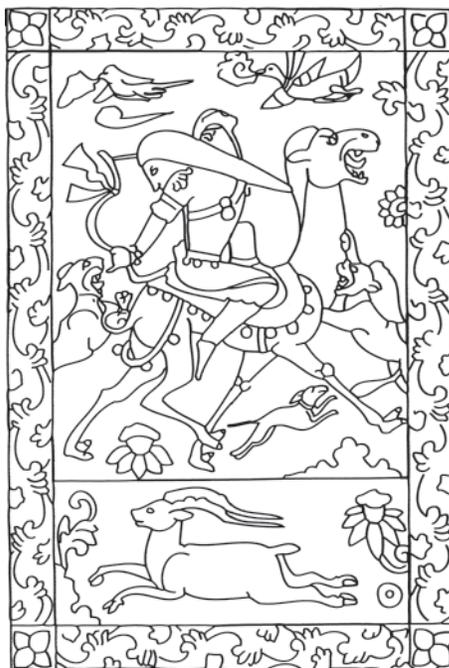

Рис. 148. Саркофаг Юйхуна.
Знатный тюрк на охоте

309 Линь Мэйцунь. Цзиху шицзикао (исследование истории Цзиху).// Чжунго ши яньцзю. 2002 №1. На китайском языке. Перевод на казахский язык Сунгатай С., Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер. С.42.

310 Юй Тайшань. Юйго юаньюань и шо (предположение о происхождении народа государства Юй).// Шилинь, 2002. №2. На китайском языке. Перевод на каз. яз. Сунгатай С., Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер. С.42.

311 Ло Фэн. И цзянь гуаньюй жоужань миньзудэ чжуняо шиляо (Важные источники истории Жоужаньского народа).// Вэнь-У, 2002. №6. 78-б. На китайском языке. Перевод на казахский язык Сунгатай С., Еженханұлы Б. Тарихи-мәдени жәдігерлер. С.42.

из кочевых тюркских племен, проживавших на территории Центральной Азии, и, возможно, на территории Казахстана.

Вполне вероятно, что Юйхунь происходил из племени Юебань, которое ряд исследователей локализуют в долине р. Или. Она входила в состав северохуннского союза племен.

Видимо, позднее из этого племени вышли племена Чубань, Чми, входившие в состав федерации дулу Западнотюркского каганата³¹².

В могиле Юйхуна крышка каменного гроба высечена в виде обычной крыши дома. На внутренней и внешней стороне прямоугольного каменного гроба выгравированы и раскрашены рисунки с разными сюжетами. Они иллюстрируют все моменты жизни и деятельности Юйхуна. На рисунке изображены: быт, его дипломатическая деятельность; участие в торговле; религиозные действия Юйхана, его жены и окружения. Изображены в общей сложности 85 персон разных социальных и этнических групп. Многие из них согдийцы и тюрки. Один из ярких рисунков с изображением имеет размеры 95,5×66 м и на нем изображен тюрк верхом на верблюде во время охоты.

Рисунки на стенках саркофага также ярко иллюстрируют взаимоотношения тюрков и согдийцев, проживавших в Китае.

Тюрки и согдийцы в Средней Азии и на юге Казахстана. Завоевав среднеазиатские владения согдийцев, тюрки вскоре осваиваются с системой административного управления и превращаются в активных участников среднеазиатской жизни»

Часть тюрков пополнила ряды горожан и сельского населения оазисов, осело на землю, Другая часть сохранила уклад жизни, связанный со скотоводством, в том числе и кочевым, заняв окраины оазисов и удобные для ведения скотоводческого хозяйства земли.

В VII-VIII вв. тюрки, пришедшие в Согд, заняли ключевые позиции в городской власти и в управлении отдельными владениями. Этнический состав населения Согда также изменился. С новой волной тюркского населения процесс монголоизации Средней Азии, который начался задолго усилился³¹³.

О большой роли тюрков в жизни согдийского общества в начале VIII в. свидетельствуют документы, найденные на горе Муг в Таджикистане³¹⁴. В одном из них «брачном контракте» говорится о браке тюрка и согдианки: «Ут-тегин, прозвище которого Нидан» (первое имя – тюркского происхождения, а прозвище – согдийское), взял жену, «которая зовется Дугдгонча и у которой прозвище Чата» (первое имя – согдийское, а прозвище – тюркское). Из документа вытекает, что полноправный брак был заключен между знатным тюрком Ут-тегином и согдианкой Дугдгончей, находившейся под опекой согдийца Черы –

312 *Бернштам А.Н.* Западнотюркский каганат.// Очерки истории СССР (III-IX вв.). Москва, 1958. С.378-379.

313 *Ошанин Л.В.* Палеоантропологические и исторические данные о расселении монголоидных рас в северной степной полосе Средней Азии.// Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953. С.32; *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности.// Источниковедение Кыргызстана. Бишкек, 2004. С.42-43.

314 Согдийские документы с горы Муг. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А.Лившица. Москва, 1962. Вып.2. С.17.

правителя Навеката, согдийского города в Жетысу. Жених и невеста, по мнению В.А.Лившица, рассматриваются в этом договоре как представители знати Согда³¹⁵.

При правлении Тун-шеха (618-630 гг.) прямых захватов согдийских владений тюрками не было, в них продолжали править местные владельцы. Установленный Тун-шехом усиленный контроль над отдельными владениями привел к тому, что всем согдийским правителям были присвоены титулы соответствующие сылифа – третий высший титул чиновников у тюрков, а для наблюдения за ними во владения были направлены особые чиновники – тудуны, которые помимо общих дел и надзора должны были собирать налоги³¹⁶.

Видимо, в это время главная резиденция тюркского наместника Согда находилась в Самарканде и за ним могла быть закреплена должность тудуна не только Самаркандского владения, но и всего Согда. Для более прочного контакта с самаркандским правителем Тун-Шеху выдает за него свою дочь³¹⁷.

Яркие материалы о тюрках в свите царя Самарканда Вархумана сохранились в настенной живописи в резиденции царя, в зале приемов на Афрасиабе, обнаруженном и исследованном археологами.

На росписях изображено прибытие к Вархуману в Самарканд посольств из соседних стран. События происходили, судя по текстам обращения к Вархуману чаганианского посла Туранташа, в 90-м гг. VII в.³¹⁸

Изображения древних тюрков сохранились на западной стене³¹⁹.

Весь рисунок, выполненный на голубом фоне, расчленен на три горизонтальные группы. В самой нижней части над орнаментальной каймой изображены послы с дарами,двигающиеся слева и справа к центральной части стены, и встречающие их приближенные царя. Вторую группу составляют персонажи, сидящие спиной к зрителям, третью – сидящие лицом ко второй группе, но из них сохранилось всего 4 фигуры. Судя по костюмам, прическам и, главное, отсутствию даров в руках, вторую и третью группы также составляют приближенные самаркандского царя.

Физический облик этих персонажей (монголоидность), прически, одежда и вооружение свидетельствует о том что это тюрки. Как известно, одним из ярких признаков тюрков были прически, длинные волосы или косы³²⁰.

На росписях изображены тюрки в характерных костюмах с типичными только для них прическами, с новейшим для VII в. типом вооружения (легкими, длинными, кавалерийскими мечами, подвешенными наклонно и коленчатыми кинжалами), одетые согласно тюркской моде, с ярко выраженными монголоидными чертами лиц с длинными косами с наконечниками.

По мнению исследователей, и композиция, и манера изображения, и содержание изображений – все подчеркивает главенство этой группы в сюжете

315 Согдийские документы с горы Муп. Юридические документы и письма. С.38.

316 Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва-Ленинград, 1950. Т.2. С.157.

317 История таджикского народа. Москва, 1964. Т.2. С.49-50.

318 Гулямов Я.Г. От ответственного редактора.// Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1973. С.3-4.

319 Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1973. С.20-38.

320 Зуев Ю.А. Китайские известия о Суябе. С.88.

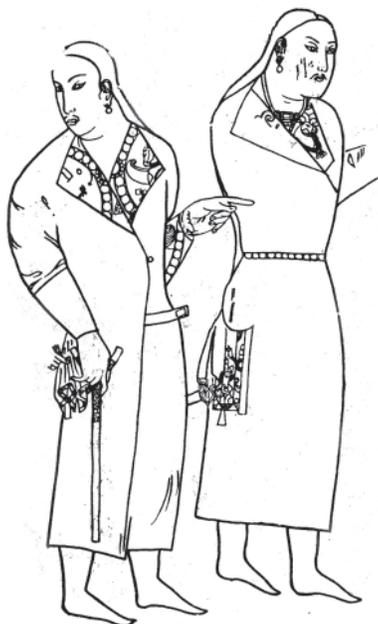

Рис. 149. Древние тюрки.
Ростиси из Афрасиаба

на западной стене. Можно сказать, что основной темой и героями западной стены являются тюрки, изображенные «как у себя дома».

В более глобальном смысле сцена приема, изображенная на западной стене «Зала послгов», отразила «важнейший исторический процесс, происходивший в VI-VII веках в этом регионе Евразии: вытеснение иранцев и связанной с ними «архаики» из зон их традиционного, многовекового влияния молодым, набирающим силу, этносом – тюрками»³²¹.

Характерны некоторые украшения персонажей вышеупомянутой группы людей в росписях Афрасиаба – круглые серьги и золотые гривны с кулонами и квадратными бляшками. Иногда к центральной круглой или квадратной бляшке подвешивался драгоценный камень синего цвета каплевидной формы. Некоторые персонажи, отличавшиеся, видимо, особыми полномочиями, дополнительно к кожаным поясам с наборными металлическими украшениями

носили шелковые платки, скрученные жгутом. Так изображен один из персонажей западной стены, встречающий делегацию. У него широкий желтый пояс; высокий посох, на который он опирается двумя руками. В Северной Монголии найдена костяная пластинка с изображением тюрка в подобной же позе с длинными волосами и в длинном халате. В правой руке он держит высокую трость³²².

На Афрасиабе же была собрана большая группа терракот – всадников с булавами³²³.

Монголоидный тип в терракотовых статуэтках составляет более 60%, а европеоидный – только 33%. Этот процент, конечно, не дает подлинное соотношение монголоидного и европеоидного типов населения, в действительности, европеоидное население было в большинстве.

Но художник-коропласт отражал интересы определенной группы людей, занимавших, доминирующее положение в согдийском обществе VI-VIII вв. Все признаки монголоидной и слабо монголоидной групп терракотовых статуэток всадников имеют широкое круглое безбородое лицо, брови сходятся на переносице, небольшой нос, маленький рот с полными губами, глаза косоного разреза, небольшие усы с опущенными вниз концами, «в правой руке они держат булавы», «вооружены подвешенными к поясам кинжалами» в таких же

321 Аржанцева И.А., Иневаткина О.Н. Новые хозяева Азии: тюрки в живописи Афрасиаба (VII в.).// Тезисы докладов международного симпозиума «Приаралье на перекрестке культур» и второго полевого семинара «Археология древнего Ташкырманского оазиса», посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии С.П. Толстова. Нукус-Берлин-Беруни, 2007. С.15-16.

322 Грач А.Д. Древнетюркские изваяния Тувы. Москва, 1961. С.79.

323 Заславская В.А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании музея истории УзССР.// Труды музея истории УзССР. Ташкент, 1956. Вып. III. С.88.

Рис. 150. Древний тюрк и богиня Умай

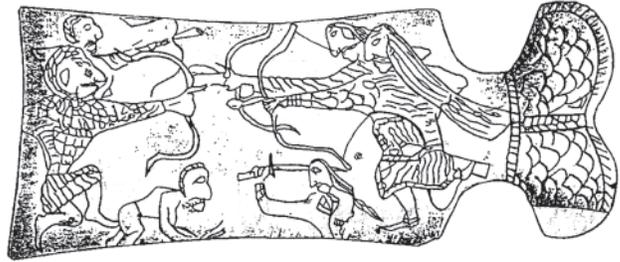

Рис. 151. Сражение тюрков. Жетысу. Костяная пластина

ножках, как и на росписях, у них «круглые в сечении гривны и серьги с одной шаровидной подвеской», у всех одежда плохо различима, однако отчетливо видно, что рукава заканчиваются обшлагами, пояса наборные.

Все остальные европеоидные статуэтки имеют те же атрибуты, но различаются отдельными деталями, у некоторых явно длинные волосы, зачесанные назад, у одной в руках сосуд.

Сравнение всех материалов привело исследователя к выводу, что в терракотовых статуэтках всадников с Афрасиаба можно видеть местный согдийский вариант «тюркских каменных баб»³²⁴.

ГА.Пугаченкова и Л.И.Ремпель, описывая терракотовые статуэтки воинов с булавами, считают, что это изображения согдийцев и тюрков и что по манере изображения согдийцев и тюрков терракоты неразличимы³²⁵.

Усурушана, которая была подчинена в годы правления Тун-шеху, как свидетельствуют источники, подчинялась Западнотюркскому каганату, а с 737 г. в Усурушане правил Хара-Буга, представитель тюрков, а тюрки играли важную роль в жизни этой историко-культурной области.

В Фергане в 739 г. к власти пришел тюрк Арслан-Таркан³²⁶. Так было прервано правление царской династии Ферганы, которая находилась у власти на протяжении несколько столетий. В ходе раскопок в некоторых мугхона (погребальные сооружения) были обнаружены тюркские захоронения с конем, найдены стремяна V-VI вв. центральноазиатского происхождения. Найдены древнетюркские рунические надписи на бронзовом кольце и других изделиях. Все это свидетельствует о большой роли тюрков и в этнической истории Ферганы в раннем средневековье³²⁷.

324 Заславская В.А. Терракотовые статуэтки всадников с булавами из Афрасиаба в собрании музея истории УзССР// Труды музея истории УзССР. Ташкент, 1956. Вып. III. С. 88.

325 Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960. С. 55, 57.

326 Гафуров Б.Г. Таджики. С. 290; Грицина А.А. Усурушанские были. Ташкент, 2000. С. 43; Бабаяров Г. Тюрко-согдийские контакты в период Тюркского каганата. (На примере системы управления историко-географическими областями Среднеазиатского междуречья)// Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Материалы международной научной конференции посвященной 100-летию со дня рождения А.М.Беленицкого. Санкт-Петербург, 2004. С. 57

327 Гафуров Б.Г. Таджики. Москва, 1972. С. 292-295.

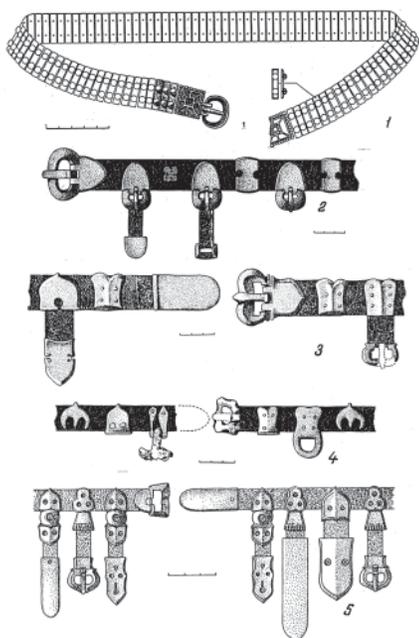

Рис. 152. Древние тюрки. Пояса

Бухара, как свидетельствуют источники, управлялась династией тюркского происхождения. У Наршахи сохранилась история заселения Бухары. Они в начале поставили палатки и юрты, а затем соорудили постройки. Когда население возросло, то они выбрали эмира, имя которого было Абруй.

Но когда власть Абруя возросла, он стал править так жестоко, что жители, дихкани и богатые купцы, ушли в Туркестан, где выстроили город, назвали его Джамукат, так как предводителя их называли Джамук. Затем оставшиеся бухарцы послали к ним своего человека и попросили избавить их от Абруя. Тогда люди Джамуката обратились к правителю тюрков, которого звали Кара-Чурин-Турк. Он послал своего сына Шири-Кишвара с большим войском в Бухару. Он захватил Абруя в Пайкенде и умертвил. После этого Шири-Кышвар стал владельцем Бухары³²⁸.

Исследователи считают, что в рассказе Наршахи описаны реальные события. По мнению С.П.Толстова, события разворачивались в 80-е годы VI в.³²⁹

С начала VII в., в период правления Шегуй-кагана и Тун джабгу-кагана Чачский оазис превратился в одну из важных частей Западнотюркского каганата.

Исследованиями последних лет было установлено, что во главе системы управления Западнотюркского каганата стояли правители с титулом джабгу-каган, что подтверждается данными письменных источников и нумизматическими материалами. Согдийские легенды на некоторых монетах были прочитаны как «Тарду каган», «деньга джабгу кагана» и «деньга Тун джабгу-кагана», что впервые позволило прийти к заключению, что правители Западнотюркского каганата выпускали монеты от своего имени³³⁰.

К монетам Западнотюркского каганата относятся различные типы, в легендах которых нашли отражение верховные титулы тюркских правителей, такие как «каган», «джабгу» и «джабгу-каган»; монеты Тарду кагана, Тун джабгу-кагана; монеты с изображением сидящего правителя; монеты джабгу-каганов; с изображением царственной четы³³¹.

328 Наршахи. М. История Бухары. // История Средней Азии. Москва, 2003. С.122-123; Гафуров Б.Г. Таджики. С.223-225;

329 Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. Москва, 1948. С.248-250.

330 Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI-VII вв. н. э.). Ташкент, 2007. С.86-92. См также: Ртвеладзе Э.В. Некоторые замечания по поводу новых чтений согдийских легенд на монетах Чача. // Нумизматика Центральной Азии. Ташкент, 2008. С.65-71.

331 Бабаяров Г. Тюрко-согдийские контакты в период Тюркского каганата. (На примере системы управления историко-географическими областями Среднеазиатского междуречья). С.57-60.

Рис. 153. Древнетюркские наскальные рисунки и рунические надписи. Жетыйсуй

Находки значительного количества монет Чача, прочтение их легенд и сопоставление со сведениями письменных источников стали решающими в решении проблем социально-политической и этнокультурной истории Чачского оазиса эпохи раннего средневековья.

Исследованиями Э.В.Ртвеладзе, Г.Бабаярова было определено, что одну часть монет Чачского оазиса составляют монеты Западнотюркского каганата, а другую часть – монеты династий тюркских тегингов и тудунов, правивших Чаче в VII-VIII веках, а также монеты местных династий³³².

Так, Э.В.Ртвеладзе отметил, что чекан монет с парным изображением царя и царицы и тамгой, в окружении согдийской легенды относится к чекану верховных правителей Западнотюркского каганата. Согдийские легенды на этих монетах он предлагает читать как «Шагуй Алп?...» и «Туун каган» и предполагает, что они были выпущены Шегуй-каганом (611-618) и Тун джабгу-каганом (618-630)³³³.

Также в некоторых областях Средней Азии были чеканены монеты представителями династий, связанных непосредственно с Западнотюркским каганатом – тудунами и тегинами Чача, тутуками Ферганы, ябгу Тохаристана и тегиншахами Кабулистана (Кабул).

Благодаря ряду новых находок монет, в основном, из городищ Ташкентского оазиса: Канка, Кулактепе, Актепе, Ханабад, Кавардан, Киндиктепе, появилась возможность пересмотреть чтение легенд на некоторых Чачских монетах. В частности, имена правителей и титулы, прочтенные на монетных легендах, нашли свое отражение в письменных источниках эпохи. Новое чтение легенд позволяет дать новую оценку экономической и политической истории не только Чача, но и Западнотюркского каганата, в состав которого входил Чач.

Особый интерес вызывает названия двух городов Шаша – Джабгукета и Хатункента, расположенных неподалеку друг от друга, в 2-х фарсах к северу от Бинкета – столицы Чача. По мнению Ю.Ф.Бурыкова, эти города воз-

332 Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Средней Азии. Ташкент, 2002. С.241-268.

333 Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Средней Азии. Ташкент, 2002. С.241-268.

Рис. 154. Древнетюркские надписи. Приаралье

никли в эпоху раннего средневековья. Джабгукет (город Джабгу) – «Военный лагерь Чача» – отождествляется с городищем Ак-Ата, а Хатункет с городищем Тугай-тепе³³⁴. Факт основания тюрками городов-ставок указывает на тюркскую основу ряда городов эпохи Западнотюркского и Тюргешского каганатов.

Небезынтересна и ситуация, связанная с захватом и подчинением тюрками средней и нижней Сырдарьи, древних кангюйских земель с традиционными оседлой и городской культурой и скотоводством.

Соседней с Чачем историко-культурной областью было владение Кангу-Тарбан.

В период победоносных войн первых пятнадцати лет VIII в. границы второго Восточнотюркского каганата на западе доходили и включали местность Кангу Тарбан³³⁵. В древнетюркских рунических надписях в честь Бильге-кагана и Культегина сказано: «... вперед (т.е. на восток) за Кадыр-

канской чернью мы поселили таким образом народ и завели в нем порядок; назад (то есть на запад) вплоть до Кангу Тарбана мы поселили таким образом тюркский народ и завели (в нем порядок)»³³⁶.

Попытки локализации Кангу Тарбана предпринимались неоднократно. По мнению, С.Г.Кляшторного, Кангу Тарбан находился на средней Сырдарье. Населением владения были, скорее всего, упоминаемые в источниках племена кангаров (кенгересов)³³⁷.

В.В.Бартольд, сопоставили названия кангар с древним названием Сырдарьи – Канг³³⁸.

Чтобы узнать, кто такие были кангары следует обратиться к сочинению византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империи», написанному в первой половине X в. В этом политическом трактате обобщен военно-дипломатический опыт отношений константинопольского двора с соседями. В нем наряду со славянами, болгарами, сербами, франка-

334 Буряков Ю.Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975. С.149, 180.

335 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.155-156.

336 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.179.

337 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.163.

338 Бартольд В.В. Новый труд о половцах. Соч. Москва, 1964. Т.IV. С.404-405.

ми, арабами и руссами описываются печенеги. Константин Багрянородный назвал древнее имя печенегов, которое они носили до переселения в южнорусские степи – кангар. Он писал: «печенеги также называются кангар, но не все, а народ трех округов: Иабдирти, Куарцикур и Хабукингилла, как храбрейшие и благороднейшие из других, ибо это означает прозвание кангар»³³⁹.

Ученые сопоставили имя загадочного народа кангар и кенгерес и пришли к выводу, что древнетюркские надписи и византийский трактат описывают один и тот же народ, но в разные периоды его истории. Если же учесть, что Канг одно из древнейших названий Сырдарьи, то, по-видимому, родину кангаров (кенгересов) – печенегов надо искать именно на этой реке, причем в среднем ее течении³⁴⁰.

В последующие века имя кангар-кенгерес переоформилось в этноним канглы, возникновение которого связано с завоеванием кимакско-кыпчакскими племенами земель по Сырдарье и в Приаралье. События эти имели место в X–XI вв. «Канглы у кыпчаков – сообщает Махмуд Кашгарский, наименование знатного человека». Как полагают ученые, принятие названия Канглы верхушкой кыпчакских племен выражало стремление кочевой аристократии связать себя с древней генеалогической традицией завоеванных земель и объявить приемниками могущественного древнего государства Кангюй³⁴¹.

Новые данные о локализации владения Кангу Тарбан и кангаров-кенгересов получены в результате археологических исследований.

Так, интересные сведения дали раскопки цитадели городища Куйрык-тобе. Здесь была открыта постройка дворцового типа, сооруженная из пахсовых блоков и сырцового кирпича, датированная VI – первой половины IX в.

Цитадель, как показали раскопки, погибла в результате сильного пожара. Исследователя связывают его с арабскими завоеваниями или с походами саманидов³⁴².

На полах и в завалах парадного зала найдены доски от подпотолочного фриза, базы колонн, обугленные детали перекрытий, часть из которых была покрыта художественной резьбой.

Ближайшие аналогии куйрукскому резному дереву имеются в материалах Согда и Усрушаны³⁴³.

Особый интерес представляют обугленные доски от подпотолочного фриза, некогда украшавшего стены замка. Сюжеты на них божественного и светского содержания.

На одной из досок показана чета божеств, на зооморфных тронах, адоранты у подножия тронов, сцена осады замка, который охраняет божество с луной и солнцем в поднятых руках.

339 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.164.

340 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.165.

341 Толстов С.П. Города гузов.// СЭ. Москва, 1947. №3. С.93-101.

342 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986. С.59; *Смагулов Е.А.* Арабское нашествие на Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников.// Мобилизованный археологией. Алматы, 2004. С.103-113.

343 *Воронина В.Л.* Архитектурный орнамент Пенджикента.// Скульптура, живопись древнего Пенджикента. Москва, 1957. Рис.16-18, 26а; *Негматов Н.Н.* и др. Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966. Табл.Х; *Негматов Н.Н., Пулатов У.Н.* Уртакурган и Термизактепе. Душанбе, 1973. Рис.32-34.

Светская сцена украшала поверхность еще одной сохранившейся доски. Середину доски занимает группа из четырех человек под круглой аркой.

В центре стоят в полуоборот друг к другу мужчина и женщина, безусловно, знатные особы. У женщины, она стоит слева, округлое лицо с широким плоским носом, миндалевидные глаза. На голове плоская шапочка, на лбу диадема. Из-под шапочки на правое плечо свисает косичка, перехваченная через равные промежутки завязками. В правом ухе – серьга в виде овального шарика на подвеске, на шее ожерелье из крупных неправильной формы бус. Сверху на женщине накидка.

У мужчины лицо сохранилось плохо. На голове у него шапочка с околышем, одет он в халат, запахнутый на левую сторону (правая пола наверху). Правой рукой мужчина обнимает женщину, кисть его руки лежит на плече женщины, а левая, поднятая ладонью вверх, поднесена к лицу женщины. Женщина правой рукой сжимает левую руку мужчины у локтя.

Персонаж, стоящий слева от пары, изображен в фас, у него округлое лицо с плоским носом, на голове нечто вроде тюрбана, на лбу узкая повязка либо обруч. В мочки ушей продеты серьги в виде овального шарика на подвеске, на груди, гривна с шариками на концах. Одет он в халат, на груди которого орнамент в виде розетки и перлов, под халатом рубаха со стоячим воротником.

В левой согнутой руке персонаж держит какой-то предмет. Фигура, помещенная справа от знатной четы, тоже изображена в фас. Голова и черты лица разрушены, персонаж одет в халат, из-под которого видна рубаха со стоячим воротником, в руках держит что-то похожее на поднос или блюдо³⁴⁴.

Похожая сцена встречена в живописи Балалык-тепе. По мнению Л.И.Альбаума, такие сюжеты с характерными «жестами рук» связаны с обрядовыми сценами стовора между сватами жениха и невесты³⁴⁵.

Вне сомнения, на деревянной доске из цитадели Куйрыктобе изображены тюрки. Физический облик персонажей характеризуется монголоидными признаками. У них широкие лица, плоские носы, глаза с косым разрезом.

Внешний облик их близко напоминает тюрков из свиты самаркандского царя Вархумана на росписях Афрасиаба и тюрков в сцене погребения из Пенджикента, сопоставляемый Л.И.Альбаумом с похоронами тюркского правителя Чакын Чур-Бильги³⁴⁶. Аргументом в пользу тюркской принадлежности персонажей на резной доске из Куйрыктобе может служить одежда: халаты с отворотами и запахнутые на левую сторону. Именно так «одеты» древнетюркские каменные изваяния из Жетысу³⁴⁷.

Гривна на одном из персонажей в виде прута с двумя шариками на концах аналогична гривнам на тюрках в росписях Афрасиаба³⁴⁸. Серьги в виде шарика на стерженьке, украшающие уши куйрыкских изображений, находят аналогии в соответствующих аксессуарах в каменных изваяниях Жетысу³⁴⁹.

344 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Рис.9.

345 Альбаум Л.И. Балалык-тепе. Ташкент, 1975. С.128-129. Рис.97, 98.

346 Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. С.32-33.

347 Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. Москва-Ленинград, 1966. Табл. II, III, IV.

348 Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. С.32, 33.

349 Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. Табл. II, III, IV.

Таким образом, Отрарский оазис, где располагался центр Кангу-Тарбана, принадлежал тюркам, более конкретно, видимо, кангарам и на резной доске из парадного зала цитадели Куйруктобе изображены представители тюркок-печенегов, история которых было тесно связана с тюрками и тюргешами³⁵⁰.

В данной связи значение имеют сделанные при раскопках цитадели Куйруктобе и в Отрарском оазисе находки монет. Они двух типов. У первого на одной стороне изображен идущий лев, на другой – руническая монограмма «н+уш», у монет второго типа – шагающий лев с изогнутым хвостом в круге из точек, на оборотной стороне – монограмма «ат». Монеты чеканились в конце VII-VIII в.³⁵¹. Тамга на монетах первого типа в виде знака X близко напоминает тамгу печенегов, приведенную Махмудом Кашгарским³⁵². Это еще одно доказательство в пользу кангаро-печенежской принадлежности местных владетелей в период VII-VIII вв. и отождествления раннесредневекового Кангу-Тарбана и Отрарского оазиса.

Кангарской, по мнению исследователей, является и группа керамики, выделенная в Отрарском оазисе. Это кувшины с рифленным горлом, кружки с зубчатыми ручками, чаши, покрытые темно-вишневым, коричневым либо черным ангобами и украшенные вдавленным орнаментом в виде полуovalов, треугольников, елочек. Датируется эта керамика VII – первой половиной IX вв.³⁵³.

Такая керамика, как выяснилось, характерна также и для средней Арыси, где была собрана в раскопках на городище Жуантобе и в погребениях Борижарского могильника. Поэтому в состав владения Кангу Тарбан следует включить и среднее течение Арыси с городищами Шортобе, Жуантобе и Караспан³⁵⁴.

По мнению С.Г.Кляшторного, во второй половине I тыс. н. э. тюркоязычные кангары и канлы стали ведущим этническим компонентом на Сырдарье³⁵⁵.

В низовьях Сырдарьи, в Приаралье исследователи джетыасарских памятников установили, что в VI – начале VII в. на территорию урочища продвинулись массы нового населения. Это были древние насельники средней Сырдарьи (Отрарско-Каратауская культура), подвергшиеся тюркизации, а также тюркские племена из Жетысу и предгорий Каратау. Их наплыв привел к переселению части населения из урочища Джеты-асар в дельте Амударьи и Сырдарьи и гибели поселений и городов урочища, а также появлению новых традиций в планировке поселений, в том числе городищ. Распространяется керамика, связываемая с тюрками, найден черепок с древнетюркской рунической надписью на венчике сосуда. Этим новым населением были кангары-печенег, владение которых Кангу-Тарбан, как выше отмечали, находилось на средней Сырдарье. В VIII-IX вв. значительная часть сырдарьинского населения было

350 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.161-167, 179.

351 Бурнашева Р.З. Монеты раннесредневекового городища Отрартобе и Отрарского оазиса.// *Древности Казахстана. Алма-Ата, 1975. С.68.*

352 МИТТ. Т.1. С.309.

353 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.58. Рис.12.

354 Байпаков К.М., Грищенко А.Н. Раскопки городища Жуантобе.// *Новости археологии. Международный Казахско-Турецкий университет им. Х.А.Яссави. Туркестан, 1997. С.84-86.*

355 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.174.

тюркизировано и именно здесь складывается Огузское государство и появляются «города гузов»³⁵⁶.

Тюрки и согдийцы в Жетысу. Характеризуя Западнотюркский каганат и сравнивая его с Восточнотюркским один из ведущих тюркологов, С.Г.Кляшторный отметил, что в первом власть кагана не была «столь сильной как на востоке». Такое положение заставило западнотюркских каганов, по его мнению, искать в стране политическую и экономическую опору. И ей стали в том числе города и конечно городское и оседлое население. В Жетысу богатые согдийские города, игравшие важную роль в экономике, в том числе и международной торговле, стали своеобразной «третьей силой» и в борьбе тюрков за власть в каганате. Более того, он считает, что в Жетысу в раннем средневековье (VII-VIII вв.) существовало объединение согдийских городов (амфиктиония), осуществляющая согласованную внешнюю политику, в том числе и свою внешнюю³⁵⁷.

Изучение взаимоотношений тюрков и согдийцев в каганатах западных тюрок и тюркешей имеет важное значение, так же как и в Восточнотюркском каганате, где согдийцы также играли большую роль.

Роль согдийцев в политической, экономической и культурной жизни древней и средневековой Центральной Азии и Жетысу выявлена В.В.Бартольдом в уже его первых работах, посвященных истории Семиречья³⁵⁸.

В работе, вышедшей в 1927 г. «История культурной жизни Туркестана» В.В.Бартольд сформировал свое мнение о согдийцах так: «развитие городской жизни в Средней Азии было связано с колонизаторской деятельностью согдийцев, как в новейшее время, в эпоху Кокандского ханства, ряд таких же селений был образован в степи их мусульманскими потомками». Возникновение согдийских, колоний исследователь относил к VI в.³⁵⁹.

В.В.Бартольд основывал свои положения о согдийской колонизации Жетысу на данных письменных источников – сообщениях Сюань-Цзяня (VII в.), Худуд-алам (X в.) и словаря Махмуда Кашгарского (XI в.).

Однако, было ясно, в том числе и самому В.В.Бартольду, что решить многие проблемы истории Жетысу, в том числе и согдийскую, без археологических исследований было невозможно. Он писал, что отсутствие археологического материала вызывало неудовлетворенность его работами со стороны В.В.Радлова и Я.Веселовского³⁶⁰.

Поэтому новый взгляд на согдийскую колонизацию Жетысу стал возможным лишь после проведения здесь археологических исследований и в первую

356 *Андрианов Б.В., Левина Л.М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н. э. // Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1979. С.96-100; *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. Москва, 1996. С.374-376. Рис.173; *Толстов С.П.* Города гузов. С.54-102; *Байпаков К.М.* Огузы, туркмены и сельджуки в городах Жетысу и Южного Казахстана. // Известия НАН РК. 2007. №1. С.35-61.

357 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.133-135; *Кляшторный С.Г., Савинова Д.Г.* Степные империи Древней Азии. Санкт-Петербург, 2005. С.97-101.

358 *Бартольд В.В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. С.21-87; О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Соч. Москва, 1964. Т.II. Ч.2. С.265-302; *Бартольд В.В.* К вопросу о языках согдийском и тохарском. Соч. Москва, 1964. Т.II. Ч.2. С.469-470.

359 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Соч. Москва, 1963. Т.II. Ч.2. С.190-191.

360 *Бернштам А.Н.* Академик В.В.Бартольд, как историк Кыргызстана. Предисловие к изданию В.В.Бартольд. Очерки истории Жетысу. Фрунзе, 1943. С.3-4.

Рис. 155. Согдийцы. Пенджикент, росписи

очередь работ Семиреченской археологической экспедиции (1938-1941 гг.), возглавляемой А.Н.Бернштамом³⁶¹.

В результате раскопок остатков средневековых городищ Жетысу был накоплен многочисленный материал, который, позволил А.Н.Бернштаму доказать факты согдийского переселения в Жетысу и его последствия. По его мнению, согдийцы с их традициями оседло-земледельческой и городской культуры были строителями городов в Жетысу и создателями городской культуры, Это проявилось в топографии городищ, в архитектуре и строительстве, в гончарстве, выпуске монет с согдийскими надписями, распространении зороастризма и зороастрийского погребального обряда.

Проанализировав все имеющиеся сведения письменных источников и археологических материалов, он показал процессы урбанизации в динамике: ранний тюрко-согдийский этап, охвативший VII-VIII вв. (эпоха Западнотюркского и Тюркешского каганатов). При этом он отметил, что эмиграция согдийцев, проходившая по трассе Великого Шелкового пути, усилилась в VII в. в результате арабского завоевания Средней Азии.

Именно в это время начинает формироваться семиреченский город, возникают многочисленные кешки согдийцев с их своеобразной «гребенчатой» планировкой, сооруженные техникой комбинированной кладки, появляются погребальные постройки – наусы с захоронениями костей в оссуариях, в хумах, захоронениями по обряду трупоположению. Распространяются культовые изделия согдийцев: очажки, светильники.

361 Бернштам А.Н. Согдийская колонизация Жетысу.// КСИИМК. С.34-43; Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. Бишкек, 1997. Бишкек, 1998. Т.1.

Согдийское письмо используется для нанесения надписей на керамику на монеты.

Распространяется буддизм, появляются буддийские храмы, открытые на городище Красная Речка, находки буддийской пластики.

В то же время, комплекс тюркских изделий: поясная гарнитура, украшение конского снаряжения, оружие, найденные в погребениях и случайно, рунические надписи на надмогильных камнях из Таласской долины, на «таласской палочке», каменные изваяния характеризуют культуру древних тюрок Жетысу.

Обе культуры вошли в тесное взаимодействие в рамках древнетюркских каганатов. Это позволило А.Н.Бернштаму отметить синкретический характер культуры согдийско-тюркского этапа³⁶².

Второй период охватывает время со второй половины VIII по конец IX в., и характеризуется началом ассимиляции согдийцев в тюркской среде, а в XI вв. происходит полная ассимиляция согдийцев, о чем сообщает М.Кашгарский, указав на то, что «Жители Баласагуна говорят по согдийски и по тюркски. Также жители Тараза и жители Белого города (Мадинат ал-Байда). ...Сугдаг – люди живущие в Баласагуне. Они – из Согда, который между Бухарой и Самаркандом, но они выглядят как тюрки и приняли их обычаи»³⁶³.

В 1947-1951 гг. под руководством А.Н.Бернштама разворачиваются исследования в смежном с Жетысу Южном Казахстане. Руководимая им Южно-Казахстанская археологическая экспедиция, в составе которой были Е.И.Агеева и Г.И.Пацевич проводит археологические работы в долине Арыси, в среднем течении Сырдарьи, на склонах Каратау³⁶⁴.

Исследователи выявили, что согдийское влияние распространялось и на сырдарьинские города. Оно усилилось в VI в. н. э. и проявилось в появлении здесь замков с «коридорообразными комнатами». Возможно, однако, пишут они, не исключено, что появление таких сооружений было связано с привлечением мастеров из Согда, а также близостью культурных традиций Южного Казахстана и Средней Азии³⁶⁵.

В 1952-1954 гг. работы А.Н.Бернштама по изучению городов Чуйской долины продолжил П.Н.Кожемяко. Он выявил и обследовал здесь 18 городищ с «длинными валами» или «длинными стенами», десятки замков и торткулей. О согдийской колонизации он писал как о процессе переселения в Жетысу «групп людей из Согда и Шаша уже в VI-VIII вв.». В то же время он считал, что процесс возникновения городов в Чуйской долине был также связан с переходом к оседлости кочевых тюрок. Ссылаясь на материал С.В.Киселева о развитии оседлости и земледелия у тюрок Монголии, он отмечал, что часть тюрок была оседлой изначально³⁶⁶.

362 Чуйская долина. С.115-126, 145-147.

363 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XIV вв. о долине Талас и смежных районах. С.83-84.

364 *Бернштам А.Н.* Древний Отрар// ИАН КазССР. №51. Алма-Ата, 1951. Сер. археологическая. Вып.3. С.81-97.

365 *Агеева Е.И., Пацевич Г.А.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. С.9, 67; *Агеева Е.И.* Керамика Отрара// ИАН КазССР. Сер. археологическая. Алма-Ата, 1951. Вып.3. С.108.

366 *Кожемяко П.Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С.167-169.

Это мнение П.Н.Кожемяко об оседлости у тюрков, тогда спорное, блестяще подтвердилось современными открытиями пратюркских жилищ и поселений в Саяно-Алтайском нагорье у носителей тагарско-таштыкской культуре (тесийском) этапе II – середине I в. до н. э. и более позднего времени³⁶⁷.

Аналогичное мнение о согдийской колонизации было высказано им и в результате исследований остатков городов в Таласской долине³⁶⁸.

Важное значение для исследуемой проблемы имели работы Чуйского отряда Киргизской археолого-этнографической АН СССР экспедиции, возглавляемой Л.Р.Кызласовым. Отряд провел широкомасштабные раскопки городища Ак-Бешим, которое, несомненно, отождествляется со средневековым Суябом, столицей Западнотюркского и Тюркешского каганатов. Эти исследования дали первоклассный материал о структуре города, о буддийских, манихейских христианских храмах.

По мнению Л.Р.Кызласова, город Суяб, основанный в V в., видимо, согдийцами-колонистами (судя по надписям на монетах, печатях, керамике и другим археологическим материалам, имел разноязычное население. Здесь жили не только согдийцы, но и тюрки, а временами сирийцы и китайцы... «В нем уживались общины, имеющие разную религиозную принадлежность: буддисты и христиане, среднеазиатские зороастрийцы и тюркские манихеи»³⁶⁹.

Архитектура буддийского храма, расположенного на городище Ак-Бешим, по мнению Л.Р.Кызласова, связана со строительными традициями Восточного Туркестана и Согда, а архитекторами и строителями его были согдийцы³⁷⁰. В то же время на найденных в храме бронзовых позолоченных бляхах изображены божества тюрко-согдийского пантеона³⁷¹.

Согдийцами было также построено сооружение, названное «башней молчания», сооруженное в конце V – начале VI в.

Интересен вывод Л.Р.Кызласова, отметившего, что движение согдийцев в Жетысу и Центральную Азию шло в основном не из Согда, а из Чача, культура которого в VI-VIII вв. развивалась под влиянием Согда³⁷².

Исследователь керамики Ак-Бешима В.И.Распопова назвала свою статью «Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины»³⁷³.

Согдийская керамика составляет, по его мнению, основную часть всего, керамического комплекса Ак-Бешима.

Благодаря тщательной стратиграфии раскопов и привязки керамики к слоям, В.И.Распопова смогла выделить разновременные керамические комплексы: раннюю группу, группу VII-VIII вв. и IX-X вв.

Ранняя группа может, по ее мнению, отнесена к V-VI вв. Переселения согдийцев в Жетысу не может быть датировано временем не ранее V в.

367 *Кызласов И.А.* Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва-Самара, 2005.

368 *Кожемяко П.Н.* Оседлые поселения Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С.224.

369 *Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. С.224.

370 *Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. С.273.

371 *Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. С.290-291.

372 *Кызласов Л.Р.* Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. С.340.

373 *Распопова В.И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины // ТКАЭЭ. Москва, 1960. Т.II. С.138-163.

Судя же по керамике, основной приток согдийцев приходится на VII-VIII вв.

В VIII-X вв. основные формы согдийской керамики, по мнению исследователя, подвергаются переработке³⁷⁴.

Изучение керамики VII-VIII вв. из раскопок городищ Таласской долины позволило М.А.Бубновой отметить, что она имела меньше сходства с согдийской, по сравнению с керамикой Чуйской долины³⁷⁵.

Новый этап в изучении проблемы «согдийской колонизации» связан с именем С.Г.Кляшторного, который в 1964 г. выпустил работу «Древнетюркские рунические памятники», в которой отдельная глава посвящена взаимодействиям согдийцев и тюрков в Центральной Азии, и в контексте которой была рассмотрена проблема согдийской колонизации Семиречья.

Такой подход к вопросу о согдийцах в Жетысу вывел проблему на евразийский уровень, на выяснение роли древних тюрков и согдийцев в судьбах Евразии в истории Китая и Ирана, Арабского халифата и Византии. Его исследование базировалось на анализе древнетюркских рунических источников, а также сведений китайских, арабских и греческих авторов. Он также опирался уже на достаточно большой накопленный материал³⁷⁶.

По мнению С.Г.Кляшторного, начальный этап развития городов в Семиречье был связан с переселением сюда согдийцев. Начало этого процесса вслед за А.Н.Бернштамом, В.И.Распоповой, Л.Е.Кызласовым относил к V-VI вв., а основной приток согдийского населения в Жетысу приходился на VI-VIII вв. Среди исследованных городов согдийцев он называет городище Красная Речка, Ак-Бешим, давшие представление о топографии городов, их застройке.

Только в Чуйской долине в VI-VIII вв. существовало не менее 18 крупных городов и большое число мелких поселений. Самое первое описание городов Жетысу и их населения принадлежит китайскому путешественнику Сюань Цзяну, посетившему Жетысу в 630 г.

Он писал: «Пройдя более 500 ли на северо-запад от Прозрачного озера (Иссык-Куль), прибыли в город Суй-е (Суяб). Этот город в окружности 6-7 ли. В нем смешанно живут торговцы из разных стран и ху (согдийцы). Земли пригодны для возделывания красного проса и винограда. Люди одеваются в тканые шерстяные одежды. Прямо на западе от Суй-е находятся несколько десятков одиночных городов, и в каждом из них свой старейшина. Хотя они не зависят один от другого, но все подчиняются тюркам и далее «Тех кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду – поровну»³⁷⁷.

Независимость городов была характерна и для более позднего времени. Так, анонимный автор персидского сочинения «Худуд ал-Алам» пишет о селении Беклиг, которое по согдийски называлось Семекна и находилось в Чуйской

374 *Распопова В.И.* Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. С.163.

375 *Бубнова М.Н.* Средневековое поселение Актобе I у с. Орловка.// Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С.140.

376 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.78-135.

377 *Зувев Ю.А.* Китайские известия о Суябе. С.90-91.

долине. Владетель города носил титул Бадан-Сангу, по другому тюркский титул Иинал-тегин, у которого было 7000 воинов и сам город выставял 3000 воинов.

На южном берегу Иссык-Куля находился город Яр, который мог выставить 3000 всадников. Владетель города Суяба был братом одного из тюркских ханов, он носил Ялан-шаха (царь героев) и мог выставить 20000 воинов. На расстоянии одного фарсха от Навакета стоял город Пенджикет, выставяющий 8000 воинов. Около Суяба было еще три селения, и каждое имело своего владетеля³⁷⁸.

Сюань Цзян резюмирует свои наблюдения: «Страна от города Суяба до княжества Кушания называется Сули, ее население также носит это имя». Итак, Сюань Цзян не находил этнического различия между частью населения жетысуйских городов и собственно Согда.

Описав одежду, внешний вид и согдийцев, Сюань Цзян пишет об их обычаях – торговая предприимчивость, погоня за наживой претили буддийскому монаху, проповедовавшему отрешенность от мирской суеты. Однако паломник не преминул отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство, сразу же вводящее его читателя в круг повседневной жизни согдийских поселенцев: «Тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (ремесленников и купцов), – поровну». Это свидетельство явно указывает не только на торгово-ремесленный, но и на аграрный характер согдийских городов, что подтверждается и археологическими наблюдениями.

В это же время обстановка в Жетысу была беспокойной и видимо поэтому источники сообщают о том, что земледельцы захватывают друг друга в плен и не снимают доспехов.

В условиях политической нестабильности города стремились к объединению и оно произошло, что видно из древнетюркских источников, сообщавших о посольстве из согдийцев и бухарцев, прибывшем в 732 г. на похороны Кюль-Тегина: от всех согдийских городов Жетысу³⁷⁹.

О многочисленности согдийцев в Жетысу свидетельствуют китайские источники. Они указывают на то, что в 739 г. в Жетысу «несколько десятков тысяч выходцев из западных владений вместе с баханьским (государем) и другими владетелями покорились Китаю»³⁸⁰.

В 60-е годы были проведены археологические работы в Таласской долине, где велись раскопки городища Тараз; в Чуйской долине на городище Луговое; в Илийской долине, начались и до сих пор продолжаютя раскопки городищ Талгар (город Тальхир), Антоновка (город Каялык).

Итогом работ в Таразе стала монография Т.Н.Сениговой «Средневековый Тараз». Рассматривая период раннего средневековья с точки зрения взаимодействия тюрков и согдийцев, она вслед за А.Н.Бернштамом отмечает роль Согда и согдийцев в развитии городской культуры Тараза и Таласской долины. Она

378 *Бартольд В.В.* Очерк истории Семиречья. С.37-38.

379 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. С.126-133.

380 *Бичурин Н.Я.* (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Москва, 1950. Т.I. С.299.

Рис. 156. Городище Луговое.
Ручка с согдийской надписью

также переводит вопрос о связях культур тюрков и согдийцев в этногенетическую плоскость и пишет о «значительной роли согдийцев в этногенезе населения городов Южного Казахстана»³⁸¹.

Раскопки городища Луговое и исследование городов и поселений Казахстанской части Чуйской долины (юго-западное Жетысу) и сопоставление известных и новых материалов отсюда с материалами поселений и городищ Согда долины позволили отметить, что согдийская ко-

лонизация сыграла важную роль в развитии городской культуры в Чуйской долине в VII-VIII вв. Отмечалась роль в сложении городской культуры и тюрков. Приводятся в качестве аргумента в пользу этого мнения тюркские названия городов: Кулан, Сарыг, Джуль, Чигиль-балык, Якалык, Орду. В Илийской долине города и городская культура формировались позднее в IX-X вв. Здесь города развивались на базе тюркских ставок. Отмечалось, что районы Жетысу, юго-западное и северо-восточное отличались друг от друга временем и темпами формирования урбанизированной культуры³⁸².

В конце 70-х и 90-х гг. продолжались исследования городов Жетысу и в Чуйской и в Илийской долинах. Интересные материалы были получены в ходе работ двух археологических отрядов, организованных Институтом истории, археологии Академии наук Киргизской ССР и Институтом истории, археологии и этнографии Академий наук Казахской ССР на городище Красная Речка. Одним из результатов работ стало сейчас уже общепринятое отождествление городища Красная Речка с городом Навекатом, крупным согдийским центром³⁸³.

Был получен материал об этапах формирования городища, о религиозных воззрениях, таких, как зороастризм, буддизм, христианство, ислам³⁸⁴.

Были рассмотрены находки с раскопок городища, проанализирован монетный материал, проведены палеоантропологические исследования.

В сборнике трудов экспедиции впервые была дана сводка согдийской эпиграфики, в основном надписей на керамике, выполненная В.А.Лившицем³⁸⁵.

Опираясь на массив памятников согдийского письма он делает важное заключение о роли согдийского письма в тюркских государствах Жетысу. Это было обусловлено, по его мнению, наличием здесь согдийских поселений и международным престижем согдийского языка.

381 *Сенигова Т.Н.* Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. С.208-211.

382 *Байпаков К.М.* Средневековые города и поселения Жетысу (VII-X вв.): Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Алма-Ата, 1966. С.19-20.

383 *Байпаков К.М., Горячева В.Д.* К вопросу о локализации Навакета.// Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции Культура и искусство Киргизии. Ленинград, 1983. С.74-75.

384 Красная Речка и Бурана.// Материалы исследований КАЭ. Фрунзе, 1989.

385 *Лившиц В.А.* Согдийцы в Жетысу: лингвистические и эпиграфические свидетельства.// Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С.78-85.

Большинство надписей на керамике начертаны поздним согдийским курсивным письмом и могут быть датированы IX-X или даже началом XI в. Содержание надписей весьма показательно.

Надпись на венчике хума, найденного в 1941 г. на городище Красная Речка, переводится «Этот хум (предназначен) для учителя Йаруктегина. Мастер – Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!».

Это титул, а также заключительное «аминь», не оставляют сомнения в том, что знатный тюрк Йаруктегин был одним из руководителей христианской общины.

В мастерской гончара Пастуна был изготовлен еще один хум, обнаруженный тоже в 1941 г. на том же городище, с более краткой надписью «мастер этого хума – Пастун».

В археологическом кабинете Ташкентского государственного университета хранится фрагмент венчика хума, также найденный на Красной Речке; на фрагменте сохранились лишь начало и конец надписи «Этот сосуд подарен... да будет!».

О подарке жителей одного из согдийских поселений Семиречья своему сюзерену, тюркскому владетелю, можно судить по большой двустрочной надписи на венчике хума, который был найден в 1941 г., на городище у с. Покровка, примерно в 20 км к западу от Красной Речки: «Этот сосуд – дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь... Государь Алп-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!».

Согдийская надпись на венчике хума обнаружена при раскопках Кысмычи в Чуйской долине: «епископ Ширфарн».

С городища Тараз происходит вертикальная надпись на стенке хума: «пре-свитер Иль-таг».

В 1990 г. археологическая экспедиция Казахского Государственного университета в ходе работ на городище Ак-тобе в Чуйской долине обнаружила пять фрагментов венчика хума с процарапанной согдийской надписью.

Судя по палеографии, надпись датируется не ранее IX в. Актюбинская надпись имеет дату.

Текст надписи переводится так:

«[Это вино (?) приготовлено вместе с этим большим сосудом в благословенный год, в радостный день, в год Зайца, в месяце Шнаханда, в четверг,

*Рис. 157. Городище Красная речка.
Погребение тюрка и согдианки*

в день Рама-ром. [На] писано: «Алим-хан Аббас 160 долгих лет пусть проживет, богатым (он) сам да будет (и) сильным».

Если относить надпись к IX – первой половине X вв., то для года Зайца можно выбрать одну из следующих дат: 811, 823, 835, 847, 859, 871, 883, 895, 907, 919, 931, 943, 955 гг.³⁸⁶

К XI или X в. можно отнести вертикальную надпись из трех коротких строк, процарапанную на шиферной пластинке (найдена в 1983 г. при раскопках Тараза). По содержанию это памятная долговая запись: «И имеется за округом (землей) Тумкат четыре с половиной драхмы». Особую группу составляют согдийские наскальные надписи в ущельях Терексай и Кулан-сай на южном склоне хребта Киргизский Алатоо, к северу от современного г. Талас. Эти надписи известны науке уже с конца XIX в.³⁸⁷

Надписи принадлежат к числу «посетительских», они содержат перечни (иногда очень обширные) имен, в подавляющем большинстве древнетюркских. Это имена путников, поднимавшихся по караванным тропам через ущелья Терек-сай и Кулан-сай.

Несколько надписей имеют даты по эре Иездигерда III, они приходятся на период с начала X до конца первой четверти XI в.

Краткая надпись 1-а в ущелье Терек-сай – самая ранняя из датированных надписей этой группы, начертал ее тюрк: «Мы написали эту надпись – государь Кюль-тегин Алп-таркан».

На скале в Терек-сае выбиты 7 согдийских вертикальных надписей и 3 рунических. Наиболее поздняя сохранила дату – первый месяц 371 г. эры Хосрова, что соответствует 1002 г. н. э. Другие согдийские надписи на этой скале относятся, вероятно, к X в. В сохранившихся частях надписей представлены перечни древнетюркских имен, мужских и женских, причем некоторые мужские имена сопровождаются титулом «государь», а при женских регулярно выступает титул «хатун, госпожа»; в надписях упоминаются также имена дочерей. В надписи II – г вновь встречается указание на то, что согдийскую надпись написал тюрк: «Государь Алп-богра это написал».

В ущельях Кулан-сай на гранитной скале выбиты 2 согдийские и 1 руническая надпись, в том числе большая согдийская из 18 вертикальных строк (надпись III – а). Она датирована 6-м месяцем 394 г. эры Хосрова, что соответствует августу-сентябрю 1025 г. Это самый поздний из всех согдийских текстов, имеющих точные даты. В надписи приведен эквивалент даты по тюркскому

386 *Лившиц В.А.* 160 счастливых лет желают согдийцы Алимхану Аббасу.// *Transoxiana. История и культура.* Ташкент, 2004. С.208-212.

387 *Каллаур В.А.* Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду.// ПТКЛА. Ташкент, 1897. Год второй. Приложение к протоколу от 29.VIII.1897 г. С.4-6; протокол от 10.XI.1897. С.6; *Каллаур В.А.* Новая археологическая находка в Аулиеатинском уезде.// ПТКЛА. Ташкент, 1898. Год третий. С.123-124; *Иванов П.П.* К вопросу о древностях в верховьях Таласа.// С.Ф.Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Ленинград, 1934. С.249-250; *Массон М.Е.* К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии.// *Материалы Узкомстариса.* Москва-Ленинград, 1936. Вып.6-7. С.11-12; *Лунин Б.В.* Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Ташкент, 1958. С.124-147; *Джумагулов Ч.* Эпиграфика Киргизии. Фрунзе, 1963. Вып.1. С.7; *Сыдыков С.* Древние надписи в ущельях Кулан-сай и Терек-сай.// *Материалы по общей тюркологии и дунгановедению.* Фрунзе, 1964. С.102-106.

12-летнему циклу «год Мыши», Среди древнетюркских имен, перечисленных в надписи, 9 мужских и 9 женских. Особый интерес вызывает государь Ильтиргюк Алп-таркан, имя которого точно совпадает с именем чигильского правителя Аргу-Таласа в колофоне древнетюркского манихейского текста из Турфана.

В заключительной 18-й строке надписи содержится тюркское имя ее составителя – Кюльтак, с эпитетом «благословенный». Возможно, что именно об этом лице писал в своем словаре Махмуд Кашгарский: «Oulbag – имя тюркского отшельника, который постоянно жил в горах Баласагуна. Рассказывают, что он писал своей твердой рукой на твердой скале и надпись получилась белой. И писал он таким же образом на белой скале и получилась черная надпись»³⁸⁸.

В связи с характеристикой согдийской эпиграфики следует отметить, что достаточно показательны наличие в Жетысу и рунических надписей. Среди них краткие рунические наскальные надписи в ущелье Чимтай и Терек-сай, древнетюркские рунические надписи на деревянной палочке из Таласской долины и валуны с надписями – эпитафиями из ущелья Айртам-ой, также найденными в долине Таласа. Эти эпитафии относятся, по мнению С.Г.Кляшторного, к эпохе правления Сулук Чобыш-чора и его сына (716-740 гг.), но могут быть и более поздними (766)³⁸⁹. В Таласской долине на городище Джувантобе был найден обломок каменной поделки с надписью из пяти рунических знаков. Она переводится как «Атлах». Так назывался средневековый город, который находился, как считают исследователи, на месте городища Джувантобе. Переводится Атлах, как «места переправы, перевала»³⁹⁰.

Несколько древнетюркских рунических надписей обнаружены в Илийской долине на городище Жаксылык. Это бронзовый перстень, на щитке которого вырезана надпись «Опустись на колени боязливый», которая характеризует духовный мир древнего тюрка³⁹¹.

И еще одна надпись на каменной поделке – пряслице с городища Талгар. Надпись короткая «тётя». Датируется она VIII-IX вв.³⁹²

Три наскальных надписи обнаружены в ущелье Терексай (левый берег р. Большая Аксу). Одна надпись найдена в ущелье Сазыр (правый берег р. Большая Аксу) и надпись ущелья Надыр (правый берег р. Баян-Казак»³⁹³.

Уникальные древнетюркские рунические памятники были открыты в Центральном Тянь-Шане в Кочкорской долине, месте скопления древнетюркских могильников и поминальников VI-X вв. Надписи находятся на валунах, всего их восемь. Они расположены на высоте 1900-2200 м. Надписи содержат имя «Адык». Рядом с надписями выбита тамга X. Надпись – это личное имя.

388 *Лившиц В.А.* Согдийцы в Семиречье. Лингвистические и эпиграфические свидетельства. С.85.

389 *Кляшторный С.Г.* Памятники древнетюркской письменности.// Источниковедение Кыргызстана. Бишкек, 2004. С.57-58; *Кляшторный С.Г.* Рунические памятники Таласа: проблемы датировки и топографии.// История Центральной Азии. Санкт-Петербург, 2003. С.290-293.

390 *Кляшторный С.Г.* История Центральной Азии и памятники рунического письма. Санкт-Петербург, 2003. С.289-290.

391 *Аманжолов А.С.* Тюркская руническая надпись на бронзовом перстне. Алматы, 2003. С.214-216

392 *Аманжолов А.С.* Руническая и грекографическая надпись на каменном пряслице с Таласского городища.// История и теория древнетюркского письма. Алматы, 2003. С.235-236.

393 *Аманжолов С.А.* Три наскальные рунические надписи в долине р. Или.// История и теория древнего тюркского письма. Алматы, 2003. С.209-213.

Интересны надписи «Моё мужское имя Адык. Мой (наш) Ярыш в стране десяти стрел». Датируются надписи 716-739 гг., это вторая половина периода существования Тюргешского каганата – «Государства десяти стрел». Памятники определяют права кочевников на данное место, как собственность конкретного лица, в данном случае Адыка. В одном случае надпись выбита рядом с изображением всадника с беркутом на руке, спешенного всадника рядом со стоящим взнузданным конем с сидящим рядом беркутом. По мнению С.Г.Кляшторного, Ярыш – это древнетюркское название Кочкорской равнины. О ней говорится в памятнике Тоньюкуке. После его победы над енисейскими кыргызами в 711 г., посланные на запад разведчики донесли: «На равнине Ярыш собрались десять туманов войска (тюргешей), а войска десяти стрел выступили в поход, и тюргешский каган приказал собраться на равнине Ярыш».

Таким образом, благодаря надписям на валунах, из Кочкорки удалось определить место ставки Тюргешского кагана³⁹⁴.

Взаимоотношения тюрков и согдийцев Жетысу нашли свое определение и в обобщающих трудах по истории Казахстана и Киргизии.

Отмечалась роль Согда и согдийцев, переселявшихся в Жетысу в создании городов и формирования городской культуры, но при этом отмечалось тюркское влияние на развитие культуры Средней Азии, Согда и Чача и самого Жетысу³⁹⁵.

По мнению историков Киргизии, согдийцы заложили основу оседлой культуры, но при этом массовое оседание тюрков-кочевников способствовало интенсивному росту поселений и городов в Жетысу, ускоряло процесс «взаимопроникновения и взаимовлияния двух культур»³⁹⁶.

В решении согдийской проблемы появляется и новое, вызванное открытиями, в частности, казахстанскими археологами усуньских поселений в Жетысу, относящихся к III – первой половине V в. н. э.³⁹⁷.

Был выделен пласт усуньской культуры в формировании материальной культуры Жетысуйского города и отмечено, что многие средневековые города «стоят» на земледельческих поселениях³⁹⁸.

Новые материалы, получены в результате поисков и раскопок сакских и усуньских поселений, их хронологии. Только в одном Талгарском микрорайоне из выявлена более 20. Группа поселений обнаружена в долинах рек Чилик, Чарын, Кегень, в предгорьях юго-западного хребта Заилийский Алатау. Среди них поселения Рахат вблизи сакского могильника Иссык и Сары-тогай (Чарын), которые, судя по размерам, фортификации можно отнести к категории протогородов. Более того, поселение Сары-тогай, возможно, отождествляется со столицей Усунь городом Чигучэн. На поселении обнаружены стационарные жилища-землянки и наземные жилища со стенами из сырцового кирпича. Дати-

394 Кляшторный С.Г. Древние рунические памятники на Центральном Тянь-Шане.// Известия МОН РК НАН РК. 2001. №1. С.83-87.

395 История Казахской ССР. Фрунзе, 1984. С.320.

396 История Киргизской ССР. Фрунзе, 1984. С.320.

397 Акишев К.А. О возникновении оседлости и земледелия у древних усуней Жетысу.// По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С.69-78.

398 История Казахской ССР Т.1. С.386.

руется поселение на основании радиоуглеродных дат VIII в. до н. э. – IV в. н. э. Жители их занимались земледелием и отгонным скотоводством. Земледелие было богарным с использованием искусственной ирригации. Выращивали зерновые – несколько сортов пшеницы, ячмень, возможно, рис.

Становится понятным, что основа государств Саков и Усунь базировалась не только на кочевом скотоводстве, но и на земледелии и скотоводства разных типов³⁹⁹.

Важное значение в вопросах изучения раннесредневековых городов Казахстана и Средней Азии сыграла конференция, посвященная раннесредневековой археологии региона. На ней обсуждались и проблемы «согдийской колонизации».

Вопросы социологической, этнокультурной и этногенетической интерпретации «согдийцев Жетысу» были рассмотрены и с позиции культурогенеза, с изучением культурогенеза в эпоху раннего средневековья⁴⁰⁰.

В.М.Массон отметил роль культурных эталонов урбанизационного Согда и распространение их в соседних странах, в частности, в Жетысу, подчеркнул важнейшую роль тюрко-согдийского синтеза, протекавшего, в том числе и в сфере этногенетических процессов⁴⁰¹.

Об этих процессах писали и казахстанские исследователи, когда отмечали, что «согдийская колонизация» являлась многоплановым процессом. Так, наиболее ярко она проявилась в юго-западном Жетысу (Таласская и Чуйская долины), где находились основанные согдийцами города – Джамукат, Навекат, Бунджикат, где сформировались согдийские диаспоры – в Таразе, Джамукате.

В северо-восточном Жетысу (Илийской долине) города стали складываться позднее – в IX-X вв., а по новым данным в VIII-IX вв., в период, названный А.Н.Бернштамом «карлукским», когда в юго-западном Жетысу согдийская культура уже претерпела существенные изменения⁴⁰². Здесь не было процессов основания согдийцами городов, а сами города формировались на базе тюркских ставок и зимовок. Важную роль в формировании городской культуры играли усунь и традиции усуньской культуры.

На юге Казахстана городская культура и сами города формировались в эпоху Кангюя – государства с центром на средней и нижней Сырдарье, где выявлены сотни поселений XI в. до н. э. – VII в.н. э., в том числе и таких, которые можно считать городами⁴⁰³.

Еще В.М.Массон отмечал, что каучиноидные культуры Сырдарьи играли важную роль в истории Средней Азии. Он первый поставил вопрос о выде-

399 *Байпаков К., Чанг К.* Новые данные о хозяйстве саков и усуней Жетысу.// Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. Алматы, 1997. С.53-69; *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы, 2008.

400 *Массон М.Е.* Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана.// УСА. Ленинград, 1970. Вып.4. С.3.

401 *Массон В.М.* Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана. С.6.

402 Чуйская долина. С.126-133.

403 *Байпаков К.М.* Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана.// УСА. Москва, 1979. Вып.4. С.7-10; *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1962. С.1857-196; *Левина Л.М.* Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. Москва, 1971. С.10-57.

лении единой культурно-хозяйственной зоны, объединяющей области от низовьев Сырдарьи до Ферганы. Для нее были характерны: земледельческо-скотоводческая экономика, монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки, слабое развитие ремесла, ограниченность денежного обращения. Но в VII-VIII вв. он отмечает, что в подъеме экономике и культуры всего сырдарьинского региона сыграли согдийские культурные стереотипы, а не массовое переселение сюда согдийцев. И очень важно, отметил он, эти стереотипы не заслонили местных традиций.

Эти положения о важной роли согдийских культурных эталонов на развитие местных культурных традиций, в том числе усуньских, кангуйских, тюркских, стали важными в понимании процессов тюрко-согдийского синтеза. Они стали определяющими в казахстанской археологии, связанной с изучением городов и городской культуры в Жетысу и на юге Казахстана. При этом тюрко-согдийский синтез рассматривался в динамике с VI по XI вв. и конкретно для разных историко-культурных районов – юго-западного, северо-восточного Жетысу и Южного Казахстана⁴⁰⁴.

Яркие открытия были сделаны в конце XIX вв. при раскопках Ак-Бешима (Суяба) археологической экспедицией Государственного Эрмитажа, возглавляемой Г.А.Семеновым.

Раскопки цитадели выявили динамику ее развития. Так, выяснилось, что она была встроена в угол городских стен, а не возникла раньше всех построек и не явилась градообразующим ядром города. Начальный этап ее сооружения относится к VII-VIII вв. В первый этап она состояла из сводчатых помещений. В IX-X вв. эта ранняя постройка после забутовки помещений превращается в платформу, на которой возводится новое здание дворцового типа с внутренним двором. Оно просуществовало до XI в.⁴⁰⁵

На территории шахристана изучался крупный церковный комплекс, датированный X-XI вв., существовавший около столетия. Он принадлежал христианской архитектуре⁴⁰⁶. В раскопанной в одном из помещений винодельне находились 12 хумов, один из которых имел на венчике согдийскую надпись.

По мнению Г.Л.Семенова, Суяб возник как следствие миграции в Жетысу согдийцев из-за аграрного перенаселения самого Согда, о чем писали Б.И.Маршак и В.И.Распопова⁴⁰⁷.

Таким образом, была подчеркнута сельскохозяйственная роль города, точнее его округи, окруженной длинными стенами.

Поселение, город и степь в эпоху древности и средневековья. Крупная историко-культурная область региона Жетысу и Южный Казахстан – занимает территорию между Средней Азией, с одной стороны, Центральным Казахстаном, Сибирью и Уралом – с другой. В ней выделяются три района – Юго-За-

404 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Жетысу. Алма-Ата, 1986. С.92-98; Лившиц В.А. Согдийская надпись на венчике хума из Ак Бешима.// Суяб Ак Бешим Санкт-Петербург, 2002. С.128-133.

405 Семенов Г.Л. Раскопки 1996-1998.// Суяб Ак-Бешим. Санкт-Петербург, 2002. С.11-44.

406 Лившиц В.А. Согдийская надпись на венчике хума из Ак Бешима.// Суяб Ак Бешим. Санкт-Петербург, 2002. С.128-133.

407 Семенов Г.Л. Заключение.// Суяб Ак-Бешим. С.170-171.

падное Жетысу (междуречье Таласа и Чу), Северо-Восточное Жетысу (Илийская долина) и Южный Казахстан (долина Сырдарьи).

В то же время и сама область и ее районы в силу своих естественно-природных условий, характеризуются наличием «зон жизни», как это, например, отмечается в Жетысу, где на пространствах от полупустынь и пустынь до гор Тянь-Шаня размещались зоны, удобные только до скотоводства, «зоны жизни», где можно было заниматься и скотоводством разных типов от придомного до кочевого и земледелием, в том числе и с использованием ирригации⁴⁰⁸.

На юге наиболее удобные для занятия земледелием «зоны жизни» располагались в долинах рек, в предгорьях западного Тянь-Шаня и Каратау, тогда когда степные пространства, пустыня Кызыл-Кумы и высокогорья использовались как пастбища. Такое положение издревле определяло своеобразие развития культуры. Здесь в контактной зоне земледелия и скотоводства наиболее отчетливо проявляются взаимодействия земледельцев и скотоводов, оседлости и кочевничества, города и степи. Эти взаимодействия были многообразны: политические, экономические, культурные, этнические.

Взгляды исследователей на характер этих контактов неоднозначны. Так, в начале XX в. писали о кочевниках, находящихся в состоянии постоянной борьбы с оседлыми земледельцами, кочевниках, которые «сметали все на своем пути и обращали цветущие оазисы в мертвые пустыни»⁴⁰⁹. Кочевники Востока, в том числе Казахстана и Средней Азии, зачастую рассматриваются как носители закоснелой культуры, а их влияние на развитие цивилизации – губительное.

Однако, в науке преобладает и доказано мнение о тесной, органической связи между кочевниками и земледельцами. Следует говорить об единой экономической системе, охватывающей как оседлую, так и кочевую часть населения вообще и какого-либо конкретного региона, системе, в которой оба направления хозяйственной жизни не могли нормально функционировать без постоянного взаимообмена. Нарушение этого экономического единства приводило к тяжелейшим последствиям для кочевников и для жителей оседлых оазисов⁴¹⁰.

В качестве военной силы кочевники выступали не только как угроза, но и как защита. Кочевник – это обученный воин-всадник. На протяжении всей истории на территории Центральной Азии по соседству обитали этносы разного происхождения, с разными хозяйственными традициями в силу того, что сухие степи и предгорья окружали плодородные долины, пригодные для поливного земледелия, а для ряда районов характерна была чересполосица ландшафтных зон.

408 *Аболин Р.И.* От пустынных степей Прибалхашья до снежных вершин Хан-Тенгри. Геоботаническое и почвенное описание южной части Алма-Атинского округа Казахской ССР. С.315-330, 334-336.

409 Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Туркестанский край. Санкт-Петербург, 1913. Т.19. С.18-19.

410 *Толстов С.П.* Древний Хорезм. Москва, 1948. С.245; *Маргулан А.Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950. С.4-8; *Жданко Т.Л.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане. // История, археология и этнография Средней Азии. Москва, 1968. С.274-281; *Плетнева С.А.* Кочевники средневековья. Москва, 1982. С.147.

Важное значение для понимания взаимоотношений кочевников и земледельцев имеет установленный факт о том, что «чистые кочевники» являлись редким исключением и что элементы оседлости и земледелия всегда сопровождают кочевое хозяйство; в рамках единой этнической общности наряду с кочевым существовали полукочевые и полуоседлые группы скотоводов⁴¹¹. Поэтому «непроходимой границы» между земледельцами и скотоводами не было, и в массе последних всегда имелись потенциальные группы населения, которое при определенных условиях и стечении обстоятельств переходило на оседлый образ жизни. Были и обратные процессы.

Интенсивное археологическое изучение городской оседлой, земледельческой культуры Южного Казахстана и Жетысу позволило выявить новый материал, систематизировать его и рассмотреть целый ряд вопросов, в том числе и аспект взаимодействия развития города и степи в древности и средневековье вплоть до периода, освещенного этнографическими сведениями.

Е.Е.Кузьмина, опираясь на памятники Чуйской долины, Иссыккульской котловины и Центрального Тянь-Шаня пишет о памятниках тянь-шанского типа, которые датирует XV-X вв до н. э. и памятниках семиреченского типа или семиреченской культуры, которые датирует эпохой поздней бронзы X-VI вв. до н.э. Заселение Жетысу происходило в результате переселения андроновцев из Центрального Казахстана в эпоху бронзы. Именно там находятся истоки андроновской культуры Тянь-Шаня⁴¹².

Население в западной части Жетысу, появилось в середине II тыс. до н. э., поскольку этим временем датируются наиболее древние погребения в урочище Тамгалы, в горах Анрахай и Киндиктас, Предположительно в это же время незначительные группы населения продвинулись в долину реки Коксу, но основное заселение предгорной равнины в Джунгарском Алатау относится к XII-X вв. до н. э. шло из Восточного Казахстана⁴¹³.

В XIV-XIII вв. до н. э. были освоены высокогорные пастбища в долинах рек Алматы, Турген, Асы, Чилик в Заилийском Алатау.

Андроновцы занимались земледелием и скотоводством, причем скотоводство преобладало – разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец и верблюдов. Они вывели высокопородных лошадей, освоили колесный транспорт, что нашло широкое отражение в наскальном искусстве Южного Казахстана и Жетысу. Около сотни колесниц были выбиты на скалах только в горах Ешкиольмес в долине Коксу⁴¹⁴.

Земледелие могло быть достаточно высокопродуктивным только в предгорной зоне Жетысу и в долинах степных рек. Наиболее плотно были заселены

411 Руденко С.И. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.// Материалы по отделению этнографии. Географическое общество СССР. Ленинград, 1961. Ч.1. С.5-6, 12; Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах.// Известия Государственной академии истории материальной культуры. Москва-Ленинград, 1974. Вып.103. С.171.

412 Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе, 2008. С.293-298.

413 Горячева А.А. О погребальном обряде памятников Кульсайского типа.// История и археология Жетысу. Алматы, 2001. Вып.2. С.59.

414 Байпаков К.М., Марьяшев А.Н., Потапов С.А. Горячева А.А. Петроглифы в горах Ешкиольмес. Алматы, 2005.

предгорные долины и равнины с небольшими речками, из которых можно было брать воду для полива полей. Активно использовались также небольшие ручьи и талые воды – таким образом, орошались поля на верхней террасе реки Коксу в районе поселения Талапты. Нижняя надпойменная терраса в период таяния снега заливалась водой, а после ее спада влажные участки засеивались. О том, что на этих участках занимались земледелием уже в эпоху бронзы, говорят находки зернотерок, пестов и мотыг в пойме реки, например, в районе поселения Куйган. Во всех случаях земледелие было достаточно развито, в эпоху бронзы уже выращивались различные злаковые культуры: ячмень, просо, пшеница, вероятно, развитие получило и огородничество.

Часть населения расселилась на высоте около 1000 м над уровнем моря и могла заниматься богарным земледелием. Там же возник и получил развитие вертикальный способ кочевания, чему способствовали природные условия, позволявшие за короткое время значительно менять высоту и использовать для жизнедеятельности различные природно-климатические зоны.

Существует предположение, что первоначально создавались стационарные поселения, и люди проводили в горах круглый год и только позднее стали использовать пастбища в качестве летних, спускаясь к зиме в долины.

В целом, взаимодействие скотоводов и земледельцев поры бронзового века знаменовало собой первую великую эпоху ассимиляций в культурогенезе Средней Азии.

Вторая такая эпоха приходится уже на период, когда цивилизации Бактрии, Парфии, Согда и Хорезма взаимодействовали политически, экономически и культурой саков, усуней, кангюй и другими⁴¹⁵.

Вопрос о начальных этапах проникновения согдийцев в южные районы Казахстана и Жетысу связано с их переселениями в районы контролируемые государствами Усунь и Кангюй, но и с завоеваниями.

Согдийская керамика была обнаружена в нижних слоях городища Шымкент, датированных благодаря, именно ей III-V вв. до н. э.⁴¹⁶

Позднее уже в первой половине имело место военная инвазия, зафиксированная в надписях на керамической плитке, обнаруженной на городище Культобе в долине средней Арыси.

Надпись содержит текст о постройке крепости на землях, принадлежавшим кочевникам и завоеванных армией согдийцев, которую возглавлял владетель Чача и куда входили отряды, руководимые владетелями городов-государств Самарканда, Киша, Нахшаба и Бухары.

Датирована надпись I-II – IV-V вв. Н.Сим Вильямсом, но по мнению Э.В.Ртвеладзе она относится ко второй половине III в.⁴¹⁷

415 *Массон В.М.* О продвижении носителей племен степной бронзы и процессах культурогенеза в древней Средней Азии.// Комплексные общества в Центральной Евразии в III-I тыс. до н. э. Челябинск-Аркам, 1999. С.72-77.

416 *Байпаков К.М., Байтанаев Б.А., Сулейменов Р.Х., Грищенко А.М.* Стратиграфия городища Шымкент: взаимодействие и развитие города.// Древняя и средневековая урбанизация Евразии и возраст города Шымкент. Материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. Шымкент, 2008. С.19-30.

417 *Ртвеладзе Э.В.* Исторический контекст согдийских надписей из Культобе.// Древняя и средневековая урбанизация Евразии: возраст города Шымкент. Материалы международной научно-практической конференции 16 октября 2008 г. С.233-238.

Возможно, это оборонительный рубеж по Арыси был первым в истории, отношений Согда и степи.

В это же время еще раньше на границах Бухарского оазиса в Согде появились погребения скотоводческого населения. Большие курганные могильники скотоводов на границе оазисов характерны уже для периода II в. до н.э. – IV в. н.э.⁴¹⁸. Большинство погребений относится ко времени конца I в. до н.э. по III в. н.э.⁴¹⁹. Кладбища скотоводов находились, вероятно, вблизи их поселений, которые в таком случае располагались неподалеку от поливных земель. Вся керамика из могил продукция оседлого ремесла. Создается впечатление о существовании теснейшей кооперации согдийцев, кочевников и полукочевников.

В такой обстановке, естественно, развивался культурный обмен. Батальные сцены на роговых пластинах из Кургантепе восходят к степной художественной традиции. В то же время кургантепинские композиции, несомненно, превосходят сцены боев пенджикентской живописи и изображений на согдийском серебряном блюде, которые относятся уже к эпохе раннего средневековья и батальную сцену на костяной пластинке из тюркского погребения на Тянь-Шане. Да и воинское снаряжение раннесредневековых согдийцев явно родственно кургантепинскому⁴²⁰.

В начале I тыс. н. э. на средней и нижней Сырдарье, включая Фергану и Шаш, сложилась единая культурно-историческая зона трех археологических культур: каунчинской, ограрско-каратауской и джетыясарской. Население, оставившее эти памятники культуры, составляло основу этнополитического объединения Кангюй⁴²¹.

В конце III – начале IV в. под воздействием кочевников, пришедших с востока, в материальной культуре (керамика, оружие, украшения) стали происходить значительные изменения. Появились признаки, характерные для гуннских памятников Тувы и Монголии. Если раньше антропологический материал характеризовался наличием двух типов – хорасанского и восточно-средиземноморского, то теперь он свидетельствует о смешении европеоидного и монголоидного. Стала меняться и лингвистическая ситуация; тюркские языки вытесняют иранские. Пришельцы (а это, видимо, были гунны и другие центральноазиатские племена) дали толчок для движения джетыясарских и отрарско-каратауских племен вверх по Сырдарье, в Среднюю Азию. Другая часть населения (возможно, аланы) продвинулась на Кавказ⁴²².

В конце VI – начале VII в. в Жетысу и на юг Казахстана в Среднюю Азию хлынула новая волна племен из Центральной Азии – древние тюрки. Их влияние на культуру прослежено и в Жетысу, и на Сырдарье. В Отрарском оази-

418 *Обельченко О.В.* Кую-Мазарский могильник.// Труды ИИ АН УзССР. Ташкент, 1956. Т.8; *Обельченко О.В.* Лавандакский могильник.// ИМКУ. Ташкент, 1961. Т.2; *Обельченко О.В.* Курганы Древнего Согда. Ташкент, 1981.

419 *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Культы и ритуалы Кушанской Бактрии (Погребальный обряд). Москва, 1984. С.120-134.

420 *Маршак Б.И., Распопова В.И.* Кочевники и Согд.// Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989. С.421.

421 История Казахстана а. Алматы, 1996. Т.1. С.272-288.

422 *Андрианов Б.В., Левина Л.М.* Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в I тыс. н. э.// Этнография и археология Средней Азии. Москва, 1976. С.96.

се, например, в VI – первой половине VIII в. складывался новый культурный комплекс, в котором выделялись местные элементы и инновации. В это время прекратили свое существование многие из поселений и городищ. Население их было вытеснено в низовья Сырдарьи и вместе с джетысарцами ушло в район болотных городищ, в дельты Сырдарьи и Амударьи, где сформировалась кердерская культура⁴²³.

Оставшееся население вошло в Кангарское объединение Кангу-Тарбан, существовавшее в VII – первой половине IX в. Центр его находился на средней Сырдарье, в Отрарском оазисе⁴²⁴. Кангары являлись ядром печенжской конфедерации племен, которая сложилась на основе местного ираноязычного населения и тюркоязычных племен. Значительна роль кангаров в формировании огузского, а затем кыпчакского союза племен⁴²⁵.

В VI-VIII в. Южный Казахстан и Жетысу входили в состав Тюркского, Западно-Тюркского и Тюркешского каганатов. Сюда в это время переселились большие группы древнетюркского населения.

Под влиянием оседлых земледельцев и горожан бывшие кочевники быстрее переходили к оседлости, к городской жизни, осваивали городские ремесла.

Однако надо учесть, что оседлость и городская жизнь не была для тюрков чем-то совершенно неизвестным до контакта с согдийцами.

Традиции оседлости, домостроительства выявлены для тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья еще в VII-III вв. до н. э. (пратюркские памятники) и II в. до н. э. – V в. н. э. (древнетюркские памятники). Отмечена «поселенческая и строительная лексика» рунических текстов⁴²⁶.

В географическом труде ибн ал-Факиха, в главах о тюрках и «о некоторых городах тюрков и об их диковинных особенностях», составленном в 903 г. написано о том, что «тюргеши имеют города и селения»⁴²⁷.

Культурологический аспект взаимодействия характеризуется такими явлениями, как заимствование, подражание, диффузия, интеграция. Так, к примеру, оседлое население заимствовало у кочевого типы вооружения, украшений, посуды из драгоценных металлов. Однако оседлое население не шло по пути слепого копирования, а привносило в эти изделия свои специфические элементы.

Но «передав» престижные предметы, связанные с воинской аристократической средой раннесредневекового общества, кочевники-тюрки могли полностью удовлетворить свои запросы в этих изделиях только при наличии развитого городского ремесла⁴²⁸. Таким образом, спрос кочевников, скотоводов

423 Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. Москва, 1972. С.76-89.

424 Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. С.155-161; Байпаков К.М. Некоторые вопросы исторической этнографии Отрарского оазиса в раннем средневековье.// ВАН КазССР. 1985. №1. С.68-75.

425 Толстов С.П. Города гузов. С.101; Байпаков К.М. Городище Куйрык-тобе – город Кедер. Алматы, 2005. С.48-57.

426 Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. Москва-Самара, 2005.

427 Асадов Ф.М. Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку, 1993. С.44.

428 Распопова В.И. Согдийский город и кочевая степь в VII-VIII вв.// КСИА. Москва, 1970. Вып.122. С.86-91.

стимулировал развитие городского ремесла, а тюркские каганы были заинтересованы в развитии городской жизни. В то же время, переходящее к оседлой жизни скотоводческое население перенимало у оседлого населения традиции строительного дела, домостроительства, а тюркская знать приглашала для возведения дворцовых комплексов их украшения строителей из числа оседлого населения⁴²⁹.

Высокие искусство и архитектура во все времена не знали границ и были востребованы повсеместно.

Выдающиеся архитекторы создавали уникальные постройки, а художники украшали их с незапамятных времен.

Мавзолеи Тегискена эпохи бронзы в Приаралье были возведены безымянными архитекторами «южных районов». И «пока Тегискен является единственным памятником, не имеющим себе равных по величине и сложности надмогильных сооружений, по богатству и пышности погребальных инвентаря»⁴³⁰. Исследователь тегискенских мавзолеев М.А.Итина писала, «В некрополе северного Тегискена южные влияния, как мы увидим, проявляются в еще более разнообразном и сконцентрированном виде, хотя можно предположить, что в этом случае речь может идти не только о влияниях, но и прямом участии выходцев с юга в строительстве мавзолеев»⁴³¹.

Архитектура цитаделей Кедера, Джамуката, Навакета, Суяба, загородного дворца Кулана имеет близкое сходство с архитектурой Согда и Шаша. Согдийские художники по заказам тюрков украшали стены престижных построек росписями, резьбой по дереву. Профессиональные объединения согдийских строителей и художников служили своеобразными ретрансляторами вкусов и моды, формировавшихся в крупных городских центрах, на периферию и в тюркскую среду. При этом следует учитывать, что культурные эталоны распространялись прежде всего, в элитарной субкультуре. Для нее был характерен своеобразный репрезентативный облик, в значительной степени общий для тюрков и согдийцев. Отсюда и стремление к китайскому шелку, тюркскому воинскому снаряжению, согдийской архитектуре, стенным росписям и резному дереву.

При этом следует учесть, что тюркские мотивы в искусстве все еще сохраняют «звериный стиль». Это прослеживается в торевтике тюрко-согдийских сосудов с изображением животных – лани, джейрана. Тюркским является мотив всадника «стреляющего на ходу, обернувшись назад».

В оформлении Варахшинского дворца, в его ганчевой скульптуре и росписях прослеживают тюркские мотивы, связанные с композицией изображений конского седла – это блях в виде охотящихся всадников и убегающих животных⁴³².

429 *Распопова В.И.* Строительное дело Согда и Тохаристана в раннем средневековье.// Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию ЮТАЭ. Душанбе, 1983. С.73-74.

430 *Средняя Азия в эпоху камня и бронзы.* С.233-238.

431 *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Мавзолеи Северного Тегискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. Москва, 2001. С.8.

432 *Гюль Э.Ф.* К проблеме тюрко-согдийского культурного симбиоза.// Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М.Беленицкого. Санкт-Петербург, 2004. С.75-78.

Анализ тюркского компонента в искусстве раннего средневековья позволяет сделать вывод о том, что его роль была более значительна, чем было принято считать. Степь каждый раз активно заявляла о себе, когда кочевники вливались в жизнь городских цивилизаций, выполняя в искусстве катализирующую миссию⁴³³.

Но, вместе с тем, параллельно внедрение инноваций шло и в массовую культуру – в керамику, в рядовое домостроительство. Так, по мнению Б.И.Маршака, в конце VII в. в Средней Азии, Жетысу и Южном Казахстане складывался своеобразный комплекс керамики с чертами подражания богатой металлической посуде⁴³⁴. Однако, являясь массовой продукцией, керамика представляет элемент уже народной культуры. Основу народной, массовой культуры составлял местный культурный пласт, известный как усуньский, каунчинский, отрарско-каратгауский, джетыясарский. Десятки поселений и городищ каунчиноидных культур, расположенные рядом некрополи свидетельствуют о больших, чем представлялось раньше, масштабах оседлых и городских культур. По археологическим материалам наблюдается устойчивость и традиционность этих культур на протяжении нескольких столетий – с первых веков до нашей эры до VI-VII вв. н. э.

Касаясь культурных взаимодействий в сфере материальной культуры, невозможно обойти вопрос об этнических процессах. Взаимодействия в этническом плане характеризовались двумя видами миграций: перемещением больших групп населения (великое переселение народов, согдийская колонизация и тюркские завоевания) и микромиграциями, когда переселялись небольшие группы населения, проповедники, торговцы. Эти переселения сопровождалась интенсивными этногенетическими процессами, которые, как замечено исследователями, одновременно носили объединительный характер.

Во второй половине VIII-X вв. политическое главенство в Жетысу, Южном Казахстане и Средней Азии захватили карлуки.

История государства карлуков в Жетысу и на средней Сырдарье наполнена знаковыми событиями – это и объединение с арабами в борьбе с китайцами и победа над ними в Таласской битве. В 840 г. карлукский джабгу принял титул кагана, тем самым продолжив традиции предшествующих древнетюркских правителей.

В том же году саманид Нух ибн Асад овладел Испиджабом. В ходе ожесточенных войн в 893 и 903 гг. Исмаил Самани отнял у карлуков Тараз. Кроме получения богатой добычи и контроля над Шелковым путем он добился и важной политической победы. Церкви «неверных» были перестроены в мечети и границы ислама продвинулись далеко на восток. В 905 г. Исмаил вновь совершает поход в степь и побеждает тюрков⁴³⁵.

433 Гюль Э.Ф. К проблеме тюркско-согдийского культурного симбиоза. С.78.

434 Маршак Б.И. Керамика Согда V-VII вв., как историко-культурный памятник: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1965. С.24-26.

435 Волин С.Л. Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. С.76-78; Кляшторный С.Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. С.118-122.

Но, карлуки дали начало новой династии Караханидов и стали основателями государства Караханидов со столицами в Баласагуне и Кашгаре (Восточные Караханиды); в Таразе и позднее Самарканде (Западные Караханиды). Одним из крупнейших событий, произошедшим в X в., стало объявление ислама государственной религией Сатук Богра-ханом в 960 г.⁴³⁶

«Оказавшись в зоне мощного воздействия оседлой цивилизации – пишет С.Г.Кляшторный – тюркские племена были втянуты в новую систему экономических и социальных отношений, стали частью этой системы и нашли приемные пути вхождения в уже давно сложившиеся хозяйственно-культурные регионы Средней и Передней Азии»⁴³⁷.

Завоевания саманидами Южного Казахстана и Жетысу, взятие города Испиджаба и Тараза обеспечили им господство над важными участками Великого Шелкового пути. Походы саманидов на Отрар и Шавгар как бы повторяют завоевание согдийцами в III в. н. э. пограничных территорий по Арыси, о чем свидетельствует надпись на кирпиче из Культобе, прочитанная Н.Сим Вильямсом.

Интересно, что в названии рабатов в Испиджабе, основанных саманидами, были рабат «нахшебцев», «бухарцев», «самаркандцев». Снова повторяют имена согдийских городов, правители которых названы в тексте Культобинской надписи⁴³⁸.

Следует отметить, что и позднее в эпоху Казахского ханства и Государства Шайбанидов, последний повторяли ту же завоевательную политику в отношении Сырдарьинских городов – Карасамана на Арыси, Отрара и Туркестана⁴³⁹. Что касается Тараза, то он, как и Испиджаб был важнейшим узловым центром на Шелковом пути. А расположенный вверх по течению Таласа город Шельджи являлся центром добычи серебра, поставляемого в Мавераннахр. Через Тараз и Испиджаб шла также торговля рабами, поставляемых в гвардию Саманидов и багдадских халифов⁴⁴⁰.

Среди важных тенденций, проявившихся в это время, следует отметить интенсивное оседание кочевого населения и, как следствие этого, рост старых городов, возникновение новых поселений и городов, новых районов урбанизации.

При карлуках и ранних караханидах сформировался центр оседлости и городской жизни в Северо-Восточном Жетысу (Илийская долина)⁴⁴¹, городская культура распространилась в районы Прииртышья⁴⁴² и Центрального Казахстана⁴⁴³.

436 *Бартольд В.В.* История культурной жизни Туркестана. Соч. Москва, 1963. Т.II. Ч.1. С.245-246.

437 *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Центральной Азии. С.123

438 *Волин С.Л.* Сведения арабских источников IX-XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. С.80; *Sim Williams, Grenet F.* The sogdian inscription of Kultobe. P.107; *Ртвеладзе Э.В.* Исторический контекст из Культобе. С.237-238.

439 *Пищулина К.А.* Присырдарьинские города и их значение в истории Казахских ханств в XV-XVII вв.// Казахстан в XV-XVII вв. Алма-Ата, 1969. С.5-48; *Байпаков К.М.* О локализации позднесредневековых городов Казахстана.// СА. Москва, 1977. №2. С.201-209.

440 *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи Центральной Азии. С.118-122.

441 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.192.

442 *Кумекоев Б.Е.* Государство Кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.98-108.

443 *Маргулан А.Х.* Остатки оседлых поселений в Центральном Казахстане.// Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978. С.3-27

В культурном комплексе прослеживается интеграция и стандартизация. Единые типы домостроений, различающиеся размерами и богатством интерьера, единые типы керамики, распространение поливной посуды; общие украшения характерны для отдельных районов Жетысу и Южного Казахстана,

Среди дворцовых построек, сохраняющих традиции согдийской архитектуры и декора парадных помещений с использованием росписей, резьбы по штукатурке, резного художественного дерева – дворец на цитадели Джамуката, дворец правителей Кедера, загородный дворец в Кулане.

Часть керамики сохраняет согдийские традиции. Большую группу ее составляют антропоморфные и зооморфные кувшины, сосуды с носиком, покрытые ангобом, и украшение богатым резным и продавленным растительным орнаментом, астральными символами, налепами шишечек, вставками шлака» Также сосуды, а они встречены в Жетысу, и особенно много их в Таласской долине, использовались в качестве культовых обрядов зороастрийцев⁴⁴⁴.

Появляется тюркская керамика – это котлы, украшенные резьбой и вдавлениями, дастарханы, подражающие деревянным изделиям тюрков. Распространяются энохоевидные согдийские кувшины, кувшинчики, украшенные типично тюркскими орнаментами, перенесенные на керамику с кожаной посуды кочевников⁴⁴⁵.

Религии и культы

Шаманизм – система религиозных воззрений, одна из форм религии, основанная на вере в разного рода духов, которые населяют окружающий человека мир. Основным признаком шаманства является вера в особых посредников между людьми и духами. Эти посредники-шаманы избираются из людей духами, они же их и обучают тайнам общения с ними. Шаманы вступают в связь с духами в состоянии экстаза. При этом дух-покровитель как бы сливается с шаманом в единое целое, или же душа шамана принимает облик духа-покровителя⁴⁴⁶.

Средневековое население Казахстана заимствовало шаманизм из предшествующих эпох.

Шаманы, которые в древнетюркских текстах названы «кам», были прорицателями, лекарями, глашатаями «божественной воли».

Основой религии древних тюрков было поклонение Небу (Тенгри) и Земле-Воде (Йер-Су). В этой паре божественных сил основным было Небо. Именно по воле Неба правили каганы, которые именовались «небоподобными и на Небе рожденными». «Небо, руководя со своих (небесных) высот отцом моим Ильтериш-каганом и матерью моей Ильбильгя-катун, возвысило их (над народом). Небо, дарующее (каганам) государства, посадило меня самого, надо думать, каганом, чтобы не пропало имя и слава тюркского народа». По воле Неба «тюрки одерживали победы или терпели поражения». Небо и Земля-Вода спасали тюркский народ в лихую годину. Тюркские каганы в своих надписях постоянно призывают Небо быть благосклонным к ним.

444 Байпаков К.М., Терновоя Г.А. Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005. С.78-96.

445 Сенигова Т.Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972. Табл. VI

446 Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1992.

Следующим по значению было женское божество Умай – покровительница домашнего очага и детей. Вместе с тем, Умай входила в триаду высших божеств тюрков и покровительствовала всем их делам, это видно, например, из памятника в честь Тоньюкука, где при описании одного из удачных походов тюрков говорится: «Небо, (богиня) Умай, священная Земля-Вода, вот они, надо думать, даровали нам победу!»

Большое значение в верованиях всех тюркоязычных племен раннего средневековья имел культ священных гор Ылук баш. Древние тюрки особо почитали «священную Отюкенскую чернь» (Хангайские горы), дух которых считался духом-покровителем каганского рода. Там находилась «пещера предков», где по тюркским сказаниям волчица родила их прародителей⁴⁴⁷. Одним из выражений поклонения духам-предкам служил обычай устанавливать в святилищах и у поминальных оград каменные скульптуры, иногда в боевом облачении, с чашей в руках. Каменные скульптуры в большом количестве обнаружены в Казахстане.

Научное изучение древнетюркской монументальной скульптуры началось с середины XIX в. и уже тогда у исследователей этой проблемы возникла необходимость в проведении классификации типов статуй.

Археологи обратили внимание на известную схожесть каменных изваяний южнорусских степей и скульптур, обнаруженных на территории Казахстана, на севере Киргизии, Тувы, Алтая, Северной Монголии. Археологическая наука располагает десятками классификаций, основанных на формальных признаках и эволюционном принципе (для выявления временной хронологии развития тюркской скульптуры), на иконографических традициях, а также на технике исполнения (рисунок, резьба, рельеф, объем). Они в достаточной степени изучены и имеется немало публикаций.

В исследованиях, посвященных проблемам семантики каменных изваяний, существует несколько различных точек зрения. Фактически они свелись к трем популярным среди археологов гипотезам: «каменные бабы» изображают умершего; предка – покровителя рода; врага умершего.

Гипотеза о тождестве каменного изваяния и предка является более убедительной.

В археологической науке сложилось мнение относительно понятия «балбал». Термин «балбал», переведенный с орхонских надписей как скульптура, в ранней литературе обозначал само изваяние. В настоящее время так называют каменные столбы, установленные вереницей к востоку от поминальных сооружений. При этом существует версия: число балбалов у могил соответствует числу сородичей, присутствующих на поминках. С.И.Руденко выдвинул еще одну версию: балбалы – это коновязи. Основываясь на известном утверждении, что погребальные сооружения в своей основе строились по принципу жилища, он заключил, что балбалы – это столбы-коновязи у домов мертвых. Этому же мнению придерживается и В.Д.Кубарев: балбал – своеобразный знак присутствия людей на поминках по умершему, что во многом объясняет наличие

447 *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. Москва, 1972. С.213-226; *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. Санкт-Петербург, 2005. С.166-172.

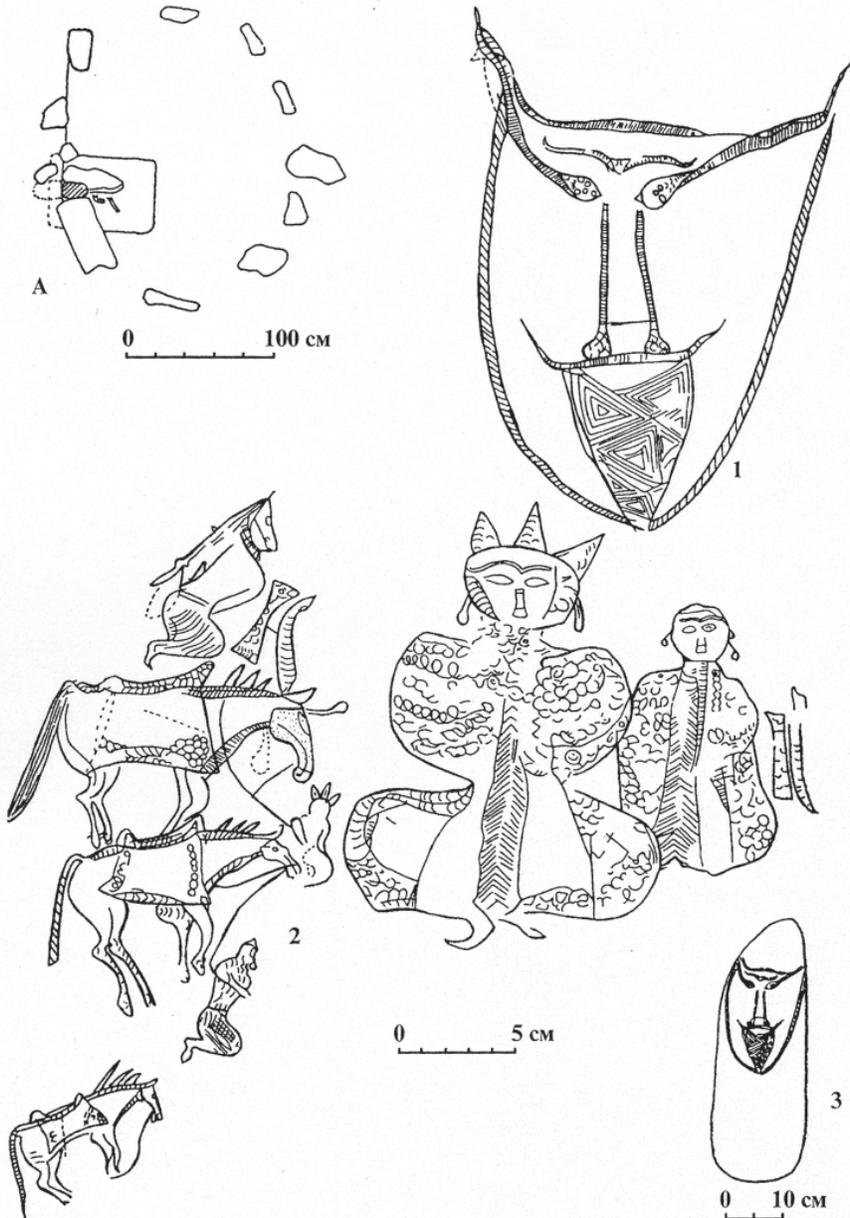

Рис. 158. Могила 16 с «изваянием»-валуном (по Гавриловой А.А., 1965, табл. VI).
 А – план могилы; 1 – маска на лицевой стороне валуна; 2 – сцена коленопреклонения;
 3 – тыльная сторона валуна

тамги и надписей на балбалах, установленных у поминальных храмов древнетюркских каганов.

Л.Р.Кызласов считает, что «вся совокупность известных ныне фактов приводит к единственно возможному выводу, что каменные фигуры, сооружавшиеся древними тюрками, связаны с поминальным обрядом и изображают их умерших героев». Г.А.Федоров-Давыдов утверждает, что в южнорусских степях «каменные бабы» изображают абстрактного предка.

Оба предположения, видимо, верны, поскольку в первом случае тюркская поминальная пластика Центральной и Средней Азии отражала ярко выраженный культ героя-предка, во втором – культ женщины-прародительницы.

Из предметов, оставленных ваятелем на каменных изваяниях, особую семантическую нагрузку несут изображения сосудов и птиц. А.Д.Грач считает, что «мотивы изображения сосудов на каменных изваяниях остаются пока загадочными». Л.Р.Кызласов замечает: «На самом деле ничего загадочного в этом нет. Стоит лишь понять, что каменное изображение умершего у древних тюрков предназначалось для замены погребенного на его поминках, т. е. быть «вместилищем» одной из душ умершего, которая принимала участие в поминальном пиршестве». Изображение птицы на скульптуре символизировало душу умершего. Вызывает особый интерес семантическое значение трехрогих головных уборов на отдельных изваяниях.

Ряд исследователей полагают, что этот головной убор – атрибут шаманского одеяния.

Некоторые типы изваяний в «трехрогих» головных уборах можно считать изображениями шаманок, о чем свидетельствуют водруженные на их головы «рогатые» навершия. «Возможно, также статуи несли на себе двойную смысловую нагрузку: почитание культа предка по женской линии и изображение шаманок, которым поклонялись племена кимако-кипчацкой группировки», – пишет С.М.Ахинжанов.

Вся совокупность рассмотренных видов и классификаций древнетюркской монументальной скульптуры и их семантическое содержание приводят к выводу о тесной связи каменных статуй с культом предков и связанным с ним поминальным обрядом⁴⁴⁸.

Все вокруг было, по мнению тюрков, населено духами, которых надо было умилостивить жертвами. Подземным царством, куда переселялись после смерти души людей, управлял владыка подземного мира Эркилг.

У древних тюрков получили распространение различные культы, среди которых наиболее популярными были культ огня, культ животных, культ растений.

Многие средневековые авторы пишут о тюркских «колдунах», которые были способны вызвать дождь магической силой камня «яда». О вере тюрков в магию, в шаманские камлания пишут историки и географы.

Умерших тюрков хоронили по древнему шаманскому ритуалу. В источниках сохранились описания похорон, при которых покойника помещали на возвышении в юрте. Через порог родичи клали принесенных в жертву овец и лошадей, затем семь раз объезжали юрту по кругу. Каждый раз, проезжая

448 *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. Москва-Ленинград, 1966; Грач А.Д. Древние изваяния Тувы. Москва, 1961; Кызласов Л.Р. История Тувы в Средние века. Москва, 1969. С.23-35; *Кубарев В.Д.* Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск, 1984; *Новгородова Э.А.* Кипчацкие святилища на юге Казахстана (Сандыкский перевал, г. Мерке).// Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока Всесоюзной ассоциации востоковедов. Археологические источники. Москва, 1989. С.136-177; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966; *Ахинжанов С.М.* Об этической принадлежности каменных изваяний в «трехрогих» головных уборов из Семиречья.// Археологические памятники Казахстана. Алмата, 1976. С.65-79.

перед входом, царапали себе лицо и плакали, далее в назначенный день брали лошадь, одежду и вещи покойника и сжигали их вместе с трупом умершего. Затем собирали пепел, чтобы захоронить его в подходящее время, если кто-то умирал весной или летом, тогда ждали, пока травы и листья деревьев не становились желтыми, если умирал осенью или зимой, тогда ждали, пока распустятся и расцветут деревья. Тогда рыли могилу и хоронили (пепел)... накладывали камни и ставили на них памятный столб. Количество камней зависело от количества людей, которых убил при жизни умерший. Затем вешали все головы принесенных в жертву овец и лошадей на столб.

Пережитки шаманства сохранились и у казахов. Основной функцией казахского шамана (баксы) являлась целительная. За помощью к баксы обращались люди с нервными заболеваниями – «одержимые духами», его приглашали в случае тяжелых родов, он присутствовал и на свадебных пиршествах как прорицатель будущего молодых. Сила баксы зависела от того, какие духи подвластны ему, от их разнообразия и количества.

Сакральными атрибутами казахского шамана являлись кобыз, плетъ (камча), домбра. Камлание казахи часто называли «ойнау» («игрой»), «шакыру» («призывание»). Очевидно, ислам сыграл большую роль в размывании в казахском шаманстве представлений о «верхнем мире» – обители духов, куда прежде шаман совершал свои восхождения. Реликты исчезнувших представлений о поездке шамана в иной мир на чудесном коне сохранились в преданиях и обрядах. Видимо, посох, которым пользовался казахский шаман, представлял собой модель космического дерева, дававшего ему возможность вступать в контакт с представителями других миров⁴⁴⁹.

Зороастризм. В свое время А.Н.Бернштам, раскопавший несколько оссуарных погребений во дворах замков Краснореченского городища связывал их с широким распространением зороастризма в Жетысу⁴⁵⁰. Ю.А.Рапопорт считает⁴⁵¹, что в Авесте отражены различные обряды зороастрийской религии и оссуарии – один из способов хранения костей, которые «можно рассматривать свидетельство распространения этой религии в домусульманской Средней Азии»⁴⁵². Б.И. Маршак, тем не менее, пишет, что вопрос о степени воздействия зороастризма на идеологические представления и религиозную практику согдийцев остается открытым⁴⁵³.

Новые находки оссуарных памятников, как в Согде, так и в его «колониях» в Жетысу, позволяют истолковывать изображения на некоторых из них как зороастрийские⁴⁵⁴.

449 *Басилов В.М.* Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. С.30-39, 67-72, 75-78.

450 Чуйская долина С.

451 Чуйская долина С.

452 *Рапопорт Ю.А.* Религии древнего Хорезма. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва, 1981. С.42.

453 Маршак Б.И. Средняя Азия в раннем средневековье.// Средняя Азия и Дальний Восток в средние века. Москва, 1999. С.175.

454 *Павчинская Л.В.* Раннесредневековые оссуарии Согды, как исторический источник (типология, районирование, хронология). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Самарканд, 1990; *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII вв.). Бишкек, 2010. С.152-155.

Одним из наиболее ярких археологических комплексов, связанных с зороастризмом, является парадный зал замка на цитадели Куйрыктобе. Стены были украшены фризом из резных деревянных досок, которые во время пожара обуглились, сползли на пол и были «законсервированы» обвалившейся кровлей. Кроме досок фриза, резьбой были украшены балки перекрытия дарвазного типа. В результате раскопок парадного зала был получен уникальный материал. Он был изучен, проанализирован и интерпретирован с точки зрения зороастризма⁴⁵⁵.

Центральный зал дворца имеет размеры 10×1,5 м.

Северо-западная стена, длина которой равнялась 10,5 м, предположительно была разделена на три части тремя незначительно углубленными в стену нишами или их живописными изображениями, внутри которых располагались резные доски.

Лучшую сохранность имеют доски, расположенные в центральной нише северо-западной стены. Основу композиции двух досок центральной ниши составляют три арки, украшенные четырехлепестковыми цветами. Арки сопоставимы, как нам представляется с тремя сферами мироздания – сферой неба, земли и воли. В центральной сфере – сфере неба, возможно, изображен бог Митра. Он сидит на зооморфном троне в виде фантастического животного с ногами льва, крыльями птицы и двумя головами овнов (?), повернутыми в сторону божества. У Митры зубчатая корона, за спиной – плащ с пряжкой на правом плече. На этом персонаже обтягивающие штаны и сапоги с узкими носами. Божество сидит, скрестив ноги – правая нога сверху, в правой руке он держит жезл или факел с тремя закручивающимися языками пламени, в левой – корону или ларец, украшенный зубцами-мерлонами. Бог Митра мог быть изображен в сцене инвестиции венчающим на власть правителя, который сидит на троне как раз под находившимся в нише Митрой. На резном дереве Пенджикента Митра изображен под такой же сферой-аркой на колеснице, запряженной двумя вздыбленными лошадьми с головами, обращенными в разные стороны⁴⁵⁶. Вполне вероятно, что протомы коней являются опорами трона, на которых восседает божество⁴⁵⁷.

Справа от бога Митры в сфере воды могла быть изображена богиня справедливости Арштат (Аршта). Она сидит на троне в виде фантастического животного с ногами коня, крыльями птицы, головами козла и барана, повернутыми в сторону богини. В правой руке богиня держит весы треугольной формы, на которых «взвешивает» благие мысли, слова и дела, совершаемые людьми. В левой руке богини – кошелек-мешочек, вероятно награда за праведность. Неуклонное следование Арштат обеспечивало правителю постоянство удачи и

455 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986.; *Байпаков К.М.* Городище Куйрыктобе – город Кедр. Алматы, 2005. С.63-64; *Байпаков К.М., Терноватая Г.А.* Центральный зал дворца городища Куйрыктобе.// Приаралье в древности и средневековье. Москва, 1998. С.156-167; *Байпаков К.М., Терноватая Г.А.* Религии и культы средневекового Казахстана. Алматы, 2005. С.53-77.

456 *Беленицкий А.М.* Искусство античных и средневековых городов Средней Азии.// Произведения искусства в новых находках советских археологов. Москва, 1977. С.155. Ил.30

457 *Шкода В.Г.* Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ленинград, 1986. С.18.

славы⁴⁵⁸. Богиня сидит на троне, скрестив ноги, между которыми нарисован цветок. У трона изображены коленапреклоненные мужчина и женщина, размеры, которых значительно меньше, чем богов, сидящих на тронах.

В сфере земли, расположенной слева от центральной ниши, частично сохранилось изображение трона в виде фантастического животного с ногами коня, крыльями птицы (?) и головами волка или собаки. Предположительно на этом троне восседала богиня земли Армаити. По-видимому, боги из трех сфер, соответствующих трем мирам мироздания – верхнему, среднему и нижнему, благословляют правителя на власть.

Между сферами-арками изображены демоны или духи-охранители четырех сторон света (таких фигур должно было быть четыре). Они сидят, скрестив ноги – правая сверху. Персонаж, сидящий между сферами неба и воды, изображен пьющим из кувшина вино – священный напиток в митраизме.

Слева от центральной, располагалась ниша (или ее живописное изображение), в которой находился фрагмент размером 93×23 см. На этом фрагменте можно увидеть изображения, как мы полагаем, в сферах земли и неба. В левой арке изображена богиня Нана-Анахита, держащая в двух поднятых руках светила. Лучники слева и справа от богини ведут прицельную стрельбу. За спиной богини изображены крепостные стены. В сфере неба сохранился фрагмент головы и правой поднятой руки, держащей светило. Предположительно персонаж со светилом в руке из центральной сферы отражает еще одну ипостась Митры, представляя его как воина, сражающегося за торжество справедливости.

Между сферами-арками изображены демоны или духи-защитники с дубинками в руках. Демоны стоят за крепостными стенами, которые, вероятно, являются изображением цитадели Куйрыктобе. Вооруженные люди и демоны указывают на незримое присутствие демонов-дэвов – прислужников Ахримана.

Под нишами северо-западной стены располагались доски с изображением колонн, с которых спускаются гирлянды, составленные из окружностей и четырехугольников. Колонны состоят из стволов (в виде стилизованных листьев аканта с прожилками), обведенных полосой из четырехугольников, двухступенчатых плитов и капителей в виде виноградных листьев с лежащими на них гроздьями винограда. С колонн спускаются гирлянды, за которыми расположены танцовщицы и музыканты с развевающимися шарфами. Гирлянды повторяют изгиб сфер-арок, но изгиб направлен не вверх, а вниз, образуя вместе с арками кругообразное движение. К сожалению, среди сохранившихся фрагментов в отличие от досок с персонажами под арками нет крайних, ограничивающих композицию. Можно предположить, что фрагменты досок с танцовщицами и музыкантами являются частями фриза, шедшего вдоль северо-западной стены под нишами с божествами. В промежутках между нишами мог поместиться один изгиб гирлянды, равный 40 см. От фриза сохранились изображения пяти колонн с гирляндами и четырех фигур, расположенных между колоннами.

Два музыканта держат в руках гитарообразный инструмент и арфу. Инструмент в руках третьего музыканта не определен из-за плохой сохранности.

458 Мифы народов мира. Москва, 1980. С.111.

На шее танцовщицы изображены бубенцы, которые также звучали во время исполнения танца. Под аркой с богиней Арштат был изображен гитарист или гитаристка, под аркой с Митрой в сцене инвеституры – танцовщица с бубенцами.

Музыка воспринималась как носительница божественных эмоций, а зороастрийский рай – как Обитель песни и источник сладкой музыки, которой наслаждаются праведные души. С музыкальными инструментами в руках изображались небожители, сопровождающие божество (живопись Пенджикента и Шахристана), и люди – участники обряда, которых можно увидеть на росписях Варахши и Пенджикента⁴⁵⁹.

Северо-восточная стена, так же как северо-западная и юго-западная, была разделена на три части. В центре ее была расположена, как можно предположить, ниша с доской, на которой изображена знатная семья – муж и жена с двумя детьми. Семья – родители и дети сопоставимы с правителями и подчиненными в системе государства. Знатная семья, изображенная на доске из Куйрыктобе в сфере неба, является символом государства. Можно предположить, что муж и жена, чьи лица и одежда так тщательно переданы художником, являются реальными людьми, которые входили в центральный зал дворца через вход, предназначенный для правителя и его семьи. В искусстве Пенджикента и Варахши встречаются изображения заказчиков – правителя с семьей и бога или богов-покровителей, которым они поклонялись⁴⁶⁰.

Храмы зороастрийцев, согласно традиции, уходящей в глубину веков, имеют, как правило, два помещения. В одном из них, адуриане, огонь хранят, в другое, даремехр («комната Митры»), выносят отпочкованное от него пламя, чтобы разжечь огонь на алтаре для жертвоприношения, в том числе для жертвоприношения умершим. Ю.А.Рапопорт, рассматривая форму и расположение хорезмийских ниш в помещениях, сопоставимых с михрабами у современных зороастрийцев, отмечает, что они могут свидетельствовать в пользу мнения, согласно которому домусульманские пристенные алтари были прототипами михрабов в мечетях⁴⁶¹.

В росписях пенджикентских храмов есть сцены возжигания огня на алтаре перед изображениями богов. В помещении первого храма и зале жилого дома в Пенджикенте, в Восточном зале бухарских правителей в Варахше (росписи рубежа VII-VIII вв.) жертвенники изображены уже установленными. Перед огнем можно увидеть коленапреклоненных мужчин с чашей в левой руке и предположительно ложкой в правой, протянутой к огню. В Варахше у жертвенника сидит мужчина в богатой одежде с мечом и кинжалом, позади него – женщина, а за ней – две фигуры меньшего роста, видимо дети этой четы. Скорее всего, здесь изображена семья правителя Бухарского оазиса⁴⁶².

459 *Маршак Б.И., Распопова В.И.* Адоранты из северной капеллы II храма Пенджикента. // Проблема интерпретации памятников культуры Востока. Москва, 1991. С.164.

460 *Беленицкий А.М., Маршак Б.И.* Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. // История и культура Средней Азии (древность и средние века). Москва, 1976. С.80-81.

461 *Рапопорт Ю.А.* Некоторые итоги изучения дворца на городище Топрак-кала. // Культура и искусство древнего Хорезма. Москва, 1981. С.236-237.

462 Живопись древнего Пенджикента. Москва, 1954. Табл. VII, VIII, XXVI, XXVIII; *Беленицкий А.М., Маршак Б.И.* Черты мировоззрения согдийцев VII-VIII вв. в искусстве Пенджикента. С.80-81.

Здесь нужно отметить, что ниша в рассматриваемом зале Куйрыктобе была расположена возле доски с изображением семьи правителя.

Так же как в Согде и Хорезме, в парадном зале дворца Куйрыктобе, выполняющем функции культового зала даремехр, происходили обрядовые церемонии, совершались ритуалы, связанные с культом, отмечались религиозные и народные праздники, проводились свадьбы и коронации, которые обычно происходили в дни празднования Наурыза.

Если учесть, что доски первоначально были окрашены, можно представить, как красочно выглядел зал, а благодаря вскрытым археологами конструкциям и сценам, изображенным на памятниках искусства этого времени, вообразить, как именно происходили церемонии. Такую возможность дают уникальные материалы, дошедшие до нашего времени на городище Куйрыктобе.

Буддизм. Источники свидетельствуют о распространении буддизма в Западно-тюркском каганате в VII-VIII вв., хотя эта религия не занимала монопольного положения. А.Габэн связывает распространение буддизма среди тюрков с процессом перехода их к оседлости. Б.А.Литвинский считает, что большое значение имели и политические обстоятельства, связанные с необходимостью наладить управление населением, исповедующим буддизм. Если на ранних этапах существования тюркских каганатов буддистами были в основном согдийцы, тохарцы, хотано-саки, потомки парфян, то с VIII в. в городскую среду активно внедряются огузы-уйгуры, карлуки, чигили⁴⁶³.

Буддийские находки из храмов и монастырей Чуйской долины Киргизии свидетельствуют о большой популярности культа бодхисатв упоминается как покровитель торговцев и путешественников; таким он выступает в мифологии махаяны «Сутра благого лотоса» («Садцхармапундарика»), наиболее распространенной в переводе на китайский, согдийский, хотано-сакский и тибетский языки.

Есть мнение, что основными носителями этой идеологии были купцы и ремесленники, идущие с караванами по Великому шелковому пути. Однако по данным письменных источников в Восточном Туркестане, Северном Китае и Корее, основными носителями буддизма в VI-X вв. были аристократические и чиновничьи слои общества. В монастырях обучались, прежде всего, их дети, отмечается тесная связь между правящими князьями в городах и буддийской сангхой, вплоть до сращения сангхи с обществом, например в Хотане. Строительством монастырей, судя по тибетским и хотанским документам, также в основном занимались князья и придворные сановники. Они же приглашали лучших зодчих и художников для строительства и украшения храмов⁴⁶⁴. Но поскольку монастыри имели свое хозяйство, пахотные земли и мастерские (что фиксируется археологически и в городах Северного Притяньшанья), занимались торговлей и сельским хозяйством, а в штате монастырей были управляющие делами, то надо полагать, что социальная среда буддийской сангхи была весьма разнообразной. По данным из монастырей из Кучи и Турфана известны

463 Литвинский Б.А. Буддизм. С.489-493.

464 Волков С.В. Буддийские монастыри в Корее IV-X вв.// Буддизм: история и культура. Москва, 1989. С.195.

зависимые люди со статусом рабов. Много буддистов было среди мирян, которые приносили дары в храмы и подаяния монахам⁴⁶⁵.

Буддийские находки из Юго-западного Жетысу, свидетельствуют о том, что до 30-х годов VII в. буддийских монастырей и храмов здесь еще не было. Возможно, что в раннесредневековых поселениях буддизм был распространен среди некоторой части жителей, переселившихся из Согда или Тохаристана (куда он проник из Индии). На это указывают немногочисленные, но высокохудожественные изделия из керамики, бронзы и камня, выполненные в кушанских традициях. В VII-VIII вв. этот регион был важным центром буддизма на одном из главных путей его распространения из Индии в Центральную Азию и на Дальний Восток⁴⁶⁶.

Если в Юго-западном Жетысу, Чуйской долине, обнаружен и обследован мощный пласт индийской буддийской культуры, то в Южном Казахстане и Северо-восточном Жетысу, в нижнем течении Сырдарьи, на склонах Каратау, где находятся десятки крупных городов, буддийские памятники не обнаружены.

В Таласской долине к находкам, связанным с буддизмом, следует отнести серебряную «уховертку», найденную при раскопках некрополя городища Костобе, отождествленного с городом Джамукатом. Найдена она в погребении VII-VIII вв.

Однако влияние индуизма и буддизма отчетливо прослеживается в памятниках изобразительного искусства, в частности на резных досках из Куйрыктобе – одного из городищ Отрарского оазиса, отождествленного с городом Кедером⁴⁶⁷.

Интерес вызывают резные доски и детали украшений перекрытия, которые имеют параллели в индийских и буддийских памятниках.

Так, под нишами северо-западной стены располагались доски с изображением колонн, с которых спускаются гирлянды, составленные из окружностей и четырехугольников. Колонны состоят из стволов (в виде стилизованных листьев аканта с прожилками), обведенных полосой из четырехугольников, двухступенчатых плитов и капителей в виде виноградных листьев с лежащими на них гроздьями винограда. С колонн спускаются гирлянды, за которыми расположены танцовщицы и музыканты с развевающимися шарфами. Один музыкант держит в руках лютню, другой – арфу. На шее танцовщицы изображены бубенцы, которые также звучали во время исполнения танца.

На росписи гробницы (III в.) в Миране⁴⁶⁸ изгибы гирлянд с музыкантами расположены под изгибами дуг арок с сюжетными сценами, но в отличие от фриза Куйрыктобе гирлянды поддерживают не колонны, а люди – гирляноносцы. В главном зале дворца в Халчаяне над сценами царского предста-

465 Литвинский Б.А. Монастырская жизнь восточно-туркестанской сангхи. Буддийские церемонии.// Буддизм: история и культура. Москва, 1989. С.169-189; Чугуевский Л.И. Мирские объединения при буддийских монастырях в Дуньхуане.// Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. Москва, 1982. С.63-96.

466 Ставиский Б.Я. Буддизм в Средней Азии.// Буддизм. Словарь. Москва, 1992. С.68.

467 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI-VII вв.) Алма-Ата, 1986. С.25-26.

468 Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. Москва, 1979. С.222. Илл.250.

вительства и победоносного сражения тянулся фриз на темы празднества, где дети несут гирлянды, в изгибах которых размещены фигуры актеров, музыкантов, ряженных под сатиров – участников представлений. Музыканты и гирляндоносцы изображены на памятнике буддийского искусства в Айртаме⁴⁶⁹.

Интересны также фрагменты двух деревянных деталей с изображениями сирен, найденные у основания колонн. Вероятно, это были украшения консолей. Они расположены так, что изображенные на них сирены обращены друг к другу хвостами, заканчивающимися двумя завитками-волутиками. Появление изображений сирен – гарпий связано с искусством Индии.

Мотив сирен широко распространен в искусстве античного и средневекового времени. Ближайшая аналогия куйрыкским сиренам – изображение на резном штуче дворца Варахши близ Бухары. Изображения сирен сохранились также на ступах Санчи и Бхарутга, в гротах Бамиана, на резной кости Беграма.

В индуистских и буддийских текстах эти мифические существа в качестве мужской и женской пары названы Кинара и Кинари⁴⁷⁰.

Б.Я.Ставиский также считал, что памятники буддизма в Жетысу и Фергане были более всего связаны с религиозной деятельностью, восточно-туркестанских или китайских миссионеров⁴⁷¹.

Новые материалы, в частности анализ письменных источников, позволяют считать, что, скорее всего, именно восточно-туркестанское и китайское влияние на распространение и развитие буддизма в Жетысу было преобладающим. Сведения о строительстве буддийского монастыря в Суябе свидетельствуют о его сооружении в 692 г. по приказу Ван Чжен Цзяна, военного наместника Бешбалька, после того, как им был захвачен Суяб. Эти сведения проанализированы А.Форте и рассматриваются дополнительно Б.А.Литвинским и Б.Я.Стависким.

Так, в Китайской энциклопедии (Tongdian), написанной в 778 г., сообщается о монастыре «Да Юней» («Большое облако»), который в 750 г. посетил путешественник Ду Хуан по пути из Персии. Имеются сведения о строительстве большого числа буддийских храмов в 692-705 гг. в Китае и западных землях, где находились китайские гарнизоны. Они возводились по приказу императрицы Ву Хоу (Ву Цзян), которая провела реформу буддизма на базе сутры «Большое облако»⁴⁷². Поэтому можно заключить, что буддийские монастыри и храмы Жетысу были построены именно в промежутке 692-705 гг.

Характер архитектуры, а также глиняной скульптуры храмов Жетысу и росписей свидетельствует о их близком сходстве с буддийскими сооружениями и артефактами из Восточного Туркестана – Янги Турфана (Шорчук, Гаочан, Безклик) и Тунгун в долине Тарима.

469 Пугаченкова Г.А. Средняя Азия. Москва, 1983. С.17.

470 Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана. Ташкент, 1960. С.24-27; Мифологический словарь. Москва, 1990. С.285-286

471 Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии (из итогов раскопок Кара-тепе – буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе)// Доклады по этнографии. Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Вып.1(4). Москва, 1965. С.28-29.

472 Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии (из итогов раскопок Кара-тепе – буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе)// Доклады по этнографии. Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Вып.1(4). Москва, 1965. С.28-29.

Бронзовые статуэтки и бляхи из Семиречья имеют сходство с изделиями из двух буддийских центров Китая – Чанья-ни и Лояня танского периода, а также из Кашмира.

Аналогии буддийским каменным стелам Жетысу имеются также в материалах Северного Китая эпохи династии Тан. Сопоставительный анализ материалов из Жетысу, Восточного Туркестана и Северного Китая сделан бельгийским исследователем Ж.-М. Деомом⁴⁷³.

Христианство. По Шелковому пути в направлении с Запада на Восток распространялось и христианство. Толчок к этому был дан в первой половине V в. в Восточной Римской империи (Сирия), где возникла «еретическая» секта приверженцев священника Нестория. Последователи его учения считали, что Дева Мария родила не Бога, а человека и что Христос был только «обителем божества», носителем Святого Духа. Деву Марию следует называть не Богородицей, а Христородицей, «Мария не родила божество, а человека-Христа». Последнее произвело смятение в массах, так как противоречило принятому на Никейском соборе в 325 г. Символу веры, провозглашавшему Христа обладателем нераздельно слитых ипостасей – человеческой и божественной. Отрицание единственности Иисуса с Богом-Отцом ортодоксальная церковь отвергала как величайшую ересь. Учение Нестория было осуждено на Эфесском соборе в 431 г., после чего начались жестокие гонения на несториан. В результате преследований они вынуждены были бежать в Иран. Странники Нестория организовали в Персии, в пограничном Нисибине, школу, которая сплотила политическую оппозицию Византии. Богатые сирийские купцы и ремесленники, лишившись рынка в Константинополе, двинулись на Восток⁴⁷⁴.

Самые отдаленные области Азии оказались связанными с сирийцами и торговые фактории тянулись от берегов Средиземного моря до «Небесной империи». На Великом Шелковом пути нашли покой затерявшиеся в песках, памятники обыденной жизни и искусства, предметы культа, принадлежавшие разным религиям, в том числе и христианству. И на всем протяжении этого пути неизменно встречаются свидетельства сирийской письменности, сирийского христианства, распространение которого началось уже в самый ранний период его истории. Многовековые экономические связи сирийцев обусловили их культурное влияние и на Аравийском полуострове, и в Индии, и в областях Средней Азии, где иранские и тюркские наречия оказались в известной мере под воздействием сирийского языка. Распространение христианства в Согде – как в метрополии, так и в колониях – привело к знакомству населения с сирийским письмом, которое от согдийцев-христиан попало к древним тюркам. Заимствовано сирийское письмо и уйгурами. По мнению исследователя Н.В.Пигулевской, «...сирийцы внесли огромный вклад в мировую науку и культуру. Они приобщили Восток к той тенденции развития мировой культуры, которая исходила из достижений античности»⁴⁷⁵.

473 *Deom J.-M.* On the diffusion of Buddhism in Semirechie from China and East Turkestan during the Turkic Kaghanates (VI-X AC)// Рукопись/ Архив института археологии МОиН РК.

474 *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. Москва, 1979. С.13-14.

475 *Пигулевская Н.В.* Культура сирийцев в средние века. Москва, 1979. С.13-14

В VII-VIII вв. несторианство получило широкое распространение и в городах Южного Казахстана и Жетысу: появились христианские церкви, где осуществлялся обряд крещения. При патриархе Тимофее (780-819) христианство принял царь тюрок, видимо, карлукский джабгу. На рубеже IX-X вв. была образована особая карлукская митрополия⁴⁷⁶. В Таразе и Мерке действовали христианские церкви. Христиане проживали и в городах Сырдарьи.

Достоверность находок, связанных с присутствием несторианства, достаточно убедительно подтверждается сведениями письменных источников. Согласно им, например, раскопанные на городище Ак-Бешим остатки сооружения принадлежали христианской церкви⁴⁷⁷.

При раскопках некрополей городов Джамуката и Навакета обнаружены захоронения христиан с серебряными и бронзовыми крестами. Известна и случайная находка нефритового креста на городище Красная Речка⁴⁷⁸. В Южно-Казахстанском областном музее хранится каменная ступка, найденная на городище Тортколь-тобе, отождествленном с городом Шарабом. На ней изображены символы христианства – крест и голубь⁴⁷⁹. В слое VI-VIII вв. при раскопках Тараза найдена керамическая кружка с сирийской надписью «Петр и Гавриил»⁴⁸⁰. К изделиям несторианских ремесленников следует отнести два серебряных блюда, получивших известность как Аниковское и Григоровское, с сюжетами из раннехристианской иконографии⁴⁸¹. На Григоровском серебряном блюде-диске IX-X вв. изображения выполнены в технике плоского рельефа с дополнительной гравировкой. Фон и отдельные части блюда позолочены. В трех переплетающихся медальонах представлены сюжеты: «Вознесение», «Жены у гроба» и «Распятие», а в промежутках – «Даниил во рву львином», «Отречение Петра» и «Стража гроба Господня»⁴⁸².

К выдающимся произведениям религиозного искусства и религиозной символики среднеазиатских христиан, тюрок по национальности (период от появления христианства в этих краях до конца XIV в.), относятся кайраки – надгробные камни с несторианскими надписями и символикой. Основная их часть обнаружена в Жетысу и Восточном Туркестане в конце XIX – начале XX в.⁴⁸³, но находки такого рода случаются и в наши дни. Так, при раскопках цитадели Краснореченского городища в фундаменте постройки XI-XII вв. найдены два кайрака с сирийскими надписями. Они были использованы вторично.

476 *Кляшторный С.Г.* Историко-культурное значение сунджинской надписи.// Проблемы востоковедения. Москва, 1959. №5. С.168.

477 *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим. С.231.

478 Памятники культуры и искусства Киргизии: Каталог выставки. Ленинград, 1983. С.159. Рис. 261а

479 *Ремпель Л.И.* Каменный сосуд из Торткуль-тобе.// Художественная литература Средней Азии в IX-XIII вв. Ташкент, 1983. С.169-176.

480 *Борисов А.А.* Сирийская надпись на сосуде из Тараза.// Известия АН КазССР: Серия археологическая. Алма-Ата, 1948. Вып.1 С.105-108.

481 *Даркевич В.В., Маршак Б.И.* О так называемом сирийском блюде из Пермской области.// СА. Москва, 1974. №2. С.213-232.

482 *Даркевич В.В.* Аргонавты средневековья... С.66-68.

483 *Коковцев П.К.* Несколько новых надгробных камней с христианско-сирийскими надписями из Средней Азии.// Известия Императорской Академии наук Санкт-Петербурга, 1907. №12. С.428.

Один из кайраков датируется 789 г., а другой – 909 г. На первом написано имя «девица Йал-анч»⁴⁸⁴. Это наиболее ранние сирийские эпитафии на камнях, составляющие как бы промежуточное звено в цепи аналогичных находок, из которых кайраки V-VI вв. были найдены в Сирии, а кайраки XII-XIV вв. – в Жетысу и Восточном Туркестане⁴⁸⁵.

О существовании христианской общины в Навакете свидетельствуют не только надмогильные сирийские надписи, но и согдийские надписи на керамике, на венчиках больших хумов для вина. На одном из них написано: «Этот хум (предназначен) для учителя Йарук-Тегина. Мастер Пастун. Пусть будет он (хум) наполненным, аминь, аминь!»

Слово «учитель» в этой надписи аналогично терминам тюрко-согдийских эпитафий – «учитель, наставник». Заключительное «аминь» не оставляет сомнений, что Йарук-Тегин был руководителем христианской общины. На другом хуме начертана более короткая надпись: «Мастер этого хума – Пастун». Еще на одном сосуде, найденном на городище Покровка, расположенном западнее Навакета, имелась большая двухстрочная согдийская надпись, которая переводится так: «Этот сосуд – дар общины Пакапа. Это вино в радостное время пей, государь... Государь Али-Бильге, получивший счастье от богов, да будет счастливым, благоденствующим!» На стенке хума из Тараза вырезана надпись «Правитель Ильтаг», а на венчике хума, найденного на городище Кымычи, было написано: «Епископ Ширфан»⁴⁸⁶. По характеру палеографии надпись датируется IX-X вв. или даже началом XI в.

Судя по тому, что надписи вырезаны на винных сосудах, можно предположить: производство вина в Жетысу находилось в руках христиан, в обрядах которых вино играло важную роль. В пользу такого мнения свидетельствует винодельня X-XI вв., открытая археологами на городище Актобе Степнинское. Дно ее было вымощено жжеными кирпичами с прочерченными изображениями крестов⁴⁸⁷.

Манихейство. В ходе археологических работ на территории древнего Таласа был выявлен ряд материалов, свидетельствующих о бытовании манихейской религии у населения Таласа и его округа в VI-VIII вв.⁴⁸⁸

Это прежде всего и новые данные о широком распространении манихейства в областях от Ирана и Согда до Дальнего Востока. Применительно ко времени после арабского завоевания и сопутствовавшего ему внедрения ислама в завоеванных странах Абу Рейхан Бируни писал: «У Мани остались последователи, рассеянные в различных местностях, [вероучение] которых возводят к нему. В странах ислама нет почти ни одного места, где бы они были сосредоточены; существует только община в Самарканде. Что же касается внemusуль-

484 История Киргизской ССР. Т.1. С.369-370.

485 Горячева В.Д. Город золотого верблюда. Фрунзе, 1988. С.62-68.

486 Лившиц В.А. Согдийцы в Семиречье: Лингвистические и этнографические свидетельства.// Красная речка и Бурана. Фрунзе, 1989. С.81-83.

487 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. С.184. Рис.79.

488 Сенигова Т.Н. Иконографическое изображение из Тараза.// Известия АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Вып.3. С.98-102; Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы, 2002. С.185.

манского [мира], то веру Мани и его учение исповедует большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии⁴⁸⁹.

«Хотя в Жетысу не обнаружены тюркские манихейские тексты, имеются иные письменные свидетельства, позволяющие отнести весь этот регион, или во всяком случае Таласскую и Чуйскую долины к основным районам сложения и расцвета тюркского манихейства», считает С.Г. Кляшторный⁴⁹⁰.

Среди районов, где манихейство имело сильные позиции, были «страна Аргу». Страна Аргу, по мнению исследователей, находилась в Юго-западном Жетысу между Баласагуном и Таразом, или между Баласагуном и Испиджабом. Первые сведения о городах страны Аргу содержатся в тексте, исключительное значение которого среди других древнетюркских памятников еще далеко не оценено. Среди вывезенных А. фон Лекоком в 1904-1907 гг. из Ходжо (Турфанский оазис) древнеуйгурских рукописей были обнаружены фрагменты манихейского сочинения *İki jyltyz nom* – «Священная книга двух основ». Ее верхняя дата – первая половина VIII в. – определяется, в частности, и упоминанием цели написания книги – «чтобы пробудить (веру) в стране десяти стрел». Завершенная «в день, предвещающий удачу, в благословенном месяце, в счастливый год», книга писалась в городе «славных и благословенных тюрков-чаруков», «Аргу-Таласе» (варианты: Алтун Аргу-Талас-улуш, Аргу-Талас-улуш, Талас-улуш). Далее следует перечень других городов: Жетысу, где были манихейские обители: Йаканкент; Ордукент (Баласагун?), Чигильбалык, Кашу⁴⁹¹.

Согласно учению Мани, в мире искони существовала одна истина (Свет), которую локально возвещали три великих апостола – Будда на востоке, Заратуштра в Иране, Иисус Христос на западе. В локальности этих вероучений (буддизм, зороастризм, христианство) заключалась их недостаточность и ущербность. Свет же истины, несомый Мани, целостен, ничем не затемнен, абсолютен, совершенен и пространственно универсален. В манихейском вероучении присутствует все рациональное и приемлемое с позиции новой доктрины из названных религий, учитывается существование наиболее значимых местных культов. Манихейство можно рассматривать как систему теософического синкретизма. Его отличительная и привлекательная черта – демократичность и мифопоэтичность изложения, помогавшие в продвижении этой религии на восток, в том числе на земли, занятые тюркскими народами⁴⁹². Миссионерская деятельность манихеев везде встречала активное противодействие со стороны представителей местных религий. В самом же Иране, где традиционный зороастризм был сильно потеснен учением Мани, оно было особенно ощутимым. В назидание всем последователям нового учения Мани был жестоко казнен: с него живым содрали кожу, а отрезанную голову выставили на шесте для всеобщего обозрения. Результатом гонений был уход манихеев из Сасанидского Ирана и перемещение их деятельности в область на севере и востоке.

489 *Бируни Абу Райхан*. Памятники минувших поколений.// Избранные произведения. Ташкент, 1957. Т.I. С.213.

490 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.131.

491 *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964. С.131.

492 *Топоров В.Н.* Мани.// Мифы народов Мира. Москва, 1992. Т.II. С.103-105.

Основным принципом манихейской религиозной доктрины был господствующий дуализм, извечность существования четко противостоящих одна другой двух основ или корней – Света (Истины) и Мрака (Лжи), Добра и Зла. Некогда Свет и Мрак пребывали по отдельности, но злокозненный Мрак, во всем завидовавший Свету, объявил ему войну. Пять стихий-воинов (тюрк. *oulan*) Света (бог легкого ветра *tintura tengri*, бог ветра живого *gel tengri*, бог света живого *jarug tengri*, бог воды *suv tengri*, бог огня *ot tengri*) под предводительством светоносного Первочеловека вступили в битву со стихиями-антиподобиями, о которых в трактате «Кефалайа» говорится: «Царь Дыма, пришедший из глубины темной; он же вождь всего зла и всей злобы. От него пошло начало и замысел войны, а также все битвы, борения, опасности, сражения... Он начал воевать со Светом, затеял войну с царством возвышенным. Что до царя Мрака, то у него пять форм: голова, как у льва..., туловище, как у дракона»⁴⁹³.

Бытование среднеперсидского и тюркского обозначение льва в древнетюркской ономастике и этнонимике имело ярко выраженную религиозную нагрузку и было связано с принятием манихейства.

Многоплановое исследование о тюркском манихействе, как идеологической основы общества принадлежит Ю.А.Зуеву⁴⁹⁴.

В приведенных сведениях, начиная с 568 г. и по 738 г. все упоминания о Таласе неизменно связаны с манихейством. Значение Таласа было неизменно большим у тюрков и затем тюркешей в течение, по крайней мере, отмеченных 180 лет.

Ю.А.Зуев, делает важные выводы и устанавливает, что «Манихейская церковь поощряла торговлю и считала ее делом высокоблагородным и полезным. В свою очередь, торговля основательно подпитывала манихейство и стимулировала его распространение. Нередко купец и священнослужитель выступали в одном лице, как это было с согдийцем Маниахом – «близким человеком» тюркского кагана в Таласе. Древний принцип «трон поддерживает церковный алтарь, алтарь поддерживает трон» действовал в полном объеме уже на заре древнетюркской государственной истории: на дипломатическом уровне Маниах представлял самого кагана и его государство. Согдийцы были главными функционерами на всем протяжении торгового пути Восток – Запад. На трассах Пути и его многочисленных дальних до бесконечности ответвлениях-дорогах возникали торгово-ремесленные колонии согдийцев, главами которых зачастую были тюрки. Вместе с ними шла манихейская проповедь. Объективно это был один из каналов вовлечения народов огромного региона в орбиту активных политико-экономических и культурных связей в масштабах континента. Тюркскими воротами на нем был Талас».

Иудаизм. Впервые на городищах поселений Чуйской долины найдены материалы, артефакты, которые могут свидетельствовать о проживании здесь иудеев. На Краснореченском городище неподалеку от цитадели поднята бронзовая чашечка (диаметром 5,8 см при глубине выемки в 1,1 см), с характерными для подвесных весов тремя дырочками по краю. На дне чашечки выгравирована

493 Кефалайа .- Кефалайа (Главы) _____ Манихейский трактат.// Перевод, исследования, комментарии, глоссарий и указ. Смагиной Е.С. Москва, 1998. С.30

494 Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. С.179-261.

на «звезда Давида» в обрамлении шестигранной розетки. Вторая находка связана с городищем Старого Токмака. Это часть бронзового изделия (назначение его пока не выяснено), на котором в технике точечной гравировки изображена шестиконечная звезда в круге, как принято считать, символа иудаизма⁴⁹⁵.

Пребывание евреев в Средней Азии известно с древности – уже в Парфянском и Бактрийском царствах; их колонии были зафиксированы в раннесредневековом Согда и Хорезме, Тохаристане и Чаче, чаще всего, как купцов и ростовщиков⁴⁹⁶. Через эти области по трассам Великого Шелкового пути, так же, как и другие мессианские учения, иудаизм проник в Восточный Туркестан и города Жетысу. Веротерпимость тюркских каганов, которые и сами понимали ту или иную религию, исходит чаще всего из политических соображений и культурной ориентации тюркских империй.

Анализ исследований по проблеме «согдийской колонизации» вкупе с новыми археологическими материалами, полученными в ходе исследований последних лет, позволяет отметить:

Массовое проникновение согдийцев в Центральную Азию и Китай восходит к первой половине I тыс. н. э. Они становятся одним из главных участников торговли по Великому Шелковому пути. На его трассах возникают согдийские колонии купцов, в крупных городах появляются согдийские диаспоры, основанные выходцами из Самарканда, Бухары, Маймурга и других городов Согда.

Были также поселения-колонии, специализирующиеся на коневодстве и поставке коней в Китай.

Раскопки китайских археологов «гробницы Аньдя» вблизи Чанъани открыли саркофаг украшений гравировкой и росписями. Они дают представление о жизни согдийского вельможи-главы согдийской колонии в Китае. Он показан на пиру вместе с тюркскими вельможами; на охоте, устроенной тюркским аристократом в честь согдийца; в сцене официальных переговоров с тюркским каганом.

Особый интерес представляет рисунок, изображающий торговый караван согдийцев в ставке тюрков. Это документальные иллюстрации взаимоотношений тюрков и согдийцев, связанных общими торговыми интересами международной торговли по Великому Шелковому пути.

Интересные материалы дали раскопки могилы тюркского аристократа Юйхуана в провинции Шаньси. Юйхуань занимал высокие посты при дворе Суйской императорской династии. Рисунки, украшающие саркофаг, также ярко иллюстрируют взаимоотношения тюрков и согдийцев.

Согдийская колонизация, основание ими городов в Жетысу относится к VII в. Более ранняя дата этих процессов пока не известна, точнее не обеспечена археологическим материалом.

Согдийцы основали города Джамукат в Таласской долине, Навекат и Суяб в Чуйской. Их деятельность поощрялась тюркской верхушкой, а жизнь регла-

495 *Горячева В.Д.* Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI- начало XIII в.). Бишкек, 2010. С.164

496 *Ртвеладзе Э.В.* К истории евреев-иудаистов в Средней Азии (доисламский период)// Верования и культы домусульманской Средней Азии.// Тезисы международной конференции. Москва, 1997. С.46-49.

ментировалась каганом и его окружением. Только так можно понять слова Сюань-Цзяня о том, что «правители этих городов» не зависят один от другого, но все подчиняются «тюркам».

Жители городов занимались торговлей и земледелием. Это подтверждает топография городищ, имеющих зачастую огромную в несколько десятков кв. км территорию – сельскохозяйственную округу, окруженную длинными степями. О занятии земледелием свидетельствуют раскопки усадеб, жители которых занимались сельским хозяйством, в том числе культивированием винограда и виноделием. Сюань-Цзянь подчеркивает – «тех, кто возделывает поля, и тех, кто преследует выгоду (торгуют) – поровну».

Исследователи Согда отмечают для раннего средневековья «внутреннюю колонизацию», выразившуюся в росте старых городов и возникновении новых.

Она могла быть одной из причин наряду с торговлей движения согдийского движения на Восток и Северо-Восток с целью освоения «целинных» земель.

Но согдийские города появились не на пустом месте.

В связи с аграрным характером городов и селений согдийских поселений следует отметить, что начало земледелия в Жетысу, так же как и скотоводства появилось в эпоху бронзы и связано с племенами андроновской культуры. В эпоху саков и усуней на территории Жетысу находились десятки поселений, жители которых занимались земледелием и отгонным скотоводством. Это был район и кочевого скотоводства. Земледельцы выращивали зерновые – пшеницу, ячмень, возможно, рис, а также использовали искусственное орошение. Ряд поселений можно назвать протогородами – Рахат, Сары-Тогай (Чарын). Датируются поселения VIII в. до н. э. – V в. н. э.

На юге Казахстана и в Таласской традиции оседлости и земледелия были более развитыми, существовали протогородские центры, которые в рамках государств Саков, Кангюй органически трансформировались в раннесредневековые города.

В VII-VIII в. происходит синтез согдийской и тюркской культур, что достаточно хорошо прослеживается в распространении двух культурных комплексов согдийского и тюркского. Этот процесс наблюдается в Жетысу на юге Казахстана и в Средней Азии.

Сейчас в рамках проблемы «согдийской колонизации Жетысу» необходимо акцентировать внимание и писать не только о городах согдийцев или городах тюрков, а о городах согдийцев и тюрков, тюрков и согдийцев, в зависимости от этапов их развития.

Однако надо учитывать участие в формировании раннесредневековой культуры Жетысу этого времени усуньского культурного комплекса в Илийской и Чуйской долинах; Усуньского и Кангюйского в Таласской долине и Южном Казахстане. Кангюйский культурный комплекс прослеживается и в формировании культур Согда.

В городах развиваются архитектура и строительство, возводятся замки с гребенчатой планировкой, дворцовые комплексы в цитаделях городов и в пригородной территории; буддийские храмы, несторианские церкви.

Следующий этап развития урбанизации в Жетысу, развитие городской и кочевой культур, приходится на вторую половину VIII-IX вв. Жетысу в это время входило в состав Карлукского каганата.

Среди дворцовых построек, сохраняющих традиции согдийской архитектуры и декора парадных помещений с использованием росписей, резьбы по штукатурке, резного художественного дерева – дворец на цитадели Джамуката, дворец правителей Кедера, загородный дворец в Кулане.

Керамика сохраняет согдийские традиции, но также распространяется керамика: котлы, украшенные резьбой и вдавленными достарханы, подражающие деревянным изделиям тюрок. Распространяются энохоевидные кувшины, кувшинчики, украшенные типично тюркскими орнаментами, перенесенные на керамику с кожаной посуды кочевников.

Источники называют эти города карлукскими, огузскими. Среди городских жителей тюрки – джикили, ягма, чаруки, барсханы, а также согдийцы. Согдийские надписи на керамике яркое тому доказательство.

Города государства Караханидов X – начала XIII вв. – это города с уже преобладающим тюркским населением. Согдийцы «выглядят как тюрки и приняли их обычаи». Они «говорили и по-согдийски, и по-тюркски».

И еще, в Казахстане издревле развивалась самобытная культура, в формировании которой участвовали и кочевники, и земледельцы – и степь, и город. Причем в этническом плане скотоводы и горожане были однородными или же объединенные в рамках этнополитических образований.

Взаимодействие и взаимообогащение культур, оседлой и кочевой, стали по существу магистральной линией прогресса. В недрах такого синтеза лежат многие достижения цивилизации, созданной народами Казахстана и Средней Азии, а также истоки этногенеза населяющих их народов.

Заключение

Сложный, но удивительно яркий и созидательный этап в своей истории переживает сейчас Республика Казахстан. Страна обрела независимость и стала суверенным государством, признанным мировым сообществом. Формируется новое гражданское общество и демократическое государство. Растет национальное самосознание, а вместе с ним интерес к честной и правдивой истории Отечества. В этих условиях воссоздание объективной, свободной от идеологической конъюнктуры картины исторического прошлого Казахстана является основой возрождения исторической памяти народа, одним из важнейших факторов формирования национального единства, воспитания гражданственности и патриотизма.

Еще в конце прошлого века в казахстанской исторической науке появилась дефиниция «степная цивилизация». Степная цивилизация подразумевает не только развитие кочевой культуры, но и развитие оседлости, городской жизни. Доказано, что саки, усунь, тюрки, казахи не только кочевники, но и создатели городов. Степная цивилизация включает в себя не только кочевание, но и оседлость, и городскую жизнь. Степь и город – два столпа, две базы этой цивилизации. Важное значение в воссоздании исторических процессов урбанизации в древнем и средневековом Казахстане играют археологические исследования, которые связаны с масштабным изучением оседлых поселений и городищ.

В числе крупных археологических структур, работающих в стране, является Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция, более 40 лет ведущая работы во всех регионах Казахстана. Усилиями многих исследователей накоплен, опубликован огромный археологический материал, позволяющий подготовить новое обобщение по фундаментальной исторической проблеме – динамике урбанизации в Казахстане в эпоху древности и средневековья. При этом широко используются новые методы документации, поднимающие на новый уровень анализ и обобщение археологических материалов, учет и охрану памятников, их консервацию и музеефикацию. Впервые в Казахстане осуществлен проект документации исторической географии Отрара и Отрарского оазиса. Исследована ирригационная система и культурный ландшафт Отрарского оазиса. Достаточно отметить, что для выполнения задачи по исследованию и фиксации состояния ирригационной сети была разработана система комплексного аэрофотоисследования. В ходе выполнения проекта за более 20-ти летних часов было отснято 4,5 тысячи квадратных километров и сделано более 7 тысяч аэрофотоснимков. В процессе аэрофотосъемки производилась детальная фиксация маршрута полета при помощи приемника глобального позиционирования. Активно использовались материалы космоснимков.

В итоге проведенных работ и аналитических исследований были выделены:

Период протоурбанизации в Казахстане, связанный с эпохой бронзы, длившейся со II тыс. до н.э. до начала I тыс. до н.э. В археологическом плане культуры этого времени получили название андроновской и бегазы-дандыбаевской.

Открытие поселения Аркаим на Южном Урале, поселений на степных и лесостепных пространствах срединной Евразии от Урала до Иртыша, а также на Западе Казахстана на чинках Мангистау изменили представление об истоках урбанизации на территории Казахстана.

Укрепленное поселение (городище) Аркаим и городища южного Урала – «страна городов»; городища Кент, Атасу, Талдысай в Сары-Арке; городище Токсанбай на полуострове Мангистау – это остатки протогородов среднего и позднего этапа бронзового века в диапазоне 1600-800 лет до н.э. Они имели развитую фортификацию в виде городских стен и укрепленных въездов, глубокие рвы, заполненные водой; организованную планировку внутреннего пространства, разреженную системой улиц; высокий уровень производственной деятельности, основанной на базе разработки рудных месторождений и металлургии палеометаллов; скотоводство разных форм и земледелие с использованием ирригации; международный обмен керамикой, металлом и украшениями. В них обитали стратифицированные по имущественному и общественному положению коллективы, где выделился слой элиты – жрецов, колесничих. Люди, населявшие эти поселения, имели развитые мифологию и искусство.

В аспекте политогенеза можно считать, что общество эпохи бронзы находилось на начальной стадии формирования государственности.

Раскопки укрепленных поселений открыли, как уже отмечалось, фортификацию, развитое домостроительство с использованием каменных плит для облицовки полуземлянок и землянок, в которых проживали большие семьи, состоящие из двух-трех поколений. Жилища отапливались напольными очагами. Большое количество остатков дерева, ряды ямок на полу свидетельствуют о сложных перекрытиях жилищ, видимо, «дарбазного» типа.

Население сооружало для умерших сородичей, особенно людей знатных и почитаемых, подкурганые гробницы, овальные и квадратные в плане мавзолеи. Широко известны мавзолеи могильников Бегазы, Дандыбай, Аксу-Аюлы.

В Приаралье исследован некрополь Тегискен, состоящий из больших мавзолеев-храмов, стены которых выстроены из крупноформатного сырцового кирпича, укреплены каркасом из бревен. Перекрытия их были купольные дарбазного типа. Самый большой мавзолеей (№ 6) этого «города мертвых» имел круглый план. Диаметр его 15 м, толщина стен – 4 м.

Внутреннее квадратное помещение, вписанное в круг, имело площадь 50 кв.м. Стены изнутри, судя по большому количеству бронзовых гвоздей, были задрапированы коврами.

По своим размерам и объему использованных при его сооружении материалов он лишь немногим уступает мавзолею Гур-Эмира, где был захоронен Тимур. Мавзолеи Тегискена по одной версии были ограблены и сожжены, по другой – были сожжены в ритуальном огне¹.

¹ Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – страна городов. Челябинск, 2007; Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // Степная цивилизация восточной Евразии. Астана, 2003. С.88-108; Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи северного Тегискена. Поздний бронзовый век нижней Сырдарьи. Москва, 2001; Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятника андроновской культурной общности. Актюбинск, 2008.

Первый этап урбанизации связан с эпохой ранних государств на территории Казахстана. Это государства саков Жетысу, саков Приаралья, Усунь в Жетысу, Кангюй с центрами на Сырдарье, государство Западных динлинов (Тасмолинская культура) в Восточном и Центральном Казахстане.

И саки, усунь и кангюй занимались скотоводством, в том числе и кочевым, и земледелием. Судя по китайским источникам, столицей государства Усунь был город Чигучэн (город Красной долины), который находился либо на берегах Иссык-Куля, либо в долине р. Чарын, где были найдены крупные поселения, которые могли соответствовать городу Красной долины. В каньоне Чарына это поселение Сарытогай.

Стали известны многочисленные поселения саков и усуней, которые были открыты и изучены в предгорьях Заилийского и Джунгарского Алатау, в ущельях центрального Тянь-Шаня. Это уже упомянутое поселение Сарытогай, Актас в долине Кегеня; Рахат неподалеку от могильника Иссык; Тузусай и крупные поселения в районе поселка Алатау вблизи Алматы; Есентай, Боролдай и Алмарасан на территории Алматы; Луговое в предгорьях Киргизского Алатау.

Наиболее полно раскопано поселение Актас, жилые и хозяйственные постройки которого возведены из камня-плитняка на глиняном растворе. Рядом найдены орошаемые участки земли.

На самом поселении обнаружены средневековые орудия и множество зернотерок. Жители поселения Тузусай, датируемого V в. до н.э. – IV в. н.э., занимались скотоводством и орошаемым земледелием.

На поселении Рахат, расположенном на первой гряде гор, на так называемых «прилавках», отмечены следы подрубания склонов горы для придания им неприступности, на плоской вершине которой находилось поселение.

Поселение Сарытогай занимало значительную площадь, тянущуюся узкой полосой по правому берегу Чарына, состояло из нескольких десятков различных жилищ, смытых стекающими с гор потоками. Здесь на месте построек лежат десятки зернотерок, каменных мотыг, керамика. Судя по территории и концентрации здесь населения, Сарытогай может считаться поселением городского типа.

На поселении Алмарасан открыт участок застройки с домами, фундаменты которых сложены из камня. Здесь же найдены зернотерки, земледельческого типа керамика, следы меднолитейного производства. Планировка Алмарасана, комплекс керамики, сделанной на гончарном круге, позволяют отнести его к поселениям городского типа.

Интерес представляет архитектура «царских» курганов Жетысу и Восточного Казахстана. Исследования могильников Бесшатыр, Иссык, Чиликты дают представление об архитектурных ансамблях, состоящих из курганов высотой 10-15 м и диаметром до 100 м, каменных колец вокруг них, круглых поминальных оградок, вкопанных вертикально в землю плит-менгиров. Под насыпями курганов находятся сооружения из бревен в виде наземных усыпальниц со стенами и с входными коридорами, сложенными из бревен тяньшанской ели в Жетысу и лиственницы в Восточном Казахстане. Примыкающий коридор-дромос также сооружался из бревен, верх его закрывался накатом из бревен,

все это перекрывалось матами из камыша, связанного веревками. В одном из раскопанных курганов Бешатыра гробница имела куполовидное деревянное перекрытие.

В кургане Иссык деревянный «сруб» был впущен в могилу.

Интересна подкурганная конструкция из бревен лиственницы в кургане Байгетобе в некрополе Чиликты. Она сооружена из бревен, щели между которыми были заложены камнем, а вся она обложена каменным пирамидальным панцирем.

Исследователи отмечают, что подкурганные деревянные конструкции свидетельствуют об умении саков и усуней сооружать из дерева жилые постройки и в своих стационарных поселениях и городах.

Безусловно, курганы, где хоронилась элита, являются сложными архитектурными постройками-храмами, в них проводились религиозные обряды и церемонии. Некрополи Жетысу аналогичны скифскому некрополю Герры в Причерноморье².

В Приаралье открыты городские центры саков – Чирик-Рабат и Бабишмулла. Изучены царские некрополи Южный Тегискен и Уйгарак, которые во многом продолжают архитектурные и строительные традиции эпохи бронзы. Столичным центром Приаралья в IV-II вв. до н.э. было городище Чирик-рабат, возникшее на месте некрополя. Возможно, что в какое-то время это был центр одной из северных сатрапий Ахеменидской империи.

К числу уникальных архитектурных сооружений относят мавзолеи из сырцового кирпича. Один из них Баланды 2 – круглое в плане сооружение диаметром 16 м, сейчас его стены достигают высоты 4,5 м.

Это цилиндрическая постройка, украшенная снаружи выступами. Вход внутрь находился с южной стороны. Круглое помещение внутри имеет диаметр 5,5 м и перекрыто куполом, который опирался на стены толщиной 1,5 м.

По мнению историков архитектуры, мавзолеем Баланды был построен в IV в. до н.э. и его купол является более древним, чем купольные постройки Рима³.

На Сырдарье в государстве Кангюй (каучинская, отрарско-каратауская, джеты-асарская культуры), изучены поселения и городища III в. до н.э. – начала VI в. н.э.

Поселения существовали многие столетия, и культурный слой их достигает 10 м и более, а сами постройки и фортификационные сооружения составляют своеобразную последовательность (стратиграфию). Открыты десятки укрепленных поселений и городов, поставленных на специальные платформы. Стены городов, жилые и культовые постройки возводились из сырцового кир-

2 Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; Черников С.С. Загадка Золотого кургана. Москва, 1965; Акишев К.А. Курганы Иссык. Москва, 1978; Топлеубаев А.Т. Золотые курганы Шиликты // Археология Казахстана. Алматы, 2006. С.125-139; Байпаков К.М. Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы, 2008.

3 Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1960; Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Дарменов Р. Археологические работы на городище Чирик-Рабат в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях в 2008 г. Алматы, 2008. С.198-201; Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва, 1996.

пича. В строительстве широко использовались коробовые перекрытия из кирпича, арочные проходы.

Открыты одно, двух, трех и многокомнатные дома, группирующиеся в кварталы. В домах в жилых помещениях вдоль стен устраивались суфы-лежанки. На полах находились открытые очаги, топившиеся «по-черному»: дым выходил через дверь и отверстия в кровле. Перекрытия были плоскими, опирались на четыре опорных столба, которые поддерживали перекрытие дарбазного типа.

В городах были храмы, посвященные огню, солнцу. Они имели алтари и подиумы под культовыми нишами. Были квартальные храмы на городищах. Есть случаи, когда города формировались вокруг крупных храмов. Известность в научной литературе приобрели раскопки городищ Кок-Мардан, Куик-Мардан в Отрарском оазисе, Культобе в Туркестанском оазисе, Актобе и Чардары в Ташкентском оазисе; городищ в Джетыясарском оазисе на Нижней Сырдарье.

Исследовано поселение городского типа Актау в долине Ишима, начинают разворачиваться исследования поселений сарматов в Западном Казахстане.

Второй этап урбанизации – эпоха раннего средневековья VII – первая половина IX в. В политическом отношении это время древнетюркских государств: Тюркского, Западнотюркского, Тюргешского и Карлукского каганатов. Это время перемещения на территорию Жетысу и Южного Казахстана основных трасс Великого Шелкового пути.

В VII в. в Жетысу возникают города Суяб и Навакет; продолжают развиваться Тараз; на юге Казахстана – Испиджаб, на Средней Сырдарье – Отрар и Шавгар. Сюань Цзянь, проехавший в 629 г. через Чуйскую долину и Южный Казахстан, называет также города Осуболай (Аспару), Цзюйлань (Кулан), а Ибн Хордадбех и Кудама в своих маршрутных записках используют сведения VIII в. и перечисляют города Кулан, Аспару.

Археологами локализованы городища этого времени, изучена их топография, застройка, фортификация, типы городских усадеб. Исследованы дворцовые постройки, буддийские храмы и христианские церкви. Определен этнический состав населения городов – это тюрки, тюргеши, карлуки, чигили, согдийцы, сирийцы.

Изучены городища, в том числе их структура. Получено представление о застройке цитаделей, о типах домов, о культовых сооружениях.

Для этого периода развития урбанизации характерен тюрко-согдийский синтез в архитектуре, строительстве, искусстве, в развитии городской культуры.

Яркие материалы об архитектуре VII–IX вв. дали раскопки городищ Ак-Бешим, Навакет, Кулан в Чуйской долине; Костобе и Тараз в Таласской долине; Джувантобе, Отрар, Куйрыктобе, Алтынтобе, Сидак в долине Сырдарьи. Открыты дворцовые постройки в цитаделях Куйрыктобе и Костобе; изучена архитектура и декор загородного дворца на городище Луговое; замков и усадеб городища Красная речка, Тараз; буддийских храмов Ак-Бешима; христианской церкви на городище Ак-Бешим.

Получены уникальные материалы: резные доски парадного зала дворца в цитадели Куйрыктобе; резной штук дворцов Лугового и Костобе; изучены наусы – мавзолеи Борижарского могильника.

Интересные материалы получены при раскопках дворца Акыртас – незаконченной постройки из камня, датируемой серединой VIII в.

Эти материалы свидетельствуют о высоком уровне городской культуры, архитектуры и искусства города VII – первой половины IX в.⁴

В городах Отраре-Фарабе, Таразе, Навакете, Суябе работают монетные дворы.

Раскопки археологов «гробницы Аньця» вблизи Чанъани открыли саркофаг, украшенный гравировкой и росписями. Они дают представление о жизни согдийского вельможи – главы согдийской колонии в Китае. Он показан на пиру вместе с тюркскими аристократами, на охоте, в сцене официальных переговоров с тюркским каганом.

Особый интерес представляет рисунок, изображающий торговый караван согдийцев в ставке тюрок.

Это своеобразные иллюстрации взаимоотношений тюрок и согдийцев, связанных общими торговыми интересами международной торговли по великому Шелковому пути.

В VII-IX в. происходит синтез согдийской и тюркской культур, что достаточно хорошо прослеживается в распространении двух культурных комплексов – согдийского и тюркского. Этот процесс наблюдается в Семиречье, на юге Казахстана и в Средней Азии.

Необходимо акцентировать внимание и писать не только о городах согдийцев или городах тюрок, а о городах согдийцев и тюрок, тюрок и согдийцев в зависимости от этапов их развития.

Однако, надо учитывать участие в формировании раннесредневековой культуры Семиречья этого времени Усуньского культурного комплекса в Илийской и Чуйской долинах: Усуньского и Кангюйского – в Таласской долине и Южном Казахстане. Кангюйский культурный комплекс прослеживается и в формировании культур Согда. Яркое тому свидетельство – продолжение традиций саков и усуней в средневековой городской среде. Прослеживается традиция «художественных бронз» Семиречья в культовой керамике средневековых городов и поселений.

В формировании городской культуры, в развитии урбанизации этого этапа участвовали и кочевники, и земледельцы, и степь, и город. Причем, в этническом плане скотоводы и горожане были однородными или же объединенные в рамках этнополитических образований – в Западнотюркском, Тюркешском и Карлукском каганатах.

Взаимодействие и взаимообогащение оседлой и кочевой культур стали по существу магистральной линией прогресса. В недрах такого синтеза лежат многие достижения цивилизации, созданные народами Казахстана и Средней Азии, а также истоки их этногенеза.

4 *Байпаков К.М.* Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986; *Байпаков К.М.* Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город // Известия НАН РК / Серия общественных наук. 2009. №1. С.105-146.

Қорытынды

Қазақстан Республикасы бүгінде өз тарихының қиын, бірақ өте жарқын әрі жасампаздық кезеңін басынан өткізуде. Еліміз тәуесіздікке қол жеткізіп, дүниежүзі қоғамдастығы мойындаған егеменді мемлекетке айналды. Жаңа азаматтық қоғам мен демократиялы мемлекет қалыптасуда. Ұлттық сана-сезіммен бірге Отанымыздың шынайы және нақты тарихына қызығушылық өсіп келеді. Осыған байланысты Қазақстанның өткен тарихы көрінісінің идеологиялық конъюнктурасынан арылып, шынайы жаңғыруда халықтың тарихи жадын қайта өркендетудің негізі ұлттық бірілікті қалыптастыру, адамгершілік пен отан сүйгіштікке тәрбиелеу болып табылады.

Өткен ғасырдың аяғында-ақ қазақстандық тарих ғылымында «дала өркениеті» деген дефиниция пайда болды. Дала өркениеті тек көшпенді мәдениетінің дамуынан ғана емес, отырықшылықтың, қалалық өмірдің өркендеуінен де хабар береді. Сақтар, үйсіндер, түріктер, қазақтар тек көшпенді ғана емес, қала салушылар болғандығы мәлім. Олай болса, дала өркениеті тек көшпенділікті ғана емес, отырықшылық пен қалалық өмірді де қамтиды. Сахара мен қала – осы өркениеттің екі тірегі, екі базасы. Ежелгі және ортағасырлық Қазақстандағы урбанизацияның тарихи үдерісін қайта жаңғыртуда отырықшы қоныстар мен қалаларды көлемді зерттеумен байланысты археологиялық зерттеулер маңызды рөл ойнайды.

Елімізде жұмыс істеп жатқан ірі археологиялық құрылым қатарында Қазақстанның барлық аймақтарында 40 жылдан аса жұмыс жүргізіп келген Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы бар. Осы экспедиция құрамындағы көптеген зерттеушілердің арқасында іргелі тарихи проблема – ежелгі дәуір және орта ғасырлардағы Қазақстандағы урбанизация динамикасы бойынша жаңа қорытындылар дайындауға мүмкіндік беретін бай археологиялық материалдар қордаланып, жарияланды. Сонымен бірге ескерткіштерді есепке алу мен қорғау, оны консервациялау мен музейлендіру, археологиялық материалдарды қорытындылау мен анализдеуді жаңа деңгейге көтеретін құжаттандырудың жаңа әдістері кеңінен пайдаланылды. Қазақстанда алғаш рет Отырар мен Отырар алқабының тарихи географиясын құжаттандыру жобасы жүзеге асырылды. Отырар алқабының мәдени ландшафты мен суландыру жүйесі зерттелді. Суландыру жүйелерінің жағдайын есепке алу мен зерттеу бойынша орындалатын міндеттер үшін кешенді әуефотоларды зерттеу жүйесі жасалғандығын атап өткен жөн. Жобаны орындау барысында жаз айының 20 сағатында 4,5 мың шаршы шақырым жер қамтылып, 7 мыңнан астам әуефотосурет түсірілді. Әуефотосурет процесінде ұшу бағытын жете бағдарлау глобалды жайғастыру қабылдағыш арқылы жүргізілді. Ғарыштық сурет материалдары да кеңінен пайдаланылды.

Жүргізілген жұмыстар мен аналитикалық зерттеулердің қорытындысы төмендегідей бөлінді:

Қазақстандағы *алғашқы урбанизация кезеңі* б.з.д. II мыңжылдықтан б.з.д. I мыңжылдықтың басына дейін созылған қола дәуірімен байланысты. Осы уақыттың мәдениеттері археологиялық тұрғыдан андроновтық және бейғазы-дәндібай атауларын алды.

Оңтүстік Оралдағы Аркаим қонысының, Оралдан Ертіске дейінгі Еуразияның ортасындағы далалық және орманды далалық кеңістіктегі қоныстардың, сонымен қатар Қазақстанның батысындағы Маңғыстау шыңының ашылуы Қазақстан аумағындағы урбанизацияның басталуы жөніндегі түсінікті өзгертті.

Аркаим бекіністі қонысы (қала) мен Оралдың оңтүстігіндегі қаласы – «қалалар елі»; Сарыарқадағы Кент, Атасу, Талдысай қаласы; Маңғыстау түбегіндегі Тоқсанбай қаласы – бұлар б.з.д. 1600-800 жыл шегіндегі қола ғасырының орта және кейінгі кезеңіндегі алғашқы қалалардың қалдықтары. Олардың қалалық қабырға үлгісіндегі дамыған фортификациясы мен күшейтілген қақпасы, су толтырылған терең оры; ішкі кеңістігінің жоспарында ұйымдастырылған сирек жүйелі көшелері; кен орындары мен палео-металдар металлургиясын өңдеу базасына негізделген өндірістік қызметтің жоғарғы деңгейі; мал шаруашылығының әртүрлі формалары мен суландыру жүйесін пайдаланған егіншілігі; керамиканы, металл мен әшекейлерді халықаралық айырбастауы болды. Оларда мүлік пен қоғамдық жағдайына қарай теңсіздікті ұжымдар, яғни элита табы – арбакештер, абыздар өмір сүрді. Осы қоныстарды мекендеген адамдардың мифологиясы мен өнері дамыған болды.

Саяси генезис аспектісі бойынша қола дәуірінің қоғамы мемлекеттіліктің қалыптасуының бастапқы сатысында болған деп есептеуге болады.

Бекіністі қоныстардағы қазба жұмыстар жоғарыда айтылып өткендей фортификациясын, екі-үш буынды үлкен отбасылар тұратын жартылай жеркепе мен жеркепелерді қаптау үшін тас тақталар қолданылып жетілдірілген үй құрылыстарды ашып берді. Баспана еден асты ошақтармен жылытылды. Едендегі бірқатар шұңқырлардағы көп мөлшердегі ағаш қалдықтары баспананың, шамасы, «дарбаза» типіндегі күрделі жабындысы болғандығын дәлелдейді.

Халық қайтыс болған туған-туыстарға, әсересе ақсүйек және құрметті адамдарға арнап кесене жоспарында сопақша және шаршылы оба асты молалар салды. Бұл Беғазы, Дәндібай, Ақсу-Аюлы қорымындағы кесенелерден кеңінен белгілі.

Арал маңындағы қабырғасы бөренелерден қаркасталып бекітілген көлемді қам кірпіштерден тұрғызылған үлкен кесене-хамдардан тұратын Тегіскен зираты зерттелді. Олардың жабындысы күмбезді дарбаза типінде болған. Осы «өлілер қаласындағы» ең үлкен кесененің (№6) жоспары дөңгелек. Оның диаметрі 15 м, қабырғасының қалыңдығы – 4 м.

Дөңгелек құрылыстың ішкі шаршылы бөлмесінің 50 ш.м алаңы бар. Ішкі қабырғасындағы көп мөлшерлі қола шегелерге қарағанда кілем ілінген.

Өзінің көлемі мен аумағында пайдаланылған құрылыс материалдары бойынша Темір жерленген Әмір көрі кесенесінен сәл ғана кейін тұрады. Тегіскен

кесенесі бір болжам бойынша тоналып өртелген, ал екінші болжам бойынша салт жоралғылық отта өртенген¹.

Урбанизацияның бірінші кезеңі Қазақстан аумағындағы ежелгі мемлекеттер дәуірімен байланысты. Бұл Жетісудағы сақтар, Арал маңындағы сақтар, Жетісудағы үйсіндер, Сырдарияның орта ағысындағы қаңлылар мемлекеті, Шығыс және Орталық Қазақстандағы батыс динлиндер (Тасмола мәдениеті) мемлекеті.

Сақтар, үйсіндер мен қаңлылар мал шаруашылығымен, оның ішінде көпенділікпен де, егіншілікпен де айналысты. Қытайлық жазба деректер бойынша Үйсін мемлекетінің астанасы Чигучэн (Қызыл алқаптағы қала) Қызыл алқаптағы қалаға сәйкес келуі мүмкін көлемді қоныстар табылған не Ыстықкөл жағалауында, не Шарын өзені алқабында орналасқан. Шарын арнасындағысы бұл Сарытоғай қонысы.

Бүгінде Іле мен Жоңғар Алатауы бөктерінен, орталық Тянь-Шань шатқалдарынан ашылып зерттелген сақтар мен үйсіндердің көптеген қонысы белгілі болды. Бұлар айтылып өткен Сарытоғай, Кеген алқабындағы Ақтас қонысы; Есік қорымына жақын жердегі Рахат; Түзусай және Алматы маңындағы Алатау кенті аумағындағы үлкен қоныс; Алматы аумағындағы Есентай, Боралдай мен Алмарасан; Қырғыз Алатауы бөктеріндегі Луговое.

Ақтас қонысының саз балшық ерітіндісімен тас тақталардан тұрғызылған тұрғын үй және шаруашылық құрылысы біршама толық қазылды. Қоныстың маңынан қолмен суармалы жер телімі табылды.

Осы қоныстан ортағасырлық құралдар мен көптеген дән үккіштер шықты. Б.з.д. V ғ. – б.з. IV ғ. жататын Түзусай қонысының тұрғындары мал шаруашылығымен және суармалы егіншілікпен айналысқан.

Тау алдындағы «адыр» деп аталатын тізбектің біріншісінің үстіне орналасқан Рахат қонысы қорғану үшін айналасындағы беткейлерді тігінен тегістеп кесіп алып тастаған.

Едәуір алаңды алып жатқан, Шарынның оң жағалауында еңсіз созылып жатқан Сарытоғай қонысы таудың тасқын суы шайып жатқан бірнеше ондаған әртүрлі баспанадан тұрады. Мұндағы құрылыс орнынан ондаған дән үккіш, тас кетпен, керамика табылды. Аумағы мен халықтың шоғырлануы бойынша Сарытоғайды қала типіндегі қонысқа жатқызуға болады.

Алмарасан қонысынан іргесі тастан қаланған үй құрылысының орны ашылды. Бұл жерден де дән үккіш, егіншілік типтегі керамика, мыс құю өндірісінің іздері табылды. Алмарасанның жоспарлануы, көзеші шарығында жасалған керамика кешені оны қала типіндегі қонысқа жатқызуға мүмкіндік береді.

Жетісу мен Шығыс Қазақстандағы «патша» обаларының архитектура-сы үлкен қызығушылық тудырады. Бесшатыр, Есік, Шілікті қорымдарының

1 *Зданович Г.Б., Батанина И.М.* Аркаим – страна городов. Челябинск, 2007; Варфоломеев В.В. Кент и его округа (некоторые итоги палеоэкономического и социокультурного анализа памятников восточной Сары-Арки) // *Степная цивилизация восточной Евразии.* Астана, 2003. С.88-108; *Маргулан А.Х.* Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979; *Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Мавзолей северного Тегискена. Поздний бронзовый век нижней Сырдарьи. Москва, 2001; *Кузьмина Е.Е.* Классификация и периодизация памятника андроновской культурной общности. Актюбинск, 2008.

зерттелуі диаметрі 100 м-ге дейін баратын, биіктігі 10-15 м, айнала тас шенберден, дөңгелек еске алу қоршауынан, жерге тігінен көмілген тас-менгирлерден тұратын обалардың сәулеттік ансамблі жөнінде түсінік береді. Оба үйіндісі астында Жетісудағы тяньшаньдық шырша мен Шығыс Қазақстандағы балқарағай бөренелерінен тұрғызылған кіру дәлізі мен қабырғалы жер асты мазар түріндегі бөренелі құрылыс орналасқан. Жалғасқан дәліз-дромос та бөренеден тұрғызылып, үстіне бөренелер қойылып, барлығы жіппен байланысқан қамыс төсенішпен жабылған. Бесшатырдағы қазылған бір обаның мазары күмбез тәрізді етіп ағашпен жабылған.

Есік обасында ағаш «қима» қабірге түсірілген.

Шілікті зиратындағы Бәйгетөбе обасындағы балқарағай бөренесінен тұрғызылған оба асты конструкция қызығушылық туғызады. Ол бөренеден тұрғызылып, арасындағы саңылаулар таспен бекітілген, ал олардың барлығы пирамида тәрізді тасты қабатпен жабылған.

Зерттеушілер оба астындағы ағаш конструкция сақтар мен үйсіндер өздерінің стационарлы қоныстары мен қалаларындағы тұрғын үй құрылысын ағаштан салу шеберлігін дәлелдейтіндігін айтады.

Элита жерленген күрделі архитектуралық құрылыс-храмдары бар обаларда діни салт-жоралар мен рәсімдер өткізілгендігі сөзсіз. Жетісу зираттары Қара теңіз маңындағы Гerra скиф зираттарына ұқсас².

Арал маңынан сақтардың қалалық орталықтары – Шірікрабат пен Бәбіш-мола ашылды. Қола дәуірінің архитектуралық және құрылыстық дәстүрін жалғастырған Оңтүстік Тегіскен мен Ұйғарақ патша зираттары зерттелді. Б.з.д. IV-II ғғ. Арал маңындағы астаналық орталық зират орнына пайда болған Шірікрабат қаласы. Бұл бір уақыттарда Ахеменид империясының солтүстік сатраптық өлкесі орталықтарының бірі болған болуы мүмкін.

Бірегей архитектуралық ескерткіштер қатарына қам кірпіштен салынған кесенелер де кіреді. Солардың біріне жататын Бұланды 2-нің диаметрі 16 м, дөңгелек жоспарлы құрылыс, оның бүгінгі қабырғасының биіктігі 4,5 м жетеді.

Бұл цилиндрлі құрылыстың сырты шығыңқы жерлермен безендірілген. Ішке кірер есік оңтүстік жағында орналасқан. Ішкі дөңгелек бөлмесінің диаметрі 5,5 м, күмбезді жабындысы қалыңдығы 1,5 қабырғасына жалғасқан.

Архитектура тарихшыларының пікірі бойынша Бұланды кесенесі б.з.д. IV ғ. тұрғызылған және оның күмбесі Римнің күмбезді құрылыстарына қарағанда өте ежелгі болып табылады³.

Қаңлы мемлекетіне қарасты Сырдария бойынан (қауыншы, отырар-қаратау, жетіасар мәдениеттері) б.з.д. III ғ. – б.з. VI ғ. басындағы қоныстар мен қалалар зерттелді.

2 *Акишев К.А., Кушаев Г.А.* Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963; *Черников С.С.* Загадка Золотого кургана. Москва, 1965; *Акишев К.А.* Кургan Иссык. Москва, 1978; *Толубаев А.Т.* Золотые курганы Шиликты // Археология Казахстана. Алматы, 2006. С.125-139; *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы, 2008.

3 *Толстов С.П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. Москва, 1960; *Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж., Дарменов Р.* Археологические работы на городище Чирик-Рабат в 2008 г. // Отчет об археологических исследованиях в 2008 г. Алматы, 2008. С.198-201; *Левина Л.М.* Этнокультурная история Восточного Приаралья. Москва, 1996.

Қоныстардың көптеген жүзжылдықтар өмір сүруінде мәдени қабаттары 10 м жеткен, ал құрылысы мен қорғаныс жүйесі өзіндік бір ізділікті (стратиграфия) құрайды. Қалалардың қабырғасы, тұрғын үй мен діни құрылыстары қам кірпіштен салынған. Құрылыс ісінде аркаланып өткен кірпіштен қаланған қорапты жабынды кеңінен пайдаланылған.

Кварталдарға шоғырланған бір, екі, үш және көп бөлмелі үйлер ашылды. Үйлердің тұрғын бөлмелері қабырғасын бойлай сыпа-жантайма төсектер орналастырылған. Еденіне «қарапайым» жағылатын ашық ошақ орналасқан: түтін есік және төбе жабындыдағы тесік арқылы шыққан. Тегіс төбе жабындыны дарбаза түріндегі жабындыны ұстап тұратын төрт бағана тіреп тұр.

Қалаларда отқа, күнге арналған храмдар болды. Оларда культтік нишалардың астында алтарьлар мен көтеріңкі орындар болды. Ірі храмдардың айналасына қалалар қалыптасқан деген жағдайлар да бар. Ғылыми әдебиеттер бойынша Отырар өңіріндегі Көкмардан, Күйікмардан, Түркістан өңіріндегі Күлтөбе, Ташкент өңіріндегі Ақтөбе мен Шардара қалаларында, Сырдарияның төменгі ағысындағы Жетіасар өңіріндегі қалаларда қазба жүргізілгендігі белгілі.

Ишим алқабындағы қалалық типтегі Ақтау қаласын зерттеу Батыс Қазақстандағы сарматтардың қонысын зерттеуді ілгерілетті.

Урбанизацияның екінші кезеңі – VII ғ. – IX ғ. бірінші жартысындағы ерте орта ғасыр дәуірі. Бұл уақытта ежелгі түрік мемлекеттері: Түрік, Батыс түрік, Түргеш және Қарлұқ қағанаттары саяси билікте еді. Ұлы Жібек жолының негізгі трассасы да осы уақытта Жетісу мен Оңтүстік Қазақстан аумағы арқылы өтті.

VI ғ. Жетісуда Суяб пен Навакет қаласы пайда болды, ал Тараз, Қазақстанның оңтүстігіндегі – Испиджаб, Сырдарияның орта ағысындағы – Отырар мен Шауғар қалалары дами түсті. 629 ж. Сюань Цзянь Шу алқабы арқылы Оңтүстік Қазақстанға өткенде Осуболай (Аспара), Цзюйлань (Құлан) қалаларын атап өтсе, Ибн Хордадбех пен Кудаман өз маршруттарында VIII ғ. мәліметтерін пайдаланып, Құлан, Аспара қалаларын атап шыққан.

Археологтар осы уақыттағы қалалардың орнын анықтап, олардың топографиясын, құрылысын, фортификациясын, қалалық үй-жайлардың түрлерін зерттеді. Сарай құрылыстары, будда храмдары мен христиан шіркеулері зерттелді. Қала тұрғындарының этникалық құрамы – олар түріктер, түргештер, қарлұқтар, шігілдер, соғдылар, сириялықтар екендігі анықталды.

Қалалар, оның ішінде оның құрылымы зерттелді. Цитадель, үйлердің типі, культтік құрылыстар жөнінде түсінік алынды.

Осы кезең үшін урбанизацияның дамуы архитектурада, құрылыста, өнерде, қалалық мәдениеттің дамуында түркі-соғдылық синтезбен сипатталады.

VI-IX ғғ. архитектура туралы көрнекті материалдарды Шу алқабындағы Ақбешім, Навакет, Құлан; Талас алқабындағы Қостөбе мен Тараз; Сырдария алқабындағы Жуантөбе, Отырар, Құйрықтөбе, Алтынтөбе, Сидак қалаларына жүргізілген қазба жұмыстары берді. Құйрықтөбе мен Қостөбе цитаделінен сарай құрылысы ашылды; Луговое қаласының қала сыртынан сарай мен архитектурасы; Қызылөзен, Тараз қалаларынан үй-жай мен қамалдар; Ақбешімнен будда храмдары; Ақбешім қаласынан христиан шіркеуі зерттелді.

Бірегей материалдар алынды: Құйрықтөбе цитаделіндегі сарайдың салтанатты залынан оймышты тақтай; Луговое және Қостөбе сарайларынан оймышты сылақ; Бөріжар қорымынан наус-кесене зерттелді.

Қызықты материалдар VIII ғ. ортасына жататын құрылысы бітпей қалған Ақыртас сарайын қазу барысында алынды.

Бұл материалдар VII ғ. – IX ғ. бірінші жартысындағы қалалардың архитектурасы мен өнерінің, қалалық мәдениеттің жоғарғы деңгейде болғандығын дәлелдейді⁴.

Отырар-Фараб, Тараз, Навакет, Суяб қалаларында монета сарайлары жұмыс істеген.

Археологтар Чанъань маңындағы «Аньць мазарына» қазба жұмыстарын жүргізу барысында ойылып, әшекейленіп безендірілген саркофагты ашты. Олар соғды ақсүйегі – Қытайдағы соғды отарының басшысының өмірі жөнінде түсінік береді. Ол түрік қағанымен ресми келіссөздер көрінісіндегі түрік аристократымен бірге тойды, аңшылықты көрсетеді.

Түрік ордасындағы соғдылардың сауда керуендері бейнеленген сурет ерекше қызығушылық тудырады.

Түріктер мен соғдылардың өзара қарым-қатынасындағы осы ерекше иллюстрация Ұлы Жібек жолы бойындағы халықаралық саудаға ортақ сауда жүргізу мүддесіне байланысты.

VI-IX ғғ. болған соғды мен түрік мәдениеттерінің синтезі таралған екі мәдениет – соғдылық және түріктік кешендерден айтарлықтай жақсы байқалады. Бұл процесс Жетісуда, Қазақстанның оңтүстігі мен Орта Азияда байқалады.

Тек соғдылар қаласын немесе түріктер қаласын ғана емес, соғдылар мен түріктердің қаласын, олардың даму кезеңіндегі түріктер мен соғдылардың тәуелділігін жазуға көңіл аудару қажет.

Бірақ осы уақытта Жетісудағы ерте ортағасырлық мәдениеттің қалыптасуына Іле және Шу алқаптарындағы үйсіндердің, Талас алқабы мен Оңтүстік Қазақстандағы үйсіндер мен қаңлылардың мәдени кешендерінің септігі тигендігін ескерген жөн. Қаңлы мәдени кешені Соғды мәдениетінің қалыптасуынан да байқалады. Олай болса, ортағасырлық қалалық ортада сақтар мен үйсіндер дәстүрінің жалғасқанын көруге болады. Жетісудағы ортағасырлық қалалар мен қоныстардың культтік заттарынан «көркемдік қола» дәстүрі байқалады.

Осы кезеңдегі қалалық мәдениеттің қалыптасуына, урбанизацияның дамуына көшпенділер мен диқаншылар, дала мен қала қатысты. Онда да бақташылар мен қалалықтар этникалық жағынан біртекті немесе этникалық-саяси құрылым – Батыс түрік, Түргеш және Қарлұқ қағанаттары шеңберінде біріккен.

Отырықшылар мен көшпенділердің өзара әрекеті мен өзара бірін-бірі байытуы ілгерілеудің басты бағытын айқындап берді. Мұндай синтездің қойнауында өркениеттің көптеген жетістіктері, Қазақстан мен Орта Азия халықтарының қалыптасуы, сонымен бірге олардың этногенезінің бастауы жатыр.

4 Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. Алма-Ата, 1986; Байпаков К.М. Западнотюркский и Тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город // Известия НАН РК / Серия общественных наук. 2009. №1. С.105-146.

Conclusion

The Republic of Kazakhstan is now passing difficult, but amazingly bright and creative stage in its history. The country got independence and became the sovereign state and was accepted by the world community. The new civil society and democratic state is being formed. National self-consciousness and together with it the interest to the honest and truthful history of Father Land is being grown. In these conditions recreation of the objective and free of ideological conjuncture picture of the historical past of Kazakhstan is one of the important factors of forming of the national unity, education of citizenship and patriotism.

Such definition like «steppe civilization» appeared in Kazakhstan historical science already at the end of the last century. Steppe civilization foresees not only the development of nomadic culture, but also the development of settled way of life, town life/ It has been proved that Sakaes, Wusuns, Turks and Kazakhs were not only nomads, but also the creators of towns. Steppe civilization includes not only nomadic way of life, but also settled way of life and town life. Steppe and town were two columns, two bases of that civilization. The important meaning in restoration of historical processes of urbanization in ancient and medieval Kazakhstan is played by archaeological researches which are connected with scale study of settlements and towns. One of the biggest archaeological structures, that work in the country, is the South Kazakhstan complex archaeological expedition, which conducts the works in all the regions of Kazakhstan for more than 40 years. The new generalization by fundamental historical problem, like dynamics of urbanization in Kazakhstan in the epoch of ancient times and medieval ages has been collected and issued by efforts of many researches. There are widely used the new methods of documentation rising for the new level analysis and generalization of archaeological materials, registration and protection of monuments, their conservation and museumification. The project of documentation and historical geography of Otrar and Otrar oasis has been realized for the first time in Kazakhstan. There have been researched irrigational system and cultural landscape of Otrar oasis. It is enough to note that system of complex air photo research was worked out for fulfillment of task on the research and fixation of irrigational net's condition. During fulfillment of project there had been shouted 4,5 thousand square kilometers and made more than 7 thousands of air photo pictures. In the process of air photo shooting there was done the detailed fixation of flight route by the help of global positioning system. The materials of space pictures were used actively.

As the result of implemented works and analytical researches there were separated the following periods:

Period of photo urbanization in Kazakhstan, connected with the Epoch of Bronze which was prolonged from the II millennium BC to early I millennium BC. Archaeologically the cultures of that time get the name of Andronov and Begazy-Dandybay cultures.

Discovery of Arkaim settlement in South Ural, settlements on steppe and forest-steppe space of middle Eurasia from Ural to Irtysh and also in the West of Kazakhstan at Mangistau's chinks changed imagination on the sources of urbanization on the territory of Kazakhstan.

Fortified settlement town Arkaim and sites of South Ural – «country of towns»; site Kent, Atasu, and Taldysai in Sary-Arka; site Toksanbay on Semi Island Mangistau are the remains of proto towns of middle and late stages of Bronze age in range 1600-800 years BC. They had the developed fortification in form of town walls and fortified entrances, deep ditches filled by water; organized planning of inner-space divided by street system; high level of productive activity based on working out of ore deposits and metallurgy of pale metal; cattle breeding of different forms and agriculture with use of irrigation, international change by ceramics, metal and adornments. There lived stratificated by property and public state collectives where was separated the layer of elite – priests and charioteers. People who lived in that settlement had a developed mythology and art.

In aspect of polytogenesis it can be considered that the society of Bronze Epoch was at the initial stage of forming of the statehood.

Excavations of fortified settlements revealed, as it was noted, fortification, developed house building with use of stone plates for facing of semi earth houses and earth houses where lived big families consisted of two-three generations. Dwellings were heated by floor fire places. A big quantity of wood remains, rows of holes floor are evidences of compound overlap pings of dwellings, probably, of «darbaz» type.

Population constructed sub burial mound vaults, oval and quadrangular in plan mausoleums for dead relatives, specially, noble and honorable people. Mausoleums of burial grounds Begazy, Dandybay and Aksu-Ayuly are widely known.

In Aral region there was researched necropolis Tagisken consisted of big mausoleums-temples with walls built of big size adobe bricks and fortified by beam cover. Their overlapping was cupola shaped of «darbaz» type. The biggest mausoleum (#6) of that «town of dead people» had round shaped plan. Its diameter was 15 m and thickness of walls was 4 m.

Inner quadrangular premises put in circle had the square 50 m². The walls inside were covered with carpets which is proved by a big quantity of bronze nails.

By their sizes and volume of used for construction materials it is smaller a little than the mausoleum of Gur-Emir, where Timur was buried. According to one of the versions, the mausoleums of Tagisken were robbed and burnt and by another version they were burnt in a ritual fire.

The first stage of urbanization is connected with the Epoch of early States on the territory of Kazakhstan. They are the states of Sakaes of Jetysu, Sakaes of Aral region, Wusuns of Jetysu, Kangyus with centers of Syrdaria, the State of Western dinlins (Tasmola culture) in East and Central Kazakhstan.

Sakaes, Wusuns and Kangyus were engaged in cattle breeding, including the nomadic one and agriculture Judging by the Chinese sources the capital of Wusun state was Chiguchen town (town of Red Valley), which was situated either on the shores of Issyk-Kul or in the valley of Charyn River where were found big

settlements which could correspond to the town of Red Valley. In Charyn canyon there was Sarytogay settlement.

The numerous settlements of Sakaes and Wusuns, which were discovered and studied in the foothills of Central Tien-Shan, became known. It is already mentioned settlement Sarytogay, Aktas in Kegen valley; Rakhat – not far from Issyk burial ground; Tuzusay and big settlements in the region of Alatau village near Almaty; Esentay, Borolday and Almarasan on the territory of Almaty; Lugovoye in the foothills of Kirgiz Alatau.

Aktas settlement with dwelling and household constructions made of plate stones on clay infusion was excavated more completely. There were found the irrigated section nearby.

On the settlement itself there were discovered medieval implements and a lot of grain graters. Inhabitants of Tuzusay settlement dated by the V c. DC – IV c. AD were engaged in cattle-breeding and irrigational farming.

On Rakhat settlement situated on the first ridge of the mountains, on so called «ledges» there were noted the traces of cutting of mountain slopes for difficult reach and settlement was situated on the plain top of it.

Sarytogay settlement occupied the essential square prolonged by narrow strip along the right bank of Charyn River. It consisted of several tens of different dwellings washed out by streams going from the mountains. There on the place of constructions laid tens of grain graters, stone mortars and ceramics. Judging by the territory and concentration of population there, Sarytogay can be considered as the settlement of town type.

On Almarasan settlement there was discovered section of constructions with houses, their bases were made of stones. There were also found the grain graters, ceramics of agricultural type and traces of copper melting production. Planning of Almarasan, complex of ceramics made on potter's wheel let to refer it to the settlements of town type.

The interesting is the architecture of «tsar» burial mounds of Jetysu and East Kazakhstan. Researches of burial grounds of Bes-Shatyr, Issyk and Chiliky give imagination on architectural ensembles consisted of burial mounds in height of 10-15 m and diameter up to 100 m, stone rings around them, round shaped plates – mengirs. Under the embankments of burial mounds there are situated constructions of beams in a form of earthen vaults with the walls and with the entrance corridors made of beams of Tien-Shan fir-tree in Jetysu and larch in East Kazakhstan. Enclosed corridor-dromos was also built of beams. Its top was covered by the line of beams and all that was overlapped by the cane mat, fixed by stripes. In one of excavated burial mounds of Bes-Shatyr the vault had a cupola shaped wooden overlapping.

In Issyk burial mound the wooden «beams» were put into the grave.

Interesting is a sub burial mound construction of larch beams in the burial mound of Baigetobe in Chiliky necropolis. It was constructed of beams with stones between them and it was covered by the stone pyramid shaped shell.

The researchers note that sub burial mound warden constructions is the evidence of skill of Sakaes and Wusuns to build the wooden dwelling constructions also in their stationery settlements and towns.

It is doubtless that burial mounds where elite was buried are compound architectural constructions – temples for carrying out there of the religious ceremonies. Necropolis of Jetysu is analogous to the Scythian necropolis of Herra in Black Sea region.

In Aral region there were discovered town centers of Sakaes – Chirik-Rabat and Babish-mullah. There were studied tsar necropolis of South Tagisken and Uigarak, which in many aspects continue the architectural and building traditions of the Epoch of Bronze. Capital center of Aral region in the IV-II cc BC was Chirik-Rabat town appeared on the place of necropolis. Probably, it was the the center of one of northern satrapies of Akhemenidian Empire.

Mausoleums made of adobe bricks are referred to the number of architectural constructions. One of them is Balandy-2. It was round shaped in plan construction in diameter 16 m and now its walls reach the height of 4,5 m.

It is cylindrical construction is decorated with protuberances outward. The entrance to inner space was situated from the southern side. The round shaped premise has diameter 5,5 m inside and it is overlapped by cupola which stood on the walls in thickness 1,5 m.

By the view of historians of architecture, mausoleum Balandy was built in the IV c. BC and its cupola is the most ancient than cupola constructions of Rome.

In Syrdaria in the state of Kangui (Kaunchinsk, Otrar-Karatau and Zhetyasar cultures) there have been studied settlements and sites of the III c. BC – early VI c. AD.

Settlements existed during many hundreds of years and their cultural layer reaches 10 m and more and constructions themselves and fortification constructions amount the specific consequence (stratigraphy). There were discovered tens of fortified settlements and towns put on the special plat forms. The walls of towns dwelling and cult constructions were built of raw bricks. During building there were widely brick overlapping and arch passes.

There were discovered one, two, three and multi room houses grouping into the blocks. Sufas-laying places were established in houses, in dwelling premises along the walls. On the floor there were situated open fire-places heated by «black method»: smoke left the premise through the door and holes in the roof. Overlapping was plain and they stood on four supporting columns, which supported the overlapping of darbaz type.

In the towns there were temples devoted to fire and sun. They had altars and podiums under the cult niches. There were also block temples on the sites. There were the cases when towns were being formed around the big temples. Excavations of the sites of Kok-Mardan, Kuik-Mardan in Otrar oasis, Kultobe in Turkestan oasis, Aktobe and Chardara in Turkestan oasis; sites in Zhetyasar oasis in Low Syrdaria became known in scientific literature.

The settlement of town type Aktau in Ishim River valley has been researched and researches of settlement of Sarmats in the West of Kazakhstan are being started.

The second stage of urbanization is the Epoch of Early Middle Ages – VII – the first half of the IX c. In the political regard it was the time of Ancient Turkic states: Turkic, West Turkic, Turgesh and Karluk khanates. It was the time

of moving of the main routes of the Great Silk Road to the territory of Jetysu and South Kazakhstan.

In the VI c in Jetysu appeared such towns like Suyab and Navaket; continued the development the Taraz city; in the South of Kazakhstan – Ispidjab, in Middle Syrdaria – Otrar and Shavgar. Syuan' Tszyan' passing in 629 year the Chu Valley and South Kazakhstan called also such towns like Osubolay (Aspara), Tszuulan' (Kulan) and Ibn Khordadbeh and Kudama used in their guide-books, the evidences of the VIII c. and called such towns like Kulan and Aspara.

Archaeologists localized the sites of that time and studied their topography, building, fortification, types of town farmsteads. There were researched palace constructions, Buddhist temples and Christian churches. There was defined the ethnic content of town population. They were Turks, Turgeshes, Karluks, Chigili, Sogdians and Syrians.

The sites, including their structures have been studied. And there was revealed the imagination on construction of citadels, types of houses and cult constructions.

For that period of development of urbanization was characteristic the Turkic-Sogdian synthesis in architecture, building, art and in development of town culture.

The bright materials on architecture of the VI-IX cc were received after excavations of the sites, like Ak-Beshim, Navaket, and Kulan in the Chu Valley; Kostobe and Taraz in the Talas Valley, Zhuantobe, Otrar, Kuiryktobe, Altyntobe and Sidak in the Syrdaria River Valley. There were discovered palace constructions in citadels of Kuiryktobe and Kostobe, there were studied architecture and décor of suburb palace on the site of Lugovoye, temples and farmsteads of the sites of Krasnaya Rechka, Taraz; Buddhist temples of Ak-Beshim, Christian church on the site of Ak-Beshim.

There was received interesting material under excavations of Akyrtaş palace – not finished construction of stone dated by the middle of the VIII c.

These materials is an evidence of a high level of town culture, architecture and art of town of the VII – first half of the IX c.

In towns like Otrar – Farab, Taraz, Navaket, Suyab functioned mints.

Archaeological excavations of «Anxia vault» near Chang'an revealed sarcophagus decorated by graving and paintings. They give imagination on the life of Sogdian noble – head of Sogdian colony in China. He is shown in first together with Turkic aristocrats, in hunting, in the scene of official negotiations with Turkic kagan.

The special interest represents a picture of trade caravan in a headquarter of Turks.

They are the specific illustrations of interrelations of Turks and Sogdians connected by general interests of international trade along the Great Silk Road.

In the VI-IX cc. happened synthesis of Sogdian and Turkic cultures what is seen rather well in the spread of two cultural complexes – Sogdian and Turkic. This process is observed also in Semirechie, in the South of Kazakhstan and in Central Asia.

It is necessary to pay attention and to write not only about towns of Sogdians or towns of Turks, but about towns of Sogdians and Turks, Turks and Sogdians and dependence of the stages of their development.

But it is necessary to take into account a participation of the Wusun cultural complex in the Ili and Chu Rivers valleys; in the forming of Early Medieval culture of Semirechie of that time; Wusun and Kangui in the Talas Valley and in the South Kazakhstan. Kangui cultural complex is seen also in the forming of cultures of Sogd. The bright evidence of the above fact is a continuation of traditions of Sakaes and Wusuns in the medieval town environment. Tradition of «artistic bronzes» of Semirechie in cult ceramics of medieval towns and settlements is observed.

The nomads, farmer steppe and town also participated in forming in town culture and in development of urbanization of that time. At the same time in ethnic plan cattle-breeders and citizens were uniform or united in frames of ethnic-political formations – in West Turkic, Turgesh and Karluk khanates.

Interaction and mutual enrichment of settled and nomadic cultures became by their essence the main line of progress. In the sources of such synthesis lay many achievements of civilization created by peoples of Kazakhstan and Central Asia and also the originals of their ethno genesis.

Байпаков К.М.

**Древняя и средневековая
урбанизация Казахстана**

(по материалам исследований Южно-Казахстанской
комплексной археологической экспедиции)

Книга I

**Урбанизация Казахстана
в эпоху бронзы – раннем средневековье**

Перевод на казахский язык
Ералы Акымбек
Перевод на английский язык
Ляйля Сейфулина

Дизайн и вёрстка
Ольга Храмовская
Асель Умарходжиева

Подписано в печать __.__.2012
Формат издания _____ 1/8. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. ____
Тираж _____ экз. Заказ № ____
Отпечатано в типографии _____

Глава I

Степная цивилизация Казахстана

Таблица 1

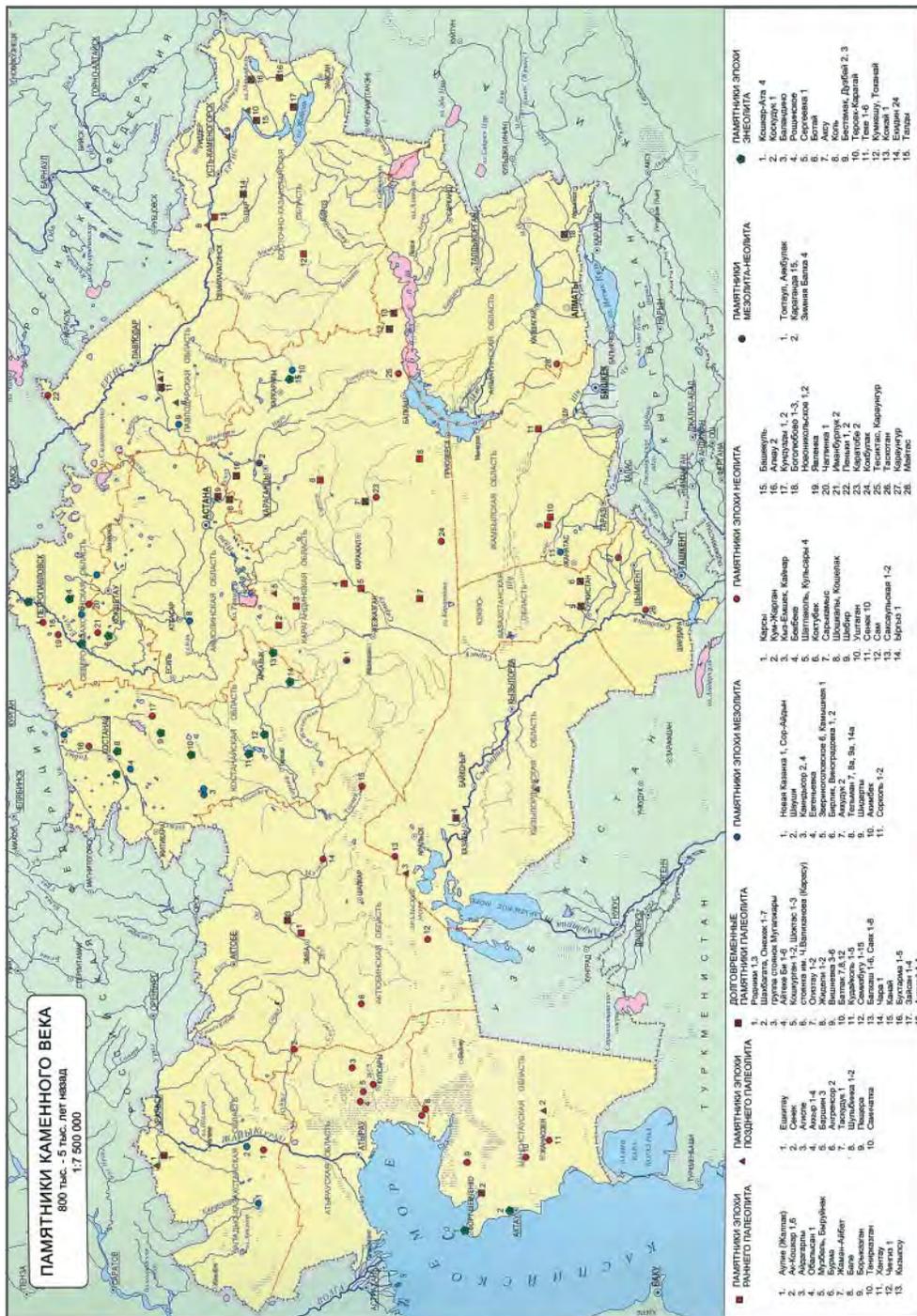

Таблица 2

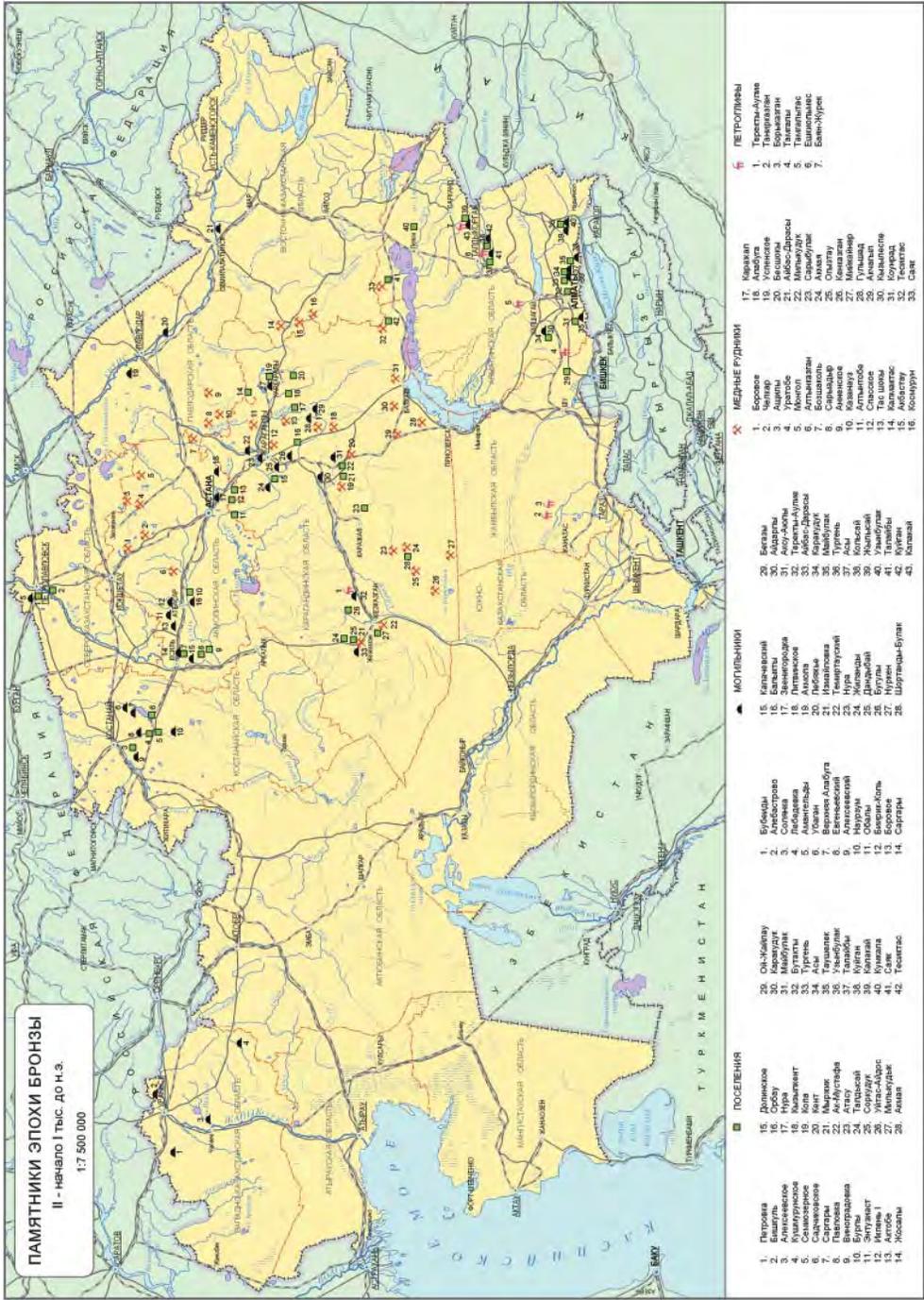

Таблица 3

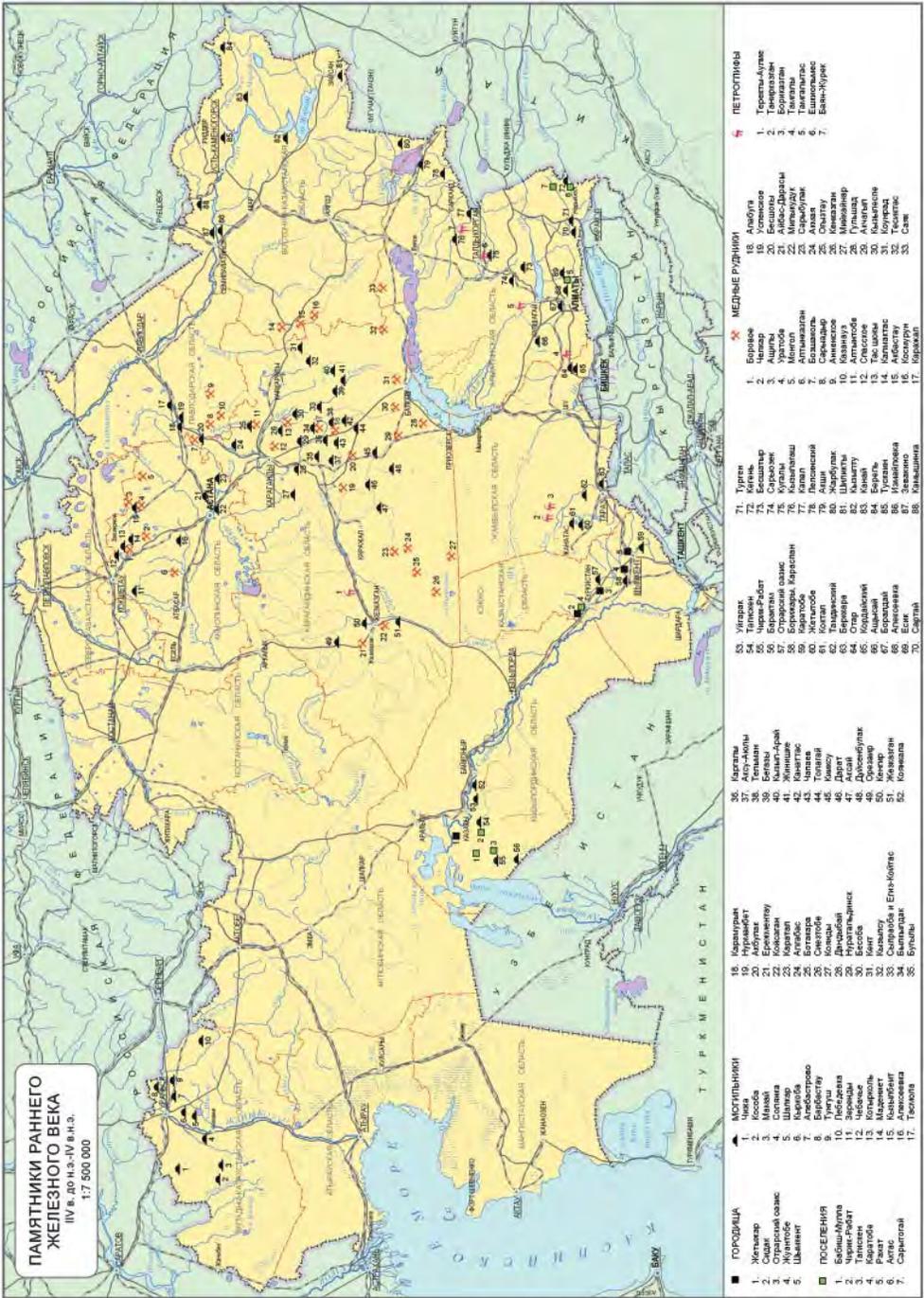
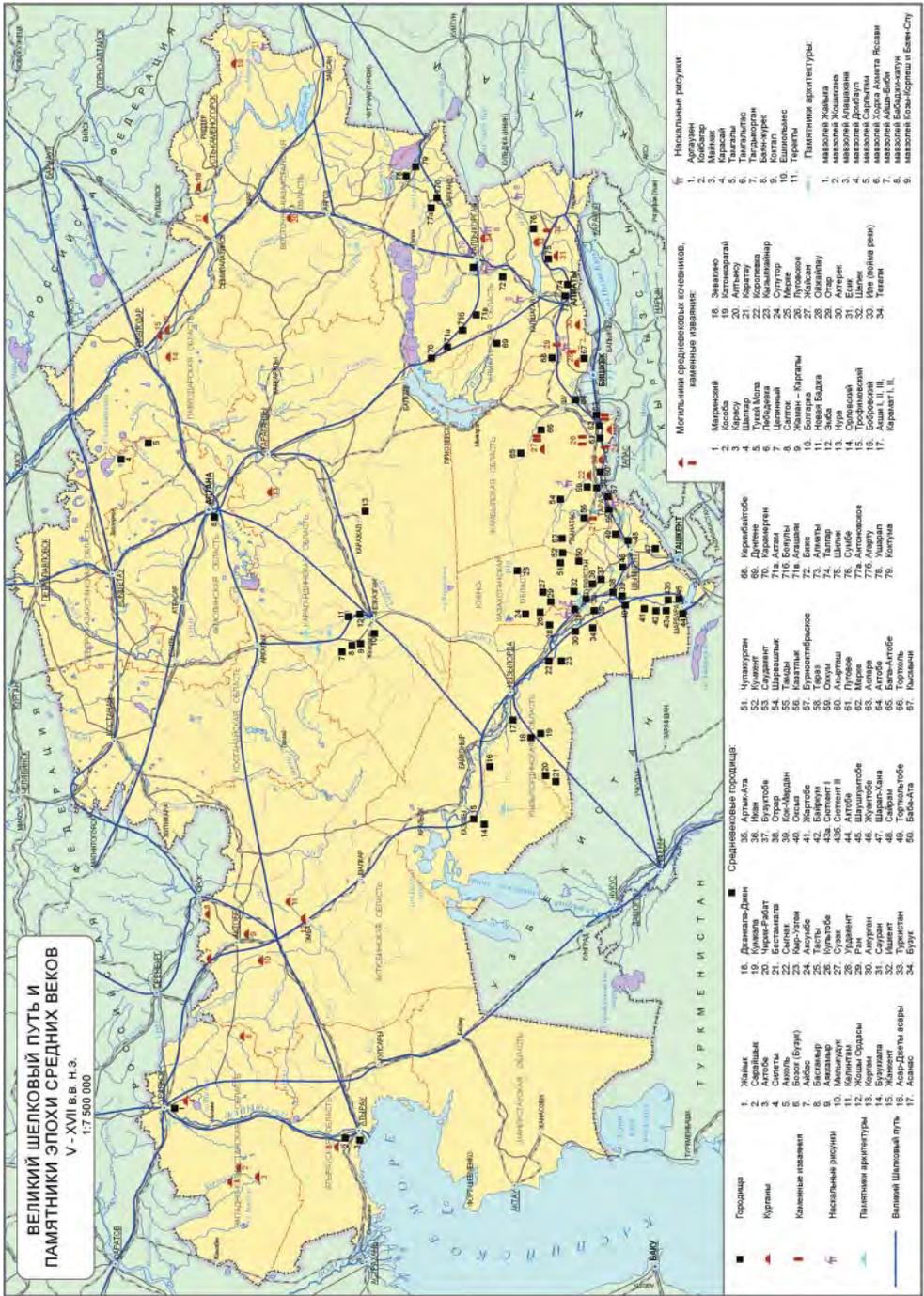

Таблица 4

Глава II
История изучения древней и средневековой
урбанизации Отрарского оазиса и Казахстана

Таблица 5

1

Отрартобе. На работу

2

*Усуньское поселение Тузусай вблизи Алматы.
Крайняя слева археолог из США Клодия Чанг. 2004 г.*

1

Раскопки «согдийского квартала» на городище Антоновка. X в.

2

Раскопки загородного дворца на городище Луговое. VIII – IX вв.

1

Городище Жайык на р.Урал. Изучение кирпичеобжигательной печи. XIV в.

2

Городище Отрартобе. Раскопки городской застройки XI-XII вв.

1

*Городище Отрартобе.
Соборная мечеть конца XIV – начала XV вв.*

2

*Городище Талгар.
Часть городского квартала XII – начала XIII вв.*

Глава III

Новые методы документации

1

Таблица 9

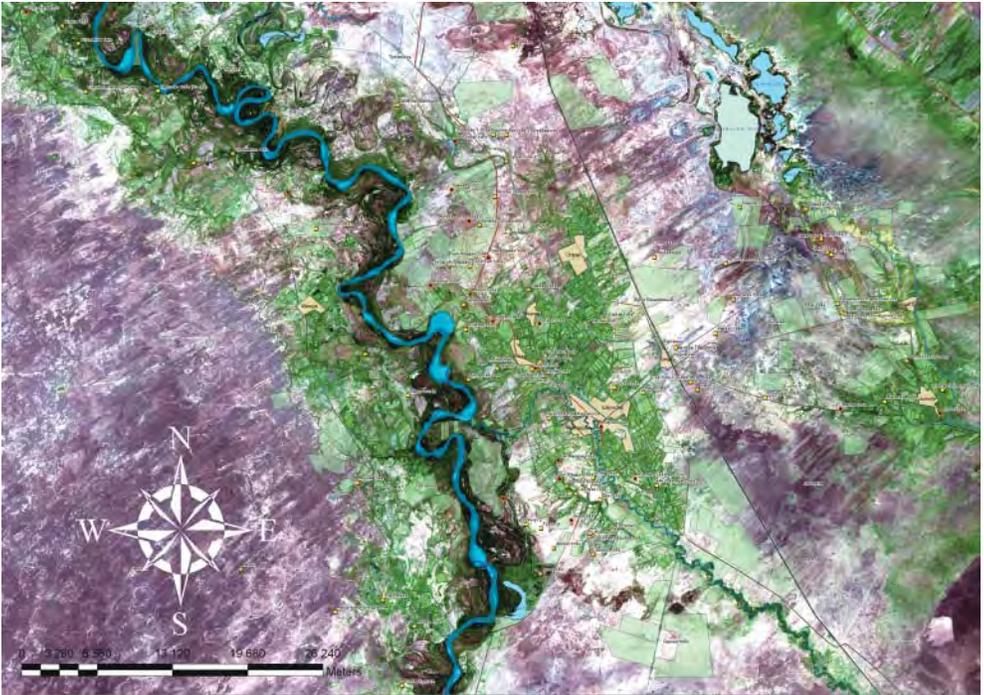
Река Арысь

2

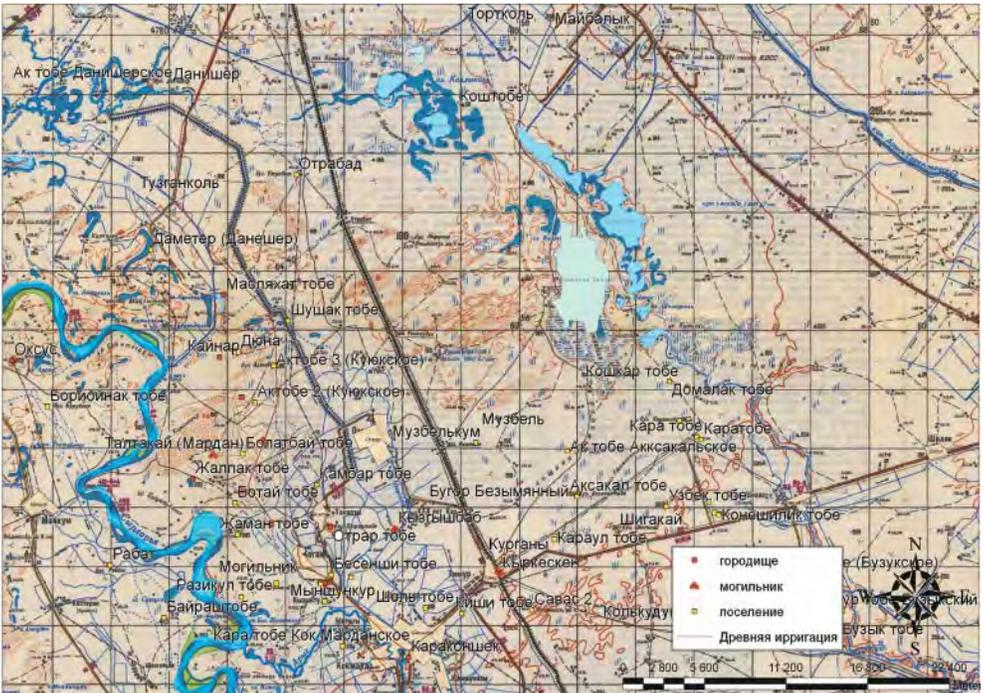
Городище Отрартобе. Аэрофото

1

Отрарский оазис. Аэрофото

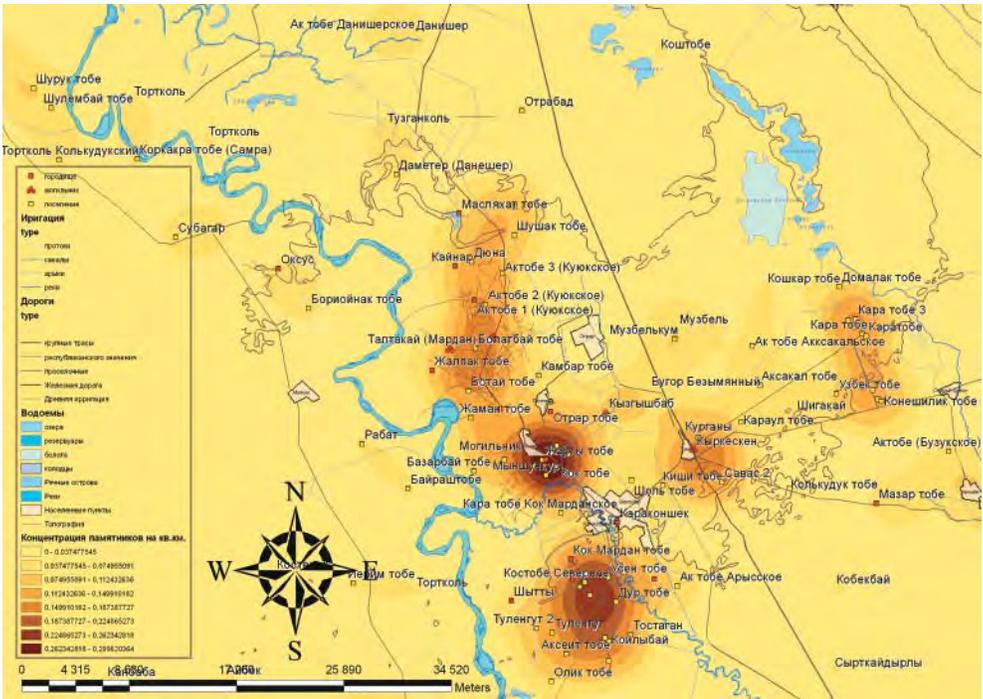
2

Отрарский оазис. План

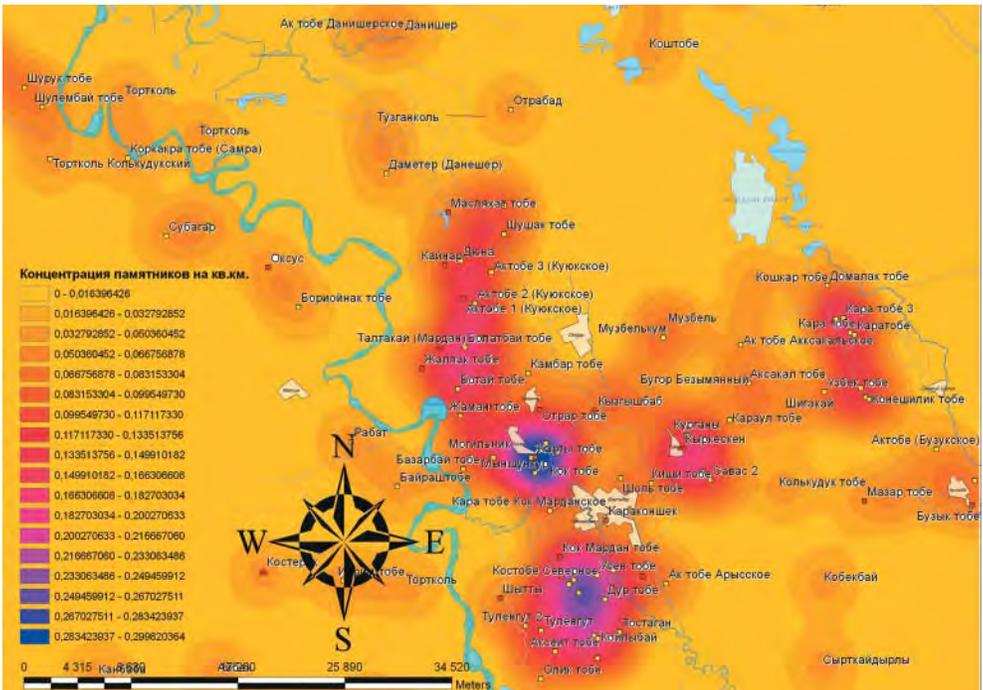
Таблица 11

1

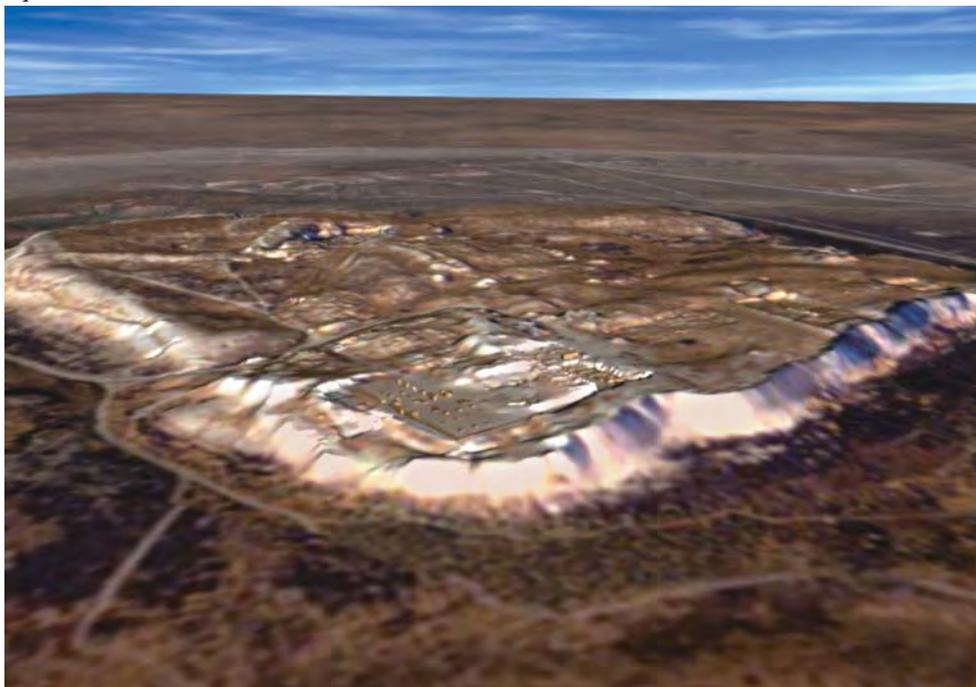
Памятники археологии Отарского оазиса

2

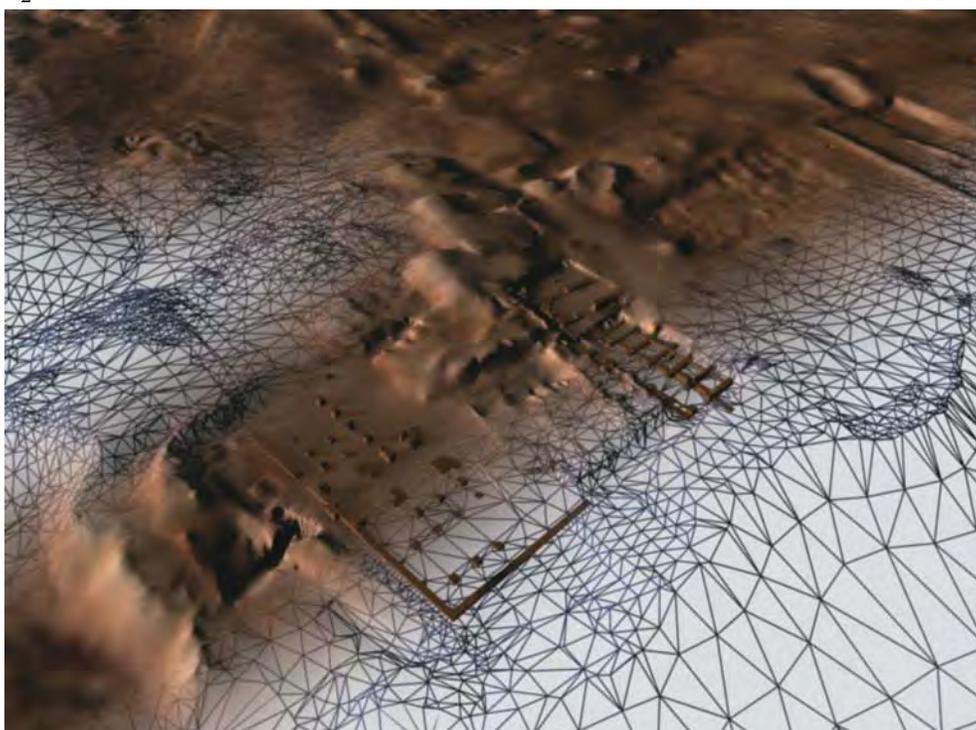
Концентрация памятников археологии в Отарском оазисе

1

Городище Отрартобе. Трехмерная модель

2

Городище Отрартобе. Создание трехмерной модели

1

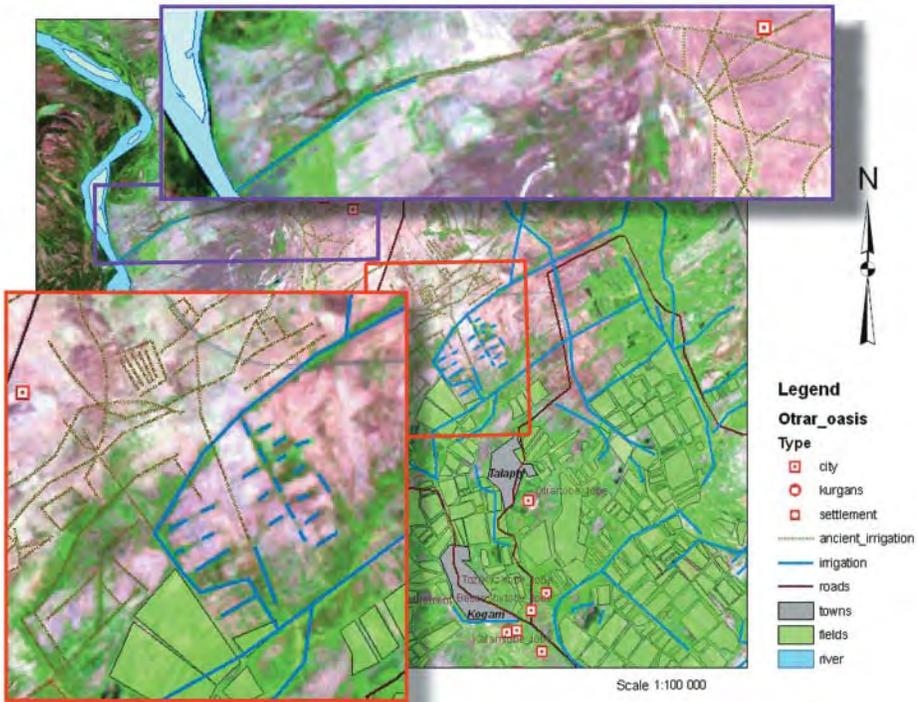
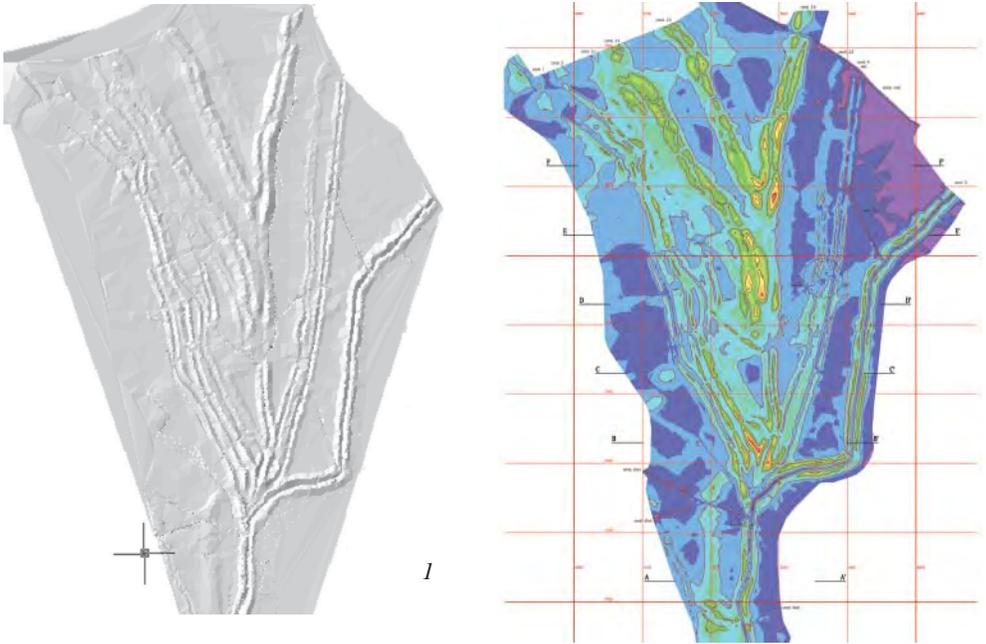

Отрарский оазис. Ирригация

2

Отрарский оазис. Ирригация

ГЛАВА IV

От поселений к протогородам и городам

Таблица 15

1

Скульптурки. Эпоха Аркаима

2

Укрепленное поселение Куйас. Оборонительная стена и ров

Городище Кент. Общий вид

ГЛАВА V

Урбанизация на территории Казахстана в эпоху ранних государств Саков, Усунь, Динлин, Кангюй

Таблица 17

1

2

*Городище Чирик-рабат.
Алебастровый сосуд
с греческой надписью*

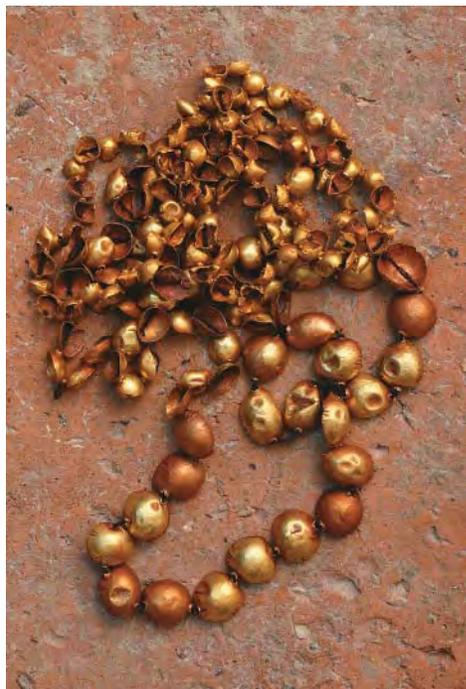
*Курган Иссык.
Реставрация костюма и короны
«Золотого человека»*

1

Некрополь Басшатыр

2

Чирик-рабат. Украшения

1

Курган Тенгик. Усуньский всадник. Золотые бляшки

2

Некрополь Каратума. Бронзовая бляха

1

Река Или

2

Полупустыня Южного Прибалхашья. Место зимовок

1

Зашийский Алатау. Высокогорье, место летних пастбищ (жайляу)

2

Поселение Рахат. Аэрофото

1

Зернотерки из поселения Бутақты

2

*Поселение Есентай.
Жертвенник*

3

Поселение Цыганка 8. Раскопки

1

Поселение Алмарасан. Зернотерка

2

Поселение Алмарасан. Вид раскопа

3

Поселение Алмарасан. Вид раскопа

Поселение Алмарасан. Керамика

1

Поселение Алмарасан. Формочка для литья

2

*Изюображение кангюйцев на костяных пластинах
из погребения могильника Орлат*

1

2

Культура Каунчи. Чаши, кувшины, фляги, кружки с зооморфными ручками

1

Городище Кок-Мардан. Вид с востока

2

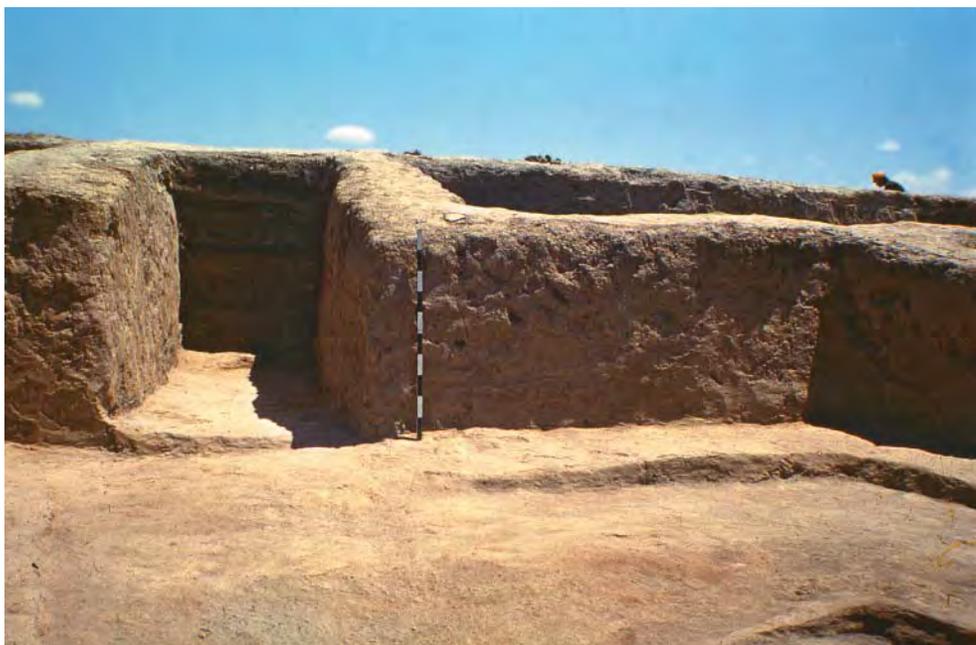

Городище Кок-Марданю. Аэрофото

Городище Кок-Мардан. Раскопки центральной части

1

Городище Кок-Мардан. Жилище с коридором

2

Городище Кок-Мардан. Кладовая в двухкомнатном жилище

1

Городище Кок-Мардан. Кружки с зооморфными ручками

2

*Городище Кок-Мардан.
Кружка с зооморфной ручкой*

3

*Городище Кок-Мардан.
Хум с налетом в виде змеи*

Городище Кок-Мардан.
Кувшин с носиком

Городище Мардан-Куик (Коныртобе). Некрополь, геммы

Урочище Джеты-Асар. Портреты жителей городов
(реконструкция по черепу в лаборатории
М.М.Герасимова)

1

Городище Алтынтобе. Аэрофото

2

Городище Алтын-асар. «Большой дом»

1

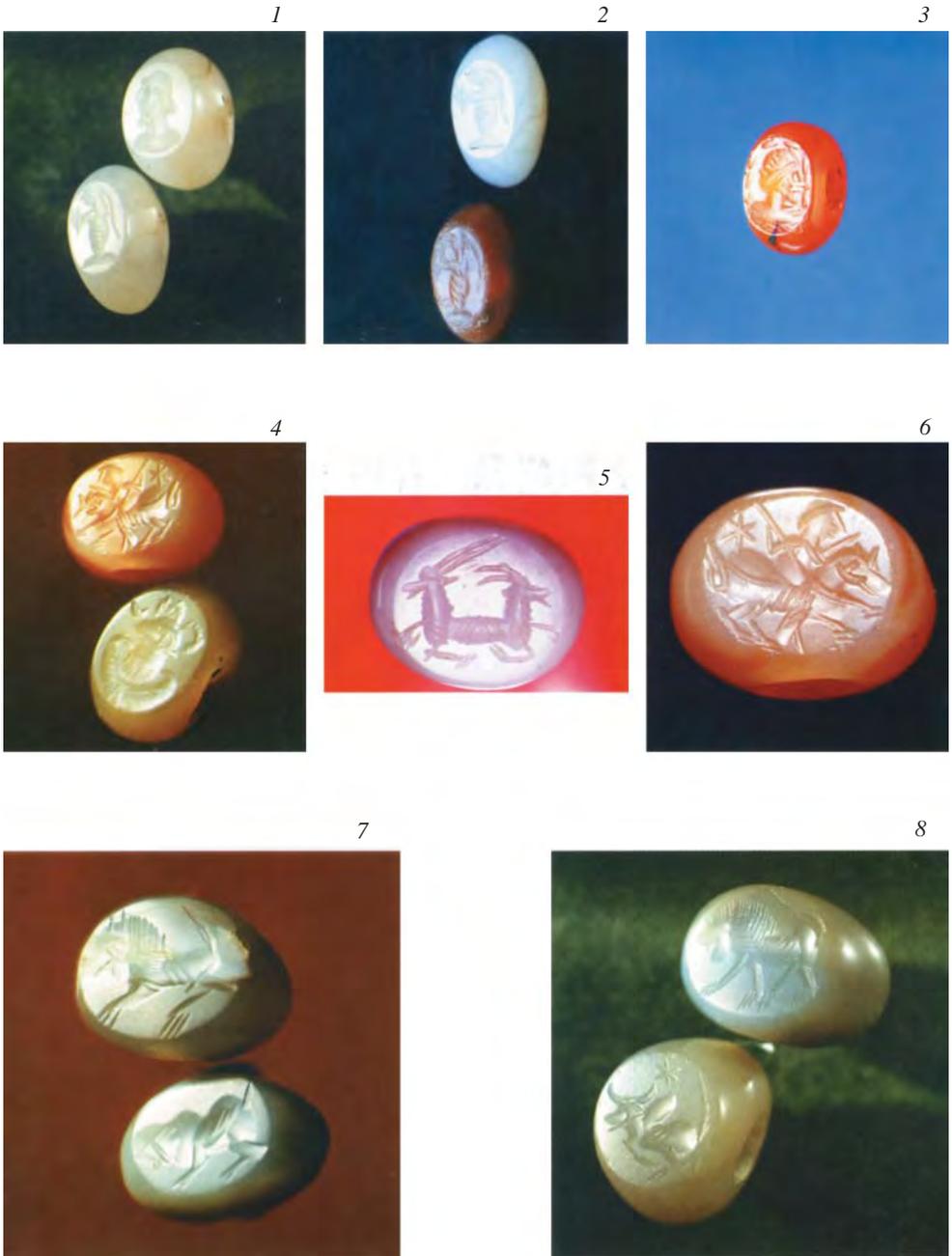
Алтынтобе. Культовая подставка

2

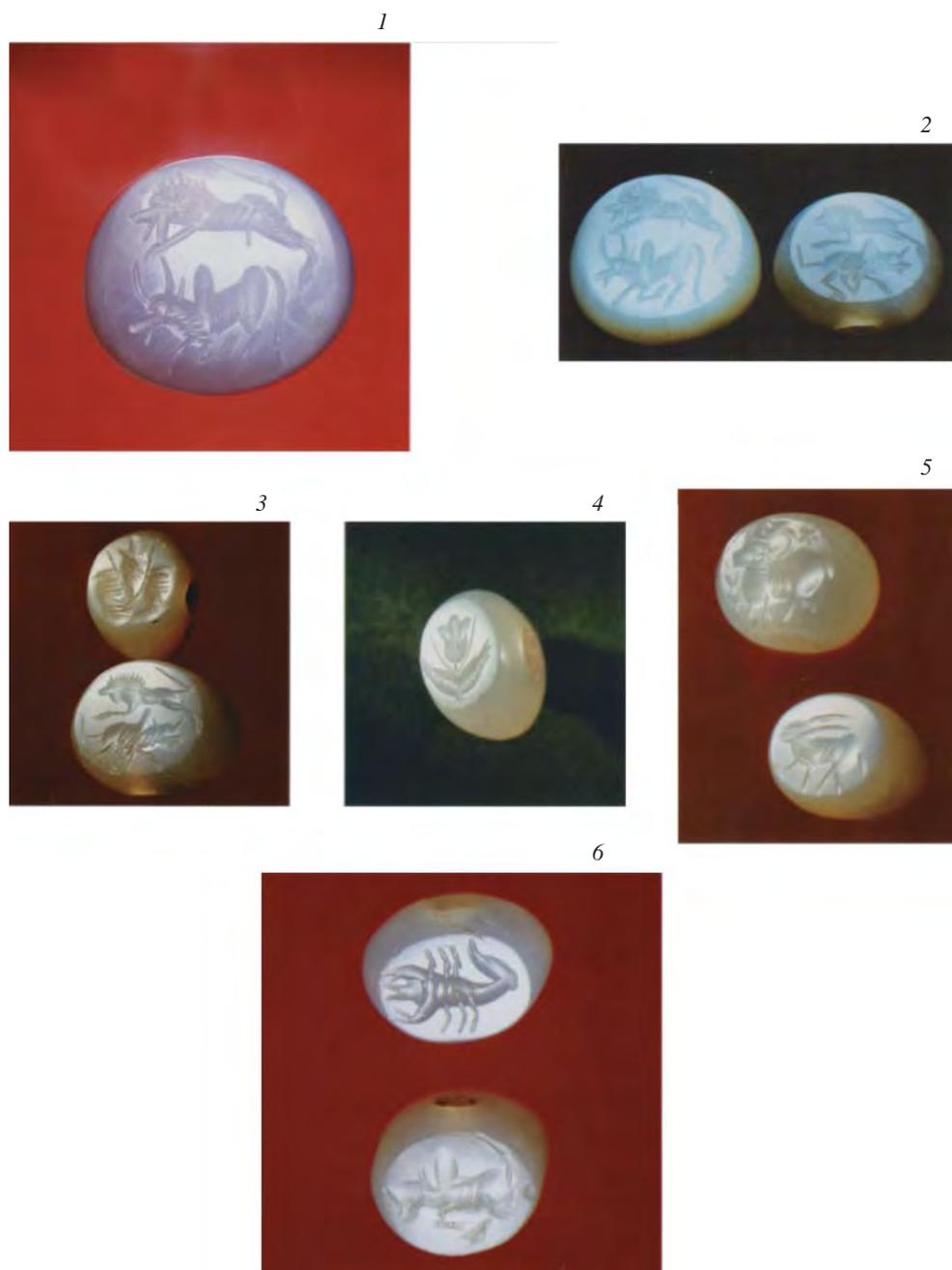

Алтынтобе. Сосуд с ручками в виде львов

Таблица 37

Урочище Джеты-Асар. Иранские резные камни из джетыасарских памятников парфянского и сасанидского времени

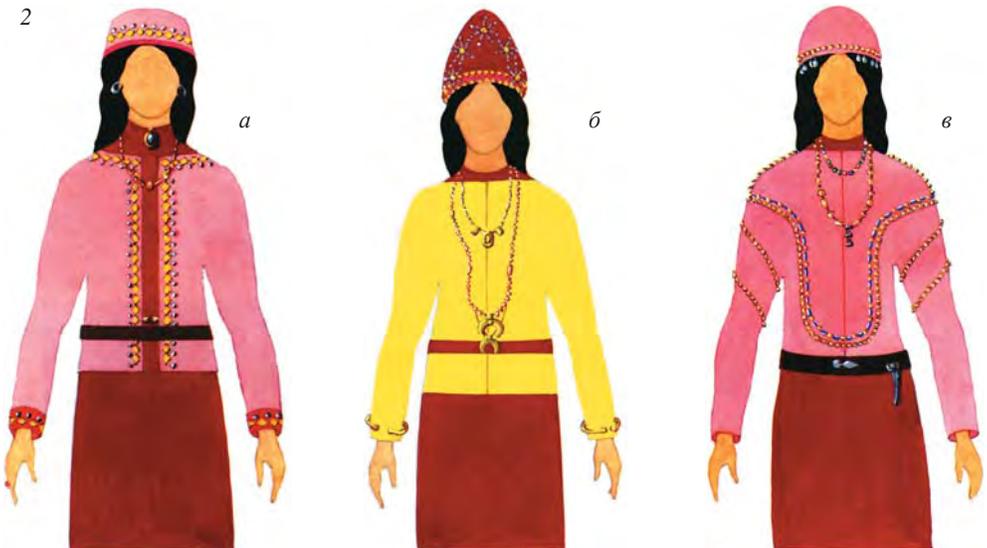
Урочище Джеты-Асар. Иранские резные камни

1

Урочище Джеты-Асар. Мужские фигурки-амулеты

2

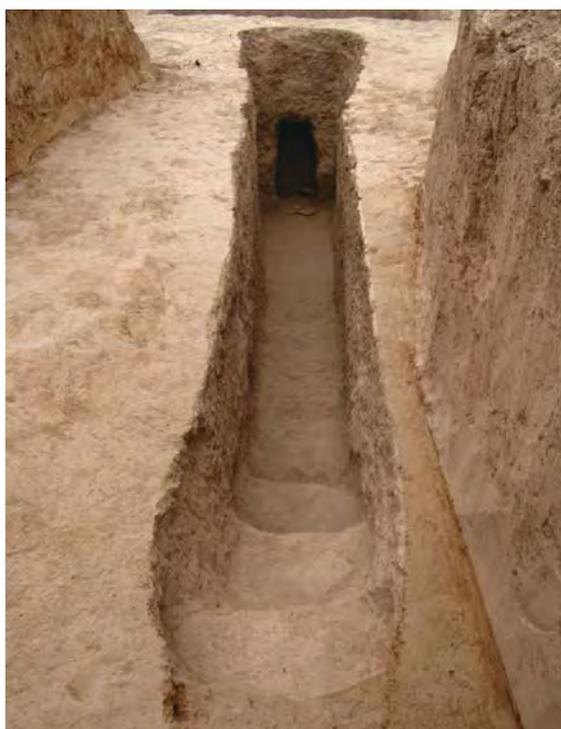
Урочище Джеты-Асар. Реконструкция женской одежды

1

Округ Кенджиде, городище Культобе. Аэрофото

2

Некрополь Боржары. Катакомба с дромосом. I - IV вв. до н.э.

1

Некрополь Борижары. Вход в катакомбу

2

Некрополь Борижары. Захоронения в катакомбах

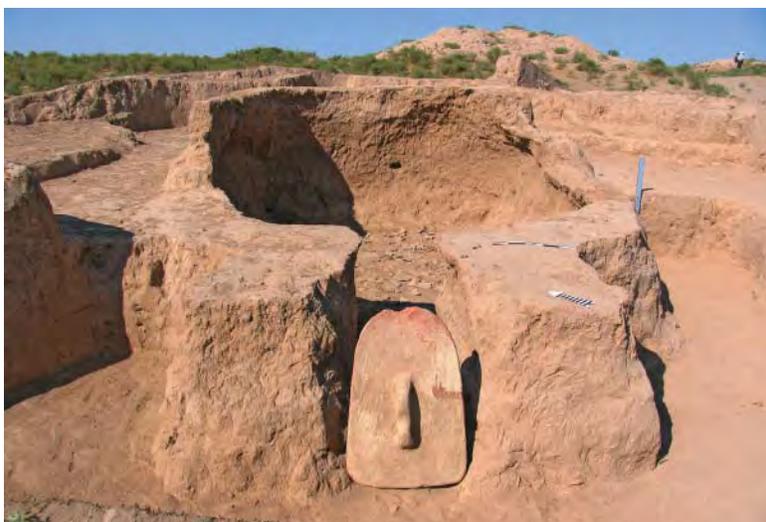
1

2

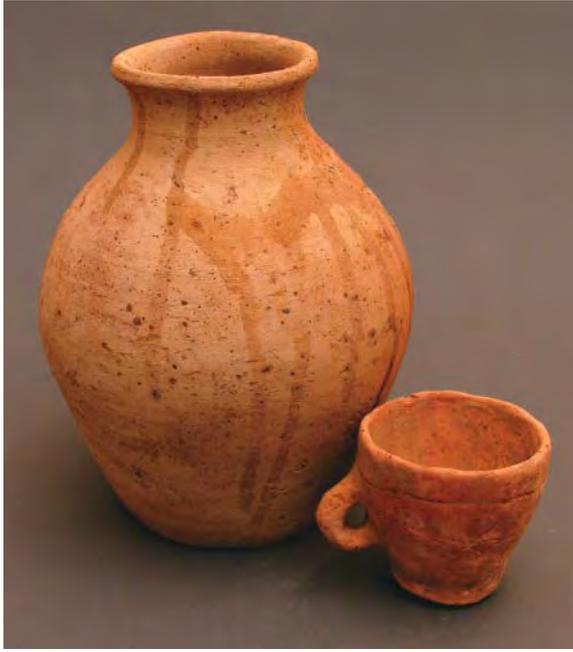

3

Некрополь Борижары. Наусы

1

Борижары, керамика из катакомб

2

Зеркало из катакомбы

1

Ножи из наусов

2

Сурьматаши из наусов

1

Сурьматаши из наусов

2

Наконечники стрел из наусов

1

Борижары. Керамика из наусов

2

Изделия из наусов. Бронза

1

2

3

4

Украшения из наусов

Округ Кенджиде, городище Культабе. Плитки с согдийскими надписями

Глава VI

Урбанизация на территории Казахстана в VII – первой половине IX в.

Таблица 49

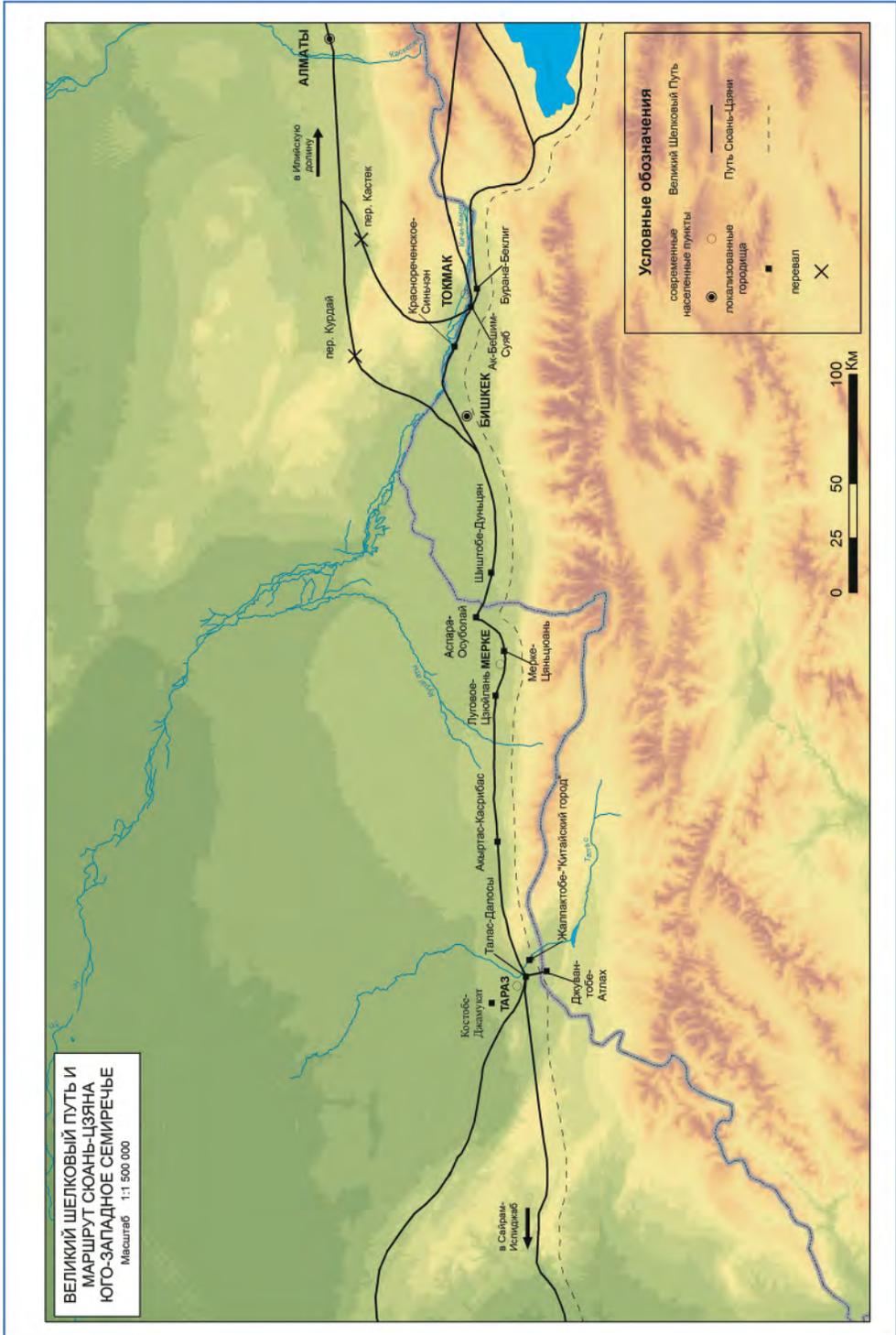
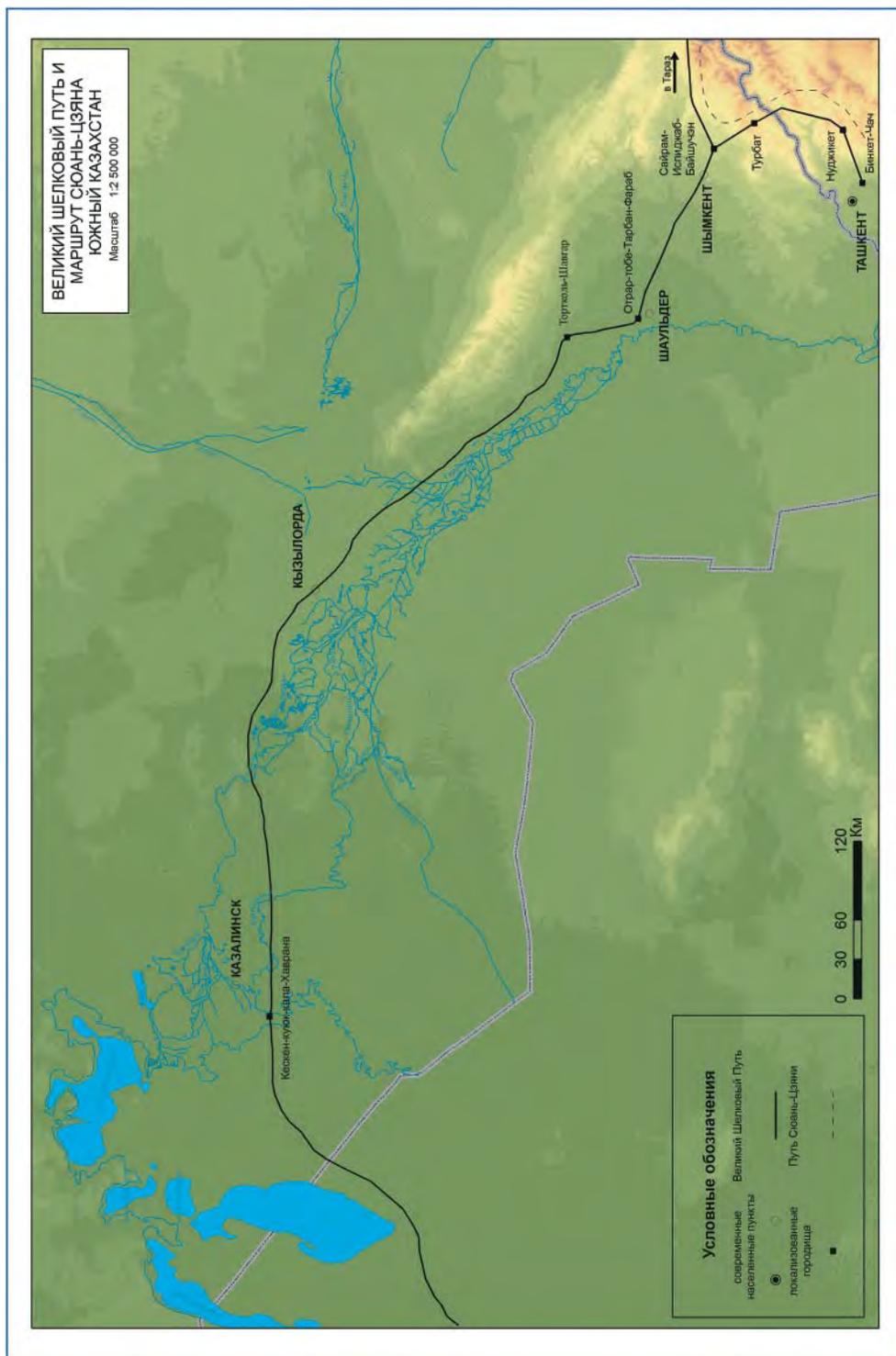

Таблица 50

1

Навакет. Монета тухусов. VIII в.

2

Акырtaş. Камень с рунической надписью

1

Городище Куйрыктобе. Парадный зал дворца

2

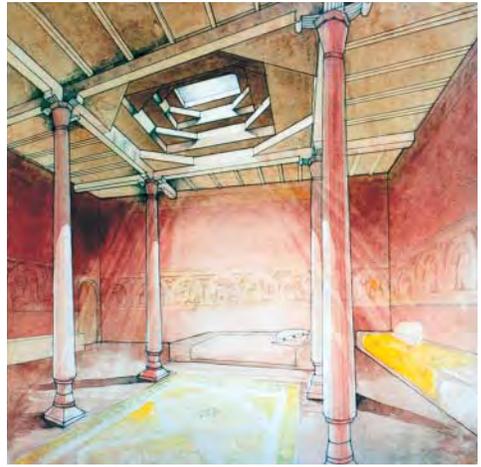
Городище Куйрыктобе. Остатки стен парадного зала дворца

1

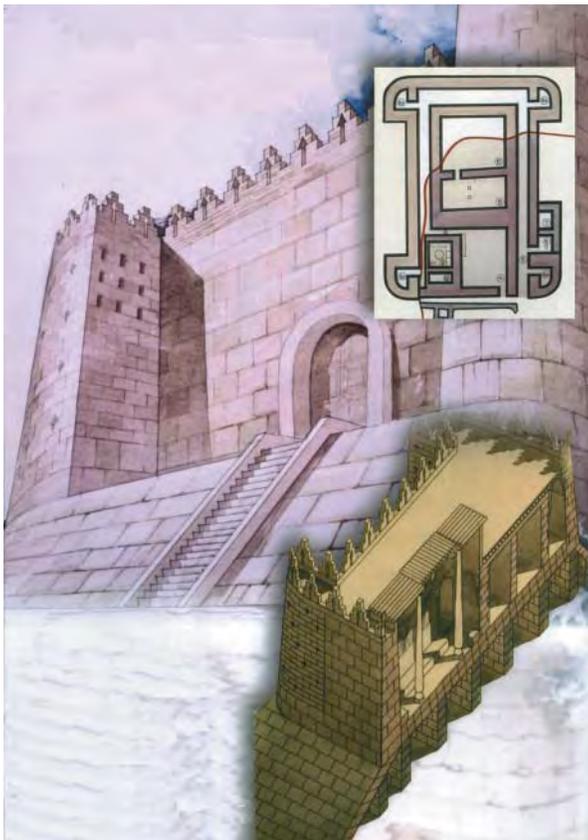
Городище. Куйрыктобе. Вход в цитадель и во дворец. Графическая реконструкция З.Ж.Шарденовой

2

Перекрытия парадного зала. Графическая реконструкция З.Ж.Шарденовой

3

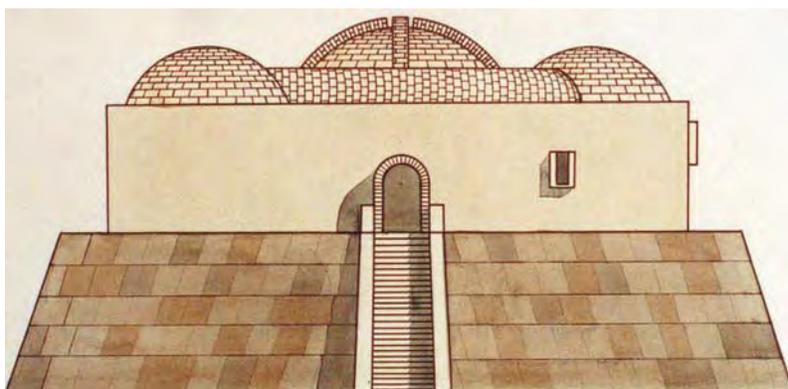

План и реконструкция дворцового комплекса. Графическая реконструкция З.Ж.Шарденовой

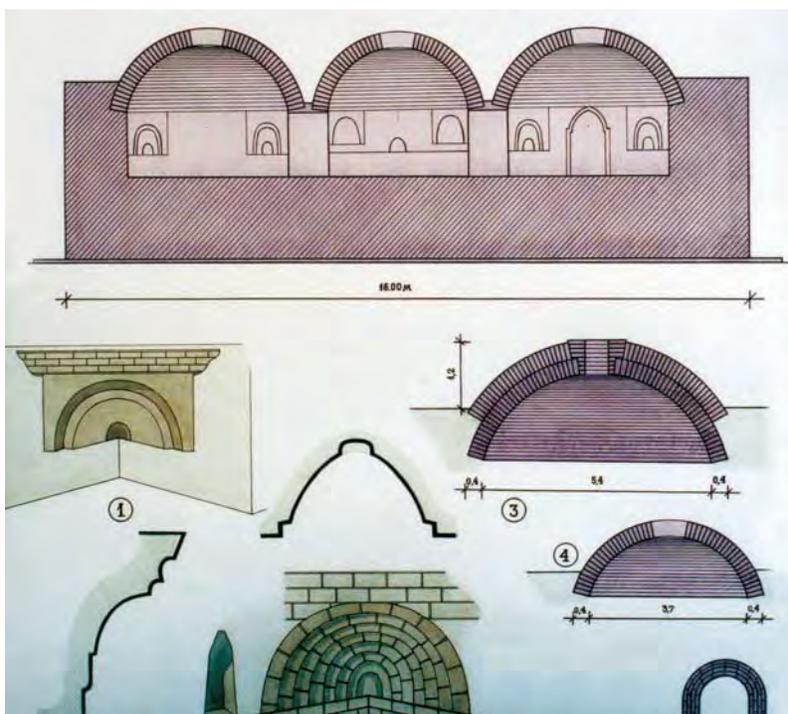
1

2

3

Городище Баба-Ата. Фасады и разрезы с элементами реконструкции З.Ж.Шарденовой

1

Комплекс Акыртас. Дворец

2

Комплекс Акыртас. Кладка башни

3

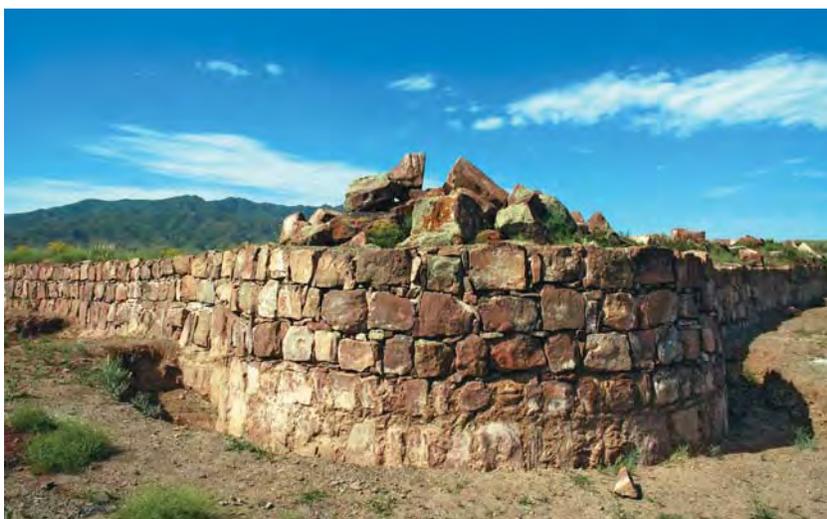
Комплекс Акыртас. Улица (сверху) и вход

1

*Комплекс Акыртас.
Обломок поливного кувшина*

2

Комплекс Акыртас. Северо-западная башня

3

Комплекс Акыртас. Каменные бассейны

Таблица 57

Городище Луговое. Дворцовый комплекс, входной коридор

1

*Городище Куйрыктобе.
Реконструкция богатого дома (архитектор З.Ш.Шарденова)*

2

Куйрыктобе. Большой дом, центральный зал

1

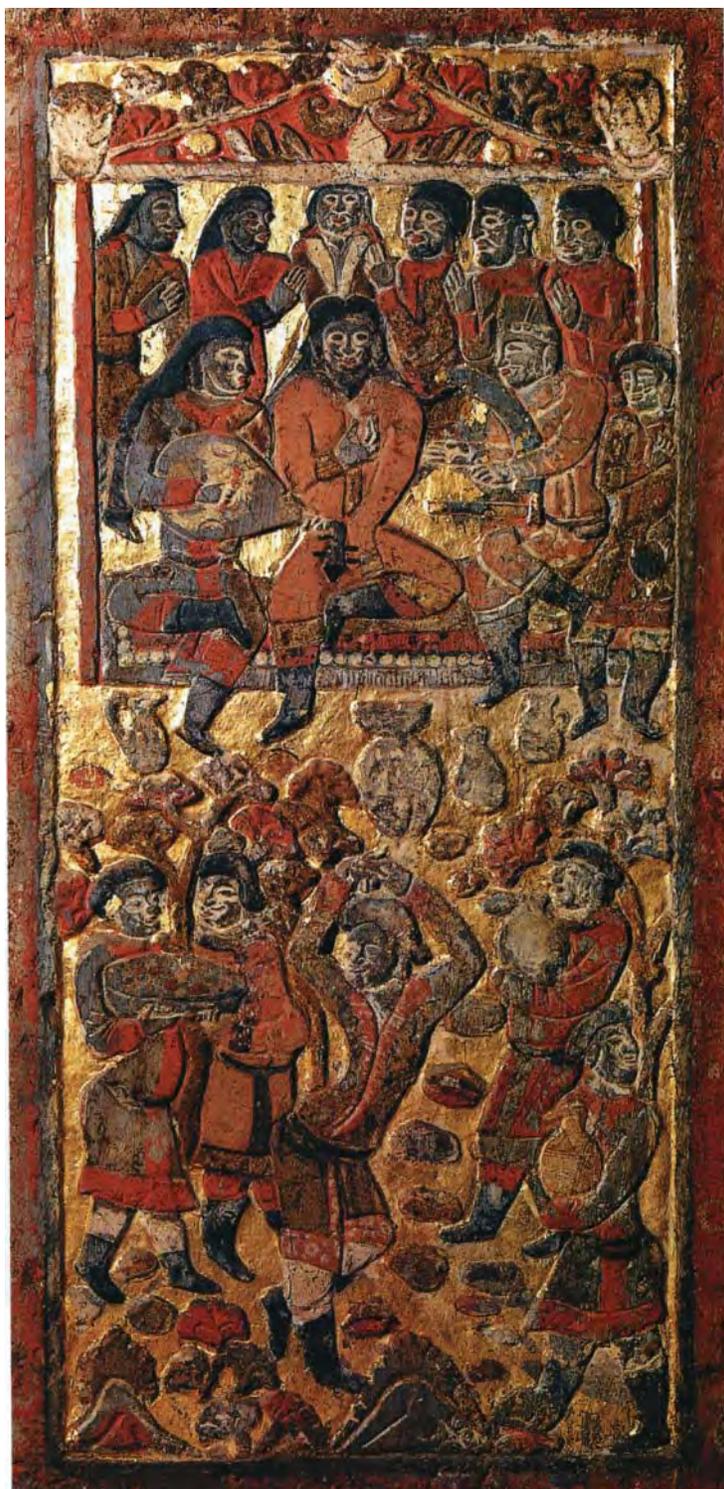

Городище Костобе. Раскопки некрополя

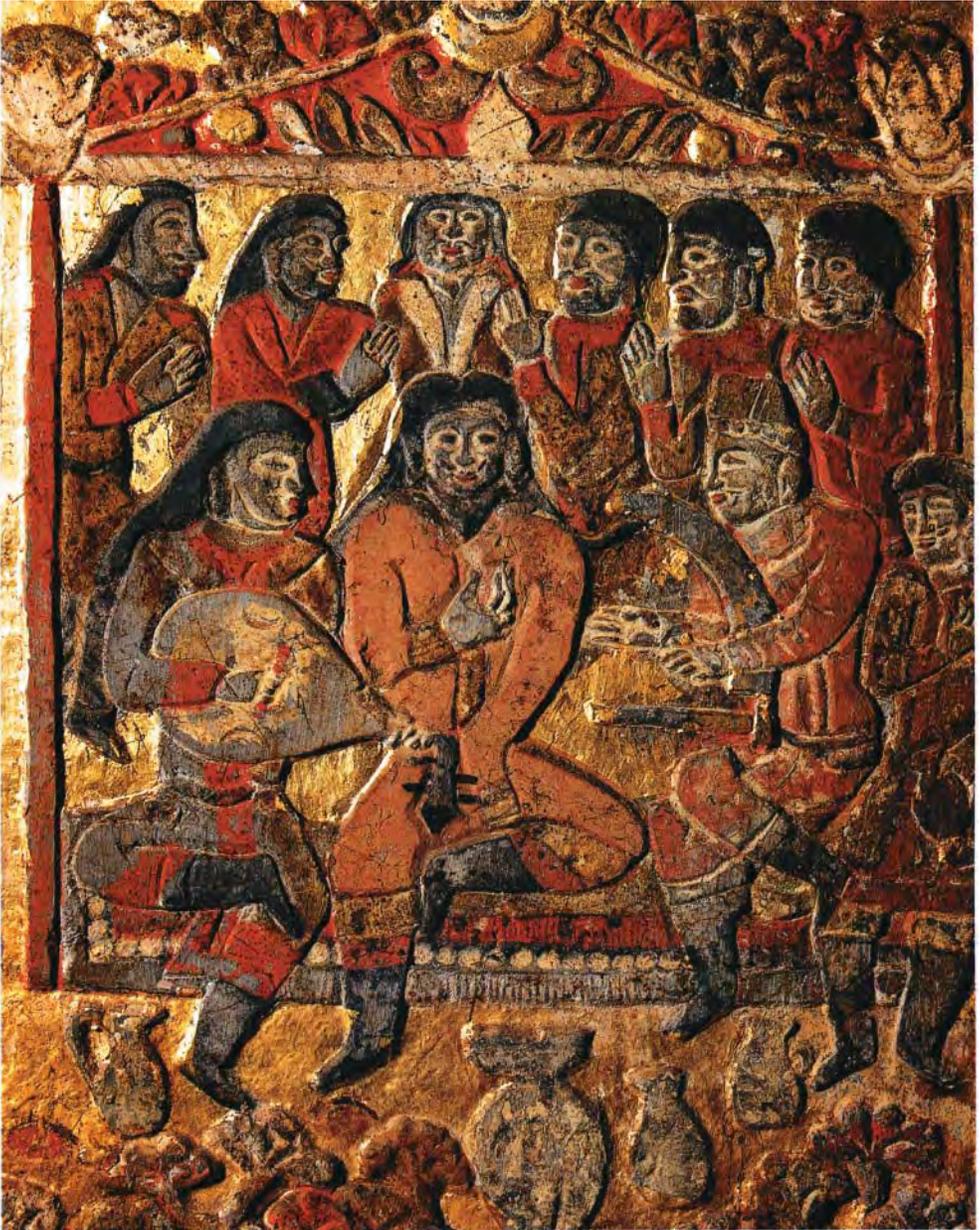
2

Священная гора древних тюрков

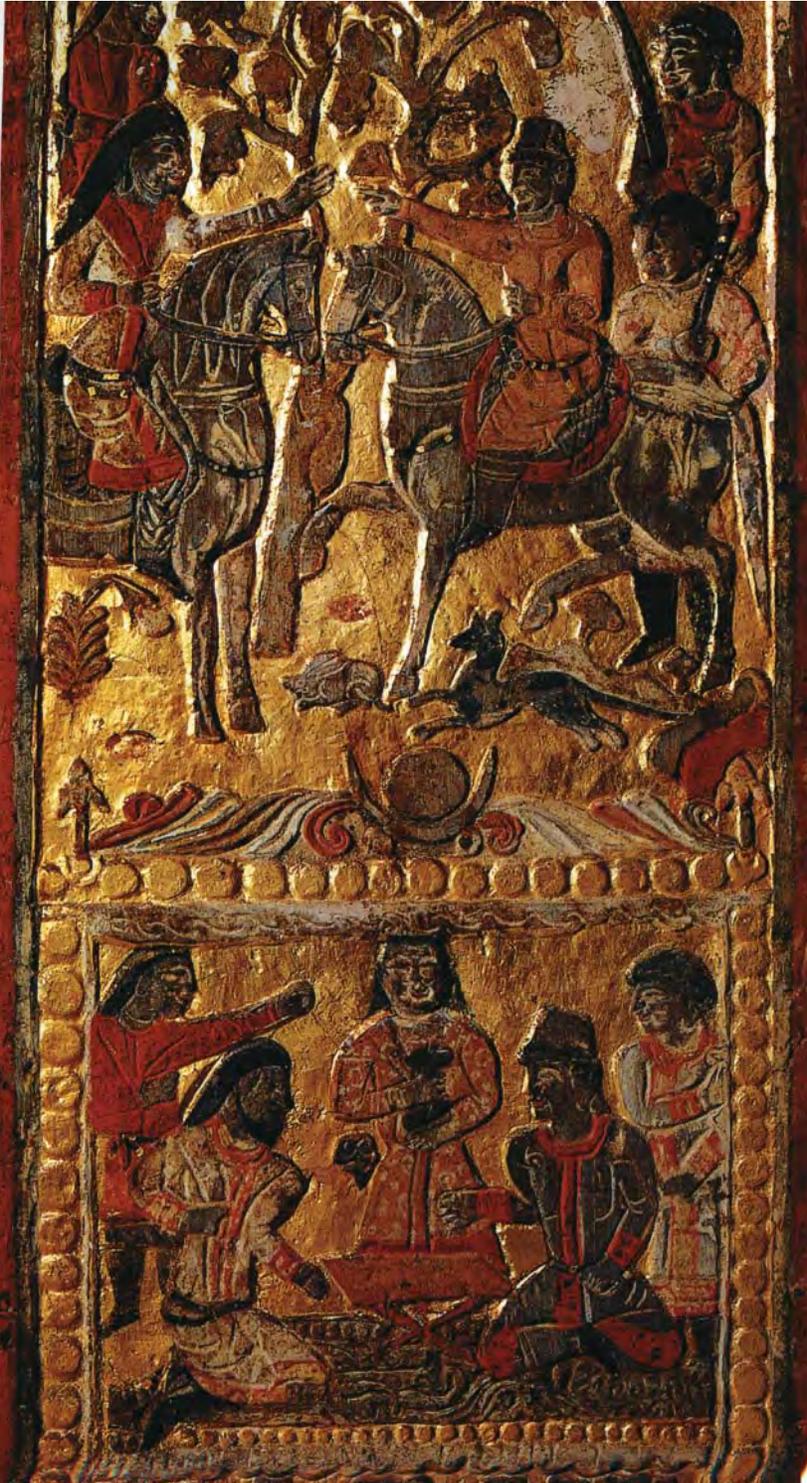
Прием Аньзя знатного тюрка

Прием Аньцзя знатного тюрка (фрагмент)

Прием Аньзя знатного тюрка (фрагмент)

Встреча Аньзя и знатного тюрка

Аньзя и согдийские купцы в ставке знатного тюрка

Аньюза и согдийские купцы в ставке знатного тюрка (фрагмент)

Прием Аньцзя знатного тюрка

Прием Аньзья знатного тюрка (фрагмент)

Тюрки и согдийцы на охоте

Саркофаг Юйхуня. Знатный тюрк на охоте

1

Древние тюрки. Монеты чеканенные в Чаче

Древние тюрки. Каменное изваяние и тамги. Жетысу

1

Древние тюрки. Каменные изваяния. Жетысу

2

3

Древние тюрки. Наскальные рисунки

4

Адепты Манихейской религии

1

Чуйская долина. Сосуд в виде согдийца

2

Тараз. Согдийский сосуд

Тараз и Отрар. Согдийские кувшины

1

2

3

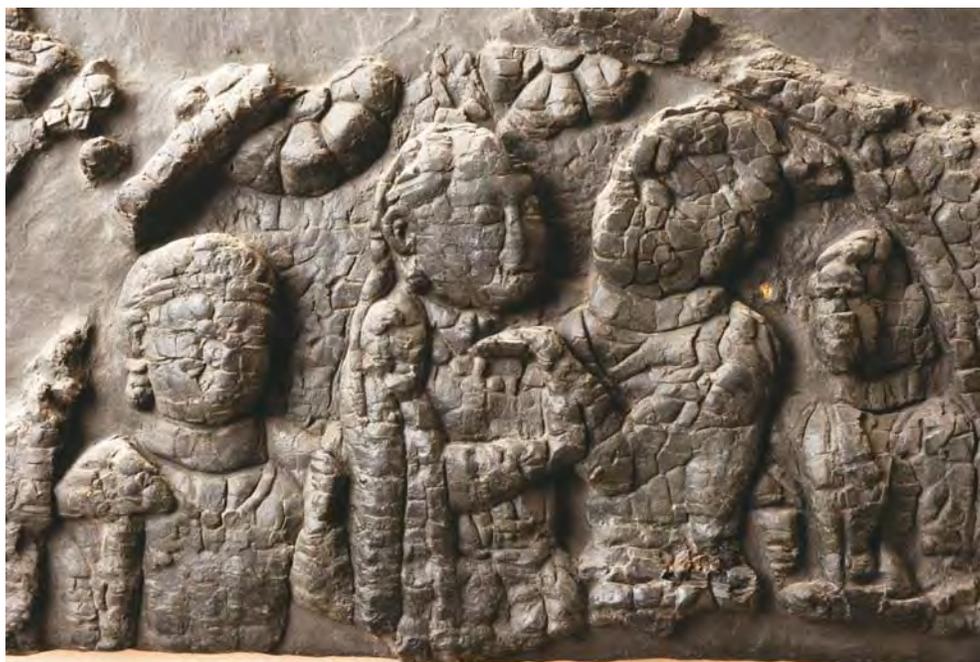

Резные доски из Куйрыктобе

1

2

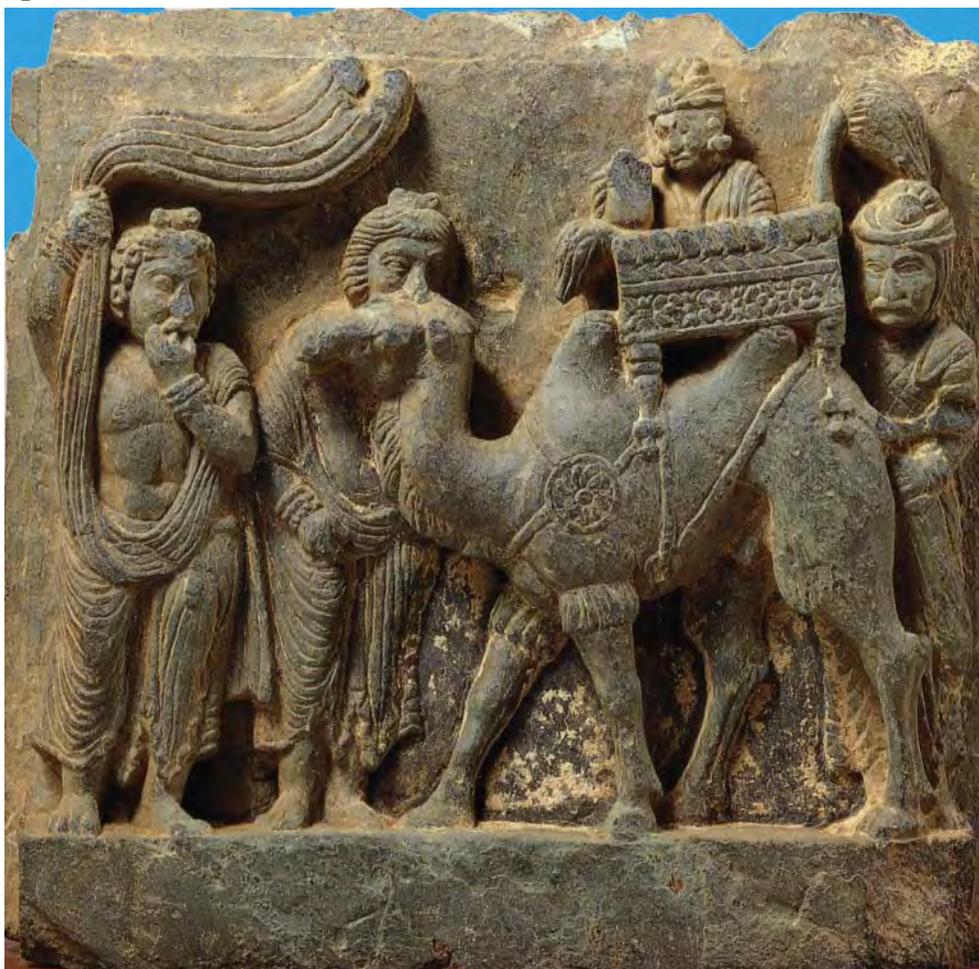
Резные доски из Куйрыктобе

1

Рисунок на оссуарии: жрецы у светильника

2

Перевоз буддийских реликвий